

Годъ

РУКОВОДСТВО
ДЛЯ

1885
XXVI.

СВЯТЫХ ПАСТЫРЕЙ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
пять руб., съ пересылкою шесть
рублей серебромъ.

№ 18.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Кіевской
духовной семинаріи.

1885 года, Апрѣля 28-го.

Содержаніе: Вѣчная память.—Изъ разговора священника съ протестан-
томъ о многочисленности разныхъ вѣроисповѣданій.—По поводу новыхъ
нападокъ на духовенство.

Вѣчная память.

(Въ назиданіе равно мірскимъ и духовнымъ лицамъ).

— „Вѣчная, вѣчная память“!... Какія это глубокія, трогательныя слова!—Сколько въ нихъ чувства, душевной теплоты, сердечности!!!...

Такъ разсуждала одна благочестивая женщина, возвращаясь однажды съ нами изъ кладбища, послѣ похоронъ близкой намъ обонимъ, знакомой особы...

— „Вѣчная, вѣчная память“... еще звучало въ ушахъ нашихъ, вѣстѣ съ грохотомъ первой земляной глыбы, брошенной на гробъ въ могилѣ,—и на самомъ дѣлѣ какою-то теплою грустью слова эти отражались въ душѣ, заставляя ее не то плакать, не то съ мольбою обращаться ко Господу, чтобы въ немъ искать утѣш-

БИБЛИОТЕКА
Московская
Православная

нѣ и утѣшеніа въ драгоценной потерѣ, только что понесенной въ лицѣ усопшаго.

— Но неужели провозглашеніе „вѣчной памяти“ должно возбуждать въ насъ одни только чувства? Нѣтъ ли въ этихъ словахъ смысла столь же глубокаго, не заключается ли въ нихъ мыслей и думъ, столь же трогательныхъ и знаменательныхъ, сколько заключается въ нихъ чувства, теплоты и сердечности?...

Такъ размышляя, мы попробовали справиться по тому же предмету у другихъ, — и къ удивленію нашему, мы должны были убѣдиться, что въ большинствѣ случаевъ не только женщины, но и самые серьезные мужчины несравненно болѣе расположены пекать въ означенныхъ словахъ дѣйствія на сердце и чувство, чѣмъ на умъ, волю и дѣятельность...

А между тѣмъ стоитъ только размыслить серьезно, чтобы убѣдиться совершенно въ противномъ.

— „Вѣчная память“! — Какой это памяти и отъ кого святая Церковь желаетъ усопшему, провозглашая ему эти слова?

I.

Само собою разумѣется, что прежде всего въ этомъ случаѣ Церковь имѣетъ въ виду всѣхъ, остающихся въ живыхъ, родныхъ, присныхъ и знакомыхъ усопшаго... И какъ необходимо, и умѣстно во всѣхъ отношеніяхъ это материнское желаніе ея!... Говорятъ, что священнослужители, участвуя постоянно въ погребеніяхъ покойниковъ, поневолѣ огрубѣваютъ въ своихъ чувствахъ, и отъ того болѣею частію бываютъ хладнокровны тамъ, гдѣ у другихъ сердце надрывается отъ горя и печали... Можетъ быть, это и такъ: къ чему человѣкъ не привыкаетъ. Извѣстный „Шильонскій узникъ“ вздохнулъ даже по тюрьмѣ, въ которой невинно провелъ лучшіе годы въ цѣняхъ, во тьмѣ и голодѣ, — будучи освобожденъ изъ нея. Но кому неизвѣстно также, что тѣмъ же священнослужителямъ приходится иногда встрѣчать при

погребеніяхъ такіа надрывающія сцены, такіа ужасныя потрясенія, которыя не только заставляютъ рыдать самыхъ хладнокровнѣйшихъ, но и остаются въ памяти до самой кончины многихъ изъ нихъ. Что, въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть ужаснѣе и поразительнѣе, когда напр. приходится предавать землѣ отца, оставляющаго цѣлую семью безъ крова, безъ призора и куска хлѣба, или любящую и любимую жену, отнятую у мужа внезапно, или вслѣдствіе какой либо неожиданной болѣзни, или отъ какой либо катастрофы въ родѣ пожара, крушенія поѣзда? и проч. и проч. Перечестъ всѣ роды подобнаго рода потрясающихъ картинъ и обстоятельствъ значило бы изложить исторію всѣхъ ужаснѣйшихъ смертей, нѣтъ же нѣтъ легионъ, а легионы легионовъ, тысячи тысячъ...

Между тѣмъ,—смотришь,—проходитъ годъ, другой, проходятъ мѣсяцы, а иногда даже и недѣли, и та вдова, которая готова была, повидимому, ринуться въ могилу за мужемъ, чтобы заживо погребсти тамъ вмѣстѣ съ собою и съ нимъ свою любовь къ нему,—тотъ самый мужъ, который, казалось, радъ былъ бы всею душею умереть, прощаясь съ драгоценнымъ прахомъ жены,—уже поглощены круговоротомъ жизни; всѣ тѣ слезы, которыя такъ обильно они проливали, засохли; и та могила, которая еще вчера была украшена цвѣтами любви и воспомина-нія, сегодня стоитъ одинокою, какъ могила безроднаго старца, или несчастнаго сироты бездомнаго...

И такъ бываетъ въ обстоятельствахъ особенныхъ, экстренныхъ, выдающихся, изъ ряда выходящихъ. Что же сказать о тѣхъ случаяхъ, когда нѣны нарочито ждутъ не дождутся смерти того или другаго лица, чтобы поскорѣе освободиться отъ него вслѣдствіе его напр. долго тянувшейся болѣзни, или чтобы получить наслѣдство, имѣющее достаться имъ по кончинѣ покойника? Тутъ больше радуются о смерти, чѣмъ плачутъ,—и тѣмъ скорѣе забываютъ усопшаго, чѣмъ больше удовольствія онъ оставилъ своею смертію, однихъ освободивши отъ докучливаго ухода

за нимъ, или другихъ наградивши вождѣннымъ богатствомъ и т. п.

Не говоримъ уже о томъ, какъ скоро забываемъ мы своихъ ближнихъ по ихъ кончинѣ вообще; какъ часто достаточно иногда какихъ нибудь пяти—шести дней, чтобы не только цѣлый городъ, но и самые заинтересованные лица перестали говорить о самой трагической, феноменальной смерти... Это факты самые заурядные, самые обыкновенные въ жизни.

И благодареніе Господу милосердному, что въ подобныхъ обстоятельствахъ дарована намъ, по самому существу природы нашего духа, способность забвенія. Еслибы тѣ раны, которыми поражаютъ душу и сердце при смертной разлукѣ съ дорогими существами, не врачевались отъ времени, еслибы не ослабѣвала и не уменьшалась такъ или иначе эта скорбь, которая иногда выворачиваетъ всю душу при опущеніи въ могилу отца или матери, жены или любимого дитяти, — то люди были бы самыми несчастнѣйшими существами на землѣ. Но забвеніе забвенію рознь. Когда жгучая печаль по дорогомъ покойникѣ смѣняется тихой грустью, или когда вопли отчаянія по немъ переходятъ въ сердечные вздохи любви, молитвы и упованія, то это не забвеніе, а напротивъ памятованіе, тѣмъ болѣе заслуживающее своего наименованія, что оно изъ акта первоначальной, часто безумной, и потому нерѣдко пассивной, безсознательной скорби становится дѣломъ нашего постоянного, сознательнаго отношенія къ покойнику, самого непосредственнаго, ближайшаго отношенія къ нему.

И вотъ объ этой то памяти къ нашимъ усопшимъ роднымъ и знакомымъ прежде всего и напоминаетъ намъ святая Церковь, провозглашая „вѣчную память“ покойникамъ. Какъ бы такъ говорить она въ этомъ случаѣ: „не забывайте никогда никого носѣ его смерти; пусть воспоминаніе объ усопшихъ постоянно живетъ среди васъ; пусть ихъ образы непрестанно явятся передъ вами“... Почему такъ? Потому во первыхъ, что союзъ живыхъ съ умершими, какъ и умершихъ съ живыми не расторгается

смертію, а остается, какъ былъ и при жизни, съ тою только разницею, что, оставаясь въ этомъ мірѣ, среди его заботъ и суеты, мы можемъ забывать о покойникахъ, а они о насъ никогда...

И никогда, никогда—по той простой причинѣ, что съ кончиною своею усопшій разъ на всегда уноситъ съ собою за предѣлы гроба во всей полнотѣ все, чѣмъ жила его душа на этомъ свѣтѣ, все, что любила и чѣмъ увлекалась, со всеми земными своими симпатіями, чувствованіями и желаніями. Что же должна чувствовать такая душа, когда вдругъ вмѣсто желанной, заветной любви и памяти отъ насъ она встрѣчаетъ здѣсь холодность къ себѣ или забвеніе? Кто знаетъ, не взгрустнется ли иной душѣ при этомъ даже среди радостей и утѣхъ блаженства одескаго?...

Тѣмъ болѣе, что сказать о тѣхъ душахъ, которые, умирая, не успѣваютъ принести плодовъ достойныхъ покаянія, и потому, какъ учитъ святая Церковь, послѣ разлученія съ тѣломъ отходятъ въ адъ, въ мѣсто скорби и печали? И для нихъ правда есть надежда спасенія. Но отъ кого и какъ? По безконечной благодати Божіей, чрезъ молитвы Церкви и благотворенія, совершаемыя живыми за умершихъ... „Не напрасно, пишетъ св. Іоаннъ Златоустъ, узаконено Апостолами творить предъ страшными тайнами поминовеніе объ усопшихъ; они знали, что великая бываетъ отъ сего польза для усопшихъ, великое благодѣяніе... Не напрасно бываютъ припоминовенія за усопшихъ, не напрасно моленія, не напрасно милостыня; все это установилъ Духъ Святой, желалъ, чтобы мы получали пользу другъ черезъ друга“...

И послѣ всего этого я дерзаю забыть о дорогомъ покойникѣ, и по причинѣ этого забвенія перестаю молиться за него, подавать за него милостыню?... Можетъ ли быть что нибудь жесточе и безчеловѣчнѣе такого поступка? Или вотъ, я получилъ отъ усопшаго наслѣдство, и перестаю помнить его... Можетъ ли быть что неблагодарнѣе и непростительнѣе? А такъ, или иначе

поступаемъ мы чуть ли не всё, — забывая въ то же время самую простую, но вмѣстѣ и самую ужасную истину, что, отказывая въ своихъ молитвахъ и предстательствѣ за усопшихъ предъ Богомъ, мы заставляемъ чрезъ это, самымъ безсовѣстнѣйшимъ образомъ, оставаться въ адскихъ мукахъ тѣхъ же самыхъ своихъ прес-
ныхъ, ближнихъ и знаемыхъ и такъ оставляемъ ихъ страдать несравненно долѣе и болѣе, чѣмъ это было бы при нашихъ мо-
литвахъ и благотвореніяхъ за нихъ.

„О, вѣчная, вѣчная вамъ память“, дорогие! „Вѣчная па-
мять“, — чтобы мы молились за васъ, не переставая; „вѣчная
память“, чтобы не забывали подавать за насъ милостыни и совер-
шать другія благотворенія; „вѣчная память“, чтобы особенно
заботились совершать поминовенія о васъ на божественной литур-
гій... Ибо, какъ учить св. Церковь наша, „многіе изъ грѣшни-
ковъ освобождаются изъ уязъ ада, не покаяніемъ и исповѣдію,
но за благотворенія людей, находящихся въ живыхъ, за молитвы,
возносимыя о нихъ Церковію, и особенно за безкровную жертву,
которую Церковь ежедневно приносить вообще за всѣхъ живыхъ
и мертвыхъ, равно какъ и за каждого изъ насъ порознь, такъ
какъ Христосъ умеръ за всѣхъ“ (Правосл. Исповѣданіе).

„Итакъ, скажемъ словами же Церкви, мы непремѣнно дол-
жны молиться за умершихъ, приносить безкровныя жертвы, давать
милостыни за нихъ; ибо сами они не могутъ дѣлать сего за себя“
(Тамъ же). А это именно, въ сокращенномъ видѣ, и заповѣ-
дуются намъ паче всего провозглашеніемъ „вѣчной памяти“ усоп-
шихъ, по уставу церковному...

Нечего и говорить само собою, какъ также „вѣчная па-
мять“ съ нашей стороны по отношенію къ усопшимъ необходима
для того, чтобы усопшіе съ своей стороны имѣли, такъ сказать,
больше основанія памятовать о насъ и молиться за насъ, а глав-
нымъ и существеннымъ образомъ для дѣйственности самой этой
ихъ молитвы за насъ предъ Богомъ... И простое наблюденіе удо-
стоверяетъ насъ, что дѣйствіе одной души на другую возможно

только при взаимодействии съ той и другой стороны, при взаимномъ ихъ сочувствіи другъ къ другу. Какъ же душа умершаго можетъ дѣйствовать на меня и за меня, когда сама память объ умершемъ изгладилась у меня, и я давнымъ давно пересталъ и думать о ней. Тѣмъ болѣе можетъ ли Господь Богъ, по безконечному правосудію Своему, внять таковой молитвѣ? Не долженъ ли Онъ напротивъ карать меня за это забвеніе, за это непростительное невниманіе къ усопшимъ, потому что, поступая такимъ образомъ, мы грѣшимъ не только противъ однихъ усопшихъ, но и противъ Самаго Господа, установившаго, по Своему неизрѣчному милосердію, отъ вѣка помпование усопшихъ и для этого въ лицѣ святой Церкви зановѣдавшего имъ пѣть: „вѣчную память“.

II.

Ко всему этому нельзя не принять во вниманіе еще слѣдующаго. Кто ближе и внимательнѣе присматривался къ проявленіямъ современной жизни, тотъ, безъ сомнѣнія, не могъ не замѣтить тѣхъ особенностей, которыя въ числѣ другихъ прокрадываются и въ наши погребальныя обычаи. Особенности эти состоятъ въ томъ, что теперь не бываетъ у насъ почти ни одного, болѣе или менѣе выдающагося погребенія, на которомъ бы не фигурировали вѣнки разнаго рода, такъ что нѣкоторые образцы даже, по количеству и достоинству вѣнковъ, возложенныхъ на гробъ или на могилу того или другаго покойника, принято судить объ общественномъ значеніи усопшаго, уваженіи къ нему, и т. п. Нечего сказать, — и вѣнки дѣло хорошее, какъ и вообще всякіе цвѣты, которыми мы украшаемъ гробъ или могилу покойника, какъ выраженіе нашей любви къ усопшимъ и братскаго пожеланія, чтобы ихъ жизнь снова расцвѣла въ надеждѣ воскресенія, и цвѣла въ будущей жизни, какъ эти цвѣты красуются на землѣ. Но вотъ что заслуживаетъ вниманія въ этомъ обстоятельствѣ. Если не ошибаемся, въ старые годы вѣнки въ особенности во

играли такой роли въ нашемъ православномъ погребеніи, какъ это видимъ въ настоящее время. Судя по всему, обычай этотъ мы заимствовали изъ запада, и что всего печальнѣе, заимствовали его со всѣми крайностями моднаго западно-европейскаго либеральнаго, или вѣрнѣе сказать, языческаго, чуждаго всякой вѣры, отношенія къ усопшимъ. Иначе, какъ объяснить наприм. слѣдующее? Пришли люди на похороны съ вѣнками, чтобы сопровождать съ ними погребальную процессію, донесли свои вѣнки до церкви, и сейчасъ же спѣшать на погостъ церковный, чтобы на свободѣ потараторить, покурить, „пока тамъ въ церкви идетъ отпѣваніе“... Или доносятъ вѣнки къ могилѣ, вотъ и положили ихъ, куда слѣдуетъ, но никто и руки не подниметъ, чтобы хоть осѣнить себя крестнымъ знаменіемъ во имя усопшаго... Кто станетъ отрицать, что это бываетъ у насъ сплошь и рядомъ. Скажите же, не чисто ли по язычески это?

Тѣмъ паче не только съ христіанской, но даже съ общечеловѣческой точки зрѣнія никакъ нельзя оправдать тѣхъ, которые во дни поминовенія усопшихъ, какъ это все больше и больше входитъ у насъ въ моду, „по заграничному“, приносятъ на могилы своихъ родственниковъ и знакомыхъ богатѣйшіе вѣнки и букеты, и жалѣютъ въ то же время, или нарочито даже не хотятъ пожертвовать нѣсколько копѣекъ, чтобы подать за ѿ нихъ на частицу или отслужить панихиду надъ ихъ прахомъ и т. п. Еслибы насъ спросили, то и на счетъ вѣнковъ при похоронахъ, мы сказали бы, не обинуясь, во имя Христова, что несравненно было бы полезнѣе для душъ усопшихъ вмѣсто того, чтобы расточать деньги на эти вѣнки, употребить тѣ же деньги для раздачі нищимъ, чтобы они помолились за усопшихъ. Но если ужъ такъ принято, то хоть во дни молитвы и поминовенія о покойникахъ безусловно необходимо соединять съ вѣнками и цвѣтами и поминовеніе за нихъ на божественной литургіи, раздаваніе милостыни, и т. п. Иначе скажите, какая польза можетъ быть отъ этихъ вѣнковъ и цвѣтовъ

усопшимъ? Правда, это тоже своего рода „память“ по усопшихъ съ нашей стороны; но память невѣчная и сама по себѣ, безъ соединенія съ молитвою, какъ мы уже сказали, языческая, бесполезная и потому бессмысленная. Неужели же намъ христіанамъ поступать, яко же прочіи немущіи упованія?

То же самое, конечно, надобно сказать и о тѣхъ памятникахъ, которые суетность заставляеть насъ воздвигать надъ могилами нашихъ присныхъ и знаемыхъ. Придешь на нное кладбище: здѣсь мраморъ, тамъ бронза, тамъ камень,—все это какъ будто давить покойника подъ могильною насыпью,—и благо, если покойникъ этотъ заслужилъ еще, такъ или иначе, право на память потомства; по крайней мѣрѣ означенная бронза, мраморъ, камень и проч. служатъ указаніемъ на мѣсто его погребенія въ воспоминаніе родамъ грядущимъ. Можно согласиться и съ тѣми памятниками, которые ставятся на могилахъ родными, обладающими для того всѣми необходимыми средствами... Но вотъ гдѣ горе наше: сколько есть такихъ, которые теряютъ послѣднее, чтобы поставить памятникъ надъ могилою того или другаго роднаго человѣка, а не имѣютъ за что или не хотятъ помянуть его, какъ слѣдуетъ, по христіански молитвою и благотвореніемъ? И для кого ставятся эти памятники надъ подобными людьми? Развѣ не извѣстно всѣмъ и каждому, развѣ то не самая вѣрѣйшая, непреложная истина, что могила дорога только для людей самихъ близкихъ: для дѣтей, для мужа, для жены? А дальше для кого? Ни для кого, въ особенности въ наше время, когда родственныя отношенія служиваются все больше и больше до такихъ предѣловъ, что внуки уже не хотятъ знать дѣдушекъ и бабушекъ своихъ, а двоюродные братья и сестры едва считаются родными; видите ли, это кузны, а кузпы за границею даже могутъ жениться одни на другихъ. Какъ же намъ не подражать Европѣ? И выходитъ отъ того, что не пройдетъ иногда десятковъ двухъ лѣтъ, какъ памятникъ, сооруженный съ самою крайнею заботливостію, разрушается,—вслѣдствіе чего между прочимъ наши

кладбища, въ особенности провинціальныя, но большей части представляют такія развалины, при видѣ которыхъ душа невольно сжимается, и такъ и хочется сказать съ Соломономъ: суета суетъ, всяческая суета...

А между тѣмъ, повторяемъ, душамъ покойниковъ вовсе не то нужно, — не такая и не такая нужна имъ „вѣчная память“... „Что горькія умирающихъ глаголы, вопрошаетъ святая Церковь, аже вѣщаютъ, егда отходить“? И отъ лица усопшаго отвѣчаетъ: „братій разлучаюся, друзей оставляю всѣхъ, камо убо иду, не вѣмъ; тобою Богъ призванный мя (вѣдаетъ). Но память творите о мнѣ съ пѣсію: Аллилуіа“ (Изъ чина погребенія священниковъ). Да, — усопшімъ нужна только память молитвенная, — и потому, чѣмъ тратиться на памятники, всего лучше тѣ же деньги вложить или прямо на поминъ души, „на вѣчное поминовеніе“, или же приобрести для той же цѣли какую либо необходимую вещь для церкви и т. п. Чудно бываетъ: смотришь, вокругъ нной кладбищенской церкви надгробные памятники стоятъ въ сотни и тысячи рублей, а сама церковь чуть не валится, тогда какъ денегъ, употребленныхъ на одинъ изъ этихъ памятниковъ было бы вполне достаточно, чтобы не только исправить, но и благоукрасить ее совершенно... Покойникамъ нужны благотворенія, — и потому вмѣсто ненужныхъ расходовъ на мраморъ, бронзу или дорогой камень, лучше положить предъзначаемыя на это деньги въ какое либо подходящее учрежденіе, для раздачи процентовъ, въ память усопшихъ, нищимъ и т. д. Вотъ это будетъ настоящая „вѣчная память“ по покойникамъ. Ибо все на свѣтѣ можетъ уничтожиться, разрушиться, а Церковь будетъ существовать до скончанія вѣка, а потому и молиться будетъ за всѣхъ нашихъ пресныхъ и знаемыхъ во вѣки вѣковъ, до самаго послѣдняго пришествія Христова. А пока каждому изъ насъ достаточно и одного дубоваго креста на могилѣ. Доколѣ крестъ этотъ сгніетъ, уснѣютъ умереть и всѣ тѣ, кому такъ или иначе дорога могила наша. А тамъ пусть Самъ Господь бережетъ ее, пока гласъ

трубный не разбудить насъ купно съ другими на страшное судище Христово.

Есть и еще одинъ родъ памяти объ усопшихъ, практикуемый преимуществу въ наше время и состоящій, какъ извѣстно, въ томъ, что умирающіе или вмѣсто ихъ другіе стараются записывать деньги на учрежденіе разнаго рода учебныхъ заведеній, стипендій и т. п. И это дѣло прекрасное. Чего же лучше и желать намъ какъ не свѣта науки въ особенности по отношенію къ молодому поколѣнію? Но съ этимъ вмѣстѣ нельзя не пожелать также и того, чтобы наши завѣщатели въ данныхъ обстоятельствахъ побольше заботились о духовно-нравственныхъ нуждахъ учащихся, а тѣмъ болѣе сами-то учащіеся въ заведеніяхъ, устроенныхъ въ память тѣхъ или другихъ покойниковъ или стипендіаты ихъ помнили своихъ благодѣтелей и молились за нихъ. А то мы знаемъ и такіе напр. факты, да и кто не знаетъ ихъ, что стипендіаты, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ пользующіеся извѣстною стипендіею, не находили нужнымъ явиться даже на погребеніе лица, на стипендію котораго содержались. Не говоримъ уже о томъ, сколь многіе не только не молятся за благодѣтелей этого рода, но перѣдко не вѣдаютъ даже именъ ихъ. Можетъ быть, это очень современно. Но какая польза отъ такихъ стипендій и стипендіатовъ можетъ быть для самихъ усопшихъ? Желаящіе могутъ весьма легко отвѣтить на этотъ вопросъ, при-
нявши во вниманіе все выше нами сказанное.

Хотѣлось бы сказать здѣсь еще нѣсколько словъ о такъ называемыхъ у насъ „помянкахъ“ вообще. Но объ этомъ пусть говорятъ за насъ другіе. „Къ сожалѣнію и это святое и священное дѣйствіе, какъ и многое, многое, перешло въ безжизненную обрядность; и это повело къ безпорядкамъ и злоупотребленіямъ, которые едва не совершенно затемняютъ смыслъ и значеніе церковнаго поминовенія“... Въ особенности это слѣдуетъ сказать о способѣ поминовенія, практикуемаго у насъ по вопросу о подаваніи живщихъ милостыни въ память усопшихъ.

„У насъ это какъ будто и дѣлается: на могилахъ, послѣ поминаенія усопшихъ, раздаются гроши и алтыны нищимъ. Но хотъ бы кто нибудь спросилъ себя: ужели эта грошевая милостыня что нибудь значить, къ чему нибудь послужить? Вѣдь помочь бѣдному значить дѣйствительно облегчить его нужды, дать ему средства хотъ сколько нибудь вырваться изъ тяжкаго положенія... А съ грошемъ и алтыномъ что онъ сдѣлаетъ? Отъ того-то между прочимъ и происходитъ, что наши нищіе, видя въ рукахъ своихъ только гроши да алтыны, и зная, что на нихъ ничего дѣльнаго не сдѣлаешь, и даютъ имъ употребленіе самое бездѣльное: съ могилъ всегда почти отправляются въ дома веселья, и ужъ кого и что поминаютъ они тамъ, пусть наведутъ объ этомъ справки сами алтыно-раздаватели“.

„Въ прежнія времена, во дни поминаенія собирали хотъ нищихъ въ дома, и дѣлали для нихъ обѣды, за которыми прислуживали сами хозяева. Тутъ по крайней мѣрѣ были въ основаніи слова Спасителя: взалкался, и дасте Ми ясти, возжадался и напоите Мене... Чѣмъ же мы замѣняемъ это“?

Обѣдами, да еще какими! „Спаситель нашъ вообще сказалъ о званныхъ обѣдахъ: когда сдѣлаешь обѣду или ужинъ, не зови друзей твоихъ, ни братьевъ, ни родственниковъ твоихъ, ни сосѣдей богатыхъ, чтобы и они когда тебя не позвали, и не получилъ ты воздалніа. Но когда дѣлаешь пиръ, зови нищихъ, увѣчныхъ, слѣпыхъ, и блаженъ будешь, что они не могутъ воздать тебѣ; ибо воздастся тебѣ въ воскресеніе праведныхъ. А тутъ пиръ во всемъ значеніи слова, изъ нѣсколькихъ десятковъ гостей... И все это ѣсть, пьетъ, и если не веселится шумно, то я не задумывается о томъ, что два три часа назадъ проводили одного изъ своихъ на вѣчный покой, что душа его трепетная предстоить престолу Господню съ отчетомъ о дѣлахъ, словахъ и помыслахъ всей своей жизни! Пиръ

въ тѣ самыя минуты, когда этой душѣ, можетъ быть, изрекается приговоръ осужденія... Пиръ въ то время, когда быть можетъ, она уже предчувствуетъ вѣчное отверженіе свое отъ Господа Бога, вѣчное общеніе съ духами тьмы, и отчаянная истощается въ безплодныхъ проклятійхъ прожитой жизни“, отъ которыхъ можетъ избавить ее одна только молитва наша и дѣйствительныя благо-творенія въ память ея. „И это называется поминовениемъ!... Вѣдь это чистѣйшее язычество; именно оно объядениемъ и пьянствомъ поминало своихъ почившихъ и затѣмъ плясало на могилахъ ихъ... Спрашивается, чего тутъ больше, безсмыслія ли, пренебреженія ли къ уставу церковному объ истинномъ поминовении усопшихъ, или презрѣнія къ заповѣди Самаго Спасителя“?...

„И нужно жъ было, скажемъ словами почтеннѣйшаго автора, изъ котораго мы позаимствовали вышеприведенныя слова, нужно жъ было такъ опошлить, такъ постыдно уничтожить святую и спасительную заповѣдь и заботливость церкви объ участи умершихъ, изъ-за чего враги православія, по всей справедливости, самое поминовение наше называютъ остатками язычества!!!!... О, какъ мы ужьемъ все исказить и изуродовать своими преступными злоупотребленіями! А изъ-за нихъ-то, изъ-за этихъ злоупотребленій хулится святая Церковь, ни во что ставятся ея спасительныя заповѣди“¹⁾. Это ли „вѣчная память“.

Ко всему этому, всѣ ли изъ насъ знаютъ, какъ слѣдуетъ, для чего это св. Церковь всякій разъ, по кончинѣ усопшихъ, совершаетъ по нихъ колокольный звонъ, а также съ колокольнымъ звономъ сопровождаетъ ихъ и опускаетъ въ могилу, и потомъ такимъ же звономъ заканчиваетъ панихиды по нимъ? и т. д. Считаю нужнымъ тѣмъ болѣе предложить этотъ вопросъ, что даже нѣкоторые изъ священниковъ, съ которыми намъ при-

¹⁾ О церковномъ богослуженіи. Письма къ православному. І. І. Вѣлюстна. С.-Петербургъ, 1882 г. стр. 239, 240.

ходилось толковать по этому поводу, объясняют означенный звонъ на разные лады, но отъ самой-то истины и удаляются. Нечего и говорить, какъ далеко отъ истины то простонародное воззрѣніе на колокольный звонъ по усопшихъ, что этимъ будто бы звономъ облегчается восходъ души на небо, и т. п. Дѣйствительно этимъ облегчается восходъ души, но отнюдь не потому, чтобы душа усопшаго такъ или иначе могла подчиняться дѣйствию самаго звона. Съ разлученіемъ отъ тѣла у души терлется всякая власть пользоваться чувствами; какъ же она можетъ слышать звонъ-то, не имѣя ушей? А облегчается восходъ для души отъ земли на небо чрезъ звонъ церковный потому, что этимъ звономъ св. Церковь каждый разъ напоминаетъ всѣмъ, кто слышитъ этотъ звонъ, чтобы они помолились о душѣ усопшаго. Потому-то всѣ добрые христіане, услышавши, что звонятъ по покойникѣ, сейчасъ стараются прочесть за него „со святыми упокой“... или другую какую либо молитву. Также должны мы всѣ поступать, слыша подобный звонъ, и во время провода покойниковъ въ могилу, и послѣ панихиды по усопшихъ и проч. Представьте себѣ, что вслѣдствіе этого звона все село или весь городъ помянетъ усопшихъ хоть однимъ вздохомъ предъ Богомъ. Что можетъ быть вождѣлннѣе и благодннѣе для нихъ? Но такъ ли мы всѣ поступаемъ въ этомъ случаѣ? Это вопросъ, требующій самаго серьезнаго размышленія... И не грѣшимъ ли мы тяжко предъ Богомъ, предъ Церковію, и предъ усопшими, поступая иначе? Это также вопросъ. Иначе, зачѣмъ же Церковь съ поконъ вѣку ввела звонъ по усопшихъ, и родные такъ заботятся подавать на позвонное?

Случалось намъ также слышать добрый совѣтъ, который считаемъ долгомъ предложить и своимъ читателямъ. Извѣстно, что люди умираютъ большею частію около полуночи. А потому, если кто не спитъ до 12 часовъ ночи, или проснется около этого времени, пусть прочитаетъ: „со святыми упокой Господи“. Этимъ несомнѣнно онъ облегчитъ восходъ на небо не одной души...

А послѣ этого в о насъ кто нибудь помолится... И будетъ
такимъ образомъ вѣять и вся настоящая „вѣчная память“ о
Господѣ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Прот. А. Хойнацкій.

Изъ разговора священника съ протестантомъ о многочисленности разныхъ вѣроисповѣданій.

Прот. Мнѣ думается, холодное отношеніе въ учебныхъ заведеніяхъ къ закону Божію заиметь отъ того, что ужь слишкомъ много такихъ законовъ. Пуска ли, различныхъ вѣроисповѣданій насчитывается на земномъ шарѣ болѣе тысячи, и—это помню многихъ сектъ, которыя сохрпляютъ себя въ глубокой тайнѣ! Мыслящему человѣку естественно призадуматься надъ этимъ грандіознымъ явленіемъ и усумниться въ справедливости того, что ему повѣдаютъ на урокахъ по закону Божію: отчего помню этотъ, а не другой законъ есть истинный законъ Божій?

Свящ. Во всякомъ случаѣ истинный Божій законъ долженъ быть на землѣ, иначе зачѣмъ же Самому Сыну Божію нужно было сходить на землю и давать законъ? Если мыслящему человеку есть надъ чѣмъ призадуматься въ виду множества разныхъ вѣроисповѣданій (вы напрасно берете въ счетъ и языческія вѣроисповѣданія), то онъ долженъ призадуматься надъ тѣмъ, въ слѣдствіе чего такъ много разныхъ вѣроисповѣданій,—я разумѣю христіанскіе народы,—и гдѣ сохраняется истинное вѣроисповѣданіе, а не надъ тѣмъ, есть ли истинное вѣроисповѣданіе на землѣ. Истина, повторю, должна быть на землѣ несомнѣнно: создамъ церковь Мою, изрекъ Спаситель, и врата ада не одолабютъ ея (Мѣ. 16, 18). И—чтобы не долго думать и надъ нерешенными двумя вопросами—въ слѣдствіе чего много разныхъ вѣроисповѣданій, и гдѣ или у кого сохраняется истинное вѣроисповѣданіе,

достаточно знать притчу Спасителя о сѣятелѣ (см. Мѣ. 13, 1—23. Мр. 4, 1—20. Лук. 8, 4—15), въ которой Онъ объяснилъ, что не всѣ люди одинаково пріемлютъ слово Божіе или законъ Божій потому, что не у всѣхъ людей одинаковое сердце: люди съ сердцемъ добрымъ способны воспринимать истину во всей ея полнотѣ, а люди съ сердцемъ болѣе или менѣе развращеннымъ не способны въполнѣ и совершенствѣ воспринимать истины. При различіи качествъ сердецъ, нѣкоторые изъ людей при слуханіи слова Божія только ожесточаются, подобно египетскому фараону (см. Исх. 4, 21), или для нихъ слово Божіе является, по ученію Апостола, соблазномъ и безуміемъ (1 Кор. I, 23). Въ этомъ послѣднемъ отношеніи я приведу вамъ слѣдующее сравненіе. Извѣстно, что солнце одинаково свѣтитъ на всѣ предметы нашей земли; но одни изъ освѣщаемыхъ имъ предметовъ размягчаются въ своемъ существѣ, какъ напр. воскъ, другіе—напротивъ—черствѣютъ отъ солнца, напр. глина. Точно также и люди: одни умягчаются въ своемъ сердцѣ отъ слуханія слова Божія, другіе, наоборотъ, только грубѣютъ отъ него. Итакъ, вина холодности къ закону Божію заключается не въ существованіи множества носящихъ такое титло законовъ, а въ самихъ слушателяхъ истиннаго Божіяго закона. Навѣрно, слушаемые вами русскіе законоучители не оставляли безъ объясненія высказанныхъ мною положеній существа дѣла.

Прот. Все это прекрасно; но суть въ томъ, что всякій законоучитель хвалитъ свою религію: вы доказываете, что православная вѣра есть истинная вѣра, католическій ксендзъ учитъ, что единственно святая вѣра есть вѣра католическая, вѣтъ которой нѣтъ спасенія, нашъ пасторъ разсуждаетъ, что для спасенія требуется одно упованіе на Спасителя, безъ особыхъ человѣческихъ правилъ, а мулла проповѣдуетъ о коранѣ и т. д. Какъ хотите, тутъ дѣло не обходится безъ предубѣжденій.

Свят. Чтобы быть не предубѣжденнымъ, слѣдуетъ стать на объективную точку зрѣнія и ознакомиться съ истинными свой-

ствами Христовой Церкви на историческихъ свидѣтельствахъ первыхъ вѣковъ христіанства. Тогда откроются не только прибавленія и измышленія римско-католической церкви, но и убавки и опущенія, допущенныя въ протестантскихъ обществахъ, постепенно умножающіяся. Дѣло это, конечно, не легкое; для рѣшенія его нужно много справокъ и много вниманія.

По поводу новыхъ нападокъ на духовенство.

Наша періодическая печать давно уже занимается вопросомъ о духовенствѣ. А въ настоящее время этотъ вопросъ сдѣлался настолько моднымъ, что игнорировать его не считаетъ для себя возможнымъ ни одна газета, къ какой бы партіи она себя не причисляла. Казалось бы, что такому всеобщему вниманію людей, дѣйствительно интересующихся судьбою нашего духовенства, слѣдовало только радоваться. Чѣмъ больше занимаются вопросомъ и больше посвящаютъ ему силъ, тѣмъ больше основаній надѣяться, что самый вопросъ разсмотрѣнъ будетъ всесторонне и, стало быть, пріучитъ надлежащее рѣшеніе. Такъ оно дѣйствительно и было бы, еслибы наша свѣтская печать серьезно занялась изученіемъ современнаго положенія духовенства и условий, необходимыхъ для его улучшенія. Но къ сожалѣнію этого далеко нѣтъ на самомъ дѣлѣ. Значительная часть печати все свое вниманіе къ духовенству ограничиваетъ нападками на него, всевозможными придирками, огульными обвиненіями и инсинуаціями. Глумленіе надъ духовенствомъ и его непріятнымъ положеніемъ для иныхъ составляетъ какъ бы удовольствіе; но крайней мѣрѣ, ничѣмъ другимъ мы не можемъ объяснить того пристрастія, съ какимъ иными газетами дѣлается подборъ одностороннихъ фактовъ, извращенію однихъ и положительная выдумка другихъ. И все эти усилія тратятся только на то, чтобы получить возможность бросить лишній комокъ грязи въ и

БИБЛИОТЕКА
Московской
Православной

Къ № 18-му.

чатью духовенство. Читая подобнаго рода замѣтки, статьи и корреспонденціи, невольно задаешь себѣ вопросъ: неужели въ самомъ дѣлѣ наше духовенство допустило себя пасть до такой степени, что въ настоящее время и въ нравственномъ и въ умственномъ отношеніи стоитъ гораздо ниже даже средняго уровня современнаго общества, какъ это можно заключать по извѣстіямъ такихъ газетъ? Понятнымъ становится и то, почему въ нашемъ обществѣ къ стыду печати и самаго общества, до сихъ поръ поддерживается презрительное а подѣ-часъ и суетворное отношеніе къ духовенству¹⁾. Читая такіе отзывы о нашемъ русскомъ духовенствѣ, люди, никогда его не знавшіе и не старающіеся узнать, невольно должны думать, что оно дѣйствительно таково, что оно на самомъ дѣлѣ кощветъ въ невѣжествѣ, и что едвали какія мѣры къ облагороженію могутъ дѣйствовать на него. Имъ трудно догадаться, что всѣ такіе отзывы о духовенствѣ пинуты односторонне, безъ знанія дѣла, а иногда и съ явнымъ желаніемъ унизить духовенство въ глазахъ читающаго міра: тѣмъ болѣе, что даже духовная литература рѣдко прибѣгаетъ къ опроверженію подобныхъ отзывовъ²⁾.

¹⁾ Намъ недавно приходилось встрѣчаться съ такими субъектами изъ свѣтскаго общества, повидному образованными, которые имѣютъ наприм., о нашихъ учебныхъ заведеніяхъ такое же понятіе, какое они получили изъ прочитанныхъ ими когда то и теперь даже читаемыхъ очерковъ Помяловскаго. Встрѣчаются и такіе господа, которые воображаютъ, что въ семинаріяхъ только и учатъ одному Закону Божию и высказываютъ удивленіе, что такъ долго въ продолженіи 10—12 лѣтъ изучаютъ этотъ предметъ.

Ред.

²⁾ Если духовная литература и обращается иногда къ опроверженіямъ подобныхъ отзывовъ, то не достигаетъ своей цѣли, потому что свѣтскія лица въ большинствѣ не знаютъ духовной литературы, не читаютъ ее, или по незнавію о существованіи некоторыхъ духовныхъ изданій, или по одному предубѣжденію къ нимъ. До какой степени у многихъ свѣтскихъ лицъ доходитъ предубѣжденіе къ духовной литературѣ, можно судить вотому, что когда попадаетъ имъ въ руки хотя и очень серьезная книга или статья,

Въ обществѣ давно существуетъ предубѣжденіе противъ такъ называемыхъ „поборовъ“ духовенства, противъ вымогательствъ священниками и церковнымъ причтомъ денегъ съ прихожанъ за совершеніе разнаго рода требъ¹⁾. Надо сознаться, что предубѣжденіе это въ извѣстной степени имѣетъ поводъ для своего существованія, но пора же, наконецъ, выслушать и голосъ духовенства, или, по крайней мѣрѣ, самихъ внимательнѣе отнестись къ дѣлу. Матеріальное положеніе массы нашего духовенства, по истинѣ, бѣдственно. Не говори уже о мизерномъ жалованьи, какое полагается духовнымъ, много ли у насъ можно найти приходовъ, въ которыхъ духовенство можетъ получать болѣе или менѣе достаточные доходы? Вѣдь сама свѣтская печать говоритъ (и совершенно справедливо) объ обѣдненіи народа и недостаточности его средствъ даже для его собственнаго существованія. Откуда же можетъ доставать для себя средства духовенство? А между тѣмъ на свое скудное жалованье съ такими же доходами священникъ долженъ существовать самъ съ семьей, воспитывать дѣтей, производить разнаго рода обязательные расходы, безъ которыхъ не мыслима его служба, долженъ, наконецъ,

но какъ скоро она подписана именемъ автора изъ духовныхъ лицъ, не будетъ раскрыта и безъ всякаго прочтенія даже бѣлаго уже заслужить невыгодную оцѣнку. А между тѣмъ при такомъ то отношеніи къ духовной литературѣ многіе свѣтскіе люди позволяютъ себѣ обвинять духовенство и въ невѣжествѣ, и тупости и т. п.

Ред.

¹⁾ Замѣчательно, что нѣрѣдко обвиняли и обвиняютъ духовенство въ вымогательствѣ, называя этия постыднымъ словомъ просьбы причтовъ о вознагражденіи за свои труды, какъ будто причты не могутъ и не должны даже и заикаться о платѣ за совершеніе разнаго рода требъ. А какъ духовенству не напоминать и не просить о вознагражденіи за свои труды, когда эти труды или совсѣмъ не оплачиваются, или если оплачиваются, то »по дѣдовскому и прадѣдовскому обычаю«. Между тѣмъ въ настоящее время послѣдній чернорабочій и мастеровой довольствуется ли за свои труды такою же платою, какую онъ получалъ за свой трудъ двадцать—тридцать лѣтъ тому назадъ?

Ред.

слѣдить за тѣмъ, что дѣлается по духовному вѣдомству и подписываться на добровольно имъ избираемыя и рекомендованныя епархіальнымъ начальствомъ изданія. Понятно, что жалованья на все это не хватаетъ и священникъ, чтобы не умереть съ голоду, долженъ прибѣгнуть или къ вымогательствамъ у прихожанъ, или самолично браться за соху и другія черныя работы, и въ многихъ епархіяхъ сѣверной и средней полосы нашего отечества пастыри сами занимаются черною сельско-хозяйственною работою. Но то и другое необходимо отвлекаетъ священника отъ исполненія „прямыхъ обязанностей“, ставитъ его въ ряды чернорабочихъ тружениковъ и тѣмъ самымъ унижаетъ значеніе іерейскаго сана. Однако же, какъ ни тяжело положеніе сельскаго священника, многіе изъ нихъ находятъ время честно исполнять не только свои прямыя обязанности, но, по мѣрѣ силъ и возможности, стараются дѣлать и то, чего никакъ нельзя ставить имъ въ прямую обязанность, и что говорить уже объ ихъ самоотверженіи. Между тѣмъ свѣтская печать рѣдко обращаетъ вниманіе на такіе случаи, для нея ихъ не существуетъ. Темныя пятна въ жизни духовенства, если только ихъ можно замѣтить, никогда не пропускаются, ихъ выставляютъ на видъ обществу и съ какимъ-то непопытнымъ злорадствомъ предають гласности, стараясь унижить духовенство ¹⁾. Факты же, въ которыхъ ясно обнаруживаются безкорыстіе и самоотверженіе духовныхъ тружениковъ, остаются никакъ незамѣченными: о нихъ знаютъ только тѣ, кто непосредственно на себѣ испытать ихъ благотворное дѣйствіе. Нечасто, напр., на страницахъ свѣтской печати можно встрѣчать такіе факты, какъ недавно переданный мѣстными газетами. Въ м. Вла-

¹⁾ Есть даже и такіе органы свѣтской печати, которые съовсюду (изъ разныхъ газетъ) собиравтъ грязныя корреспонденціи о духовенствѣ и затѣмъ, хотя бы такія корреспонденціи и были опровергнуты, не считаютъ своею правдивною обязанностію сдѣлать тоже на страницахъ своихъ изданій.

тополѣ (Кіевск. г.) умеръ священникъ Иларіонъ Алексѣевичъ Волковъ, служившій предметомъ удивленія и всеобщаго уваженія за свою нестяжательность и добрыя отношенія къ прихожанамъ. Умеръ онъ отъ чахотки и въ крайней бѣдности. Не на что было и похоронить его. Таково, впрочемъ, замѣчаетъ одна газета, и всегда у насъ общество. „Стяжательныхъ священниковъ бранить, а нестяжательнымъ и ничего не даетъ, благо нестяжательны!“ Кто же виноватъ, что у насъ рѣдкимъ подѣ-сплу выносятся ито нестяжательности? На похоронахъ о. Волкова всѣ плакали, собрались тысячи народа... Не опоздали ли сожалѣнія, замѣчаетъ газета? Нѣтъ, отвѣтимъ мы. Для умершаго скромнаго труженика они, конечно, не нужны уже, но вообще для духовенства отрадны и благотѣльны. И еслибы наша свѣтская печать чаще обращала вниманіе на подобныя факты (нѣкоторые органы свѣтской прессы даже намѣренно обходятъ такіе факты и не желаютъ заявлять о нихъ на страницахъ своихъ изданій), то она не позволила бы себѣ такихъ несправедливыхъ отзывовъ о духовенствѣ, будто пастыри душъ и сердецъ смотрятъ только „на карманы своихъ овецъ“ и получаютъ „тысячные доходы“. А это несомнѣнно возвысило бы нашу духовенство во мнѣніи общества и послужило бы лучшей поддержкой труженикамъ при исполненіи ими многотрудныхъ пастырскихъ обязанностей. Но къ сожалѣнію у насъ не хотятъ понять, что задачи пастырскаго служенія настолько высоки и многотрудны, а препятствія, съ которыми приходится бороться пастырямъ при исполненіи своего служенія, столь велики и многочисленны, что достиженіе первыхъ и преодоленіе послѣднихъ возможны только при содѣйствіи самаго же общества. Какой же помощи можно ожидать отъ той части нашей печати, которая все свое вниманіе къ духовенству ограничиваетъ глумленіемъ и мелочными придирками?

Благое и великое дѣло, по почину Св. Синода, съ новою силою стало твориться теперь по всему лицу русской земли. Возникаютъ школы тамъ, гдѣ ихъ никогда не было, высту-

пакоть новые труженики на поприщѣ народнаго просвѣщенія, и труженики эти—церковные пастыря. Такое движеніе среди духовенства не осталось незамѣченнымъ и нашею печатью. И что же? Тогда какъ одна часть ея честно и открыто естала на сторону церковно-приходской школы и отъ души желаетъ новымъ дѣятелямъ на поприщѣ народнаго образованія полнаго успѣха; другая и въ этомъ случаѣ ограничивается глумленіемъ и издѣвательствами, стараясь умалить значеніе новыхъ трудовъ нашихъ пастырей. Нельзя сказать, чтобы и у сторонниковъ церковной школы не было иногда крайнихъ требованій. Желаютъ, напр., „попудительныхъ, энергическихъ распоряженій епархіальныхъ властей“, но въ то же время забываютъ, что учительство въ школѣ требуетъ для себя немало свободнаго времени и что, наконецъ, такимъ образомъ можно возложить на пастырей массу самыхъ разнообразныхъ и несоизвѣстныхъ обязанностей и требованій. Пастыря, если можно такъ выразиться, разрываютъ на части, не обращая вниманія на то, есть ли для него хоть какая-нибудь возможность исполнить все требуемое, при разносторонности и трудности его пастырскаго служенія, при его средствахъ къ существованію и способѣ ихъ добыванія.

А что же сказать о тѣхъ газетахъ, которыя и этимъ святымъ дѣломъ пользуются только для того, чтобы забрасывать его грязью своихъ сплетенъ и инсинуацій? А, вѣдь, они тоже считаютъ себя „друзьями народа и ревнителями просвѣщенія“! Хороши же „друзья“ и „ревнители“, для которыхъ ничего не стоитъ извращать, подбирать и просто измышлять факты, имѣя цѣлью умалить дѣло, несоизвѣстно принятое на пользу народа! Одинъ жалуется, что священникъ, пользуясь тѣмъ, что купецъ построилъ домъ для сельской школы, „выхлопоталъ, гдѣ слѣдуетъ, сдѣлать училище приходскимъ, себя законоучителемъ, а свою дочь учительницею“. Что же въ этомъ дурнаго? то ли, что священникъ сдѣлался законоучителемъ, или его дочь не должна была

дѣлаться учительницею? Можетъ быть, учительница оказалась безграмотною или священникъ—неспособнымъ законоучительство-вать? Но объ этомъ авторъ ничего не говоритъ. Отсюда онъ дѣлаетъ ни больше ни меньше какъ такой выводъ: „Вообще говоря, все пастыри душъ и сердецъ нашего крестьянства съ каждымъ днемъ больше и больше теряютъ уваженіе къ себѣ отъ порядочныхъ и здравомыслящихъ людей. Всеяъ ясно, что пастыри разсуждаютъ по-крыловски: лишь бы намъ то ладно было, а тамъ весь свѣтъ гори огнемъ“. И откуда это ясно, объ этомъ знаетъ только авторъ; если наши пастыри теряютъ уваженіе только у такихъ людей, какъ авторъ цитруемой статьи, то въ этомъ еще нѣтъ большой бѣды, дѣйствительно же порядочные и здравомыслящіе люди едва ли повѣрятъ измышленіяъ автора, какъ не повѣрятъ и тому, что онъ повѣствуетъ „о поповскихъ“ подвигахъ далѣе: „то попу, замѣняя ворожею, служить мозебенъ по заказу для обокраденныхъ: „тоску, говорить, на вора такую наголю, что самъ принесетъ“; другой, при вѣнчаніи, подавалъ повѣсть послѣ жениха ковшичевъ съ послѣднимъ глоткомъ вина, въето молитвы говорить: „допивай, допивай все—вѣдь мужъ и жена одна сатана“. И при этомъ прибавляетъ въ скобкахъ „фактъ“! Но что то уже слишкомъ невѣроятный! Приводитъ далѣе подобныя же вымыслы автора считаемъ излишнимъ; сказаннаго достаточно, чтобы видѣть, насколько основательны его обобщенія, — оно не требуетъ разъясненій и прекрасно говоритъ само за себя. Другой корреспондентъ изъ Вятки, испуганный дѣятельною работою по переформированію церковно-приходскихъ школъ, спѣшить увизить ихъ предъ земскою школою, доказывая, что учителями церковно-приходскихъ школъ въ большинствѣ случаевъ являются отставные солдаты, малограмотные дьячки, дѣти причта, исключенные изъ перваго или приготовительнаго класса духовныхъ училищъ, сельскіе писаря и т. п., и что, въ теченіе всего существованія, они ни разу не дали учениковъ, получившихъ зыготное по отбыванію воинской повинности свидѣтельство“...

Но къ счастью авторъ легко уличается во лжи¹⁾ подробными свѣдѣніями о состояніи вятскихъ церковно-приходскихъ школъ, приведенными Церковно-Общественнымъ Вѣстникомъ изъ Вятск. Еп. Вѣд. А другая газета прямо заявляетъ что „приходскія школы“, благодаря безпечности духовенства, „и на будущее время будутъ прозябать въ прежнемъ видѣ, съ пыльными пономарями, полуграмотными солдатами, избитыми „граматками“, матерью-розгой и прочими атрибутами церковно-приходскаго просвѣщенія“. Наконецъ, корреспондентъ изъ Елабуги пишетъ (въ Совр. Изв.): „здѣсь открыты двѣ церковно-приходскихъ школы, но онѣ будутъ существовать, какъ говоритъ (?), лишь на бумагѣ, потому что безвозмездныхъ дѣятелей въ духовенствѣ (получающемъ здѣсь тысячи доходы) не оказывается; свободное время молодое духовенство предпочитаетъ отдавать игрѣ въ карты и даже въ азартныя игры. По этой же, должно быть, причинѣ и проповѣдей въ церквахъ почти не говорится“. Нужно ли говорить, что всѣ подобныя корреспонденціи вовсе не заслуживаютъ опроверженія. Быть можетъ, они и имѣютъ въ основѣ что-нибудь истинное, но въ томъ видѣ, какъ они приводятся въ упомянутыхъ газетахъ, они теряютъ всякій смыслъ и значеніе. Прекрасно замѣчаетъ Церковно-Общественный Вѣстникъ по поводу такихъ нападокъ на церковно-приходскія школы. „Можно ли, говоритъ онъ, въ виду ясно выражен-

¹⁾ Если бы авторъ и правду сказалъ, то подумалъ ли онъ о томъ, кто тутъ виноватъ? Онъ находитъ, что существующія церковно-приходскія школы ниже — хуже земскихъ. Но вѣдь земскія школы возникли и существуютъ при такихъ ли условіяхъ, какъ и церковно-приходскія? Онъ хочетъ, чтобы церковно-приходскія школы при крайне неблагоприятныхъ для своего существованія матеріальныхъ условіяхъ вполне процвѣтали? Если церковно-приходскія школы, по его мнѣнію, плохи, то почему же онъ не обратился къ обществу съ возвышеніемъ о поддержкѣ этихъ школъ, чтобы эти школы могли быть лучше организованы и болѣе соответствовали своему назначенію? Или для него было лучше и легче, вмѣсто этого, осыпать только бранью существующія церковно-приходскія школы?!

наго Св. Синодомъ намѣренія организовать и реформировать церковную школу, новымъ типомъ которой является извѣстная всѣмъ татевская школа С. А. Рачинскаго, такъ нагло глумиться надъ простыми школами грамотности?... Не пора ли бросить уже это пристрастное отношеніе и вмѣсто огульных обвиненій и инсинуацій приводить факты и примѣры? „И дѣйствительно: развѣ можно на основаніи сомнительнаго достоинства фактовъ и при томъ единичныхъ, такъ отзываться о духовенствѣ цѣлыхъ городовъ, уѣздовъ и даже обо всемъ русскомъ духовенствѣ, между которымъ есть какъ посредственные, такъ и выдающіеся по своимъ высокимъ умственнымъ и нравственнымъ качествамъ пастыри? Развѣ духовные не такіе же люди и не изъ того же общества? почему же не допустить въ нихъ и свойственныхъ обществу слабостей и, глядя на себя, по отнестись справедливѣе къ ихъ дѣятельности и недостаткамъ? Ничего нѣтъ легче, какъ осуждать и судить, особенно если при этомъ не давать себѣ труда вникать въ обстоятельства жизни осуждаемаго и если руководиться только легкостью самой работы или просто желаніемъ унижить. Наше духовенство терпитъ нужду и униженія; а между тѣмъ къ нему всегда обращались и обращаются съ требованіемъ быть образцомъ умственной и религіозно-нравственной жизни. Не странно ли? особенно если взять во вниманіе, что отъ самаго же общества зависятъ и приниженное положеніе духовенства¹⁾. И только правдивый и нелицемѣрный голосъ исторіи заявляетъ, что наше русское духовенство всегда стояло на высотѣ своего призванія и, съ первыхъ же временъ русскаго государства, стояло

¹⁾ Нужно просто удивляться тому, что даже нѣкоторые лучшіе представители общества, когда начинаютъ говорить и писать о духовенствѣ, то предъявляютъ только требованія общества отъ пастырей, видѣютъ въ виду исключительно обязанности пастырей по отношенію къ своимъ паствамъ, какъ будто на самомъ-то обществѣ совершенно не лежатъ никакихъ обязанностей по отношенію къ своимъ пастырямъ.

во главѣ народнаго образованія. Въ этомъ то голосѣ правды, выразившемся недавно и въ призывѣ Монарха, и современные труженики изъ духовенства должны искать себѣ утѣшенія и подкрѣпленія въ ихъ многотрудномъ пастырскомъ служеніи и своею новою дѣятельностью на томъ же поприщѣ доказать, что они и теперь способны съ успѣхомъ заняться дѣломъ народнаго образованія. Къ этому духовенство призывается и волею Монарха, и высшею духовною властью, и притомъ съ надеждою, что его „труды на поприщѣ школьнаго образованія народа не останутся впредь, какъ сказано въ циркулярѣ графа Д. А. Толстаго, и безъ матеріальнаго вознагражденія изъ суммъ казны“.

И мы вѣримъ, что наше духовенство оправдаетъ возлагаемые на него высшею духовною и государственною властію надежды, что оно не будетъ смущаться встрѣтившимися и могущими встрѣтиться неудачами и препятствіями, что, воодушевившись мужествомъ и единодушіемъ, найдетъ для своего святаго дѣла поддержку не только отъ правительства, но и со стороны лучшей благомыслящей части нашего общества.

К—й.

Редакторъ Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архимандритъ *Приней*.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 18 апрѣля 1885 г. Цензоръ прот. М. Богдановъ.
Тип. Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайлов. ул., собств. домъ.

Годъ

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

XXVI.

СЕЛЬСКИХ ПASTЫРЕЙ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
пять руб., съ пересылкою шесть
рублей серебромъ.

№ 19.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Нievской
духовной семинаріи.

1885 года, Мая 5-го.

Содержаніе: Ненормальности въ приходской жизни и пассивное отношеніе къ нимъ священника.—Вѣчная память.--Производство слѣдствій по случаямъ опущеній и неправильныхъ записей разныхъ актовъ въ метрическіе книги.

Ненормальности въ приходской жизни и пассивное отношеніе къ нимъ священника.

Въ приходской жизни священника много встрѣчается такого, въ чемъ ему, какъ блюстителю религіозно-нравственной жизни своей паствы, приходится только оставаться пассивнымъ свидѣтелемъ и скорбѣть. Съ какою, напр., болью въ сердцѣ приходится смотрѣть на необузданное самоуправленіе крестьянскаго населенія, гдѣ кулаки, міроѣды и воротилы всегда стараются поставить дѣло вопреки не только добродушному начинанію священника, но подъ часъ и желанію всего прихода. Никакой вопросъ о храмѣ ли то, о причтѣ, или о школѣ не обойдется безъ того, чтобы его не затормозили по своему эти мнимые радѣтели общественныхъ интересовъ. У насъ, напр., безбоязненно сельскій ста-

роста пропиваетъ самолично по 20 руб. изъ тѣхъ общественныхъ денегъ, которыя предназначены уже прихожанами на покупку колокола; беретъ себѣ за полцѣны то сѣно, которое должно быть продано на тотъ же предметъ; уничтожаетъ съ своими пріятелями данный прихожанами попечительству приговоръ, на открытіе шинковаго заведенія въ селѣ, съ цѣлю прекратить бесплатную торговлю виномъ¹⁾, и передаетъ это право еврею-шникарю; въ приходѣ строятся новый церковный домъ и школа, и староста не только не содѣйствуетъ, а даже противодѣйствуетъ этому съ своими крикунами...

Какъ, спрашивается, поступить священнику въ такихъ случаяхъ? Просить, убѣждать, доносить? Но просьба и убѣжденія мало дѣйствуютъ на такихъ лицъ, которыя разъ навсегда заданъ мыслию: „знай нашихъ“. А слово любви съ церковной каеодры не можетъ касаться ихъ слуха и сердца, потому что они въ храмъ заглядываютъ весьма рѣдко; тѣ же, которые послушны пастырскому слову, совершенно уже не являются на тѣ сборища, гдѣ міроѣды рѣшаютъ свои дѣла. Остается, значить, донести волостному правленію, но донести значить нажить крупныя не-пріятности, потерять по меньшей мѣрѣ третью часть приходскихъ доходовъ, подвергнуть себя вляузнямъ доносахъ и т. д.

Опять, кому неизвѣстно совершенное игнорированіе закона о празднованіи высокаторжественныхъ дней. Не только въ дни рожденій и тезоименитствъ, но даже въ день восшествія на престолъ и коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ приходится видѣть храмы пустыми, а прихожанъ на будничныхъ работахъ. Неужели законъ о предупрежденіи и пресѣченіи нарушенія святости дней торжественныхъ въ настоящее время потерялъ свою силу, когда крестьяне и другіе мастеровые люди безбоязненно и безпрепятственно работаютъ въ оныя и проводятъ ихъ какъ буд-

¹⁾ У насъ въ приходѣ, кромѣ шникаря, двѣ еврейскія семьи торгуютъ виномъ бесплатно, съ вѣдома и разрѣшенія старосты.

ничныя?! Священникъ, видя это не можетъ оставаться спокойнымъ въ своей совѣсти; а что онъ сдѣлаетъ противъ нарушителей закона? Убѣдить словомъ? Но его пастырскаго голоса въ церкви некому и слушать въ эти дни. Такъ, 14-го ноября 1884 года и 26-го февраля сего года намъ пришлось назидать поученіемъ не болѣе 15 человекъ, не смотря на то, что о праздникахъ этихъ объявлено было напередъ. Кромѣ высокаторжественныхъ дней и въ другіе, при большемъ собраніи народа, мы старались проводить въ своихъ поученіяхъ мысли о христіанскомъ и вѣроподданническомъ долгѣ къ Царю и празднованіи царскихъ дней; но въ отвѣтъ намъ слышалось: „работаютъ въ эти дни не только по селамъ, во и по губернскимъ городамъ“. И это правда. Но гдѣ же тому причина? Неужели подобное допущеніе есть слѣдствіе того, чтобы въ высокаторжественные дни не связывать рабочихъ рукъ и, такимъ образомъ, не нарушать народныхъ экономическихъ интересовъ? Но почему же терпимъ до сихъ поръ цѣлые десятки народныхъ праздниковъ, мѣстныхъ, каковы у насъ: послѣдніе дни масленицы, такъ называемая „грязная“ (недѣля цѣтоносная), праздникъ царяграда, сухой и кривой четвертъ и т. п., въ которые тѣ же мужички не ударятъ, какъ говорится, и палецъ о палецъ. Скажутъ, что искоренять подобныя народныя празднества должны пастыри церкви. Но что могутъ сдѣлать пастыри церкви противъ вѣками установившихся народныхъ праздниковъ, когда въ этомъ дѣлѣ не находятъ для себя поддержки со стороны радѣтелей народныхъ экономическихъ интересовъ¹⁾?...

1) Дѣйствительно въ свѣтской печати такъ называемые лже-народники недавно горячо писали о необходимости, въ видахъ народныхъ экономическихъ интересовъ, сократить число праздничныхъ дней, установленныхъ церковію, но мы не слышали, чтобы тѣ же радѣтели народныхъ экономическихъ интересовъ, хотя однимъ словомъ, заявили протестъ противъ многихъ непорядочныхъ народныхъ празднествъ. Не странно ли: сокращать церковные праздничные дни и въ то же время давать просторъ народнымъ неумѣреннымъ и суевѣрнымъ празднествамъ?! Нѣтъ, всѣмъ, дѣйствительно

Существуетъ также законъ о трехдневномъ погребеніи умершихъ, но кто не знаетъ, что наши умершіе, особенно по селамъ, хоронятся если не въ самый день смерти, то непременно на второй день, вѣрнѣе: тогда, когда соберутся къ тому родные умершаго... Но еслибы священникъ захотѣлъ стать на почву закона, и не согласился похоронить тогда, когда требовали его къ тому родственники, то онъ рискуетъ и своимъ спокойствіемъ, и честію, и тѣмъ, что его послѣ уже не станутъ и просить отпѣвать похороны, а зарюютъ и безъ обряда христіанскаго, если не бросятъ тѣла умершаго у его воротъ. Мы знаемъ одного священника, которому приходилось бороться (См. Рук.вод. для сельск. паст. 1880 г. № 4 и 5) за прежде-временные и самоуправные (безъ обряда) похороны, и въ результатъ оказалось, что озлобленные прихожане довели его до слѣдствія, а начальство подвергло его штрафу. Теперь и выходитъ: законъ знай про себя, а дѣлай по нашему: законъ, молъ, писанъ не для насъ, а для тебя.

Еще недавно опубликованъ законъ о томъ, чтобы въ день Пятидесятницы, въ Троицынъ день, для украшенія храмовъ и домовъ не рубили маленькихъ деревь съ корня, а употребляли бы вѣтви или кустарниковыя деревья. Это сдѣлано, конечно, съ бла-

принимающимъ близко къ сердцу народныя экономическіе интересы, нужно заботиться о томъ, чтобы народъ не обращалъ праздниковъ церковныхъ въ рабочіе дни, иначе можетъ выйти и выходить такое безобразное явленіе: крестьяне и мастеровые работаютъ въ праздничные дни, а за то слѣдующіе послѣ-праздничные дни обращаютъ въ праздничные или точнѣе въ прогульные дни. Не отсюда ли произошло и поддерживается народное повѣрье, что поведѣльники, напр., тяжелые дни? Какъ бы то ни было, но не только челоѣкъ, но и скотъ не можетъ работать изо-дня въ день безъ отдыха, не разбирая праздниковъ и будней. Въ противномъ случаѣ челоѣкъ не только не улучшитъ своего экономическаго положенія, а еще болѣе подорветъ его. Прекрасно сказалъ одинъ проповѣдникъ работающимъ въ праздничные дни: отъ того вы и стали слабы, холодны и голодны, что слишкомъ заработались, — что работаете, не разбирая праздниковъ и буднихъ дней.

гою цѣлю сбереженія лѣсовъ. Имѣя въ виду эту цѣль священники и рекомендуютъ исполнять этотъ законъ въ отношеніи къ украшенію храмовъ и домовъ; но прихожане, гдѣ есть довольно лѣсовъ, ни за что не послушаютъ священника и не упустили случая порубить самыхъ ровныхъ деревцевъ для своего дома, конечно не изъ своего, а изъ чужаго лѣса (воровство лѣса у насъ совершенно не считается грѣхомъ: Богъ, говорятъ, раститъ для всякаго). Другой и изъ своего лѣса не пожалѣетъ вырубить 10—20 деревцевъ, ради такого радостнаго праздника и древняго священнаго обычая. И крестьянинъ правъ съ своей точки зрѣнія: во всякое время года онъ не десятками, а тысячами истребляетъ тѣ же деревья на огорожу плетней, на мощеніе гробли (плотины), на тычки по зимнимъ дорогамъ, на дрова и проч.,—и никто, и ничто не запрещаетъ ему дѣлать это. Почему же ему для украшенія своего храма и дома, и притомъ одинъ разъ въ годъ, не нарубить нѣсколько десятковъ молодыхъ порослей? И что же священникъ можетъ сказать противъ такой аргументаціи? Ничего не остается, какъ внутренно сказать самому себѣ: если не позволительно рубить молодые поросли ради праздника и храма, и притомъ однажды въ годъ, то тѣмъ болѣе слѣдовало бы запретить непомѣрное истребленіе молодыхъ деревъ на плетни, плотины и проч. хозяйственные надобности.

А вотъ и законъ о церковно-приходскихъ школахъ. Вездѣ велятъ священникамъ открывать школы, но ни средствъ, ни сочувствія нѣтъ. Священниковъ обязываютъ, но тѣхъ, кому отъ школы существенная польза, т. е. прихожанъ,—тѣхъ ничѣмъ не обязываютъ. Уже если священники нравственно обязаны учить, то не меньше того обязаны и родители; если обязательно открытіе школъ, то отъ чего же не обязательно и обученіе грамотѣ, и взносъ на содержаніе школы? Правда, для священниковъ дорого одно Высочайшее слово: „надѣюсь“...; но это надѣюсь нашъ мужикъ готовъ толковать такъ, что священники обязаны сами и обучать, и содержать школу. У насъ нѣкоторые прихожане выска-

зались съ укоризною къ священнику, что онъ израсходоваль въ теченіе года до 15 руб. на содержанію приходской школы изъ суммъ попечительства.

Печально положеніе священника, какъ блюстителя религіозно-нравственной жизни въ приходѣ, и въ томъ случаѣ, когда предъ глазами у него свободно совершаются разныя безобразія. Насъ больше всего возмущали и возмущаютъ „досвѣтки и вечерницы“, на которыхъ молодежь обоого пола предоставляется самимъ себѣ, свободному разгулу въ теченіе почти всей ночи: „до свѣта“. Тутъ игры, пѣсни, пустословія совершаются безъ разбора подь праздники и посты, а слѣдствіемъ этого—ужасный грѣхъ. Мы знаемъ приходъ, въ которомъ, при 400 дворахъ прихожанъ, число незаконнорожденныхъ дѣтей доходило до 13 душъ въ годъ. На убѣжденія къ родителямъ обуздывать молодежь обыкновенно встрѣчаешь, если не уклончивую улыбку, то прямо отвѣтъ: „да мы и сами такъ гуляли, тай живемо (согласно, вѣрно), слава Богу“.

По положенію о церковно-приходскихъ попечительствахъ, священникъ непремѣнный членъ ихъ, а иногда и предсѣдатель, но роль священника тутъ самая неопредѣленная. Хорошо, если его пригласять въ собраніе попечительства и послушаютъ его голоса, тогда онъ, какъ членъ, на своемъ мѣстѣ. Но большею частію бываешь такъ (особенно когда предсѣдателю чѣмъ либо не любъ священникъ), что собраніе попечительства бываетъ не только безъ священника, но и безъ вѣдома его. Бываетъ даже такъ, что священника стараются предшамфренно обходить, чтобы свободно и произвольно распоряжаться попечительскими суммами. Въ нашемъ приходѣ было два случая, когда одинъ предсѣдатель, предъ окончаніемъ своего трехлѣтія, неизвѣстно гдѣ дѣваль и попечительскую сумму болѣе 500 руб., и всѣ документы, а другой въ новое трехлѣтіе, забравши болѣе 300 руб. въ свое распоряженіе, растратилъ ихъ, куда хотѣлъ, о постройкѣ же предположенныхъ и 14 лѣтъ тому назадъ разрѣшенныхъ къ постройкѣ придѣловъ къ церкви и приходской школы ни одинъ и не поду-

малѣ. Какъ поступить тутъ священнику, имѣя въ виду Положеніе, по которому (ст. 8 и 15) повѣрка суммъ и порядокъ расходванія ихъ принадлежитъ прихожанамъ? Остается, если усмотрѣвъ будетъ безпорядокъ, заявить о томъ прихожанамъ. Но подобное заявленіе священника можетъ и остаться заявленіемъ, да вызвать еще преслѣдованіе со стороны поминутыхъ предсѣдателей и ихъ союзниковъ, членовъ, тѣмъ болѣе, что большинство сельскихъ попечителей желаютъ считать себя опекуномъ надъ причтомъ и имѣть его въ подчиненіи, что нравится и прихожанамъ.

А вотъ еще ненормальное явленіе въ приходской жизни, не мало озабочивающее приходскаго священника и нодѣ часъ вызывающее тяжелые вздохи. Сегодня, напр., послѣ обѣдни, вы должны принять къ исповѣди и совершить таинство покаянія надъ 400—500 говѣющихъ. Тутъ вы въ безвыходномъ положеніи. Правила церкви и убѣжденіе совѣсти внушаютъ вамъ принимать каждаго говѣющаго порознь и удѣлить для него хоть пять минутъ, но обстоятельства заставляютъ васъ дѣйствовать иначе: вы вынуждены, по краткости времени и по укоренившемуся обычаю, принимать столько, сколько къ вамъ впустятъ, 5—10 душъ сразу. Напрасно, скажетъ читатель, — можно было говѣющихъ раздѣлять на два—три дня; но вчера и третьяго дни ихъ было въ храмѣ не болѣе $\frac{1}{10}$ части, а собрались они на молитву только сегодня, въ пятницу. Въ такомъ случаѣ, скажете, половину приготовить къ субботѣ, а половину къ воскресенью. Это легко сказать, сдѣлать же трудно, тѣмъ болѣе, что въ воскресенье и безъ нихъ вы будете имѣть для пріобщенія не менѣе 200 душъ малыхъ дѣтей и младенцевъ, а главное—едва ли кто изъ говѣющихъ согласится съ вами безъ прерѣканій оставаться къ другому дню. Это возможно гдѣ либо въ монастырѣ, но не священнику въ своемъ приходѣ, при 2—3-хъ тысячномъ населеніи, а если и возможно, то не безъ борьбы и не сразу. И сколько горя на душѣ, когда видишь, что эти говѣющіе отъ перваго до послѣд-

ного только и умѣютъ отвѣтить на вашъ вопросъ о грѣхахъ: „Богъ знаетъ. Мы все грѣшны; одинъ Богъ безъ грѣха“... Спрашиваете парня, дѣвицу, дитя: знаете ли молитвы? Большинство отвѣчаетъ: „не знаю“. Почему? „Такъ. Нюкогда было учиться и некому: отецъ и мать сами не знаютъ“. Вы обличаете, умоляете, чѣмъ можно, угрожаете, но не успѣли кончить, какъ ломается въ дверь другіе. Господи, подумаете про себя, не поставь мнѣ и имъ сего во грѣхъ, пока придутъ въ разумъ истины!... И, скрѣпя сердце, читаете: азъ недостойный... прощаю и разрѣшаю..., напутствуя подходящимъ наставленіемъ. Печально и грѣшно!... Но что дѣлать, когда „въ полѣ одинъ не воинъ“.

Но всему злу зло, это ненормальное положеніе священника въ обезпеченіи его содержаніемъ отъ прихода. Тутъ, какъ ни старайся быть хитрымъ, какъ змѣя, и цѣлымъ, какъ голубь, — не уцѣдѣешь. Нашъ мужикъ самъ всегда наровитъ держать причтъ въ подчиненіи себѣ за ту копейку и тотъ кусокъ хлѣба, который выдаетъ ему иногда за тяжелый трудъ. Да и какъ прихожанину не держать причтъ въ своемъ подчиненіи, когда причтъ долженъ выпрашивать за свой трудъ не однимъ поклономъ и ласковымъ пожалуейста. Мыслимо ли тутъ священнику возвысить голосъ, чтобы запрещать, настоять, обличать благовременно и безвременно, когда онъ связанъ по рукамъ и ногамъ, безсиленъ и безправенъ?...

Обыкновенно во всѣхъ указанныхъ нами аномаліяхъ церковно-приходской жизни любятъ винить одво духовенство и преимущественно священниковъ. Не споримъ, что его нравственная обязанность и долгъ совѣсти „право правити слово истинны“ и бодренно блюсти свое стадо. Но нужно при этомъ брать во вниманіе и то, что священникъ часто бываетъ волей-неволей поставленъ въ пассивное положеніе къ очевиднымъ ненормальностямъ, что, находясь въ настоящихъ стѣснительныхъ обстоятельствахъ и будучи предоставленъ на волю необузданнаго произвола подавляющей массы прихода, нерѣдко бываетъ связанъ въ пользованіи своихъ законныхъ правъ.

Свят. А. Пригоровскій.

Вѣчная память¹⁾.

III.

Отъ кого еще можетъ желать „вѣчной памяти“ усопшимъ святая Церковь, провозглашая эти слова при погребеніяхъ и на панихидахъ? Отъ кого же, какъ не отъ насъ, недостойныхъ ея представителей и служителей на землѣ. Да, собратія возлюбленные о Господѣ, много, очень много грѣховъ беремъ мы на себя по отношенію къ усопшимъ по своему нерадѣнію и по многимъ другимъ подобнымъ причинамъ. И что всего дѣстостойнѣе вниманія, грѣхи эти главнымъ образомъ и совершаются нами противъ „вѣчной памяти“, которую сами же возглашаемъ покойникамъ. .

И прежде всего, и чаще всего грѣшимъ мы въ этомъ случаѣ, неаккуратно и безъ вниманія помяная усопшихъ, когда насъ просятъ объ этомъ ихъ родные и знаемые. Это бываетъ, когда мы напр. не прочитываемъ сполна номинальныхъ книгъ, подаваемыхъ на проскомидію, или и вовсе ихъ не читаемъ, когда на панихидахъ произносимъ имена по книжкамъ или записямъ скороговоркою, такъ что присутствующіе не въ состояніи разобратъ, кого именно поминаютъ, или прочитываемъ ихъ небрежно, безъ всякаго чувства благоговѣнія и умиленія христіанскаго, и пр. и пр. Вообще нельзя не согласиться, что однимъ изъ ближайшихъ поводовъ къ жалобамъ на современныхъ, въ особенности молодыхъ, священниковъ служитъ то, что они какъ будто бы тяготеютъ поминальными книгами и записками, подаваемыми на литургію или на панихиду, и не только на панихидахъ, но и на проскомидіи поминаютъ, какъ попало, вопреки всѣмъ требованіямъ благоприличія и церковной дисциплины. Несомнѣнно, что въ жалобахъ этого рода бываетъ и не мало неправды, злонаміренности, въ особенности со стороны враговъ православія,

¹⁾ См. № 18-й.

штундистовъ всякаго рода. Но все ли это неправда,—на это пусть отвѣтитъ совѣсть каждаго изъ насъ... И если эта совѣсть скажетъ намъ, что мы хоть сколько нибудь виновны въ данномъ дѣлѣ, то какую же ответственность беремъ мы на себя предъ усопшими въ этомъ случаѣ?...

Тамъ они ждутъ, не дождутся молитвы за себя, можетъ быть, подобно евангельскому богачу, страдая во пламени адекомъ; ихъ родные или приемыи вспомнили наконецъ о нихъ; иные жертвуютъ послѣднее, чтобы помянуть отца или мать и др.,—и мы по своему нерадѣнію, или по разсѣянности, или по непростительной послѣдственности, осмѣливаемся оставлять ихъ имена не помянутыми, въ то же время не брезгаи однако, къ стыду своему, грозами, подаваемыми на поминовение. Можетъ ли быть что ужаснѣе, грѣховнѣе, отвратительнѣе?... И какое оправданіе мы можемъ представить противъ этого въ защиту себя?

Извѣстно, между прочимъ, что большинство священниковъ въ этомъ случаѣ ссылаются во первыхъ на множество помянаній, подаваемыхъ на молитву, также на необходимость спѣшить съ обѣденою, чтобы не задерживать народа... А есть и такіе, которые просто говорятъ: „Господь знаетъ, за кого дано на поминованье, и потому, хотя бы я не помянулъ того или другаго лица по его имени, Господь Самъ, по всевѣдѣнію Своему, услышитъ молитву подавшаго и помянетъ Своею благостію того, за кого подаю“... Къ тому же присовокупляютъ, что въ самой литургіи Василія Великаго есть прямое указаніе на то, что Господь дѣйствительно воспоминаетъ не только тѣхъ, кого мы поминаемъ поименно, но и тѣхъ, „ихже не помянухомъ забвеніемъ или множествомъ именъ, вѣдый коекождо дождь и потребу его, вѣдый коекождо отъ чрева матери его“ и т. д. (Молитва во время пѣнія: „О тебѣ радуется“...).

Что сказать на это? По существу собственно и говорить бы не слѣдовало, потому что во всемъ, что говорить такъ, нѣтъ и доли правды, а одна только ложь и обманъ. Правда, и св. Ва-

сильнѣйшій Великій свидѣтельствуетъ, что могутъ быть такіе случаи, когда невозможно помянуть всѣхъ, за кого должно молиться, по причинѣ „множества именъ“... Но это говорится, очевидно, о случаяхъ исключительныхъ, когда множество именъ бываетъ дѣйствительно такое громадное, что и перечестъ ихъ невозможно. Такъ могло бы быть, напр., еслибы я задался мыслію помянуть на литургіи не только присяжныхъ и знаемыхъ, но и всѣхъ отъ вѣка. усопшихъ христіанъ, извѣстныхъ напр. по исторіи, или имена всѣхъ воиновъ, когда либо убитыхъ на войнѣ, списки коихъ имѣются въ разныхъ полкахъ, и пр. и пр. Но развѣ можно съ этимъ сравнивать тѣ поминанья, которыя подаются намъ обыкновенно? Пусть ихъ будетъ сотня, пусть будетъ другая, хотя это бываетъ очень рѣдко, и притомъ только въ особыхъ привилегированныхъ мѣстахъ, и въ особенные дни,—но ихъ все-таки можно прочесть;—и скажите, положи руку на сердце, что лучше въ этомъ случаѣ, задержать ли молящихся на полчаса или на часъ и два долѣе въ церкви, чѣмъ оставить покойниковъ безъ поминовенія? Иное дѣло, конечно, когда какая либо нужда заставляетъ поспѣшать, напр., необходимость крестить умирающаго младенца, или напутствовать умирающаго... Но и въ такомъ случаѣ добрый священникъ найдетъ возможность честно выйти изъ затрудненія, отложивши непрочитанныя книжки на другой день, чтобы помянуть ихъ на ближайшей литургіи, и т. д.

Скажутъ: а что же дѣлать, когда отложить нельзя, когда богомольцы напр. пришли изъ далека и требуютъ своихъ книжекъ и записокъ обратно, чтобы вернуться домой? и т. д. И на это есть средство, и притомъ самое простое. Вѣдь богомольцы подобнаго рода, какъ мы уже замѣтили, особенно по приходскимъ церквамъ собираются не всегда, а только въ извѣстныя, опредѣленные дни. Въ такомъ случаѣ, чтобы удовлетворить желающихъ, всего лучше пригласить на помощь два, три, четыре сосѣднихъ священника, поставить ихъ у жертвенника для содѣйствія въ изытіи частицъ, или для служенія панихидъ, какъ это дѣ-

лается обыкновенно въ нашихъ лаврахъ и другихъ большихъ обителяхъ, и дѣло будетъ сдѣлано, и совѣсть чиста...

Тѣмъ болѣе грѣшно оправдываться въ пропускѣ поминовеній „всеобщимъ Божіимъ“. Если такъ, то не надобно вообще ни о комъ молиться. Богъ знаетъ, кому что надобно, пусть, значить, и помогаетъ нуждающимся... Но какой же христіанинъ можетъ согласиться съ подобною мыслію? И сама такая мысль, по существу своему, не есть ли мысль самая грѣховная и богопротивная? Правду, истину сказать, въ своей грѣшной головѣ мы никакъ не можемъ безусловно порѣшить, точно ли восходятъ ко Господу и достигаютъ своей цѣли молитвы и приношенія о тѣхъ, за кого подано на молитвы, но самыя молитвы не совершены священникомъ, особенно на проскомидіи, по тѣмъ или другимъ причинамъ? Вопросъ этотъ мы оставляемъ открытымъ, въ надеждѣ, что его рѣшатъ, какъ должно, люди болѣе компетентные¹⁾... Но пусть будетъ и такъ; пусть въ числѣ „всѣхъ православныхъ христіанъ, и всѣхъ отъ вѣка усопшихъ отецъ и братій нашихъ“, о коихъ мы должны молиться обязательно, Господь приметъ молитвы и за тѣхъ, кого мы не упомянули, — мы то сами можемъ ли хоть сколько нибудь оправдаться чрезъ это предъ Богомъ и своею совѣстію? Вѣдь никто же, какъ Самъ Господь Богъ въ лицѣ своей Церкви, заповѣдалъ намъ для пользы и спасенія усопшихъ поминать ихъ не только вообще, но и поименно, и этотъ способъ поминовенія, какъ извѣстно, также древній, какъ и сама св. вѣра и Церковь наша. Кто же далъ мнѣ право нарушать и разрушать то, что установлено святыми апостолами, содержится всею церковію и утверждено вѣками? Если гдѣ, то здѣсь въ особенности уместно вспомнить слова Господни: проклятъ всякъ человѣкъ, творяй дѣло Божіе съ небреженіемъ. Кто же изъ насъ не ужаснется, самъ, такъ

¹⁾ Редакція „Руководства для сельскихъ пастырей“ не замѣдлитъ дать свой отвѣтъ.

сказать, на себя налагая печать проклятія и отверженія своею лѣностію и небреженіемъ.

Въ предѣлахъ Черниговской губерніи намъ пришлось слышать разсказъ, за вѣрность котораго мы не можемъ ручаться, но о которомъ не можемъ не упомянуть въ виду ближайшаго его отношенія къ разсматриваемому вопросу, по его нравственному значенію. Въ одной церкви, по смерти ея настоятеля, никакъ не могли держаться новые священники, и что всего ужаснѣе, они умирали тутъ же въ церкви, какъ только приступали къ жертвеннику для совершенія проскомидіи. Такъ умеръ внезапно одинъ священникъ, потомъ другой... Тогда одинъ старшій, благочестивый священникъ рѣшился самъ испытать, что это такое? Приготовившись къ службѣ молитвою, постомъ и покаяніемъ, онъ облачился къ литургіи, и какъ только приступилъ къ жертвеннику, глядь,—а тутъ у жертвенника стоитъ не давно умершій прежній настоятель церкви, весь черный, какъ уголь, окованный съ ногъ до головы цѣпами, съ ужасающимъ взоромъ. Выдержалъ старецъ Божій, по милости Господней, страшное зрѣлище, и на другой день снова сталъ служить литургію. Несчастный покойникъ опять тутъ же на лицо, и все указываетъ глазами на жертвенникъ. Догадался старецъ и, какъ заглянулъ подъ жертвенникъ, чуть не обмеръ отъ страха. Тамъ лежали цѣлыя тысячи поминальныхъ книжекъ и записокъ, очевидно, ни разу не прочитанныхъ. Тогда старецъ началъ тутъ же поминать записанныхъ, и по мѣрѣ того, какъ онъ прочитывалъ найденныя книжки и записки, лицо умершаго начало проявляться. На другой день старецъ снова служить и, продолжалъ прочитывать найденныя книжки и записки, видя, что и цѣпи съ находящагося здѣсь священника спадаютъ одна за другою... Наконецъ старецъ отслужилъ послѣднюю литургію, на которой дочиталъ послѣднія книжки и записки, и лицо покойника засіяло небеснымъ свѣтомъ. Онъ радостно поклонился старцу Божію въ знакъ братской благодарности и съ тѣхъ поръ никогда и никому не являлся болѣе.

Повторяемъ, при всемъ нашемъ желаніи, мы никакъ не могли узнать, гдѣ и когда это было. Но сколько самой ужасной правды въ этомъ разсказѣ? Сколько смысла и назиданія самаго глубокаго? Одно только можно сказать на это: имѣй уши слышати, да слышитъ. И какъ не слышать?

IV.

То же самое нужно сказать и о „забвеніи“, хотя оно также упоминается у св. Василія. Несомнѣнно, святитель разумѣлъ здѣсь забвеніе невольное, случайное, — хотя и о невольномъ забвеніи надо сказать, что его не могло бы быть, еслибы мы по больше употребляли въ этомъ случаѣ воли, чтобы не забыть, такъ что и здѣсь едва ли мы можемъ считать себя совершенно безвиновными и безотвѣтными. Затѣмъ, само собою понятно, и говорить нечего о забвеніи произвольномъ, нарочитомъ...

И сюда прежде всего мы должны отнести тотъ фактъ, который, признаемся, поражаетъ насъ до глубины души, и безъ сомнѣнія, долженъ поражать всякаго, что въ большинствѣ нашихъ храмовъ безусловно почти не имѣется поминниковъ священниковъ, служившихъ въ нихъ. Еще въ старыя годы, когда приходы переходили, такъ сказать, по наслѣдству отъ одного родича къ другому, память о предшествовавшихъ священнослужителяхъ хранилась между ними, по обязанности родства. А теперь, когда на мѣсто умершихъ или выбывшихъ священнослужителей болѣею частію назначаются чужіе люди, все какъ то забывается, такъ что только и остается благодарить отъ сердца святую Церковь нашу, что хоть она своими материнскими мѣсями молится „о всѣхъ служащихъ и служившихъ во вселеннѣхъ храмѣхъ семъ“, и т. д.

А между тѣмъ не одинъ изъ нихъ, можетъ быть, въ свое время жертвовалъ послѣдними силами для устройства или благоустройства того храма, въ которомъ мы служимъ, не одинъ всю душу свою, все свои попеченія употреблялъ для сѣянья, на той нивѣ Божіей, отъ плодовъ которой мы нынѣ питаемся, занимая

бывшій приходъ его... Чѣмъ же мы можемъ возблагодарить такимъ, чѣмъ помянемъ ихъ за ихъ любовь и подвиги, какъ не молитвою предъ тѣмъ же святымъ престоломъ, предъ которымъ и они нѣкогда служили во имя Господне. Потому-то и св. Апостоль положительно повелѣваетъ: поминайте наставники ваша; знайте настоятелей вашихъ о Господѣ, и т. д. Нѣтъ сомнѣнія, что и наша смерть не за горами. Не сегодня такъ завтра, не чрезъ годъ, такъ чрезъ два, не чрезъ десять, такъ чрезъ тридцать, сорокъ, пятьдесятъ лѣтъ, а все таки придется умереть непремѣнно. И принесутъ наше грѣшное тѣло, и положить его среди этого же храма, и какъ надъ всѣми, прежде насъ служившими здѣсь, святая Церковь возгласитъ отъ лица нашего: „мысленно молю, услышите, съ труды бо сія провѣщаю; васъ бо ради сотворихъ рыданіе сіе, негли имѣти кому къ пользѣ? Но огда вѣти сія имате, поминайте мя иногда знаемаго; многажды бо вкушъ скидохомся и въ дому Божиємъ вкушъ пояхомъ: аллилуіа“... Или еще: „вспоминаю вамъ, братіе мои, чада и друзи мои, не забывайте мя, егда молитесь ко Господу; молю, прошу и миліся дѣю (усяленно прошу) навѣкайте снѣмъ въ память, и плачите мене день и ношъ“... и т. д. (Изъ чина погребенія усопшихъ священниковъ). Что, если никто не обратитъ вниманія на этотъ трогательный вопль души нашей, какъ мы не слышали другихъ? Ужасно и подумать, — но Господь не все же самъ говоритъ: въ ню же мѣру мѣрите, возмѣрится вамъ. А это все равно, что палгать руки на самихъ себя, или что тоже, безусловно перадѣтъ о своемъ спасеніи, поколику таковое тамъ, за предѣлами гроба, только и можетъ быть достигаемо молитвою за насъ во имя „вѣчной памяти“ предъ Господомъ о насъ со стороны живыхъ.

Страшно, еже впасти въ руцѣ Бога живаго, — и это тѣмъ непростительнѣе съ нашей стороны, что избѣжать грѣха такъ легко. Стоять только воспроизвести по памяти или по документамъ имена своихъ предшественниковъ, записать ихъ въ книгу,

и молиться за нихъ, совершая такимъ образомъ настоящую „вѣчную память“ о нихъ, чтобы затѣмъ и преемники наши молились о насъ, и т. д.

То же самое должны мы сказать и о поминовеніи другихъ лицъ, такъ или иначе близкихъ къ той церкви, въ которой Господь судилъ служить намъ, „создателей и благодѣтелей святаго храма сего“. Не желаемъ сказать гдѣ,—но въ одномъ храмѣ намъ пришлось найти въ купѣ церковнаго хлама мѣдную дощечку, на которой съ одной стороны вырѣзаны были имена усопшихъ „объ упокоеніи“, а на другой, послѣ указанія, въ какіе дни, по комъ служить божественную литургію и панихиды, въ заключеніе излагается такая трогательная молитва отъ лица покойниковъ, чтобы молились о нихъ, что читая ее, нельзя было не прослезиться горькими слезами. Отъ души жалѣемъ, что не удалось намъ списать этой молитвы. Замѣтимъ, что молитва эта была увѣковѣчена на мѣди отъ лица усопшихъ, бывшихъ нѣкогда лучшими благодѣтелями храма и благодѣтелями самаго причта, состоящаго при немъ, такъ какъ они пожертвовали для этого причта землю и пр. И такой документъ валялся въ хламѣ, я безъ сомнѣнія, не погибъ только случайно, потому что его всегда могли выбросить изъ церкви, какъ и забыли о немъ. Сколько же другихъ подобныхъ документовъ валется въ подобномъ же хламѣ, или же и уничтожено на вѣки,—объ этомъ знаетъ только одинъ Господь всевѣдущій... И диво ли послѣ этого, что въ настоящее время все больше перестаютъ вѣрить въ эту „вѣчную память“, все меньше и меньше хотятъ давать на „вѣчный поминъ“ покойниковъ. Въ мѣшкѣ шила не утаишь. Рано или поздно люди докапываются, что мы дѣлаемъ съ этими вѣчными поминовеніями,—и къ стыду нашему перестаютъ вѣрить намъ. Господи Боже мой, какую же сугубо страшную отвѣтственность беремъ мы на себя въ этомъ случаѣ, такимъ образомъ не только сами не молясь за усопшихъ, но и отталкивая отъ этой молитвы другихъ... Не постави намъ, Господи, во грѣхъ сего... Но какъ не поста-

вать, когда мы сами сознательно, злонамѣренно согрѣшаемъ въ этомъ случаѣ?...

Не мѣшаетъ также напомнить нашей братіи о такъ называемыхъ „родительскихъ субботахъ“ и другихъ дняхъ, специально назначаемыхъ церковію для поминовенія усопшихъ. Всѣ ли мы служимъ въ эти великіе и священные дни безусловно, обязательно? О, дай Господи, чтобы это было такъ. Иначе, зачѣмъ же церковь и назначила эти дни для моленія о всѣхъ, „которыхъ скрыла вода, которые погибли на войнѣ, поглощены землей во время землетрясенія, убиты убійцами и сгорѣли въ пожарѣ“, и всѣхъ, всѣхъ усопшихъ отъ вѣка, „гдѣ бы и какъ бы ни кончили они свою земную жизнь: въ морѣ ли, или на землѣ, или въ рѣкахъ, или въ озерахъ, или въ пустыняхъ сдѣлались добычею звѣрей, птицъ и пресмыкающихся, молніей пораженныхъ, замерзшихъ“ и проч. и проч. (Изъ службы въ субботу предъ Пятидесятницею).

V.

Въ заключеніе же всего еще и еще, выѣстъ съ церковію, пожелаемъ „вѣчной памяти“ усопшимъ не отъ насъ только живущихъ на землѣ, не только отъ нашего недостойства іерейскаго, но и отъ самаго Господа, Судіи и Спаса нашего. Правда Онъ Самъ говоритъ о своихъ послѣдователяхъ, что никогда не можетъ забыть ихъ. Егда забудетъ жена отроча свое, еже не помиловати исчадія чрева своего? Аще же и забудетъ сихъ жена, но азъ не забуду тебе, глаголетъ Господь. Но выѣстъ съ симъ Самъ же Господь нашъ Іисусъ Христосъ свидѣтельствуемъ, что могутъ быть и такіе случаи, когда Онъ, не взирая на безконечное милосердіе Свое, инымъ изъ усопшихъ, по Своему правосудію, долженъ будетъ изречь страшное, рѣшающее слово: не вѣмъ васъ...

О, не дай, Господи, никому и никогда слышать это слово, но „во блаженномъ успеніи вѣчный покой подаждь, Господи,
Къ № 19-му.

успшимъ работъ твоимъ сродникомъ и ближнимъ нашимъ и веѣмъ отъ вѣка скончавшимся православнымъ христіанамъ, и сотворимъ вѣчную память“. Будемъ также, провозглашая „вѣчную память“, просить этой памяти для усопшихъ со стороны Пречистой Матери Господа и святыхъ Его. Ибо если наша земная грѣшная молитва можетъ быть полезна для покойниковъ, то что же сказать о молитвенномъ ходатайствѣ Царицы неба и земли и святыхъ угодниковъ, яко старѣйшихъ членовъ въ дому Отца нашего небеснаго, а наипаче тѣхъ изъ нихъ, имена которыхъ наши присные носили, живя на землѣ. Кому же по преимуществу и ходатайствовать за насъ предъ Богомъ, какъ не нашимъ „святымъ ангеламъ“, съ именами которыхъ мы переходимъ въ вѣчность и здѣсь остаемся на землѣ въ памяти церкви? Потому то между прочимъ нельзя не пожалѣть, что у насъ только почти и принято помянать покойниковъ въ день ихъ кончины, а въ день ангела какъ будто забываютъ ихъ... Мы напротивъ думаемъ, что въ день ангела усопшаго надобно бы побольше молиться, въ томъ несомнѣнномъ убѣжденіи, что къ нашей недостойной молитвѣ присоединятся еще въ этотъ день другая болѣе высшая и совершеннѣйшая молитва, и такимъ образомъ при сугубой молитвѣ съ нашей стороны и со стороны святаго ангела сугубая должна быть и польза усопшему. Будемъ просить „вѣчной памяти“ усопшимъ и у ангеловъ хранителей ихъ, дабы они и по смерти не оставили хранимыхъ ими, и тамъ на небесахъ въ особенности предстательствовали о нихъ, какъ молить св. Церковь: „егда поставится престолъ и книги разгнутся, Ветхій деньми сядеть, и судятся челоѣцы, и ангели предстануть, и вси ужаснутся и вострепещутъ... Тогда твое челоѣколюбіе покажи, святыи ангеле, на усопшихъ отцахъ и братіяхъ нашихъ, и избави ихъ геенны, Христа умолиши... и близь стани тогда ихъ тихъ и радостенъ, надеждою спасенія отъемляи ихъ страхъ“ (Канонъ ангелу хранителю, пѣснь 8-я). А вмѣстѣ съ сими будемъ молить Господа, Пречистую Дѣву и веѣхъ святыхъ ангеловъ и челоѣковъ, дабы

и мы, памятуя о своихъ покойникахъ, при помощи благодатнаго внушенія, руководства и наставленія свыше возглашали ихъ не словомъ и языкомъ, но дѣломъ и истинною „вѣчную память“ во вѣки вѣковъ.

„Вѣчная ваша память, достоблаженнии и приснопамятніи братіе наши“ (Изъ чина погребенія мірскихъ челоуѣкъ). „Вѣчная память“, аминь.

Протоіерей А. Ѳ. Хойнацкій.

Производство слѣдствій по случаямъ опущеній и неправильныхъ записей разныхъ актовъ въ метрическихъ книгахъ.

Слѣдователь при производствѣ слѣдствій по случаямъ опущеній или неправильныхъ записей въ метрическихъ книгахъ событій рожденія, брака или погребенія извѣстныхъ лицъ, обязанъ въ точности руководствоваться статьями закона, изложенными въ VII главѣ Устава духовныхъ Консисторій и въ Св. Зак. т. X част. I разд. I отд. трет. и разд. II отд. перв. Статьи эти слѣдующія: Главнѣйшее доказательство событія брака есть показаніе оного въ метрическихъ книгахъ. Если же бракъ не записанъ въ метрическихъ книгахъ, то событіе оного можетъ доказываться: а) обыскою книгою; б) несовѣдными росписями; в) гражданскими документами, если изъ оныхъ видно, что именующіеся или именуемые супругами признавались таковыми въ присутственныхъ мѣстахъ и безспорно пользовались гражданскими правами и преимуществами, зависящими отъ законнаго супружества и г) слѣдствіемъ (Уст. дух. Кон. ст. 260; Св. Зак. т. X част. I ст. 34 и 35). Слѣдствіе должно заключать въ себѣ показаніе причта, который вѣнчалъ бракъ, бывшихъ при бракѣ свидѣтелей и вообще знающихъ о достовѣрности событія брака. Кромѣ священнослужителей, супруговъ, о которыхъ идетъ дѣло, и ихъ родителей, всѣ прочія лица даютъ показанія подъ присягою (Уст. Конс. ст. 261; Св. Зак. т. X част. I ст. 36). Главнымъ, пре-

имущественнымъ доказательствомъ рожденія отъ законнаго брака признаются выданныя духовными властями, на основаніи метрическихъ книгъ, частнымъ лицамъ свидѣтельства, или же доставленныя отъ сихъ властей въ присутственныя мѣста или подлежащимъ начальствомъ взятыя изъ сихъ книгъ свѣденія (Св. Зак. т. X част. I ст. 122; Уст. гражд. суд. ст. 1354 въ Суд. Уст. Имп. Алек. II изд. 1883 г.). За невозможностію получить метрическое свидѣтельство о рожденіи, по неимѣнію ли метрическихъ книгъ, или по сомнительности обстоятельствъ, которыя въ нихъ показаны (напр. если метрическая запись сомнительна, потому что находится подъ другимъ числомъ, или съ разнорѣчіемъ въ именахъ рожденнаго или родителей, или съ подчистками, или по другимъ причинамъ), дѣлается справка съ исповѣдными росписями, начиная отъ указаннаго года рожденія до года производства дѣла, также съ метрическою и обыквною книгою о бракѣ родителей и производится слѣдствіе (Уст. Конс. ст. 265; сравн. Св. Зак. т. X часть I ст. 123). Если метрической записи о бракѣ родителей не окажется, то въ такомъ случаѣ дѣлается дознаніе о дѣйствительности брака вышеизложеннымъ порядкомъ (Уст. Конс. ст. 266). При производствѣ слѣдствія по случаю опущенія или неправильной и сомнительной записи въ метрическихъ книгахъ событія рожденія, допрашивается приходскій священникъ или тотъ, который совершалъ крещеніе надъ доказывающимъ законность своего рожденія, — причтъ, восприемники и лица бывшіе при крещеніи, а равно и родители доказывающаго законность своего рожденія (Уст. Конс. ст. 265 и Св. Зак. т. X часть I ст. 124). Свидѣтельскихъ показаній должно быть не менѣе двухъ и притомъ данныхъ людьми честнаго и неукоризненнаго поведенія. Эти показанія тогда только считаются доказательствомъ законности рожденія, когда они не только согласны со всѣми другими при производствѣ дѣла обнаруженными обстоятельствами, но и вполнѣ подтверждаются послѣдними (Св. Зак. т. X часть I ст. 124; Уст. гражд. судопр. ст. 1356 въ Суд. Уст. Имп. Алекс. II изд.

1883 г.). Если родителей въ живыхъ нѣтъ, то сверхъ показаній отъ священника крестившаго, причта, воспріемниковъ и другихъ лицъ бывшихъ при крещеніи, преимущественно обращается вниманіе на всѣ относящіяся до лица, о которомъ идетъ дѣло, документы, изъ коихъ можно было бы видѣть: какъ признавали его родители, какъ оно вообще признаваемо было при жизни родителей и не было ли при жизни родителей спора о законности его происхожденія (Уст. Конс. ст. 267). Смотра по надобности въ доказательство законности рожденія могутъ быть собираемы свѣденія изъ другихъ источниковъ, каковы суть: формулярныя списки родителей, родословныя, городскія и обывательскія книги, ревизскія сказки и пр. (Уст. Конс. ст. 268; ср. Св. Зак. т. X часть I ст. 123; Уст. гражд. суд. ст. 1356 въ Суд. Уст. Имп. Алекс. II изд. 1883 г.)¹⁾.

¹⁾ Самарское епархіальное начальство, кромя общихъ правилъ относительно производства слѣдствій по случаямъ опущеній и неправильныхъ записей разныхъ актовъ въ метрическихъ книгахъ, — правилъ, изложенныхъ въ VII главѣ Уст. дух. Конс., предписало руководствоваться въ этомъ дѣлѣ и слѣдующими частнѣйшими правилами: 1) По каждому обстоятельству дѣла вести особые журналы съ надлежащими въ нихъ поясненіями, чѣмъ именно вызывается то или другое дѣйствіе, такой или иной способъ выполненія онаго. 2) Предъ началомъ слѣдствія слѣдователь приглашаетъ къ оному депутата со стороны лицъ, подлежащихъ допросу, и каждый актъ слѣдственнаго дѣла свидѣтельствуется подписомъ своихъ и депутата, а показанія лицъ, опрошенныхъ по дѣлу, подписомъ ихъ самихъ или, въ случаѣ ихъ неграмотности, кому довѣрять, и также подписомъ своихъ и депутата. 3) Слѣдователь отбираетъ предварительныя и нужныя свѣдѣнія отъ заинтересованныхъ въ дѣлѣ лицъ и затѣмъ приступаетъ къ повѣркѣ ихъ показаній нужными, откуда слѣдуетъ, справками изъ документовъ и допросамъ лицъ, соприкосновенныхъ къ разслѣдуемому событію, или постороннихъ свидѣтелей, а именно: 4) Слѣдователь самъ, или чрезъ мѣстный причтъ, по случаю пропуска или невѣрной записи въ метрической книгѣ, дѣлаетъ справки по метрическимъ книгамъ за семь и болѣе лѣтъ ближайшихъ ко времени тѣхъ событій, до и послѣ оныхъ, и объ оказавшемся предлагаетъ къ дѣлу акты. 5) Наводитъ справку о времени совершенія брака родителей произведеннаго или испра-

Гражданскими документами, изъ которыхъ можно заимствовать свѣдѣнія о брачномъ состояніи лицъ или о законности рожденія ихъ, служатъ: 1) для дворянъ потомственныхъ родословныя книги, составляемыя въ каждой губерніи депутатскимъ собраніемъ обще съ губернскимъ предводителемъ дворянства и хранямыя въ архивахъ депутатскихъ собраній; въ эти родословныя книги вносятся потомственные дворяне, владѣющіе въ губерніи недвижимою собственностію, съ означеніемъ: холостъ ли кто, или женатъ и на комъ, или вдовъ, какихъ имѣетъ дѣтей

вплнн записаннаго, также справку о времени рожденія старшихъ дѣтей и рожденія слѣдующаго за пропущеннымъ. 6) Далѣе требуетъ отъ мѣстнаго прятка выписки изъ исповѣдныхъ росписей о всемъ семействѣ съ показаніемъ лѣтъ отъ перваго года, въ которомъ имѣло случиться то событіе, до послѣдняго времени, съ разъясненіемъ, не было ли у тѣхъ родителей другихъ дѣтей съ одинаковыми именами, или не принадлежитъ ли та запись другому лицу, а не тому, о которомъ производится слѣдствіе. 7) О лицахъ городского и сельскаго сословія требуются къ дѣлу копія отъ подзаскащихъ учреждений изъ ревизскихъ сказокъ и изъ посемейныхъ списковъ за первый и послѣдніе годы рожденій. О лицахъ военнаго званія прилагать къ дѣлу копія билетовъ, выданныхъ родителямъ даннаго лица, о лицахъ оберъ и штабъ-офицерскаго званія, также дворянъ и чиновниковъ — копія съ формулярныхъ изъ родителей списковъ, а о лицахъ духовнаго званія — изъ клировыхъ вѣдомостей. 8) Принявъ за данный годъ рожденія, показанныя въ тѣхъ спискахъ и преимущественно въ исповѣдныхъ росписяхъ, искать мѣсяцъ рожденія, къ чему приводить: а) дознаніе, когда празднуетъ пропущенный свои именины; б) указанія на современные случаи или обстоятельства, подтверждающія опредѣленно, что событіе рожденія, смерти или брака совершилось не прежде и не послѣ, или между таковыхъ-то числами мѣсяца. Вѣстѣ съ тѣмъ приблизительно или точно опредѣляется не только мѣсяцъ, но и день событія. 9) Здѣсь уже дѣло доходить до показаній родителей, воспитанниковъ, повивальной бабки, родственниковъ, сосѣдей и другихъ свидѣтелей, также членовъ причта, совершавшаго таинство или молитвословіе. Показанія этихъ лицъ могутъ служить подтвержденіемъ свѣдѣній, добытыхъ письменными документами, но не могутъ служить главнымъ основаніемъ факта по смыслу 265—268 ст. Уст. Коис. 10) Если въ допросахъ указаны будутъ свѣдѣтели лица, пропущенному записью въ метрикахъ, или о

того или другаго пола и сколькихъ лѣтъ (т. IX Зак. о сост. ст. 1101, 1102, 1106, 1107, 1108, 1114; по изд. 1776 г.); 2) для личныхъ дворянъ—городскія обывательскія книги, составляемыя городскимъ депутатскимъ собраніемъ обще съ городскимъ головой, въ которыхъ показывается: холостъ ли кто или женатъ и на комъ, или вдовъ, много ли имѣетъ дѣтей муж. и жен. пола, какъ ихъ имена и сколькихъ лѣтъ (Тамъ же ст. 1132—1134 и прил. къ ст. 1137); 3) для оставшихся гражданскихъ чиновниковъ, для оставшихся воен-ныхъ и канцелярскихъ служителей—аттестаты и указы объ отставкѣ, имъ выдаваемые; 4) для служащихъ гражданскихъ чиновниковъ и канцелярскихъ служителей—

которомъ имѣется вѣрная въ нихъ запись, то показанія о сверстникахъ съ осторожностію провѣряются справками изъ подлежащихъ документовъ; также если свидѣтелями въ подтвержденіе вѣрныхъ показаній сдѣланы будутъ ссылки на какія либо особенно замѣчательныя событія, прикосновенныя къ дѣлу и могущія точнѣе опредѣлять время рожденія, брака или смерти даннаго лица, то слѣдователь собираетъ и прилагаетъ къ дѣлу надлежащія пояснительныя справки объ указанныхъ событіяхъ. 11) При всѣхъ допросахъ слѣдователь строго наблюдаетъ, чтобы указанные прасителями свидѣтели подробно и точно отвѣчали (подъ присягою, кромѣ заинтересованныхъ въ дѣлѣ лицъ): знаютъ ли они то лицо, о которомъ производится дѣло, и чѣмъ подтверждаютъ, что данное лицо происходитъ отъ извѣстныхъ родителей, что событіе совершилось въ то или другое время, и какая должна быть восстановлена вѣрная запись въ метрической книгѣ. 12) По собраніи всѣхъ изложенныхъ свидѣній объ изслѣдуемомъ событіи, слѣдователь представляетъ дѣло въ Консисторію при своемъ ранортѣ, соблюдая строго хронологическій порядокъ въ расположеніи и подписывѣ бумагъ въ дѣлѣ, съ приложеніемъ къ нему: а) подробной изъ дѣла записки; б) подлежащей описи всѣмъ имѣющимся въ дѣлѣ документамъ и бумагамъ, и в) свидѣній о виновныхъ въ пропускѣ или невѣрной записи событія по метрикамъ. Самое дѣло должно быть пронумеровано, скрѣплено рукою слѣдователя и переѣчено по листамъ цифрами, съ приложеніемъ къ шнурѣ своей или церковной печати. Допущенныя слѣдователемъ въ показанія обыскныхъ лицъ, а равно въ копійхъ изъ документовъ поправки или поправки въ словахъ и цифрахъ, непременно должны быть оговорены въ надлежащихъ мѣстахъ дѣла, за надлежащею подписью слѣдователя и, если требуется существомъ дѣла, допрошенныхъ свидѣтелей.

послужные списки, которые ведутся въ присутственных мѣстахъ; 5) для служащихъ воинскихъ нижнихъ чиновъ—именные списки, которые ведутся военнымъ начальствомъ; 6) о безсрочно-отпускныхъ или уволенныхъ въ запасъ нижнихъ воинскихъ чинахъ—билеты, выдаваемые отъ военного начальства; 7) для священно-церковно-служительскихъ дѣтей, не состоящихъ на службѣ духовной—выдаваемые Консисторіями свидетельства на принадлежность къ почетному гражданству, и клпровыя вѣдомости, въ которыхъ они должны быть показываемы при родителяхъ; 8) для почетныхъ гражданъ, купцовъ, мѣщанъ и цѣховыхъ—ревизскія сказки, городскія обывательскія книги; 9) для крестьянъ и другихъ податныхъ сословій—ревизскія сказки и посемейные списки. Если документы гражданскіе находятся въ рукахъ тѣхъ, которымъ они выданы (наприм. указы объ отставкѣ у отставныхъ, билеты у безсрочно-отпускныхъ, и пр.), то нужно истребовать эти документы и, осмотрѣвъ, сдѣлать изъ нихъ точныя выписки о семейномъ положеніи этихъ лицъ. А если гражданскіе документы тѣхъ лицъ, о которыхъ производится дѣло, находятся въ присутственных мѣстахъ и сословныхъ учрежденіяхъ, то нужно просить присутственных мѣстъ и учрежденій о выдачѣ точныхъ копій съ гражданскихъ документовъ тѣхъ лицъ, о которыхъ производится дѣло. Такъ родословныя о потомственныхъ дворянахъ находятся въ депутатскихъ собраніяхъ, а копіи съ нихъ въ губернскихъ правленіяхъ и въ департаментѣ герольдіи (т. IX Зак. о сост. ст. 1114); послужные списки служащихъ лицъ находятся въ присутственных мѣстахъ, въ которыхъ они служатъ; городскія обывательскія книги—въ архивѣ городского общества, въ городскихъ управахъ, думахъ, а копіи въ губернскихъ правленіяхъ и въ казенныхъ палатахъ (т. IX Зак. о сост. ст. 1139); ревизскія сказки въ казенныхъ палатахъ, уѣздныхъ казначействахъ, городскихъ управахъ или думахъ и въ волостныхъ правленіяхъ; посемейные списки о крестьянахъ и другихъ сельскихъ обывателяхъ—въ волостныхъ правленіяхъ. Въ этихъ-то мѣстахъ и учрежденіяхъ и нужно обращаться съ просьбою о выдачѣ точныхъ копій или выписокъ изъ гражданскихъ документовъ тѣхъ лицъ, о которыхъ производится дѣло.

Редакторъ Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архимандритъ *Ириней*.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 25 апрѣля 1885 г. Цензоръ прот. М. Богдановъ.
Тин. Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайлов. ул., собств. домъ.

Годъ

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

XXVI.

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
пять руб., съ пересылкою шесть
рублей серебромъ.

№ 20.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Киевской
духовной семинаріи.

1885 года, Мая 12-го.

Содержаніе: Снятіе св. Плащаницы съ престола въ день отданія св. Пасхи и обряды, совершаемые при этомъ въ малороссіи. — Опекуны надъ малолѣтними дѣтьми духовнаго званія и имуществомъ, имъ принадлежашимъ. — Нетерпимые недостатки въ исполненіи церковнаго пѣнія.

**Снятіе св. Плащаницы съ престола въ день отда-
нія св. Пасхи и обряды, совершаемые при этомъ
въ малороссіи.**

Въ связи съ богослужебными обычаями Страстной недѣли и перваго дня св. Пасхи находится обычай, практикуемый въ нашей церкви, полагать Плащаницу на св. престолѣ по оконча-
ніи полунощницы, предъ началомъ пасхальной утрени, и остав-
лять ее здѣсь до отданія праздника Пасхи. Въ этотъ день Пла-
щаница убирается съ престола на обычное мѣсто, при чемъ въ
нѣкоторыхъ мѣстахъ совершаются при этомъ религіозныя цере-
моніи и церковно-богослужебные обряды. „По окончаніи полунощ-
ницы или во время ея обыкновенно, говоритъ о. Никольскій,

всѣ священнослужители въ облаченіи безмолвно переносятъ Плащаницу со средины храма въ алтарь, царскими вратами,—окадивъ ее, какъ предъ несеніемъ, такъ и по положеніи ея на престолѣ, и затѣмъ царскія двери затворяются до начала утрени. На престолѣ Плащаница лежитъ до отданія праздника Пасхи, въ изображеніе сорокадневнаго пребыванія Господа на землѣ¹⁾. На чемъ основывается настоящій обрядъ въ цѣломъ своемъ видѣ, сказать опредѣленно трудно, но нѣкоторыя его частности имѣютъ несомнѣнныя основанія въ практикѣ восточныхъ церквей; откуда получилъ свое начало и самый обычай выносить въ Великую субботу послѣ великаго славословія вмѣстѣ съ Евангеліемъ и св. Плащаницу. Такъ несомнѣнно извѣстно, что обычай полагать Плащаницу на престолѣ явился на Руси изъ современной намъ практики церквей восточныхъ²⁾, хотя, впрочемъ, съ нѣкоторыми особенностями. Изъ современныхъ уставовъ церквей греческой и болгарской можно видѣть³⁾, что на востокѣ Плащаница полагается на престолѣ непосредственно послѣ входа съ нею на утрени въ Великую субботу, тогда какъ у насъ нынѣ по вхождѣ при пѣніи „Благодарный Іосифъ“ она относится снова на средину храма, откуда и переносится на престолъ, какъ мы уже сказали, предъ началомъ пасхальной утрени, по окончаніи полунощницы. Этотъ послѣдній обычай, находясь въ нѣкоторомъ противорѣчіи съ совре-

¹⁾ Пособ. къ изученію Устав. богосл. прав. церкв. Спб. 1874 г. стр. 611.

²⁾ Топик. edit. Константи. 1838 an. pag. 189; Тип. изд. Константи. Р. К. Протопопск. 1860 г. стр. 293.

³⁾ Εἰτα ἀρχόμεθα τοῦ ἀσπασμοῦ εἰς ἥχον πλ. β. προπορευόμενοι ἐμπροσθεν τοῦ ἐπιταφίου, καὶ ἐξέρχόμεθα τοῦ ναοῦ. ἐπειδὴν δ' ἐπαυλάσωμεν, εἰσέρχεται ὁ πατριάρχης κατ' εὐθείαν εἰς τὸ ἱερόν, καὶ γίνεται ἡ τάξις ὡς σὺνηθες, τιθεμένων τοῦ ἐπιταφίου ἐπὶ τῆς ἀγίας τραπέζης. Топик. 1838 an. pag. 189. Conf. Тип. изд. Константи. 1860 г. стр. 293; Топик. ἐκκλησιαστ. εκδοσ. τέταρτ. Βενετ. 1884 pag. 287.

менной практикою церковей восточныхъ, не согласуется съ предписаніями и нашего современнаго Типикона. Описывая входъ съ Плащаницею и Евангеліемъ въ Великую субботу на утрени, нашъ Типиконъ замѣчаетъ: „сему же (т. е. Трисвятому, которое поется при совершеніи разсматриваемаго нами входа) кончану бывшу, входитъ настоятель со Евангеліемъ въ царскія двери и полагаетъ Евангеліе на престолѣ, Плащаницу же на уготованный столъ во образъ гроба“ (Тип. изд. Кіев. 1824 г. л. 394 об.). Т. е. по нашему Типикону, Плащаница совершенно не лежитъ на престолѣ, а послѣ входа съ нею на утрени въ Великую субботу вносится въ алтарь и полагается на особенно для этого случая устроенномъ столѣ „во образъ гроба“, гдѣ и лежитъ до слѣдующаго года. Разсматриваемая нами практика относительно времени снятія Плащаницы съ престола, не согласуется, наконецъ, и съ древнѣйшею нашею богослужебною практикою, которая то же допускала положеніе Плащаницы на престолѣ, хотя, впрочемъ, только на одну недѣлю св. Пасхи до недѣли Ѧоминой. Въ XVI вѣкѣ, когда въ—первые появился обычай выносить въ Великую субботу на утрени вмѣстѣ съ Евангеліемъ и Плащаницу, послѣ входа съ евангеліемъ и Плащаницею или „воздухомъ, на немже образъ положенія во гробъ Господа нашего Іисуса Христа, цѣлуютъ и полагаютъ св. Евангеліе въ алтари на святой трапезѣ, съ нимже и воздухъ полагается на святой трапезѣ даже и до Ѧомины недѣли“¹⁾. Этимъ воздухомъ въ обителяхъ Антоніево-Сійской²⁾, Кирилло-Бѣлозерской³⁾, Троице-Сергіевской⁴⁾ и на Прилукѣ⁵⁾ престолъ покрывался всю пасхальную

¹⁾ Устав. ркп. М. Синод. библ. № 337 л. 440 об.; ркп. Типогр. библ. № 288 л. 500; ркп. Анз. ск. № 86 л. 537; Треби. ркп. М. Синод. библ. № 310 л. 84—92.

²⁾ Ркп. Солов. библ. № 1117 л. 210; ркп. М. Синод. библ. № 814 л. 261 об.—262; ркп. Волокол. библ. № 338 л. 250.

³⁾ Ркп. Волокол. библ. № 342 л. 39 об., 40.

⁴⁾ Ркп. той же библ. № 338 л. 249 об.

⁵⁾ Ibidem. л. 250.

недѣлю до субботы, а въ этотъ день, послѣ окончанія литургіи, снимали его съ престола и убирали на прежнее мѣсто. Иногда, такъ какъ престолъ былъ малъ, а Плащаница, или воздухъ великъ, то для удобства священнодѣйствія евангеліе не полагалось на престолъ, „занеже воздухъ на престолъ“¹⁾).

Приведенныя сейчасъ выдержки изъ богослужебныхъ памятниковъ XVI вѣка ясно для насъ : устанавливають, какъ тотъ фактъ, что Плащаница полагалась на престолъ въ Великую субботу на утрени послѣ входа, такъ равно и тотъ, что оставалась эта Плащаница только до Фомина воскресенья, или вѣрнѣе до субботы св. Пасхи, когда послѣ окончанія литургіи, она убиралась на обычное мѣсто, на которомъ лежитъ въ остальное время года. Этотъ обычай практики XVI вѣка въ нашей церкви находится, по всей вѣроятности, въ нѣкоторой зависимости отъ практики изъ временъ господства на Руси устава студійскаго, по которому отданіе праздника Пасхи совершалось не наканунѣ Вознесенія, какъ нынѣ, а именно въ субботу пасхальной недѣли²⁾. На чемъ основывается практика нашего времени относительно времени снятія Плащаницы съ престола, рѣшить категорически нѣтъ никакихъ основаній, такъ какъ въ письменныхъ памятникахъ, извѣстныхъ намъ, объ этомъ обрядѣ рѣшительно ничего не говорится. Нашъ нынѣшній Типиконъ, какъ выше было замѣчено, не указываетъ даже полагать Плащаницу на престолъ, въ современныхъ же Типиконахъ церквей восточныхъ о времени снятія Плащаницы нѣтъ никакихъ указаній.

Здѣсь же, въ этомъ отсутствіи какихъ бы то ни было письменныхъ указаній относительно времени снятія Плащаницы съ престола, кроется главнымъ образомъ причина и того обстоятель-

¹⁾ Рук. Волокол. библ. № 338 л. 252.

²⁾ Устав. ркн. М. Синод. библ. XII—XIII в. № 330 л. 43 об., 44; ркн. XII в. М. Типогр. библ. № 285 л. 13; Триод. ркн. XII в. той же библ. № 255 л. 65 об.

ства, что обряды, совершаемые при этомъ дѣйствіи въ настоящее время, чрезвычайно разнообразны. Въ великороссіи, напримеръ, повсемѣстно Плащаницу убираютъ съ престола послѣ окончанія литургіи въ отданіе праздника св. Пасхи и безъ всякихъ обрядовыхъ дѣйствій. Такъ это дѣлается и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ малороссіи, но здѣсь въ большинствѣ случаевъ настоящее снятіе Плащаницы съ престола обставлено довольно трогательною и строго религіозною церемоніею, которая привлекаетъ въ храмы множество молящихся и доставляетъ имъ истинно религіозное наслажденіе. Въ малороссіи снимается Плащаница съ престола тоже въ отданіе св. Пасхи. Передъ литургіею этого дня священникъ снимаетъ Плащаницу съ престола, выноситъ ее на средину храма и полагаетъ на столѣ, на которомъ она обыкновенно лежитъ въ пятницу и въ субботу Страстной седмицы. Молящіеся приходятъ въ храмы, лобзаютъ Плащаницу и ставятъ передъ нею во множествѣ свѣчи. При окончаніи литургіи, послѣ пѣнія двукратно: „Буди имя Господне“, священникъ выходитъ изъ алтаря къ Плащаницѣ, трижды кадитъ ее кругомъ и на головъ съ пѣніемъ тропаря: „Вознесся еси во славу, Христе Боже нашъ“ или стиха: „Вознеси́ся на небеса, Боже“ уноситъ ее въ алтарь и полагаетъ на обычномъ мѣстѣ, гдѣ она лежитъ въ теченіи цѣлаго года. Затѣмъ поется въ третій разъ „Буди имя Господне“, читается 33 псаломъ и оканчивается литургія по Уставу. Описанная картина внесенія Плащаницы въ алтарь производятъ глубокое впечатлѣніе на молящихся и переносятъ ихъ мысль на гору Елеонскую, съ которой Христосъ Спаситель въ видѣ своихъ учениковъ вознесся на небо и сѣлъ одесную Бога Отца. Отсюда-то иногда въ простомъ народѣ этотъ день называется не отданіемъ праздника Пасхи, а „вшествіемъ“.

Въ другихъ мѣстахъ литургія въ день отданія праздника Пасхи совершается обычнымъ порядкомъ и Плащаница до ея окончанія лежитъ на престолѣ, такъ какъ, по Уставу, этою литургіею собственно оканчиваются службы св. Пасхи; но послѣ

двукратнаго пѣнія „Буди имя Господне“, священникъ трижды кладетъ Плащаницу, лежащую на престолѣ, кругомъ; беретъ ее на голову и обноситъ кругомъ престола, въ царскія двери съ пѣніемъ тропаря: „Вознесся еси во славу, Христе Боже нашъ“ выносить ее на средину храма и полагаетъ на обычномъ столѣ. Совершивъ цѣлованіе, священникъ уходитъ въ алтарь и обычнымъ, по Уставу, порядкомъ оканчиваетъ литургію. Въ это время молящіяся лобызаютъ Плащаницу. По окончаніи литургіи Плащаница съ средины храма убирается на обычное мѣсто, гдѣ она лежитъ въ теченіи года, уже безъ всякихъ обрядовъ. Иногда Плащаница на срединѣ храма лежитъ до 12 часовъ дня и двери его остаются открытыми. Въ храмы приходятъ молящіяся, лобызаютъ Плащаницу и ставятъ передъ нею свѣчи, а въ полдень приходитъ въ храмъ священникъ и убираетъ Плащаницу безъ всякихъ обрядовъ на обыкновенное мѣсто.

Изъ сказаннаго можно сдѣлать слѣдующія заключенія:

1) Положеніе Плащаницы на престолѣ, хотя совершается и не по указанію нашего нынѣшняго церковнаго Устава, но согласно съ практикою церкви христіанскаго востока, отъ котораго мы позаимствовали употребленіе въ церковномъ богослуженіи Плащаницы и обряды, совершаемые при выносѣ ея въ Великую пятницу и въ Великую субботу Страстной седмицы, съ тою однако разницею, что на востокѣ это положеніе Плащаницы совершается въ Великую субботу послѣ входа, а у насъ, при окончаніи полунощницы, предъ началомъ пасхальной утрани.

2) Время снятія Плащаницы съ престола въ день отданія этого праздника, не указывается ни въ какихъ письменныхъ богослужебныхъ памятникахъ церкви нашей славяно-русской и христіанскаго востока. Сорокадневное пребываніе Плащаницы на престолѣ можетъ быть пока оправдываемо единственно вышеприведеннымъ соображеніемъ о. Никольскаго, что это дѣлается „въ изображеніе сорокадневнаго пребыванія Господа на землѣ“.

3) Все обряды, совершаемые въ малороссіи, при снятіи Плащаницы съ престола въ день отданія св. Пасхи, несомнѣнно истиннаго происхожденія и не имѣютъ никакого основанія въ письменныхъ источникахъ. Но будучи вполне согласно съ духомъ и характеромъ православнаго церковнаго богослуженія вообще и представляя нѣкоторое видимое соответствіе настоящаго обряда съ тою идеею, или моментомъ въ земной жизни Спасителя нашего, который совершился въ сороковой день по воскресеніи Его въ частности, настоящій обрядъ, по нашему мнѣнію, заслуживаетъ полнаго вниманія и достоинъ того, чтобы пастыри, унаследовавшіе сей прекрасный обычай по преданію отъ своихъ предшественниковъ, не оставляли его, а свято блюли бы. При этомъ считаемъ однако нелишнимъ замѣтить, что изъ всѣхъ вышеуказанныхъ обычаевъ снятія Плащаницы съ престола, по нашему мнѣнію, болѣе правиленъ и болѣе отвѣчаетъ воспоминаемому событію по своимъ подробностямъ тотъ, по которому снятая съ престола Плащаница, при пѣніи тропаря: „Вознесися еси во славу Христе Боже нашъ“ или стиха: „Вознесийся на небеса, Боже“ уносится со середины храма въ алтарь, который, по общепринятому и общераспространенному толкованію Отцевъ и учителей церкви, изображаетъ по отношенію къ средней части храма небо. Сюда-то, по сказанію книги Дѣяній Апостольскихъ (1, 9, 10), и было совершено вознесеніе Господа нашего Іисуса Христа послѣ Его сорокадневнаго пребыванія на землѣ съ момента Его воскресенія изъ мертвыхъ. Въ этой практикѣ нельзя не обратить вниманія на то обстоятельство, что литургія въ день отданія Пасхи совершается не на Плащаницѣ, которая, по этому обычаю, еще до начала и выносится на середину храма, тогда какъ повсемѣстная практика такова, что Плащаница убирается съ престола послѣ литургіи. Но это кажущееся неудобство настоящей практики легко можетъ быть устранено положеніемъ на престолѣ для совершенія этой литургіи другого экземпляра Плащаницы, каковъ, безъ всякаго сомнѣнія, най-

дется въ каждомъ даже бѣдномъ храмѣ, а если бы даже и не нашлся таковой экземпляръ Плащаницы по какимъ бы то ни было причинамъ, разсматриваемая нами практика, допускающая снятіе Плащаницы съ престола до начала литургіи, имѣетъ много важныхъ религіозно-воспитательныхъ сторонъ, которыми пренебрегать никоимъ образомъ не слѣдуетъ. Вынесенная Плащаница на средину храма, находясь передъ взорами молящагося народа, который лобызаетъ ее и ставитъ передъ нею свѣчи, даетъ возможность еще разъ перенестись мыслию на Голгофу и привести себя на память то великое дѣло искупленія нашего, которое начато Спасителемъ нашимъ Іисусомъ Христомъ на Голгофѣ и завершено Его вознесеніемъ на небо. Несеніе Плащаницы, при пѣніи тропаря вознесенію, въ алтарь на головѣ священникомъ безспорно и будетъ прямымъ отвѣтомъ на мысли и думы истинно молящагося христіанина, стоящаго при гробѣ Спасителя. Съ пробожденнымъ ребромъ и израненными ногами и руками, что каждый изъ молящихся будетъ видѣть передъ своими глазами въ Плащаницѣ,—вотъ съ какою благодарностію отъ облагодѣтельствованнаго отъ него человечества, вознесся на небо и свѣлъ одесную Бога Отца Спаситель нашъ. По истинѣ эта картина есть безмолвная и самая краснорѣчивая проповѣдь, а обрядъ только естественное и прямое дополненіе къ ней, дополненіе, уже предпослещее въ мысли всякаго истинно-религіознаго молящагося въ храмѣ въ этотъ день...

А. Дмитриевскій.

Опекуны надъ малолѣтними дѣтьми духовнаго званія и имуществомъ, имъ принадлежащимъ.

Опекуны, утвержденные въ этомъ званіи епархіальнымъ начальствомъ, получаютъ отъ благотворнаго описъ имуществу тѣхъ дѣтей, которыя поручены ихъ опеѣ, и вступаютъ въ управленіе своихъ обязанностей. Обязанности опекуновъ вообще заключаются: 1) въ попеченіи объ особѣ малолѣтняго¹⁾ и 2) въ управленіи, его имуществомъ (Св. Зак. т. X часть I ст. 262).

а) Попеченіе объ особѣ малолѣтняго.

Опекунъ долженъ заботиться объ особѣ и здравіи малолѣтняго. Онъ старается, чтобы малолѣтній воспитанъ былъ въ страхѣ Божіемъ, въ познаніи той вѣры, въ которой онъ родился, въ правилахъ добронравія и удаленіи отъ злыхъ примѣровъ; для

¹⁾ Въ несовершеннолѣтін полагается три возраста: первый отъ рожденія до 14 лѣтъ; второй—отъ 14 до 17 лѣтъ; третій—отъ 17 до 21 года (Св. Зак. т. X часть I ст. 213). Малолѣтній не можетъ ни управлять непосредственно своимъ имѣніемъ, ни отчуждать его по какимъ бы то ни было укрѣпленіямъ, ниже уполномочивать на то отъ себя другихъ (тамъ же ст. 217). Запрещается совершать какіе бы то ни было крѣпостные акты отъ имени малолѣтняго, или наисанные имъ признавать действительными и приводить въ исполненіе (тамъ же ст. 218). По достиженіи 14 лѣтняго возраста, малолѣтній хотя и можетъ испросить самъ себя попечителя для совѣта и защищенія во всѣхъ дѣлахъ, съ такими же качествами, какъ объ опекунахъ предписано, но права его на распоряженіе имуществомъ чрезъ-то не увеличиваются, и всякое даваемое съ его стороны согласіе на какой либо актъ считается по прежнему ничтожнымъ (тамъ же ст. 219). Достигшій 17-лѣтняго возраста вступаетъ въ управленіе своимъ имѣніемъ, но дѣлать долги, давать письменныя обязательства и совершать акты и сдѣлки какого либо рода, а равно распорядиться капиталомъ или получать таковыя обратпо изъ кредитныхъ установленій можетъ, безъ различія дѣтей отдѣленныхъ отъ неотдѣленныхъ, не иначе, какъ съ согласія и за подписью своихъ попечителей, безъ чего никакія выданныя имъ обязательства не могутъ почитаться действительными (тамъ же ст. 220).

сего ежели малолѣтній не отданъ въ училище, опекунъ, смотря по его роду и состоянію, обязанъ отдать его на воспитаніе и для изученія приличныхъ ему знаній людямъ добродѣтельнымъ, или избрать учителей, кои имѣли бы въ своихъ познаніяхъ и поведеніи опредѣленное законами свидѣтельство; для служенія же опредѣлить къ малолѣтнему необходимо только нужныхъ служителей добраго и непорочнаго поведенія. Вообще опекунъ долженъ приготовить малолѣтняго къ жизни сообразной его состоянію, но всегда трудолюбивой, умѣренной и безмятежной (Св. Зак. т. X часть I ст. 263). Опекуну предоставляется право отыскивать законнаго удовлетворенія въ личной обидѣ, малолѣтнему нанесенной (тамъ же ст. 265)¹⁾.

б) *Управление имуществомъ малолѣтняго.*

Все движимое и недвижимое имущество малолѣтняго опекунъ принимаетъ въ свое смотрѣніе по описи, составленной имъ вмѣстѣ съ мѣстнымъ благочиннымъ, при двухъ постороннихъ свидѣтеляхъ: одна копія описи за общимъ всѣхъ ихъ подписаніемъ вносится въ попечительство, а другая такая же остается у опекуна (Св. Зак. т. X часть I ст. 266; сравн. Инстр. благ. § 33). Движимое имѣніе, какъ-то: крѣпости, векселя и всѣкія вещи малолѣтняго хранить въ мѣстахъ удобныхъ и безопасныхъ, гдѣ бы они не могли повредиться или утратиться: деньги же отдавать или въ частныя руки, за указанныя проценты подъ вѣрныя залоги, или заклады, или подъ векселя, — или отдавать для приращенія процентами въ государственный банкъ, въ закавказскій приказъ общественнаго призрѣнія, въ городскія сберегательныя кассы,

¹⁾ Такъ какъ опека по закону установлена для попеченія не только объ имуществѣ, но и о личности несовершеннолѣтнихъ, даже личность ихъ должна быть первымъ и главнымъ предметомъ опекунскаго попеченія, то опека надъ ними должна быть учреждена даже и въ томъ случаѣ, когда родители не оставили имъ никакого имущества.

или обращать въ облигаціи или долговыя обязательства акціонерныхъ обществъ, уставами коихъ сіе дозволено (тамъ же ст. 268 по прод. 1876 г.). Сами же опекуны не могутъ брать у малолѣтнихъ деньги въ займы (прим. къ 268 ст. по прод. 1876 г.). Недвижимое имѣніе малолѣтняго опекунъ держать или приводить въ такое состояніе, чтобы надлежащія съ оного доходы получались сполна, а государственные сборы были выплачиваемы въ свое время бездомочно (тамъ же ст. 269 по прод. 1876 г.). Въ-стѣ съ тѣмъ опекунъ прилагаетъ попеченіе: 1) чтобы нужныя и полезныя хлѣбопашество, скотоводство и другія невоспрощенныя законами статьи доходовъ распространяемы были по мѣрѣ мѣстной удобности; 2) чтобы нужныя и полезныя строенія не были допущены до разоренья, для чего исправлять оныя въ удобное время; 3) чтобы неопустительно исправляемы были всѣ по имѣнію общественныя повинности (тамъ же ст. 270 пп. 1—3) Опекунъ старается, чтобы доходы малолѣтняго собираемы были въ надлежащее время, а расходы производились безъ излишества. Для сего онъ устраняетъ всѣ излишнія и роскошныя прихоти малолѣтняго и опредѣленныхъ къ нему для воспитанія и служенія людей, и ведетъ доходамъ и расходамъ вѣрныя погодныя книги (тамъ же ст. 273). По денежнымъ претензіямъ малолѣтняго, опекунъ чинить въ надлежащій срокъ взысканіе съ должниковъ, а въ случаѣ неплатежа употребляетъ установленныя въ законахъ мѣры (тамъ же ст. 274). Ежели имѣніе малолѣтняго отягощено долгами, то опекунъ старается удовлетворить требованія неоспоримыя изъ остающихся за издержками доходовъ, а въ случаѣ недостатка оныхъ для уплаты всѣхъ долговъ вдругъ, выплачиваетъ напередъ нетерпящіе отлагательства, особенно обращая вниманіе на имѣнія, заложенныя по ссудамъ изъ приказовъ общественнаго призрѣнія, изъ капиталовъ сельской промышленности новороссійскихъ губерній, и изъ другихъ кредитныхъ установленій, дабы не допустить оныхъ до продажи, чрезъ просрочку,

подъ собственною своею отвѣтственностію (тамъ же ст. 275). Продажа имѣнія малолѣтнихъ производится на слѣдующемъ основаніи: 1) Жизненные припасы и вещи, скорому тлѣнію и другимъ тратамъ подверженные, предоставляется опекунамъ продавать безъ особаго разрѣшенія, съ тѣмъ, что они обязаны, при отдачѣ годовыхъ отчетовъ, давать отчеты и о сихъ продажахъ. 2) Продажа вещей, тлѣнію не подверженныхъ, какъ-то: а) серебра, золота и всякаго рода драгоценныхъ камней допускается только въ слѣдующихъ случаяхъ: а) если сіе необходимо для уплаты долговъ, на наслѣдствѣ малолѣтняго лежащихъ, или для его содержанія; б) если означенныя вещи составляли товаръ того лица, отъ котораго перешли къ малолѣтнему. Продажа сихъ вещей производится порядкомъ, установленнымъ для продажи недвижимыхъ имѣній. Продажа недвижимыхъ имѣній, принадлежащихъ малолѣтнимъ допускается: а) при раздѣлѣ между наслѣдниками совершеннолѣтними и малолѣтними; б) для платежа доставшихся малолѣтнему вѣстѣ съ наслѣдственнымъ имѣніемъ долговъ; в) по совершенной ветхости строенія, или когда на содержаніе имѣнія требуется болѣе, нежели получается съ него дохода. Во всѣхъ сихъ случаяхъ, опекуны о необходимости продажи имѣній представляютъ епархіальному начальству. 4) Продажа всякаго имущества малолѣтнихъ не по приговорамъ судебнымъ, а по распоряженію опеки, совершается повольною цѣною и чрезъ посредство самихъ опекуновъ, подъ наблюденіемъ мѣтнаго сотрудника епархіальнаго попечительства (тамъ же ст. 277; срав. Ук. Св. Сня. 1867 г. авг. 16 за № 33). Продажа, принадлежащихъ малолѣтнимъ духовнаго званія, имущества движимыхъ и строеній, возведенныхъ не на собственной землѣ, разрѣшается епархіальнымъ начальствомъ, а на продажу земель и другихъ, кромѣ вышеупомянутыхъ, недвижимыхъ имущества испрашивается (за исключеніемъ случаевъ, означенныхъ въ 3 в. ст. 277 по прод. 1876 г.), разрѣшеніе Св. Синода (Уст. дух. Коне. ст. 80 п. 5; Св. Зак. т. X часть I

ст. 252 п. 5 по прод. 1876 г.)¹⁾. Опекунъ обязанъ имѣть ходатайство по всеѣмъ тяжбымъ дѣламъ малолѣтняго, подавать за него, куда слѣдуетъ и въ сроки законами опредѣленные, просьбы и апелляціи и вообще избирать способы, которые могли бы доставить ему покойное владѣніе его имуществомъ (Св. Зак. т. X часть I ст. 282).

в) *Составленіе и представленіе отчетовъ по опеѣ.*

По прошествіи каждаго года, непременно въ январѣ мѣсяцѣ, опекуны обязаны доставлять мѣстному сотруднику епархіальнаго попечительства (благочинному, подѣ ближайшимъ надзоромъ котораго они состоятъ) годовой отчетъ о доходахъ и расходахъ, содержаніи и воспитаніи, а также и о занятіяхъ малолѣтняго; сотрудникъ же по истребованіи отъ опекуновъ годовыхъ отчетовъ, по проверкѣ ихъ съ опекунскою книгою и по засвидѣтельствованіи въ подлежащихъ графахъ, представляетъ таковыя отчеты на ревизію въ попечительство (Св. Зак. т. X часть I ст. 252 п. 4, по прод. 1876 г.; тамъ же ст. 262 п. 2; Уст. дух. Конс. ст. 80 п. 4)²⁾. Опекуны и попечители, въ случаѣ нерадѣнія

¹⁾ Свѣденія, какія должны быть излагаемы въ представленіяхъ Св. Синоду о продажѣ имущества, принадлежащихъ малолѣтнимъ дѣтямъ священно-церковно-служителей, указаны въ опред. Св. Сина. 1881 г. 15 іюля—3 авг. за № 1538.

²⁾ Годовой отчетъ по опеѣ можетъ быть прижѣрно составленъ такъ: въ 1-й графѣ отчета нужно обозначить имена и фамиліи родителей и наслѣдниковъ; во 2-й—лѣта наслѣдниковъ съ показаніемъ года рожденія; въ 3-й—когда и по какому случаю учреждена опека, кто состоитъ подѣ опекою и кто опекуны; въ 4-й—гдѣ малолѣтніе живутъ, чему обучаются, на какомъ содержаніи: получаютъ ли и сколько пособія отъ попечительства или отъ училищнаго начальства; въ 5-й—въ чемъ заключается недвижимое имущество (домъ съ строеніями, земля полевая и усадебная и т. п.) и во сколько оцѣнено; въ 6-й—въ чемъ заключается движимое имущество, во сколько оцѣнено; что изъ оного въ отчетномъ году убыло и что состоитъ налицо: есть ли въ пользу спротивъ капиталъ, гдѣ таковой хранится и получаютъ ли

или умысла въ упущеніи правъ лица, попеченію ихъ ввѣреннаго, отвѣчаютъ собственнымъ своимъ имѣніемъ, по мѣрѣ произшедшей чрезъ то и могущей произойти для малолѣтняго потери (Св. Зак. т. X ч. I ст. 290 по прод. 1876 г.). Если опека учреждена въ лицѣ родителей, то по имуществу малолѣтнихъ дѣтей они подчиняются тѣмъ же правиламъ, какія выше сего постановлены для опекуновъ постороннихъ, относительно продажи, залога и заклада имѣнія и отчетности въ управленіи онымъ (тамъ же ст. 294). Когда сиротамъ исполнится 17 лѣтъ, то опекунъ можетъ просить о прекращеніи опеки и о назначеніи попечителя. Когда же всѣмъ сиротамъ исполнится 21 годъ, тогда опекунъ представляетъ метрическую выписъ о времени рожденія сиротъ и просить о прекращеніи опеки. По окончаніи опеки, опекунъ даетъ общій отчетъ (Св. Зак. т. X часть I ст. 286 п. 2).

съ него проценты; въ 7-й—есть ли долги на имѣніи сиротъ и на какую сумму; есть ли долги въ пользу опеки и сколько таковыхъ; въ 8-й—свидѣтельство благочиннаго, какъ сотрудника попечительства, о томъ: имѣетъ ли опекунъ о сиротахъ отеческое попеченіе, порядочно ли управляетъ имѣніемъ и согласенъ ли представленный отчетъ съ прихода-расходною книгою и соответствуетъ ли дѣйствительности. Къ отчету, написанному по указанной формѣ, должна быть приложена вѣдомость о приходѣ, расходѣ и остаткѣ суммъ въ № году по имѣнію сиротъ умершаго. Прихода-расходная вѣдомость, по проверкѣ отчета, возвращается благочиннымъ опекуну, а самый отчетъ, какъ сказано, посылается благочиннымъ на ревизію въ епархіальное попечительство.

Нетерпимые недостатки въ исполненіи церковнаго пѣнія.

Отъ недостатка пониманія или вниманія пѣвцовъ издавна сложился у насъ тактъ церковнаго пѣнія, не соотвѣтствующій смыслу церковныхъ пѣсней. Такъ напр. въ „Твоя пѣснословцы, Богородице“ поютъ: „ликъ себѣ совокупльшія, духовно утверди въ божественнѣй Твоей славѣ“; нужно же пѣть: „ликъ себѣ совокупльшія духовно утверди, въ божественнѣй Твоей славѣ вѣнцевъ славы сподоби“. При этомъ нужно замѣтить, что греческій подлинникъ относитъ слово духовно не къ „утверди“, а предъидущимъ словамъ—къ „ликъ себѣ совокупльшія“. Или въ „гласъ словесе“ поютъ: „прѣдтеча, въ пустыни покайтесь“; нужно пѣть: „предтеча въ пустыни, покайтесь всѣмъ воіемъ людемъ“. Еще въ „недоумѣетъ всякъ языкъ“ поютъ: „изумѣваетъ же умъ, и премирный пѣти Тя, Богородице“; нужно пѣть: „изумѣваетъ же умъ и премирный пѣти Тя, Богородице“. Или поютъ: „ты бо христіанъ еси, предстательнице Тя величаемъ“, нужно пѣть: „ты бо христіанъ еси предстательнице, Тя величаемъ“. Въ пѣсни „Тебе одѣющагося свѣтомъ“ поютъ: „пѣснословлю и погребеніе Твое, съ воскресеніемъ зовый Господи“, нужно пѣть: „пѣснословлю и погребеніе Твое съ воскресеніемъ, зовый Господи“... Въ „Прійдите поклонимся“ поютъ: „воскресый изъ мертвыхъ поющія Ти“, нужно пѣть: „Спаси ны, Сыне Божій, воскресый изъ мертвыхъ, поющія Ти“... Еще на панихидѣ въ тропарѣ „святыхъ ликъ обрѣте источникъ жизни“ поютъ: „святыхъ ликъ обрѣте источникъ жизни, и дверь райскую да обрящу и азъ путь покаяніемъ“, между тѣмъ какъ по прямому смыслу слова—и дверь райскую надобно непременно соединять со словами—источникъ жизни и пѣть такъ: „святыхъ ликъ обрѣте источникъ жизни и дверь райскую, да обрящу и азъ путь покаяніемъ“, и пр. и т. п. Бываетъ въ исполненіи церковнаго пѣнія и положительная безсмыслица, когда

пѣвцы поють отрывочно взятые слова, неимѣющія связи съ предъидущими. Такъ наприм. на панихидѣ поють: „Творца и Зиждителя и Бога нашего“. Гдѣ же глаголь, отъ котораго записать эти слова? Или: „Сыны свѣта Того показавый“. Кѣмъ же? и т. п. Посему священникамъ нужно настоятельно требовать, чтобы пѣвцы, усвоившіе неправильный тактъ въ пѣніи, переучивали себя и ни подъ какимъ видомъ не допускали безсмыслицы въ исполненіи церковнаго пѣнія. Для причетниковъ и не можетъ быть никакого затрудненія въ томъ, чтобы выдержать надлежащій тактъ въ пѣніи, соотвѣтствующій смыслу церковныхъ пѣсней, и устранивъ безсмыслицу въ исполненіи пѣнія. Нужно только обращать ихъ вниманіе на неправильно усвоенный ими тактъ въ пѣніи или на допускаемую ими безсмыслицу въ исполненіи пѣнія. Наконецъ въ избѣжаніе безсмыслицы въ исполненіи пѣнія можно требовать, чтобы пѣвцы прочитывали по крайней мѣрѣ начальныя слова того или другаго тропаря, котораго только конецъ обыкновенно поется. Такъ напр. на панихидѣ пусть сначала прочитаютъ внятно тропарь: Глубиною мудрости человеколюбно вся строяй и т. д. и только послѣ этого пропоютъ послѣднія слова того же тропаря: Творца и Зиждителя и т. д., или пусть сначала прочитаютъ: Самъ одинъ еси безсмертный и затѣмъ къ концу этого икоса пропоютъ: „надгробное рыданіе творяще пѣнь и т. п.

Редакторъ Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архимандритъ *Ириней*.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 29 апрѣля 1885 г. Цензоръ прот. М. Богдановъ.
Тип. Г. Т. Корчакъ-Повицкаго, Михайлов. ул., собств. домъ.

Годъ

РУКОВОДСТВО

для

XXVI.

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
пять руб., съ пересылкою шесть
рублей серебромъ.

№ 21.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Кіевской
духовной семинаріи.

1885 года, Мая 19-го.

Содержаніе: Семейная жизнь священника.—Къ статьѣ »О школахъ« въ № 7-мъ »Руков. для сельск. паст.« за пастоящій годъ.—Ученіе Іисуса Христа о царствѣ Божіемъ въ притчахъ.—Результаты общаго пѣнія въ церкви.

Семейная жизнь священника¹⁾.

Подобаеть епископу (или священнослужителю) быти непорочну, единыи жены мужу..., свой домъ добръ правящу, чада имущу въ послушаніи со всякою чистотою: аще же кто своего дому не умѣеть правити, како о Церкви Божіей прилежати возможеть (1 Тим. III, 2. 4—5)? Женамъ ихъ такожде чистымъ, не клеветивымъ (не навадницамъ), трезвеннымъ, вѣрнымъ во всемъ (1 Тим. 10, 11). Сего ради оставихъ тя въ Критѣ (читаемъ мы въ другомъ посланіи апостола), да недокончаная исправиши, и устроиши по

¹⁾ См. № 8-й.

всѣмъ градомъ пресвитеры, якоже тебѣ азъ повелѣхъ. Аще кто есть непороченъ, едиными жепы мужъ, чада имый вѣрна, невоукореніи блуда, или непокорива (Тит. 1, 5. 6).

Разсужденіе о семейной жизни священника и ея устроеніи нельзя начать лучше, какъ приведеніемъ относящихся сюда богодухновенныхъ словъ святаго Апостола. Въ нихъ содержатся основныя руководящія правила по этому предмету для всѣхъ христіанскихъ вѣковъ.

Священнику прилична, и отъ священника требуется скромная, сосредоточенная жизнь. Но эта скромная священническая жизнь не отшельничество: знаніе священника не налагаетъ на него такого суроваго ига, какое принимаютъ на себя по особому обѣту люди, обрекающіе себя на аскетическіе подвиги ипочества, — и отреченіе отъ сѣмейства, отъ семейныхъ заботъ и радостей не входитъ въ число условій, выполненіе которыхъ необходимо для принятія священническаго сана. Брачная, семейная жизнь священника предполагается словами Апостола, хотя она не предпринимается ему никакимъ церковнымъ канонмъ, какъ непремѣнная обязанность.

Въ римско-католической церкви, со времени папы Григорія VII (1076), сдѣлано обязательнымъ безбрачіе духовенства. При извѣстныхъ условіяхъ оно допускается и у насъ: по законоположеніямъ 16 апрѣля 1869 года дозволяется рукополагать въ санъ діакона и священника и неженатыхъ, равно какъ и вдовыхъ послѣ перваго брака, но достиженіи ими сорокалѣтняго возраста, если они извѣстны епархіальному началству безукоризненною жизнью. Но въ практикѣ безсѣмейные или неженатые священники въ нашей русской Церкви составляютъ рѣдкое исключеніе. На всю Россію такихъ священниковъ едва ли наберется десятокъ, другой. Можно бы желать болыше такихъ исключеній. Бываютъ положенія и времена, когда безбрачный и безсѣмейный священникъ болыше можетъ оказать пользы церкви, чѣмъ семей-

ный. Такъ напиримѣръ для миссіонерскаго служенія могли бы быть избираемы по преимуществу священники, не связанные семейными узами. Обязанный переѣзжать съ мѣста на мѣсто и имѣть въ своемъ вѣдѣніи приходы, простирающіеся на цѣлыя тысячи верстъ, какъ въ нашихъ сибирскихъ тундрахъ, священникъ—миссіонеръ не можетъ посвящать много времени семейству. Для него домъ долженъ быть тамъ, куда призываютъ его обязанности его служенія. Походную жизнь, вынуждаемую условіями миссіонерства, удобнѣе вести человѣку одинокому, чѣмъ обремененному семействомъ. Да и больше самоотверженной преданности дѣлу въ этомъ случаѣ можно предполагать у человѣка, котораго не отвлекаетъ отъ трудовъ служенія среди чужихъ людей мысль о своихъ близкихъ, ждущихъ своего отца-кормителя и тоскующихъ по немъ. Дальше, больше безсемейныхъ священниковъ могли бы требовать времена гоненій и преслѣдованій церкви, и вообще общественныхъ бѣдъ и волненій. Когда угрожаютъ священнику въ его имуществѣ и въ его жизни за преданность своему долгу, тогда конечно въ болѣе тяжеломъ положеніи чувствуетъ себя человѣкъ, который, какъ глава семейства, долженъ заботиться и думать не о себѣ только, но и о другихъ, связанныхъ съ нимъ союзомъ кровной любви, чѣмъ человѣкъ одинокій. При болѣе тяжелой жертвы, требуемой въ этомъ случаѣ отъ семейнаго священника, ему естественно болѣе колебаться, чѣмъ человѣку, живущему одною своею головою, и скорѣе можно измѣнить вѣрности долгу, чѣмъ первому. Но времена гоненій и преслѣдованій исключительныя времена. При покровительствѣ церкви нашего правительства, отъ насъ далека мысль о подобныхъ временахъ, и дай Богъ, чтобы никогда не увидали ихъ и наши потомки. Но говоря объ условіяхъ жизни священника, мы должны представлять всевозможныя, и самыя крайнія, положенія. Наша цивилизація, не смотря на все ея успѣхи, не обезопасиваетъ служителей церкви отъ преслѣдованій: въ ней таятся и зрѣютъ сѣмена дикости и начала, противныя вѣрѣ и христіанству. Времена преслѣдованій служителей церкви всегда

возможны, какъ показываетъ краткосрочный періодъ господства парижской коммуны, — и страданія за преданность долгу пастырей церкви дѣло событочное въ наши дни, какъ показываетъ примѣръ нѣсколькихъ пастырей нашей православной Церкви, скончавшихся мученически отъ рукъ жандармовъ-вѣнателей польской sprawy во время польскаго мятежа. Но какъ ни желательны при извѣстныхъ условіяхъ увеличеніе числа безбрачныхъ священниковъ, во всякомъ случаѣ въ православной Церкви они всегда были и будутъ немногими исключеніями.

При установившемся у насъ порядкѣ вещей, брачная семейная жизнь священниковъ болѣе обычное и естественное явленіе, чѣмъ жизнь одинокая. Въ древнія времена находились люди, которые смущались брачною жизнію священниковъ и гнушались принимать причащеніе отъ служителей алтаря, имѣющихъ семейство, и живущихъ съ женою. Встрѣчаются и нынѣ, хотя очень рѣдко, такіе радѣтели благочестія и святости, которые священнослужителя инока предпочитаютъ священнослужителю женатому, и отъ перваго надѣются какъ будто больше получить благодатной силы въ таинствахъ, имъ совершаемомъ, чѣмъ отъ втораго. Вселенская Церковь весьма неблагопріятно относилась къ подобнымъ неразумнымъ ревнителямъ чистоты церковной: въ ихъ воззрѣніяхъ она видѣла опасное и грубое заблужденіе и соборнымъ голосомъ осудила его. Она высоко цѣнила и цѣнить дѣвство, принимаемое тѣмъ или другимъ человѣкомъ; но отнюдь не хотѣла и не хочетъ унижить бракъ, учрежденный Самимъ Творцомъ и благословенный Господомъ, а пренебрегавшихъ этимъ божественнымъ учрежденіемъ подвергала строгому осужденію и отлученію. Аще кто изъ дѣвствующихъ ради Господа будетъ превозноситься надъ бракосочетавшимися (постановили отцы Гангрскаго собора (340 г.): да будетъ подъ клятвою¹⁾). Она запрещала пресвитерамъ, имѣющимъ женъ, разводиться съ ними подъ видомъ благоговѣнія, угрожая въ против-

¹⁾ Гангр. соб. прав. 10.

номъ случаѣ отлученіемъ отъ общенія церковнаго и изверженіемъ отъ священнаго чина (Апост. прав. 5). А на тѣхъ изъ мірянъ, которые соблазнялись брачною жизнію священника, и стѣснялись принимать отъ него благодать въ таинствахъ, она налагала клятву. Аще кто о пресвитерѣ, вступившемъ въ бракъ, разсуждаетъ, яко не достоинъ причащаться приношенія, когда таковой совершилъ литургію (чптаемъ мы въ 4 правилѣ того же Пангрекского собора): да будетъ подъ клятвою. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательно 13-е правило 6-го Вселенскаго собора: оно со всюю обстоятельностью разъясняетъ дѣло, которое инымъ кажется спорнымъ, и навсегда узаконяетъ тотъ священный порядокъ, который наша русская Церковь наслѣдовала отъ древности, и по которому честный бракъ не содержитъ въ себѣ ничего, не совмѣстимаго съ высотою священства. Понеже мы увѣдали, (поставили отцы 6-го Вселенскаго собора), что въ римской церкви, въ видѣ правила, предано, чтобы тѣ, которые имѣютъ быти удостоены рукоположенія во діакона или пресвитера, обязывались не сообщатися богаѣ съ своими женами: то мы, послѣдуя древнему правилу апостольскаго благоустройства и порядка, соизволяемъ, чтобы сожитіе священнослужителей по закону и впредь пребыло ненарушимымъ, отнюдь не расторгая союза ихъ съ женами, и не лишая ихъ взаимнаго въ приличное время соединенія. Итакъ, аще кто явится достойнымъ рукоположенія въ иподіакона, или во діакона, или во пресвитера, таковому отнюдь да не будетъ препятствіемъ къ возведенію на таковую степень сожитіе съ законною супругою: и отъ него во время поставленія да не требуется обязательствъ въ томъ, что онъ удержится отъ законнаго сообщенія съ женою своею: дабы мы не были принуждены

симъ образомъ оскорбить Богомъ установленный и Имъ въ Его пришествіи благословенный бракъ: ибо гласъ Евангелія вопіетъ: яже Богъ сочета, человѣкъ да не разлучаетъ (Матѣ. XIX, 6): я Апостолъ учитъ: бракъ честенъ и ложе нескверно (Евр. XIII, 4): такжеде: привязался еси женѣ, но нищи разрѣшенія (1 Кор. VII, 27)... Аще же кто, идущая вопреки Апостольскимъ правиламъ, дерзнетъ кого либо изъ священныхъ, то есть пресвитеровъ, или діаконъ, или иподіаконъ, лишати союза и общенія съ законною женою: да будетъ изверженъ. Подобно и аще кто, пресвитеръ, или діаконъ, подъ видомъ благоговѣнія, изгонитъ жену свою: да будетъ отлученъ отъ священнослуженія, а пребывая непреклоннымъ, да будетъ изверженъ.

Церковь не возбраняетъ брачной жизни священникамъ по двумъ причинамъ. Первое низшее побужденіе къ допущенію брачной жизни духовенства имѣетъ въ своемъ основаніи потребности нашей плотской природы. Во вниманіе къ этимъ потребностямъ нашей природы, апостолъ Павелъ заповѣдуетъ христіанамъ лучше жениться, нежели разжизатися (1 Кор. VII, 9). Повидимому, въ дѣлѣ священнаго служенія менѣе всего можно бы давать поблажки низшимъ побужденіямъ нашей природы, и отъ людей, избирающихъ своимъ жребіемъ жизнь священника, естественно требовать возвышенія надъ этими потребностями и отреченія отъ нихъ. Но святые отцы признали это неудобноосуществимымъ игомъ и разсудили, согласно съ указаніемъ Самаго Господа, что не вси вмѣщаютъ словесе сего, но имже дано есть (Матѣ. XIX, 12). Была мысль о возложеніи этого ига на всѣхъ, призываемыхъ къ служенію церкви, у нѣкоторыхъ отцевъ I Вселенскаго собора. Но противъ нея возстали люди святой жизни и высшаго аскетическаго настроенія, каковъ былъ напримѣръ Паф-

вутій, почти столѣтній старецъ, проведеній жизнь въ побѣдоносной борьбѣ съ разными искушеніями, и она согласнымъ голосомъ отцовъ собора, послѣ совѣщанія, признана была непрактичною. Священнику по обязанностямъ своего званія приходится имѣть дѣло съ людьми разныхъ половъ, возрастовъ и состояній, и въ разныхъ обстоятельствахъ жизни. При этихъ сношеніяхъ, въ особенности съ лицами другаго пола, ему, при безбрачномъ состояніи, можетъ открываться весьма тяжелая борьба съ соблазномъ, изъ которой не легко выйти побѣдителемъ. Не даромъ въ странахъ римо-католическихъ, гдѣ узаконено обязательное безбрачіе духовенства, въ народѣ ходитъ множество рассказовъ о ксандахъ самымъ скандальскаго свойства. Связи незаконныя у людей, обязавшихся безбрачіемъ, сплосъ и рядомъ замѣляютъ тамъ брачный союзъ, благословенный Богомъ. Если даже не предполагать частаго пріянаго наденія въ священникѣ безбрачномъ при сношеніяхъ съ лицами другаго пола, нужно по возможности остерегаться его отъ прираженія нечистыхъ помысловъ, не соответствующихъ святости его служенія. А это прираженіе грѣховныхъ пожеланій ближе къ человѣку, живущему внѣ брачнаго союза, чѣмъ къ тому, кто испыталъ и радости, и тяготы семейной жизни. Брачныя узы, дозволяемыя церковью священнику, въ этомъ случаѣ служатъ для него спасительнымъ средствомъ къ укрощенію и умирненію страстныхъ возбужденій. Безбрачіе великая жертва Богу, которую приносятъ для спасенія царства Божія люди, имѣющіе въ виду высшее нравственное совершенство. Но тѣхъ людей, которые по доброй волѣ возлагаютъ на себя обѣтъ безбрачія или совершеннаго цѣломудрія, церковь зоветъ въ пустыни, чтобы здѣсь вдали отъ общества человѣческаго, вдали отъ всѣхъ житейскихъ соблазновъ, они безпреставно могли выполнять воспринятый ими на себя обѣтъ. Она не дозволяетъ безъ нужды частаго обращенія съ міромъ, а тѣмъ болѣе съ лицами другаго пола, и людямъ, уже утвердившимся въ аскетическихъ подвигахъ, не довѣряя ихъ полному безстра-

етію и справедливо опасаясь, какъ бы соприсносовеніе съ міромъ не лишило ихъ вѣнца подвижническаго. Священнику же, по долгу его званія, невозможно жить въ отрѣшеніи отъ міра, вдали отъ людей и отъ условій обыденной жизни. Потому и не налагается на него подвигъ добровольнаго воздержанія отъ брака.

Но порядокъ, существующій въ православной Церкви, и допускающій брачное состояніе духовенства, принять во вниманіе не къ одному низшему, сейчасъ указанному нами, побужденію. Мы видимъ здѣсь дѣйствіе соображеній высшаго нравственнаго достоинства. Семейство есть мѣсто для олицетворенія и выраженія чистой самоотверженной любви христіанской, по указанію св. апостола Павла, облеченное особымъ таинственнымъ величіемъ, и представляющее изъ себя отрасль любви, связующей Христа съ Церковію (Еф. V, 31. 32). Каждое семейство въ христіанствѣ есть малая церковь, и все тѣло церкви составляется изъ совокупности такихъ малыхъ церквей, на которыя, при созиданіи ихъ, призывается особое благословеніе и особое содѣйствіе освящающей благодати въ таинствѣ брака. Въ видахъ религіозно-нравственныхъ, въ видахъ устроенія царства Божія на землѣ, весьма важно, чтобы въ каждомъ болѣе или менѣе значительномъ кругѣ, въ каждомъ приходѣ во главѣ всѣхъ малыхъ церквей, его составляющихъ, стояла домашняя церковь служителя алтаря, во всемъ подобная другимъ малымъ церквамъ, но устроенная соотвѣтственно всѣмъ высокимъ требованіямъ христіанской жизни. Въ благословенномъ бракѣ, въ доброй семейной жизни священника церковь представляетъ образецъ для другихъ, живущихъ подлѣ него, и въ особенности для ввѣренныхъ его нравственному руководству. При безбрачїи священника въ его жизни не можетъ быть всей полноты тѣхъ условій, изъ какихъ слагается обыкновенная домашняя жизнь христіанъ, и уже однимъ средствомъ у него меньше быть полезнымъ обществу: въ его одинокомъ домѣ, въ устроеніи имъ своей жизни, чисто личной и особой, нѣтъ полнаго назидательнаго примѣра для людей, живущихъ семейною жизнью.

Какъ скоро въ порядокъ церковный введена брачная, семейная жизнь священника, весьма естественно и необходимо заботиться о возможно-лучшемъ устроении ея и самому, призываемому къ священному служенію, и людямъ, имѣющимъ влияние на направленіе и ходъ церковной жизни. Служеніе священника между прочимъ есть служеніе добрымъ примѣромъ, и этотъ добрый примѣръ - долженъ подавать онъ не одною своею личностію, но однимъ своимъ поведеніемъ: вмѣстѣ съ нимъ должны служить примѣромъ для другихъ и его домашніе. Вообще вся обстановка жизни священника, и все, съ чѣмъ непосредственно соприкасается онъ и что болѣе или менѣе зависитъ отъ его воли, должно служить отраженіемъ того святаго духа, какой церковь желаетъ видѣть въ служителѣ Божиѣмъ.

Святая Церковь, въ видахъ устроения допускаемой ею семейной жизни священника, соотвѣтственно требованіямъ его высокаго служенія, дала нѣсколько руководящихъ правилъ, какими должно опредѣляться свойство и поведеніе членовъ священнической семьи. Блудя достоинство священнаго сана и охраняя доброе влияние священническаго примѣра, церковь требуетъ, чтобы всѣ члены семьи человѣка, призваннаго къ служенію престолу Божию, были православные и отличались честнымъ, незазорнымъ поведеніемъ. Ему даже не позволено имѣть женою иновѣрную (IV Всел. соб. прав. 14) и даже нельзя безъ разбора совокуплять дѣтей своихъ брачнымъ союзомъ съ еретиками (Лаод. соб. пр. 10 и Каро. пр. 30). По 45 правилу Кароагенскаго собора епископы и прѣвитеры и діаконы не прежде да поставляются, развѣ когда всѣхъ въ домѣ своемъ содѣлають православными христіанами (тоже требованіе заключается и въ 14 правилѣ IV вселенскаго собора). Далѣе въ охраненіе нравственной чистоты семейнаго дома священническаго, по правиламъ церковнымъ, можетъ быть удостоиваемъ рукоположенію въ священника изъ людей, не отказывающихся отъ семейной жизни, только человѣкъ, вступившій въ

бракъ съ дѣвицею честною. А взявшій въ супружество вдову или отверженную отъ супружества, а тѣмъ боже не цѣломудренную (блудницу или позорищную) не можетъ быть епископъ, ни пресвитеръ, ни дѣконъ, ниже вообще въ епископъ священнаго чина (Апост. прав. 18, VI Всел. соб. пр. 3). Требованіе нравственной чистоты отъ жены священника такъ строго, что если она впадетъ въ прелюбодѣйство, по рукоположеніи мужа, то онъ долженъ развестися съ нею. Аще же сожителствуетъ: не можетъ касатися служенія, ему порученнаго (Неок. соб. пр. 8).

Но этого мало, чтобы въ семейной жизни священника не было нарушенія прямыхъ постановленій церкви. Соборныя правила, нами указанныя, напѣчаютъ только главныя черты того характера, какой долженъ быть выдержанъ въ жизни и поведеніи священническаго семейства, но не опредѣляютъ полноты всѣхъ тѣхъ условій, соблюденіе которыхъ необходимо для поддержанія на надлежащей высотѣ нравственной чистоты и достоинства семейной жизни священника. Духъ, которымъ продиктованы эти правила, долженъ быть усвоенъ во всей цѣлости священникомъ и членами его семьи, — и тогда сама собою устроится добрая жизнь въ семейномъ домѣ священника. Въ древней церкви не было подробныхъ правилъ, опредѣляющихъ условія достойной священнической жизни; но служители Божіи, руководимые духомъ Христовымъ, въ устроеніи своей семейной жизни были вліятельнымъ образцомъ чистой семейной нравственности; ихъ безупречная жизнь снискивала имъ уваженіе и не мало содѣйствовала утвержденію началъ христіанства средѣ тогдашняго христіанства. Видя благотворное вліяніе семействъ христіанскихъ пастырей на окружающую среду, Юліанъ богоотступникъ, съ цѣлію ослабленія этого вліянія и въ видахъ конкуренціи христіанству, предписывалъ языческимъ жрецамъ держать своихъ женъ, дѣтей и слугъ въ возможной чистотѣ нравовъ.

В. Понинскій.

(Продолженіе впереди).

Къ статью „О школахъ“ въ № 7-мъ „Руков. • для сельск. наст.“ за настоящій годъ.

Въ № 39-мъ „Кіевлянина“, за настоящій годъ, помѣщено письмо г. Z., по поводу моей статьи О церковно-приходскихъ школахъ, напечатанной въ № 7-мъ „Руков. для сельск. наст.“ Въ письмѣ этомъ цитируются, хотя и не полно и мѣстами не точно, пункты моей статьи и приводятся возраженія противъ нихъ. Въ видахъ выясненія положеній моей статьи и въ отвѣтъ на возраженія г. Z., считаю необходимымъ сообщить слѣдующее:

Противъ перваго положенія моей статьи, что „въ каждомъ селѣ, имѣющемъ питейное заведеніе, должна быть и школа, по требованію правительственной власти; гдѣ нѣтъ школы, тамъ воспретить открытіе шинковъ“,—г. Z., возражаетъ, что „церковно-приходская школа дѣйствительно можетъ противодѣйствовать развитію пьянства, но такимъ же отрезвляющимъ образомъ могутъ дѣйствовать на народъ и земскія, и министерскія школы“. Отвѣчаю: и отлично!—это болѣе всего желательно. Я никогда не имѣлъ въ виду оспаривать благотворное вліяніе на нашъ народъ школы, какого бы названія она ни была, лишь бы въ основѣ ея было „православіе и нравственность“, но церковно-приходской школѣ отдаю преимущество въ жизни нашего просто-народа потому, что главною задачею ея (церков.-приход. школы) должно сзужить „воспитаніе дѣтей въ духѣ вѣры и нравственности“, тогда какъ въ школахъ свѣтскаго вѣдомства, насколько намъ извѣстно, практиковалось доселѣ главнымъ образомъ развитіе ума ребенка. Впрочемъ, едва ли кажется не преждевременно опредѣлять степень вліянія на народъ той или другой школы.

Соединяя школьный вопросъ съ питейнымъ, я имѣю въ виду лишь предложить средство повсемѣтнаго открытія школъ. Вѣдь каждому извѣстно, что въ нашемъ краѣ въ самомъ незначительномъ поселкѣ непременно красуется „шиннокъ“, въ кото-

ромъ едва ли по большинство народонаселенія губить время, кровавый заработокъ и миръ души и семьи своей, а на спросъ „о школы“,—всегда даетъ одинъ и тотъ же лаконическій отвѣтъ: „средствъ нѣтъ“.

Затѣмъ г. Z. говоритъ, что „самая возможность существованія питейнаго заведенія только при учрежденіи церковно-приходской школы можетъ вредить школьному дѣлу. Крестьяне могутъ изъ-за питейныхъ заведеній устроить школы, а особенно подстрекаемые къ этому евреями-кабатчиками; можетъ явиться для крестьянъ также предлогъ непріязненно относиться къ школь—силой отнимающей ихъ достатки“. Съ этимъ возраженіемъ г. Z. никакъ нельзя согласиться. Пусть крестьяне изъ-за питейнаго заведенія открываютъ школы, пусть и „вражая сила“—кабатчики-евреи подстрекаютъ ихъ на это святое дѣло. Что же тутъ дурнаго? Крестьяне враждебно отнесутся къ школь, силой отнимающей ихъ достатки! Гдѣ же тутъ насилие? Въ чемъ оно? Хочешь рубли изводить въ разгуль, веселіи, пьянствѣ, ямѣтъ свой домашній притопъ разврата, дай копѣйки на святое дѣло на школу; развращася своимъ пьянствомъ молодое поколѣніе, дай правительству и церкви средства возстановлять добрыя нравы, ради твоей же пользы, чтобы тебя самого сынъ твой, выросши, не выгналъ изъ дома какъ негодную развалину. Силой отнимающей ихъ достатки? А шинокъ чѣмъ отнимаетъ? Не силой, но еще хуже! Тонкой, крайне обаятельной для несчастнаго нравственной гангреной, хитростію, злосчастнымъ товариществомъ и отнимаетъ не достатки, а кровавую насущную, послѣднюю копѣйку!

Далѣе—г. Z., противъ моего положенія, что „село, не имѣющее школы лишается самоуправленія“,—возражаетъ: что „это было бы несправедливо, а практически и просто невозможно. Крестьянское самоуправленіе есть не только право, но связано со многими не легкими обязанностями. Кто же будетъ исполнять эти обязанности? Почему же несправедливо незаботящихся о

воспитанія дѣтей на пользу Царя и отечества, лишить Царскихъ милостей—преимущество самоуправленія? Предлагаемая мною мѣра могла бы повліять на народный эгоизмъ и могла бы быть осуществлена слѣдующимъ способомъ: имѣть школы въ извѣстномъ селѣ и не ждетъ общество устроить ее, назначить по опредѣленію начальства туда сельскихъ властей—волостного старшину, сельского старосту и сотскаго изъ ближайшаго крестьянскаго общества, имѣющаго школу. Собрались на волостной сходъ; не имѣющихъ школы лишить права голоса въ рѣшеніи дѣлъ и, вѣрнѣе долговременному изученію правовъ народа, не прошло бы и полугода, какъ родилась бы школа, съ возможно удовлетворительными средствами для своего существованія. Русскій простолюдинъ не менѣе другихъ дорожитъ своей самобытностію и правами своего сословія и въ частности своего сельскаго общества. Въ этой карательной мѣрѣ онъ увидѣлъ бы, что школа въ селѣ Царю нужна, и, услышавъ громъ, поторопился бы перекреститься, а затѣмъ—со временемъ—и постоянно бы молить Бога за вразумившихъ его. Тяжелы репрессивныя мѣры въ вѣкъ либерализма, но что же дѣлать, если онѣ необходимы для блага народной жизни? Къ тому нужно замѣтить, что предлагаемая нами мѣра нисколько не мѣшаетъ обществу выполнять лежащія на немъ обязанности. Пусть общество, если имѣетъ школу, само выполняетъ лежащія на немъ обязанности,—уплачиваетъ подати, отбываетъ повинности и пр., а если не имѣетъ школы, и чрезъ то лишается сельскихъ властей изъ своей среды, то пусть выполняетъ свои обязанности по требованію сельскихъ властей, назначенныхъ къ нему изъ другаго общества. Возражать: а если въ цѣлой волости нѣтъ школы? Это едва ли возможно. Но и въ этомъ крайнемъ случаѣ можно бы остаться вѣрнымъ принципу мѣры: назначить отъ начальства сельскихъ властей изъ этихъ же самихъ злосчастныхъ обществъ, но преимущественно грамотныхъ (властей) съ обязательнымъ условіемъ возможно скорѣе и прочнѣе завести школы. Затѣмъ г. Z., согласившись съ моимъ предложе-

ніемъ о средствахъ существованія школы, очень справедливо и цѣлесообразно указываетъ на новые источники доходовъ въ пользу школъ: это обложеніе налогомъ (гдѣ нѣтъ земства) существующихъ въ селѣ разныхъ промышленныхъ заведеній: вѣтряныхъ и водяныхъ мельницъ, маслобоинъ и др. Только этотъ налогъ, нужно замѣтить, не можетъ быть вѣрнымъ, опредѣленнымъ и постояннымъ источникомъ дохода школъ: онъ можетъ имѣть значеніе лишь какъ подспорье обществу - содержанию школы, но не болѣе.

Говоря объ учителяхъ церковно-приходскихъ школъ, я указалъ на причетника - дьячка, не какъ на привилегированнаго учителя школъ, но какъ на возможно удобнаго лишь въ малолюдныхъ приходахъ, гдѣ не можетъ найтись достаточныхъ средствъ содержанія нарочитаго учителя.

Село Ташлыкъ
Черкас. уѣзда.

Священникъ *Петръ Косовскій.*

Ученіе Ісуса Христа о царствѣ Божіемъ въ притчахъ¹⁾).

Глава 13. Ст. 1 и 2. Въ день же той изшедъ Іисусъ изъ дому, сѣдѣше при морі: и собращася къ нему народи мнози, якоже ему въ корабль влѣзти и сѣсти... Домъ этотъ былъ, конечно, кого либо изъ увѣровавшихъ въ Него. Сидѣлъ при морѣ, такъ какъ здѣсь было просторное мѣсто; но когда собралось сюда слишкомъ много народу, вошелъ въ судно и сѣлъ, уловляя, какъ рыбу, находящихся на берегу.

Ст. 2 и 3... И весь народъ на брезѣ стояше. И глагола имъ притчами много... Всю эту бесѣду велъ въ притчахъ, потому что среди народа теперь было особенно

¹⁾ Загабена Толков. см. № 11.

много книжниковъ и фарисеевъ, которымъ Онъ не благоволилъ предложить прямо тайнъ своего ученія, по причинѣ неисцѣлимаго лукавства ихъ.

Ст. 3... Глаголя: се изыде сѣяй, да сѣетъ. Лука (8, 4) прибавилъ: сѣмене своего. Сѣятель есть учащій Христосъ, а сѣмя слово Его ученія. Онъ вышлетъ въ города и села юдеи, чтобы посѣять его на духовной нивѣ человѣческихъ душъ, т. е. въ умѣ ихъ.

Ст. 4. И сѣющу ему, ова на доша при пути: и при доша птицы и позобаша я. Самъ Христосъ далѣе изъяснить эту и слѣдующія притчи, однако скажемъ и мы по своимъ силамъ. Путемъ называется здѣсь нерадивый, который слушаетъ слово ученія, но по своему нерадѣнію не скрываетъ его въ сердцѣ своемъ, а подобно утоптанному и потому твердому пути держать его какъ бы на поверхности. Птицы (побесныя)—это демоны, обитающіе въ воздухѣ (такъ какъ Писаніе называетъ и воздухъ небомъ); послѣ вверху такого человѣка, они похищаютъ то, что посеяно въ его сердцѣ, какъ не скрытое. Позобаша т. е. отняли и испортили.

Ст. 5 и 6. Другая же на доша на каменныхъ, идѣ же не имѣяху земли многи: и абіе прозябоша, зане не имѣяху глубины земли. Солнцу же возсіявшу приевянуша: и зане не имѣяху коренія, изехоша. Каминистое мѣсто—это малодушный, скрывающій сѣмя въ сердцѣ своемъ, но не имѣющій много земли, т. е. твердости; въ немъ тотчасъ возсіяла вѣра, но не укоренилось прочно, потому что онъ не имѣетъ въ себѣ, такъ сказать, твердости. Скрытое въ небольшомъ количествѣ земли, быстро всходитъ, но когда появляется солнце, т. е. когда поднимается огонь немытаній, полагается и выжигается,—и такъ какъ не имѣетъ оживляющаго корня, т. е. крѣпости, вываливается, и измѣняется вѣрѣ.

Ст. 7. Другая же на доша въ терніи, и възде терніе, и подави ихъ. Терніе—это жизненные заботы, уязв-

ляющія, провзающія и исторгающія душу, а также обольщеніе богатствомъ, именно—роскошь, тщеславіе, самолюбіе и тому подобное, что есть одинъ только обманъ. Все это кажется благомъ, но на самомъ дѣлѣ не есть благо; оно подобно тернію колется. и причиняетъ беспокойство. Взыде, т. е. выросло, сдѣлалось сильнѣе.

Ст. 8. Другая же падома на земли добръй...
Добрая земля—это добрая душа; свободная отъ вышеуказанныхъ страстей и способная приносить плоды добродѣтели. Смотри, какъ рѣдко благо, и какъ немного спасающихся. Вотъ только четвертая часть сѣмени приноситъ плодъ, а три части—погибаютъ. И конечно, сѣятель сѣетъ на всѣхъ, не различая одного отъ другого, однако въ нѣкоторыхъ сѣмя погибло, а въ нѣкоторыхъ принесло во много разъ большій плодъ. Зависѣло это не отъ свойства сѣмени, которое было одно и то же для всѣхъ, а отъ различія человѣческихъ душъ, въ которыя сѣмя было брошено.

Почему Христосъ безъ различія сѣялъ и на пути, и на каменистой почвѣ, и среди терній? Конечно по величайшей Своей благодати и правдѣ, чтобы не могли сказать въ день суда, что еслибы Онъ бросилъ въ нихъ сѣмя, то они принесли бы плодъ. Онъ знаетъ ихъ бесплодіе, но какъ человеколюбецъ сдѣлалъ то, что надлежало, чтобы могъ сказать: что еще надлежало бы сдѣлать для винограднака Моего, чего я не сдѣлалъ ему (Ис. 5, 4)?

Спаситель сказалъ эту притчу, увѣщевая учениковъ не отчаяваться, если они найдутъ больше погибающихъ, нежели спасающихся, и не переставать по причинѣ этого сѣять; такъ какъ они имѣютъ примѣръ въ всемъ Учителѣ, который хотя напередъ зналъ неплодныхъ, однако сѣялъ и въ нихъ.

Ст. 8... И даяху плодъ, ово убо сто, ово же шестьдесятъ, ово же тридесять. Подобно тому какъ различаются между собою погибающіе, такъ различаются и спасающіеся. Погибающихъ перечислено три рода: малодушные, порабощенные жизненными заботами и обольщенные богатствомъ. Спасающихся—

тоже три рода: приносящіе плодъ во сто кратъ, въ шестьдесятъ и въ тридцать. Чрезъ сто кратъ обозначилъ высшую плодотворность добродѣтели, чрезъ шестьдесятъ — среднюю, и чрезъ тридцать низшую, потому что по отношенію къ тридцати шестьдесятъ въ два раза больше, а сто — въ три раза, даже больше, чѣмъ въ три раза, — по причинѣ высоты совершенства. Ово убо сто, т. е. со временемъ въ такомъ чловѣкѣ будетъ сто, въ другомъ шестьдесятъ, въ третьемъ тридцать. Однако принимается и первыхъ, и вторыхъ, и третьихъ.

Итакъ не будемъ губить сѣмени по нерадѣнію, ни измѣнять ему по малодушію, ни подавлять его житейскими заботами или обольщеніемъ богатства. Прежде всего должно бодрствовать при его воспріятіи, затѣмъ великодушію переносить искушенія, наконецъ быть свободнымъ отъ всякихъ жизненныхъ заботъ суетнаго богатства, и такимъ образомъ — быть хорошею землею и приносить плодъ по силамъ, или большой, или средній, или малый, но ни въ какомъ случаѣ не погибать. Если мы объ одномъ будемъ нерадѣть, а о другомъ заботиться, то все-таки погибнемъ. А какое различіе въ томъ, что мы погибамъ не по нерадѣнію, а по малодушію, или не по малодушію, а вслѣдствіе суетныхъ заботъ.

Ст. 9. Имѣй ушы слышати, да слышати. Это сказалъ и въ одиннадцатой главѣ; найди тамъ и объясненіе.

Ст. 10. И приступивше ученицы (его) рекоша ему: почто притчами глаголеши имъ? Видя негодующій народъ, они приступили, какъ болѣе близкіе и говорили это отъ его имени.

Ст. 11. Онъ же отвѣщавъ рече имъ: яко вамъ дано есть разумѣти тайны царствія небеснаго. Вамъ — простодушно смотрящимъ и слушающимъ и потому вѣрующимъ; тайны, т. е. сокровенное ученію царствія небеснаго, или Царя небеснаго; дано есть отъ Бога.

Ст. 11... Онѣмъ же не дано есть — съ лукавствомъ смотрящимъ и слушающимъ и потому не вѣрующимъ. Разумѣтъ

такихъ, которые не могутъ уже измѣниться. Что за польза знать и не вѣровать? Это то же, что сказалъ прежде: исповѣдаются, Отче, Господи небесе и земли, яко утаилъ еси сія отъ премудрыхъ и разумныхъ, и открылъ еси та младенцемъ (Матѳ. 11, 25).

Ст. 12. Иже бо имать, дастся ему, и приизбѣдетъ (ему): а иже не имать, и еже имать, возмется отъ него. Тому, кто имѣетъ вѣру, дано будетъ знаніе тайнъ и притомъ обильное; а у того, кто не имѣетъ вѣры, отнимается и тотъ даръ, какой онъ имѣетъ отъ Бога. Всякій имѣетъ даръ. Божій, одинъ—такой, а другой—иной. Тѣ, которые ведутъ себя достойно, не только получаютъ такое знаніе, но притомъ и обильное, а тѣ, которые не поступаютъ такъ, не только не получаютъ его, но у нихъ отнимаются дары, какіе они получили прежде.

Ст. 13. Сего ради въ притчахъ глаголю имъ, яко видяще не видятъ, и слышаще не слышатъ, ни разумѣютъ. Видя тѣлесными очами совершаемыя мною чудеса, они закрываютъ—душевные; и слушая тѣлесными ушами мои слова, они зажимаютъ душевные уши, и потому совершенно не вѣруютъ. А чтобы ты зналъ что Онъ говоритъ о душевной слѣпотѣ и глухотѣ, прибавилъ: ни разумѣютъ. Разумѣть значитъ видѣть и слышать душею. Такъ какъ они слышали, но не понимали, то совершенно справедливо и даже мудро было говорить такимъ въ притчахъ, —справедливо—потому что вслѣдствіе добровольнаго нерадѣнія они недостойны были слушать чистое ученіе,—мудро, потому что, едѣлавши званіе тайнъ предногъ противорѣчія, они навлекли бы на себя болѣе тяжкое осужденіе.

Ст. 14. И сбывается въ нихъ пророчество Исаиіно... Это пророчество отчасти исполнилось прежде на жестокосердыхъ іудеяхъ, но вполнѣ исполняется теперь на этихъ. Сбывается, т. е. вполнѣ исполняется.

Ст. 14... Глаголющее: слухомъ услышите и не имате разумѣти: изряще узрите, и не имате видѣти. Тѣлеснымъ слухомъ вы услышите ученіе, но не поймете истины, какъ добровольно глухіе въ душѣ; и тѣлеснымъ зрѣніемъ вы увидите чудеса, но однако не уразумѣете истины, какъ тоже добровольно слѣпые въ душѣ. Затѣмъ пророкъ присоединяетъ и причину, почему они испытывали это.

Ст. 15. Отолстѣ бо сердце людей сихъ... Отолстѣ —отвердѣло, окаменѣло отъ зависти и другихъ пороковъ; поэтому они и лишились разума.

Ст. 15... И ушима тяжело слышаша и очи свои смѣжаша... Уши и очи разумѣть душевныя; тяжело слышаша, т. е. были глухи.

Ст. 15... Да не когда узрять очима, и ушима услышать, сердцемъ уразумѣють, и обратятся, и исцѣлю ихъ. (Да не когда (идіоте) можно понимать въ смыслѣ: можетъ быть, какъ и у Апостола сказано: съ кротостію наизыущу противныя: еда како дастъ имъ Богъ покаяніе въ разумъ истинны (2 Тим. 2, 25). Господь привелъ это изреченіе пророка, какъ полагающаго, что напрасно проповѣдывать такому народу).

Отъ сильной зависти и другихъ пороковъ они окаменѣли для пониманія: были глухи къ необыкновеннымъ рѣчамъ и закрыли глаза къ чудеснымъ дѣламъ, какъ бы страшась, чтобы, услышавши, увидѣвши и уразумѣвши, что должно, не обратиться ко Мнѣ и чтобы Я не исцѣлилъ ихъ отъ ихъ прегрѣшеній. Слова эти сказаны отъ лица Іисуса Христа, который порицаетъ ихъ крайнее бѣзуміе.

.. Ст. 16. Ваша же блаженна очеса, яко видятъ: и уши ваши, яко слышать,—блаженны, потому что право видятъ и слышать..

Ст. 17. Аминь бо глаголю вамъ, яко мнози про- роцы и праведницы вождельша видѣти, а же видите,

и не видѣша: и слышати, яже слышите, и не слышаша. Многіе, но не всѣ, потому что нѣкоторые и видѣли, и слышали это, хотя и сверхестественно, какъ Авраамъ и другіе славнѣйшіе. Или: мнози—виѣсто всѣ, подобно тому какъ говорится: и исцѣли мнози (Марк. 1, 34), между тѣмъ какъ Христосъ тогда исцѣлилъ всѣхъ; и еще: и бѣсы мнози изгна, между тѣмъ какъ изгналъ всѣхъ. Желали видѣть—вочеловѣченіе Бога, чудеса Іисуса Христа и слышать—Его ученіе. Праведными называлъ пророковъ, или—подъ праведными разумѣть другихъ святыхъ, которые слышали то, что говорили о Христѣ пророки и желали видѣть и слышать то, что было предсказано.

Ст. 18. Вы же услышите притчу сѣющаго. Вы—вѣрующіе.

Ст. 19. Всякому слышащему слово царствія и не разумѣвающу, приходитъ лукавый, и восхищаетъ сѣмянное въ сердцѣ его. Словомъ царствія называетъ слово Божіе, или слово вѣры, такъ какъ и вѣра есть Царство, потому что вѣрующій царствуетъ надъ страстями и соцарствуетъ Христу. Не разумѣть, т. е. не опускаетъ въ глубину сердца этого слова, а только выслушиваетъ его. Лукавымъ называетъ діавола, какъ мы замѣтили это въ шестой главѣ, изъясняя молитву (Господню). Онъ похищаетъ посѣянное, потому что оно лежитъ на поверхности нескрытымъ.

Ст. 19... Сіе есть, еже при пути сѣянное. Сѣется и сѣмя, т. е. бросается въ землю,—сѣется и земля, т. е. воспринимаетъ сѣмя. Поэтому здѣсь слово сѣянный (ó σπαράξ) мы разумѣемъ не о сѣмени, а о землѣ; какъ бы такъ было сказано: вотъ этотъ есть земля, засѣянная при пути. Тоже нужно сказать и объ остальномъ.

Ст. 20. А на камени сѣянное, сіе есть... А земля, засѣянная въ мѣстахъ каменистыхъ—есть, тотъ, о которомъ намъhrenъ сказать.

Ст. 20. Слышай слово, и абіе съ радостію при-
емлетъ е: не имать же корене въ себѣ, но привре-
мененъ есть. Выше (ст. 6) мы сказали, что корень—это твер-
дость. Привремененъ, т. е. легконзмѣняющійся, который и въ
ученіи скоро принимаетъ слово, и въ искушеніи скоро остав-
ляетъ его.

Ст. 21. Бывши же печали, или гоненію словесе
ради, абіе соблажняется. Слово здѣсь значить—слово
вѣры. Лука (8, 13) печаль и гоненіе обозначилъ однимъ сло-
вомъ напасть, и вмѣсто соблажняются сказалъ отпадаютъ.

Ст. 22. А сѣянное въ терніи, се есть. Земли, по-
сѣянная въ терніяхъ, это тотъ, о комъ скажемъ.

Ст. 22... Слышай слово, и печаль вѣка сего и
лестъ богатства подавляетъ слово, и безъ плода
бываетъ. Маркъ (4, 19) къ лести присоединилъ и другія
пожеланія, разумѣя всякое вредное пожеланіе; а Лука (8, 14)
подобнымъ же образомъ съ заботою соединилъ сласти житейскія.
Вѣка сего т. е. этой жизни, такъ какъ есть и другой вѣкъ—
будущая жизнь, въ собственномъ смыслѣ вѣкъ, какъ вѣчно пре-
бывающій и никогда не скончаемый.

Ст. 23. А сѣянное на доброй земли, се есть...
Земля же, посѣянная на хорошемъ полѣ,—это тотъ, кого сейчасъ
обозначить.

Ст. 23. Слышай слово и разумѣвая. Разумѣющій,
т. е. скрывающій въ глубинѣ сердца, гдѣ оно свободно отъ
злоумышленій. Поэтому Маркъ (4, 20) сказалъ: иже слышать
слово и приѣмлютъ,—а Лука (8, 15): иже добрымъ
сердцемъ и благимъ слышавше слово, дѣржатъ.
Сердцемъ весьма часто священное писаніе называетъ душу.

Ст. 23. Иже убо плодъ приносятъ, и творить
ово сто, ово же шестьдесятъ, ово тридцать. Это
объяснено уже не много выше.

Результаты общаго пѣнія въ церкви.

Въ 17-мъ № „Руководства для сельскихъ пастырей“ мы сообщали, какъ священникъ е. Борисова Моск. епар. Н. Смирновъ началъ вводить общее церковное пѣніе. Весьма интересны и поучительны результаты его дѣйствій. Вотъ что пишетъ о. Смирновъ:

Какъ съ молитвою начали мы это доброе дѣло, такъ съ Божиимъ благословеніемъ оно дѣлалось лучше и лучше. Известно, что по воскресеньямъ Вел. поста идетъ обѣдня Василия В.; для многихъ пѣвъ этотъ кажется труднымъ. Но у насъ—нимало. Въ 1, 2 и 3 воскресенье прихожане не многіе пѣввали; но въ 4 и 5—это было настоящее торжественное стройное, трогающее душу пѣніе. Въ каждое воскресенье народа приходило въ церковь болѣе и болѣе, а въ эти и въ Вербное было столько, сколько бываетъ только въ Свѣтлое Воскресенье. Поэтому можно себѣ представить: съ какимъ нетерпѣніемъ мы ждали и ждемъ каждой слѣдующей праздничной службы, чтобы услышать ея общее пѣніе. Однимъ словомъ нужно сказать: нашего крестьянина на всякое, хотя бы и доброе дѣло не скоро уломаешь, но это доброе дѣло—общее пѣніе пришлось почти безъ всякой борьбы:—такъ оно сразу поправилось прихожанамъ!

Отсюда понятно, что еще съ большимъ нетерпѣніемъ ждали мы Свѣтлыхъ дней Воскресенія Христова. Какъ и слѣдовало, мы съ псаломщикомъ сходили въ три мѣста къ прихожанамъ, еще не пѣвшимъ, собирали въ нихъ прихожанъ и подучивали къ Пасхѣ. Теперь конечно они собирались съ охотою и въ концѣ спѣвокъ пѣли обѣдню стройно, какъ и желалось. Наконецъ дождался Свѣтлаго дня и народа пришло въ церковь, какъ никогда. Для грамотныхъ куплены были и розданы молитвенники. И запѣли благословясь прямо съ канона: „волною морскою“. И нужно было видѣть: съ какимъ энтузіазмомъ, съ какою силою начали пѣть и пѣли прихожане всю утреню и

затѣмъ обѣдню. Торжественность пѣнія, переливы голосовъ всякаго возраста, свѣтъ свѣчей, звонъ колоколовъ потрясали сердце. Одно только было жаль: пѣли очень громко: да и нужно было этого ждать; народа придетъ въ церковь очень много и всякаго; иной пожалуй будетъ пѣть и съ недоброю цѣлю, такъ какъ у насъ $\frac{1}{3}$ прихода старообрядцевъ. Но во всякомъ случаѣ служба прошла хорошо, такъ же и вечерня вечеромъ. На другой день случилось еще Благовѣщеніе. Вотъ нужно было послушать эту обѣдню! Должно быть, или не пришли охотники поорать, или всѣ пропикнулись величіемъ двухъ величайшихъ христіанскихъ событій и пѣли. И какъ же пѣли? Стройно, плавно, безъ вскрикиваній, безъ отставаній и всѣ голоса—какъ одинъ человѣкъ. Единодушіе, любовь, чувство, молитвы только и слышались во всѣхъ голосахъ. За эту 2-ю обѣдню я не утерпѣлъ и сказалъ прихожанамъ при цѣлованіи Креста: „нынѣ, бр., вы пропѣли обѣдню—прекрасно! стройно; тихо, единодушно, безъ вскрикиваній, именно какъ подобаетъ въ честь величайшихъ праздниковъ Божіихъ. И какъ бы я желалъ, чтобы у насъ проходила такъ и каждая обѣдня! Болѣе намъ и жалать бы не нужно“.

И такъ вотъ теперь и поемъ всѣ, и наслаждаемся пѣніемъ благодаря Бога. И само собою понятно, что гдѣ пѣть въ одинъ голосъ трудно, наприм. въ заутреню или за обѣдней: „Христеъ воскресъ“ съ припѣвами и „Вѣрую“, потому что скоро устаютъ, тамъ прихожане раздѣляются на два хора и это совершается скоро безъ всякихъ замѣшательствъ.

Теперь нужно сказать о будущемъ общаго церковнаго пѣнія. Неужели это св. великое многополезное дѣло должно быть одиночнымъ или кончиться?

Нѣтъ никакъ! Великое доброе богоугодное дѣло русскій человѣкъ любить и отъ души, а тѣмъ болѣе хорошее церковное пѣніе. Поэтому онъ ходитъ послушать его далеко въ монастыри, или заводитъ свои секты и собранія. А тѣмъ болѣе пріятнѣе ему самому выучиться пѣть въ родной своей церкви. Поэтому

преосвященнѣйшій Николоръ говоритъ правду: (см. № 5 ж. Рук. С. Паст. 1885 г., стр. 144) чтобы остановить распространѣніе штунды и всякихъ раскольническихъ сектъ „противопоставьте общенародному молитвенному пѣнію штунды и всякихъ сектантовъ общенародное же пѣніе и въ нашихъ церквахъ и нашихъ молитвенныхъ собраніяхъ. Народъ не знаетъ вѣры... и молитвъ, но умѣетъ пѣть ихъ. Научите только... народъ быстро пойметъ это дѣло, да и понимаетъ, быстро полюбитъ его, да и любить. Попробуйте сами, какое великое сокровище духовнаго наслажденія сокрыто въ въ общенародномъ, общецерковномъ пѣніи“.

Поэтому 1) общенародное церковное пѣніе неминуемо должно вытѣснить клиросное.

2) И тѣмъ легче, что не требуетъ никакихъ издержекъ со стороны церкви.

3) Быстро научаетъ прихожанъ знанію молитвъ, тропарей и вообще службы церковной.

4) Усиливаетъ любовь къ Богослуженію: при этомъ пѣніи церковь почти всегда полна.

5) Прихожане всѣ до одного говорятъ: „при этомъ пѣніи — служба долгая, а не увидишь, какъ пройдетъ и не устаетъ“. Значитъ, всѣ преимущества — за общецерковнымъ, общенароднымъ пѣніемъ.

Пусть ктонибудь одинъ, другой и затянетъ врознь, еще не умѣя пѣть: это нисколько не портитъ гармоніи; потому что въ этой большой массѣ голосовъ берущихъ врознь почти и не слышать: въ массѣ они теряются, едва слышны и то только на минуту, должно быть или его сосѣди поправляютъ, или онъ самъ поправляется. Даже на клиросѣ, если стоятъ человѣкъ 10 или 12, поющаго врознь гораздо болѣе слышно и протѣвно слышать, потому что онъ не заглушается другими голосами.

Впрочемъ да не подумаетъ кто либо, что поетъ будто бы непремѣнно вся церковь. Нѣтъ! Изъ мужескаго пола не болѣе какъ только $\frac{2}{3}$ изъ стоящихъ въ церкви, а изъ женскаго только человѣкъ 8 или 12. Онѣ все еще стыдятся пѣть въ церкви послѣ всегдашняго въ ней молчанія и только теперь стали рѣшаться подпѣвать, когда увидали, что съ женскими голосами пѣніе несравненно пріятнѣе. Священникъ Н. Смирновъ.

Редакторъ Ректоръ Киевской Духовной Семинаріи Архимандритъ *Ириней*.

Дозволено цензурою. Киевъ, 10 мая 1885 г. Цензоръ прот. М. Богдановъ.

Тип. Г. Т. Корчака-Новицкаго, Михайлов. ул., собств. домъ.

Годъ

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

XXVI.

СЕЛЬСКИХ ПАСТЫРЕЙ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
пять руб., съ пересыльною шесть
рублей серебромъ.

№ 22.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Нѣвской
духовной семинаріи.

1885 года, Мая 26-го.

Содержаніе: Настоящее состояніе церковно-приходскихъ школъ и условія прочной организаціи ихъ въ будущемъ.—Семейная жизнь священника.—Ученіе Іисуса Христа о царствѣ Божіемъ въ притчахъ.—Мысли о пастырствѣ св. Тихона Задонскаго.

Настоящее состояніе церковно-приходскихъ школъ и условія прочной организаціи ихъ въ будущемъ.

Церковно-приходскія школы въ настоящее время находятся въ незавидномъ состояніи, что зависитъ отъ многихъ обстоятельствъ, не преборимыхъ самимъ духовенствомъ безъ содѣйствія со стороны, власть имѣющихъ. Къ такимъ обстоятельствамъ относятся:

1) Недостаточность обезпеченія церковно-приходскихъ школъ. По приговорамъ прихожанъ обыкновенно опредѣляется на содержаніе школы, учителя, школьныя пособія и учебники для бѣдныхъ учениковъ сумма въ 50—100 рублей. При столь незначительныхъ средствахъ можно ли вести школьное дѣло? И то право удивительно, что школы еще суще-

ствовали и существуютъ. Конечно, большое пособіе пѣтъ оказывало само духовенство, но справедливо ли требовать отъ него не только безмезднаго обученія, но еще и матеріальныхъ жертвъ на содержаніе школъ?

2) Недостатокъ способныхъ учителей. Безъ учителя священнику никакъ нельзя обойтись. Обязанности по приходу, домашнія и сельско-хозяйственныя занятія и другія обстоятельства, не говоря уже о постовомъ времени, всегда могутъ мѣшать ему регулярно вести дѣло обученія дѣтей, кромѣ закона Божія, еще и грамотѣ. Учитель необходимъ, а гдѣ взять способнаго учителя? Отыскать такого учителя изъ окончившихъ курсъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ едва ли можно. Во многихъ епархіяхъ чувствуется недостатокъ въ исполнѣ достойныхъ кандидатахъ на священническія мѣста (разумѣемъ окончившихъ полный курсъ наукъ въ духовныхъ семинаріяхъ), о чемъ свидѣтельствуютъ и недавнія опредѣленія Св. Синода, позволяющія рукополагать во священники и изъ лицъ неокончившихъ полного курса въ духовныхъ семинаріяхъ; нечего уже говорить и думать о исполнѣ способныхъ и достойныхъ кандидатахъ на учительскія мѣста въ церковно-приходскія школы. Къ тому же нужно замѣтить, что еслибы и оказывались гдѣ такіе кандидаты, то пожелали ли бы они быть въ должности церковно-приходскаго учителя съ окладомъ содержанія въ 60 или 70 рублей въ годъ?

3) Неправильное посѣщеніе дѣтьми школы. Извѣстно, что крестьянинъ нашъ уважаетъ, а то пожалуй и любитъ грамотность, но, не считая ее средствомъ своего существованія, онъ ничуть не дорожитъ школьнымъ временемъ, нужнымъ для обученія его дѣтей. Крестьянинъ охотно отдаетъ своего сына въ школу, когда ему вовсе неужны слабыя дѣтскія силы, но тотъ же крестьянинъ несколько не задумается воспользоваться помощію своего ребенка-школьника въ самомъ даже пустомъ случаѣ. Нужно ли загонъ для скота очистить, матери рубахи помыть, сходить къ свату-брату на крестины, свадьбу, или иное какое

торжество, а то просто на-просто отъ скуки съѣздить на базаръ, — школьникъ сиди дома, а то, что пропущенъ урокъ — не бѣда, не научишься въ годъ читать, успѣешь въ 4, 5 и даже въ 6 лѣтъ. И дѣйствительно часто бываетъ, что иной по журналу числится 3 и 4 года, а не грамотѣ въ существѣ дѣла и „ступитъ не умѣетъ“. Какой же отвѣтъ послѣ этого требовать отъ учителя и какъ при такихъ порядкахъ выполнить § 5 Высоч. утвержд. правилъ, коимъ курсъ ученія въ церковно-приходскихъ школахъ назначенъ двухгодичный?

и 4) Отсутствіе въ большей части селъ особыхъ училищныхъ зданій. Обыкновенно школы у насъ помѣщаются въ одномъ зданіи съ сельскою расправою, или волостнымъ правленіемъ, черезъ сѣни только, и потому въ комнатѣ смежной съ школьною происходитъ постоянный шумъ и крикъ, производится судъ и расправа — то, съ чѣмъ никакъ нельзя помириться. Въ зимнее время крестьяне наши отъ скуки ходятъ въ кабакъ на бесѣду. Наговорившись тамъ, да пропустивши малую толику веселящей сердце челоуѣка, они переходятъ на дальнѣйшее время препровожденія въ сельскую расправу, которая всегда неподалеку отъ кабака. У насъ такой ужъ обычай, что кабаку подобаешь быть вблизи расправы, а расправѣ вблизи кабака. Въ благообразномъ видѣ крестьянинъ нашъ вѣжливо и не поидетъ туда, куда ему не дѣло, но какъ скоро зашумѣло въ его головѣ, тогда ему до всего дѣло есть. Подойдетъ къ школѣ, тамъ тихо, значитъ дѣти не занимаютъ; входитъ и безъ всякихъ предисловіи чинитъ учителю выговоръ: „мы молъ деньги вамъ платимъ, такъ занимайтесь“. Въ другое время отъ чтенія въ голосъ 50—60 учениковъ — шумъ, исторія таже. А когда въ нетрезвомъ видѣ навѣдается въ школу какой либо „начальникъ“ общества, тогда уже чистая бѣда; хоть самъ учитель уходи изъ школы. А сколько наслушаются учитель и ученики бранныхъ и самыхъ мерзкихъ словъ! По 12 § правилъ о церковно-приходскихъ школахъ „учительскія должности замѣщаются преимуще-

ственно лицами получившими образованіе въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ и женскихъ училищахъ духовнаго вѣдомства“. Учителя еще кое-какъ могутъ мириться съ только что упомянутыми обстоятельствами, но каково положеніе учительницъ, по самой природѣ своей, да и по воспитанію имѣющихъ нравственное отвращеніе къ непечатанной брани и къ обхожденію пьянаго человѣка?

Вотъ тѣ неблагопріятныя условія церковно-приходскаго школьнаго дѣла, съ которыми одному духовенству несправиться. Къ нему въ помощь должны придти „власть имѣющіе“ и ближе всего лица, стоящія во главѣ народнаго самоуправленія. Только общими силами возможно укрѣпить существованіе церковно-приходскихъ школъ и упрочить въ нихъ успѣхъ въ дѣлѣ. Для этого по нашему уразумѣнію необходимымъ представляется:

1) Въ каждомъ селѣ, гдѣ есть или должна быть школа, слѣдуетъ учредить изъ выборныхъ и преимущественно грамотныхъ, 2—3 лицъ, „попечительство о школѣ, или приходскій училищный совѣтъ“,—дѣло не въ названіи. Состоя въ непосредственномъ вѣденіи приходскаго священника, „попечительство“ или „совѣтъ“ заботится о матеріальномъ обезпеченіи школы и о самомъ школьномъ зданіи, о содержаніи учителя и квартирѣ его. Члены совѣта созываютъ дѣтей въ школу, располагаютъ родителей неукрѣплять ихъ у себя дома безъ нужды, дознаютъ причины неаккуратнаго посѣщенія дѣтьми училища, выслушиваютъ жалобы крестьянъ на учителя и передаютъ таковыя священнику. Имѣя право присутствовать на занятіяхъ въ школѣ, члены приходскаго совѣта даютъ свѣдѣнія крестьянамъ о степени усердія учителя и объ успѣхахъ учениковъ. Какъ „почетные члены“ они, конечно, присутствуютъ на испытаніи учениковъ при окончаніи учебнаго времени.

Крестьяне, отпуская изъ своихъ средствъ суммы на школы, естественно желали бы знать, что творится въ самыхъ школахъ. Частію стѣсняясь обратиться къ священнику за удовлетвореніемъ

своего любопытства, частію и по другимъ причинамъ, равно неважнымъ, они сами по себѣ часто заходятъ въ школу и, имѣя очень слабый критерій къ оцѣнкѣ училищнаго дѣла, позволяютъ себѣ дѣлать учителю самыя оскорбительныя замѣчанія. Такой безпорядокъ былъ бы устраненъ, еслибы члены училищнаго совѣта были посредниками между школою и крестьянами. Основная идея правилъ, что непосредственное и отвѣтственное завѣдываніе церковно-приходскими школами „возлагается на священниковъ“, учрежденіемъ приходскаго училищнаго совѣта нисколько не нарушалась бы. Одинъ священникъ хозяинъ въ школѣ, онъ и отвѣтственное лицо, а члены совѣта или попечительства были бы побольше, какъ сотрудники его въ заботѣ о вѣншей сторонѣ школы: устройства зданія для помѣщенія училища, содержанія его въ порядкѣ и т. п.

Правилами о школахъ проектированы „почетные попечители“. Принесутъ ли они пользу школамъ, не знаемъ, но кажется, что нѣтъ, или въ меньшей мѣрѣ сомнительно.

2) Устроить особыя училищныя зданія и по возможности вблизи приходской церкви. На устройство дома о двухъ комнатахъ для школы и комнаты съ кухней для учителя потребуется отъ 500 до 600 руб. сереб. (?), сумму эту можно получить, разложивъ ее на десятину крестьянскаго надѣла. Напр. въ нашемъ приходѣ крестьяне владѣютъ 1,100 дес.; положивъ 50 коп. въ годъ съ десятины, можно получить требуемую сумму. Арендуя владѣльческую землю, крестьяне наши платятъ подъ озимый посѣвъ по 25 р., а подъ яровый по 16 р., въ казну же они платятъ только по 3 р. съ конѣйками, значить 50 коп. будетъ для нихъ небольшая прибавка. Уступая необходимости, можно разсчитать взносъ денегъ на два года и по 25 коп. съ десятины, что уже никакъ не можетъ быть много. Въ крайнемъ же случаѣ желательно было бы получить разрѣшеніе строить школьныя зданія на суммы церкви, съ тѣмъ, чтобы прихожане затраченный на ихъ нужды капиталъ церкви возвра-

тили обратно въ опредѣленный срокъ. Для малочисленныхъ приходовъ конечно потребуется и меньшее училищное зданіе: одна комната для школы и квартира учителю. Меньшій домъ, меньше и средствъ на постройку его.

3) Обезпечить существованіе школы достаточными средствами. Настоящее ничтожное обезпеченіе церковно-приходскихъ школъ всегда было, есть и впродъ будетъ главнымъ тормозомъ ихъ процвѣтанія. Сколько бы духовенство ни употребляло своихъ усилій, но если не будетъ лутшихъ средствъ, то труды ихъ по дѣлу народнаго образованія далеко не принесутъ желательныхъ плодовъ. Надлежащимъ же образомъ наша школа будетъ обезпечена (признавая трудъ священника по законоучительству безмезднымъ) при отпускѣ на содержаніе ея 200 р. въ годъ: 150 р. учителю, 25 р. на училищную библіотеку и 25 р. на письменныя принадлежности и учебники для учениковъ бѣдныхъ родителей. Отопленіе и сторожъ должны быть отъ общества отдѣльно. Потребная сумма (200 р.) съ излишкомъ получится отъ разкладки по 20 коп. на надѣльную десятину. Если принять во вниманіе, что въ первые годы крестьянамъ прійдется выѣсть и школьное зданіе строить и на учителя давать, то можно подумать, что это уже обременительно будетъ для нихъ. Нисколько! Знакомые съ матеріальными средствами крестьянъ мы по совѣсти скажемъ, что взносъ 50 коп. съ десятины нисколько для нихъ (по крайней мѣрѣ для крестьянъ нашего юго-западнаго края) не можетъ быть обременительнымъ. Но богаты наши прихожане—это правда, но они не такъ и бѣдны, по крайней мѣрѣ въ нашемъ юго-западномъ краѣ, чтобы не могли внести 1 р. 50 коп. въ годъ на школу. Конечно есть и исключенія, но не объ исключеніяхъ у насъ рѣчь. Настоящее же нищенское содержаніе школы зависить исключительно отъ того, что крестьяне слишкомъ уже на мѣдныя деньги цѣнятъ грамотность. Такъ оно и впродъ будетъ, если не побудятъ крестьянъ больше цѣнить ее.

4) Вопросъ объ учителяхъ отчасти уже разрѣшенъ ново-обнародованнымъ распоряженіемъ правительства объ учрежденіи при церквяхъ діаконскаго института, который будетъ соединять въ себѣ и обязанности учителя въ школахъ. Помочь дѣлу пожалуй и не особенно трудно. Діаконы разумѣется будутъ и болѣе пригодными учителями въ церковно-приходскихъ школахъ. Но что дѣлать въ тѣхъ приходахъ, въ которыхъ не будетъ діаконовъ? Волей-неволей придется привлечь къ учительству въ церковно-приходскихъ школахъ и причетниковъ, хотя бы и неполучившихъ полнаго семинарскаго образованія и слѣдовательно не вполне способныхъ къ этому дѣлу. Чтобы избѣжать этого, необходимо завести при семинаріяхъ образцовыя школы, въ которыхъ бы практически знакомились съ школьнымъ дѣломъ всѣ, желающіе служить въ должности псаломщиковъ; въ эти школы могли бы имѣть доступъ и всѣ вообще желающіе служить въ учительскомъ званіи при церковно-приходскихъ школахъ. На сколько намъ извѣстно по слухамъ, въ нашихъ правительственныхъ сферахъ уже возбужденъ вопросъ объ открытіи при семинаріяхъ образцовыхъ школъ съ цѣлю подготовленія болѣе или менѣе способныхъ учителей церковно-приходскихъ школъ.

5) Определить обязательные сроки школьныхъ занятій. Въ настоящее время обыкновенно дѣти собираются въ школу, когда снѣгъ покроетъ землю, или пойдутъ сильные морозы, и уходятъ изъ нея съ первыми проявленіями весны. Удержать ихъ долѣе нѣтъ никакой возможности. Части скотъ—прямая обязанность дѣтей въ семьѣ, и еслибы въ теченіи всей зимы можно было дѣлать это, школьныхъ занятій и вовсе у насъ не существовало бы. Въ виду этого, для начала занятій въ школѣ нужно назначить 15 октября, или 1 ноября, а для окончанія 1 апрѣля, или вообще—6 недѣлю Вел. поста. Пять мѣсяцевъ, по нашему мнѣнію, достаточно для школьныхъ занятій. Исправно посѣщая школу, ученикъ въ теченіи перваго года, можетъ выучить граматку,

Часословъ и даже на половину Псалтирь, что для него и весьма достаточно.

6) Такъ какъ никакія убѣжденія неслышны заставить крестьянъ исправно посылать своихъ дѣтей въ школу, то необходимымъ представляется установить денежную отвѣтственность для тѣхъ родителей, которые безъ крайней нужды, ради пустой дѣтской имъ помощи, задерживаютъ своихъ дѣтей-школьниковъ въ домахъ и тѣмъ наносятъ школьному дѣлу существенный вредъ. Допуская, какъ случайную возможность, нѣсколько пропущенныхъ учебныхъ дней, не болѣе 5, за большее число подвергать виновныхъ штрафу въ пользу школы, взысканіемъ котораго завѣдываютъ члены „попечительства“ или „совѣта“. За 15 пропущенныхъ учебныхъ дней безъ крайней нужды ученикъ вовсе долженъ быть уволенъ изъ школы. Дисциплина должна быть введена и въ церковно-приходской школѣ, иначе дѣло не пойдетъ на ладъ.

7) Желательно, чтобы при содѣйствіи мировыхъ посредниковъ (гдѣ таковые есть), достоинство сельскихъ администраторовъ—волостнаго старшины и старосты оцѣнивалось между прочимъ и по степени усердія ихъ къ школамъ, и чтобы вообще при выборахъ въ сельскіе старосты и волостные старшины отдавалось преимущество грамотнымъ.

Свищ. А. *Діаковский*.

Семейная жизнь священника¹⁾.

При устроении семейной жизни въ соответствии съ требованіями, предписываемыми священнику духомъ церкви и сознаніемъ его высокаго служенія, первый самый важный вопросъ для человека, избирающаго священство своимъ жребіемъ, представляетъ выборъ для себя достойной спутницы жизни. Въ этомъ дѣлѣ

¹⁾ См. № 21-й.

кандидату священства нужно быть особенно осторожнымъ и осмотрительнымъ, въ виду того, что онъ, по принятіи священническаго служенія, будетъ отвѣчать не только за себя, но и за поведеніе и настроеніе своей жены и своихъ дѣтей, если Господь благословитъ его ими. Чѣмъ же руководиться кандидату священства при выборѣ для себя супруги?

Трудно указать въ этомъ случаѣ точныя правила, съ которыми бы каждый сообразовался при рѣшеніи такого важнаго вопроса жизни, какой представляетъ заключеніе брака. Можно начертить прекрасный идеаль женщины, которая достойна раздѣлять жизненный подвигъ съ пастыремъ церкви, можно составить подробный реестръ тѣхъ качествъ и добродѣтелей, какими должна отличаться невѣста будущаго священника. Но эти идеальныя предначертанія оказываются мало приложимыми къ дѣлу, когда рѣшается такой практическій вопросъ жизни, какъ брачное соединеніе двухъ любящихся сердецъ. Слово: выборъ жены или спутницы жизни, какое мы употребили, приступая къ рѣчи объ этомъ предметѣ, и какое встрѣчается въ подобныхъ случаяхъ у людей, писавшихъ объ устроеніи семейной жизни священника (Практическое руководство для священнослужителей, Несчаеиа, § 29; Пастырское богословіе, архимандрита Антонія § 50) своимъ прямымъ смысломъ не отвѣчаетъ существу дѣла. Бракъ не есть дѣло одного разсудка и не долженъ быть такимъ; настоящій правильный бракъ не бываетъ результатомъ простаго холоднаго разсчета. Бракъ первѣе всего дѣло сердца: въ молодомъ человѣкѣ, когда онъ рѣшается вступить въ бракъ, опредѣляющею силою являются не холодныя соображенія, не разсудочное примѣненіе посвящагося въ головѣ идеала къ той или другой особѣ, а влеченіе сердца, часто совершенно внезапное и дѣйствующее помимо всѣхъ разсчетовъ. И когда поддается человѣкъ этому влеченію, тогда трудно подвергать холодному анализу и неспытанію избранницу сердца. Притомъ влеченіе сердца, рѣшающее дѣло брака, не можетъ безразлично простирается на нѣ-

сколько особъ; оно обыкновенно сосредоточивается на одномъ предметѣ, и тѣмъ самымъ устраняетъ простой выборъ одной изъ многихъ. Наконецъ браки заключаются, въ особенности со стороны лицъ женскаго пола, въ такіе молодые годы, когда въ дѣвицѣ, избираемой въ невѣсты тѣмъ или другимъ человѣкомъ, не выяснился и, можно сказать, не опредѣлился воли ея нравственный характеръ, и когда на основаніи даже близкаго знакомства съ нею нельзя съ увѣренностію сказать, какою она будетъ женою впоследствии, и какъ сложится ея характеръ, по достиженіи ею полной нравственной зрѣлости. Каждый бракъ есть своего рода рискъ, который долженъ быть предпринимаемъ съ надеждою на Бога,—и каждый счастливый, благословенный бракъ есть особенная благодать Божія, за которую нельзя давать напередъ человѣческаго ручательства. Не даромъ установлено въ Церкви таинство брака, и не даромъ при заключеніи каждаго брака молитвенно испрашивается и свыше низводится отъ Бога на брачующихся таинственная благодать, освящающая ихъ союзъ и утверждающая ихъ взаимное согласіе и семейное счастье.

Но нельзя предоставлять одной случайности дѣло такой великой важности, имѣющее роковое значеніе для человѣка на всю жизнь, какъ заключеніе брака. И при надеждѣ на божественную благодать, устрояющую счастье людей, нельзя не придавать значенія совѣтамъ благоразумія, нельзя не взвѣшивать побужденій, склоняющихъ рѣшеніе самоопредѣляющей воли въ ту или другую сторону. Куда-жъ совѣты благоразумія могутъ направлять волю кандидата священства, ищущаго себѣ супруги или спутницы жизни?

При рѣшеніи этого вопроса, можно дать одно руководящее указаніе: пусть человѣкъ, имѣющій въ виду быть священникомъ, ищетъ себѣ супругу въ благочестивыхъ семействахъ, преданныхъ Церкви и свято блюдущихъ ея уставы. Въ пастырскомъ богословіи Антонія „совѣтуется кандидату священства избирать себѣ

супругу непременно изъ духовнаго званія (§ 50 п. 6.): ибо взятая изъ другаго званія (по его словамъ) можетъ принести съ собою вовсе чуждый духъ, или образъ мыслей и чувствованій, нравы и обычаи“. Мы не скажемъ этого и не поставимъ происхождения отъ родителей духовнаго званія яепремѣннымъ условіемъ, которому должна удовлетворить невѣста кандидата священства. Семействъ, расположенныхъ къ Церкви и живущихъ по духу благочестія, есть довольно и въ кругу мірянъ. Но во всякомъ случаѣ надежнѣе всего кандидату священства искать себѣ супруги въ такихъ семействахъ, духовныхъ или свѣтскихъ, въ которыхъ блюдятся строгіе благочестивыя нравы. Въ такихъ семействахъ заботятся о томъ, чтобы дать доброе воспитаніе и доброе религіозное направленіе дѣтямъ, и юные члены такихъ семействъ выносятъ съ собою изъ дому настроеніе, наиболѣе соотвѣтствующее тому духу, какимъ долженъ отличаться и какой долженъ встрѣчать въ окружающихъ себя пастырь церкви. Правила и привычки, какихъ долженъ держаться священникъ въ своей домашней жизни, не будутъ казаться новыми и тяжелыми для его жены, если онъ возьметъ ее изъ такого семейства. Но тѣ свѣтскія семейства, на которыхъ мало замѣтно вліяніе Церкви, и которыя не руководствуются въ своей жизни духомъ религіи и не держатъ церковныхъ уставовъ, не могутъ привлекать къ себѣ вниманіе кандидата священства, человека болѣе или менѣе благочестиваго и преданнаго церкви, и среди нихъ ему не слѣдуетъ искать себѣ жены-помощницы на житейскомъ поприщѣ. Еслибы случилось какому либо кандидату священства вступить въ бракъ съ дѣвицею, возросшею среди такого семейства, то едва ли бы не почувствовалась, при первомъ устроеніи семейныхъ обычаевъ, большая дисгармонія между мужемъ-пастыремъ церкви и его женою, воспитанною въ семействѣ, неотличающемся преданностію Церкви. Тогда отъ него можетъ потребоваться большой трудъ, чтобы подчинить ее своему вліянію и заставить уважать тѣ требованія, какія необходимо удовлетворять въ семействѣ служив-

теля Божія, или и самъ онъ можетъ поступиться многими изъ того, соблюденіе чего считаетъ необходимымъ по сознанію и указанію своей пастырской совѣсти, чтобы только избѣжать семейныхъ раздоровъ. Въ такомъ случаѣ въ домѣ священника можетъ водвориться порядокъ, которому свойственно бытъ въ домѣ свѣтскаго человѣка, чѣмъ духовнаго, и который для сторонняго, хотя бы и невольнаго, наблюдателя можетъ подавать не мало поводовъ къ соблазну. Въ настоящее время между молодыми дѣвками не только свѣтскаго, но не рѣдко и духовнаго, происхожденія встрѣчается не мало такихъ, которыя не хотятъ соединять своей судьбы съ людьми, имѣющими въ виду посвятить себя пастырскому служенію. Иной человѣкъ кажется вполне достойнымъ и заслуживаетъ всякаго вниманія; но если онъ объявляетъ, что онъ хочетъ быть священникомъ, отъ него сторонятся такія дѣвицы, которыя безъ того готовы были бы соединить съ нимъ свою судьбу. Это происходитъ съ одной стороны отъ недостатка уваженія къ высокому званію служителя Божія, а съ другой отъ желанія свѣтскихъ развлеченій, которыхъ пастырь церкви, при ограниченіяхъ, падаемыхъ на него званіемъ, не можетъ доставлять своей супругѣ. Какъ скоро замѣчается такое, недружелюбное къ священству, расположеніе въ молодой дѣвицѣ, — кандидатъ священства долженъ отказаться отъ мысли имѣть се своею женою, хотя бы она въ другихъ отношеніяхъ возбуждала его расположеніе къ себѣ. Не для чего сходитьсь вмѣстѣ и думать о заключеніи нерасторжимаго союза на всю жизнь такимъ лицамъ, которыя смотрятъ въ разныя стороны и хотятъ идти по расходящимся дорогамъ, изъ которыхъ одинъ желаетъ посвятить себя на служеніе церкви, а другая стремится платить дань міру и его суетности. Отсюда можетъ проистекать много разныхъ и нескончаемыхъ пререканій и поудовольствій. Въ невѣсти кандидату священства не годятся модныя и свѣтскія дѣвицы, думающія о нарядахъ, танцахъ, балахъ и другихъ подобныхъ развлеченіяхъ, не любяція сидѣть дома и избѣгающія

домашнихъ занятій, съ-высока смотрящія на то служеніе, какое несутъ пастыри церкви. Съ такими спутницами жизни трудно священнику устроить свой домашній кровъ, согласно съ требованіями церкви. Ихъ мѣсто не въ скромномъ домѣ пастыря церкви, а въ свѣтскихъ салонахъ, гдѣ можно думать больше объ удовольствіяхъ, чѣмъ объ обязанностяхъ.

Въ жопѣ священника желательно видѣть женщину скромную, мирную и сдержанную, которая бы своими желаніями не уносила въ великосвѣтскіе круги, и довольная своимъ положеніемъ способна была охранять покой своего дома,—женщину, отличающуюся безупречною нравственностію, которая никакимъ поступкомъ не могла бы подать повода къ соблазну и осужденію себя, а чрезъ себя посредственно и къ осужденію своего мужа,—женщину религіозную и благочестивую, отнюдь не пренебрегающую тѣмъ служеніемъ, какое избралъ супругъ ея, а напротивъ высоко уважающую званіе служителя Божія и дорожающую счастьемъ раздѣлять съ нимъ тяготу жизни,—женщину преданную своему мужу, сочувствующую всѣмъ его заботамъ, и не уступающую ему въ строгомъ исполненіи уставовъ церкви обязательныхъ для каждаго христіанина, и при этомъ женщину достаточно образованную, для того, чтобы раздѣлять чувства и стремленія своего супруга, человека болѣе или менѣе развитаго школьнымъ образованіемъ, и чтобы умѣть поставить свой домъ соотвѣтственно тому уровню, на какомъ стоитъ домашняя жизнь въ классѣ людей образованныхъ. Когда отыщется такая жена для человека, посвящающего себя пастырскому служенію, она будетъ для него помощницею, соотвѣтственною ему, и будетъ отвѣчать тѣмъ цѣлямъ, какія имѣлъ премудрый Творецъ, когда при твореніи человека въ своемъ тронномъ совѣтѣ нашель, что не добро быти человеку единому (Быт. 2, 18), и когда, создавъ жену изъ ребра мужа, привелъ ее ко Адаму.

Добрая жена священника можетъ быть помощницею своему мужу во многихъ отношеніяхъ. Она беретъ на себя главную часть заботъ по устрѣенію и приведенію въ порядокъ домашняго хозяйства. Освобождая мужа отъ хлопотъ по этому дѣлу, она даетъ ему больше свободы и возможности посвящать себя и свое время на труды, вызываемыя пастырскимъ долгомъ. Увѣренный въ ея заботливости о домашнемъ хозяйствѣ и ея умѣньи вести его, онъ спокойно отправляетъ свою службу, и когда возвращается домой, знаетъ, что все здѣсь въ порядкѣ, и все приготовлено, какъ слѣдуетъ. Вѣрная идеалу добродѣтельной жены, начертанному нѣкогда премудрымъ Соломономъ, она, не безпокая своего мужа, добываетъ шерсть и ленъ, и съ охотою работаетъ своими руками,... она встаетъ еще ночью (раньше всѣхъ въ своемъ домѣ), и раздаетъ пищу въ домѣ своемъ и урочное служанкамъ своимъ, задумаетъ она о поле и пріобрѣтаетъ его; отъ плодовъ рукъ своихъ насаждаетъ виноградъ... Она чувствуетъ, что занятіе ея хорошо, и свѣтильникъ ея не гасаетъ и ночью,—протягиваетъ руки свои къ прялкѣ, и персты ея берутся за веретено,... не боится стужи для семьи своей,—потому что вся семья ея одѣта въ двойныя одежды... Наблюдая за хозяйствомъ въ домѣ своемъ, она не ѣстъ хлѣба праздности. Встаютъ дѣти,—и ублажаютъ ее,—мужъ и хвалитъ ее. Цѣна ея, по словамъ премудраго, выше жемчуговъ (Прич. XXXI, 10—28).

Другая помощь мужу-священнику отъ жены своей въ воспитаніи дѣтей. Мужу, занятому внѣшнею дѣятельностію и часто разными трудами отвлекаемому отъ своего дома, нельзя съ такимъ постоянствомъ слѣдить за дѣтьми своими, какъ то можетъ дѣлать его жена, сосредоточенная главнымъ образомъ на заботахъ о домѣ своемъ, и видящая нѣ служеніи семьи своей первое свое призваніе. Да у ней больше сердечнаго вліянія и материнской

мягкости и теплоты, чтобы плодотворно дѣйствовать на дѣтей въ пѣжномъ возрастѣ.

Далѣе, жена не мало можетъ облегчать мужу несеніе подвига жизни вообще. Присутствіе при священникѣ благословенной для него церковію помощницы, вполне сочувствующей ему и готовой раздѣлять съ нимъ какъ его заботы, такъ и радость и горе, способствуетъ поддержанію и сохраненію въ немъ бодрости и энергіи духа. Оно освобождаетъ его отъ невыгодъ тяжелаго одиночества, способнаго наводить уныніе на человѣка слабохарактернаго въ особенности при встрѣчѣ съ какими либо житейскими невзгодами, для подавленія котораго безсемейные люди часто прибѣгаютъ къ опасной чаркѣ, доставляющей минутное забвеніе тяжелаго положенія. Оно доставляетъ человѣку неисчерпаемый и самый близкій источникъ утѣшенія, въ которомъ не можетъ не нуждаться священникъ, идущій по неровному пути жизни. Могутъ постигать его разныя непріятности, — отъ прихожанъ, отъ сосѣдей и сослуживцевъ, отъ начальства, отъ такихъ или другихъ ударовъ непривѣтливой судьбы; можетъ онъ испытывать разныя неудачи и тяжелыя разочарованія; могутъ ослабѣвать его силы въ борьбѣ съ такими или иными препятствіями, при стремленіи къ доброй, намѣченной имъ цѣли, и т. под.: въ такихъ случаяхъ одно доброе слово сочувствія лица, соединеннаго съ человѣкомъ, вызванномъ на жизненную борьбу, уже можетъ имѣть великую силу ободренія и успокоенія. Онъ не падетъ духомъ, когда видитъ и знаетъ, что подлѣ него есть другое лицо, готовое взять на себя часть бремени, его подавляющаго. Здѣсь важно не одво дѣятельное участіе въ трудѣ мужа, но и простое нравственное сочувствіе. Поддерживаемый этимъ, всегда вѣрнымъ себѣ и неизмѣннымъ, сочувствіемъ, онъ съ большею ревностію будетъ браться за тѣ задачи, которыя предлагаетъ ему жизнь, предъ нимъ развертывающаяся.

Наконецъ, священникъ можетъ встрѣчать помощь въ женѣ своей и при исполненіи долга своего званія. Правда, жена не

можетъ принимать непосредственнаго участія въ томъ, что возлагается церковію на пастыря, какъ на лицо освященное, получившее особенныя полномочія отъ іерархической власти для совершенія своего высокаго служенія. Жены ваша въ церквахъ да молчатъ (говоритъ св. апостолъ Павелъ): срамно бо есть женѣ въ церкви глаголати (1 Кор. XIV, 34. 35. Ср. 1 Тим. II, 11. 12). Плънятъ людей въ послушаніе Христова жены, по апостолу Петру, могутъ житіемъ безъ словъ, когда другіе видятъ ихъ чистое, богобоязненное житіе (1 Петр. III, 1. 2) Въ отношеніи къ совершенію священнаго дѣла служителя Божія нѣтъ разницы между женою священника и другими женами, — женами мірянъ: какъ тѣ, такъ и она должна быть вдали отъ алтаря Господня. Но обязанности пастыря церкви очень многосложны, и онъ призывается содѣйствовать устроенію и лучшему направленію жизни прихожанъ въ различныхъ ея отношеніяхъ. Онъ не только совершитель богослуженія и требъ церковныхъ для душъ, ввѣренныхъ его пастырскому руководству, не только поставленный Богомъ учитель вѣры и нравственности; чувство долга можетъ побуждать его оказывать помощь своимъ прихожанамъ въ разныхъ нуждахъ, ими испытываемыхъ. Онъ сдѣлаетъ достойно своего званія, если будетъ заботиться о бѣдныхъ и больныхъ своего прихода и не останется безучастнымъ при какой либо бѣдѣ, разразившейся надъ тою или другою частію его прихожанъ. Онъ призывается устроить школы и содѣйствовать распространенію добраго просвѣщенія въ своемъ приходѣ. Отъ него идутъ утѣшенія и совѣты не въ однихъ дѣлахъ церковно-религіознаго свойства, но и въ разныхъ житейскихъ столкновеніяхъ и неурядицахъ, напримѣръ, при семейныхъ раздорахъ. Во всѣхъ этихъ и подобныхъ случаяхъ добрая жена можетъ быть незамѣнимою для него помощницею, если она сознаетъ призваніе своего мужа и достаточно развита и образована, чтобы оказать ему въ томъ или другомъ случаѣ существенное содѣйствіе. Она можетъ взять на себя часть заботы о бѣдныхъ и больныхъ, слу-

чающихся въ приходѣ, можетъ являться съ посильною помощію туда, гдѣ требуется эта помощь и располагать къ этой помощи другихъ, владѣющихъ достаточными для того средствами, и ея содѣйствіе въ этихъ случаяхъ не только облегчить трудъ священника, но и будетъ способствовать возвышенію его авторитета и усиленію расположенія и уваженія къ нему среди его прихожанъ. Она можетъ принять участіе въ образованіи въ особенности дѣвочекъ прихода своего мужа, и ея трудъ здѣсь можетъ быть болѣе полезенъ, чѣмъ трудъ какого либо случайнаго или заѣзжаго учителя. При ея жепетливой мягкости, и при желаніи держать себя поближе къ членамъ своего прихода, она можетъ приносить миръ и согласіе въ тѣ семейства, въ которыхъ начинается раздоръ и раздувается вражда, и сердце ея, руководимое любовію, способно оказать здѣсь больше пользы, чѣмъ властное слово ея мужа. Даже въ дѣлахъ, непосредственно соприкасающихся съ выполненіемъ существенныхъ и коренныхъ обязанностей священника, можетъ быть приносима со стороны жены извѣстная доля пользы трудящемуся мужу—пастырю. Она можетъ указывать ему упущенія, какія онъ можетъ допустить по своей должности, занятый разными дѣлами. Она можетъ возбуждать его усердіе и ревность при выполненіи имъ своего долга, если сама одушевлена духомъ благочестія. Она можетъ, въ помощь мужу, домашнимъ частными обращеніемъ съ тѣмъ или другимъ членомъ прихода утвердить въ сердцахъ слово вѣры и содѣйствовать въ распространеніи среди прихожанъ духа благочестія. Исторія древней Церкви представляетъ примѣры женъ, которыя содѣйствовали своимъ мужьямъ въ распространеніи благочестія Христова, и вмѣстѣ съ ними несли труды на пользу вѣры и Церкви. Таковы были Прискилла и Акила, которыхъ и жены неразлучны у апостола Павла, которыхъ обоихъ апостолъ называетъ сотрудниками своими во Христѣ Іисусѣ, и которымъ благодарны были все Церкви изъ язычниковъ (Рим. XVI, 3, 4. 2 Тим. IV, 19. 1 Кор. XVI, 19). По сказанію

Къ № 22-му.

Дѣяній апостольскихъ, они, встрѣтившись въ Ефесѣ съ Аполло-сомъ, мужемъ краснорѣчивымъ и свѣдущимъ въ Писаніи, и уви-дѣвъ, что онъ знакомъ только съ начатками пути Господня, зная одно крещеніе Іоанново,—приняли его къ себѣ въ домъ и точнѣе объяснили ему путь Господень (Дѣян. XVIII, 24—26). И, конечно, не одинъ Аполлосъ обязанъ былъ христіанскимъ просвѣщеніемъ этой супружеской четѣ, въ которой жена не усту-пала мужу въ ревности по вѣрѣ, почему у апостола имя ея стоитъ иногда выше имени мужа (Рим. XVI, 3. 2 Тим. IV, 19).

Какова же должна быть семейная жизнь священника? Ни въ Священномъ Писаніи, ни въ канонахъ церковныхъ нѣтъ подробныхъ специальныхъ предписаній, которыя бы съ точностію опредѣляли, какъ нужно устроить собственно семейную жизнь священника, и какіе порядки блюсти въ священническомъ домѣ. Апостолъ Павелъ говоритъ только: подобаетъ пресвитеру быти свой домъ добрѣ правящу (1 Тим. III, 4). По смыслу этого руководственнаго указанія святаго апостола, въ домѣ священника должно быть все, чего нужно желать для каж-даго благоустроеннаго и благочестиваго семейства. Въ домѣ, хо-рошо устроенномъ и управляемомъ, предполагается взаимная лю-бовь и доброе согласіе между всѣми, въ немъ живущими. Всѣ члены его блюдутъ чистоту нравовъ и заботятся о безукорыщен-номъ поведеніи, и ни одинъ изъ нихъ не подастъ повода къ соблазну никакимъ неприличнымъ поступкомъ, никакимъ рѣзкимъ, тѣмъ болѣе грознымъ словомъ, вообще никакою выходкою дикой страсти. Каждый, вступающій въ домъ священника, долженъ встрѣчать здѣсь скромность и привѣтливость: при входѣ въ него тотчасъ же должно чувствоваться каждымъ теплота сочувствен-ной любви, готовой безъ пренебреженія отнестись къ каждому, хотя и низкому, человѣку, какъ скоро по какой либо нуждѣ онъ переступаетъ порогъ дома своего духовнаго отца.

Въ семействѣ священника должны строго соблюдаться обы-чай, предписываемые религіознымъ чувствомъ и согласные съ цор-

ковными установленіями. Въ положенные дни поста при столѣ его не будетъ скоромной пищи, и нарушать постъ не долженъ позволять себѣ не только самъ священникъ, но и каждый изъ его домашнихъ. И не у себя только дома, но и въ другихъ мѣстахъ — въ гостяхъ или въ общественныхъ собраніяхъ, — члены священническаго семейства не будутъ безразлично и равнодушно относиться къ нарушенію поста, лишь входящему въ обычай среди болѣе или менѣе образованнаго общества. Далѣе, всѣ члены семьи священника должны по-христіански чтить праздни ки церковныя, и посѣщеніе богослуженія во всѣ дни, чествуемые благо чествіею частию нашего общества, должно быть для нихъ свя щенною обязанностію. Члены семьи священника не устроятъ пи ружки подѣ праздни кѣ, когда церковь зоветъ всѣхъ на всенощ ное богослуженіе, и желаетъ сосредоточить мысли вѣрующихъ на предметахъ священнаго характера, и не примутъ участія въ подобныя часы въ какихъ либо свѣтскихъ увеселеніяхъ, устраи ваемыхъ другими. Въ домѣ священника не будетъ забыта и каждодневная молитва: каждый, живущій въ немъ, пусть вѣрно держится того обычая, по которому добрые христіане молятся Богу, садясь за столъ и вставая отъ стола, освящаютъ молит вою начало каждаго дня, послѣ сна ночнаго, и безъ молитвы не приступаютъ къ дѣлу, имъ предстоящему, и по окончаніи дневныхъ трудовъ благодарятъ Бога за счастливо проведенный день и просятъ у Него покрова себѣ и добраго покоя душѣ и тѣлу, когда отходятъ ко сну. У насъ не въ обычаѣ, по край ней мѣрѣ рѣдко случается, чтобы всѣ, входящіе въ составъ семейства священника, вмѣстѣ совершали свою ежедневную домаш нюю молитву, положенную церковію или налагаемую усердіемъ. А это было бы весьма хорошо, еслибы въ домахъ или домаш ныхъ церквахъ служителей Божіихъ ввелся и укоренился такой обычай, чтобы положенная молитва совершалась всѣми вмѣстѣ, чтобы въ присутствіи всѣхъ въ уроченный часъ читалъ ее или самъ глава семейства, или кто либо изъ другихъ членовъ. Въ

семействахъ настовровъ англиканскихъ и протестантскихъ гораздо чаще встрѣчается этотъ обычай, чѣмъ въ семействахъ нашихъ православныхъ священниковъ, и все благонамѣренные люди, которымъ случалось говорить объ этомъ, всегда отзываются о немъ съ большимъ одобреніемъ. Примочки семейной жизни священника должны опредѣляться духомъ, соотвѣтствующимъ высокому званію служителя Божія, и этимъ привычкамъ должны подчиняться все члены его дома, какъ бы ни казались онѣ со стороны стѣснительными. Это не бремя, налагаемое на родныхъ; семейство должно цѣлить то служеніе, какое несетъ глава его, и съ сердечною готовностію исполнять все требованія, вытекающія изъ особеннаго положенія священника. Начала строгой и религіозной жизни, предписываемой священнику его званіемъ, добровольно должны быть приняты всеми членами его дома, въ силу интереса, раздѣляемаго семействомъ съ своимъ главою.

В. Павлицкій.

Ученіе Ісуса Христа о царствѣ Божіемъ въ притчахъ¹⁾.

Ст. 24. Ину притчу предложи имъ, глаголя: уподобися царствіе небесное человѣку, сѣявшу доброе сѣмя на селѣ своемъ. Царствомъ небеснымъ здѣсь называетъ Самаго Себя, такъ какъ, воспринявши плоть, Онъ сталъ подобенъ человѣку: въ подобіи, сказано, человѣчествѣмъ бывъ (Филип. 2, 7). Добрымъ сѣменемъ Онъ называлъ сыновъ царства, какъ и Самъ объяснилъ, когда ученики спросили Его, — о чемъ скажемъ, когда дойдемъ до этого. Цолю Его есть міръ, какъ Его твореніе и стяжаніе.

Ст. 25. Спящимъ же человѣкомъ, прінде врагъ его, и всѣя плевелы посредѣ пшеницы и отиде.

¹⁾ Зигабена Толков. см. № 21-й.

Этою притчею указываетъ на другія козни діавола. Когда онъ увидить, что добрая земля приноситъ плодъ во сто кратъ, въ шестьдесятъ или въ тридцать, и онъ не можетъ ни похитить сѣмени, ни съжечь или заглушить возрастающее,—то задумываетъ другаго рода хитрость и, какъ врагъ посѣявшаго, старается погубить его трудъ: когда люди спятъ, т. е. не заботятся объ охранѣ поля (здѣсь указываетъ на учителей, какъ охранителей правовѣрующихъ), онъ всѣваетъ плевелы, т. е. еретиковъ среди правовѣрующихъ. Последнихъ назвалъ пшеницею, какъ полезныхъ для сѣющаго.

Ст. 26. Егда же прозябе трава и плодъ сотвори, тогда явишася и плевеліе. Какъ плевелы по стеблю похожи на пшеницу, а по плодамъ различны и даже вредны для нея, такъ и еретики по внѣшности похожи на правовѣрующихъ, но различаются по добродѣтели, которая составляетъ плодъ. Добродѣтель же и первѣйшій плодъ—это истина ученія. И какъ плевелы до тѣхъ норъ, пока не принесутъ плода, незамѣтно растутъ, и тогда только различаются; такъ точно и еретики пока не учатъ, не узнаются, а когда дерзаютъ и на это, тогда разливаютъ ядъ и распознаются. Поэтому и выше (7, 16) Спаситель сказалъ: отъ плодъ ихъ познаете ихъ. И иначе можно (сказать): когда Христосъ сѣялъ, еретики не появлялись, а когда возросли правовѣрующіе, тогда появились и еретики.

Ст. 27. Пришедше же раби господина, рѣша ему: Господи, не доброе ли сѣмя сѣялъ еси на селѣ твоємъ: откуду убо имать плевелы. Господинъ (οἰκοδεσπότης—домовладыка)—есть Самъ Христосъ, какъ Владыка міра; рабы, говорящіе это, изображаютъ болѣе горячихъ по благочестивой ревности правовѣрующихъ, которые часто не безъ негодованія удивляются, какимъ образомъ Богъ допускаетъ зарождаться этимъ плевеламъ.

Ст. 28. Онъ же рече имъ: врагъ чловѣкъ сіе сотвори... Чловѣкомъ назвалъ діавола, потому что онъ ничѣмъ

не отличается отъ человѣка по своимъ страстямъ и сластолюбію, подобно человѣку любить плоть и преданъ всему земному.

Ст. 28... Раби же рѣша ему: хочещи ли убо, да шедше исплевемъ я? Исплевемъ, т. е. соберемъ, насильно исторгая и сжиная мечами.

Ст. 29. Онъ же рече имъ: ни: да не когда восторгающе плевелы, восторгнете кунно съ ними и пшеницу. Запретилъ уничтожать еретиковъ, чтобы вмѣстѣ съ ними не были уничтожены и правовѣрующіе. Между тѣми и другими могли произойти войны и убійства.

Ст. 30. Оставьте расти обое кунно до жатвы..., и тотъ и другой родъ людей. Жатвою называетъ кончину міра. Повелѣваетъ, чтобы они позволили и тѣмъ и другимъ людямъ жить, возрастая и увеличиваясь въ числѣ до конца міра, такъ какъ вѣроятно, что до того времени многіе изъ еретиковъ обратятся. Однако не должно въслѣдствіе этого смѣшиваться съ еретиками; міръ этотъ обширный, и они должны жить сами по себѣ,—не уничтожиться, а отдѣлиться, чтобы своимъ ученіемъ не портить пшеницы сѣявшаго.

Ст. 30... И во время жатвы реку жателемъ... Жателями называетъ ангеловъ.

Ст. 30... Соберите первѣе плевелы... Срѣжьте серпомъ смерти плевелы, которые найдутся тогда. Почему же прежде? Чтобы живущіе тогда правовѣрующіе, будучи пожинаемы вмѣстѣ съ еретиками, не ожидали какого либо зла.

Ст. 30... И свяжите ихъ въ снопы. Свяжите ихъ другъ съ другомъ. Слова эти показываютъ, что соучаствующіе въ какомъ либо грѣхѣ, понесутъ и общее наказаніе, и вмѣстѣ подвергнутся мщенію.

Ст. 30... Яко сожеши я, а пшеницу соберите въ житницу мою. Подобнымъ же образомъ и Креститель угрожалъ саддукеямъ и фарисеямъ (въ третьей главѣ), говоря о Христѣ, что Онъ соберетъ пшеницу свою въ житницу,

плевны, же сожжетъ огнемъ негасающимъ. Найди тамъ, что называетъ сожженіемъ и плевами; излишне было бы разъ истолкованное, вторично толковать такимъ же образомъ.

Ст. 31. Ину притчу предложи имъ глаголю: подобно есть царствіе небесное зерну горчиичну, еже взять человекъ всѣя на селѣ своемъ. (Зерну горчиичному уподобилъ проповѣдь (евангельскую): малозамѣтная и простая по выраженію, она настолько возросла, что и аттическая, возбуждавшая удивленіе своими умствованіями, философія грековъ — была закрыта величіемъ выраженнаго просто евангелія).

Царствомъ небеснымъ здѣсь называетъ ученіе (λόγος) вѣры, какъ залогъ царства небснаго. Уподобляетъ же его зерну горчиичному, потому что оно сѣялось въ краткихъ и немногихъ словахъ, такъ какъ ученики вначалѣ не могли вмѣстить большаго. Поэтому и пророкъ вѣкогда назвалъ его сокращеннымъ словомъ (Ис. 10, 23). Но будучи воздѣлано, оно возрастаетъ напоеніемъ божественнаго Духа, превосходитъ всякое другое ученіе и является выше всѣхъ. Этою притчею Господь предсказываетъ возрастаніе проповѣди (евангельской). О человекѣ сѣявшемъ и полѣ мы сказали уже въ предыдущей притчѣ. Полеъ называется міръ и по той еще причинѣ, что въ немъ свѣтаетъ и воздѣлывается разумное сѣмя.

Притча обозначаетъ и разсказъ: положилъ еси насъ въ притчу во языцѣхъ (Пс. 43, 15); иногда — загадочную рѣчь: уразумѣетъ же притчу и темное слово (Прит. 1, 6); и — подобіе, какъ предлагаемыя здѣсь притчи; кромѣ того — иносказательную рѣчь: Смыслъ человекъ, новѣждь новѣсть и рцы притчу на домъ Израилевъ: орелъ великій, великокрылый..., называя орломъ царя ассирійскаго (Иез. 17, 2. 3); наконецъ — означаетъ и образъ, когда напр. ап. Павелъ (Евр. 17. 19) говоритъ объ Авраамѣ, что онъ, принявши обѣтованія, принесъ въ жертву своего единороднаго сына; тѣмъ же того и въ притчи пріять, т. е. въ образъ...

Ст. 32. Еже малѣйше убо есть отъ всѣхъ сѣмянъ: егда же возрастетъ, болѣе всѣхъ зелій есть... Еже, т. е. сѣмя, самое малое по своему количеству, но самое большее по качеству, или силѣ; посему оно и возрастаетъ въ величину. По подобію этого сѣменя и ученики, будучи небольшими стадомъ, возросли въ безчисленное.

Ст. 32... И бываетъ древо: яко пріити птицамъ небеснымъ, и витати на вѣтвехъ его... Это сказалъ для доказательства величины и крѣпости его. Нѣкоторые подъ вѣтвями ученія вѣры разумѣютъ вѣрующихъ людей, въ которыхъ привитаютъ птицы неба, т. е. ангелы, охраняющіе ихъ. Другіе же говорятъ, что вѣтви это—добродѣтели, которыя обыкновенно возвращаетъ ученіе вѣры; птицы же это—возвышающіеся надъ земными дѣлами, крыльями ума поднимающіеся на высоту знанія и устремляющіеся на небо.

Ст. 33. Ину притчу глагола имъ: подобно есть царствіе небесное квасу... Притчею о зернѣ горчичномъ предсказалъ возрастаніе вѣры чрезъ ежедневное присоединеніе вѣрующихъ,—а притчею о закваскѣ возвѣстилъ ея силу. Подъ царствомъ небеснымъ нужно разумѣть опять ученіе вѣры.

Ст. 33... Его же вземши жена скры въ сатѣхъ трехъ мукъ... Сатъ это—родъ мѣры у евреевъ. Три сказалъ здѣсь вмѣсто много, такъ какъ часто числомъ три обозначаютъ много. Женщина здѣсь означаетъ мудрость, или Самого Христа, потому что и Онъ рождаетъ и питаетъ: рождаетъ вѣрующихъ чрезъ таинство крещенія и питаетъ ученіемъ Своей вѣры. Ученіе вѣры уподобляется закваскѣ. Подобно тому какъ закваска, хотя по объему не велика, но когда скрывается въ большомъ количествѣ муки, то этимъ смѣшеніемъ всю муку соединяетъ въ одно цѣлое и приводитъ въ другой видъ, отличный отъ прежняго; хотя мука есть нѣчто безжизненное, но закваска нѣкоторымъ образомъ оживляетъ ее и, заключая въ себѣ дѣятельную силу, заставляетъ ее подниматься вверхъ;—такъ и ученіе вѣры, хотя

оно высказывается и не во многихъ словахъ, но когда скрывается въ души многихъ людей путемъ проповѣди, то всѣхъ ихъ соединяетъ въ одно тѣло Церкви, приводитъ къ другому образу жизни и, хотя они были мертвы для добродѣтели, оживляетъ ихъ къ исполненію ея, заставляетъ ихъ подниматься на небо и дѣлаетъ все это, имѣя въ себѣ несказанно великую силу.

Ст. 33... Дондеже вскисоша вся. Ученіе вѣры, скрытое въ душахъ людей, не успокоится до тѣхъ поръ, пока не соединить всѣхъ, которыхъ по своему предвѣдѣнію предопредѣлила мудрость. Три мѣры, хотя и обозначаютъ множество, но все-таки они ограничены же числомъ. Итакъ, велика сила проповѣди: однажды вскишенное становится закваскою для остальной части. Нѣкоторые подъ мукою разумѣютъ людей, а подъ тремя сатами, или мѣрами, Іудеевъ, Самарянъ и Еллиновъ.

Ст. 34 и 35. Сія вся глагола Іисусъ въ притчахъ народомъ, и безъ притчи ничесоже глаголаше имъ: яко да събудется реченное пророкомъ, глаголющимъ: отверзу въ притчахъ уста моя: отрыгну сокровенная отъ сложения міра. Безъ притчи не говорилъ имъ, разумѣется въ то время, потому что многое Онъ говорилъ часто и безъ притчи, но тогда говорилъ имъ въ притчахъ, чтобы исполнилось сказанное Давидомъ (Пс. 77, 2). Въ переводѣ Семидесяти написано: провѣщаю гаданія исперва; но переводившій это Евангеліе на греческій языкъ, сказалъ: отрыгну сокровенная отъ сложения міра, — обративши конечно вниманіе на еврейскія выраженія, которыя обозначаютъ и то и другое. Такъ, отрыгну значить и провѣщаю; гаданіями они называли загадки, какъ свидѣтельствуешь объ этомъ Акила (который въ этомъ мѣстѣ поставилъ загадки—ἀινιγματῶν); а загадки эти тѣже евангельскія притчи: какъ загадки заключаютъ въ себѣ скрытую истину, такъ и онѣ. Отъ сложения міра значить тоже—что исперва, т. е. отъ начала міра. Маркъ сказалъ: и таковыми притчами мно-

гимн глаголаше имъ слово якоже можаху слышати (Марк. 4, 33), т. е. насколько книжники и фарисеи достойны были слышать. Такъ какъ они слушали не для того, чтобы получить пользу, но чтобы клеветать на Его слова, то говорилъ въ притчахъ, чтобы и Самому исполнить Свое дѣло, и чтобы они, не понимая Его словъ, ничего не предпринимали.

Ст. 36. Тогда оставль народы, прииде въ домъ Іисусъ,—въ домъ, въ которомъ Онъ остановился (см. 1 ст.).

Ст. 36... И приступиша къ нему ученицы его, глаголюще: скажи намъ притчу плевель сельныхъ. Наединѣ они смѣло спрашиваютъ, такъ какъ слышали прежде, что имъ дано знать тайны. Объ одной только этой притчѣ они спрашиваютъ, потому что остальные двѣ, т. е. о зернѣ горчишномъ и о закваскѣ, какъ болѣе ясныя, они понимали. Эта же имѣла страшную угрозу относительно кончины, смущавшую ихъ.

Ст. 37. Онъ же отвѣщавъ рече имъ: сѣявый доброе сѣмя есть Сынъ человѣческій. Сыномъ человѣческимъ называетъ Самого Себя по человѣчеству, въ которомъ Онъ явился, и это говорить часто, желая тверже убѣдить, что Онъ истинно вочеловѣчился. Итакъ это тебѣ будетъ понятно и впоследствии.

Ст. 38. А село есть міръ... Объ этомъ сказано выше.

Ст. 38... Доброе же сѣмя, сіи суть... Кто это сіи?

Ст. 38... Сынове царствія... Сынами царствія называются соблюдающіе правую вѣру, такъ какъ они посѣяны царемъ Христомъ, чтобы произрастить добродѣтель, и имѣютъ наследовать Его царство; сыны же лукаваго—еретики, такъ какъ они посѣяны діаволомъ, чтобы произрастить зло, и имѣютъ равнымъ же образомъ наследовать уготованный ему огонь.

Ст. 38... А плевелы, суть сынове непріязненіи. О нихъ сейчасъ только сказано.

Ст. 39. А врагъ всѣявый ихъ, есть діаволь: а жатва кончина вѣка есть: а жатели, Ангели суть.

Объ этомъ также сказано выше. Нужно помнить, что въ девятой гл. (38—39 ст.) жатвою назваль имѣющихъ увѣровать, какъ готовыхъ для собираиіа, а жателями—апостоловъ, которые ихъ собирали. Въ настоящемъ же мѣстѣ жатвою называется кончину вѣка по причинѣ отсѣченія людей отъ этой тѣлѣвной жизни, а жателями—ангеловъ, которые отсѣкутъ ихъ отъ нея. Подобнымъ же образомъ сѣменемъ вино назваль ученіе вѣры, а въ настоящей притчѣ самихъ увѣровавшихъ, сообразуясь то съ тѣмъ, то съ другимъ значеніемъ. Увѣровавшій называется пшеницею, какъ плодъ перваго сѣмени, т. е. ученія вѣры; тѣмъ не менѣе его можно назвать и сѣменемъ какъ приносящаго плодъ вѣры въ лицѣ кого либо другого. Не изъяснилъ только, кто это—снятіе люди и рабы господина, а пропустилъ ихъ, или какъ извѣстныхъ, или же чтобы показать, что притчи не должно изъяснять слово въ слово, какъ говоритъ Златоустъ, но только въ частяхъ наиболѣе существенныхъ, ради которыхъ она приводится. Остальныя же части присоединяются только съ тою цѣлю, чтобы удобно было изобразить тѣ,—и не безопасно даже до подробности изъяснять ихъ.

Ст. 40. Икоже убо собирають нловелы, огнемъ сожигаютъ: тако будетъ въ скончаніе вѣка сего. Далѣе говорить, какъ это будетъ.

Ст. 41. Послеть Сынъ человѣческій Ангелы своя, и соберутъ отъ царствія его вся соблазны и творящихъ беззаконіе. Царствомъ Своимъ называетъ міръ, какъ естественно царствующій надъ нимъ по божеству, или такъ какъ Ему дана всякая власть на небѣ и на землѣ; а соблазнами и дѣлающими беззаконіе называетъ однихъ и тѣхъ же. Соберутъ ихъ, конечно воскресшихъ изъ мертвыхъ. Должно знать, что вмѣстѣ съ ними воскреснутъ и праведные, но они прежде соберутся и будутъ восхищены на облака въ Срѣтеніе Господа на воздухѣ, какъ сказалъ ап. Павелъ (1 Фесс. 4, 17), а эти, оставшіеся внизу какъ недостойные соберутся послѣ того, какъ Онъ придетъ.

И прежде конечно тѣ будутъ оправданы, а потомъ эти осуждены. Послѣ же такихъ приговоровъ, прежде грѣшники будутъ отвержены въ вѣчное наказаніе, а потомъ праведники пойдутъ въ жизнь вѣчную, какъ говорить въ двадцать пятой главѣ.

Ст. 42. И ввергуть ихъ въ пещь огненну... Свѣтъ Онъ Самъ, показывая, что Ему свойственно благодѣтельствовать, а наказываетъ чрезъ другихъ, выставяя на видъ то, что наказывать Ему чуждо.

Ст. 42... Ту будетъ плачь и скрежетъ зубомъ. Тамъ—на каминѣ вѣчнаго огня, или—у нихъ. Плачемъ и скрежетомъ зубовъ обозначилъ неслезанную скорбь.

Ст. 43. Тогда праведницы просвѣтятся яко солнце въ царствіи Отца ихъ... Въ самомъ дѣлѣ,—такъ какъ сіяніе Божіе будетъ тогда окружать ихъ, то и сами они преобразуются и сдѣлаются какъ бы богоподобными, а слѣдовательно будутъ блистать свѣтлѣе солнца. Почему Онъ говорить: яко солнце? Потому что нужно было воспользоваться извѣстнымъ имъ примѣромъ; но имъ ничего не было извѣстно блистательнѣе солнца.

Ст. 43... Имѣяй уши слышати да слышитъ. Это часто присоединяетъ въ заключеніи, чтобы побудить ихъ быть проницательнѣе.

Ст. 44. Паки подобно естъ царствію небоеное сокровищу сокровену на селѣ, еже обрѣтъ чело-вѣкъ скры: и отъ радости его идетъ, и вса, елика имать, продаетъ, и купуетъ село то. Для чего, когда не было народа, говорить въ притчахъ и ученикамъ? Онъ зналъ, что ученики сказаннымъ прежде настолько были вразумлены, что могли понимать; поэтому, по окончаніи притчей, говорить имъ: разумѣете ли сія вся? Они говорятъ: ей, Господи (Мато. 13, 51). Какъ въ двухъ предыдущихъ притчахъ, о зернѣ горчишномъ и о закваскѣ, царствомъ небеснымъ называлъ ученіе вѣры, такъ точно и здѣсь. Сравнилъ же его съ сокро-

вищемъ по причинѣ заключающагося въ немъ богатства святаго Духа. Поне—это міръ, какъ сказано выше. Итакъ знай, что въ мірѣ скрыта вѣра, а въ вѣрѣ богатство Духа.

Все остальное въ этой притчѣ оставь, какъ выше было сказано. Но обратитѣ вниманіе, какъ нашедшій это богатящее сокровище, или узнавшій его, усердствуетъ (это показываетъ слово идетъ...) и съ радостію продаетъ все, что имѣетъ, лишь бы только приобрести его. Знай, что эта притча научаетъ всѣхъ не только не печалиться, отвергая ради вѣры все, что они имѣютъ, но дѣлать это съ радостію и это отверженіе снискать величайшимъ приобретениемъ; не отвергающій же этого, или отвергающій не съ радостію, не можетъ приобрести сокровища вѣры. Все, что имѣетъ, т. е. согрѣшенія въ дѣлѣ, въ словѣ и въ помысленіи, которыя равнымъ образомъ нужно продать, т. е. оставить.

Ст. 45 и 46. Паки подобно есть царствіе небесное чловѣку купцу, ищущему добрыхъ бисерей: иже обрѣтъ одинъ многоцѣненъ бисеръ, шедъ продаде вся, елика имаше и купи его. Подъ царствомъ небеснымъ разумѣмъ здѣсь собственно—желаніе царства небеснаго, которое называлъ чловѣкомъ, какъ дѣйствующее въ чловѣкѣ, а купцомъ—какъ содѣлывающее свое спасеніе. И смотри, что найдши одну многоцѣнную жемчужину, т. е. ученіе вѣры (оно—одно, потому что истинная вѣра—одна и нѣтъ другой такой-же; многоцѣнно, какъ имѣющее великую цѣну, или какъ цѣнное для многихъ, разумѣется—знающихъ его), желаніе это пошло, что показываетъ его усердіе, и оставило все, чѣмъ прежде наслаждалось и приобрѣло только это одно (ученіе вѣры).

Эти двѣ притчи во многомъ сходны между собою, различаясь только въ томъ, что одна называетъ ученіе вѣры сокровищемъ, а другая—жемчужиной, подобно тому какъ и изъ двухъ предъидущихъ одна притча назвала его зерномъ горчичнымъ, а другая—закваскою. И какъ тѣми двумя Христосъ пока-

заль возростаніе и силу вѣры, такъ онять этими двумя—богатство и превосходство ея. Она возростаетъ, какъ горчичное зерно, имѣетъ такую силу, какъ закваска, обогащаетъ, какъ сокровище, и превосходна, какъ драгоценнѣйшая жемчужина. Всего остальнаго въ этой притчѣ нѣтъ нужды намъ изъяснять. Но чтобы мы не полагались на одну только вѣру и не подумали, что для спасенія достаточно ее одной, присоединяетъ и другую притчу, изъ которой мы научаемся, что не все вѣрующіе спасаются, но многіе изъ нихъ погибаютъ. (Жемчужиной названъ и Господь, такъ какъ Онъ былъ соединенъ съ глубиною божества и былъ признанъ одними только рыбаками и ихъ учениками *τοῖς ἀνδρὶ μαθηταῖς*).

Ст. 47. Паки подобно есть царствіе небесное неводу ввержену въ море, и отъ всякаго рода собравшу. Царствомъ небеснымъ опять называетъ ученіе вѣры, моремъ—міръ по причинѣ горечи и волнъ искушеній, всякимъ родомъ рыбъ—множество всякаго рода обитающихъ въ немъ людей, мужей, женъ, дѣтей, стариковъ, безбрачныхъ, находящихся въ бракѣ и др., или также—различные народы.

Ст. 48. Иже огда исполнися, извлекоша и на край, и съдшо избраша добрыя въ сосуды, а злыя извергоша вонъ. Когда наполнился, т. е. когда все увѣровало, одни—охотно, а другіе—неохотно; берегъ—это мѣсто, гдѣ будетъ судить Господь; собирающіе—ангелы; хорошая ловитва—праведные, а худая—грѣшные; сосуды—это у наследованія праведными мѣста пребыванія. Всего остальнаго въ этой притчѣ равнымъ образомъ не слѣдуетъ до подробности изъяснять.

Ст. 49. Тако будетъ въ скончаніе вѣка такъ, какъ сейчасъ скажетъ.

Ст. 49 и 50... Изыдутъ Ангели и отлучатъ злыя отъ среды праведныхъ: и ввергнутъ ихъ въ пещь огненную: ту будетъ плачь и скрежетъ зубомъ. Но въ двадцать пятой гл. (32 ст.) сказалъ, что Онъ

Самъ отлучить ихъ однихъ отъ другихъ. Что же нужно сказать на это? Онъ Самъ отлучить ихъ своимъ повелѣніемъ, а ангелы отлучать ихъ самымъ дѣломъ, какъ слуги, исполняющіе повелѣніе Господина. Отлучать—тоже что разлучить. Такъ какъ въ концѣ притчи сказали, что худое выбросили вовнъ, то чтобы кто либо не подумалъ, что такое удавленіе опасно, поясняетъ, говоря: и ввергнуть ихъ въ печь огненную и т. д.

Ст. 51. Глагола имъ Іисусъ: разумѣете ли сія вся, т. е. существенное въ этихъ притчахъ. Конечно Онъ зналъ какъ Богъ, что они понимали, и потому спросилъ ихъ объ этомъ какъ человѣкъ.

Ст. 51 и 52... Глаголаша ему: ей, Господи. Онъ же рече имъ: сего ради всякъ книжникъ научився царствію небесному, подобенъ есть человѣку до-мовиту, иже износитъ отъ сокровища своего новаго, и ветхого. Когда они сказали, что понимаютъ, говорить имъ притчу, показывающую, что всѣ дѣйствительные Его ученики богаты знаніемъ. Всякій, говорить, книжникъ, или мудрецъ, ставшій ученикомъ Царя небеснаго, Который есть Христосъ, богатъ знаніемъ (ставшій ученикомъ Его разумѣется вмѣсто: умудренный Имъ), и подобенъ человѣку—хозяину, т. е. богатому, который выноситъ, когда хочетъ, изъ своего сокровища новыя и старыя золотыя вещи. Подъ новыми вещами—разумѣются мысли новаго завѣта, а подъ старыми—ветхаго. Сего ради здѣсь не причинное, а утвердительное, вмѣсто: истинно.

Ст. 53 и 54. И бысть егда сконча Іисусъ притчи сія, преиде оттуду. И пришедъ въ отечество свое, учаще ихъ на сомнѣніи ихъ... Отечествомъ Его называлъ Назаретъ, какъ отечество Матери Его и мнимаго отца Его, и какъ мѣсто, гдѣ Онъ былъ воспитанъ. И Лука говоритъ о Немъ: пришелъ въ Назаретъ, гдѣ былъ воспитанъ (Лук. 4, 16). Училъ ихъ... кого? очевидно находящихся въ отечествѣ. Причину, почему Онъ училъ въ синагогахъ, мы высказали прежде, еще въ четвертой главѣ.

Ст. 54... Яко дивитися имъ, и глаголати: откуда сему премудрость сія, и силы,... премудрость ученія и силы ученія,—или же силами называетъ чудеса. Види, что Онъ учитъ возвышеннѣе и убѣдительнѣе знаменитыхъ мужей древности и творитъ большія чудеса, но не зная, что Онъ есть Божія премудрость и сила, они дивились Его ученію и чудесамъ; о Немъ же Самомъ, Который такъ училъ и творилъ такія чудеса, соблазнялись не по другой какой либо причинѣ, а по той, что Онъ происходилъ отъ незнатныхъ родителей. Но дѣйствительно зависть—слѣпа и неразумна. Почему слѣдовало бы еще болѣе удивляться и поклоняться Ему, что отъ такихъ родителей произошелъ такой сынъ, потому они соблазнялись о Немъ.

Ст. 55 и 56... Не сей ли есть тектоновъ сынъ; не мати ли его нарицается Маріамъ, и братія его, Іаковъ, и Іосей, и Симонъ, и Іуда; и сестры его не вся ли въ насъ суть... Все это нужно читать вопросительно, потому что они недоумѣвая говорили это одинъ другому. Въ насъ, т. е. у насъ.

Ст. 56... Откуда убо сему сія вся. Обрати вниманіе на крайнее безуміе. Они говорятъ: такъ какъ Онъ произошелъ отъ незнатныхъ родителей, то откуда Онъ все это взялъ? О пустые люди, не за знатность родителей, не за обиліе богатствъ или за что либо такое, но за превосходство жизни даются отъ Бога людямъ достойнымъ знанію и чудеса.

Ст. 57. И блаженяхуся въ немъ (ἐν αὐτῷ), т. е. о немъ.

Ст. 57... Іисусъ же рече имъ; нѣсть пророкъ безъ чести, токмо во отечествіи своемъ, и въ дому своемъ: Маркъ (6, 4) сказалъ: токмо во отечествіи своемъ, и въ сродствѣ и въ дому своемъ. Здѣсь приточно Христосъ сказалъ о Себѣ Самомъ. Во отечествіи сказалъ обо всемъ Назаретѣ, въ сродствѣ—о всякаго рода родственникахъ, въ дому—объ однихъ только братьяхъ. Веѣ Его

презирали: одни какъ соотечественника, другіе—какъ сродника, третьи—какъ брата. Поэтому когда Онъ чудесно прославлялся, соблазнялись о Немъ, т. е. по причинѣ зависти не могли вѣровать въ Него, и одни—больше, а другіе—меньше завидовали Ему. Итакъ нѣсть, говорить, пророкъ безъ чести у тѣхъ, кому онъ кажется пророкомъ, токмо во отечествіи своемъ. Хотя они знаютъ, что онъ пророкъ, однако презираютъ его по указанной причинѣ и потому, что то, къ чему привыкли, легко презирается. Лука (4, 24) сказалъ: ни который пророкъ пріятель есть во отечествіи своемъ; пріятель тоже, что и находится и въ чести.

Ст. 58. И не сотвори ту силъ многихъ, за невѣрство ихъ. Силами называетъ чудеса, какъ дѣла божественной силы. Обрати вниманіе на мудрость. Онъ сотворилъ нѣкоторыя чудеса, чтобы не могли сказать: изъ ненависти къ намъ, Онъ не исцѣлялъ нашихъ (больныхъ), или: если бы Онъ сотворилъ и у насъ, то и мы увѣровали бы,—сотворилъ же немного, за невѣрство ихъ, такъ какъ они не вѣровали и сотвореннымъ. Поэтому и Маркъ (6, 4) сказалъ: и дивляшеся за невѣрство ихъ, т. е. такому великому безстыдству. Между тѣмъ какъ Матѳей только сказалъ: и не сотвори ту силъ многихъ, Маркъ (6, 5) сказалъ: и не можаше ту ни единыя силы сотворити, токмо мало недужныхъ, возложь руцѣ, исцѣли. Какъ же онъ сказалъ: не можаше? Невозможностію мы обыкновенно называемъ не только недостатокъ силы, но также препятствіе того или другого рода, какъ здѣсь. Препятствовало же Ему невѣріе тѣхъ, кому Онъ благодѣтельствовалъ. Итакъ—не могъ, т. е. встрѣчалъ препятствіе. Не должно было насильно благодѣтельствовать имъ.

Мысли о пастырствѣ св. Тихона Задонскаго.

Когда высокое дерево, посрединѣ малаго лѣса стоящее, падетъ, то далеко слышно паденіе его, и много малаго лѣса, близъ себе стоящаго, сокрушить: такъ, когда въ великій грѣхъ падетъ пастырь, или иной какій властелинъ, далеко паденіе его прослышится, и многихъ соблазнитъ. Невозможно бо, воистину невозможно, паденіямъ пастырскимъ и властелинскимъ утаиться, какъ они ни сокрываютъ. Далеко прослышится паденіе ихъ, какъ высокихъ деревьевъ падшихъ. Тое-то, или тое сдѣлалъ онъ. Кто? Епископъ или священникъ, губернаторъ или воевода, князь или царь, или иной какій властелинъ, или хозяинъ въ домѣ. О вы, въ простотѣ и смиреніи живущія, овечки Христовы! не изнемогайте душою вашею, возлюбленной, когда услышите паденіе пастыря или иного какого властелина. Онъ такуюжде немощь имѣетъ, какъ и прочіе люди; но большему и множайшему подлежитъ искушенію, нежели прочіе, какъ выше сказано. Врагъ на видимой брани никого болѣе уязвить и низложить не тщится какъ начальниковъ воинства: тако врагъ душъ христіанскихъ, діаволъ, никого болѣе не тщится въ паденіе врипуть, какъ пастырей и прочихъ христіанскихъ властей; о томъ у него все тѣніе, какъ бы повредить и заразить пастыря и начальника христіанскаго, который можетъ другихъ пользоваться,—повредить, говорю, и заразить, дабы не могъ пользоваться, но чтобы и самъ шелъ и прочихъ вель за собою въ погибель. Берегись убо, возлюбленный, паденіе начальника осуждать, хотя и подлинно знаешь. Много паче берегись паденіе его другимъ открывать и клеветою соблазнъ разсѣвать, да не уподобишься Хаму, сыну Ноеву, который стыдѣніе отца своего другимъ объявилъ; но паче прикрой молчаніемъ твоимъ, якоже сотворили Симъ и Іафетъ, тогожде Ноя сыны, которые срамъ отца своего, зря вепять, покрыли. Притомъ знай, что много ложнаго слуха проносится о пастыряхъ и властяхъ христіанскихъ; и сіе бываетъ дѣйствомъ общаго всѣхъ врага діавола, дабы соблазнъ разсѣвался и тако бы всякое нестроеніе и замѣшательство было въ обществѣ христіанскомъ.

Редакторъ Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архивадригъ *Ириней*.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 17 мая 1885 г. Цензоръ прот. М. Богдановъ.

Тип. Г. Т. Корчака-Новицкаго, Михайлов. ул., собств. домъ.

Годъ

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

XXVI.

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
пять руб., съ пересылкою шесть
рублей серебромъ.

№ 23.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Ніевской
духовной семинаріи.

1885 года, Іюня 2-го.

Содержаніе: Немаловажный и открытый вопросъ въ пастырской практикѣ.—Семейная жизнь священника.—Смерть Іоанна Крестителя; чудесное насыщеніе народа.

Немаловажный и открытый вопросъ въ пастырской практикѣ.

Священникъ села Н—скаго о. М. К—въ проситъ насъ разрѣшить слѣдующій вопросъ: Какимъ чиномъ (черезъ крещеніе или черезъ миропомазаніе) слѣдуетъ присоединять къ православной Церкви раскольниковъ отъ рожденія? Рѣшеніе этого вопроса,—замѣчаетъ о. К—въ,—можетъ избавить многихъ священниковъ отъ ошибокъ и взываній отъ епархіальнаго начальства. Въ книгѣ прот. А. Парвова „Практическое изложеніе церковно-гражданскихъ постановленій въ руководство священнику на случаи совершенія важнѣйшихъ требъ церковныхъ“ (изд. 1866 г. стр. 32), въ „Практическомъ Руководствѣ для священнослужителей“ прот. Хойнац-

каго (изд. 1883 г. стр. 47) и въ „Практическомъ Руководствѣ при совершеніи приходскихъ требъ“ свящ. Сильченкова (изд. 1872 г. стр. 39) сказано, что раскольники отъ рожденія должны быть присоединяемы къ св. Церкви вторымъ чиномъ — чрезъ муропомазаніе. На основаніи этихъ руководствъ нѣкоторые священники присоединяютъ раскольниковъ отъ рожденія чрезъ муропомазаніе. Между тѣмъ какъ наше епархіальное начальство требуетъ, чтобы раскольниковъ отъ рожденія присоединять чрезъ крещеніе, и священниковъ, которые присоединяютъ такихъ лицъ чрезъ муропомазаніе, подвергаетъ взысканіямъ — выговору или денежному штрафу; а когда священники, присоединяющіе раскольниковъ отъ рожденія чрезъ муропомазаніе, въ оправданіе своихъ дѣйствій ссылаются на упомянутыя руководства (изъ которыхъ одно — книга прот. Парвова — было принято даже учебникомъ въ семинаріяхъ), епархіальное начальство такіе ссылки признаетъ неосновательными, какъ ссылки на книги, неимѣющія кановического значенія. Съ покорностію принимая, — говоритъ о. М. К — въ, — объясненія своего начальства и взысканія, которымъ оно подвергаетъ за присоединеніе раскольниковъ отъ рожденія чрезъ муропомазаніе, а не чрезъ крещеніе, священники все-таки остаются въ недоумѣніи: поужели авторы тѣхъ книгъ, которыя предназначены ими въ руководство пастырямъ, и которымъ пастыри слѣдуютъ за неимѣніемъ полнаго юридическаго сборника дѣйствующихъ постановленій, санкціонированнаго высшею духовною властію, не имѣютъ никакого основанія, говоря, что рожденных и крещенныхъ въ расколѣ должно присоединять чрезъ муропомазаніе? Очень жаль, что о. М. К — въ, высказывая такое недоумѣніе, не приводитъ или не указываетъ тѣхъ основаній, по которымъ епархіальное начальство, въ вѣденіи котораго онъ состоитъ, требуетъ присоединять рожденных въ расколѣ чрезъ крещеніе. Во всякомъ случаѣ, недоумѣнію высказанное о. М. К — вымъ, заслуживаетъ полнаго вниманія, особенно въ виду того, что другія епархіальныя начальства (напр. Симбирское, см. Симб. Еп. Вѣд.

за 1882 г. № 15) требуютъ присоединять рожденныхъ въ расколѣ не чрезъ крещеніе, а чрезъ миропомазаніе.

По каноническимъ постановленіямъ Церкви вселенской, при обращеніи къ православной Церкви еретиковъ и раскольниковъ нужно наблюдать осторожность, чтобы не повторить крещенія надъ лицомъ „по истиннѣ крещеніе имѣющимъ“ и чтобы наоборотъ не оставить безъ крещенія „оскверненнаго отъ нечестивыхъ“ (Ап. пр. 47). Крещеніе по существу своему, какъ духовное рожденіе, неповторяется, если только совершено правильно — „по изначальному установленію“; слѣдовательно, это таинство не можетъ быть повторено и надъ приходщими отъ ересей и расколовъ, если они уже были правильно окрещены. Основаніемъ для рѣшенія вопроса о томъ, какихъ лицъ присоединяющихся къ Церкви должно крестить, и какихъ нѣтъ, служить различіе между „ересью“, „расколомъ“ и „самоличнымъ сборищемъ“ (Вас. Вел. пр. 1). Крещеніе еретиковъ, у которыхъ извращаются основныя догматы, отвергается; крещеніе раскольниковъ, какъ разногласящихъ съ церковію въ частныхъ какихъ либо мнѣніяхъ и предметахъ, допускающихъ уврачеваніе и какъ еще не совсѣмъ чуждыхъ Церкви, слѣдуетъ принимать; а находящихся въ самочинныхъ сборищахъ должно исправлять убѣжденіями и приличнымъ покаяніемъ. Впрочемъ это основаніе не безусловно. Тѣхъ, которые хотя по самому рожденію принадлежатъ къ обществу еретиковъ и отъ нихъ были крещены, но крещены правильно, не должно перекрещивать; принадлежащихъ же по самому рожденію къ обществу еретиковъ, извращающихъ основныя догматы вѣры и въ то же время составляющихъ свое, совсѣмъ отличное отъ православнаго, крещеніе, должно крестить. То же нужно наблюдать и относительно раскольниковъ, приходящихъ къ православной Церкви. Это разграниченіе между еретиками и раскольниками и различіе въ способѣ принятія ихъ въ общеніе съ Церковію определено болѣе или менѣе подробными и положительными правилами соборовъ вселенскихъ и помѣстныхъ (I Всел. соб. пр. 8, 19;

II Всел. соб. пр. 7; VI Всел. соб. пр. 95; Лаод. соб. пр. 8; си. Вас. Вел. пр. 1 и 47. См. въ кн. „Права и обязанности пресвитеровъ“ ч. I, стр. 74—75 изд. 1884 г. Кіевъ). По силѣ этихъ правилъ какъ нѣкоторыхъ еретиковъ, такъ и раскольниковъ, у которыхъ крещеніе совершалось правильно, не должно перекрещивать въ случаѣ перехода къ православной Церкви. Къ еретикамъ, которыхъ не должно перекрещивать, правила относятся: аріанъ, македоніанъ, аполлинаристовъ и другихъ, потому что эти и подобныя еретики хотя повреждали-извращали важнѣйшіе догматы вѣры, но крещеніе совершали правильно; къ раскольникамъ, которыхъ въ случаѣ обращенія къ православной Церкви также не должно перекрещивать, правила относятся новатіанъ, казаровъ, тетрадитовъ, потому что эти раскольники хотя погрѣшали въ частныхъ мнѣніяхъ и предметахъ, но крещенію совершали тоже правильно „по изначальному установленію“. Вполнѣ согласно съ правилами и постановленіями Церкви вселенской и наша православная русская Церковь установила принимать безъ перекрещиванія неправославныхъ христіанъ—протестантовъ, кальвинистовъ и др., а равно и раскольниковъ, у которыхъ хотя и нѣтъ истиннаго священства, но крещеніе которыхъ правильно совершаемое признается дѣйствительнымъ. Такое установленіе православно-русской Церкви, вполнѣ согласное съ правилами Церкви вселенской, сдѣлано на Московскихъ соборахъ 1666 и 1667 гг. (см. Дѣян. соборенно соб. 1667 г. гл. 6 отъ стр. 66 наобор. до 74), и выражено въ „Книгѣ о должностяхъ пресвитеровъ приходскихъ“ (§ 82 см. § 89). Въ § 82 „Кн. о должностяхъ пресвитеровъ приходскихъ“ называются „невѣжами“ тѣ священники, которые хотѣли бы перекрещивать римлянъ, лютеранъ и кальвинистовъ, обращающихся къ греко-російской Церкви, и которые не стыдятся перекрещивать „раскольниковъ и своихъ отъ Церкви отпадшихъ и къ заблужденію ихъ приходящихъ“. На основаніи правилъ Церкви вселенской и приведенныхъ постановленій нашей русской Церкви, и Симбирское епархіальное началь-

ство по вопросу о присоединеніи къ Церкви рожденных и крещенныхъ въ расколѣ опредѣляло не перекрещивать таковыхъ, а присоединять только чрезъ миропомазаніе (Симб. Еп. Вѣд. 1882 г. № 15). На основаніи тѣхъ же данныхъ и составители такъ называемыхъ практическихъ руководствъ для священнослужителей (о. прот. Парвовъ, прот. Хойнацкій и свящ. Сильченковъ) говорятъ, что рожденных и крещенныхъ въ расколѣ должно присоединять къ Церкви не чрезъ крещеніе, а чрезъ миропомазаніе.

Но выше приведенными правилами древне-вселенской Церкви относительно присоединенія еретиковъ и раскольниковъ и постановленіями нашей Церкви относительно того же предмета едва ли можно безусловно руководствоваться. Древне-вселенская Церковь постановляла, что крещенію тѣхъ еретиковъ и раскольниковъ, у которыхъ оно совершается правильно, должно признавать дѣйствительнымъ, и что слѣдовательно тѣхъ еретиковъ и раскольниковъ, которые получали правильное крещеніе, но должно перекрещивать въ случаѣ обращенія ихъ къ Церкви. Въ тоже время древне-вселенская Церковь постановляла, чтобы тѣхъ лицъ, относительно которыхъ достоверно неизвѣстно, были ли они крещены и правильно ли крещены, необходимо крестить (Каро. соб. пр. 83; VI Всел. соб. пр. 84). Согласно съ такимъ узаконеніемъ древне-вселенской Церкви и наша православно-русская Церковь требуетъ, чтобы тѣхъ лицъ, о которыхъ достоверно неизвѣстно, крещены ли они и правильно ли крещены, непременно должно крестить (Кя. о должн. пресв. прих. § 86; Ук. Св. Сн. 1831 г. дек. 29 дня; см. въ кн. „Права и обязан. пресв.“ Часть 1, стр. 79 и 131, изд. 1884 г. Кіевъ). Выходи изъ тѣхъ же основаній Св. Пр. Синодъ нашъ постановлялъ, чтобы не только дѣтей, о которыхъ достоверно неизвѣстно, крещены ли они и правильно ли крещены, должно безъ всякаго сомнѣнія крестить, но и родившихся въ расколѣ и крещенныхъ „отъ мужика проста“ должно крестить „за неизвѣстіе (неизвѣстность) крещенія“ (Ук. Св. Сн. 1722 г.; см. въ кн. „Права и обязан. пресв.“

Часть I, стр. 132, изд. 1884 г. Кіевъ). Это постановленіе Св. Синода никакъ нельзя игнорировать въ рѣшеніи вопроса о присоединеніи раскольниковъ: въ большинствѣ случаевъ родившіеся въ расколѣ и ищущіе присоединенія къ православной Церкви или не могутъ представить никакихъ достовѣрныхъ доказательствъ относительно того, когда, гдѣ, кѣмъ и какъ были крещены, или даже совсѣмъ не знаютъ, были ли въ дѣтствѣ крещены или нѣтъ. При этомъ нужно взять во вниманіе и то, что у насъ есть такъ называемые вредныя расколыническія секты, въ которыхъ сомнительно, чтобы совершалось крещеніе, но крайней мѣрѣ трудно сказать, чтобы у нихъ правильно совершалось крещеніе. Вѣроятно, въ виду этого и на основаніи 83 пр. собора Карфагенскаго и 84 правила собора Трульского, а равно § 86 „Ки. о должностяхъ пресвитеровъ приходскихъ“ и Ук. Св. Синода 1731 г. дек. 29 и 1722 г. февр. 26, епархіальное начальство, въ вѣденіи котораго находится о. М. К—въ, требуетъ, чтобы раскольниковъ отъ рожденія присоединять къ церкви не чрезъ миропомазаніе только, а и чрезъ крещеніе.

Такимъ образомъ оказывается, что распоряженіе Симбирскаго епархіальнаго начальства и сужденія составителей такъ называемыхъ практическихъ руководствъ для священнослужителей, хотя и обоснованныя на общихъ правилахъ древне-вселенской Церкви и постановленіяхъ нашей русской Церкви, не могутъ быть признаны безусловно вѣрными, такъ какъ находятся въ противорѣчіи съ другими исключительными каноническими постановленіями древне-вселенской и русской Церкви. Съ другой стороны и распоряженіе епархіальнаго начальства, въ вѣденіи котораго состоитъ о. М. К—въ, также нельзя признать безусловно вѣрнымъ въ смыслѣ общаго правила относительно присоединенія раскольниковъ отъ рожденія чрезъ крещеніе. Дѣло въ томъ, что Указомъ Св. Синода постановлено „за неизвѣстіе крещенія“ присоединять къ Церкви чрезъ крещеніе только тѣхъ, которые родились въ расколѣ и получили крещеніе „отъ мужика проста“; а

родившихся въ расколѣ и крещенныхъ въ расколѣ „отъ поповъ“, т. е. бѣглыхъ священниковъ, по силѣ того же Указа, не должно крестить въ случаѣ обращенія ихъ къ православной Церкви (см. въ кн. „Права и обязанности пресвитеровъ“ Часть I, стр. 132, по изд. 1884 г. Кіевъ). Правда, въ настоящее время у раскольниковъ нѣтъ „бѣглыхъ поповъ“ (развѣ за весьма рѣдкими и очень немногими исключеніями), но есть очень много поповъ такъ называемой австрійской лжеіерархіи. Попы эти ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть признаны имѣющими благодать священства и потому должны быть приравниваемы къ простымъ мірянамъ— „мужикамъ простымъ“. Но слѣдуетъ ли родившихся въ расколѣ и получившихъ крещеніе отъ поповъ лжеавстрійской іерархіи присоединять чрезъ крещеніе „за неизвѣстіе крещенія“,—сказать не можемъ, равно какъ не можемъ сказать и того, могутъ ли попы лжеавстрійской іерархіи выдавать метрическія свидѣтельства крещеннымъ ими, а если могутъ, то такіа свидѣтельства должны ли быть признаваемы за акты, имѣющіе юридическую достовѣрность. Все это такіе вопросы, для рѣшенія которыхъ не считаемъ себя компетентными судьями: они могутъ быть разрѣшены только въ законодательномъ порядкѣ высшею церковною властію; только высшая церковная власть можетъ разъяспить, какихъ именно раскольниковъ—къ какимъ сектамъ принадлежащихъ и получившихъ крещеніе въ расколѣ должно присоединять чрезъ крещеніе „за неизвѣстіе крещенія“, и какими именно данными должно руководствоваться при рѣшеніи вопроса относительно рожденных въ расколѣ,—были ли они крещены и какъ, чтобы потомъ въ случаѣ обращенія ихъ къ Церкви присоединять по первому (чрезъ крещеніе) или по второму (чрезъ миропомазаніе) чину. Съ своей стороны, въ виду разнорѣчивыхъ сужденій и распоряженій нѣкото-

рыхъ епархіальныхъ начальствъ и частныхъ лицъ по вопросу о присоединеніи раскольниковъ отъ рожденія, мы сочли долгомъ указать на существующія каноническія постановленія и по мѣрѣ своего разумѣнія выяснить смыслъ этихъ постановленій.

3.

Семейная жизнь священника¹⁾.

Самая вѣшняя, видимая обстановка дома священника должна носить на себѣ отпечатокъ съ одной стороны скромности, а съ другой порядка. Если священникъ владѣть значительными матеріальными средствами, едва ли поступить онъ благоразумно, когда заведетъ въ своемъ домѣ такую роскошь, какую видятъ у людей богатыхъ высшаго круга. Зачѣмъ ему изысканная дорогая мебель? У мѣста ли въ его домѣ картины на стѣнахъ, изображающія бытовые сцены сомнительнаго нравственнаго достоинства, какія такъ часто приходится встрѣчать въ свѣтскихъ гостиницахъ? Простота и скромность при богатствѣ вездѣ свидѣтельство хорошаго вкуса; а для священника она можетъ быть поставлена въ обязательное требованіе. Роскошь, въ чемъ бы она ни проявлялась, негармонизируетъ съ званіемъ и служеніемъ пастыря церкви, и если изысканная обстановка бьетъ въ глаза людямъ, являющимся въ домъ священника, она производитъ на нихъ неблагопріятное впечатлѣніе. Въ домѣ священника болѣе, чѣмъ въ другомъ свѣтскомъ домѣ, являются люди бѣдные, несчастные, нуждающіеся въ утѣшеніи: не будетъ ли оскорблять глаза такихъ людей и не будетъ ли тяжело дѣйствовать на нихъ вышность человѣка - пастыря, обязаннаго имѣть дѣло не съ одними богатыми людьми и призваннаго приносить утѣшеніе всякому, постигнутому горемъ и бѣдствіемъ? Приличіе во вѣшней обстановкѣ

¹⁾ См. № 22-я.

можетъ и должно быть соблюдаемо священникомъ, и можетъ въ ней проявляться довольство, какимъ онъ владѣетъ; но все это можетъ быть въ формѣ скромной, безъ всякой изысканности, безъ увлеченій суетностію, гонящеюся за эффектомъ, и безъ потворства чувственности.

Впрочемъ роскошь доступна только небольшому числу нашихъ священниковъ, и претензіи на аристократизмъ и изысканность во внѣшней обстановкѣ можно замѣчать изрѣдка у немногихъ городскихъ священниковъ. Большинство нашихъ пастырей люди, располагающіе незначительными матеріальными средствами, — такимъ нечего и думать о томъ, чтобы въ устройствѣ и обстановкѣ своего дома подражать людямъ богатымъ. Въ домахъ такихъ священниковъ желательнѣе всего видѣть возможный порядокъ и чистоту. Такими качествами, по изображеніямъ англійскихъ романовъ, воспроизводящихъ жизнь сельскихъ пасторовъ, пріятно поражаетъ всѣхъ домашняя обстановка англиканскихъ священниковъ. Порядокъ и чистота, замѣчаемая въ домѣ, лучше всякой роскоши, пріятнѣе всѣхъ изысканныхъ украшеній, какія можно встрѣчать иногда и у людей сравнительно небогатыхъ. Нѣтъ ничего хуже, какъ стремленіе жить выше средствъ своихъ, и непріятное впечатлѣніе на всякаго производитъ невыдержанная претензіи на роскошь въ домѣ бѣдномъ. Но порядокъ и чистота при бѣдности обнаруживаетъ душу твердую, характеръ серьезный, сердце мирное, и служитъ свидѣтельствомъ и выраженіемъ внутренней благонастроенности и нравственной крѣпости человѣка или семьи. Порядокъ и чистота у человѣка, живущаго незначительными доходами, почти добродѣтель, внушающая невольное уваженіе; а нѣтъ порядка, видно неряшество, — впечатлѣніе невыгодное, и домъ такой очевидно не можетъ быть названъ домомъ, хорошо управляемымъ, чего требуетъ отъ священника и по отношенію къ его дому Апостолъ.

По предписанію апостола Павла, ожидается и требуется отъ священника ревностная забота о своемъ семействѣ и дѣтяхъ,

объ ихъ добромъ воспитаніи, ихъ чистомъ нравственномъ и христіанскомъ направленіи. Эта забота пастыря о воспитаніи и добромъ направленіи членовъ своей семьи—начало и сокращеніе заботы о всемъ приходѣ. Любовь пастыря есть расширеніе любви отца. Хорошій семьянинъ, хорошій отецъ семейства обѣщаетъ изъ себя хорошаго пастыря, и на оборотъ. Аще кто своего дома не умѣетъ правити, говоритъ Апостоль, како о Церкви Божіей прилежати возможесть (1 Тим. III, 5), и аще кто о своихъ, паче же о присныхъ не промышляетъ, вѣры отворглся есть, и невѣрнаго горшій есть (1 Тим. V, 8). Совершенно неестественно священнику оставлять семейство безъ попеченія, и тѣмъ нарушать требованія закона любви, вложеннаго въ наше сердце. Для священника, какъ и для всякаго, семейство представляетъ самый близкій предметъ, возбуждающій къ себѣ наибольшее и самое теплое участіе. Тотъ духъ, которымъ живетъ священникъ, нервъ всего долженъ распространяться въ средѣ, непосредственно съ нимъ связанной и служащей какъ бы продолженіемъ его личнаго существованія. Семейство далѣе—малый приходъ, гдѣ, по вызову самой природы, должны дѣлаться опыты ревности, благочестія и благоразумія священника, и эти опыты ревности, благочестія и благоразумія въ воспитаніи священникомъ своихъ дѣтей находятъ свое приложеніе въ заботахъ его о нравственно-религіозномъ воспитаніи вѣрныхъ его попеченію душъ его прихожанъ. Въ случаѣ небрежности священника о своемъ семействѣ приходъ теряетъ уже потому, что не имѣетъ предъ глазами назидательнаго примѣра, который священнику, по долгу своего званія, нужно показывать лицамъ, имъ руководимымъ. И судъ Божій постигаетъ карою небрежущаго о семействѣ своемъ пастыря, какъ можно видѣть изъ примѣра ветхозавѣтнаго первосвященника Илія. Онъ мало обращалъ вниманія на распущенность и легкомысленное поведеніе своихъ сыновей и не прилагалъ должной заботливости къ ихъ исправленію, когда слышалъ объ ихъ дурныхъ поступкахъ. И вотъ Господь

объявляетъ ему чрезъ отрока Самуила: Вотъ, я сдѣлаю дѣло въ Израилѣ, о которомъ кто услышитъ, у того зазвенитъ въ обѣихъ ушахъ. Въ тотъ день Я исполню надъ Иліемъ все то, что Я говорилъ о домѣ его... Я объявлялъ ему, что Я накажу домъ его на вѣки за ту вину, что онъ зналъ, какъ сыновья его нечествуютъ, и не обуздывалъ ихъ. И посему клянусь дому Илія, что вина дома Иліева не загладится ни жертвами, ни приношеніями хлѣбными во вѣкъ (1 Цар. III, 11—14). Извѣстно, какъ исполнилась эта угроза Божія: евреи побѣждены и поработены были филистимлянами, плѣненъ былъ Ковчегъ завета, убиты были оба сына Илія, вызвавшіе гнѣвъ Божій, и скоропостижно скончался самъ Илій, услышавъ печальную вѣсть о смерти дѣтей своихъ и плѣненіи святыни народіею. Поученіе епископа къ іереомъ, приписываемое митрополиту русскому Кириллу II, бывшее однимъ изъ главныхъ руководительныхъ архиастырейскихъ наставленій нашему священству въ старой Россіи, обращаетъ особенное вниманіе пастырей на обязанность ихъ заботиться о своихъ дѣтяхъ. „Блудите (говорится въ немъ)¹⁾ и родимыхъ дѣтей вашихъ, да не осквернятся блудомъ до женитвы... Или бо попь безъ грѣха былъ предъ Богомъ, за сыновья грѣхи посланъ бысть въ муку: занеже не училъ на добро сыну своего, ни казнилъ“.

Духъ воспитанія дѣтей въ домѣ священника долженъ быть строго-христіанскій. Дать дѣтямъ своимъ религіозное образованіе и религіозное направленіе—вотъ первое, что должно лежать на мысли отца-священника. И дѣти, выходяція изъ семействъ священниковъ, приходя въ возрастъ, должны показывать изъ себя людей, не только хорошо знающихъ члены вѣры, но вмѣстѣ съ тѣмъ близко принимающихъ къ сердцу дѣло церкви и дѣло православія. И церковь и общество имѣютъ право ожидать отъ нихъ

¹⁾ Пріоб. къ изданію Твореній св. отцевъ. Т. I, стр. 431.

полной преданности вѣры и готовности защищаться отъ нападеній вольнодумства и религіознаго индифферентизма. Недаромъ, по смыслу соборныхъ правилъ, въ домѣ священника не можетъ быть терпимымъ человѣкъ, уклоняющійся отъ вѣры и зараженный ересію, и сыну священника нельзя сочетаться бракомъ съ еретичкою (14 пр. VI Всел. соб. 45 и 30 Каро. соб.). Заботясь о религіозномъ воспитаніи своихъ дѣтей, вмѣстѣ съ тѣмъ священникъ долженъ такъ вести ихъ, чтобы они представляли изъ себя образцы послушанія и нравственной чистоты, какъ требуетъ того святой Апостолъ (1 Тим. III, 4. Тит. 1, 6). Если въ дѣтяхъ священниковъ не встрѣчается того, чего естественно ожидать отъ дѣтей служителей Божіихъ, т. е., если они оказываются людьми маловѣрующими и пренебрегающими церковію и ея началами, если въ своемъ поведеніи они допускаютъ нарушенія нравственнаго долга, обязательнаго для всѣхъ христіанъ, — это служить немалымъ соблазномъ для общества, и голосъ народа вину за такое направленіе дѣтей лица духовнаго возлагаетъ на самаго священника, его осуждаетъ за то, что онъ не счумѣлъ или не позаботился дать дѣтямъ своимъ такое воспитаніе, къ какому, преимущественно предъ другими, обязывалъ его сана и его положеніе среди общества.

Нравственная строгость, ожидаемая отъ членовъ священнической семьи въ силу духовнаго единенія съ главою семьи, обязываетъ ихъ соблюдать нѣкоторую сдержанность и въ отношеніи къ обычаямъ общественной жизни. Духъ служителя церкви, опредѣляющій его поведеніе, долженъ находить отраженіе и во внѣшнихъ формахъ, или общежительныхъ привычкахъ его жены и его дѣтей. Явленіе ихъ въ свѣтѣ или въ обществѣ должно быть скромное, и нѣтъ нужды часто являться имъ въ мѣстахъ общественныхъ собраній и увеселеній. Семейство священника можетъ имѣть друзей, можетъ видѣться съ ними, сколько угодно; но неприлично членамъ его пристращаться къ общественнымъ увеселеніямъ, неприлично играть роль среди увеселительныхъ собра-

ний и блистать въ свѣтѣ. Личная строгость священника не загладитъ впечатлѣнія, производимаго суетностію и увлеченіями его жены и дѣтей. Мы не рекомендуемъ заключенія членамъ семьи священника; это бы было насиліемъ природы; молодости нужно повеселиться. Но не всѣмъ нужно увлекаться, что предлагаетъ свѣтъ для развлеченія людямъ. Есть много видовъ развлеченій, семейныхъ и скромныхъ, въ которыхъ могутъ принимать участіе жена и дѣти священника, не навлекая никакой тѣни на главу своего дома. А разбѣянная свѣтская жизнь, если они предаются ей, будетъ соблазномъ для другихъ.

Иногда случается слышать похвалы тому или другому священнику, что онъ живетъ открытымъ домомъ. Похвалы эти имѣютъ обоюдный смыслъ. Еще Апостоль предписывалъ служителю церкви быть страннолюбиву (1 Тим. III, 2. Тим. 1, 8). Если священникъ или его семья открываетъ домъ свой, чтобы исполнить долгъ любви по отношенію къ ближнему, ищущему пріюта во время пути, если онъ съ готовностію принимаетъ всякаго, желающаго найти у него добрый совѣтъ или побесѣдовать съ нимъ о предметахъ серьезныхъ и священныхъ,—это добродѣтель съ его стороны, могущая заслужить ему уваженіе и расположеніе другихъ. Если, далѣе, двери священническаго дома всегда открыты для близкаго гостя, связаннаго съ нимъ чувствами родства, духовнаго единомыслія и внутренняго расположенія,—въ этомъ нѣтъ ничего предосудительнаго. Добрый гость можетъ внести освѣженіе въ домъ среди обыденныхъ однообразныхъ занятій его членовъ. Но у насъ большею частію не въ этомъ скромномъ смыслѣ разумѣютъ открытый домъ, когда хвалить то или другое семейство за открытую жизнь. У насъ правятся и вызываютъ одобреніе тѣ открытые дома, въ которыхъ чуть не каждодневно можно найти удовлетвореніе людямъ, ищущимъ свѣтскихъ развлеченій, въ которыхъ всегда готовы карты, всегда собирается веселое общество, не знающее, куда дѣвать время, пожалуй слышно пѣніе и музыка, и часто составляются

таяны. Въ такомъ смыслѣ не подобаетъ быть открытымъ домоу священника. И если нѣчто подобное замѣчается въ томъ или другомъ семействѣ священника, то у серьезнаго челоуѣка оно скорѣе вызоветъ не похвалу, а сожалѣніе по не соотвѣтствію привычекъ этого дома съ требованіями долга и приличія священническаго. Все шумное, свѣтское, разсѣянное здѣсь не на своемъ мѣстѣ. Самое гостепріимство, отъ котораго пусть не уклоняется семейство священника, не должно нарушать тишины и скромности, какія должны обитать въ домѣ служителя Божія.

Древнее Поученіе епископа къ іереемъ заботливости священника о благоустроеніи своего дома простираетъ и на слугъ, живущихъ въ немъ. „Слугъ своихъ (говоритъ оно)¹⁾ наставляйте въ ученіи Господнемъ; доставляйте имъ пищу и одежду въ довольствѣ“. Въ домѣ служителя религіи и церкви неестественно видѣть и между нанятыми слугами людей безъ вѣры и безъ благочестія; неестественно встрѣчать и между пришлыми членами его семьи вѣтренность и какой либо видъ распутства. Настырѣ церкви, по долгу своего званія, долженъ употребить всю силу своего вліянія, чтобы поставить своихъ слугъ въ нравственно-религіозномъ отношеніи въ полное соотвѣтствіе съ требованіями того духа вѣры, какой долженъ царить въ его домѣ и опредѣлять собою поведеніе всѣхъ, живущихъ въ немъ. Пренебреженіе къ церкви и ея уставамъ, уклоненіе отъ православія въ расколъ или штунду, безнравственность лицъ, живущихъ въ семьѣ священника для такихъ или иныхъ услугъ, кладетъ пятно на его домъ и подвергаетъ его нравственной отвѣтственности предъ своею совѣстію, предъ обществомъ и предъ церковію. И можно опасаться при этомъ дурнаго вліянія этихъ лицъ, поставленныхъ въ близкія отношенія къ священнику, на другихъ прихожанъ. Невниманіе со стороны священника къ безвѣрію или распутству слугъ, живущихъ у него, можетъ быть поставлено ему въ прямое

¹⁾ Приб. къ Твор. св. отцевъ. Т. I, стр. 431.

нарушеніе его пастырскаго долга. Если нравственные увѣщанія его къ исправленію ихъ не оказываютъ должнаго дѣйствія, его пастырское благоразуміе должно побуждать его нескать себѣ другихъ слугъ, своимъ характеромъ и поведеніемъ болѣе отвѣчающихъ духу, его руководящему и имъ распространяемому.

Это одна сторона въ отношеніи къ слугамъ, которою не долженъ пренебрегать священникъ. Но въ Поученіи къ іереямъ его вниманію указывается и другая сторона, которую онъ не долженъ опускать изъ вида. Именно, священникъ долженъ показывать другимъ примѣръ человеколюбиваго отношенія къ низшей братіи—къ слугамъ, на него работающимъ. Онъ долженъ давать имъ довольное содержаніе: дурно, если будутъ говорить, что въ домѣ такого-то священника слугъ морятъ голодомъ. Онъ всегда добросовѣстно долженъ разсчитываться съ ними, и никогда не долженъ удерживать у себя условленной имъ платы. Безчестіе для пастыря, если слуги будутъ жаловаться на него, что онъ нечестно расплатился съ ними, и будутъ требовать у него заслуженнаго ими предъ судомъ. Въ домѣ священника, по-христіански управляемомъ, не будутъ отягощать слугъ излишними работами и отнимать у нихъ свободные часы отдыха, хотя въ то же самое время не будутъ поощрять ихъ бездѣльничанію. Въ домѣ священника въ обращеніи съ наемными слугами не будутъ показывать и тѣмъ пренебреженія къ нимъ, но всегда будутъ относиться къ нимъ съ снисхожденіемъ и мягкостію, растворяемыми духомъ любви. Если вездѣ непріятны и неприличны несдержанные гнѣвные крики на слугъ, суровыя, жесткія бранныя слова и обидныя клички, какія позволяютъ себѣ вѣчно господа и хозяева по отношенію къ людямъ, занимающимся въ услуженіи имъ, то тѣмъ болѣе они неумѣстны въ домѣ для семьи священника. Кому, какъ не священнику, сознавать, что все люди,—и высоко поставленные, и принужденные пости низкую и тяжелую долю слугъ,—равно созданія Божіи, все плоть една, все равно дороги Творцу, все одинаково искуплены кровію Христо-

вою, и всё по существу братья между собою? Христианское чувство братства въ домѣ священника должно говорить сильнѣе, чѣмъ въ другомъ свѣтскомъ домѣ. Подъ дѣйствіемъ этого чувства слуги въ семействѣ священническомъ меньше будутъ чувствовать тяжесть своего приниженного зависимаго положенія, больше будутъ питать расположенія и привязанности къ дому, и съ большимъ усердіемъ будутъ трудиться для блага семейства, видящаго въ нихъ не просто слугъ, но братьевъ о Христѣ.

В. Пьяницкій.

Смерть Іоанна Крестителя; чудесное насыщеніе народа¹⁾.

Глава 14. Ст. 1 и 2. Въ то время услышавъ Иродъ четверовластникъ слухъ Іисусовъ, и рече отрокомъ своимъ: сей есть Іоаннъ Креститель: той воскресъ отъ мертвыхъ, и сего ради силы дѣются о немъ. Подобное же говоритъ и Маркъ (6, 14); но Лука (9, 7—9) сказалъ: слышавъ же Иродъ четверовластникъ бывающая отъ него вся: и недоумѣвашеся, зане глаголемо бѣ отъ нѣкихъ, яко Іоаннъ воста отъ мертвыхъ: отъ нѣхъ же, яко Іліа явися: отъ другихъ же, яко пророкъ единъ отъ древнихъ воскресъ. И рече Иродъ: Іоанна азъ усѣкшихъ: кто же есть сей, о немъ же азъ слышу таковая; и искаше видѣти его. Итакъ, какимъ же образомъ Матѳей и Маркъ написали, что Иродъ утверждать, что Іисусъ есть Іоаннъ, между тѣмъ какъ Лука сказалъ, что когда нѣкоторые говорили это, Иродъ даже отрицалъ; Іоанна, говоритъ, азъ усѣкшихъ, и слѣдовательно это не Іоаннъ. Что сказать на

¹⁾ Зигабена Толков. св. № 22-й.

это? Иродъ предполагалъ, что Іоаннъ воскресъ изъ мертвыхъ и за несправедное его убіеніе получилъ отъ Бога даръ чудесъ; но предъ тѣми, которые говорили это, онъ утверждалъ, что это — не Христосъ, чтобы они не обратились къ Нему и не возстали противъ него самого. Только слугамъ своимъ открываетъ тайну (отрока ми здѣсь евангелистъ назвалъ слугъ), и повѣряетъ это имъ, такъ какъ сильно боится того, что Іоаннъ сталъ могущественнѣе и сильнѣе можетъ обличать его. И обратн вниманіе на чудо: убившій боится убитаго. Человѣкъ злой боится и мертвыхъ; человѣкъ добродѣтельный возбуждаетъ къ себѣ страхъ въ живыхъ даже послѣ своей смерти. — Сдѣлавши упоминаніе объ Іоаннѣ, евангелистъ рассказываетъ, какъ онъ умеръ.

(Иродъ этотъ былъ сынъ того, который избилъ въ Вифлеемѣ младенцевъ).

Ст. 3—5. Иродъ бо емъ Іоанна, связа его, и всади въ темницу, Иродіады ради жены Филиппа брата своего. Глаголаше бо ему Іоаннъ: недостойтъ ти имѣти ея. И хотящъ его убити, убояся народа, зане яко пророка его имѣяху. Маркъ сказалъ, что Иродіада гнѣвалась на него, — или не сносила его, и что желала убить его; но не могла. Затѣмъ присоединилъ и причину, почему она не могла убить его, — сказавши, что Иродъ боялся Іоанна, зная, что онъ мужъ праведный и святой, и взялъ его; многое дѣлалъ, слушаясь его и съ удовольствіемъ слушалъ его. Такъ повѣствуетъ Маркъ (6, 19, 20). Итакъ, если Иродъ взялъ его, зная, что онъ мужъ праведный и святой, то какимъ образомъ Маттеей сказалъ, что онъ хотѣлъ убить Іоанна, но боялся народа? Кромѣ того, если онъ дѣлалъ многое изъ того, къ чему увѣщавалъ его Іоаннъ, и если онъ съ удовольствіемъ слушалъ его увѣщанія, то зачѣмъ же онъ связалъ и заключилъ его? То, о чемъ говоритъ Маркъ, случилось прежде, а то, о чемъ говоритъ Маттеей, — послѣ. Сначала Иродіада разгнѣвалась на Іоанна и хотѣла убить его, но Иродъ не позволилъ, зная, что онъ

мужъ праведный и святой, — и поэтому изъ послушанія ему многое дѣлалъ и слушалъ его съ удовольствіемъ. Когда же Іоаннъ сильно досаждалъ ему, обличая и порицая его, тогда Иродъ, отчасти побуждаемый огорченіями, отчасти же испытывая вaspліе отъ Иродіады, перемѣнилъ уваженіе на гнѣвъ, и такъ какъ Іоаннъ все таки не успокоился, хотѣлъ убить его; но боясь народа онъ связалъ его какъ бы изъ мести и заключилъ, чтобы обходя онъ не порицалъ его. Іоаннъ обличалъ Ирода за то, что онъ вопреки закону имѣлъ жену брата своего, и обличалъ по двумъ причинамъ: во-первыхъ потому, что онъ еще при жизни брата насильно отнялъ у него и жену и тетрархію, а во-вторыхъ потому, что онъ взялъ себѣ ее въ жены, между тѣмъ какъ она уже имѣла дочь отъ того; и то и другое было противузаконно. Законъ повелѣвалъ братъ жену брата, но не тогда, когда тотъ еще жилъ, или когда она имѣла дѣтей отъ того.

Ст. 6—7. Дни же бывшу рождества Иродова, пляса дщи Иродіадина посредѣ, и угоди Иродови. Тѣмъ же и съ клятвою изрече ей дати, егoже аще попросить. Маркъ (6, 23) сказалъ: и клястеся ей, яко егoже аще попросиши у мене, дамъ ти, и до полцарствія моего. Дни же бывшу рождества, т. е. когда праздновался день рожденія: у царей былъ обычай торжественно праздновать день своего рожденія. Клятвою называлъ здѣсь обѣщаніе. О великое безуміе! и поклялся дать, и просьбу предоставилъ на волю дѣвицы, и половину царства промѣнялъ на кратковременную пляску.

Ст. 8. Она же наваждена матерію своею, даждь ми, рече, здѣ на блюдѣ главу Іоанна Крестителя, — наваждена, т. е. наученная. Итакъ говоритъ: дай мнѣ здѣсь, т. е. теперь же, во время пира. Маркъ говоритъ, что она сказала: хочу, да ми даси (отъ него) абіе (ἀβίης), т. е. тотчасъ, немедленно. Воспользовавшись удобнымъ временемъ, какъ опять таки пишетъ Маркъ (6, 21): и при-

ключшуся дню потребу, — именно, когда вошла къ ней дочь съ вопросомъ, чего ей просить, Иродіада приказала просить, чтобы тотчасъ же во время пара ей дана была глава Іоанна, такъ какъ опасалась, чтобы Иродъ не раскаялся совершенно, когда пройдетъ это удобное время, и чтобы нѣкоторые изъ друзей его, упросивши, не освободили Іоанна.

Ст. 9. И печалонъ бысть царь... Опечалился, потому что долженъ былъ убить великаго мужа и могъ подвигнуть народъ къ ненависти противъ себя.

Ст. 9... Клятвы же ради, и за возлежащихъ съ нимъ, повелѣ дати (ей). О, рабъ женщины! ты убоялся имѣть свидѣтелей нарушенія клятвы, а имѣть столько очевидцевъ несправедливаго убійства не убоялся?! Тебѣ не должно было клясться безразсудно, а когда неосмотрительно поклялся, то лучше было бы нарушить клятву; изъ двухъ золъ должно избирать меньшее.

Ст. 10. И пославъ усѣкну Іоанна въ темницѣ. Пославъ спекулатора, или палача, какъ сказалъ Маркъ (6, 27), убилъ его тайно для того, чтобы при (публично) убійствѣ Іоаннъ не открылъ предъ всѣми его незаконнаго сожительства, и чтобы не встрѣтилось препятствіе со стороны народа. Богъ же допустилъ это, чтобы съ одной стороны еще больше увѣнчать праведника, съ другой — оставить утѣнительный примѣръ для переносящихъ обиды.

Ст. 11. И принесена главу его на блюдѣ. О, отвратительное и звѣрское пиршество! Почему же не смутились совозлежащіе, видя человѣческую голову, изъ которой текли капли теплой крови и которая была возложена на столъ какъ блюдо? почему они не возмущались этимъ?

Ст. 11... И дама дѣвицѣ... Проклята награда за безстыдное дѣло! Дочь вполне достойная такой матери: развѣ презрѣвши дѣвическій стыдъ, непристойно выставивши себя на показъ предъ глазами такого множества мужчинъ и совершивши различныя безобразія, она уже потеряла человѣческое чувство и

осмѣлилась прикоснуться къ блюду, наполненному убійствомъ, и не только прикоснулась, но и какъ какой либо пріятѣйшій подарокъ взяла на руки, и съ величайшею радостію отнесла къ матери.

Ст. 11... И отнесе матери своей. Недостаточно было для проклятой матери того, что Іоаннъ былъ убитъ; но она жаждала также взять въ руки голову, открывшую ея развратъ, чтобы обезчестить и наругаться надъ нею. Таковы прелюбодѣйныя жены: самыя безчестныя, жестокія и преступнѣйшія. Смотри, сколько зла она сдѣлала: обезчестила себя, своего мужа Филиппа, прелюбодѣя Ирода и дочь; убила даже обличителя въ прелюбодѣиин, чтобы, продолжая прелюбодѣяніе, скрываться отъ современниковъ, но, убивши его, не только не скрылась отъ современниковъ, но стала извѣстною и потомкамъ и даже — во всемъ мірѣ.

Ст. 12. И приступивше ученицы его взяша тѣло его, и погребоша е... Маркъ (6, 29) говорить: взяша трупъ (тѣло — паденіе), назвавши тѣло тѣло, потому что оно упало послѣ отсѣченія головы.

Ст. 12... И пришедше возвѣстиша Іисусови, показывая этимъ свое благорасположеніе къ Нему. Несчастіе это сильно ихъ смирило.

Ст. 13. И слышавъ Іисусъ, отъиде оттуду въ корабли въ пусто мѣсто единъ, — услышавъ, что Іоаннъ былъ убитъ. Даже тогда, когда услышалъ, что Іоаннъ былъ отданъ въ темницу, Онъ удалился; а по какой причинѣ, объ этомъ мы сказали въ четвертой гл. (12 ст.). И теперь Онъ сдѣлалъ это, чтобы сохранить Себя до времени болѣе удобнаго для креста. Другіе изъясняютъ, что Іисусъ услышалъ о томъ, что Иродъ считалъ Его за Іоанна. Чрезъ эту вставку (отъ 2 до 12 ст.) было только воспроизведено въ памяти убійство Іоанна и рассказъ объ этомъ продолжается до этихъ именно словъ; а дальше опять продолжается рѣчь въ прежней послѣдовательности.

Вѣроятно, Іисусъ Христосъ въ это время слышалъ и о томъ, и о другомъ. Кромѣ того, Маркъ сказалъ и о третьей причинѣ этого удаленія, именно, что Онъ желалъ дать покой ученикамъ, возвратившимся изъ проповѣди. Онъ такъ сказалъ: и собрашася апостоли ко Іисусу, и возвѣстиша Ему вся, и елика сотвориша, и елика научиша. И рече имъ: приидите вы сами въ пусто мѣсто единн, и почійте мало. Баху бо проходящии и отходящии мнози, и ни ясти имъ бѣ когда. И идоша въ пусто мѣсто кораблемъ единн. Вотъ что сказалъ Маркъ (6, 30—32). Лука (9, 10), сказавши подобное же, присоединяетъ и примѣту этой пустыни. Онъ говоритъ: и поимъ ихъ, отиде единъ на мѣсто пусто града нарицаемаго Внесаїда. Должно знать, что Христосъ, какъ человѣкъ, и слушаетъ, и удаляется, и заботится о Себѣ. Какъ Богъ, Онъ и знаетъ все, и не имѣлъ нужды въ бѣгствѣ.

Ст. 13... И слышавше народи, по немъ идоша пѣши отъ градовъ... Маркъ (6, 33) сказалъ, что народъ видѣлъ, какъ ученики отправлялись. — Нѣкоторые видѣли ихъ, а другіе слышали отъ видѣвшихъ, и всѣ пѣшкомъ пошли. Такова сила желанія: преодоливается всякое препятствіе.

Ст. 14. И изшедъ Іисусъ видѣ многъ народъ, и милосердова о нихъ, и исцѣли недужныя ихъ. Видѣлъ желаніе, посмотри и на награду за него. Не требуетъ отъ нихъ и вѣры; они доказали ее тѣмъ, что слѣдовали пѣшкомъ, безъ никакой пищи, въ пустынное мѣсто. Маркъ (6, 34) и Лука (9, 11) сказали, что Онъ даже началъ учить ихъ многому и говорилъ имъ о царствіи Божиѣмъ.

Но откуда Онъ пришелъ и началъ исцѣлять и учить? Конечно, съ горы; потому что Іоаннъ (6, 1—3) говоритъ: иде Іисусъ на онъ полъ моря Галилеи Тиверіадска: и по немъ идяше народъ многъ, яко видяху знаменія его, яже творяше надъ недужными. Выхде же

на гору Іисусъ, и ту сѣдѣше съ ученики своими. Въ лодкѣ Онъ наставлялъ своихъ учениковъ, — взошедши на гору, они отдыхали. Потомъ онъ вышелъ и исцѣлялъ и училъ.

Ст. 15. Поздѣ же бывшу, приступиша къ нему ученицы его, глаголюще: пусто есть мѣсто, и часъ уже мину: отпусти народы, да шедше въ веси купятъ брашна себѣ. День уже началъ склоняться къ вечеру, какъ сказалъ Лука (9, 12),—но сами они не вѣдали нищцъ, такъ какъ усердіе къ слушанію пересило голодъ. Христосъ, желая поэтому насытить ихъ чудеснымъ образомъ, тоже ожидалъ повода со стороны ихъ, чтобы не показалось, что Онъ спѣшитъ къ совершенію чудесъ; (и не только здѣсь, но и очень часто Онъ наблюдаетъ это); равнымъ образомъ для того, чтобы взявшаи они больше поияли чудо:

Ст. 16. Іисусъ же рече имъ: не требуютъ отыти: дадите имъ вы ясти. Не требуютъ, вмѣсто: не должны. Не сказалъ: Я напитаю ихъ, потому что это показалось бы надменнымъ, но повелѣваетъ ученикамъ дать имъ ѣсть, чтобы только послѣ того, какъ сами они засвидѣтельствуютъ недостатокъ пищи, по необходимости совершить свое.

Но Матѣей, Маркъ (6, 35) и Лука (9, 12) говорятъ, что ученики напомнили Христу о томъ, что нужно отпустить народъ для покупки съѣстныхъ припасовъ,—а Іоаннъ (6, 5—7) говоритъ: возведъ убо Іисусъ очи, и видѣвъ, яко многъ народъ грядетъ къ нему, глагола къ Филиппу: чимъ купимъ хлѣбы, да ядятъ сѣи? Сіе же глаголаше, искушая его: самъ бо вѣдѣше, что хочетъ сотворити. Отвѣща ему Филиппъ: двѣма стома пѣнязей хлѣбы не довѣдутъ имъ, да кѣйждо ихъ мало что прѣнметъ. Такъ написавъ Іоаннъ.

Вѣроятно, прежде ученики напомнили Христу, а послѣ Онъ сказалъ имъ: не нужно имъ идти, вы дайте имъ ѣсть. Потомъ Онъ поднявъ глаза и увидѣвъ другую большую толпу, которая

еще шла, и тогда, какъ человѣкъ, искушалъ, или испытывалъ Филиппа, вѣрить ли онъ тому, что Христосъ самъ можетъ напѣтать всѣхъ. Испытывалъ же Онъ именно Филиппа, какъ болѣе другихъ несовершеннаго еще, или же чрезъ него направлялъ свою рѣчь и къ другимъ, испытывая и ихъ. Итакъ очевидно, что Иоаннъ опустилъ то, что сказали другіе евангелисты,—а что опустели они, объ этомъ разсказалъ онъ.

Ст. 17. Они же глаголаша ему: не имамы здѣ токмо пять хлѣбъ и двѣ рыбы. Иоаннъ (6, 8—9) говорить, что Андрей сказалъ: есть отрочищъ здѣ единъ, иже имать пять хлѣбъ ячменныхъ, и двѣ рыбы; но сѣи что суть на толико? Несомнѣнно, что мальчикъ продавалъ это ученикамъ, и потому они, какъ бы имѣя уже у себя, отвѣчали, что у нихъ нѣтъ ничего, кромѣ вотъ этого. Въ такомъ пренебреженіи было тѣлесное у тѣхъ, которые всецѣло были преданы духовному: двѣнадцать человѣкъ должны были насытиться пятью хлѣбами и при томъ ячменными.

Ст. 18. Онъ же рече: принесите ми ихъ сѣмо. Повелѣлъ принести хлѣбы и рыбы, показывая, что нужно и это немного дать пуждающимся и предпочесть ихъ себѣ. Ученики же, хотя и сами испытывали сильный голодъ и ничего больше не имѣли, однако безъ всякаго возраженія повиновались.

Ст. 19. И повелѣвъ народомъ возлещи на травѣ. Маркъ (6, 39—40) говорить: и повелѣ имъ посадити вся на споды на споды на травѣ зеленѣ. И возлегоша на лѣхи на лѣхи, по сту и по пятидесять, на споды на споды вмѣсто: на отдѣльные собранія, т. е. одна кучка въ одномъ мѣстѣ, а другая—въ другомъ. Тоже самое означаетъ на лѣхи на лѣхи. Можно сказать и иначе: споды—это кучки въ видѣ круга, а лѣхи въ видѣ четырехугольника; таковы были площадки въ садахъ. Этоже самое Лука называлъ купами.

Ст. 19... И пріемъ пять хлѣбъ и обѣ рыбѣ, воззрѣвъ на небо, благослови... Посмотрѣвъ на небо, воздавая честь Отцу, показывая, что Онъ Самъ равенъ Богу, и научая насъ не прежде прикасаться къ трапезѣ, чѣмъ возблагодарить Бога, подателя пищи и привлечь на нее благословеніе съ неба. Иногда Іисусъ Христосъ творить чудеса своею властію, какъ Богъ, а иногда молится объ этомъ по вышеуказаннымъ причинамъ, чтобы не соблазнить лукавыхъ.

Ст. 19... И преломивъ даде ученикомъ хлѣбы, ученицы же народомъ. Далъ ученикамъ, съ одной стороны для того, чтобы оказать имъ честь, какъ бодѣ близкимъ къ Нему, съ другой—чтобы они не забыли о чудѣ, при которомъ прислуживали ихъ же руки.

Ст. 20. И ядоша вси, и насытишася... Насытивши прежде духовною пищею, т. е. ученіемъ, какъ сказано, и бесѣдою о царствѣ Божіемъ, насыщаетъ и тѣлесною. И мало того; вмѣстѣ съ тѣмъ. Онъ научаетъ ихъ и многому другому: возлжаніемъ на травѣ—скромности; тѣмъ, что ничего не предложили имъ кромѣ хлѣба и рыбы,—воздержности; тѣмъ, что раздѣлили это всѣмъ,—равенству.

Ст. 20... И взяша избытки уѣругъ, дванадесять коша исполнь. Преломивши пять хлѣбовъ, Іисусъ Христосъ отдалъ ихъ; но куски этихъ хлѣбовъ умножались въ рукахъ учениковъ. Удивительное чудо! И не только ихъ было достаточно для насыщенія народа, но остался большой пзлизекъ; осталось двѣнадцать полныхъ корзинъ, чтобы двѣнадцать апостоловъ носили эти корзины и чтобы слугамъ и свидѣтелями такого чуда они имѣли не только свои руки, но и рамена. Маркъ (6, 41. 43) сказалъ, что Христосъ раздѣлилъ и двѣ рыбы, и что и отъ нихъ остались куски.

Ст. 21. Ядущихъ же бѣ мужей яко пять тысячъ, развѣ женъ и дѣтей. Это—и увеличеніе чуда, и похвала народамъ, что они присутствовали съ женами и дѣтьми. Если со

всѣмъ домоу слѣдовали, то со всѣмъ домоу и наслаждались благодѣяніемъ.

Ст. 22. И абіе понуди Іисусъ ученики своя влѣзти въ корабль, и варити его на овомъ полу, дондеже отпустить народы. Хотя ученики не хотѣли отлучаться отъ Него, понудилъ ихъ войти въ лодку и отправиться прежде Него на другую сторону, подъ тѣмъ предлогомъ, чтобы, оставшись Самому, отпустить народъ, а въ дѣйствительности же для того, чтобы ученики, имѣя при себѣ корзины съ оставшимися кусками, надосутѣ, въ Его отсутствіе, внимательно разсмотрѣли эти куски и убѣдились, что чудо совершенно не призрачно. Для этого и осталось ихъ большое количество; ученикамъ должно было больше другихъ убѣдиться, какъ всеобщимъ учителямъ, имѣющимъ отправиться во вселенную. Это—одна причина, почему онъ напередъ послалъ учениковъ. Другая же—та, что Христосъ желалъ, какъ сейчасъ будетъ пояснено, одинъ взойти на гору, научая эгиптъ, что не всегда нужно находиться съ народомъ, и не всегда избѣгать его, но то и другое дѣлать съ пользою. Поэтому и мы, оставивши города съ ихъ развлеченіями, пѣшкомъ и безпрепятственно послѣдуемъ за Христомъ, ведущимъ въ пустыню, т. е. въ тишину и покой, и пребудемъ съ Нимъ, научающимъ насъ всему спасительному, чтобы постыся въ воздержаніи отъ страстей исполниться божественной благодати.

Ст. 23. И отпустивъ народы, взыде на гору одинъ помолитися; поздѣ же бывшу, одинъ бѣ ту. Удобное мѣсто для молитвы представляетъ гора; кромѣ того, ночь и уединеніе доставляютъ безпрепятственность, спокойствіе и тишину.

Ст. 24. Корабль же бѣ посредѣ моря, влаяся волнами: бѣ бо противенъ вѣтръ. Опять ученики подвергаются опасности отъ волнъ, какъ и прежде. Но прежде, такъ какъ они были болѣе несовершенны, Христосъ присутствовалъ и Самъ для ихъ утѣшенія, хотя и спалъ; теперь же такъ

какъ они стали совершеннѣе, Онъ отсутствовалъ, чтобы не имѣя нигдѣ утѣшенія, они были мужественнѣе.

Ст. 25. Въ четвертую же стражу ноши иде къ нимъ Іисусъ, ходя по морю. Маркъ (6, 48) сказалъ, что Онъ увидѣлъ ихъ бѣдствующихъ въ плаваніи, а Іоаннъ (6, 19), что они проплыли около двадцати пяти или тридцати стадій. Стадія—это пространство во сто саженой. Четвртою стражею ноши древніе ночные стражи въ лагеряхъ называли четвертую часть ноши, или послѣдніе три часа. А допустилъ Христосъ, чтобы ученики до того времени находились въ опасности отъ волнъ, научая насъ быть мужественными въ опасностяхъ, которыя премудро посылаются намъ, и не требовать скорого освобожденія; равнымъ образомъ и для того, чтобы, имѣя предъ глазами смерть и избавившись отъ нея чудесно, ученики признали, что спасшій ихъ есть Богъ. До сихъ поръ они не имѣли еще полной увѣренности въ этомъ. Поэтому, послѣ избавленія они поклонились Іисусу Христу, говоря: воистинну Божій Сынъ еси.

Ст. 26. И видѣвше его ученицы по морю ходяща смутишася, глаголюще, яко призракъ есть: и отъ страха возопиша. Страхъ отъ волненія былъ смѣненъ другимъ страхомъ, который не былъ уничтоженъ, пока они не закричали, для того конечно, чтобы они упражнялись въ перенесеніи испытаній, смѣняющихъ одно другое.

Ст. 27. Абіе же рече имъ Іисусъ, глаголя: держайте: азъ есмь: не бойтеся. Такъ какъ они не могли узнать Его по лицу вслѣдствіе ночной темноты, то Онъ подаетъ имъ знаковый голосъ, освободившій ихъ отъ того и другого страха.

Ст. 28 и 29. Отвѣщавъ же Петръ рече: Господи, аще ты еси, повели ми прійти къ тебѣ по водамъ. Онъ же рече: прійди... Просить прійти къ Нему по водамъ, подъ предлогомъ удостовѣренія въ томъ, Христосъ ли это,—а въ дѣйствительности же, услышавъ голосъ Его, онъ сильно возрадовался и въ горячности желалъ поспѣшить къ Нему прежде другихъ.

Ст. 29. и 30. И излѣзъ изъ корабля Петръ, хождаше по водамъ, прїити ко Іисусови. Видя же вѣтръ крѣпокъ, убояся: и наченъ утонати, возопи, глаголя: Господи, спаси мя. Моря хотя и волновавшагося не убоялся, но убѣжденный въ силѣ повелѣвшаго смѣло пошелъ по волнамъ и шелъ прямо,—а больше убоялся вѣтра, чтобы не опрокинуть его. Такова природа человѣческая! Часто совершивши великое, затрудняется малымъ. Итакъ, когда ослабѣла вѣра, съ которою Петръ не боялся и волнъ, то оставила и облегчающая его благодать этой вѣры, и онъ сталъ тонуть.

Ст. 31. И абіе Іисусъ простеръ руку, ятъ его, и глагола ему: маловѣре, почто усумнѣлся еси. Упрекнувши въ этомъ Петра, показалъ, что не сила волнъ опрокидывала его, но маловѣріе, или слабость высказанной имъ вѣры. Маловѣромъ его назвалъ, потому что, испугавшись вѣтра, онъ отвергъ великую часть ея (вѣры). Итакъ говорить ему: почто усумнѣлся еси, или: почему ты прежде былъ смѣлымъ, а потомъ сталъ робкимъ: это назвалъ сомнѣніемъ. Укрѣпившій тебя противъ волнъ укрѣпилъ бы и противъ вѣтра.

Ст. 32. И влѣзшимъ имъ въ корабль, преста вѣтръ. Не тотчасъ они вошли въ лодку, но при сильно налегающемъ вѣтрѣ прошли еще большое пространство для увѣренія Петра и обличенія его маловѣрія. Іоаннъ (6, 21) говоритъ, что ученики хотѣли взять Іисуса Христа въ лодку, и тотчасъ лодка прїѣхала къ берегу, куда плыли. Отсюда ясно, что тогда только они вошли въ лодку, когда она была близко берега.

Ст. 33. Сущіи же въ кораблѣ, пришедше поклонишася ему, глаголюще: воистину Божій Сынъ еси. Величіе чуда сообщило имъ болѣе совершенную вѣру; ибо ходить по морю большее чудо, чѣмъ повелѣвать ему, и не только самому ходить, но и другому даровать тоже,—и при томъ въ такое время, когда бушуетъ и сильно волнуется море вѣтеръ. Этотъ евангелистъ говоритъ, что вообще всѣ исповѣдали Христа Сы-

номъ Божиимъ; а Маркъ (6, 51—52) сказалъ, что они удивлялись, но не понимали. Онъ говоритъ: и зѣло изляха въ себѣ ужасахуся, и дивляхуся. Не разумѣша бо о хлѣбѣхъ: бѣ бо сердце ихъ окаменено. Смысль этихъ словъ такой, что ученики чрезвычайно удивлялись Христу, какъ человѣку, имѣющему такую силу, между тѣмъ какъ скорѣе должны были поклониться Ему, какъ всемогущему Богу. Желая показать, что и предъидущимъ чудомъ насыщенія пятью хлѣбами они не узнали того, что должно, прибавилъ: не разумѣша о хлѣбѣхъ. Присоединилъ и причину ихъ непониманія, говоря: бѣ бо сердце ихъ окаменено. Но мы говоримъ, что лишь только вошелъ Иисусъ въ судно, какъ случилось то, что сказалъ Маркъ; потому же, когда окаменение сердца учениковъ было смягчено, произошло то, о чемъ написалъ Матвей. Нужно знать, что иногда сердце учениковъ дѣлалось тверже, и они не могли понимать, а иногда—мягче, и они понимали. То и другое происходило по мудрому Промыслу Божию. Поэтому и мы, когда начинаемъ погружаться въ волны страстей, призовемъ Иисуса, и Онъ тотчасъ подастъ и намъ руку помощи, и исторгнетъ насъ оттуда.

Ст. 34. И прешедше придоша въ землю Геннисареескую. Маркъ же (6, 45) сказалъ, что Христосъ понудилъ учениковъ своихъ войти въ лодку и отправиться впередъ на другую сторону къ Внесандѣ. А Іоаннъ (6, 17) говоритъ, что они отправились на ту сторону моря въ Капернаумъ. И Внесанда, и Капернаумъ находятся въ землѣ Геннисаретской; а Геннисаретское озеро было соединено съ Тиверіадскимъ.

Ст. 35 и 36. И познавше его мужіе мѣста того, послаша во всю страну ту и принесоша къ нему вся болящія: и моляху его, да токмо прикоснутся вскрилію ризы его: и елицы прикоснушася спасени быша. Смотри, какъ мало ученики ушли впередъ; обрати вниманіе и на народъ: уже не тянутъ Иисуса Христа въ домъ, не просятъ, чтобы Онъ возложилъ руки, не требуютъ, чтобы Онъ повелѣлъ словомъ, но болѣе возвышеннымъ и богоприличнымъ способомъ привлекаютъ къ себѣ исцѣленіе. Жена, страдавшая крозотеченіемъ, безъ сомнѣнія впустила имъ большую вѣру.

Редакторъ Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архивадригъ *Приней*.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 23 мая 1885 г. Цензоръ прот. М. Богдановъ.

Тип. Г. Т. Корчака-Новицкаго, Михайлов. ул., собств. домъ.

Годъ

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

XXVI.

СЕЛЬСКИХ ПASTЫРЕЙ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
пять руб., съ пересылкою шесть
рублей серебромъ.

№ 24.

Подписка принимается въ редак-
цію сего журнала, при Киевской
духовной семинаріи.

1885 года, Іюня 9-го.

Содержаніе: Трудное дѣло.—Христіанство при свѣтѣ разума и опыта.—
Бесѣда Іисуса Христа съ фарисеями о преданіяхъ старцевъ.—Сто-
рожъ.

Трудное дѣло.

Въ настоящее время пастыри церкви призываются къ усиленной религіозно-правственной просвѣтительной дѣятельности среди народа. Эта дѣятельность, нужно сказать, очень нелегкая и необѣщаетъ благихъ плодовъ въ близкомъ будущемъ. Въ народной жизни накопилось не мало мутн и грязи; окрѣпли въ ней прежнія нежелательныя явленія, родились и новыя. Но при всей ненормальности своей жизни, народъ находится въ состояніи квіетизма и не желаетъ усовершенствованія. „Старики были не хуже насъ, да также жили“,—вотъ народный аргументъ противъ всякаго измѣненія жизни; хотя жизнь сама собою въ добрыхъ порядкахъ стараго времени сильно измѣняетъ этому аргументу. Тотъ же квіетизмъ, тоже нежеланіе усовершенствованія замѣчается у народа и въ религіозно-правственномъ отношеніи. Вѣра его въ

большинствѣ — слѣпа и безотчетна. Правда, имѣетъ онѣ нѣкоторыя понятія о Богѣ, объ искупленіи, о будущей жизни; но свѣдѣнія его крайне ничтожны и часто нелѣпы. Понятія о религіозно-нравственной жизни часто не восходятъ далѣе понятій, выраженныхъ въ извѣстномъ твореніи: „Сонѣ Пресвят. Богородицы въ градѣ Вифліемѣ“, которое какой-то одесскій благодѣтель, сказать къ слову, угораздился, да еще съ разрѣшенія цензуры, отпечатать брошюрой и распространить въ народѣ¹⁾. Благочестіе его касается преимущественно вѣншае-религіозной жизни и не одушевляется внутреннею. Вся сущность христіанскаго благочестія, по его понятіямъ, заключается въ чисто вѣншнемъ выполненіи нѣкоторыхъ требованій и правилъ православной Церкви, касающихся таинствъ и обрядовъ православія. Не смотря однако на свое религіозно-нравственное невѣжество, онѣ убаюкиваетъ себя тою мыслію, что темному человѣку дозвоительно все, и онѣ ни за что не долженъ, въ силу своей темноты, подлежать вмѣненію. Потому же самому, что онѣ пребываетъ въ темнотѣ, ему не нужно ни знать ничего, ни измѣнять ничего въ своей жизни, ни даже понимать что-либо. Докажите ему сотню разъ, что темному-то человѣку и нужно религіозно-нравственное просвѣщеніе; онѣ каждый разъ будетъ соглашаться съ вами и каждый разъ, запустивъ руку въ затылокъ, будетъ повторять одно и тоже: „такъ-то такъ; да куда ужъ намъ? Мы народъ темный; чего можемъ мы понять“? Такимъ образомъ въ одно и тоже время онѣ будетъ и соглашаться, и отрицать свое соглашеніе утвержденіемъ, что его жизнь таковою и должна быть, какова она есть. А это показываетъ, что онѣ доволенъ своею жизнію, находя ее для себя вполне естественною, и не желаетъ перемѣны.

¹⁾ Указомъ Св. Синода отъ 11—31 янв. 1885 г. за № 43, розничная продажа этой языческой книженки воспрещена. А продажа оптовая??... Церк. Вѣст. 1885 г. № 7.

Это - то убѣжденіе народа въ нормальности его религіозно-нравственной жизни, — эта-то духовная спячка и составляетъ камень преткновенія въ просвѣтительной дѣятельности пастырей. Посѣщеніе народомъ по мѣстамъ учрежденныхъ религіозно-нравственныхъ бесѣдъ не говоритъ еще о всенародномъ возбужденіи къ просвѣщенію. Если изъ 1000 посѣщаютъ бесѣды 50 человѣкъ, и притомъ далеко не регулярно, то это еще слишкомъ недостаточное основаніе утверждать объ общемъ пробужденіи народа. Конечно и это явленіе отрадное; и желательно, чтобы эти бесѣды болѣе и болѣе развивались¹⁾.

Но въ виду малочисленности посѣтителей религіозно-нравственныхъ бесѣдъ, мы должны отдать преимущество предъ ними церковному слову. Богослуженіе въ православныхъ приходахъ посѣщается громаднымъ большинствомъ населенія; и волей-неволей это громадное большинство принуждено слушать церковное слово, хотя бы, быть можетъ, многіе и не желали того, и добровольно не пошли бы для карочитаго слушанія. А потому главнымъ средствомъ пастырскаго воздѣйствія на народъ мы признаемъ церковное пастырское слово. Внебогослужебныя бесѣды — для избранныхъ: а церковное слово — для всѣхъ, и первыя никогда не могутъ замѣнить втораго; онѣ могутъ только восполнять его.

Но легко сравнительно учить того, кто сознаетъ нужду въ ученіи и употребляетъ съ своей стороны всѣ усилія къ тому, чтобы не только понять, но и усвоить предметы ученія; въ этомъ случаѣ отъ учителя требуется только умѣнье толково и понятно излагать предметъ ученія. Совсѣмъ иное дѣло, — когда ученикъ

¹⁾ Въ этихъ словахъ о. Руновскаго есть доля правды, но утверждать, что у народа вообще пѣтъ жажды религіознаго знанія — пельзя. Народъ ищетъ этого знанія, но къ сожалѣнію не находитъ его у тѣхъ, которые должны бы просвѣтить его, а потому нерѣдко склопается въ расколъ и другія религіозныя секты.

не только не имѣть усердія къ ученію, но и относится къ нему холодно и равнодушно и не желаетъ вовсе учиться; въ этомъ случаѣ, кромѣ умѣнья толково излагать предметъ ученія, отъ учителя требуется напередъ искусство возбудить вниманіе ученика, пріохотить его къ ученью, убѣдивъ въ необходимости его, и многое другое.

Чтобы воздѣйствовать на подобныхъ людей, пастырь церкви долженъ обладать опытностью и познаніемъ человѣческаго сердца; онъ долженъ понимать духовно-нравственное состояніе своего прихода, какъ свое собственное, читать чужія мысли и чувства, какъ въ понятной книгѣ; видѣть внутреннюю жизнь слушателей, какъ на картинѣ, чтобы ему прямо затрогивать слабую струну ихъ, а не ходить кругомъ, да около, лаская словомъ слухъ, или попусту бія воздухъ. Съ знаніемъ сердца людскаго пастырю необходимо самому соединять искреннее убѣжденіе въ проповѣднической истинѣ и имѣть искреннее желаніе убѣдить въ томъ и слушателей. При такихъ условіяхъ слово пастырское, благовременное и безвременное, хотя и не будетъ подобно слову Златоуста или Иннокентія, не останется безплоднымъ. Нельзя, разумѣется, разсчитывать подѣйствовать простымъ и слабымъ словомъ на цѣлую массу; да и слово ораторское не всегда дѣйствуетъ на всѣхъ и каждого, какъ бы должно; но думать, что и слабое слово на когонибудь да подѣйствуетъ, при помощи благодати Божіей, возможно. А это развѣ не способно воодушевлять проповѣдника? Обратитъ на путь истины и добра хотя одного грѣшника, да я по вдругъ, а въ годъ, въ два—развѣ ничего не значущее дѣло? Да для этого-то грѣшника Господь сходилъ на землю и за него страдалъ!

Уснувшаго духовно-нравственно чловѣка, и тѣмъ болѣе цѣлую массу, находящую свое состояніе естественнымъ и не желающую выходить изъ него, не возможно поднять съ покойнаго ложа ни словомъ, выясняющимъ идеальную сторону христіанской жизни, ни словомъ, доказывающимъ несомнѣнность и необходи-

мость усвоения тѣхъ или иныхъ истинъ христіанства. Такая пища для такой массы слишкомъ тверда, неудобопріемлема и неудобоперевариваема. Идеальныя требованія христіанства своею трудностью выполненія для плотскаго человѣка скорѣе могутъ имѣть обратное дѣйствіе и утверждать квіетиста въ его положеніи и состояніи. Не находя для себя возможнымъ выполнить предъявляемыя ему требованія, онъ легко можетъ махнуть рукой на всю христіанскую жизнь и сказать въ успокоеніе себѣ: „Все равно—ничего не сдѣлаешь, сколько ни трудись. Лучше жить, какъ жилъ“. Вѣдь большіе физически нерѣдко отдають Богу духъ отъ излишне принятой дозы лекарства. Вездѣ и во всемъ нужна постепенность; и въ особенности она необходима въ данномъ случаѣ. Это правило необходимо имѣть въ виду каждому народному проповѣднику, и, оставивъ всякую ученость, въ простотѣ сердца, начинать свою проповѣдь съ выясненія тѣхъ ненормальныхъ и уродливыхъ явленій, нерѣдко вопіющихъ не только противъ законовъ нравственности христіанской, но и противъ законовъ нравственности естественно-человѣческой, какія представляетъ практическая жизнь, указывая какъ на несоотвѣтствіе ихъ тому и другому закону, такъ и на тѣ бѣдственныя послѣдствія, какія происходятъ отсюда въ жизни, и раскрывая вмѣстѣ съ тѣмъ картину суда и казней Божіихъ, постигающихъ нечестиваго человѣка нерѣдко еще здѣсь, на землѣ, и несомнѣнно имѣющихъ постигнуть въ будущей жизни.

Шестнадцатилѣтняя пастырская практика убѣдила насъ, что ничто такъ не дѣйствуетъ на нравственное сознаніе народа, какъ именно обличительное слово, рисующее дѣйствительную народную жизнь и указывающее на ея ненормальныя явленія съ точки зрѣнія христіанской и естественно-человѣческой нравственности, слово, притомъ, проникнутое духомъ искренне-пастырской ревности по Богѣ и законѣ Его, растворенное нелицемѣрнымъ желаніемъ привить къ народной жизни христіанскую истину, согрѣтое пастырскою любовію къ слушателямъ. Такое слово такъ

пробуждаетъ вниманіе слушателей, что они, можно сказать, всё́мъ существомъ своимъ превращаются въ слухъ, опасаясь проронять какое-либо слово. И никогда не бываетъ въ народѣ столько разговоровъ по поводу поученій, какъ послѣ произнесенія поученій именно этого характера, — признакъ, что онѣ не скользятъ мимо нравственнаго сознанія слушателей¹⁾.

Но поученія этого характера не должны отзываться придирчивостью, мелочностью; придирчивость скорѣе можетъ оттолкнуть вниманіе слушателей, чѣмъ привлечь. Тѣмъ болѣе не слѣдуетъ представлять народныхъ пороковъ въ иномъ свѣтѣ, противъ дѣйствительности, придавая имъ преувеличенное значеніе, и относиться слишкомъ строго къ такимъ явленіямъ, которыя хотя и не желательны, но болѣе или менѣе терпимы; но съ другой стороны не слѣдуетъ оставлять безъ вниманія вопіющихъ уродливостей, какихъ бы сторонъ жизни онѣ ни касались, и въ особенности тѣхъ фактовъ, которые доходятъ иногда до крайняго безобразія. Противъ нихъ нужно вооружаться всею силою пастырскаго слова и обличать нещадно²⁾.

Но при этомъ пастырю нужно знать хорошо и самого себя, и свою паству; равно необходимо, чтобы и паства знала его, какъ пастыря; иначе послѣдствія подобныхъ словъ могутъ выходить самыя нежелательныя. Высказанная преосвящ. Харьковскимъ Амвросіемъ въ университетскомъ словѣ мысль, что дѣло исправленія нравственной жизни каждый дѣятель долженъ прежде всего начать съ самаго себя, съ личнаго самопознанія и дѣятельнаго самоисправленія (Вѣра и Разумъ кн. 2), — мысль, которую

¹⁾ Народные толки и разговоры, вызываемые обличительнымъ пастырскимъ словомъ, еще не всегда могутъ свидѣтельствовать о благотворномъ вліяніи оного. Ред.

²⁾ Указываемыя ниже авторомъ условія, при которыхъ уиѣстно обличительное пастырское слово, скорѣе говорятъ о томъ, что пастырю проповѣднику, особенно молодому, нужно съ большою осторожностію обращаться къ такому слову. Ред.

многія газеты признали чуть-ли не за новооткрытую истину, — въ приложенія къ пастырской жизни и дѣятельности выражаетъ требованіе далеко не новое и не неизвѣстное. Это требованіе, обусловливаемое самымъ существомъ пастырскаго служенія, давнымъ давно предъявлялось и предъявляется къ духовенству со стороны и общества, и государства, и церковной власти. Давнымъ давно признано оно и большинствомъ пастырей церкви. Въ самомъ дѣлѣ какъ исправлять другихъ, не исправляя самого себя? Какъ указывать путь другимъ, и тѣмъ болѣе вести по нему, не зная этого пути? Какъ предъявлять къ другимъ такія требованія, которыя сознательно нарушаются самимъ? Какъ обличать нещадно пороки въ другихъ, которымъ причастенъ самъ? И какое вліяніе можетъ произвести на слушателей слово напр. противъ пьянства, если пастырь вчера самъ былъ пьянъ и вышелъ на кафедру съ похмѣльнымъ видомъ? противъ буйства, если третьяго дня самъ буянилъ въ семьѣ? противъ сквернословія и разврата, если недавно самъ произносилъ непотребныя слова? противъ несправедливости, если на каждомъ шагѣ самъ допускаетъ несправедливость? Не подумаютъ ли слушатели невольно: „врачу, нецѣлился самъ“? Да и возможно ли искренно карать словомъ тѣ пороки, которые свили себѣ гнѣздо въ собственномъ сердцѣ пастыря и живутъ, какъ добрые сожители, не тревожа особенно пастырской совѣсти? Такимъ образомъ отъ пастырской жизни всегда требовался и требуется, по самому существу пастырскаго служенія, добрый примѣръ. И только такой пастырь, не рискуя ничѣмъ, можетъ нещадно обличать пороки народной жизни; ибо слушатели во всякое время слово его примутъ, какъ слово авторитетнаго учителя, какъ слово добраго отца и попечителя, искренно радѣющаго о народномъ благѣ.

Пастырю нужно прежде всего достигнуть именно того, чтобы пасомые сознали и убѣдились въ томъ, что онъ не наемникъ, собирающій только волну съ овецъ, но истинный пастырь — отецъ и радѣтель, искренно, нелицемѣрно, до забвенія собственныхъ

интересовъ, заботящійся объ ихъ благѣ и въ особенности о ихъ спасеніи. Коль скоро пастырь достигъ этого,—пасомые болѣе или менѣе—въ его рукахъ. Они идутъ къ нему за совѣтомъ, за утѣшеніемъ, за вразумленіемъ, за назиданіемъ; они сносятъ отъ него не только жесткое слово, но и нещадное обличеніе, потому что убѣждены, что все это происходитъ не изъ побужденій пастырскаго эгоизма, а изъ побужденій любви пастырской, для которой невозможно терпѣть народныя безобразія. Но достигнуть этого пастырю весьма и весьма не легко, потому что жизнь издавна провела между пастыремъ и пасомыми глубокой ровъ, перешагнуть который ни съ той ни съ другой стороны сразу невозможно. И чтобы установить должныя отношенія, нужно сначала засыпать и уравнивать этотъ ровъ, для чего требуется и время, и усиліе, и трудъ со стороны пастыря, доходящій часто до самоотверженія.

Въ помощь церкви въ дѣлѣ религіозно-нравственнаго воспитанія народа въ настоящее время учреждены церковно-приходскія школы. Школа эта по существу своей задачи должна преслѣдовать тѣже цѣли, что и церковь, дѣйствуя на молодое поколѣніе. Она должна разчищать и удобрять почву юныхъ сердецъ для воспріятія слова Божія, содѣйствуя въ то же время самому воспріятію его и проведенію въ жизнь. Она должна возбудить въ душѣ ребенка религіозное чувство, любовь къ церкви и православію, съ тѣмъ, чтобы образовать изъ него и усерднаго христіанина, и добраго гражданина, и честнаго домохозяина. Жаль только, сказать къ слову, что этой цѣли хотятъ многіе достигнуть посредствомъ букварей, предназначенныхъ именно для церковно-приходской школы; ибо чѣмъ иначе объяснить появленіе цѣлой массы толковыхъ и безтолковыхъ букварей, какъ не желаніемъ содѣйствовать достиженію цѣлей церковно-приходской школы? А иные желаютъ содѣйствовать тойже цѣли начинаніемъ обученія съ церковно-славянскаго алфавита, а не съ гражданскаго, какъ это практикуется въ школахъ министерской. Но по

нашему плодить буквари—дѣло не настоящее, да и не ведущее къ цѣли; у насъ столько ихъ уже расплодилось, что чело-вѣку, незнакому съ педагогической практикой, очень легко запутаться въ этомъ лабиринтѣ толковыхъ и безтолковыхъ мето-довъ, способовъ, системъ, приѣмовъ, однихъ другимъ противопо-ложныхъ и въ то же время выдаваемыхъ авторами букварей за перлы новѣйшей педагогикъ; для знакомыхъ же съ педагогической практикой нѣтъ никакой надобности во всемъ этомъ хламѣ. Дости-гать посредствомъ букваря религіозно - нравственныхъ цѣлей—дѣло довольно хитрое, ибо у букваря есть своя специальная цѣль—научить ребенка разбирать книгу. Еще хитрѣе достигнуть тѣхъ цѣлей посредствомъ славянскаго алфавита; ибо алфавитъ самъ по себѣ не вложить въ сердце ребенка никакого чувства. Какъ бы то ни было, но по нашему убѣжденію церковно - при-ходская школа нуждается не столько въ букваряхъ, сколько въ хорошей христоматіи для чтенія. Хотя христоматію и потруд-нѣе составить, чѣмъ буквари; но она - то именно и нужна для церковно - приходской школы, а не букварь. Выучить ребенка разбирать книгу можно и по букварю, и даже безъ всякаго бук-варя—по передвижнымъ буквамъ; но въ томъ бѣда-то, что вы-ученному-то нечего дать читать. А потому люди, хорошо знако-мые съ началами здоровой педагогики, сдѣлали бы первостепен-ную услугу для церковно - приходской школы, если бы приняли на себя трудъ составить для нея христоматію на русскомъ и славянскомъ языкѣ. Въ составъ первой, по нашему разумѣнію, должны войти рассказы: изъ библейской и церковной исторіи, изъ житій святыхъ, изъ описанія святыхъ мѣстъ и замѣчательныхъ храмовъ, изъ русской гражданской исторіи, простонародныя по-ученія, статьи назидательнаго характера, библейскія изреченія и объясненіе богослуженія. Рассказы должны представлять закон-ченное цѣлое, а не отрывки, и быть написаны языкомъ легкимъ, живымъ, понятнымъ для дѣтей. Въ составъ второй должны войти тоже рассказы изъ библіи: притчи, чудеса и ученіе Спасителя

и Апостоловъ; доступные дѣтскому пониманію псалмы и молитвы, въ особенности употребляемые при богослуженіи. Такъ какъ и въ церковно-приходской школѣ нѣтъ основаній отступать отъ здравыхъ началъ педагогики, то весь этотъ матеріалъ долженъ быть расположенъ въ порядкѣ постепеннаго перехода отъ болѣе легкаго къ болѣе трудному, начиная съ самаго легкаго чтенія для переходящихъ отъ азбуки къ книгѣ. Желательно притомъ имѣть книгу не въ размѣрѣ букварей, а такую, чтобы доставить матеріалъ для чтенія на цѣлый курсъ церковно-приходской школы.

Но само собою понятно, что постановка учебнаго дѣла въ церковно-приходской школѣ, какъ бы она ни была хороша, сама по себѣ еще далеко недостаточна для выполненія цѣли религіозно - нравственнаго воспитанія. Въ этомъ отношеніи главное значеніе сосредоточивается въ законоучителѣ; на немъ лежитъ главный и существенно - важный трудъ пробудить религіозно-нравственное сознаніе въ ребенкѣ, раскрыть дѣтское сердце къ воспріятію христіанской истины, насадить послѣднюю, наблюдать за ея ростомъ, ухаживать за всходами и принимать всѣ мѣры противъ выростающаго тернія. Для возможнаго выполненія законоучителемъ этой задачи нужна иная постановка закона Божія, чѣмъ та, которая существуетъ въ училищахъ въ настоящее время; и законоучитель долженъ перестать представлять себя законоучителемъ въ общепринятомъ смыслѣ, т. е. преподавателемъ закона Божія, какъ учебнаго предмета. Известно каждому, въ какой мѣрѣ производитъ нравственное вліяніе на питомцевъ постановка закона Божія, какъ учебнаго предмета, не только въ низшихъ, но и въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ; иначе говоря: не производятъ никакого вліянія. И министерская народная школа не отъ того ли между прочимъ не принесла дѣлу религіозно - нравственнаго развитія никакой пользы, что законоучитель, въ силу необходимости, принужденъ былъ смотрѣть на законъ Божій, какъ только на учебный предметъ, и относиться къ нему, какъ къ учебному предмету, да еще поставленному ниже

другихъ. Законоучитель въ церковно-приходской школѣ долженъ быть въ собственномъ смыслѣ проповѣдникомъ. Мы не то разумѣмъ, что онъ долженъ говорить въ школѣ такія же проповѣди, что въ церкви; такая проповѣдь ребенку принесетъ, конечно, немного пользы; нѣтъ; онъ долженъ быть проповѣдникомъ въ смыслѣ провозвѣстника воли Божіей и учителя нравственности. Какую форму должны принять бесѣды законоучителя съ дѣтьми, указывать это, по нашему, — дѣло излишнее; ибо это дѣло его самаго, его взгляда, вкуса, способностей и т. п.; тутъ можно указать только самыя общія рамки для законоучительскихъ бесѣдъ, напр., чтобы законоучитель преподавалъ дѣтямъ первоначальныя молитвы, до молитвы Господней включительно, молитвы: „Богородице Дѣво“ и „Достойно есть“; изъ исторіи библейской: о сотвореніи міра, о грѣхопадении, о потопѣ, Авраамъ, Исаакъ, Іаковъ, Іосифъ, о Моисей, Давидъ и Соломонъ; о дванадцятихъ праздникахъ съ исторіей о страданіяхъ Спасителя; Символъ Вѣры и заповѣди. Другія и большія официальные требованія могутъ стѣснять его въ преподаваніи уроковъ нравственности. Само собою понятно, что при этихъ урокахъ дѣти будутъ знакомиться съ ученіемъ Спасителя, чудесами, притчами и богослуженіемъ; и кромѣ того будутъ знакомиться при чтеніи съ учителемъ. Да, если вся постановка обученія въ церковно-приходской школѣ будетъ основана на началахъ религіозно-нравственныхъ; если книга для чтенія будетъ составлена въ указанномъ нами видѣ; если вмѣстѣ съ тѣмъ книгою для чтенія будетъ служить (чему и должно быть) и Евангеліе, то отъ законоучителя и требовать большаго не представится особенной надобности.

Что же церковная проповѣдь со вѣбогослужебными бесѣдами и церковно-приходская школа, поставленные въ данномъ смыслѣ, сразу, или въ скоромъ времени благотворно воздѣйствуютъ на народъ и переродятъ его? Это вѣдаетъ одинъ Господь, и не наше дѣло предрекать будущность, состоящую не въ нашей власти. На основаніи опытовъ мы должны только замѣтить,

что какъ проповѣдь доселѣ съ великимъ трудомъ можетъ перерождать въ религіозно-нравственномъ отношеніи тѣ приходы, въ церквахъ которыхъ она раздается, потому что соблазны сильнѣе ея дѣйствуютъ на народную жизнь; такъ и отъ школы трудно ожидать безусловнаго вліянія на дѣтей, потому что она въ выполненіи своихъ задачъ будетъ парализоваться соблазнами народной жизни, представляемыми примѣрами общества и семьи, и отсутствіемъ всякаго содѣйствія ея цѣлямъ со стороны родителей дѣтей. Источникъ же зла, изъ котораго по нашему наблюденію, основанному на тысячныхъ опытахъ, происходитъ зло и распространяется деморализація въ народной жизни, есть почти ничѣмъ неограниченное народное самоуправленіе. Въ самомъ дѣлѣ что представляютъ изъ себя въ настоящее время сельскіе сходы и волостные суды? Часто пьяную ватагу безобразниковъ, не имѣющихъ нравственныхъ устоевъ, потерявшихъ всѣ нравственныя понятія о законѣ, долгѣ, чести, справедливости, готовыхъ за водку сдѣлать всякую гадость, учинить всякое безобразіе, оправдать хоть каторжника и наказать хоть самаго ангела, и даже отдать въ кабалу весь міръ и съ самими собою. А вѣдь отсюда дается тонъ и направленіе всей народной жизни. Каково же это направленіе? Каковъ этотъ тонъ? Судите сами. А мы между тѣмъ представимъ маленькую иллюстрацію изъ дѣятельности органовъ народнаго самоуправленія. Сынъ приколотилъ старика-отца; отецъ жалуется сельскому старостѣ; староста собираетъ сходку; виновный ставитъ, по требованію міра, внушительное количество водки; поублагодворявшись водкою, міръ даетъ виновному наставленіе: „Смотри Карпъ, коли ты еще дерзнешь отца; тогда замѣто ведра, поставишь два“. Вотъ и конецъ суда. А съ чѣмъ остался отецъ? И ему дается утѣшеніе: „Ты, Сидоръ Прохорычъ, коли сынъ опять дерзнетъ тебя, такъ не спускай ему; слынишь — не спускай; опять, значитъ, міру доложи: міръ потачки не дастъ“. Жалуется сосѣдъ на сосѣда въ обидѣ, собирается сходка; виновный ставитъ водки; міръ ублаговоряется, и въ состояніи убла-

женія принимается уже за праваго, требуя водки и съ него за то, что онъ побезпокоилъ міръ, и въ случаѣ отказа угрожая всевозможными притѣсненіями. Въ концѣ концовъ члены пьянаго парламента передерутся между собою, и затѣмъ растеряются по всему селу; а затѣмъ потянутся бабы собирать пьяныхъ мужей. Внутренняя картина!! Но что подбирать факты? Однако расскажем еще одинъ. Молодой парень, неразъ совершавшій кражи, носившійся неразъ надъ отцомъ съ ножомъ, разъ довольно внушительно поранившій односельскаго солдата, парень, котораго народная молва неразъ подозрѣвала въ поджогахъ и котораго боялись все жители села, по приговору окружнаго суда, за убійство односельскаго крестьянина, попалъ на два года въ острогъ. Срокъ истекаетъ; родительское сердце сожалеетъ, что по окончаніи срока тюремнаго заключенія сыночекъ пойдетъ въ Сибирь на вольное поселеніе, если общество не согласится принять его снова въ свою среду; и вотъ родитель ставитъ міру четыре ведра водки; міръ собирается въ старостиной хатѣ, ублаговоряется водкою, и пьяная ватага даетъ проскителю руки, съ общаніемъ составить требуемый приговоръ. Не правду ли мы сказали, что міръ за водку готовъ отдать въ кабалу себя самаго? Неужели, спросятъ, не нашлось въ обществѣ ни одного честнаго и благоразумнаго человѣка? Нашлись трое, но ихъ не только не послушали, но даже пригрозили, и теперь грозятъ имъ высылкою изъ общества. Что же при такомъ состояніи общества можетъ сдѣлать церковная проповѣдь? Что можетъ сдѣлать церковно-приходская школа? Въдѣ міру достаточно только показать ведро водки, чтобы заставить его забыть все настырскія наставленія. Такъ разшаталась жизнь народа и разшаталась отъ того именно, что ничѣмъ неограниченное самоуправленіе его превратилось въ ничѣмъ неограниченный произволъ, основывающійся на чисто животныхъ инстинктахъ. А что же волостные суды? Да обрисовывать дѣятельность этихъ судовъ значитъ повторить сказанное о мірскихъ сходкахъ съ тѣмъ только добавленіемъ, что въ

нихъ всё безобразія облакаются въ одежду законной формальности. „Что же, спросятъ насъ — вы желаете ограниченія правъ народнаго самоуправленія“? Да, необходимо ограничить права народнаго самоуправленія настолько, чтобы не было возможности творить подобныя представленнымъ безобразія, чтобы народное самоуправленіе не служило источникомъ и пособникомъ народной деморализаціи и не служило тормазомъ для религіозно-нравственной просвѣтительной дѣятельности церкви и школы. Нужно у общества вовсе отнять право суда и уничтожить волостные суды, поручивъ вѣдать дѣла тѣхъ и другихъ мировымъ судьямъ. Нужно закономъ воспретить общественное пьянство. Пусть оптимисты, если угодно имъ, окрестятъ насъ за это званіемъ ретрограда, обскуранта, или чѣмъ захотятъ, — все равно; искреннее убѣжденіе, не вѣтромъ притомъ навѣенное, а основанное на дѣйствительныхъ данныхъ, не боится никакихъ кличекъ¹⁾.

Итакъ, отцы и братія, трудное дѣло приводится намъ дѣлать! Но не будемъ смотрѣть на трудность задачи; лучше будемъ смотрѣть на самую задачу и бодро пойдемъ къ достиженію цѣли. Цѣль высокая и самая благотворная; и если мы мало что достигнемъ, и за то и церковь, и государство, и общество скажутъ намъ „спасибо“, если не теперь, то послѣ, когда сойдемъ со сцены.

Священникъ *Павелъ Руновскій.*

¹⁾ Судя по газетнымъ извѣстіямъ, наше высшее правительство въ настоящее время озабочено реорганизаціею крестьянскаго самоуправленія и уже сдѣлало нѣкоторыя ограниченія относительно крестьянскаго самоуправления.

Христіанство при свѣтѣ разума и опыта.

(Для домашнихъ бесѣдъ пастыря съ сомнѣвающимися въ вѣру).

I.

Границы разума и опыта.

Не мало можно встрѣтить въ наше время людей, отрицательно относящихся къ Библіи потому, какъ говорятъ они, будто въ ней содержится много противорѣчащаго законамъ природы, опыту всѣхъ и здравому разуму.

Пожалуй, мы могли бы допустить, что Св. Писаніе содержитъ нѣчто такое, повидимому противорѣчащее законамъ природы и опыту, но только подъ условіемъ, если противники наши согласятся съ нами въ томъ, что законы природы, подобно другимъ законамъ, должны имѣть виновника, который, какъ и всякій земной законодатель, можетъ для великой нравственной цѣли временно прекратить существующій законъ и замѣстить его другимъ, той цѣли соответствующимъ, и если согласятся также пока оставить въ сторонѣ тѣхъ, которые своимъ собственнымъ умомъ доказали, или утверждаютъ, что доказали, что библейскія сказанія и событія противорѣчатъ „всякому“ опыту.

Последній пунктъ — высочайшую разумность содержащагося въ Библіи ученія и изложенныхъ въ ней событій мы подробно изслѣдуемъ послѣ; теперь же рассмотримъ одинъ только косвенно съ нимъ связанный всеобщій фактъ.

Установимъ общую точку зрѣнія, рѣшивъ вопросъ, имѣютъ ли право считающіе ученіе библейское непонятнымъ для себя, а событія, рассказываемыя въ ней, противорѣчащими всякому опыту, имѣютъ ли право безъ дальнѣйшихъ разсужденій считать это ученіе ложнымъ, а эти событія невозможными?

Будучи еще школьникомъ, возвратившись однажды изъ школы домой, я началъ вслухъ твердить заданный изъ геогра-

фин урокъ о томъ, что земля шарообразна и движется вокругъ своей оси... Бывшіе при этомъ мои родные—простые неграмотные люди,—вслушиваясь въ заучиваемое мною, говорили между собою: „чему это его учать?!“ а кто-то изъ нихъ даже поставилъ меня въ недоумѣніе, сказавъ: „да если бъ это была правда, то пришлось бы летѣть внизъ, очутившись на другой сторонѣ... Что же? Измѣнилась ли отъ этого истина о формѣ и движеніи земли?.. Одинъ голландскій путешественникъ, посѣтивъ короля Сіамскаго, въ бесѣдѣ съ нимъ о своей европейской родинѣ, упомянулъ между прочимъ, что въ Голландіи въ извѣстное время вода становится столь твердою, что по ней могутъ ходить слоны. Добродушному королю не подъ силу было понять это; онъ обидѣлся даже на то, что чужеземецъ можетъ такъ шутить надъ нимъ и съ неудовольствіемъ сказалъ: „я вѣрилъ многому необычайному, что вы мнѣ рассказывали, такъ какъ считалъ васъ за честнаго, правдиваго человѣка. Но теперь убѣжденъ, что вы лжець... Но развѣ голландскій путешественникъ лгалъ!?—Вообразимъ себѣ, что мы выросли въ такой пустынѣ, гдѣ нѣтъ никакой растительной жизни, и что къ намъ прибылъ бы чужеземецъ, показалъ бы намъ горчичное сѣмя и сталъ утверждать, что изъ этого маленькаго сѣмечка можетъ выйти впоследствии растеніе и даже дерево, на вѣтвяхъ котораго птицы небесныя будутъ находить убѣжище... Вѣдь навѣрно бы все мы, или навѣрно большинство изъ насъ, подобно королю Сіамскому, прямо сочли бы говорившаго явнымъ лжецомъ; мы никакъ не повѣрили бы прежде всего тому, чтобы вещь могла расти, а тѣмъ болѣе, чтобы она могла достигнуть описаннаго путешественникомъ вида и величина. — Кто въ царствованіе Кесаря Августа могъ бы признать возможнымъ, что нѣсколько человѣкъ въ состояніи будутъ нѣкогда, въ короткое время, сдѣлать (набрать и отпечатать) книгу въ 100 тысячъ экземпляровъ? Кто могъ бы повѣрить тогда, что человѣкъ, разъ зарядивъ ружье, можетъ въ нѣсколько секундъ сдѣлать семнадцать выстрѣловъ разъ за разомъ? Кто даже три столѣтія

назадъ повѣрилъ бы, что нѣкогда въ 8—9 дней можно переплыть атлантическій океанъ, а почти въ 6 дней искрестить сѣверо-американскій континентъ? или что житель любого европейскаго города и даже мѣстечка будетъ въ состояніи въ нѣсколько минутъ освѣдомиться о состояніи здоровья своего друга, живущаго въ Новомъ Свѣтѣ? Кто нѣсколько лѣтъ тому назадъ считалъ бы возможнымъ, что когда либо въ Нью-Йоркѣ можно будетъ слушать концертъ, даваемый въ Чикаго? И не подлежитъ никакому сомнѣнію, что чрезъ 100 лѣтъ будетъ считаться возможнымъ и само собою понятнымъ то, что теперь кажется еще невозможнымъ или безсмысленнымъ.

Все это, думаю, въ достаточной мѣрѣ доказываетъ, что нашъ личный опытъ, наше собственное знаніе не всегда служатъ надежною мѣркою при оцѣнкѣ возможности и правдоподобности чего либо. Отчего въ указанныхъ случаяхъ являлись сомнѣвающіеся? Отчасти вслѣдствіе незнанія нѣкоторыхъ фактовъ, отчасти вслѣдствіе недостаточной развитости разсудка, а отчасти по той и другой причинѣ. Если бы напр. король Сіамскій зналъ въ общемъ ученіе о теплотѣ и былъ строгимъ мыслителемъ, то общезвѣстное явленіе, что отъ теплоты многія вещества, какъ напр. мѣдъ, воскъ, коровье масло и проч., приходятъ въ жидкое состояніе, отъ холода же снова дѣлаются твердыми, не было бы для него неизвѣстнымъ, а потому и образованіе льда не показалось бы явленіемъ невѣроятнымъ и невозможнымъ. Изъ вышеприведенныхъ примѣровъ легко вывести слѣдующія заключенія:

1) Всѣ мы болѣе или менѣе склонны недовѣрчиво относиться или считать невозможнымъ то, чего невозможно согласить съ имѣющимся у насъ опытомъ и знаніемъ; 2) что широкая вѣра не есть результатъ невѣжества, какъ нѣкоторые думаютъ, а скорѣе наоборотъ слѣдствіе расширявшагося кругозора познанаго, развитаго разсудка и богатаго опыта; 3) наконецъ, что способность человѣка вѣрить съ развитіемъ его познавательной способ-

ности и расширеніемъ его познанія и опыта не уменьшается, а увеличивается.

Для нашей собственно цѣли достаточно впрочемъ установить только и обосновать положеніе, что неспособность понять нѣкоторыя вещи, или даже находить противорѣчіе какого либо явленія или факта нашему собственному опыту, ничего не можетъ свидѣтельствовать противъ возможности и вѣроятности такого явленія или факта; при ограниченности познавательныхъ способностей человѣка, при узкости сферы его познаній и опыта, даже ученѣйшему мужу современнаго человѣчества многое можетъ показаться невозможнымъ не потому, что онъ много знаетъ, а наоборотъ потому, что знаетъ мало, не потому, что онъ просвѣщенъ, а потому, что многого не знаетъ. Для насъ важно теперь остановить вниманіе на другомъ пунктѣ—именно на отлѣчѣи, какое часто выставляють на видъ, между религіею и наукою по ихъ послѣднему основанію—вѣрѣ. Нерѣдко встрѣчается мнѣніе, что въ математикѣ все является строго доказаннымъ; точно также многіе изъ естествоиспытателей думаютъ, что ихъ область изслѣдованія въ послѣднемъ результатѣ основывается на опытѣ и потому заслуживаетъ безусловной вѣры; религія же, говорятъ, такого основанія недостаетъ, и потому она никогда не можетъ служить предметомъ познанія въ собственномъ смыслѣ. Мы высоко цѣнимъ математику и математическія доказательства; но когда намъ говорятъ, что въ математикѣ все до послѣдняго можетъ быть доказано, то мы должны указать на предпосылаемыя въ учебникахъ по этой наукѣ (въ 1-й главѣ) десять или пятнадцать аксіомъ, т. е. недоказываемыхъ положеній, на которыхъ въ концѣ концовъ опирается всякое доказательство. Если математику указать на это свойство большей части его положеній, то онъ, разумѣется, возразить, что если эти положенія и не могутъ быть доказаны, то онѣ и не нуждаются въ доказательствѣ, ибо понятны сами по себѣ. Но на это слѣдуетъ отвѣтить, что многія изъ этихъ положеній не такъ непосредственно ясны; между

тѣмъ какъ вѣра въ бытіе Бога и безсмертіе души для весьма многихъ, а можетъ быть и для всѣхъ, не находящихся или не находившихся подъ вліяніемъ софистическихъ ученій и учителей, является какъ нѣчто совершенно понятное. Если поэтому вѣрующій не можетъ представить математику нагляднаго доказательства своей вѣры, то его положеніе въ этомъ случаѣ ничуть не затруднительнѣе, чѣмъ положеніе математика, который напр. не можетъ доказать того положенія, что „если какая либо величина больше или меньше одной изъ двухъ равныхъ величинъ, то она больше или меньше другой“, но просто вѣрять или долженъ вѣрять ему.

Сказанное о математикѣ, именно, что эта столь прославленная наука въ послѣднемъ основаніи своемъ опирается на вѣру, можетъ быть одинаково примѣнено и къ законамъ мышленія вообще (логикѣ). Какъ бы кто ни сомнѣвался, какъ бы ни старался быть логичнымъ во всѣхъ своихъ мыслительныхъ процессахъ, все-таки, не отрицая всего, онъ не можетъ иначе, какъ свести мыслительные процессы къ положеніямъ, составляющимъ достояніе вѣры. Говоря опредѣленнѣе и яснѣе, мы можемъ привести здѣсь нѣкоторыя изъ тѣхъ основаній вѣры, на которыхъ каждый человѣкъ сознательно или безсознательно построяетъ свои мысли и умозаключенія. Вотъ главнѣйшія изъ нихъ:

1) Убѣжденіе въ томъ, что предметы, воспринимаемые нашими чувствами, дѣйствительно существуютъ, а не суть продуктъ нашей представляющей дѣятельности, какъ это утверждалъ идеализмъ Беркли.

2) Вѣра въ достовѣрность, въ извѣстныхъ границахъ, результатовъ дѣятельности душевныхъ способностей, т. е. вѣра, что если мы напр. ясно припоминаемъ извѣстное прошедшее событіе, то оно дѣйствительно такъ и случилось.

3) Убѣжденіе, что каждое дѣйствіе должно имѣть причину и причину именно соотвѣтствующую дѣйствию.

4) Убѣжденіе, что одна и таже причина при одинаковыхъ условіяхъ вызываетъ одинаковое дѣйствіе.

Тоже самое нужно сказать и относительно естествознанія. Какъ математикъ и логикъ не могутъ всего доказать, такъ естествоиспытатель не можетъ всего „испытать“, т. е. не можетъ усвоить всей совокупности знанія посредствомъ опыта; но также въ послѣдней ступени основывается на вѣрѣ. Здѣсь намъ нужно нѣсколько ближе всмотрѣться въ сущность того, что обыкновенно называютъ опытомъ. Что понимаютъ подъ опытомъ въ обыденномъ смыслѣ этого слова? Сумму тѣхъ знаній, которыя мы приобрѣли личнымъ знакомствомъ и изслѣдованіемъ вещей. Мы можемъ слѣдовательно опытомъ назвать только то, что въ теченіи нашей сознательной жизни случилось въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ мы имѣли возможность наблюдать и изслѣдовать эти вещи. Всякій человѣческій опытъ долженъ быть поэтому весьма ограниченнымъ и если бы естествоиспытатель захотѣлъ вѣрить только тому, что онъ самъ извѣдалъ и изслѣдовалъ, то его знаніе никогда не было бы обширнымъ. Но послѣднее предположеніе стоитъ въ самомъ явномъ противорѣчіи съ дѣйствительностью, такъ какъ самый рѣшительный скептикъ при чтеніи, ученыхъ занятіяхъ, обращеніи съ другими постоянно принимаетъ за истинное то, чего онъ не испыталъ, да и испытать самъ не могъ; слѣдовательно постоянно въ своей жизни, сознательно или безсознательно, болѣе изучаетъ вѣрою, чѣмъ опытомъ.

Изученіе исторіи далѣе почти всецѣло утверждается на основѣ вѣры. Но отвергаетъ ли изъ-за этого скептикъ исторію? Или пусть подумаютъ о тѣхъ знаніяхъ вообще, которыя приобретаются въ школѣ. Не получаютъ ли онѣ почти исключительно путемъ вѣры? Многіе ли даже изъ тѣхъ, которые воображаютъ себя всеизслѣдующими, задумались надъ тѣмъ, чтобы еще разъ хорошенько изслѣдовать и пересмотрѣть приобретенныя въ школѣ знанія и на опытѣ уяснить себѣ то, на основаніи чего они строятъ далѣе въ теченіи цѣлой жизни?

Кромѣ того, мы не можемъ также понять настоящимъ образомъ многого изъ того, что воспринимается чувствами. Мы видимъ, что предъ нашими глазами постоянно ключетъ бьетъ жизнь въ ея различныхъ формахъ и проявленіяхъ; мы сами жизнь и жизнь насъ окружаетъ всюду, куда бы мы ни обратились своими взорами. Знаемъ ли мы однако, понимаемъ ли, что такое жизнь? Спросимъ мудрѣйшаго изъ рационалистовъ, атеистовъ и матеріалистовъ, въ состояніи ли онъ самымъ понятнымъ образомъ представить основную причину безпрестанно продолжающейся отъ рожденія до смерти дѣятельности сердца? Или понимаемъ ли мы внутреннѣйшія причины дѣятельности нашихъ орудій чувства? Но должны ли мы изъ-за этого отрицать физиологію или подвергать сомнѣнію ея научный характеръ? Кому могла бы придти въ голову подобная мысль?

Кромѣ вышеупомянутаго чувственнаго опыта есть еще чисто духовный, т. е. такой, который мы получаемъ чрезъ разсмотрѣніе и изслѣдованіе собственныхъ душевныхъ состояній. Этотъ духовный опытъ составляетъ существенную основу психологіи, этики и истинной религіи. Онъ такъ же надеженъ, какъ и чувственный (заблужденія возможны какъ въ томъ, такъ и въ другомъ),—но отличается отъ послѣдняго къ великой выгодѣ для себя тѣмъ, что предметъ его—душу съ ея дѣятельностями и состояніями мы всегда и вездѣ носимъ съ собою, а потому во всякое время и на всякомъ мѣстѣ можемъ производить изслѣдованіе. Истинный психологъ, этикъ и человѣкъ сердечно религіозный имѣютъ совершенно такое же право говорить объ опытѣ, какъ и изслѣдователь чисто-матеріальнаго міра, такъ какъ послѣдній не имѣетъ ни удобнаго случая, ни времени, а часто не владѣетъ необходимымъ средствомъ для вторичнаго изслѣдованія и пересмотра того, что уже познано. Я созналъ это ясно около года тому назадъ, когда началъ изучать съ большимъ вниманіемъ геологію и астрономію, которыми немного занимался уже раньше. Для плодотворнаго занятія этими науками у меня не-

доставало всего возможнаго, именно самой сути (*perius rerum*), какъ то: камней, ископаемыхъ; не было также возможности постыть мѣста интересныя въ геологическомъ отношеніи; для астрономіи собственно у меня недоставало многихъ необходимыхъ инструментовъ, такъ что до сего времени обѣ эти науки требуютъ отъ меня гораздо большей вѣры, чѣмъ ученіе христіанское, высочайшую разумность и достовѣрность котораго я изслѣдовалъ и теперь еще ежедневно изслѣдую на пробномъ камнѣ своего собственнаго духа.

Въ заключеніе обратимъ вниманіе еще на одинъ чрезвычайно важный пунктъ, который при разсужденіи о настоящемъ предметѣ легко можетъ быть вынужденъ изъ виду. Истинная религія имѣетъ то общее съ психологіею, что самоизслѣдованіе служитъ для нея самымъ послѣднимъ основаніемъ; по существенно отличается тѣмъ, что истиннаго познанія въ области религіи можетъ достигнуть только тотъ, кто выполняетъ предписываемыя ею самою условія, какъ это весьма ясно выражено въ слѣдующихъ словахъ Спасителя: аще кто хочетъ творити волю (пославшаго Мя), разумѣетъ о ученіи, кое отъ Бога есть, или Азъ отъ себе глаголю (Іоан. 7, 17), и далѣе: аще вы пребудете во словесахъ моихъ, во истину ученицы мои будете, и уразумѣете истину и истина свободитъ вы (Іоан. 8, 31. 32).

Быть можетъ, кто либо спроситъ: имѣетъ ли религія право поставлять такія условія? Этому вопросу мы въ свою очередь противопоставимъ вопросъ: естествознаніе имѣетъ ли право требовать, чтобы всякій, стремящійся къ извѣстному результату, при достиженіи его приспособлялся къ условіямъ, имъ предписаннымъ? Можетъ ли напр. надѣяться на достиженіе этой цѣли тотъ, кто для приведенія воды изъ парообразнаго состоянія въ жидкое или наоборотъ изъ жидкаго въ парообразное въ первомъ случаѣ повысилъ бы температуру, а во второмъ—понизилъ? Можно ли когда либо ожидать полученія новаго вещества, приводя въ со-

прикосновеніе такіа вещества, между которыми нѣтъ химическаго сродства? Подобнымъ же образомъ человекъ, сознательно противящійся волѣ Божіей, никогда не можетъ надѣяться на обѣщанныя вѣрующему и благочестивому блага: познаніе, радость, миръ и пр. Въ выполненіи или невыполненіи поставленныхъ Богомъ условій и заключается рѣшеніе удивительной и однакоже часто встрѣчающейся загадки, почему простой, необразованный крестьянинъ владѣетъ болѣе яснымъ, глубокимъ и удовлетворительнымъ знаніемъ и опытомъ въ религіозныхъ предметахъ, нежели величайшій ученый и талантливѣйшій мыслитель. Обширный кругъ знаній, великая сила сужденія, жизненная опытность и проч. оказываютъ помощь христіанину, придаютъ ему большее значеніе и возвышаютъ радости его жизни; но истинное религіозное знаніе можетъ быть достигнуто только чрезъ то, что мы, по ученію Господа Спасителя, безусловно предаемъ свою волю волѣ Отца нашего небеснаго. Поэтому мы и заканчиваемъ этотъ отдѣлъ своего изслѣдованія словами Премудраго: начало премудрости — страхъ Господень.

Бесѣда Іисуса Христа съ фарисеями о преда- ніяхъ старцевъ¹⁾).

Глава 15. Ст. 1. Тогда приступиша ко Іисусови иже отъ Іерусалима книжники и фарисее, глаголюще: почто ученицы твои преступаютъ преданіе старецъ; не умываютъ бо рукъ своихъ, егда хлѣбъ ядятъ. Во всѣхъ 12 колѣнахъ были книжники и фарисей; но зѣбо другихъ были іерусалимскіе, какъ живущіе въ столицѣ и потому болѣе надменные. Видя велькую вѣру народа, они ста-

¹⁾ Зигабена Толков. см. № 23-а.

рались уменьшить ее. Такъ какъ въ Иисусѣ Христѣ они ничего не могутъ порицать, то обвиняютъ учениковъ въ нарушеніи не закона, а человѣческаго предписанія; такъ какъ не было прежде умовенія повелѣвать не божественный законъ, а старцы народные. Маркъ говоритъ: фарисее бо и вси Иудее, аще не трыюще умываютъ рукъ, не ядятъ, держаще преданія старецъ: и отъ торжища, аще не покулятся, не ядятъ: и ина многа суть, яже пріяша держати: погруженія стеклянницамъ и чваномъ и котломъ и одромъ. Такъ говоритъ Маркъ (7, 3—4). Умывать трыюще (τρύψω) значитъ умывать до локтя. Омывали чаши, кружки, котлы и скамьи, дѣлая ихъ такимъ образомъ освящать. Дѣлали они много и другихъ нововведеній, нарушая законъ и соблюдая эти смѣшныя вещи. Но ученики, не слѣдуя этому, часто бѣли неумытыми руками. Почему же такъ? Никогда не соблюдая ничего подобнаго, но заботясь объ одной только добродѣтели, они презирали тѣлесныя нужды, такъ какъ это нисколько не могло вредить душѣ.

Ст. 3. Онъ же отвѣщаявъ рече имъ: почто и вы преступаете заповѣдь Божию за преданіе ваше. Не сказали, что ученики хорошо дѣлаютъ преступая, дабы не подать іудеямъ повода къ спору,—не сказали, что и худо они поступаютъ, дабы не подтвердить такого рода преданіе; равнымъ образомъ не порицаетъ и передавшихъ это преданіе, дабы сами книжники и фарисеи не отвратились отъ Него, какъ надменнаго, но тотчасъ же съ своей стороны обвиняетъ ихъ въ большемъ преступленіи, показывая, что преступающимъ заповѣдь Божию не должно порицать преступающихъ человѣческое преданіе. Потомъ говоритъ, и какую заповѣдь Божию они преступаютъ, и ради какого своего преданія,—и обнаруживаетъ наиболѣе распространенное тогда преступленіе.

Ст. 4. Богъ бо заповѣда, глаголя: чти отца, и матеръ: и, яже злословить отца, или матеръ, смер-

тію да умереть. Обѣ эти заповѣди находятся въ книгѣ Исходъ.

Ст. 5. Вы же глаголете: иже аще речеть отцу, или матери: даръ, иже бы отъ мене пользовался еси... Затруднительно здѣсь расположеніе словъ, особенно если напередъ не разъяснить содержанія. Старѣйшіны іудейскіе учили юношей подъ видомъ благочестія презирать родителей. Если кто изъ родителей хотѣлъ взять у сына овцу, или теленка, или другое что-нибудь, то они научали говорить: даръ Богу то, чѣмъ бы ты отъ меня пользовался, т. е. посвящено Богу то, что ты желалъ бы отъ меня приобрести. Такимъ образомъ они учили непочитать родителей и преступать законъ, такъ какъ обманъ родителей дѣтми есть непочтеніе со стороны послѣднихъ и нарушеніе закона: и родителей они лишали нужной вещи подъ предлогомъ дара Божія, и Богу не приносили. Таковъ здѣсь смыслъ. Теперь нужно объяснить и самыя выраженія. Вы же глаголете, т. е. вы изъясняете, вы научаете обмалу того человѣка, который говорить отцу или матери: даръ, иже бы отъ мене пользовался еси, т. е. то, что ты желалъ бы отъ меня приобрести.

(Другіе объясняютъ это выраженіе эллиптически: Богъ заповѣдалъ и то и другое, а вы, отвергая это, говорите, что свободенъ отъ вины всякій, кто скажетъ отцу или матери корванъ, т. е. даръ Богу то, чего просятъ. Говорятъ, что это опущено, какъ извѣстное іудеямъ, къ которымъ была направлена рѣчь).

Ст. 5... И да не почтять отца своего, или матери. И такой человѣкъ, ставши безстыднымъ, потомъ уже не будетъ почитать родителей своихъ.

Ст. 6. И разористо заповѣдь Божію за преданіе ваше. Доказавши яено, что оны учатъ преступать законъ, — тѣмъ самымъ освободили отъ обвиненія и Своихъ учениковъ, не соблюдающихъ преданія тѣхъ, которые сами не соблюдаютъ заповѣди Божіей.

Ст. 7. Лицеѣри, добръ пророчествова о васъ Исаіа... Назвалъ ихъ лицеѣрами, потому что повидимому только они соблюдали законъ, а на самомъ дѣлѣ нарушали. Приводитъ и пророка, который нѣкогда обвинялъ ихъ въ томъ же, въ чемъ и Онъ обвиняетъ,—и показываетъ, что это Онъ Самъ говорилъ чрезъ пророка.

Ст. 7. 8. 9... Глаголя: приближаются мнѣ людіе сіи усты своими, и устнами чтутъ мя: сердце же ихъ далече отстоитъ отъ мене. Все же чтутъ мя; учаще ученіемъ, заповѣдемъ человѣческимъ. Сказавши: приближаются мнѣ усты, пояснилъ это, прибавивъ: и устнами чтутъ мя, признавая Меня Богомъ, Творцемъ и Господомъ вселенной. Но сердце ихъ далеко отстоитъ отъ Меня, не приближался къ Моимъ желаніямъ. Итакъ тщетно они чтутъ Меня, потому что не соблюдаютъ Моихъ заповѣдей, но учатъ такимъ ученіемъ, которыя составляютъ заповѣди человѣческія, а не Божіи. Убюмся же и мы, народъ Христовъ, чтобы это не было сказано и противъ насъ.

Ст. 10. И призвавъ народы, рече имъ... Посрамивши и заставивши замолчать, оставилъ ихъ какъ неисцѣлимыхъ, а обращаетъ слово къ народу, какъ болѣе достойному.

Ст. 11. Слышите и разумѣйте. Слушайте то, что скажу, и разумѣйте это. Говорить такъ, оказывая имъ честь, чтобы легче было принять то, что намѣренъ сказать.

Ст. 11. Не входящее во уста скверняетъ человека..., скверняютъ, т. е. дѣлаетъ нечистымъ. Итакъ говорить: не нечистота отъ неумытыхъ рукъ, входящая во уста вмѣстѣ съ пищею, оскверняетъ человека, такъ какъ она не касается души, а оскверняетъ только грѣхъ, такъ какъ онъ вредитъ душѣ. Таково самое близкое изъясненіе этого изреченія. Но говорить, что здѣсь скрыто и другое болѣе глубокое, именно, что ничто, происшедшее отъ Бога, не можетъ быть нечистымъ по природѣ. Моисей говорить: и видѣ Богъ вся, елика

сотвори: и се добра зѣло (Быт. 1, 31). Этимъ болѣе глубокимъ изъясненіемъ, говорятъ, отвергается наблюдавшаяся іудеями разборчивость относительно пищи. Между тѣмъ какъ законъ о пищѣ имѣетъ символическое значеніе, іудеи, не будучи въ состояніи понять ничего возвышеннаго, понимали все тѣсно и обращали вниманіе на внѣшность.

Ст. 11... Но исходящее изъ устъ, то сквернитъ человѣка. Изъ устъ выходитъ всякое слово, но тутъ говорить только о худомъ, которое имѣетъ своимъ источникомъ сердце. Потомъ поясняетъ то, что здѣсь сказано неясно.

Ст. 12. Тогда приступльше ученицы его, рѣша ему: вѣси ли, яко фарисее слышавше слово соблазнишася. Какое слово? Очевидно это: не входящее во уста сквернитъ человѣка,—такъ какъ оно разрушало преданіе старцевъ.

Ст. 13. Онъ же отвѣщавъ рече: всякъ садъ, егоже не насади Отецъ мой небесный, изкоренится. Садомъ (φοτεῖα—растеніе) здѣсь называетъ преданіе старцевъ и заповѣди человѣческія.

Ст. 14. Оставьте ихъ..., какъ неисцѣлимыхъ. Поэтому и не врачуешь соблазна ихъ, зная, что ничто не принесетъ имъ пользы.

Ст. 14... Вожди суть слѣпи слѣпцемъ. Называетъ ихъ слѣпыми, потому что потокъ срастей ослѣпилъ ихъ душевный глазъ, и они не могутъ взирать на свѣтъ истины. Мало того, они являются сами вождями ослѣвленныхъ влѣдствіе незнанія Писаній. Большое зло быть слѣпымъ,—но при собственной слѣпотѣ быть вождемъ другаго слѣпца—это конечно двойное зло.

Ст. 14... Слѣпнецъ же слѣпца еще водить, оба въ яму впадутъ. Это—понятно.

Ст. 15. Отвѣщавъ же Петръ рече ему: скажи намъ притчу сію. Маркъ (7, 17) сказалъ: и егда вииде

въ домъ отъ народа, вопрошаху его ученицы его о притчи. Когда Петръ началъ, то и другіе вмѣстѣ спрашивали. Притчею евреи называютъ загадочное и всякое пеленное изреченіе. Такъ какъ Христосъ выше сказалъ: исходящее изоустъ, то сквернитъ человѣка (Матѣ. 15 11), а затѣмъ, какъ говорить Маркъ (7, 16), прибавилъ: аще кто ямать уши слышати, да слышитъ, то эти слова показались имъ неясными, и потому, называя ихъ притчею, спрашиваютъ относительно этихъ словъ.

Ст. 16 и 17. Иисусъ же рече имъ: сдѣлайте ли и вы безъ разума есте; Не у ли разумѣваете, яко всяко, еже входитъ во уста, во чрево вмѣщается, и афедронѣмъ исходитъ. Единаче, вмѣсто: доселѣ еще.

Все это нужно читать вопросительно. Маркъ (7, 19) сказавши: и афедронѣмъ исходитъ, присоединяетъ: истребляя вся брашна, т. е. чистыя оставляя. Нечистота, о которой выше было сказано, выходитъ въ афедронъ, а вся чистая пища остается внутри,—разумѣется сколько удержитъ природа.

Ст. 18. Исходящая же изоустъ, отъ сердца исходятъ, и та сквернитъ человѣка. И въ двѣнадцатой гл. (34 ст.) сказалъ, что отъ избытка сердца говорятъ уста. Сначала является въ сердцѣ желаніе, а потомъ это желаніе мы высказываемъ устами. Извиѣ входящее виѣ потомъ выходитъ, а изнутри выходящее внутри же потомъ остается и оскверняетъ.

Ст. 19. Отъ сердца бо исходятъ помышленія злая, убійства, презубодѣнія, любодѣнія, татбы, лжесвидѣтельства, хулы. Маркъ (7, 22) исчисляетъ пространіе: лихоимства, лукавствія, лость, студодѣнія, око лукаво, гордыня, безумство. Говоря коротко и просто, помышленія злыя—это вредныя пожеланія; убійство, воровство, лжесвидѣтельство, лихоимство, лость и гордость—попятны;—прелюбодѣніе—входитъ къ имѣющей мужа,—любодѣніе—къ неимѣющей; хула—есть оскорбленіе Бога, или неблаго-

дарность по отношенію къ Нему, или порицаніе Его; лукавство— злоумышленіе противъ кого-либо или предположеніе относительно его такое, котораго не должно быть; студодѣяніе— мужеложство и всякое другое такого же рода распутство; окомъ лукавымъ называется зависть; безумство— по преимуществу есть незнаніе Бога: рече безуменъ, говорителъ, въ сердцѣ своемъ: я вѣстъ Богъ (Пс. 13, 1). Есть множество и другихъ видовъ зла, но Христосъ пропустилъ ихъ здѣсь, потому что и перечисленныхъ достаточно для различенія ихъ. Сказалъ, что они исходятъ отъ сердца, потому что изъ него они берутъ свое начало. Началомъ такимъ служатъ помыслы, обыкновенно вытекающіе изъ сердца. А если они выходятъ изъ сердца, то конечно выходятъ и изъ устъ, такъ какъ отъ кипѣнія въ сердцѣ на подобіе дурной жидкости избытокъ долженъ извергнуться.

Ст. 20. Сія суть сквернища чловѣка: а еже не умовенными рукама лсти, не сквернитъ чловѣка. Зналъ, что оскверняютъ чловѣка, и мы отвергнемъ нечистоту, которая оскверняетъ душу. Обмой тѣло цѣлыми рѣками, ничего не поможетъ, если будетъ нечистою та, которая оmyвается слезами и чистотою добродѣтелей.

Сторождъ.

(Мысли св. Тихона Задонскаго о пастьрствѣ).

Видишь въ мірѣ, что различные сторожи поставляются: инии хранятъ градъ, инии хранятъ домъ, инии иное хранятъ поставляются; и хранятъ, къ чему приставлены бывають. Тако епископы и пресвитеры избираются и поставляются хранить души христіанскія, въ смотрѣніе имъ порученныя. Имъ приличествуетъ слово оное Божіе, которое святому пророку Іезекілю сказано: сыне человѣчъ, въ стража дахъ ты дому Израилеву. Сторожа, которые приставлены бывають хранить дома и

грады и прочая, хранятъ отъ злыхъ людей. Епископы и пресвитеры отъ кого хранить должны души христіанскія? Отвѣтъ Апостолъ святой указываетъ, глаголя: трезвитесь, бодрствуйте, зане суноstattъ вашъ діаволъ, яко левъ рыкая, ходитъ искій кого поглотити. О какъ лютой врагъ, отъ котораго надобно храниться христіанамъ! О какъ искуснымъ и бодрственнымъ надобно быть сторожамъ, которые христіанъ отъ врага того сохраняютъ! Желаетъ и ищетъ онъ не домовъ нашихъ, ни городовъ нашихъ взять, но души наши плѣнить; но имѣніе наше, золото, серебро и прочее вещество отнять у насъ, но спасеніе вѣчное, кровію и смертію Христовою смыканное, похитить тщится. И столько лукавъ и хитръ, сколько золъ. Учится того злаго своего искусства отъ начала міра; знаетъ, какъ приступать, какъ обмануть, какъ прельстить человека, какъ къ нему подкрасться и проч. Крадетъ и похищаетъ онъ спасеніе наше чрезъ невѣріе, ереси, расколы и всякій грѣхъ. Отъ такого и такъ лютаго и хитраго врага хранятъ души христіанскія поставляюся епископы и пресвитеры. Не дремли убо, о возлюбленне, но трезвися и бодрствуй и храни порученныя тебѣ души; остерегай и возвѣщай людямъ злый и пагубный приходъ его. Будешь на стражи бодренно стоять, когда будешь непрестанно людямъ Божіе слово говорить, увѣщавать и молить ихъ по правилу того жить, и житіе свое исправлять; въ сердцахъ ихъ насаждать вѣру, страхъ Божій вкоренять, предостерегать отъ грѣха и поощрять къ добродѣтели; напоминать имъ о Бозѣ, чего Онъ отъ насъ хочетъ и требуетъ,—о Христѣ Спасителѣ міра, о житіи Его на земли, страданіи, смерти и воскресеніи Его, и чего ради такъ велико и чудно дѣло сотворилося, и что мы должны Ему за сію такъ великую Его любовь къ намъ показанную; также показывать, въ чемъ вѣра и невѣріе, въ чемъ добродѣтель и грѣхъ, ложь и истинна состоятъ и проч. Сія есть должность епископа и пресвитера, душъ христіанскихъ сторожа. Стереги убо и храни домъ Израилевъ-церковь, тебѣ порученную,

которая есть домъ Вожій. Стереги церкви, но прежде самъ себе храни и стереги, и стереги со всякимъ опасеніемъ. Ибо врагъ нашъ никого болѣе не ищетъ низложить, какъ пастыря. На войнѣ видимый врагъ о томъ болѣе тѣдится, какъ бы караулъ скрасть, который воинства остерегаетъ: тако врагъ христіанскій, діаволь, ни о чемъ болѣе не тѣдится, какъ пастырей, душъ христіанскихъ стражей, восхитить и плѣнить. Берегись убо, возлюбленне; береги людей и самъ берегись. Онъ невидимо обходитъ насъ и ищетъ насъ поглотить. Насъ онъ видитъ, но мы его не видимъ. Однакожь злый духъ отъ злаго запаха и вони познается. Убо когда другихъ бережешь и предостерегаешь, то прежде береги себе и предостерегай. Како будешь другихъ предостерегать и берещи, когда самъ себе не будешь берещи? Како другихъ будешь отъ грѣха отвращать, когда самъ отъ грѣха не отвращаешься? Како будешь другихъ къ добродѣтели поощрять, когда самъ добродѣтели не прилежишь? Услышишь въ совѣсти твоей обличительное слово: врачу, ищѣлися самъ. Читай первое и второе къ Тимоѣю и къ Титу посланіе ап. Павла и разсуждай прилежно и увидишь тамо, како должно тебѣ и себе самого и порученныя тебѣ души христіанскія хранить. Буди убо, возлюбленне, сторожъ вѣрный, бодрый и неусыпный себе самого и душъ христіанскихъ, не серебромъ и златомъ, но Христовою кровію купленныхъ. Имѣни за всѣхъ ихъ отвѣтъ дати предъ Судіею праведнымъ, Который пречистую кровь Свою за нихъ излилъ. Разсуждай сіе, помни, внимай себѣ и всему стаду твоему, берегись и береги. Сильно есть оружіе противу врага невидимаго молитва. Молись убо самъ и научай молиться людей твоихъ. Взаимная молитва есть, какъ крѣпкая стѣна противу врага, т. е. когда пастырь за людей усердно и съ любовью молится, и люди за пастыря отъ сердца къ Богу вопіютъ. За себя самого молиться пужда и бѣда убѣждаетъ, но за ближняго молиться убѣждаетъ любовь. На видимой войнѣ вси воины полководца берегутъ и защищаютъ отъ врага, яко въ цѣлости его и ихъ цѣлость со-

стоять; тако и на невидимой войнѣ всѣмъ христіанамъ начальника своего—пастыря молитвою должно защитить противу врага; отъ его бо цѣлости и ихъ цѣлость зависить. Когда пастырь добръ и мудръ, то и овцы находятся въ добромъ состояніи. Когда таковая взаимная любовь показуется, тогда Самъ Богъ хранить и пастыря, и стадо, безъ Котораго всякое тицаніе не сильно, по писанному: аще не Господь созиждетъ домъ, всее труждаются зыждущіе; аще не Господь сохранитъ градъ, всее бдитъ стрегій.

Пророкъ святый своимъ примѣромъ показываетъ, откуда намъ приходитъ помощь и храненію, и глаголетъ: возведохъ очи мои въ горы, отиюду же прїидетъ помощь моя. Помощь моя отъ Господа, сотворшаго небо и землю.

Редакторъ Ректоръ Киевской Духовной Семинаріи Архимандритъ *Ириней*.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 28 мая 1885 г. Цензоръ прот. М. Богдановъ.
Тип. Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайлов. ул., собств. домоу.

Годъ

XXVI.

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СВЯТЫХ ПАСТЫРЕЙ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
пять руб., съ пересылкою шесть
рублей серебромъ.

№ 25.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Кіевской
духовной семинаріи.

1885 года, Іюня 16-го.

Содержаніе: Что требуется отъ священника, дѣйствующаго среди расколь-
никовъ, для успѣшнаго вразумленія и обращенія ихъ къ правосла-
вію?—Христіанство при свѣтѣ разума и опыта.—Торжествующее диа-
конство.—Церковное и обыкновенное чтеніе.

**Что требуется отъ священника, дѣйствующаго среди рас-
кольниковъ, для успѣшнаго вразумленія и обращенія ихъ
къ православію?**

Вразумленіе раскольниковъ—дѣло очень не легкое, а потому
мы желаемъ подѣлиться съ своими собратіями, дѣйствующими
среди раскольниковъ, особенно молодыми, своими наблюденіями
надъ расколомъ, и указать нѣкоторые условія необходимыя для
успѣшнаго воздѣйствіи на расколъ. Напередъ оговариваемся,
что мы не претендуемъ на компетентность и опытность въ мис-
сіонерскомъ противораскольниковскомъ дѣлѣ, и если рѣшаемся за-
явить о своихъ наблюденіяхъ надъ расколомъ и о нѣкоторыхъ
мѣрахъ къ ослабленію его, то въ надеждѣ, что другіе, приобрѣт-
шіе уже опытность и съ пользою потрудившіеся въ расколни-

ческомъ приходѣ, подѣлится и съ нами своими замѣчаніями, совѣтами и указаніемъ болѣе вѣрныхъ и цѣлесообразныхъ мѣръ къ вразумленію раскольниковъ. Во всякомъ случаѣ, чѣмъ болѣе будетъ обмѣна мыслей между нами по вопросу о расколѣ, тѣмъ менѣе трудно и болѣе вѣрно будетъ вразумленіе заблуждающихся.

По нашему мнѣнію, первое и главное требованіе отъ священника, дѣйствующаго въ раскольническомъ приходѣ,—это (по силѣ личныхъ нравственныхъ качествъ) знаніе ученія раскольниковъ. Хотя раскольники и считаются невѣждами, людьми чуждыми всякаго образованія, но и между ними есть лица очень начитанныя, старающіеся ложное свое вѣроученіе отстоять на нѣкотораго рода основаніяхъ. Посему священнику, не изучившему спеціально раскола и мало практиковавшемуся въ раскольническомъ приходѣ, необходимо знать не только положительное ученіе православной Церкви, но и всѣ мнѣнія раскольническія и всѣ основанія, которыя расколуучители приводятъ въ защиту своего ученія.

Раскольники всегда, съ кѣмъ бы они ни говорили о вѣрѣ, любятъ подтверждать свои доводы цитатами, того же требуютъ и отъ другихъ. Какъ вы не доказывайте раскольниковъ какую нибудь истину, говоря, что я въ Св. Писаніи есть доказательства этого, онъ вамъ не повѣритъ на слово, а непремѣнно спроситъ: гдѣ же это писано? На этотъ вопросъ нужно обстоятельно отвѣтить: въ такой-то-де книгѣ, такая-то глава и такой-то стихъ. Если не отвѣтишь такимъ образомъ, то раскольникъ ужъ будетъ считать тебя не знающимъ Св. Писанія, а самъ въ то время укажетъ нѣсколько главъ и стиховъ Св. Писанія, въ подтвержденіе своей мысли. Извѣстно, что по-раскольнически тотъ умнѣй, кто больше паизуетъ знаетъ текстовъ и можетъ сказать, въ какой они главѣ и въ какомъ стихѣ какой книги. Поэтому и священнику нужно позаботиться запомнить побольше цитатовъ изъ различныхъ книгъ Св. Писанія на главные спорные вопросы. Нужно знать, или по крайней мѣрѣ имѣть у себя, и правила

апостоловъ, вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ, и св. отцевъ, потому что на эти правила раскольники часто ссылаются для подтвержденія своихъ мыслей и, искажая смыслъ этихъ правилъ, неправильно толкуютъ ихъ. Никакъ не слѣдуетъ священнику пренебрежительно относиться и къ старопечатнымъ раскольническимъ книгамъ, на которыя раскольники особенно любятъ ссылаться въ подтвержденіе своихъ мнѣній, а напротивъ съ уваженіемъ относиться къ этимъ книгамъ и въ бесѣдахъ о вѣрѣ даже употреблять выраженія, заимствованныя изъ Маргарета, Кирилловой книги и др. Тогда раскольники невольно заинтересуются любовію священника къ своимъ старопечатнымъ книгамъ и не только не будутъ уклоняться отъ него, но и сами будутъ искать случая говорить съ нимъ о предметахъ вѣры. Внимательное отношеніе священника къ старопечатнымъ книгамъ и тщательное изученіе тѣхъ мѣстъ изъ этихъ книгъ, на которыя раскольники особенно ссылаются, откроетъ для него и болѣе вѣрный путь къ празумленію заблуждающихся. Вѣдь и источникъ расколушенія заключается не столько въ старопечатныхъ книгахъ, сколько въ неправильномъ толкованіи различныхъ мѣстъ этихъ книгъ, а потому — какъ скоро будетъ показано раскольникамъ правильное пониманіе различныхъ мѣстъ въ любимыхъ ими книгахъ, будетъ найдено вѣрное средство къ привлеченію заблудившихся въ Церковь Христову.

Вообще, въ бесѣдахъ съ раскольниками о предметахъ вѣры, а особенно съ пачетчиками, сильными въ словѣ, нужно избѣгать голословныхъ сужденій и отвѣтовъ неточныхъ и неопредѣленныхъ. Насколько это важно, читатель можетъ судить по слѣдующему факту: одинъ изъ окончившихъ курсъ семинаріи, пробывъ два года псаломщикомъ, посвященъ былъ во священника въ раскольническій приходъ. Въ первый воскресный день послѣ службы, при выходѣ изъ церкви, его встрѣтила толпа раскольниковъ. „А какъ ты, батюшка, будешь молиться: по-нашему или по-своему“ (т. е. двуперстемъ или трехперстемъ)? спросили его нѣко-

торые изъ толпы. Священникъ, недолго думая, отвѣтилъ: „конечно по-своему (подразумѣвая трехпересте), потому что вы неправильно молитесь“. Не успѣвъ опъ этого сказать, какъ вся толпа заговорила вдругъ: вы-де еретики,—не такъ молитесь и т. д. Священникъ рѣшительно сталъ вступикъ, и придя домой долго размышлялъ объ этомъ. Но довольно было перваго впечатлѣнія, и ужъ раскольники составили себѣ невыгодное понятіе о священникѣ, и послѣдній надолго потерялъ авторитетъ въ глазахъ первыхъ. Онъ-де и говорить-то не умѣетъ, и своихъ словъ ничѣмъ не подтверждаетъ, и подобное. А ему нужно было на ихъ вопросъ отвѣтить такъ: я-де буду молиться такъ, какъ повелѣваетъ мнѣ святая, соборная, апостольская, восточная, греко-россійская Христова Церковь. Этотъ случай показываетъ, что священникъ долженъ отвѣчать на вопросы раскольниковъ точно, ясно и опредѣленно.

Познакомившись съ убѣжденіями своихъ прихожанъ-раскольниковъ и запасшись необходимыми свѣдѣніями для вразумленія ихъ и возбудивъ ихъ вниманіе къ себѣ толковыми отвѣтами на вопросы ихъ о тѣхъ или другихъ преданіяхъ вѣры, священникъ все усилія долженъ направить къ тому, чтобы прежде всего и главнымъ образомъ расположить въ свою пользу начетчиковъ. Каждый раскольническій приходъ можно раздѣлить на двѣ партіи, изъ которыхъ одна слѣдуетъ обычаямъ и обрядамъ старины по любви къ старинѣ, а другая—большая слѣпо и безотчетно слѣдуетъ за нею и болѣе потому, что первая состоитъ изъ начетчиковъ-сильныхъ въ словѣ. Поэтому, если священникъ благотворно подѣйствуетъ на начетчиковъ, то онъ можетъ быть въ полной увѣренности, что слѣпые послѣдователи старины добровольно будутъ готовы отказаться отъ своихъ убѣжденій. Если какой либо начетчикъ присоединится къ православной Церкви, то за нимъ присоединятся и толпа его послѣдователей, что доказано многими фактами. А подѣйствовать на того или другаго начетчика можно подъ тѣмъ условіемъ, если съ уваженіемъ отно-

сигься какъ лично къ нему самому, такъ и къ старопечатнымъ книгамъ, а равно терпѣливыми и разсудительными отвѣтами на все его возраженія. Послѣ начетчиковъ нужно обращать особенное вниманіе на женщинъ-раскольниковъ. Извѣстно, что въ расколѣ женщины имѣютъ большое вліяніе на мужчинъ: нѣкоторыя секты только и крѣпки и поддерживаются женщинами. Посему должно священнику располагать къ себѣ женщинъ-раскольниковъ. И какъ скоро это будетъ достигнуто, то расколъ въ приходѣ сильно будетъ поколебленъ.

Само собою разумѣется, что для успѣшнаго воздѣйствія на расколъ нужно не годъ—не два; для этого нужно много времени, труда, терпѣнія и выжиданія; для этого нужно посвятить всю свою жизнь на служеніе въ раскольниковскомъ приходѣ. Извѣстно, что раскольниковское вѣроученіе освящаетъ множество самыхъ грубыхъ пороковъ. Браки самокруты, открытый развратъ, зависть къ православнымъ,—все это порожденіе раскольниковскаго ученія и все это основывается на грубыхъ совершенно ложныхъ убѣжденіяхъ. Если священнику трудно бываетъ искоренить извѣстные пороки между православными, то гораздо труднѣе сдѣлать это съ раскольниками, потому что они свои пороки основываютъ на ложныхъ понятіяхъ о самомъ добрѣ, и ложныхъ убѣжденіяхъ. Отсюда понятно, что священникъ, поступивши въ раскольниковскій приходъ, долженъ обречь себя на безвыходное пребываніе въ немъ, если онъ жаждетъ принести пользу. Вѣдь только постояннымъ трудомъ, трудомъ цѣлой жизни онъ можетъ искоренить раскольниковскія заблужденія и привести ихъ въ лоно православной Церкви.

Весьма полезно священнику, подвизающемуся въ раскольниковскомъ приходѣ, вести дневникъ или журналъ, въ который неопустительно нужно записывать свои наблюденія надъ раскольниками. Помѣщая въ журналъ полный списокъ раскольниковъ и раскольниковъ, противъ каждаго и каждой изъ нихъ нужно дѣлать замѣчанія относительно того, насколько они сильны въ словѣ;

какихъ преимущественно заблужденій держатся; какіе подавались имъ совѣты; какое дѣйствіе произвели на нихъ эти совѣты и т. п. Такія замѣтки укажутъ священнику наилучшіе способы воздѣйствованія на расколъ. Кромѣ того, журналъ, веденный священникомъ, будетъ весьма полезенъ для его преемника. Для священника-новичка расколынической приходъ—это лѣсъ темный. Человѣкъ, еще не практиковавшійся среди расколыниковъ, не знакомый съ мѣстными ихъ взглядами на дѣла вѣры, скорѣе можетъ отдалить отъ себя прихожанъ-расколыниковъ, чѣмъ привлечь ихъ къ себѣ. Священникъ-новичекъ, поступивъ въ расколыническій приходъ, иногда въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ не только не можетъ познакомиться съ убѣжденіями и нравственнымъ состояніемъ своихъ прихожанъ, но даже не знаетъ и личности многихъ расколыниковъ. Совѣтъ не то будетъ, если священникъ-предшественникъ его велъ миссіонерскій упомянутый нами журналъ: изъ сего журнала священникъ-новичекъ сразу пойметъ не только убѣжденія всѣхъ своихъ прихожанъ, но и характеръ и направленіе отдѣльных личностей, и увидитъ, какія средства съ пользою употреблялись его предшественникомъ и должны быть употреблены къ искорененію раскола.

Для обращенія расколыниковъ на путь истины въ рукахъ священника есть одно изъ важныхъ средствъ: это—школа и школа притомъ церковно-приходская. Почти каждый расколыникъ старается о томъ, чтобы его дѣти какимы бы то ни было образомъ выучились читать. Эта любовь къ грамотности у расколыниковъ развита, можно сказать, настолько, насколько и любовь къ старой вѣрѣ. Но не всякая грамотность пользуется любовію расколыниковъ: какъ вообще весь православный русскій народъ, такъ и расколыники цѣнятъ и уважаютъ только ту грамотность, которая удовлетворяетъ ихъ религіозной пытливости. Предложите любому расколынику отдать своего сына въ училище, и онъ непремѣнно спроситъ: а чему и какъ тамъ учать? Если въ школѣ учать по новѣйшимъ методамъ, по руководствамъ Ушинскаго, Корфа,

Водовозова и т. п., разбираются съ школьниками напр. слова: ось, ось, усы и т. п., то раскольникъ не согласится отдать въ такую школу сына. Нѣтъ, скажетъ онъ, мнѣ нужно такое училище, гдѣ бы учили: Псалтирь и Часовникъ, гдѣ бы главное вниманіе обращалось на законъ Божій и пр. Много выигрываетъ въ глазахъ раскольниковъ или теряетъ свое значеніе школа и отъ того, кто въ ней учитъ. Раскольники и вообще простой народъ не имѣетъ особаго довѣрія къ учителямъ, одѣтымъ по-европейски. Такой учитель, по ихъ понятію, нарушаетъ посты, разсѣянно стоитъ въ церкви, нарушаетъ многіе прадѣдовскіе обычаи, не всегда молится предъ обѣдомъ и послѣ обѣда, предъ началомъ какого либо дѣла, курить табакъ и т. п. Вслѣдствіе этого раскольники, за немногими исключеніями, и не посылаютъ своихъ дѣтей въ училище, въ которомъ учитель свѣтскій человѣкъ. Другое дѣло учитель-священникъ, болѣе или менѣе строго относящійся къ соблюденію постовъ и пр. Посему въ приходѣ, зараженномъ расколомъ, необходимо должна быть церковно-приходская школа, въ которой бы самъ священникъ велъ дѣло обученія дѣтей. Конечно священнику пужно употребить много усилій и трудовъ на открытіе церковно-приходской школы, за то и пользы много она принесетъ. Церковно-приходская школа мало по-малу привлечетъ къ себѣ раскольниковскихъ дѣтей, и священнику представится возможность воздѣйствовать на молодое поколѣніе; такая школа расположитъ къ священнику и самихъ отцевъ и матерей-раскольниковъ, особенно если священникъ заявитъ свое уваженіе къ старопечатнымъ книгамъ и будетъ обучать дѣтей по этимъ книгамъ, разумѣется—съ разрѣшенія епархіальной власти.

Теперь не мѣшаетъ, кажется, сказать и о томъ, что священникъ по возможности долженъ уклоняться отъ формальныхъ доносовъ по расколу. Доносы священника епархіальному начальству на косившіе нѣкоторыхъ лицъ въ расколъ нисколько не облегчаютъ дѣятельности священника въ раскольниковскомъ при-

ходѣ, а напротивъ часто еще затрудняютъ ее и обезсиливаютъ. Прихожане до тѣхъ поръ бываютъ внимательны къ священнику, пока видятъ, что онъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ проявляетъ только любовь къ нимъ. Но какъ только священникъ, для обращенія раскольниковъ, вмѣсто ласковости и кротости, приметъ мѣры болѣе сильныя, то сразу теряетъ свой авторитетъ и расположеніе ихъ къ себѣ. Доносъ на раскольниковъ лишаетъ священника довѣрія заблуждающихся. Добрый привѣтъ раскольниковъ и внимательное слушаніе или наставленій, преподаваемыхъ священникомъ, только тогда возможны, когда священникъ въ раскольнической семьѣ является, какъ другъ и добрый совѣтникъ; но лишь только онъ донесъ на того или другаго раскольника, то можетъ быть увѣренъ, что вліаніе его на раскольниковъ рухнуло, и всѣ наставленія и убѣжденія не будутъ принимаемы. Тогда раскольники уже не будутъ открывать свои заблужденія предъ священникомъ, и не только не будутъ расположены къ православію, но еще болѣе будутъ упорствовать въ расколѣ. Мѣрами кротости, домашними убѣжденіями священникъ едѣлаетъ больше, чѣмъ форменными доносами начальству, но крайней мѣрѣ кротостію и терпѣніемъ онъ не вооружить ихъ противъ себя, и не лишится надежды, что его благовѣстіе хоть когда нибудь принесетъ хорошій плодъ. Въ крайнемъ случаѣ, когда всѣ старанія священника привлечь заблуждающихся къ церкви, останутся тщетными, онъ лучше поступить, если, не дѣлая формальнаго доноса, обратится за отеческимъ совѣтомъ къ своему архипастырю. Такое обращеніе за содѣйствіемъ къ высшей духовной власти въ дѣлѣ вразумленія заблуждающихся и раскольниковъ не вооружить противъ священника, и поможетъ болѣе, чѣмъ всякій формальный доносъ. Вотъ тѣ мѣры, которыя должны быть употребляемы для привлеченія раскольниковъ къ православію и примѣненіе которыхъ съ христіанскимъ терпѣніемъ можетъ принести и, какъ убѣждаетъ опытъ, приносить болѣе или менѣе благотворные плоды.

Священникъ *Г. К—въ.*

Христіанство при свѣтѣ разума и опыта¹⁾.

II.

Атеизмъ и матеріализмъ.

Такъ какъ собственно основаніемъ христіанской религіи служитъ вѣра въ бытіе Бога, въ бытіе души, какъ начала отдѣльнаго отъ тѣлеснаго организма, и въ безсмертіе ея, то представляется весьма удобнымъ изслѣдованію этого послѣдняго вопроса предпослать краткое разсмотрѣніе первыхъ двухъ. Первый вопросъ о бытіи Божіемъ мы возможно кратко съ Божією помощью разсмотримъ въ главѣ „атеизмъ“; второй же—о бытіи и безсмертіи души въ слѣдующей главѣ подъ заглавіемъ „матеріализмъ“.

А) Атеизмъ.

Подъ атеизмомъ, какъ ясно уже показываетъ названіе (отъ греч. α—частица отрицательная—безъ и θεός—Богъ) и какъ это вообще извѣстно, разумѣется ученіе, отрицающее бытіе Бога и приписывающее въ послѣднемъ основаніи творенію, управленію и промышленію обо всемъ простому случаю.

Такое ученіе стоитъ въ самомъ рѣшительномъ противорѣчій со всѣми здравыми основными законами человѣческаго мышленія и именно идетъ вопреки слѣдующему признаваемому и самими атеистами (по крайней мѣрѣ практически) положенію: „всякое дѣйствіе или явленію имѣетъ причину, и причину именно соотвѣтствующую дѣйствію или явленію; явленія же, въ которыхъ обнаруживается строгая приспособленность средствъ для достиженія опредѣленной цѣли, свидѣтельствуютъ о разумности и мудрыхъ планахъ причины виновника“. къ поясненію этого положенія могутъ служить слѣдующіе примѣры.

¹⁾ См. № 24-й.

Когда историкъ останавливается на египетскихъ пирамидахъ или на колоссальныхъ, для военныхъ цѣлей воздвигнутыхъ, земляныхъ валахъ Сѣверной Америки, то не только заключаетъ, что эти пирамиды и валы—произведеніе рукъ человѣческихъ, но съ гораздо болѣею увѣренностью предполагаетъ, что для возведенія такихъ колоссальныхъ построекъ необходимо было значительное количество человѣческихъ силъ и громадный періодъ времени. Если бы поэтому исторія Египта была ему совершенно неизвѣстна, то онъ прямо съ достовѣрностью могъ бы заключить, что эта страна уже въ древности должна была быть населенною народами сильными; а внимательное, обдуманное изслѣдованіе многочисленныхъ громадныхъ земляныхъ валовъ Сѣверной Америки привело бы къ слѣдующимъ заключеніямъ: 1) что эта страна въ отдаленномъ прошедшемъ должна была имѣть гораздо болѣе количество народонаселенія, чѣмъ во время открытія этого материка Колумбомъ, 2) что по энергичности, разсудительности и художественности, обнаруженнымъ этими прежними обитателями материка при постройкѣ этихъ земляныхъ валовъ, они представляли вѣроятно расу отличную отъ нынѣшней индійской, именно были расою далеко выше индійцевъ стоящею по духовнымъ способностямъ.

Точно также, если бы отъ культуры древняго Рима не осталось никакихъ другихъ памятниковъ и свидѣтельствъ, кромя погребенныхъ подъ пепломъ и лавою городовъ Геркуланума, Помпеи и Стабии, то на основаніи тщательнаго, критическаго изученія результатовъ раскопокъ, сдѣланныхъ въ настоящемъ столѣтіи, мы могли бы составить довольно точное представленіе о духовномъ развитіи, художественномъ образованіи и привычкахъ древнихъ Римлянъ.

Разсмотримъ теперь рядъ относящихся къ разъясненію положенію фактовъ изъ природы и обратимъ вниманіе на то, насколько они поучительны. Возьмемъ напр.

1. Человѣческій глазъ и рассмотримъ въ отдѣльности выдающіеся его признаки.

1) Глазъ очевидно устроенъ приспособительно къ вѣдшему для него элементу—свѣту.

2) Форма глаза, по строгому математическому вычисленію, изъ десяти тысячъ мыслимыхъ формъ представляетъ ту именно, которая одна только въ состояніи такъ преломлять падающіе на глазъ свѣтовые лучи, что всѣ они концентрируются на свѣтчатой оболочкѣ и даютъ такимъ образомъ отчетливое изображеніе предмета. Истинность этого утвержденія явствуетъ изъ того, что если посредствомъ нажатія пальцами едва замѣтно измѣнить видъ глаза, какъ получается неясное и двойное изображеніе предмета.

3) Глазъ состоитъ изъ большого числа частей, которыя по матеріи, формѣ и отпавленіямъ существенно разнятся другъ отъ друга, однакоже такъ приспособлены одна къ другой, что образуютъ удивительно тонкій и замѣчательный инструментъ, съ которымъ не могутъ сравниться никакія человѣческія подражанія.

4) Для выполненія своей важнѣйшей функціи глазъ снабженъ тремя оболочками. Вѣдняя, называемая роговою оболочкою, очень плотна и упруга и служитъ глазу механическою опорою, въ которой онъ нуждается для сохраненія своего вида. За нею находится сосудистая оболочка, главное назначеніе которой состоитъ въ томъ, чтобы доставлять глазу питаніе. Находящееся въ этой оболочкѣ вещество чернаго цвѣта (пигментъ) препятствуетъ разсѣянію и отраженію свѣта. Внутри сосудистой оболочки расположена свѣтчатая оболочка—единственная часть первой системы воспримчивая къ впечатлѣніямъ свѣта.

5) Внутри глаза находится три прозрачныхъ среды, извѣстныя подъ именемъ водянистой влаги, чечевицы (хрусталика) и стекловиднаго тѣла. Всѣ эти различныя среды способствуютъ сосредоточенію лучей, отчего зависитъ отчетливое изображеніе вѣднихъ предметовъ на свѣтчатой оболочкѣ и образуютъ такимъ образомъ то, что извѣстно подъ именемъ свѣтопреломляющаго аппарата глаза.

6) Сѣтчатая оболочка обладаетъ такою выпуклостью и находится въ такомъ отдаленіи отъ упомянутыхъ средъ, которыя безусловно необходимы для яснаго видѣнія. Незначительное измѣненіе отдаленности или выпуклости оболочки неминуемо влечетъ за собою слабость зрѣнія.

7) Отверстіе въ радужной оболочкѣ, называемое зрачкомъ, чрезъ которое свѣтъ проникаетъ внутрь глаза, отличается удивительнымъ устройствомъ: радужная оболочка состоитъ изъ двухъ вмѣстѣ соединенныхъ мышцъ; мышечныя волокна первой имѣютъ лучистое направленіе, волокна же второй расположены концентрическими кругами. Сокращеніе первой имѣетъ слѣдствіемъ суженіе, а второй — напротивъ расширеніе зрачка. Общеизвѣстно, что при сильномъ освѣщеніи зрачокъ суживается, при слабомъ же — расширяется; а въ темнотѣ зрачокъ достигаетъ наибольшей степени своего расширенія. Такимъ чуднымъ устройствомъ въ достаточной мѣрѣ регулируется сила проникающаго въ глазъ свѣта и приспособляется къ крайнимъ степенямъ чувствительности сѣтчатой оболочки.

8) Глазъ снабженъ шестью мускулами, посредствомъ которыхъ можно произвольно или по необходимости измѣнять направленіе глаза, а также и поле зрѣнія. Четыре изъ нихъ соединены съ однимъ нервомъ и приводятъ въ движеніе глазъ вверхъ и внизъ, направо и налево; другіе же два служатъ къ тому, чтобы давать глазу косое направленіе. Изъ двухъ послѣднихъ особенно замѣчательнъ одинъ, такъ какъ его волокна посредствомъ хрящевиднаго кольца проходятъ чрезъ верхнюю часть глазной впадины и возвращаются назадъ, чтобы соединиться въ глазномъ яблокѣ, чѣмъ достигается извѣстная степень движенія глаза вокругъ своей оси. Иначе никакимъ образомъ упомянутый мускулъ не могъ бы служить посредникомъ такого движенія.

9) Въ глазной впадинѣ надъ глазами находится слезная железа. Посредствомъ миганія вѣками, которое бываетъ частью произвольнымъ, а частью автоматическимъ, слезы изливаются на

глазное яблоко, удаляют вредныя вещества, попадающіеся въ глазъ, и способствуютъ чрезъ то чистотѣ глаза и облегченію его движенія. Излишняя жидкость (при слезотеченіи) собирается въ особо для этого предназначенное, такъ называемое, слезное озеро и посредствомъ слезныхъ протоковъ и слезнаго мѣшка изливается въ носовую полость, гдѣ при нормальномъ состояніи здоровья отъ теплоты выдыхаемаго воздуха обращается въ паръ.

10) Глазъ снабженъ вѣками, рѣсницами и бровями, которыя подѣйшіимъ образомъ служатъ цѣли, соотвѣтствующей сохраненію аппарата. Вѣки смыкаются во время сна, очищаютъ и смачиваютъ глаза, задерживаютъ внѣшніе свѣтовые лучи, которые могли бы пренятствовать ясности видѣнія, защищаютъ ихъ отъ ударовъ, толчковъ, пыли и проч.; быстрота же, съ которою вѣки смыкаются и размыкаются именно въ случаѣ близкой опасности, превосходитъ всякое человеческое пониманіе.

11) Глазъ снабженъ чрезвычайно тонкою, но въ высшей степени дѣятельною системою рычаговъ и связокъ, которая моментально такъ измѣняетъ его общій видъ и относительное положеніе его различныхъ частей, что онъ въ состояніи бываетъ познавать предметы на самыхъ различныхъ разстояніяхъ—операция, которую человекъ выполняетъ медленно и съ большою трудностью въ телескопѣ посредствомъ удлиненія или укорачиванія трубы.

12) Глазъ одаренъ такою остротою и быстротою силы воспріятія, которая стоитъ выше всякаго человеческого удивленія. Это станетъ яснымъ, когда мы поразмыслимъ на мгновленіе о способѣ полученія цвѣтовыхъ впечатлѣній. По господствующей въ настоящее время теоріи вибраціи, свѣтъ происходитъ и распространяется посредствомъ колебанія частицъ эфира, проникающаго все тѣла и наполняющаго все міровое пространство; различныя цвѣтовые впечатлѣнія зависятъ отъ степени быстроты и длины этихъ колебаній, съ какими онѣ отражаются отъ тѣлъ и веществъ. Такъ напр., чтобы произвести впечатлѣніе краснаго цвѣта,

свѣтовой лучъ долженъ произвести на пространствѣ дюйма 37,640 колебаній со скоростью въ секунду—458,000,000; для желтаго необходимо 44,000 на пространствѣ дюйма и 535,000,000 въ секунду; голубой требуетъ 51,110 на пространствѣ дюйма и 622,000,000 въ секунду. Такія числа, разумѣется, превyšшаютъ человѣческую способность пониманія; и незначительность и быстрота, поражающія здѣсь, далеко оставляютъ за собою самыя высоко-развитыя стремленія нашей способности представленія, и однакоже не превyšшаютъ силы и способности глаза столь же быстро различать эти числа, какъ цвѣта красный и желтый, желтый и голубой и т. д. Ибо вѣдь и современная наука доказываетъ, что различіе цвѣтовъ всецѣло зависитъ только отъ указанной причины (скорости колебаній).

13) Глазъ имѣетъ способность отражать въ себѣ, съ вѣрностью почти зеркала, мысли и чувства человѣка, такъ что опытный знатокъ людей въ его хрустальныхъ глубинахъ можетъ увидѣть любовь и ненависть, благожеланіе и недоброжелательство, миръ и тревогу, мстительность и примиреніе, честность и лживость, умъ и глупость, вниманіе и разсѣянность, словомъ—можетъ по нимъ прочесть почти всѣ возможныя умышленныя и правдивныя состоянія души человѣческой.

И весь этотъ чудный механизмъ—глазъ есть произведеніе слѣпнаго случая? Мы приписываемъ высокую степень ума изобрѣтателю и устройтелю перваго телескопа, и до крайности ослѣпленный атенетъ не дерзнетъ возразить, что для изобрѣтенія и устройства такого инструмента не нужно было разума и сознанія цѣли. И не смотря на это, весьма много нынѣ мнящихъ себя мудрыми и съ презрѣніемъ смотрящихъ на вѣрующихъ, которые на этотъ вопросъ отвѣчаютъ утвердительно. Какое ослѣпленіе! Вѣрующій же, что глазъ есть произведеніе безконечной премудрости, находитъ въ этомъ крѣпкую опору для своей вѣры; кто же напротивъ приписываетъ это слѣпому случаю, тотъ вѣрнѣе—хотя вопреки своему собственному, сокровеннѣйшему убѣжденію—въ оче-

видную бессмыслицу. Вѣра первого основывается на разумныхъ умозаключеніяхъ; вѣра же послѣдняго не имѣетъ никакого другаго основанія, кромѣ желанія, чтобы истина была ложью, неразуміе—разумомъ.

Или рассмотримъ

II. Нѣкоторыя выдающіяся свойства въ строеніи человѣческаго черепа. Голова человѣка состоитъ изъ черепа, содержащаго мозгъ, и лицевой части. При ближайшемъ разсмотрѣніи части, содержащей мозгъ, мы находимъ слѣдующіе интересные факты:

1) Общая структура черепа по веществу и расположенію такова, что мы непременно должны признать ее соответствующею той цѣли, которой онъ служитъ, именно защитѣ и сохраненію благороднѣйшей части тѣлеснаго организма.

2) Черепъ имѣетъ овальную или яйцеобразную форму, т. е. такую форму, которая обладаетъ наибольшею способностью сопротивленія.

3) Передняя часть черепа—лобъ, предназначенная вообще на случай опасности отъ удара, толчка и т. п., весьма крѣпка.

4) Черепъ снабженъ многими маленькими скважинками, которыя образуютъ удобный проходъ для кровеносныхъ сосудовъ, идущихъ къ мозгу и выходящихъ изъ его нервныхъ нитей.

5) Черепъ состоитъ не изъ одной массивной изгибающейся костяной полости, а изъ двухъ пластинъ, отдѣленныхъ одна отъ другой губчатымъ веществомъ. Это-то и служитъ препятствіемъ тому, чтобы даже тяжелый ударъ или толчокъ на виѣшнюю сторону черепа перешелъ на внутреннюю и такимъ образомъ повредилъ мозгъ. Что эта цѣль достигается, ясно вытекаетъ изъ слѣдующаго эксперимента.

Если нѣсколько шаровъ изъ слоновой кости укрѣпить посредствомъ шнурковъ равной длины къ горизонтально-положенному бревну и одинъ изъ нихъ привести въ движеніе такъ, чтобы онъ коснулся сосѣдняго, то сообщенное первому движеніе передастся всѣмъ остальнымъ, послѣдній же отскочитъ и произве-

доть тоже самое движеніе, какъ первый, приведенный въ движеніе рукою. Но если снять одинъ изъ этихъ шаровъ и на его мѣсто подвѣсить шаръ изъ губчатого вещества и повторить тотъ же опытъ, то послѣдній шаръ не придетъ въ движеніе; откуда явствуется, что губчатый шаръ поглотитель, или правильнѣе сказать, задержалъ сообщенное ему движеніе.

6) Внѣшнія части этихъ обѣихъ пластинъ опять представляютъ не сплошную массу, а состоятъ изъ многихъ кусковъ, изъ которыхъ верхніе у новорожденного младенца отдѣлены другъ отъ друга; между ними же находятся мягкія мѣста такъ называемыя фонтанели. Соединеніе происходитъ посредствомъ особеннаго шва и наступаетъ вскорѣ послѣ рожденія за исключеніемъ большой фонтанели на макушкѣ, которая обыкновенно смыкается на второмъ году жизни.

Преимущества такой чудной структуры черепа очевидны; мы хотимъ особенно обратить вниманіе на слѣдующія:

- 1) Рожденіе младенца существенно облегчается.
- 2) Мозгъ можетъ свободно развиваться.
- 3) Поврежденіе, именно трещины, могущія повредить вслѣдствіе удара, толчка, паденія и пр. опредѣленную часть черепа, не легко проникаютъ къ остальнымъ частямъ.
- 4) Черепъ, не смотря на свое массивное строеніе, имѣетъ свойство—въ дальнѣйшіе періоды жизни приспособляться къ настоящему объему мозга.

Въ случаѣ напр. головной водянки, когда масса мозга сильно расширяется, увеличивается въ объемѣ и черепъ; между тѣмъ наоборотъ, когда мозгъ вслѣдствіе недостаточнаго питанія (атрофіи) съживается, и черепъ уменьшается и суживается; такъ что въ первомъ случаѣ онъ не стѣсняетъ мозга, въ послѣднемъ же—примыкаетъ къ нему.

III. Остановимъ далѣе свое вниманіе на особенностяхъ въ строеніи уха, которыя хотя рѣдко были замѣчаемы, однакоже въ высшей степени замѣчательны. При изслѣдованіи внутренняго

строепія уха мы открываемъ, что среднее ухо соединено съ нижнею частью полости рта трубкою. Къ чему служатъ эта трубка? Цѣль ея мы тотчасъ узнаемъ, если только представимъ себѣ, чтобы ея не было. Давленіе воздуха по барометру составляетъ 15 фунтовъ на квадратный дюймъ; поэтому барабанная перепонка, не давая никакого противовѣса давленію, должна была бы разорваться. Воздухъ-то, проводимый этимъ каналомъ (евстафиевою трубою) во внутреннее ухо, уничтожаетъ это давленіе, т. е. уравниваетъ его. Вѣрности такого утвержденія соответствуетъ тотъ фактъ, что когда вслѣдствіе простуды трубка эта засаривается, то обыкновеннымъ слѣдствіемъ этого бываетъ ушная боль.

IV. Никакая часть человѣческаго или животнаго тѣла не свидѣтельствуетъ съ такою очевидностію о ясно сознававшейся цѣли и безконечной мудрости и любви Творца, какъ процессы кровообращенія и дыханія и необходимыя для нихъ органы. Намъ нѣтъ надобности входить здѣсь въ полное и систематическое изслѣдованіе этого высоко-интереснаго предмета; мы ограничимся тѣмъ, что укажемъ на одинъ только выдающійся пунктъ. Кровообращеніе и дыханіе—два нераздѣльныхъ процесса и взаимно и непосредственно обуславливаются другъ другомъ. Спеціально для кровообращенія необходимый аппаратъ состоитъ, какъ это общеизвѣстно, изъ сердца и развѣтвляющейся отъ него во все части тѣла системы кровеносныхъ сосудовъ, между которыми нужно различать пульсовыя или бьющія жилы, волосныя сосуды и крововозвратныя жилы или вены. Процессъ кровообращенія вкратцѣ слѣдующій: изъ нижней камеры правой половины сердца очищенная въ легкихъ кровь чрезъ бьющія жилы (аорту и артерію) разливается по тѣлу. Въ безконечно-тонкихъ развѣтвленіяхъ этихъ жилъ, такъ называемыхъ волосныхъ сосудахъ, кровь доставляетъ всѣмъ частямъ тѣла необходимый для нихъ питательный матеріалъ и принесенный изъ легкихъ необходимый для нихъ кислородъ, наоборотъ же всасываетъ въ себя излишнія составныя части

и газы и вступает потомъ въ образовавшіеся изъ волосныхъ сосудовъ поворотныя жилы или вены, которыя приносятъ нечистую (венозную) кровь въ верхнюю камеру лѣвой половины сердца. При каждомъ расширеніи сердца (ихъ бываетъ около 72-хъ въ минуту) открывается клапанъ, соединяющій верхнюю и нижнюю камеры, такъ что возвратившаяся венозная кровь изливается въ нижнюю камеру, изъ которой вслѣдствію непосредственно за этимъ слѣдующаго сокращенія сердца устремляется въ легкія. Въ легкихъ жилы развѣтвляются въ плотную сѣть чрезвычайно-тонкихъ кровеносныхъ сосудовъ, окружающихъ легочныя кѣтки; въ нихъ-то и происходитъ тотъ удивительный обмѣнъ газовъ, чрезъ который кровь освобождается отъ вредныхъ для нея газовъ, и насытившись полученнымъ отъ легкихъ кислородомъ, пріобрѣтаетъ новую живительную силу. Послѣ этого кровь опять поступаетъ въ верхнюю камеру правой половины сердца, при расширеніи сердца входятъ въ нижнюю камеру, а вслѣдствіе слѣдующаго затѣмъ сокращенія опять поступаетъ въ артерію и снова начинается тотъ же кругооборотъ. Этотъ процессъ продолжается непосредственно до самой смерти.

Весь аппаратъ, который мы здѣсь разсмотрѣли съ возможною краткостью, дѣйствительно изумителенъ; но наше удивленіе возрастетъ до неимоверной степени, если мы рассмотримъ въ особенности отдѣльныя интересныя части его:

1) Сердце, подобно легкимъ, приводится въ движеніе и поддерживается въ такомъ состояніи силою мускуловъ. Мускулы въ физиологіи дѣлятся на произвольные и непроизвольные. Подъ первыми разумѣются тѣ, движенія которыхъ находятся подъ непосредственнымъ контролемъ воли; они могутъ быть приведены въ движеніе и удержаны въ такомъ состояніи только посредствомъ акта воли; подъ непроизвольными же напротивъ разумѣются тѣ, которые функціонируютъ независимо отъ воли; дѣятельность воли можетъ на нихъ оказывать только незначительное вліяніе. Какими изъ этихъ двухъ видовъ мускуловъ приводится въ движеніе и

поддерживаются въ этомъ состояніи сердце и легкія? Непроизвольными. Какая цѣль чрезъ это достигается? Если бы мускулы сердца и легкихъ были произвольны, то необходимы были бы все наше вниманіе и энергія для того, чтобы поддержать процессъ кровообращенія и дыханія хотя бы на самый короткій промежутокъ времени. О такой же работѣ во время сна нечего и думать; во снѣ, какъ извѣстно, дѣятельность воли прекращается. Въслѣдствіе же указанной непроизвольности мускуловъ, дыханіе совершается безъ труда, кровь свободно и безпрепятственно пульсируетъ по тѣлу днемъ и ночью, въ бодрствennomъ и сонномъ состояніяхъ, во время самой сосредоточенной работы и въ часы покоя. Но это еще не все. Для нашего здоровья, даже для нашей жизни, безусловно необходимо, чтобы процессъ дыханія могъ на короткое время прерываться. Это именно необходимо бываетъ въ томъ случаѣ, когда мы вынуждены бываемъ идти въ мѣстностяхъ, наполненныхъ опасными газами; когда мы хотимъ проникнуть въ горнищій, наполненный жаромъ домъ; когда намѣрены окунуться или по несчастію попадаемъ въ глубину воды и т. д. Не обладая способностью прерывать на короткое время процессъ дыханія, мы во всѣхъ приведенныхъ случаяхъ находились бы въ прямой опасности для жизни. Но и здѣсь премудрое всеблагое Провидѣніе обнаружило свою заботливость; Оно именно снабдило легкія не только непроизвольными, но и произвольными мускулами, въслѣдствіе чего мы можемъ между прочимъ ускорять, замедлять и совершенно прекращать процессъ дыханія.

2) Кровь имѣетъ свойство свертываться при соприкосновеніи съ воздухомъ, въслѣдствіе чего во всѣхъ случаяхъ легкаго пораненія рана закрывается сама собою, чѣмъ предотвращается истеченіе кровью. Еще удивительнѣе то, что у животныхъ, которые не въ состояніи сами себѣ перевязывать ранъ, это свойство крови значительно больше, чѣмъ у человека. Кровь насекомыхъ при соприкосновеніи съ воздухомъ свертывается почти мгновенно. Слѣдовательно, и неразумными животными управляется также Премудрость и Благость!

3) Сердце, какъ уже косвенно было указано, состоитъ изъ правой и лѣвой половины, изъ которыхъ каждая подраздѣляется на верхнюю и нижнюю части; такъ что слѣдовательно сердце представляетъ четыре отдѣленія. При этомъ въ высшей степени замѣчательно, что стѣнки верхнихъ отдѣленій (предсердій), которыя просто служатъ только для собиранія крови, значительно тоньше стѣнокъ нижнихъ отдѣленій (желудочковъ), которыя служатъ для проталкиванія крови, а потому подвергаются гораздо большому давленію. Но этимъ еще не оканчивается чудное строеніе этого органа. Изъ двухъ нижнихъ отдѣленій сердца правая опять сильнѣе лѣвой, что опять мудро—цѣлесообразно, такъ какъ изъ перваго кровь разливается по всему тѣлу, изъ послѣдняго же идетъ къ недалеко лежащимъ легкимъ, слѣдовательно правой части необходима большая сила и способность сопротивленія, чѣмъ лѣвой.

4) Для поддержанія непрерывнаго кровообращенія и слѣдовательно и жизни безусловно необходимо, чтобы разъ вышедшая изъ сердца кровь уже не могла туда возвратиться. Премудрое и всеблагое Провидѣніе и объ этомъ позаботилось: Оно снабдило не только отдѣленія сердца, но и артерій клапанами или заслонками, которыя открываются по направленію потока крови, — послѣ же каждаго толчка крови мгновенно закрываются. — Перечисленіе такихъ фактовъ, въ которыхъ съ несомнѣнностью проявляется цѣлесообразность и безконечная премудрость Творца, можно бы продолжать до безконечности; куда мы ни посмотримъ, повсюду открываемъ, если только хотимъ видѣть, полнѣйшее приспособленіе средствъ къ опредѣленной цѣли. Нигдѣ мы не замѣчаемъ отсутствія плана цѣлесообразности и соответствія. Если мы далѣе еще поразмыслимъ, что всѣ части каждаго органическаго существа такъ соединены другъ съ другомъ, что образуютъ въ совокупности гармоническое цѣлое, что далѣе между этими существами, какъ цѣлымъ, есть такое же отношеніе, что вообще, какъ это мы впоследствии подробнѣе покажемъ, гармо-

ніи есть основное начало вселенной, въ которой всё міры и существа, кромѣ отпавшаго отъ Бога чловѣка, находятся въ согласіи: то можемъ ли мы сомнѣваться въ бытіи всемогущаго, премудраго Бога.

Подобно тому, какъ Богъ проявляетъ Себя и свое всемогущество, премудрость и любовь для смертнаго въ видимомъ, т. е. въ твореніи, сохраненіи и превосходящемъ всякое разумѣніе гармоническомъ управленіи всѣмъ, такъ Онъ не оставилъ Себя на несвидѣтельствовааннымъ и въ его нравственныхъ качествахъ: справедливости, правдивости, нравственной чистотѣ и пр. Онъ вложилъ въ душу каждаго чловѣка способность¹⁾, которая

¹⁾ Относительно этого предмета часто возбуждалось два вопроса: 1) непогрѣшима ли совѣсть и 2) есть ли она подобно уму и сердцу врожденная способность? На первый вопросъ мы отвѣчаемъ; она непогрѣшима въ томъ смыслѣ, что никогда не одобряетъ насъ, если мы думаемъ, желаемъ, говоримъ или дѣлаемъ то, что по нашему истинному убѣжденію есть зло (безправственно, нечестиво); никогда не порицаетъ насъ, если мы думаемъ, желаемъ, говоримъ или дѣлаемъ то, что по нашему внутреннему убѣжденію есть добро (нравственно, благочестиво); не причиняетъ намъ никакихъ безпокойствъ, если мы повинуемся ея увѣщаніямъ, предостереженіямъ, требованіямъ; не доставляетъ намъ міра, когда мы противимся ей; или выражалъ мысль положительно: совѣсть непогрѣшима, когда она въ душѣ того, кто безусловно вѣряется ея водительство, поселяетъ гармонію, а наоборотъ въ душѣ того, кто пренебрегаетъ ея указаніемъ, производитъ дисгармонію чувства, безпокойство, или къ нему присоединяется и терзаніе; за этимъ состояніемъ слѣдуетъ при привычкѣ, продолжительномъ заглушеніи этого голоса нравственное огрубѣніе. Какъ уже изъ сказаннаго очевидно, голосъ совѣсти имѣетъ то общее съ ученіемъ Св. Писанія, что судить людей не за вѣщія ихъ дѣянія, не за результаты и послѣдствія ихъ, а за сокровеннѣйшіе мотивы и побужденія. Если мы вслѣдствіе ограниченности своего разума и опыта избрали неправильныя средства для достиженія какой либо благородной цѣли, то наша совѣсть, разумѣется, напоминаетъ намъ, чтобы мы въ будущемъ при выборѣ средствъ были крайне осторожны, но одобрить насъ за хорошее намѣреніе даже не смотря на дурное слѣдствіе или иногда вредъ, который мы чрезъ него произвели. Наоборотъ совѣсть осуждаетъ насъ, когда мы намѣреваемся сдѣлать зло, хотя бы отъ него и произошло

съ радостью замѣчаетъ эти свойства въ другихъ и которая независимо отъ его желаній и стремленій побуждаетъ и поощряетъ

добро. Мнѣніе, что задача этики опредѣлять, что добро или зло, основано на ложномъ пониманіи нравственной природы человѣка.

2. Представляетъ ли совѣсть только продуктъ воспитанія? Изъ указаннаго уже характера совѣсти самъ собою для мыслящаго читателя готовъ выйти на этотъ вопросъ. Но все-таки мы хотимъ присоединить нѣсколько краткихъ замѣчаній. Извѣстно педагогическое положеніе, что, такъ какъ разумъ способенъ развиваться, то задатки его должны уже быть въ человѣкѣ, какъ объ этомъ мѣтко замѣчаетъ Диттесъ: »когда матеріалисты утверждаютъ, что разумъ проникаетъ въ наше тѣло чрезъ дверь чувствъ«, то можно возразить, что отънѣ никакой разумъ въ насъ проникнуть не можетъ, такъ какъ нѣтъ никакого разума нѣтъ. Не совершенно ли тоже можно утверждать относительно совѣсти. А между тѣмъ тотъ же Диттесъ не хочетъ согласиться съ тѣмъ, что совѣсть есть врожденная способность духа, по считаетъ ее за результатъ воспитанія. Въ своей психологіи онъ говоритъ: »у нѣкоторыхъ совѣсть нѣжна и строга, у другихъ — глуха и слаба; одна бываетъ особенно чувствительна въ одномъ, другая — въ другомъ, нравственно же грубый въ очень важномъ бываетъ безсовѣстнымъ. Врожденной совѣсти нѣтъ«. Если въ вышеприведенномъ мѣстѣ вмѣсто совѣсти поставить разумъ, то получится слѣдующее разсужденіе: »нѣкоторые обладаютъ совершеннымъ, высокоразвитымъ разумомъ, другіе же — слабымъ, неразвитымъ; одинъ особенно разуменъ въ одномъ, другой — въ другомъ; бушменъ или готтентотъ даже въ важныхъ предметахъ весьма неразуменъ. Врожденного разума нѣтъ«. Не пришли ли бы мы съ такою же правдностью къ послѣднему заключенію, какъ и къ первому? Воспитаніе, конечно, производитъ извѣстное вліяніе на то, что мы что либо считаемъ справедливымъ или несправедливымъ; но если собрать все искусство воспитанія, какое есть въ мірѣ, то и тогда оно не будетъ въ состояніи повліять на совѣсть такимъ образомъ, чтобы она одобряла то, что мы считаемъ несправедливымъ, или порицала то, что считаемъ справедливымъ. Отчего же происходитъ эта независимость совѣсти? Эта абсолютная независимость происходитъ оттого, что совѣсть находится не въ человѣческой власти, а во власти Божіей; что она есть органъ, чрезъ который божественный, нравственный законъ проникаетъ въ человѣческое общество, но который, какъ уже упомянуто, при постоянномъ несоблюденіи божественныхъ предписаній, напоминаній и предостереженій, наконецъ прекращаетъ свою дѣятельность.

его самого упражняться въ этихъ добродѣтеляхъ, похваляетъ его и исполняетъ чувства довольства; подобнымъ же образомъ предостерегаетъ его, если онъ намѣренъ отступитъ отъ выполненія этихъ добродѣтелей, — осуждаетъ его, разрушаетъ душевный покой, если онъ дѣйствительно нарушилъ ихъ. Св. апостолъ Павелъ такъ говоритъ относительно этой способности: „егда бо языцы не имуще закона естествомъ законная творять, сѣи закона не имуще, сами себѣ суть законъ: иже являютъ дѣло законное написано въ сердцахъ своихъ, епослушествующей имъ совѣсти, и между собою помысломъ осуждающимъ или отвѣщающимъ“ (Рим. II, 14, 15).

Какъ же однако происходить, что ни природа, ни совѣсть, ни Библия не могутъ побудить къ вѣрѣ въ Бога атеиста, вѣрящаго безъ всякаго противорѣчія и даже съ удовольствіемъ всякимъ нецѣлостямъ? Причины этого упомянута уже въ концѣ первой главы; дальнѣйшая причина можетъ заключаться въ томъ, что признаніе бытія Бога для человѣка, признающаго себя самаго существомъ высочайшимъ, налагаетъ обязанность считать Бога за высочайшее, все творящее, сохраняющее и всѣмъ управляющее Существо, благоговѣть предъ Нимъ, Ему во всемъ повиноваться, Его выше всего любить; налагаетъ далѣе обязанность замѣнить свой эгоизмъ, гордость, тщеславіе, властолюбіе самоотреченіемъ, смиреніемъ, кротостью, послушаніемъ, любовью къ Богу и ближнимъ, — словомъ — заставляетъ его свергнуть съ престола свое „я“, изъ-за котораго онъ теперь, кажется, все готовъ внепронергнуть въ міръ, и возвести на престолъ Бога, Творца неба и земли. „Естественный человѣкъ не хочетъ, чтобы Богъ былъ Богомъ“. Поэтому Господь нашъ Іисусъ Христосъ говоритъ: „сей же есть судъ, яко свѣтъ пріиде въ міръ, и возлюбиха человецы паче тму, ноже свѣтъ: бѣша бо ихъ дѣла зла“ (Іоан. III, 19).

Торжествующее діаконство.

Прочитавши „недоумѣнія, вызванныя опредѣленіемъ Св. Синода отъ 19—28 февраля объ измѣненіи нѣкоторыхъ постановленій касательно устройства церковныхъ приходовъ и состава причтовъ, и разрѣшенія заявленныхъ недоумѣній, напечатанныя въ 17 № „Руководства для сельскихъ пастырей“, мы совершенно согласны съ мнѣніемъ почтенной редакціи, что всеъ поименованные недоумѣнія отзываются странностію и наивностію и достаточно разрѣшаются дѣйствующими церковно-гражданскими постановленіями и служебной практикою. Но торжествующее діаконство повидимому до сихъ поръ не подаетъ въ печати повода недоразумѣніямъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ оно главнымъ образомъ можетъ вызывать и вызываетъ немало недоразумѣній. Новые штатные діаконы, для которыхъ указана, кромѣ обыденнаго служенія въ церкви, высокая задача законоучительства и учительства въ школахъ, имѣютъ какъ бы пользоваться особой привилегіей на счетъ священниковъ и даже во многихъ бѣдныхъ приходахъ—получить больше денежнаго содержанія, чѣмъ ихъ приходскіе священники, которые волей-неволей въ иныхъ мѣстахъ будутъ принуждены сойти на должность простыхъ требоисправителей. Объяснимся примѣромъ: у насъ по селамъ сплошь и рядомъ есть по 700 и болѣе душъ мужского населенія приходы, въ которыхъ причты получаютъ денежныхъ доходовъ до 200 р. въ цѣлый годъ кромѣ земли; изъ 200 р. до сихъ поръ священникъ получалъ 150 р. и былъ законоучителемъ съ какимъ нибудь вознагражденіемъ, а причетникъ 50 р.; при штатномъ же діаконѣ онъ будетъ получать только 100 р., діаконъ 67 р. съ коп., а псаломщикъ—остальные 36 р. съ коп. Горька участь псаломщичья! Кромѣ того діаконъ, по прямому смыслу синодальнаго опредѣленія, по преимуществу долженъ проходить законоучительскую, или учительскую должность въ мѣстномъ училищѣ, и за это получать въ первомъ случаѣ при-

мѣрно 60 р., а во второмъ отъ 200 до 300 р. въ годъ. Такимъ образомъ діаконъ, бывши только законоучителемъ, будетъ получать болѣе священника на 27 р., а бывши учителемъ—на 200 и болѣе. Намъ могутъ возразить, что „хорошаго, усерднаго священника никогда не лишать законоучительства“... Не говорите такъ утвердительно: почему же не лишать, если въ приходъ будетъ опредѣленъ діаконъ съ такимъ же богословскимъ образованіемъ, притомъ человѣкъ совершенно свободный, незапятый приходскими требамъ,—тогда какъ священникъ естественно болѣе или менѣе отклоняется отъ школьнаго дѣла своими прямыми обязанностями по приходу. Стоитъ сдѣлать въ этомъ смыслѣ инспектору представленіе епархіальному архіерею, да хорошенько расписать,—и священникъ, можетъ быть десятки лѣтъ законоучительствовавшій, при всей своей любви къ законоучительскому дѣлу, долженъ будетъ сѣвастъ его. А оставивши законоучительское дѣло, онъ уже отрывается нѣкоторымъ образомъ отъ религіозно-правственнаго вліянія на подрастающее поколѣніе и волей-неволей низойдетъ на ступень только требоисправителя. Желали бы мы спросить: желательно ли, нормально ли такое положеніе священника, который и получать будетъ гораздо меньше діакона и будетъ искусственно *volens-nolens* оторванъ отъ законоучительства и съ тѣмъ вмѣстѣ отъ вліянія на молодое поколѣніе прихожанъ? И это непременно будетъ—сначала конечно въ тѣхъ приходахъ, гдѣ священники поустарѣли, а діаконы явятся съ нѣкоторой энергіей, а потомъ—гдѣ тѣ и другіе—одинаковаго достоинства, но первые будутъ отстранены отъ школьнаго дѣла, какъ занятые приходскими требамъ, а другіе (діаконы) будутъ призваны къ нему, какъ люди праздные и такъ далѣе. При сужденіи этомъ не нужно забывать, что священники такіе же люди, какъ и прочіе: да охолодить ихъ не только въ законоучительскомъ, но и въ церковно-приходскомъ дѣлѣ не мудро. Инспектора и директора народныхъ школъ, большею частію не долговѣвающие прежнихъ священниковъ стараго закала за минувшій

гнетъ учителей-воспитанниковъ учительскихъ семинарій, будутъ къ тому самымъ пригоднымъ и способнымъ орудіемъ. Ибо извѣстно, что успѣхи школьнаго законоучительства оцѣниваются главнымъ образомъ инспекторами, и что совопросники эти смотрятъ и цѣнятъ преимущественно формальныя стороны законоучительскаго дѣла; лучшіе же законоучители не придають особеннаго значенія казаннымъ сторонамъ законоучительства, и потому легко могутъ быть жертвою своего разумнаго пониманія его...

Священники, отстраняемые отъ школъ потому только, что они по необходимости отвлекаются отъ нихъ неотложными приходскими требами, естественно почувствуютъ себя въ удручающемъ положеніи сравнительно съ наставниками школъ діаконами, которые кромѣ увеличеннаго содержанія не будутъ имѣть нужды бывать въ приходскихъ деревняхъ съ требами... Занимать въ школѣ гораздо виднѣе и соляднѣе въ глазахъ прихожанъ и для себя гораздо покойнѣе и веселѣе, чѣмъ въ грязь и слякоть, въ вьюгу и стужу, днемъ и ночью посѣщеніе деревень для исполненія безотлагательныхъ требъ. Но священники, обязанные нести съ терпѣніемъ эту послѣднюю тяготу, должны будутъ оставить діаконамъ самое лучшее и утѣшительное въ своемъ служеніи...

Повторяемъ: нормально ли будетъ это? Тогда тѣ священники, которые и теперь ни горячъ, ни теплы, будутъ прямо требоисправителями и постараются вознаграждать себя вновь придуманными поборами съ прихожанъ; другіе, скрѣпя сердце, примирятся съ своимъ приниженнымъ положеніемъ; а третьи—будутъ бороться изъ-за доходовъ съ діаконами. И вотъ вернутся къ нимъ прежнія вляузы, слѣдствія и суды консисторій...

Мы уже не говоримъ здѣсь о діаконахъ прежней формации, отличающихся грубыми манерами и басами, козлогласованіемъ и безголосіемъ, поборами и интригами: оставшіеся въ живыхъ эти лица, теперь же ничего не видя, подняли свои головы и начи-

лають проявлять прежнєе свое, но поутѣхнєе на псаломщическихъ вакансіяхъ, своеволіе и мощь. Такъ напр. одинъ сосѣдній діаконъ въ первое же воскресєнїе по прочтеніи синодальнаго опредѣленія о новомъ составѣ приходскихъ причтовъ отказался принять отъ священника скинутую имъ ризу, отозвавшись прямо, что „онъ діаконъ при богослуженіи, а не лакей“; другой, прочитавши напечатанное въ „Церк. Вѣст.“ опредѣленіе Св. Синода, грубо потребовалъ отъ священника новаго раздѣла великопостныхъ и пасхальныхъ доходовъ, а когда ему было сказано, что до распоряженія своего енархіальнаго начальства того сдѣлать нельзя, діаконъ отвѣтилъ: „и знать не хочу, когда Государь утвердилъ“... Надобно замѣтить, что въ графѣ о подсудности за этими діаконами числятся такіа неисправности и пороки, отъ которыхъ уши вянуть... И ужели эти поддѣлки духовенства будутъ снова возстановлены въ діаконскихъ штатныхъ чинахъ? А съ возстановленіємъ прежнихъ діаконовъ не возвратится ли и прежнєе—пьянство, кляузы, сутяжничество и ссоры, въ послѣднее время почти что уничтожившіяся?

Благочинный.

Церковное и обыкновенное чтеніе.

Церковное чтеніе должно строго отличать отъ простаго, обыкновеннаго, скажемъ, свѣтскаго или гражданскаго чтенія; оно имѣетъ свои традиціонныя приемы, свою манеру, свой характеръ. Чтеніе церковное можно раздѣлить на два главные вида: чтеніе разсказное, употребляющееся напр. при чтеніи синаксарей или житій святыхъ въ тропеяхъ, и чтеніе псалмодическое, распѣвное, употребляющееся почти во всѣхъ остальныхъ случаяхъ; помимо другихъ подробностей, главное правило этого послѣдняго вида чтенія состоитъ въ томъ, что чтець обязанъ тонировать въ предѣлахъ господствующихъ или конечныхъ аккор-

довъ исполняемыхъ пѣснопѣній, особенно же это должно быть соблюдаемо, когда чтенію приходится вступать непосредственно за окончаніемъ пѣснопѣнія; нарушение этого правила производитъ очень не музыкальное впечатлѣніе. Не говоримъ уже о томъ, что церковное чтеніе должно быть достаточно громкое, неспѣшное, ясное, раздѣльное и благоговѣйное. Но объ этомъ предметѣ мы лучше позволимъ себѣ привести слова нашего глубокаго знатока народной школы и великаго ревнителя православной церкви: „церковное чтеніе, говоритъ онъ, есть искусство, имѣющее свои преданія, свои не написанные законы, искусство, требующее и природнаго таланта и многолѣтняго упражненія, искусство, которое можетъ быть доведено до высокой степени совершенства, самое популярное изъ искусствъ. Руководители въ этомъ искусствѣ разбѣсны повсюду, въ лицѣ хорошихъ сельскихъ священниковъ и причетниковъ, въ лицѣ благочестивыхъ любителей; оно процвѣтаетъ въ нашихъ монастыряхъ, въ извѣстныхъ городахъ и епархіяхъ. Образовательное вліяніе его громадно. Хорошее церковное чтеніе предполагаетъ полное пониманіе читаемаго, т. е. съ формальной стороны усвоеніе цѣлой системы сложныхъ и смѣлыхъ конструкций, съ внутренней—цѣлаго міра высокой поэзіи и глубокаго богословскаго мышленія. Вспомнимъ громадное содержаніе хотя-бы однихъ паремій, апостоловъ и каноновъ страстной седмицы. Обращаясь къ суду людей невѣрующихъ, но искреннихъ, но знающихъ то, о чемъ я говорю. Тотъ кто это понималъ, кто это прочувствовалъ, тотъ, кто своимъ чтеніемъ довелъ до сознанія безграмотныхъ слушателей хотя-бы десятую долю этого вѣскаго содержанія, — можно ли отказать ему въ умственномъ, въ художественномъ развитіи? Можно ли сомнѣваться въ томъ, что ему будетъ доступно, и по содержанію, и по формѣ, все, что представляетъ прочнаго, истинно цѣннаго, наша свѣтская литература“¹⁾?

¹⁾ С. А. Рачинскаго.

Редакторъ Ректоръ Киевской Духовной Семинаріи Архимандритъ *Ириней*.

Годъ

XXVI.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
пять руб., съ пересылкою шесть
рублей серебромъ.

№ 26.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Нѣвской
духовной семинаріи.

1885 года, Іюня 23-го.

Содержаніе: Святоотеческія творенія, какъ пособіе къ религіозно-нрав-
ственному воспитанію въ церковно-приходскихъ школахъ.—Христіан-
ство при свѣтѣ разума и опыта.—Испѣловіе дочери жены гана-
нейской и другихъ болыныхъ.—Мысли св. Тихона Задонскаго о
пастырствѣ.

**Святоотеческія творенія, какъ пособіе къ рели-
гіозно-нравственному воспитанію въ церковно-
приходскихъ школахъ.**

Церковно-приходскія школы имѣютъ главною цѣлью утверж-
деніе въ народѣ православнаго ученія вѣры и нравственности
христіанской. Такимъ образомъ онѣ должны быть христіанскими
воспитательными заведеніями. Какъ же онѣ могутъ достигать
своей цѣли? Вопросъ этотъ, при современномъ состояніи науки
воспитанія, имѣетъ весьма важное значеніе. „Не смотря на откры-
тіе кафедръ по педагогикѣ въ среднихъ и высшихъ духовно-
учебныхъ заведеніяхъ“, справедливо замѣчаетъ проф. С. М. Соля-
скій, „наши педагога, по заправѣ, данной свѣтской школой,

много занимались обсужденіемъ разнаго рода системъ преподаванія, обученія письму, разнаго рода механическимъ играмъ, способствующимъ укрѣпленію организма, и т. под., но еще мало касались существенныхъ вопросовъ христіанской педагогикѣ, воспитанія духа христіанскаго въ обучающемся юношествѣ по началамъ нашей православной Церкви... Наши народные учителя еще не касались вопросовъ, какъ сдѣлать твердыми и неизмѣнными тѣ нравственные устои въ жизни нашего народа, которые вѣками воспитались въ немъ нашею Церковію и составляютъ его силу и величіе, какъ укрѣпить и развитъ ихъ среди обучающагося крестьянскаго юношества, усилить въ немъ добрыя навыки, воспитавшіеся въ нашемъ народѣ подѣ влияніемъ христіанскаго вѣроученія, и ослабить дурныя¹⁾. Мы имѣемъ лишь нѣсколько книжекъ, журнальныхъ статей, а также циркуляровъ, инструкцій и воззваній, составленныхъ епархіальными преосвященными въ руководство духовенству, которые хотя даютъ немало полезныхъ указаній, но далеко не обнимаютъ предмета во всемъ его объемѣ, а касаются лишь нѣкоторыхъ отдѣльныхъ пунктовъ его. У насъ доселѣ нѣтъ ни одного руководства по христіанской педагогикѣ, въ которомъ съ надлежащею полнотою и обстоятельностью указывались бы способы къ утвержденію и развитію религіозно-нравственныхъ началъ среди обучающагося юношества. Но мы имѣемъ богатый матеріалъ для такого руководства, и именно—въ твореніяхъ св. отцовъ и учителей Церкви. Они могутъ служить также наилучшимъ пособіемъ для достиженія указанной цѣли какъ духовнымъ воспитателямъ, такъ и воспитывающемуся юношеству, тѣмъ болѣе, что нашъ народъ обнаруживаетъ особую любовь къ чтенію святоотеческихъ твореній и относится къ нимъ съ высокимъ уваженіемъ. Святоотеческія творенія не только представляютъ назидательное чтеніе, могущее служить къ утвержденію православнаго ученія вѣры и нравственности христіанской, но

¹⁾ Труды Кіев. дух. Акад., апрѣль 1885 г., стр. 555, 559 и 560.

заключаютъ немало педагогическихъ указаній относительно воспитанія вообще и религіозно-нравственнаго воспитанія въ частности. При этомъ нельзя не отмѣтить той весьма характерной черты, что многія изъ этихъ указаній вполне стоятъ на уровнѣ современныхъ педагогическихъ требованій. Для приѣбра мы приводимъ извлеченіе изъ письма блаж. Іеронима къ Гавдецію о воспитаніи маленькой Пакатулы.

Пусть наша Пакатула, говоритъ блаж. Іеронимъ, получить это письмо съ тѣмъ, чтобы прочитать его впослѣдствіи, а до того времени пусть учится азбукѣ, складываетъ слоги, знакомится съ именами, сочетаетъ слова,—и для того, чтобы она упражнялась въ этомъ своимъ тоненькимъ голоскомъ, пусть предлагаются ей въ награду лакомства, сласти и все, что пріятно на вкусъ; пусть она успѣваетъ въ надеждѣ получить что нибудь изъ милыхъ цвѣтовъ, красивыхъ игрушекъ, любимыхъ куколъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ пусть тоненькимъ пальчикомъ пробуетъ и прясть; пусть часто обрываетъ она нитки, чтобы когда нибудь уже не обрывать, а послѣ труда пусть забавляется играми, вѣшается на шею матери, ласкается къ роднымъ; пусть и псалмы поетъ изъ-за награды, чтобы полюбить учиться тому, чему заставляютъ ее учиться, чтобы занятіе было не работою, а удовольствіемъ, дѣломъ не принужденія, а добровольнаго желанія.

Нѣкоторые, когда обрекаютъ дѣвушку на вѣчное дѣвство, имѣютъ обыкновеніе облекать ее въ темную тунику, надѣвать черную мантию, снимать все полотноное и не класть золота ни на шею, ни на голову,—конечно съ тѣмъ добрымъ намѣреніемъ, чтобы она въ нѣжномъ возрастѣ не пріучалась къ тому, что впослѣдствіи должна будетъ оставить. А другимъ это кажется иначе. Ибо, говорятъ, если сама она и не будетъ имѣть этого, то развѣ не будетъ видѣть другихъ, которые имѣютъ это? Женскій полъ *φίλοκομος* (любитъ украшенія), и мы знаемъ, что многія, даже особенно - цѣломудренныя, съ удовольствіемъ наряжаются, хотя не для мужчинъ, а для себя. Пусть лучше она тѣшится

нарядами, имѣя ихъ, а не смотритъ, какъ другіа хвалятся тѣмъ, чего она не имѣетъ. И лучше если, наскучивши ими, она получитъ отвращеніе къ нимъ, чѣмъ если, не имѣя ихъ, пожелаетъ имѣть ихъ. Такъ поступилъ Господь съ народомъ израильскимъ, пославъ желавшимъ имѣть египетскихъ мясъ множество перенеловъ, до тошноты и рвоты; подобнымъ образомъ и многіе, бывшіе прежде людьми міра, легче оставляютъ непытанныя удовольствія плоти, чѣмъ тѣ, кои отъ дѣтства не знаютъ похоти. Ибо первые отвращаются испытаннаго, послѣдніе желаютъ неизвѣданнаго; одни въ раскаленіи избѣгаютъ ковъ удовольствія, другіе, лаская плотскія похоти пріятнымъ щекотаніемъ тѣла, думая вкушать въ этихъ наслажденіяхъ медъ, находятъ въ нихъ смертоносный ядъ.

Итакъ что же? нужно ли въ юности предаваться удовольствіямъ жизни, чтобы впослѣдствіи тѣмъ мужественнѣе презирать ихъ? Нѣтъ, говорятъ, потому что кійждо въ званіи, въ немъ же призванъ бытъ, въ томъ да пребываетъ (1 Кор. VII, 20). Кто обрѣзанъ, то есть призванъ къ дѣвству, тотъ пусть не возбуждаетъ своей плоти, то есть не ищетъ кожаныхъ покрововъ брака, въ которые облекся Адамъ, изгнанный изъ рая дѣвства. Въ необрѣзаніи кто призванъ бытъ, то есть имѣющій жену и облеченный въ кожаные ризы супружества, пусть не ищетъ дѣвства и обнаженія вѣчнаго цѣломудрія, которое онъ однажды оставилъ, но пусть пользуется сосудомъ своимъ во святыхъ и чести (1 Сол. 4, 4) и пьетъ изъ источниковъ своихъ, а не ищетъ расточенныхъ водоемовъ блудницъ, которые не могутъ содержать чистѣйшихъ водъ цѣломудрія (Притч. гл. V)...

Женскій полъ пусть соединяется съ своимъ поломъ: пусть не знаетъ, даже боится играть съ мальчиками¹⁾. Пусть онъ не

¹⁾ Этотъ взглядъ едва ли можетъ быть оправданъ современною педагогикомъ; основаніе для него кроется, безъ сомнѣнія, въ строго-аскетиче-

знаеть никакого нескромнаго слова, и если среди пустословія прислуги случайно услышитъ что нибудь непристойное, пусть не понимаетъ. Жестъ матери пусть будетъ для нея вмѣсто словъ и увѣщаній и вмѣсто приказанія. Пусть любитъ ее, какъ родительницу, подчиняется, какъ госпожѣ, боится, какъ наставницы. Когда же молоденькой дѣвочкѣ съ вынавшими зубами пойдетъ седьмой годъ и она начнетъ крепѣть, будетъ знать, о чемъ нужно молчать, сомнѣваться, о чемъ говорить; тогда пусть учить на-память Псалтирь и до зрѣлаго возраста—книги Соломона; Евангелія, апостоловъ и пророковъ пусть дѣлаеть сокровищемъ своего сердца. Пусть не ходитъ сланикомъ свободно въ публичныхъ мѣстахъ и пусть не всегда стремится въ большія собранія въ церквахъ. Всѣ удовольствія ея пусть будутъ въ ея комнатѣ. Пусть никогда не видитъ она завитыхъ молодыхъ людей; пусть будутъ удалены отъ нея сладкія рѣчи, которыя чрезъ слухъ уязвляютъ душу, и забавы дѣвушекъ, которыхъ тѣмъ труднѣе удалить, чѣмъ свободнѣе онѣ держатъ себя, и которыя секретно паучають тому, чему научились сами, и грубыми рѣчами оскорбляютъ заключенную Данаю. Сонутницею ея пусть будетъ учительница и стражемъ воспитательница,—не предавая много вину, но апостолу, не лѣнивая и болтливая, но трезвенная, строгая, трудолюбивая, и говорящая только то, что душу дѣвическую располагаетъ къ добродѣтели. Ибо какъ вода на ровной площади слѣдуетъ за пальцемъ, который впереди ведетъ ее, такъ и мягкій нѣжный возрастъ удобно склоняется и на ту и на другую сторону и влечется туда, куда его поведень¹⁾.

Едва ли кто либо изъ современныхъ педагоговъ можетъ не согласиться съ большою частію положеній, высказываемыхъ въ

сихъ возрѣніяхъ блаж. Іеронима и въ тѣхъ злоупотребленіяхъ общеніемъ женскаго пола съ мужскимъ, какія часто происходили въ древности и какія въ наше время могутъ быть лишь въ исключительныхъ случаяхъ.

¹⁾ Твор. блаж. Іеронима въ русск. перев. ч. 3, стр. 303—309.

этомъ письмѣ. Таковы напр. положенія, что воспитаніе и обученіе должны идти постепенно, примѣнительно къ возрасту, духовнымъ и физическимъ силамъ дитяти, что дѣти не должны быть принуждаемы къ занятіямъ, но каждое занятіе должно исполняться ими добровольно и безъ чувства недовольства, что для поощренія дѣтей къ труду слѣдуетъ употреблять ласки, игрушки и лакомства, что дѣти по возможности должны собственнымъ опытомъ убѣждаться въ томъ, что для нихъ полезно и что вредно, что авторитетъ воспитателей долженъ основываться на любви и уваженіи дѣтей къ нимъ, что въ особенности пагубное вліяніе на дѣтей имѣютъ дурные примѣры, и т. под.

Н. Д.

Христіанство при свѣтѣ разума и опыта ¹⁾).

В. Матеріализмъ.

Подъ матеріализмомъ разумѣется воззрѣніе, по которому матерія или чувственно-воспринимаемое бытіе считается основою всей совокупности міровыхъ явленій, а духовныя явленія сводятся къ матеріальнымъ причинамъ. Матеріализмъ отрицаетъ все духовное и смотритъ на духовную жизнь, какъ на результатъ функций тѣлесной жизни. Онъ отрицаетъ поэтому цѣлеполагающій разумъ въ міровомъ порядкѣ и свободу человѣческой воли. Матеріалистическая мораль судитъ о достоинствѣ или низости поступковъ только по ихъ послѣдствіямъ.

Матеріализмъ такимъ образомъ представляетъ собою порожденіе разсмотрѣннаго выше атеизма. Характеристическая черта матеріализма, которая только и будетъ здѣсь разсмотрѣна, состоятъ въ томъ, что по этому ученію всѣ душевныя явленія признаются результатомъ органической жизни—въ частности дѣя-

¹⁾ См. № 25-й.

тельности головного мозга; мозгъ поэтому разсматривается не какъ орудіе, при посредствѣ котораго проявляется духъ, но какъ органъ, производящій духъ: „всеѣ мысли, чувства, настроенія, образы фантазіи, идеи, научныя и художественныя произведенія и т. д. должны быть выдѣленіями мозга, результатами физическихъ и химическихъ измѣненій въ немъ“.

По самому свойству предмета нѣтъ возможности прямо противопоставить опроверженіе этимъ взглядамъ; потому что когда мы начинаемъ высказывать воззрѣнія о сущности духа, то подобно матеріалистамъ сходимъ съ почвы научнаго изслѣдованія, состоящаго главнымъ образомъ въ установленія и соотвѣтственной понятіямъ обработкѣ фактовъ, и ударяемся въ область голословныхъ предположеній. Поэтому мы должны ограничиться только указаніемъ на нѣкоторые факты, которые съ достаточною ясностью представляютъ намъ несостоятельность матеріалистической теоріи.

1) Упомянутыя физическія и химическія явленія въ мозгѣ, какъ и принимаемыя этимъ ученіемъ впечатлѣнія или слѣды, оставляемые на немъ предметами внѣшняго міра, остаются совершенно недоказанными. Увѣренія матеріалистовъ слѣдовательно, по недостатку фактическаго обоснованія, не принадлежать къ области науки въ собственномъ смыслѣ, но остаются просто предположеніями.

Между возраженіями, приводимыми противъ матеріализма я доселѣ и всегда находилъ слѣдующее: „если бы впечатлѣнія, производимыя предметами внѣшняго міра на душу были только впечатлѣніями на мозгъ, т. е. чисто физическими или тѣлесными, то вслѣдствіе обмѣна веществъ, по которому настоящій матеріалъ мозга, какъ и вообще составныя части тѣла, отъ времени до времени замѣняется новымъ, получаемымъ вслѣдствіе питанія, они выдѣлялись бы, т. е. погибали бы“. Какъ ни важно повидимому на первый взглядъ это возраженіе, однакоже я имѣю основаніе считать его только кажущимся возраженіемъ: однажды, когда я размышлялъ объ этомъ, взоръ мой остановился на рубцѣ

на правой рукѣ; рубецъ этотъ произошелъ отъ порѣза, который я сдѣлалъ еще въ раннемъ дѣтствѣ—разумѣется впечатлѣніе физическое (слѣдъ). Хотя съ тѣхъ поръ прошло болѣе 20 лѣтъ, продолженіе которыхъ составныя части моей руки измѣнялись по крайней мѣрѣ до трехъ разъ, однакоже этотъ рубецъ еще остается и существенно не потерялъ въ своей опредѣленности и прежнемъ видѣ. Тоже самое возраженіе матеріалистъ можетъ привести и касательно впечатлѣній на мозгъ.

Этотъ рубецъ научаетъ меня слѣдующему, что я далѣе намѣренъ привести въ качествѣ втораго возраженія противъ матеріалистической теоріи:

2) Рубецъ всегда существовалъ, съ тѣхъ поръ какъ образовался, и если я хочу его видѣть, то только направляю на него свой взоръ; но если бы онъ съ теченіемъ времени исчезъ, то, разъ исчезнувъ, уже никакимъ актомъ воли не могъ бы быть восстановленъ въ своемъ прежнемъ видѣ. Если бы чувственные впечатлѣнія были всецѣло физическаго характера, то нѣчто подобное должно бы было произойти и съ нами, т. е. разъ возникшія впечатлѣнія или слѣды должны бы были оставаться навсегда или по крайней мѣрѣ должны бы быть налицо, когда при помощи мозга обращаютъ на нихъ вниманіе; и разъ исчезнувши, не могли бы быть вызваны никакимъ даже самымъ сосредоточеннымъ напряженіемъ. Но какъ это однако противорѣчитъ всякому опыту! Извѣстныя впечатлѣнія, произведенныя въ извѣстное время на духъ, иногда не исчезаютъ совершенно изъ сознанія въ продолженіе цѣлыхъ лѣтъ и десятковъ лѣтъ, но иногда во всей свѣжести воскресаютъ въ сознаніи безъ всякаго повидимому повода. Точно также каждому изъ личнаго опыта извѣстно, что нѣкоторыя, еще существующія въ сознаніи, но нѣсколько изгладишіяся впечатлѣнія, особенно имена лицъ, мѣстъ и числа не могутъ быть иногда вызваны самыми напряженными усиліями, между тѣмъ какъ они же много лѣтъ спустя сами собою часто даже во снѣ воскресаютъ въ нашей памяти. Самое удивительное въ этомъ

отношеніи представляютъ весьма рѣдкіе случаи съ лицами, которыя въ молодости своей изучили какіе либо иностранныя языки, но отъ неупражнения совершенно позабыли; въ нѣкоторыхъ же болѣзненныхъ случаяхъ, а особенно незадолго предъ смертью (а слѣдовательно во время разрушенія тѣлеснаго организма) получаютъ возможность снова говорить на этихъ языкахъ.

3) Если бы чувственные впечатлѣнія были чисто физическаго свойства, то онѣ должны бы, подобно упомянутому рубцу, быть соединенными съ матеріею и прикрѣплены къ мѣсту. Все равно при этомъ, приметъ ли мы, что полученные отъ внѣшняго міра впечатлѣнія падаются въ беспорядкѣ или связываются другъ съ другомъ по извѣстнымъ законамъ (ассоціаціи); если бы мы напр. захотѣли представить себѣ ландшафтъ, отдѣльныя составныя части котораго изображены въ мозгѣ или на мозгѣ¹⁾, однакоже въ совокупности нигдѣ не существуютъ, отъ котораго слѣдовательно мы никогда не могли бы получить общаго впечатлѣнія, то должна же быть сила, производящая этотъ выборъ и сопостановленіе. Кому или чему должны мы приписать эту силу, или какое имя ей дать?

Что касается впечатлѣній чувствъ, то это должно быть признано вѣрнымъ относительно мыслей и чувствъ, при чтеніи, слушаніи и проч. чрезъ посредство мозга. Но требуется опредѣлить, какъ это на мозгъ могутъ быть напечатлѣны извѣстныя мысли и ряды мыслей. Какъ возможно производить новыя связи мыслей, какъ это дѣлаетъ вслкій, особенно склонный къ размышленіямъ человекъ? Безъ вышеуказанной способности разложенія, выбора и новаго соединенія (мыслей) была бы можетъ быть совершенно немислима репродукція отвѣтъ полученныхъ мыслей; творчество же, новыя связи мыслей, образованіе понятій и т. д. было бы безусловно невозможно; а чисто внутренняя дѣятельность

¹⁾ Я говорю здѣсь въ смыслѣ матеріалистовъ.

духа, способность воображенія, разсудка и разума, словомъ собственно духовная дѣятельность не могла бы достигать развитія.

4) Извѣстенъ тотъ фактъ, что человѣкъ можетъ углубляться въ самого себя, что онъ при этомъ не сознаетъ своего тѣлеснаго бытія; хотя въ это время въ его глазѣ отражаются стоящіе предъ нимъ предметы, но онъ ихъ не видитъ; хотя звуковыя волны проникаютъ въ него, но онъ ничего не слышитъ. Въ такомъ случаѣ есть впечатлѣнія, но нѣтъ духовнаго воспріятія (перцепція); и такимъ образомъ эти чисто чувствennыя тѣлесныя впечатлѣнія проходятъ для духа безслѣдно. Духъ слѣдовательно обладаетъ способностью отрываться иногда отъ связи съ внѣшнимъ міромъ и тѣмъ ясно свидѣтельствуетъ, что хотя онъ и въ тѣсной связи съ тѣломъ, однакоже не тождественъ съ нимъ, а есть сущность отличная отъ тѣлеснаго организма.

5) Въ одномъ прекрасномъ сочиненіи о памяти приводится длинный рядъ поврежденій мозга, показывающихъ—какъ онѣ и насколько онѣ вліяютъ на способность памяти. Изъ такихъ случаевъ весьма интересенъ слѣдующій: одна дама, у которой половина мозга была совершенно разрушена, однакоже до самой смерти пользовалась неповрежденною дѣятельностью всѣхъ духовныхъ силъ и за нѣсколько часовъ до смерти предавалась удовольствіямъ на пирушкѣ у своей подруги. Докторъ Ферріаръ упоминаетъ о мужчинѣ, умершемъ отъ болѣзни мозга; онъ до самой смерти, послѣдовавшей мгновенно, сохранилъ въ неповрежденности всѣ свои духовныя силы. При изслѣдованіи его мозга оказалось, что все правое полушаріе превратилось въ гной. Въ подобныхъ же случаяхъ найдено было въ мозгѣ въ первомъ случаѣ полфунта гною, во второмъ—полфунта воды. Одинъ человѣкъ получилъ такое поврежденіе головы, что весь мозгъ его находился только на правой сторонѣ и также былъ сильно поврежденъ. Мозгъ его скоро началъ гноиться, и при каждомъ снятіи биндажа изъ полости черепа вытекало неимоверное количество матеріи, смѣшанной съ громаднымъ количествомъ мозгового вещества, разрушеннаго отъ

полученнаго удара. Это продолжалось 17 лѣтъ и кажется, что при этомъ половина мозга, смѣшавшись съ гноемъ указаннымъ образомъ, вытекла; и однакоже этотъ человѣкъ до самаго момента смерти исполнѣ владѣлъ своими духовными способностями, во все же продолженіе своей болѣзни сохранялъ замѣчательное спокойствіе и терпѣливость. Къ вышеприведеннымъ случаямъ мы присоединимъ еще одинъ, который въ этомъ отношеніи особенно поучителенъ. Мозгъ одного человѣка, какъ показало сдѣланное послѣ смерти изслѣдованіе, содержалъ фунтъ воды; давно уже у него замѣчалась слабость умственныхъ способностей, но вдругъ предъ смертію духовныя силы снова возвратились къ нему. Слѣдовательно, постепенно совершавшееся освобожденіе отъ тѣла, казалось, сообщило силу духу. Если бы мозгъ и душа были тождественны, то подобныя явленія были бы немыслимы.

6) По матеріалистическому ученію матерія производитъ духъ, неразумное—разумъ. Что разумъ часто производитъ неразумное, это къ сожалѣнію вѣрно и оправдывается на самихъ матеріалистахъ; но чтобы неразумное могло произвести разумъ, это—взглядъ, который по своей нелѣпости далеко оставляетъ за собою даже идеализмъ Беркли.

7) Какое иное представленіе можетъ имѣть человѣкъ о силѣ, благодаря которой воспоминаетъ прошедшее, думаетъ о будущемъ, безпрепятственно переходитъ отъ одного міра къ другому, отъ одной системы міра къ другой, благодаря которой онъ объемлетъ всѣ произведенія творческой Силы и возвышается къ созерцанію и благоговѣнію предъ Первоисточникомъ всего, какъ не то, что онъ самъ дѣйствительно есть нѣчто безусловно отличное отъ функцій тѣла? Съ какою функціею матеріи можемъ мы сравнить то начало, въ силу котораго человѣкъ любить и испытываетъ страхъ, чувствуетъ радость и горе,—посредствомъ котораго онъ восходитъ на вершину надежды и вдохновенія, или низвергается въ бездну отчаянія? Притомъ онъ чувствуетъ, что эти перемѣны въ настроеніи его сердца во многихъ случаяхъ

совершенно независимы отъ вѣшнихъ вліяній, равно какъ и отъ состоянія его тѣла. При полномъ покоѣ тѣлесныхъ функцій внутри можетъ бушевать страсть, душевная тревога, угрызеніе совѣсти, какъ и наоборотъ, когда тѣло страдаетъ отъ сильнѣйшихъ болѣзней, въ сердцѣ могутъ царствовать покой, миръ и радостная надежда.

Если же существо, которое мы называемъ духомъ или душою, насколько мы знаемъ, представляетъ нѣчто непохожее, отличное отъ того, что мы считаемъ свойствомъ тѣлесной организаціи, то какое же основаніе имѣемъ мы вѣрить, что это существо измѣняется при измѣненіи составныхъ частей тѣла, исключая только его измѣненій при вліяніи вѣшняго міра? То уничтоженіе, которое мы называемъ тѣлесною смертію, въ дѣйствительности есть нѣчто иное, какъ измѣненіе въ составѣ его элементовъ, ибо по законамъ химіи нисколько атомъ не пропадаетъ. Поэтому уничтоженія въ собственномъ смыслѣ мы и представитъ не можемъ, и навѣь всеобщій опытъ противорѣчить тому, чтобы атомъ, прежде существовавшій, когда либо пересталъ существовать. Предположеніе, что духовное перестаетъ существовать, когда неоспоримо доказана неразрушимость матеріальнаго, есть поэтому произвольное, безъосновательное и всякому научному изслѣдованію противорѣчащее предположеніе и стоитъ въ прямомъ противорѣчій со всѣми фактами изъ области духа.

Мы всегда слишкомъ много говоримъ о матеріи, какъ и о духѣ, мы часто пускаемся въ голословныя разсужденія о матеріальности и нематеріальности, не изслѣдовавъ предварительно, что мы дѣйствительно понимаемъ что либо въ этомъ. Матерія и духъ извѣстны намъ только по нѣкоторымъ свойствамъ или опредѣленнымъ признакамъ; но ступить шагъ за предѣлы фактовъ, т. е. обработки доступныхъ явленій въ той или другой области—это вѣдь области нашихъ духовныхъ силъ. Одно ли и то же они въ своей сущности или различны, этого мы не знаемъ, да и не можемъ никогда знать въ настоящемъ видѣ бытія. Бу-

демъ поэтому довольствоваться фактами и перестанемъ переносить наши умствованія на такую область, гдѣ единственный нашъ долгъ—дѣйствѣе и благоговѣть!

Между тѣмъ какъ эти размысленія прямо противорѣчатъ грубымъ выводамъ матеріалистовъ, однакоже онѣ показываютъ, какъ этотъ предметъ далеко превосходитъ человѣческую способность разумѣнія; это не значитъ, что такимъ же гаданіемъ является то, что мы выводимъ доказательство безсмертія нашего существа. Мы ничего не знаемъ о сущности духа, ни того, въ какой способности она заключается, ни того, каковыя способности и границы той таинственной связи, которую божественное Провидѣніе установило между тѣломъ и духомъ; можетъ быть эти пункты не имѣютъ значенія для великаго вопроса объ его загробномъ существованіи. При изслѣдованіи этого предмета, кажется, это основное положеніе упускаютъ изъ виду. Эта важнѣйшая истина утверждается на другомъ доказательствѣ, почерпаемомъ изъ нравственной организаціи человѣка; она ясно утверждается тѣми принципами человѣческаго существа, въ силу которыхъ онъ испытываетъ въ своей душѣ страхъ или благоговѣніе предъ Богомъ и съ упованіемъ взираетъ на будущее; въ силу которыхъ онъ можетъ различать истину отъ лжи, доброе отъ зла; эти то принципы внушаютъ ему убѣжденіе, что онъ—существо нравственное, отвѣтственное. Сила совѣсти этого внутренняго стража, возвышающаго свой голосъ въ груди каждаго человѣка, есть свидѣтель о Творцѣ ея. Какъ тотъ, кто подчиняется ея внушеніямъ, такъ равно и тотъ, кто не слушаетъ ея предостереженій, одинаково принуждены признать ея могущество; и радуется ли благочестивый въ надеждѣ на безсмертіе или жертва угрызеній совѣсти, испытывающій невидимыя для человѣческаго глаза страданія содрогается въ предчувствіи отчета, оба вынуждены признать достовѣрнымъ, что существо, въ которомъ проявляется его истинное, дѣйствительное „я“ есть болѣе, чѣмъ свойство только тѣлесныхъ отправленій, и по разрушеніи тѣла будетъ жить съ неослабѣвющею силою.

Если мы при нашемъ изслѣдованіи обращаемъ вниманіе на возвышенные законы нравственной обязанности и нравственное міроуправленіе Божества, то однако эта важная истина (безсмертія души) въ дѣйствительности совершенно независима отъ всѣхъ нашихъ разсужденій о сущности души; если бы мы даже согласились съ материалистами въ томъ, что мыслящее, чувствующее и желающее начало въ человѣкѣ есть только химическое соединеніе, которое по разрушеніи тѣла прахомъ разсѣется во всѣ стороны, то что же невѣроятнаго, что Сила, производящая это удивительное соединеніе, можетъ эти элементы снова собрать и соединить для великой нравственной цѣли усовершенствованія? Въ своихъ разсужденіяхъ о столь важномъ предметѣ мы слишкомъ склонны поддаваться влиянію представленій о физическихъ силахъ и свойствахъ физическихъ предметовъ; но есть граница, на которой это основное положеніе должно быть оставлено и которой не можетъ переступить даже самое строгое изслѣдованіе безъ признанія божественнаго всемогущества.

Въ сознаніи каждаго есть глубокое чувство безсмертія. Казуистъ будетъ спорить и философствовать, пока не запутается въ своихъ собственныхъ софизмахъ; но внутренній голосъ уличаетъ его пустякъ спекуляцій во лжи и авторитетно свидѣтельствуетъ о будущей жизни. Честный же и смиренный изслѣдователь высоко цѣнитъ это чувство въ своемъ стремленіи къ успѣху столь важнаго предмета и приходитъ къ твердому убѣжденію въ открытой въ божественномъ откровеніи истинѣ, что таинственная часть нашего существа, мыслящая, чувствующая, желающая, разумная дѣйствительно будетъ жить по разрушеніи своего тѣннаго покрова и предназначена къ безсмертію.

Въ заключеніе этой главы къ вышеприведеннымъ объясненіямъ мы прибавимъ нѣсколько мыслей языческаго, китайскаго мудреца Лаотзе (род. 600 до Р. Х.). „Чтобы составить понятіе о высочайшемъ духовномъ, чтобы постигнуть его, мы должны съ величайшимъ спокойствіемъ и ясностью разсматривать, какъ

всѣ существа рождаются, растутъ, цвѣтутъ, а также, какъ они потомъ снова возвращаются въ лоно природы. Мы должны думать, что каждое живое существо опять возвращается къ своему первоисточнику, каждое разлагается на свои составныя части. Это возвращеніе къ первоначалу, это разложеніе на составныя части и есть „возвращеніе къ покою“. Но за этимъ покоемъ наступаетъ снова жизнь, пробужденіе къ новой цѣли, къ новому назначенію, къ новой жизни. Постоянное возвращеніе, постоянно возобновляющееся оживленіе называется безсмертіемъ. Кто знаетъ, что есть безсмертіе, тому все ясно и понятно, тотъ, словомъ, просвѣщенъ. Кто не признаетъ, что есть безсмертіе, и что онъ также безсмертенъ, тотъ по своему безрасудству и глупости самъ себя устрояетъ погибель. Признающій безсмертіе сознаетъ великое его значеніе. А кто проникнуть высокимъ значеніемъ безсмертія, тотъ высокоуменъ, благороденъ, прекрасенъ. А кто высокоуменъ, благороденъ и прекрасенъ, тотъ достигъ идеала человѣка. А кто достигъ идеала человѣка, тому открыто небо. А кому открыто небо, тотъ знаетъ высочайшее Существо. Кто же знаетъ высочайшее Существо, тотъ знаетъ вѣчность. Нечего намъ бояться, хотя бы тѣло и погибало. Кто чистъ сердцемъ, свободенъ отъ страстей и пороковъ, отъ чувственныхъ пожеланій, себялюбія, зависти, ненависти, гордости, гнѣва, лукавства, кто любитъ истину и добродѣтель, властвуетъ надъ собою, смиренъ, сострадателенъ и благожелателенъ, тотъ можетъ достигнуть мудрости и познать Бога“.

Для насъ въ высшей степени знаменательно именно заключеніе приведеннаго мѣста, въ которомъ язычникъ выражаетъ мысль, высказанную въ концѣ первой главы, именно—что мудрости и истиннаго богопознанія можетъ достигнуть только тотъ, кто чистъ сердцемъ и смиренъ, кто любитъ истину и добродѣтель или, говоря словами Спасителя, кто творитъ волю Отца.

Въ заключеніе обращаемся съ вопросомъ къ упорствующему въ своихъ матеріалистическихъ и атеистическихъ взглядахъ:

желалъ ли ты истины отъ всего сердца? старался ли выполнять поставляемое Словомъ Божіимъ условіе всякаго духовнаго познанія, именно подчиненіе своей воли волѣ Божіей? Пока ты будешь отвѣчать на эти вопросы отрицательно, ты не достигнешь ни познанія своего Бога, ни познанія своего собственнаго существа, а тогда и убѣдительнѣйшія и возвышеннѣйшія произведенія относительно этого предмета останутся для твоего духа безслѣдными.

Исцѣленіе дочери жены хананейской и другихъ больныхъ¹⁾).

Ст. 21. И изшедъ оттуду Іисусъ, отиде во страны Тирскія, и Сидонскія. Это были города Хананейскіе. Какимъ образомъ, заповѣдавши ученикамъ не ходить на путь къ язычникамъ (Матѣ. 10, 5), Самъ пошелъ? Пошелъ, но не съ тѣмъ, чтобы проповѣдывать, а чтобы немного отдохнуть. Поэтому, пришедши; какъ говоритъ Маркъ (7, 24), Онъ вошелъ въ домъ и не хотѣлъ, чтобы кто узналъ: но не могъ утаиться.

Ст. 22. И се жена Хананейска отъ предѣлъ тѣхъ изшедши, возопи къ нему... Маркъ (7, 26) говоритъ; жена же бѣ Еллинеца, Сирофиникияса родомъ, т. е. еллинская—по религіи, сирека—по языку, финикійская—по происхожденію, или по народности. Хананеи назывались Финикиянами отъ главнаго города Финикии. Слыша уже давно молву о Немъ, и теперь услышавши, что Онъ пришелъ туда, она послѣдовала за Нимъ.

(Сирофиникиянка—душа каждаго, вмѣющая какъ бы дочь—умъ, одержимый любовію къ матеріальному и потому какъ бы пораженный падучею болѣзнію и бѣснующійся).

¹⁾ Загабена Толков. см. № 24-й.

Ст. 22... Глаголющи: помилуй мя Господи, Сыне Давидовъ: дщи моя злѣ бѣснуется. Оставивши бѣспующуюся дочь, какъ лишенную всякаго чувства,—приходить,—сама нуждаясь болѣе въ состраданіи къ себѣ, какъ чувствующая эту болѣзнь и потому сильно страдающая. Называетъ Его Сыномъ Давидовымъ зная, что Онъ ведетъ свой родъ отъ Давида,—такъ какъ всѣмъ Давидъ былъ извѣстенъ. Злѣ, говорить, бѣснуется, т. е. жестоко.

Ст. 23. Онъ же не отвѣща ей словесе... Та громко кричить, желая обнаружить скрывавшуюся рѣ сердцѣ скорбь, а Христосъ не отвѣчаетъ ей ни слова; ожидал, пока обнаружится вся вѣра ея, смиреніе и благоразуміе,—что Онъ обыкновенно дѣлаетъ разными способами. Съ другой стороны желаетъ показать іудеямъ, какъ Онъ расположенъ къ нимъ, когда больныхъ ихъ тотчасъ исцѣляетъ, если попросятъ Его разъ, а иногда даже не попросятъ ниразу; между тѣмъ какъ съ язычниками поступаетъ не такъ.

Ст. 23... И приступльше ученицы его, моляху его, глаголюще: отпусти ю, яко вопіетъ въ слѣдѣ насъ. Моляху, т. е. просили. И Маркъ (7, 26) сказалъ о женищницѣ; и моляше его, т. е. просила, чтобы Онъ изгналъ бѣса изъ ея дочери. Ерѣтѣ (молю) значитъ большею частію—спрашиваю; значитъ и прошу, какъ напр. молютися, имѣй мя отречена (Лук. 14, 18); есть случаи, когда оно означаетъ—повелѣваю, напр. влѣзъ же въ единъ отъ кораблю, иже бѣ Симоновъ, моли его отъ земли отступить мало. Какъ учитель, Христосъ повелѣвалъ, потому что немного спустя Онъ со властію сказалъ: поступи во глубину (ст. 4).

Ст. 24. Онъ же отвѣщавъ рече: нѣсмь посланъ, токмо ко овцамъ погибшимъ дому Израилева. И одного молчанія могло быть достаточно, чтобы привести хананеянку къ отчаянію,—а отвѣтъ еще болѣе увеличивалъ его, такъ

какъ Христосъ отвѣтилъ: нѣмъ послать ни къ кому другому, кромѣ иудеевъ; ихъ Онъ и назвалъ погибшими овцами дому Израилева. И въ десятой главѣ (6 ст.) Онъ также сказалъ апостоламъ: идите же наче ко овцамъ погибшимъ дому Израилева. Что же женщина? Увидѣвши, что сама она презрѣна, что отвергнута и просавше за нее, она не отчаялась, такъ какъ имѣла великую вѣру и благоразуміе: но обнаруживаетъ прекрасное безстыдство, и оставивши свой крикъ издали, подошла ближе. А у насъ бываетъ не такъ: когда мы не получаемъ чего либо, мы отстаемъ, между тѣмъ какъ должно было подойти ближе и налегать съ большимъ жаромъ.

Ст. 25. Она же пришедши поклонися ему, глаголющи: Господи, помози ми. До сихъ поръ она не смѣла придти предъ Его лицо, считая себя недостойною.

Ст. 26. Онъ же отвѣщая, рече: нѣсть добро отъяти хлѣба чадомъ, и повреци псомъ. Насколько жена увеличивала просьбу, настолько Христосъ усиливалъ отказъ. Маркъ (7, 27) сказалъ, что Онъ сказалъ ей: остави, да первѣе насытятся чада. Отовсюду показывалъ близость къ иудеямъ, и любовь къ нимъ, уваженіе и заботу. Ихъ назвалъ онъ дѣтьми, какъ своихъ и какъ возлюбленныхъ, а язычниковъ псами, какъ нечистыхъ и преступныхъ. Подъ хлѣбомъ разумѣетъ исцѣленіе не только тѣлесное, но и душевное. И обрати вниманіе на благоразуміе женщины: пораженная словами Христа, она на этихъ словахъ искусно построждаетъ себѣ защиту.

Ст. 27. Она же рече: ей, Господи: ибо и пси ядятъ отъ крупицъ падающихъ отъ трапезы господей своихъ. Да, Господи, говорить она, истинно ты сказалъ: они — дѣти, а я — песь; но поэтому нужно болѣе жалеться надо мной, ибо и пси ядятъ отъ крупицъ, падающихъ отъ трапезы господей своихъ. Такъ какъ я — песь, то я — не чужая, и мнѣ не возбранено участіе въ крохахъ, какъ и псамъ. Подъ крохами разумѣются случайно оказанныя исцѣ-

денія. Что она, такъ сильно отверженная, не отстала, это было дѣломъ вѣры; что признать себя исомъ, было дѣломъ смиренія; а что на словахъ Христа построить свою защиту,—благоразуміи. Поэтому Христосъ и отложилъ исцѣленіе, чтобы все это обнаружилось, чтобы показать этимъ ея любомудріе, чтобы были поспрашены іудеи, такъ сильно побѣжденные языческой женой въ вѣрѣ, смиреніи и благоразуміи,—чтобы Апостолы, видя это, были смѣлѣе впослѣдствіи, когда посылались къ язычникамъ. Поэтому-то Христосъ и вознѣстилъ о вѣрѣ этой жены.

Ст. 28. Тогда отвѣщавъ Іисусъ рече ей: о жено, велия вѣра твоя: буди тебѣ, якоже хочещи. И исцѣлѣ дщи ея отъ того часа. Маркъ (7, 29) говоритъ, что Христосъ сказалъ къ ней: за сіе слово иди,—бѣсъ вышелъ изъ твоей дочери, т. е. за то слово, которымъ ты благоразумно воспользовалась для защиты. Такъ какъ Спаситель похвалялъ и вѣру ея, и благоразуміе, то потому Матѳей записалъ похвалу ея вѣры,—а Маркъ—благоразумія.

• Обрати вниманіе на то, что между тѣмъ какъ Апостолы просили за насъ и ничего не достигли, сама она скорѣе достигла. Отсюда мы узнаемъ, что Богъ лучше желаетъ, чтобы мы просили сами за себя. Ученики имѣли больше дерзновенія, но жена обнаружила великую настойчивость. И дѣйствительно много можетъ достоинство въ молитвѣ.

Въ аллегорическомъ смыслѣ эта Хананейская женщина прообразовала Церковь изъ язычниковъ, которая, находясь въ предѣлахъ своей религіи, имѣла бѣснующуюся дочь, т. е. дѣятельность, надъ которою господствовали демоны. Но вышедши изъ этихъ предѣловъ, т. е. забывши людей своихъ и домъ отца своего (Пс. 44, 11), она удостоилась отъ Христа слова и освободилась отъ владычества демоновъ.

Ст. 29. И прешедъ оттуду Іисусъ, прииде на море Галилейское: и возшедъ на гору, сѣде ту. Иногда Онъ Самъ обходитъ, исцѣляя страждущихъ, иногда же

сидить, ожидая нуждающихся въ исцѣленіи; первое дѣлаетъ по своей благодѣи, а второе для испытанія вѣры слабыхъ. Часто также Онъ восходитъ на гору ради высоты Своего Божества, и научая подниматься отъ земли тѣхъ, которые желаютъ приблизиться къ Богу.

Ст. 30. И приступиша къ нему народи мнози, имуще съ собою хромыя, слѣпыя, нѣмыя, бѣдныя и цины многи... Бѣдныя (κολλοί) это главнымъ образомъ безрукіе, какъ въ 18 гл. будетъ показано.

Ст. 30... И привергоша ихъ къ ногамъ Іисусовымъ: и исцѣли ихъ. Обрати вниманіе на преусиѣвающую вѣру ихъ. Больше уже не прикасаются края одежды, но только повергаются къ ногамъ Іисуса, и Онъ тотчасъ исцѣляетъ ихъ, не потому что они имѣли большую вѣру, чѣмъ Хананейка, но потому что были іудеи. Этимъ желаетъ заградить уста благодарныхъ іудеевъ и показать, что они достойны большого наказанія. Неблагодарный человѣкъ чѣмъ большими и многочисленнѣйшими благодареніями осыпается, тѣмъ большому наказанію подлежитъ.

Ст. 31. Якоже народомъ дивитися, видящимъ нѣмыя глаголющя, бѣдныя здравы, хромыя ходящя, и слѣпыя видящя... Дивились множеству исцѣляемыхъ и скорости исцѣленія.

Ст. 31... И славляху Бога Израилева, т. е. Бога, Котораго почитали Израильтяне.

Ст. 32. Іисусъ же призвавъ ученики свои, рече имъ: милосердную о народѣ семъ, яко уже дни три присѣдять мнѣ, и не имуть чесо ясти... Достоинъ удивленія столь великое постоянство народа. Почему же молчать ученики и не говорятъ какъ прежде: отпусти народъ, между тѣмъ какъ уже прошло три дня? потому что они видѣли, что люди эти тверды въ своихъ намѣреніяхъ, радуются исцѣленію немощныхъ и совершенно нечувствуютъ голода. Можетъ быть они имѣли съѣстные припасы до третьяго дня; поэтому Христосъ и

пристугаетъ къ чуду только тогда, когда оказался недостатокъ въ пищѣ. Зачѣмъ снова насыщаетъ ихъ въ пустынѣ? Конечно для того, чтобы они не ослабѣли на пути, какъ Самъ дальше говорить, и чтобы подтвердить чудо съ прежними патью хлѣбами,—о которомъ вездѣ было разглашено, такъ какъ оно было совершенно публично.

Ст. 32... И отпустити ихъ не ядшихъ не хочу, да не како ослабѣютъ на пути. Маркъ (8, 3) присоединилъ: мнози бо отъ нихъ издавеча пришли суть. Смотри на человеколюбіе Господа. Зная, что природа человеческая нуждается въ пищѣ, Онъ напередъ заботится о ней и, хотя Его не просили даже, доставляетъ пищу. Совѣщается съ учениками, чтобы они, вспоmnивши о чудѣ съ патью хлѣбами, принесли Ему хлѣбы, какіе имѣютъ, и сказали: умножь и эти; но они не поняли причины вопроса, поэтому опять жалуются на ихъ недостатокъ.

Ст. 33. И глаголаша ему ученицы его: откуду намъ въ пустыни хлѣбы толлицы, яко да насытятся толикъ народъ. (Подъ пустынею можно разумѣть природу человеческую, или этотъ міръ, въ которомъ пребываютъ въ словѣ добродѣтели и знанія люди, страждущіе ради вѣры и надежды будущихъ благъ. Три дня—это три душевныя силы, съ которыми они пребываютъ: при помощи слова ищутъ, страстію желаютъ искомаго, и по гнѣву ведутъ борьбу за желаемое. Или три дня—это три закона: естественный, Моисеевъ и евангельскій, свѣтлѣющіе на подобіе дня и пробуждающіе къ полезному дѣланію. Итакъ тѣ, которые сообразно съ этими тремя законами пребываютъ въ Словѣ Божіемъ и готовы принять на себя за всякаго человека труды, никогда не останутся голодными, но получаютъ обильную и божественную пищу: по естественному закону—безпрещатетвенное исполненіе того, что требуется природой; по писанному (Моисееву) закону—бездѣйствіе для противоестественныхъ страстей; по евангельскому—соединеніе съ Сампмъ Богомъ и обожествленіе).

И прежде и послѣ совершаетъ это чудо въ пустынь, вдали отъ городовъ и селеній, чтобы не показалось, что для народа приносилась пища изъ ближайшаго города или селенія.

Ст. 34. И глагола имъ Іисусъ: koliko хлѣбы имате; они же рѣша: семь, и мало рыбицъ. И предъ чудомъ съ пятью хлѣбами также спрашивалъ (Марк. 6, 38); но они не поняли этого. Если и отрицаешь такое ослѣпленіе, такъ какъ они такъ скоро забыли о недавно совершившемся чудѣ, то удивляйся ихъ великой любви къ истинѣ, такъ какъ они при повѣствованіи не скрываютъ даже своихъ недостатковъ. Обрати вниманіе и на то, какую власть они имѣли надъ чревомъ. Находясь въ пустынь уже третій день, они несли съ собою семь хлѣбовъ.

Ст. 35—37. И повелѣ народомъ возлещи на земли. И приѣмъ семь хлѣбы и рыбы, хвалу воздавъ преломилъ, и даде ученикомъ своимъ, ученицы же народомъ. И ядоща вси, и насытишася... Подобное преждему и говорить, и дѣлать, чтобы рѣшительно все напомнить имъ о прежнемъ чудѣ.

Ст. 37—38... И взяша избытки укрухъ, семь кошиницъ неполнь. Идшихъ же быше четыре тысячи мужей, развѣ женъ и дѣтей. Почему тамъ осталось двѣнадцать коробовъ, а здѣсь семь корзицъ, между тѣмъ какъ здѣсь должно бы было остаться больше; здѣсь было больше хлѣбовъ, и меньше идущихъ. Златоустъ говоритъ, что можетъ быть корзины (σπρίδες) были больше коробовъ (χοφίνοι), или же было устроено такъ для того, чтобы различіе и неравенство остатковъ сохраняло неизгладимую память о томъ и другомъ чудѣ. И еще иначе: тамъ число коробовъ сдѣлалъ равнымъ числу Апостоловъ, а здѣсь числу хлѣбовъ, научая этимъ, что для Него легко исполнить то, чего желаетъ.

Необходимо и болѣе таинственное пониманіе относительно тѣхъ пяти тысячъ и этихъ—четырехъ. Пять тысячъ—это болѣе

несовершенные въ добродѣтели, а—четыре болѣе совершенные. Много и тѣхъ и другихъ, но несовершенныхъ всегда больше, чѣмъ совершенныхъ. Бдятъ они возлѣ Христа, т. е. усваиваютъ своимъ умомъ духовное ученіе,—несовершенные усваиваютъ меньше мыслей по слабости своего ума, а совершенные больше вслѣдствіе его крѣпости; остается отъ несовершенныхъ меньше, потому что они меньше усваиваютъ, а отъ совершенныхъ больше, потому что они усваиваютъ больше. Это мы высказали болѣе просто и понятно; но другіе, пускаясь въ тонкости, высказали много мелочныхъ и скучныхъ разсужденій, и не только въ настоящемъ мѣстѣ, но и при многихъ другихъ изслѣдованіяхъ,—что мы охотно пропускаемъ, какъ припивающее лишнее безпокойство.

Ст. 39. И отпустивъ народы влѣзе въ корабль. Но пошелъ сухимъ путемъ, чтобы слѣдующіе за Нимъ не прославляли Его.

Ст. 39... И прииде въ предѣлы Магдалински. Маркъ (8, 1) говоритъ, что, тотчасъ влѣзши въ корабль съ учениками своими, пришелъ въ предѣлы Далмацкіе. Эта страна имѣла оба эти названія.

Мысли св. Тихона Задонскаго о пастве.

Подъ пастырями разумѣются епископы и священники. Самое имя пастырь показываетъ, каквы должны быть они; ибо пасутъ не скотъ безсловесный, но оцы Христовы словесныя, людей, по образу Божію сотворенныхъ, и кровію Христа Сына Божія искупленныхъ. Внимай убо сему, возлюбленный пастырь. 1) Сама или чести сея не долженъ ты проекивать, но званія ожидать: 2) Когда зовенія, разсуждай себе, можеш ли толикое бремя поднять и носить; когда не можеш, не касайся того, да не отяготитъ тебѣ и погрузитъ въ бездну. Надобно тому исправить себя, кто хочетъ другихъ исправлять; надобно прежде научить

себя, кто хочет другихъ учить; надобно быть осторожнымъ самому, кто хочетъ другихъ пасти и спасать; надобно быть добрымъ самому, кто хочетъ другихъ стерегти и сохранять; надобно самому идти напередъ, кто хочетъ вождемъ быть, и путь другимъ показывать, и вести ихъ къ отечеству; надобно быть свѣтомъ міра, которыхъ всѣ просвѣщаются, солию земли, и проч.; надобно прежде самому чистымъ и непорочнымъ быть, кто хочетъ о другихъ быть молитвенникомъ къ Богу; надобно, дабы самого совѣсть не обличала, кто хочетъ другихъ за грѣхи обличать, да не услышитъ: врачу, исцѣлился самъ. Разсуждай сія, возлюбленне, и тяжчайшаго силъ твоихъ бремени не касайся.

3) Пастырь долженъ людей учить неотмѣнно, къ истинному покаянію приводить, страхъ Божій и любовь въ сердцахъ человеческихъ насаждать, безстрашныхъ и нераскаянныхъ грѣшниковъ судомъ Божиимъ устрашать, смущаемыхъ и сомнящихся и къ отчаянію склонныхъ, милостію Божіею и евангельскимъ утѣшеніемъ ободрять; суевѣрія, расколы и ереси искоренять; все тое ученіе отъ источника Израилевыхъ священныхъ книгъ Слова Божія почерпнати и подавать людямъ, себѣ подчиненнымъ. 4) Мѣсто ученія есть храмъ святой, однакожъ пастырь вездѣ, гдѣ ни бываетъ собраніе, можетъ и долженъ ученіе преподавать, когда случай будетъ. Въ семъ дѣлѣ есть примѣръ всемъ пастырямъ Христосъ Спаситель міра, который не токмо въ храмѣ Соломоновомъ училъ, но и въ домахъ, и въ пустынѣ и прочихъ мѣстахъ. Случай подастъ пастырю тщательному и остроумному, что и гдѣ говорить, какъ сіе видимъ и во Евангеліи. За трапезою сидя, можемъ о трапезѣ царствія небеснаго говорить, и проч. 5) Что выѣшь говорить людямъ, тое прежде должно довольно разсудить и добръ разумѣть, а тако людямъ предлагать. Пища прежде варится и солию растворяется и тако на трапезѣ представляется и угодна и полезна бываетъ ядущимъ. Тако пастырю пищу Божія слова должно прежде внутрь сердца своего сварить и солию разума растворить, и тако алчу-

щимъ людямъ духовную трапезу представлять, иначе пастырь удобно можетъ въ словѣ погрѣшнить.—6) Понеже двоякіи люди суть, безстрашно живущіи, и страхомъ суда Божія сокрушеніи, и алчущіи утѣшенія; то пастырь долъ имѣть въ своемъ словѣ законъ Божій и судъ Божій на безстрашныхъ предлагать, и тѣмъ ихъ къ истинному покаянію и сокрушенію приводить; сокрушеннымъ же, и печальнымъ и смущаемымъ въ совѣсти евангельское утѣшеніе подавать: вѣрно слово и всякаго пріятія достойно, яко Христосъ Іисусъ приде въ міръ грѣшники спасти и проч. 7) Слово обличительное иначе говорится вообще, ипаче къ единому нѣкому лицу. Когда вообще говорится, то можно строже и острѣе говорить, дабы слышашіе грѣшники почувствовали ударъ страха въ сердцахъ своихъ, и тако бы отъ сва грѣховнаго пробудились. Сіе видимъ въ пророческихъ и апостольскихъ писаніяхъ. Но когда къ одному какому человѣку хочешь обличительное слово говорить, и за извѣстный тебѣ и ему грѣхъ, въ такомъ случаѣ опасно говори, да не хочици едину яззу испѣлять, болѣе уязвиши: времени и случая къ тому нищи. Нѣтъ лучшаго случая, какъ когда онъ самъ свой грѣхъ исповѣдуетъ тебѣ: тогда ты все можешь ему говорить, только ласково говори и съ сожалѣніемъ, а не съ гнѣвомъ, дабы онъ позналъ, что ты отъ любви говориши и искренно желаешь ему спастись. 8) Когда люди, какіе бы они ни были, беззаконнуютъ, и ты извѣстно знаешь, крайне берегись молчать, но вездѣ беззаконія ихъ въ словѣ твоємъ обличай, да не уподобишися псу нѣмому, который не лаеетъ, хотя тати находятъ на домъ, и расхищаютъ его, и волки нападаютъ на стадо и поражаютъ тое. Стани здѣ, возлюбленне, и показуй пастырское дѣло свое, хотя бы слѣдовало тебѣ и пострадать. Въ семъ дѣлѣ имѣешь во образъ себѣ пророковъ и апостоловъ и святителей Христовыхъ, въ древности пожелавшихъ. 9) Богатымъ и высокимъ людямъ, которые въ гнѣхъ ти и гордости міра сего живутъ, ласкать берегись, и пороки ихъ уменьшать, или, что горше того, за ничто поставлять, да не вмѣсто учителя ласкателемъ будешь; но всякій порокъ прямо обличай, и истину вездѣ и всегда свидѣтельствуй. Божіе бо

слово говоришь, яко посланникъ Божій. Пусть вси таковыя знаютъ, что ты пастырь еси ихъ и учитель, и слово о нихъ имѣешь воздаты праведному Судіи. 10) Ради похвалы и славы человѣческія, берегись Божіе слово говорить, да не погрѣшишь предъ Богомъ, похищая себѣ тое, что не твое. Божіе слово дано ради спасенія человѣческаго и прославленія имени Божія; на сей конецъ и проповѣдовати тое должно. Когда по надлежащему должность пастырскую будешь исправлять, то будешь похвалу имѣть, хотя и не хочешь, однакожь не отъ всѣхъ. Добрыя и тщательныя о своемъ спасеніи будутъ любить тебя и хвалить, но злыя и нерадующія о своемъ спасеніи будутъ ненавидѣть и поносить, не всѣмъ бо все нравится. 11) Чему людей, подчиненныхъ тебѣ, учишь, тое все самъ прежде ты долженъ дѣлать; тако будешь и словомъ и дѣломъ учить, когда нравы и житіе твое слову согласно будетъ. На высокомъ мѣстѣ сидишь, и предъ всѣми стоишь; вси убо на тебя и смотрятъ, и что дѣлаешь и говоришь, примѣчаютъ: учи убо ихъ добру и словомъ и примѣромъ твоимъ, да и слышать отъ устъ твоихъ полезное слово, и видятъ образъ добраго житія твоего, и тако словомъ и житіемъ твоимъ пользуются. Возлюбленне! буди людямъ твоимъ свѣтъ и словомъ, и житіемъ, буди соль ихъ, буди вождь къ отечеству, а не столбъ на пути стоящій. Указывай имъ путь, и самъ напередъ иди. Стереди ихъ яко сторожь, и самъ стерегись. Возвѣщай имъ волю Божію, но самъ прежде твори. Зови на великую вѣчнаго блаженства вечерю, но и самъ напередъ иди. 12) Какъ самаго пастыря, такъ и людей тщаніе и дѣла безъ помощи Божіей не исправляются и успѣха не получаютъ. Сего ради пастырь долъ имѣть о себѣ и о людяхъ прилежно Богу молитися, да и ему и всѣмъ людямъ поможетъ. Какими добродѣтелями украшенъ, и какъ тщателенъ пастырь долженъ быть, въ первомъ и во второмъ посланіи къ Тимошею и въ посланіи къ Титу апостолъ изображаетъ. Читай самъ и увидишь. Примѣчанія достойно слово его: подобаетъ епископу (подъ именемъ епископа и пресвитеръ разумѣется) быти непорочну, одинымъ женамъ мужу, трезвену, цѣломудру, благоговѣйну, честну, страннолюбиву, учительну: не цѣлницѣ, не бійцѣ, не сварливу, не мшеломицу, не кротку (не завистливу), не сребролюбцу: свой домъ добрѣ правящу, чада имущу въ послушаніи со всякою чистотою.

Редакторъ Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архипавдритъ *Ириней*.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 7 іюня 1885 г. Цензоръ прот. М. Богдановъ.

Тип. Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайлов. ул., собств. домъ.

Годъ

РУКОВОДСТВО

для

XXVI.

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
пять руб., съ пересылкою шесть
рублей серебромъ.

№ 27.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Кіевской
духовной семинаріи.

1885 года, Іюня 30-го.

Содержаніе: Факты изъ пастырской практики, свидѣтельствующіе о степени виновности духовенства въ томъ, что оно будто бы вынуждаетъ прихожанъ дѣлать разные приносы въ свою пользу. — Отвѣтъ Редакціи на недоумѣнія одного изъ подписчиковъ своихъ-священнослужителей. — Искупленіе Іисуса Христа фарисеями и саддукеями. — Мысли св. Тихона Задонскаго о пастырствѣ.

Факты изъ пастырской практики, свидѣтельствующіе о степени виновности духовенства въ томъ, что оно будто бы вынуждаетъ прихожанъ дѣлать разные приносы въ свою пользу.

Неразъ приходится читать въ нѣкоторыхъ органахъ русской печати статьи противъ нашего духовенства. Обыкновенно упрекаютъ наше духовенство въ томъ, что оно вынуждаетъ народъ дѣлать разные „приносы“ и требуетъ непосильной уплаты деньгами за требосправленія. Все эти и подобныя имъ упреки и обвиненія духовенства возникаютъ изъ ложнаго традиціоннаго и тенденціознаго взгляда на духовенство, изъ совершеннаго не-знанія жизни духовенства и простаго народа, изъ нежеланія

выскнуть въ самый духъ крестьянской жизни. Насколько въ самомъ дѣлѣ справедливы возводимые на духовенство упреки и обвиненія въ вымогательствѣ и поборахъ съ народа, предоставляю судить читателю по слѣдующимъ фактамъ:

Вскорѣ по вступленіи на свой приходъ, я немало былъ удивленъ тѣмъ, что прихожане при требоисправленіяхъ приносятъ въ пользу священника съ причтомъ хлѣбъ и водку. Такой приносъ при требоисправленіяхъ, особенно при совершеніи таинствъ, мнѣ не понравился; и я публично въ церкви объявилъ своимъ прихожанамъ, что при требоисправленіяхъ не буду принимать какихъ либо приносовъ, а тѣмъ болѣе—водки. Спустя немного послѣ этого объявленія моего прихожанамъ, принесли крестить младенца. По совершеніи таинства крещенія и по соблюденіи при семъ всѣхъ формальностей—записи новорожденнаго и восприемниковъ въ метрическую книгу, я сказалъ послѣднимъ, чтобы они шли домой. Тогда кумъ обращается ко мнѣ съ предложеніемъ принять отъ него хлѣбъ и водку. Такое предложеніе кума я отклонилъ и при томъ замѣтилъ ему, что мною въ церкви уже было объявлено всѣмъ прихожанамъ, чтобы они не дѣлали никакихъ приносовъ при требоисправленіяхъ. Не смотря на все это, кумъ продолжалъ упрашивать меня, чтобы я принялъ отъ него хлѣбъ и водку, настойчиво выставляя на видъ то, что ему „негодница“ принесенный хлѣбъ и вино обратно—назадъ нести домой.

Но сколько онъ ни просилъ меня, все-таки я не принялъ принесеннаго, и кумъ вышелъ изъ комнаты. Вскорѣ по уходѣ кума, я пошелъ въ кухню-людскую, чтобы поговорить съ своими служащими и сдѣлать имъ кое-какія распоряженія по хозяйству. Вошедши въ кухню, я увидѣлъ, что мой работникъ и кухарка едва стояли на ногахъ среди комнаты и вели между собою какой-то патетическій и мало понятный разговоръ. Увидѣвъ меня, они хотѣли было разбѣжаться, но не могли: кухарка пошатнулась и припала на полъ, а работникъ нетвердыми шагами направился къ выходной двери. Я стоялъ и удивлялся, не зная, въ чемъ

дѣло. Послѣ узнаю, что кумъ, когда приносъ былъ не принять отъ него, пошелъ въ кухню и далъ выпить принесенную водку моимъ слугамъ—говоря: „мнѣ стыдно и даже грѣшно нести домой водку; видно, батюшка гнѣвается на нашего хозяина“. Когда подобные случаи повторились еще два раза, я заявилъ своимъ прихожанамъ свое неудовольствіе на то, что они не исполняютъ моихъ распоряженій, продолжаютъ дѣлать неумѣстные и ненужные приносы и позволяютъ себѣ даже спаивать моихъ слугъ и тѣмъ вредятъ мнѣ. На такую претензію мою они замѣтили: „когда вы не хотите принимать предлагаемый вамъ хлѣбъ и водку, то мы даемъ его вамъ слугамъ, потому что то, что назначено для васъ, то и должно остаться въ вашемъ домѣ; такъ дѣлали наши отцы, дѣды и прадѣды, и мы это дѣлаемъ, а когда вы хотите теперь ввести новые порядки, то мы къ вамъ не будемъ ничего посить, а понесемъ хотя бы къ ксендзу!... Что за батюшка нашъ,—пренебрегаетъ нашимъ хлѣбомъ.... не хочетъ, чтобы мы дѣлали приносы въ его домъ,... пожалуй скоро и въ церковь нельзя будетъ ничего приносить и жертвовать“.

О чемъ свидѣлствуетъ это заявленіе прихожанъ? Не говорить ли оно о томъ, что порицатели духовенства не знаютъ нашего простаго народа, его убѣжденій, привычекъ, его традицій и своеобразныхъ взглядовъ; и потому не напрасно ли обвиняютъ духовенство за вымогательство у народа приносовъ всякаго рода?

Въ первый же годъ по вступленіи на приходъ случилось мнѣ благословить бракъ одного бѣднаго прихожанина. За бракъ я отказался взять у него какое нибудь вознагражденіе. Тогда этотъ крестьянинъ, Тихонъ Гришкунъ, уличивъ удобную минуту, когда меня и жены не было дома, привезъ мѣшокъ овса и оставилъ его въ сѣняхъ. Возвратившись домой, я увидѣлъ овесъ и сталъ спрашивать слугъ, откуда онъ взялся; слуги объяснили мнѣ, что овесъ привезъ крестьянинъ Т. Г., отъ котораго я не хотѣлъ взять денегъ за бракъ; я приказалъ позвать крестьянина

Т. Г.; крестьянинъ скоро явился и на разные мои вопросы отвѣтилъ:

„Проще, батюшка, развѣ я хуже всѣхъ людей; я, кажется, ничѣмъ васъ не обидѣлъ,—будьте такъ добры, если не берете денегъ, то примите хотя овесъ“.

О чемъ опять говорить и этотъ отвѣтъ крестьянина Т. Г.,— о вымогательствѣ ли или о чемъ нибудь другомъ?

Свящ. *Н. Буйницкій.*

Вол—ской еп. село Пражево.

Отвѣтъ Редакціи на недоумѣнія одного изъ подписчиковъ своихъ - священнослужителей.

„Не оскорбляется ли святость таинства евхаристіи прибавленіемъ теплоты къ святой крови послѣ освященія святыхъ даровъ, и если нѣтъ, то въ случаѣ надобности можно приливать вино въ чашу и послѣ соединенія святой крови съ теплотою“?

Предлагая означенные два вопроса, почтенѣйшій подписчикъ нашего Руководства, какъ по всему видно, человекъ, глубоко и искренно интересующійся дѣломъ своего пастирскаго служенія въ смыслѣ правильнаго, разумнаго отношенія къ нему; между прочимъ первый изъ этихъ вопросовъ въ своемъ письмѣ на имя Редакціи мотивируетъ слѣдующимъ образомъ: „Не приносятся ли, говорятъ онъ, чрезъ это, т. е. чрезъ соединеніе св. крови Христовой съ теплотою, посторонній элементъ къ тѣлу и крови Господней, элементъ, совершенно по существу (хотя и не по таинственному значенію) чуждый таинства тѣла и крови Христовой? Правда, продолжаетъ авторъ дальше, вода, приливаемая въ чашу, благословляется съ произнесеніемъ словъ: „благословенна теплота святыхъ“, и пр., но можетъ ли идти въ сравненіе это благословеніе и освященіе воды съ благословленіемъ и освященіемъ, когда совершается пресуществленіе“?

Что сказать на это? Прежде всего слѣдуетъ сказать, что авторъ совершенно по существу самъ же и рѣшаетъ свой вопросъ, говоря (хотя и въ скобкахъ) о таинственномъ значеніи теплоты, приливаемой къ св. крови предъ причащеніемъ. Чтобы видѣть это ясно, надо имѣть въ виду, что соединеніе одного элемента съ другимъ при совершеніи св. таинства въ нашей православной Церкви, какъ и въ Церкви христіанской—вообще, въ таинственномъ отношеніи практикуется не на одной только литургіи. Извѣстно, что по ученію Самого же Господа нашего Іисуса Христа основной элементъ для таинства крещенія составляетъ вода. Опъ Самъ говоритъ: аще кто не родится водою и духомъ, не можетъ внити въ царствіе небесное. И первымъ дѣломъ въ чинѣ крещенія у насъ полагается освященіе воды,—а потомъ „сеемъ“ производится въ водѣ три креста“, или, какъ изъясняется объ этомъ въ Новой Скрижали: „іерей творитъ кресты три сеемъ въ водѣ, т. е. присоединяетъ или пріобщаетъ священный елей къ той же освященной водѣ, въ знаменіе 1) того елей, которымъ Христосъ въ Евангеліи, въ лицѣ самарянина, врачевалъ человѣка, впадшаго въ разбойники; потомъ 2) въ знаменіе и того елей и масляны, съ которой сучецъ принесъ голубъ въ ковчегъ Ноевъ. Потому между прочимъ и Симеонъ Солунскій (въ гл. 62) пишетъ: а такъ какъ нужно здѣсь быть и образу божественной милости, то и употребляется святой елей. Ибо вода знаменуетъ омовеніе и очищеніе, и уже освящена; а елей показываетъ божественную милость и благоутробіе благодати Божіей; онъ-то именно и подается тѣмъ, которые изранены общими врагомъ и поражены имъ, какъ говоритъ Христосъ въ Евангеліи. Это и при Ное показано было; ибо голубъ принесъ въ устахъ сучекъ масляны находившимся на водѣ въ ковчегѣ. Вода (пѣтона) прообразовала крещеніе, а голубъ—Духа Святаго, сучекъ же масляны, принесенный имъ въ устахъ, былъ знаменіемъ милости и безмѣрной благодати Божіей. По сей причинѣ и здѣсь въ крещеніи употребляется святой

елей" ¹⁾). Подобно этому и о таинствѣ елеосвященія св. апостолъ Іаковъ прямо заповѣдуетъ, что пресвитеры, совершающіе его, должны помазывать болящаго однимъ елеемъ... Между тѣмъ кромѣ этого въ томъ же таинствѣ, какъ гласитъ Новая Скрижаль, съ елеемъ соединяется еще и красное вино „въ знаменіе крови Христовой, на крестѣ изліянной. По словамъ же Симеона Солунскаго (гл. 286) снмъ же изображается и исцѣленіе тѣла того избитаго, котораго взявъ нѣкто самарянина, который есть Іисусъ, родившійся отъ Маріа Дѣвы, уврачевалъ виномъ и елеемъ, т. е. кровію своею и щедротами. Посему нѣкоторые вливаютъ въ сосудъ вино раньше елея“, и т. д. ²⁾).

Ясно, что Церковь христіанская различаетъ такимъ образомъ въ таинствахъ существенное, основное, или какъ говорится: матерію таинствъ, и такъ называемое таинственнаго, при чемъ сила таинства безусловно остается за первымъ, тогда какъ безъ втораго, въ крайнихъ случаяхъ, можно и обойтись, какъ напр. въ крещеніи безъ елеопомазанія, въ елеосвященіи безъ смѣшенія вина съ елеемъ, и т. и. Тоже самое должно сказать и относительно прилитія теплоты на литургіи къ святой крови. Необходимое вещество въ таинствѣ причащенія, само собою разумѣется, составляетъ вино, смѣшенное съ водою на проскомидіи; на этомъ винѣ совмѣстно съ приготовленнымъ св. Агнцемъ и совершается литургія. Прилитіе же теплоты, въ какомъ бы смыслѣ ни понимать его, или какъ „образъ Св. Духа въ пресвятѣйшемъ таинствѣ святѣйшей трапезы, чрезъ вантіе котораго всѣ таинства совершаются“:—или же какъ ближайшее указаніе, что въ св. чашѣ дѣйствительно и существенно находится святая, живая и животворящая кровь Господа воскресшаго, „чтобы мы, приобщаясь устами чашѣ и причащаясь крови, пили ее какъ бы изъ животворящаго ребра Христова“;—или же въ смыслѣ „нисхо-

¹⁾ Новая Скрижаль. Спб. 1870 г. стр. 415.

²⁾ Тамъ же, стр. 452—453.

ствія Св. Духа на церкви, которая въ св. дарахъ разумѣется¹⁾; — во всѣхъ этихъ отношеніяхъ имѣетъ одинъ только духовный смыслъ, по каковой причинѣ, само собою разумѣется, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть понимаемо, какъ „привнесеніе какого либо посторонняго элемента въ таинство“, а только какъ болѣе обстоятельное приспособленіе пониманія самаго таинства съ нашей стороны для большаго впечатлѣнія его и воздѣйствія на насъ, т. е. сказать иначе, должно имѣть только таинственное, а не совершительное, тайнодѣйственное значеніе.

Тѣмъ менѣе, конечно, кто либо вправѣ требовать послѣ этого, какъ требуетъ, повидимому, авторъ письма, чтобы самое благословеніе теплоты, приливаемой въ св. чашу, имѣло какое бы то ни было тайнодѣйственное значеніе. Онъ говоритъ: „правда, теплота эта благословляется съ произнесеніемъ словъ: благословенна теплота святыхъ и пр.; но можетъ ли идти въ сравненіе это благословеніе и освященіе воды съ благословеніемъ и освященіемъ, когда совершается пресуществленіе даровъ“? Само собою разумѣется, что никогда и ни въ какомъ случаѣ „не можетъ“... Да и въ этомъ положительно нѣтъ никакой надобности, такъ какъ освященіе св. даровъ для пресуществленія ихъ въ тѣло и кровь Христову — одно, а благословеніе теплоты ради таинственнаго его знаменованія — другое. Такъ и Симеонъ Солунскій прямо говоритъ, что „теплота какъ на преждеосвященной, такъ и на совершенной литургіи является въ потиръ не ради совершенія, а для того, чтобы, вкусивши теплой страшной чаши, мы уразумѣли, что и по смерти Христа животворное тѣло Его было неразлучно и нераздѣльно съ Божествомъ, какъ божественная Его душа исполнена дѣйствомъ Св. Духа. Теплота и показываетъ, что животворящій Духъ не отступилъ отъ животворящаго тѣла Христова, и что Божество съ нимъ не разлучно. Вода же и теплота вмѣстѣ изображаютъ Св. Духа,

¹⁾ Тамъ же, стр. 254—256.

который индѣ называется водою, и такъ какъ теплота происходитъ отъ огня, какъ Божество Духа отъ Отца. Потому и говорится при вливаніи теплоты: теплота вѣры исполнь Духа Святаго, аминь“, и т. д.¹⁾. На счетъ преждеосвященной литургіи даже извѣстно, что теплота здѣсь предъ причащеніемъ вовсе не благословляется. „И діаконъ вливаетъ теплоту въ потиръ, говорится въ Уставѣ о сей литургіи, ничто же глаголя“... Между тѣмъ какъ мы сейчасъ только видѣли у Симеона Солунскаго, теплотѣ этой усваивается одинаковое таинственное значеніе, какъ и теплотѣ, приливаемой на полной литургіи. О какомъ же тайнодѣйственномъ значеніи благословенія этой теплоты можетъ быть рѣчь!...

Затѣмъ далѣе тотъ же уважаемый священнослужитель спрашиваетъ: „Не можемъ ли мы, священнослужители, съ такимъ же правомъ (какъ и вліяніе теплоты) послѣ освященія даровъ подлить въ чашу вина, если бы это оказалось почему либо нужнымъ, только предварительно благословивши это вино? Извѣстно оный, продолжаетъ онъ, что это не позволяется; но почему бы не разрѣшить и сіе, если то возможно?“ Къ этому онъ подъ чертою присовокупляетъ: „Такъ напр. на литургіи преждеосвященныхъ даровъ священникъ благословляетъ вино съ водою, вливаетъ въ чашу и затѣмъ въ свое время, соединивши это съ св. дарами, ничто же сумняся, причащается“...

Признаться, здѣсь прежде всего смущаетъ насъ самая постановка вопроса, или точнѣе сказать, его связь съ предъидущимъ. Авторъ говоритъ: „не можемъ ли мы, священнослужители, съ такимъ же правомъ... подлить въ чашу вина?“ и т. д. Да какое же тутъ можетъ быть право? Когда вливается теплота въ св. чашу на своемъ мѣстѣ на литургіи, то это дѣлается, какъ мы видѣли, и какъ самъ авторъ соглашается, ради таин-

¹⁾ См. »Изъясненіе о вѣрнѣхъ исправленіяхъ въ служеніи преждеосвященной литургіи«.

ственного значенія этой теплоты, и при томъ по исконному уставу и обычаю св. Церкви. Въ этомъ именно и заключается право священниковъ на вліяніе теплоты... Какое же другое право можно придумать въ данномъ случаѣ? Или нельзя ли подъ этимъ правомъ разумѣть нужду, во имя которой авторъ требуетъ разрѣшеніе на прилитіе вина въ чашу и послѣ вліянія въ оную теплоты? Но нужда—не право. И при томъ, какая именно такая и можетъ быть нужда, чтобы съ нарушеніемъ устава церковнаго совершать предполагаемое подлитіе вина?

Единственною нуждою, какая въ этомъ случаѣ предстается намъ, можетъ быть только недостатокъ божественной крови въ св. чашѣ при болѣе или менѣе значительномъ количествѣ причастниковъ. Но это такая нужда, которая можетъ только самому священнику служить въ судъ или осужденіе, а не давать ему какое либо право на нарушеніе устава церковнаго. Ибо каждый священникъ, приступая къ литургіи, обязанъ прежде всего знать, сколько у него будетъ причастниковъ, чтобы соотвѣтственно этому выѣлось заранѣе и нужное количество тѣла и крови Господней, дабы достало ихъ для причащенія всѣхъ. Иначе, надобно думать, что у священника не было обращено своевременно должное вниманіе къ святому дѣлу. Но мы знаемъ и другую нужду, которую, быть можетъ, подразумеваетъ авторъ, спрашивая насъ о возможности или невозможности прилитія вина по освященіи даровъ. Вѣроятно, онъ разумѣетъ тѣ случаи, когда на извѣстныхъ, такъ называемыхъ, святыхъ мѣстахъ или у извѣстной святыни собирается большее или меньшее количество богомольцевъ, обыкновенно приступающихъ къ исповѣди и причащенію св. Таинъ, и при томъ такъ, что, начиная исповѣдываться съ вечера, иные продолжаютъ исповѣдываться утромъ и даже во время обѣдни, лишь бы поспѣть къ концу ея для причащенія св. Таинъ. Но во-первыхъ, желательно знать, правильно ли поступаютъ тѣ священники, которые допускаютъ у себя подобнаго рода порядки? И что это за причащеніе, которое совершается

при подобныхъ обстоятельствахъ?... А главное, и тутъ весьма легко избѣжать грѣха; прежде всего можно пригласить нѣсколько священниковъ для исповѣди желающихъ, и затѣмъ начинать литургію, сколько можно позже, чтобы такимъ образомъ все желающіе причаститься могли исповѣдаться предъ литургіею и чтобы можно было хоть приблизительно сосчитать ихъ. Не говоримъ уже о томъ, что всякій благоразумный священникъ всегда сумѣетъ справиться въ этомъ случаѣ, заготовляя нарочно на данной обѣдни столько тѣла и крови Христовой, чтобы ихъ доставало не только для предполагаемаго числа причащающихся, но и возможно больше того, дабы достало всеѣмъ съ избыткомъ.

Конечно, здѣсь можетъ быть вопросъ, какъ поступать въ тѣхъ случаяхъ, когда причастниковъ много, а сосуды церковные таковы, что вмѣстить въ нихъ столько св. даровъ, сколько нужно, — нѣтъ никакой возможности? Но и здѣсь можно сказать, отъ чего же разъ навсегда для подобныхъ случаевъ не приобрести такіе именно св. сосуды, которые были бы пригодны на всякіе случаи? Тамъ, гдѣ бываетъ много причастниковъ, тамъ, значить, и средствъ должно быть побольше, а потому для приобретения означенныхъ сосудовъ не можетъ быть препятствія. Во-вторыхъ, несомнѣнно, что на самыхъ маленькихъ дискахъ можно освятить, какой угодно величины, св. Агнецъ, а для св. крови можно имѣть всегда двѣ—три чаши, чтобы по освященіи св. даровъ разлить кровь Господню въ каждую изъ нихъ, и затѣмъ, погрузивши въ нихъ раздробленные частицы св. Агнца, причащать желающихъ изъ каждой особо, какъ это и дѣлается обыкновенно, когда литургія служится соборнѣ и за оною причащаютъ два—три изъ служащихъ священниковъ¹⁾.

¹⁾ Въ тѣхъ церквахъ, при которыхъ есть нѣсколько священниковъ, — въ случаѣ значительнаго числа говѣющихъ, гораздо лучше отслужать двѣ или даже три литургіи для причастниковъ; тогда и желающіе прича-

Но самое коренное и существенное, что желали бы мы знать по адресу нашего почтеннѣйшаго совопросника, — это именно то, съ какою цѣлію станетъ онъ подливать въ чашу вино послѣ растворенія его теплотою? Очевидно, здѣсь возможенъ только одинъ случай, — именно, когда въ чашѣ остается одно св. тѣло Господне и недостасть св. крови для продолженія причащенія. На это самое, безъ сомнѣнія, указываетъ и самъ авторъ, ссылаясь на прилитіе вина на преждеосвященной литургіи, — а мы присоединимъ къ сему и то, что такого же рода прилитіе совершается еще и при причащеніи больныхъ запасными дарами. Но какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ мы причащаемся, „ничтоже сумняся“, во-первыхъ потому, что на это имѣемъ полнѣйшее право по уставу церковному, и во-вторыхъ потому, что это дѣлается для большаго удобства въ причащеніи, такъ какъ сухой Агнецъ, а вмѣстѣ съ нимъ и сухіе запасные дары не удобны для употребленія. Къ сему по адресу того же автора не можемъ не сказать, что онъ самъ, кажется, немножко не понимаетъ дѣла, говори, будто бы, соединивши вино въ чашѣ на преждеосвященной литургіи, мы причащаемся. Развѣ авторъ забылъ, что причащеніе — то и совершается здѣсь только отъ одного Агнца, напоеннаго кровію, а о винѣ, находящемся въ чашѣ, въ уставѣ преждеосвященной литургіи прямо сказано, что причащаясь его, священникъ „іістъ ничтоже глаголя“, потому что, какъ читаемъ далѣе у Симеона Солунскаго, „хлѣбъ предлагаемый на преждеосвященной литургіи освящается и соединяется съ божественною кровію на предшествовавшей полной литургіи, а въ священный потиръ на преждеосвященной литургіи вливается, безъ всякой молитвы, вино и вода, дабы по раздѣленіи божественнаго хлѣба освятилось чрезъ сообщеніе съ нимъ то, что

стяться не придется слишкомъ долго говѣть, да и священнослужители не будутъ утомлены продолжительностію причащенія говѣющихъ; тогда и въ большихъ сосудахъ не представится нужды.

Ред.

находится въ потирѣ“. Сказано прямо: освятилось, а не пресуществилось, а потому, само собою разумѣется, ни въ какомъ случаѣ не можетъ соединиться съ кровію Христовою. По этой-то причинѣ между прочимъ у насъ, въ православной Церкви, и не принято причащать младенцевъ на преждеосвященной литургіи, такъ какъ ихъ можно причащать только кровію Господней, а здѣсь, на этой литургіи, кровь находится только въ соединеніи со св. Агнцемъ, а отнюдь не въ випѣ, приливаемомъ въ чашу предъ началомъ литургіи.

И какое такое благословеніе можетъ употреблять священникъ, приливая вино въ чашу послѣ соединенія крови Христовой съ теплотою, когда, по словамъ самого же автора, самое уставное благословеніе теплоты „не можетъ идти въ сравненіе съ благословеніемъ и освященіемъ, когда совершается пресуществленіе даровъ“? А такъ какъ на основаніи сказаннаго такого рода пріимтіе не можетъ имѣть никакого не только тайнодѣйствіи, но и таинственнаго значенія, то здѣсь - то именно и будетъ то, о чемъ говорятъ авторъ, разсуждая о теплотѣ, т. е. присоединеніе къ св. крови Господней „посторонняго элемента“, а потому, само собою разумѣется, и такое дѣйствіе иначе не можетъ быть понимаемо, какъ дѣйствіе самочинное, — и значить грѣховное...

Мы тѣмъ болѣе считаемъ себя вынужденными говорить такимъ образомъ, что въ существѣ дѣла оно является и дѣломъ безусловно ненужнымъ. Мы сказали, что единственнымъ случаемъ или поводомъ для подобнаго рода дѣйствія можетъ быть то, когда во время причащенія въ чашѣ остается только одно св. тѣло, а крови Господней не хватаетъ. Но мы ужъ никакъ не можемъ предположить, чтобы даже самъ нашъ авторъ не погружалъ всѣхъ частицъ тѣла Христова, имѣющихся въ данный моментъ въ его распорядкѣ, въ кровь Христову до причащенія желающихъ. Если же этого ни онъ, ни другіе не сдѣлаютъ, то, само собою разумѣется, въ чашѣ должны остаться частицы,

напоенныя кровію. Зачѣмъ же еще разводить ихъ виномъ? Такъ и на преждеосвященной литургіи священнослужители причащаются отъ Агнца, напоеннаго кровію, какъ настоящаго тѣла и крови Господней вмѣстѣ... А о причащеніи больныхъ въ Скрижали прямо сказано, что въ случаѣ надобности „употреблять можно и сухій (т. е. засушенный съ кровію) животворящій хлѣбъ, ибо онъ соединенъ съ кровію“¹⁾. Такъ же точно, безъ всякаго сомнѣнія, можетъ и долженъ поступать священникъ и въ случаѣ истощенія св. крови въ чашѣ. Если у него при этомъ остаются частицы тѣла Христова, раствореннаго кровію, то такимъ онъ пусть и причащаетъ, когда надо, „ничто же сужияся, ибо, повторимъ сказанное изъ скрижали, Агнецъ здѣсь напоенъ св. кровію“. Иной вопросъ, если при этомъ и св. тѣла не хватаетъ. Но тогда кто же станетъ причащать, хотя бы желающихъ причаститься было не сотня, а десятки и даже единицы?

Въ заключеніе автора разбираемаго письма смущаетъ вопросъ: въ какомъ именно смыслѣ „вліявіе теплоты въ чашу можетъ означать сошествіе Св. Духа на Церковь“, какъ это объясняется между прочимъ и въ нашей Новой Скрижали²⁾. На это мы скажемъ коротко, что толкователи, излагающіе подобную мысль, очевидно, имѣли въ виду ученіе св. апостола Павла, который именно Церковь прямо именуетъ тѣломъ Христовымъ. Въ этомъ смыслѣ объясненіе это не лишено своего основанія, хотя для не желающихъ или не могущихъ понимать Его оно не можетъ быть обязательно. Отъ чего, между прочимъ, и сама Скрижаль это объясненіе называетъ толкованіемъ „новѣйшихъ писателей“³⁾, слѣдовательно такимъ, которое строгаго обязательнаго значенія имѣть не можетъ, въ особенности въ

¹⁾ Новая Скрижаль, стр. 299, 300.

²⁾ Стр. 255, 256.

³⁾ Стр. 225.

виду другихъ болѣе понятныхъ и ближайшихъ къ дѣлу объясненій, о которыхъ мы вспоминали выше, и которыхъ, какъ мы видѣли изъ самаго письма автора, не безызвѣстны и ему самому... Вполнѣ достаточно будетъ, если авторъ, да и каждый изъ насъ, успокоится на этихъ объясненіяхъ,—а болѣе тонкія и глубокомысленныя изъ нихъ можно предоставить и умамъ болѣе тонкимъ и глубокомысленнымъ.

Искушеніе Ісуса Христа фарисеями и садду- неями¹⁾.

Глава 16. Ст. 1. И приступиша къ нему фарисее и саддукее, искушающе просяща его знаменіе съ небесе показати имъ. *Εἰδρωσῶσαν* (спрашивали) значить здѣсь—просили, какъ выше (15 гл., 23 ст.) было сказано. Они желали видѣть знаменіе съ неба, т. е. какое либо чудо относительно солнца, или луны, или звѣздъ; и искали этого искушая, не для того, чтобы увѣровать, а чтобы уловить, какъ будто мага. Прежде нихъ и другіе также искушая просили у Христа знаменія съ неба, какъ сказано объ этомъ въ двѣнадцатой главѣ; тамъ же найди и другую причину.

Ст. 2. Онъ же отвѣщавъ рече имъ... Маркъ (8, 12) сказалъ; и воздохнувъ духомъ своимъ, глагола, т. е. вздохнувши отъ души, или какъ мы говоримъ—изъ глубины, отъ сердца. Зная самихъ искушающихъ, вздохнулъ объ ихъ неспѣлимомъ лукавствѣ и сказалъ имъ:

Ст. 2 и 3... Вечеру бывшу, глаголете: ведро: чермнуетбоя небо. И утру, днесь зима: чермнуетбоя драседуя небо. Лицемѣри, лице убо небесе

¹⁾ Зигабена Толков. св. № 26-й.

Умѣете разсуждати, знаменій же временомъ не можете (искусити)! Лицемѣрами назвалъ ихъ не только потому, что они одно говорили, а другое думали, но и потому, что считали себя мудрыми, будучи неразумными. Итакъ говоритъ: явленіе (наружность) неба вы умѣете различать, когда оно показывать хорошую погоду и когда—бѣда, — а знаменій время не можете различить. Если бы вы были мудры, то знали бы, что знаменія на землѣ составляютъ принадлежность настоящаго времени, а знаменія на небѣ относятся къ скончанію времени. Тогда солнце померкнетъ, и луна не дастъ свѣта своего, и звѣзды спадутъ съ небесе (Мате. 24, 29).

Ст. 4. Родъ лукавъ и прелюбодѣйный знаменія ищеть: и знаменіе не дастся ему, токмо знаменіе Іовы прорѣка. Совершенно то же самое сказано и объяснено въ двѣнадцатой главѣ. Обрати вниманіе на ожесточеніе ихъ: зная объ Іонѣ и слыша эти слова какъ прежде, такъ теперь, они не пожелали спросить и узнать, что означаетъ это чудо, о которомъ Онъ говоритъ; они только искушали, какъ сказано. Поэтому, оставивъ ихъ, ушелъ.

Ст. 4... И оставя ихъ, отъиде. А Маркъ (8, 13) говоритъ, что, вошедши опять въ лодку, Онъ отправился на ту сторону.

Ст. 5. И прешедше ученицы его на онъ полъ, забыша хлѣбы взяти (т. е. столько, сколько было бы для нихъ достаточно). Маркъ (8, 14) говоритъ, что они имѣли съ собою въ лодкѣ только одинъ хлѣбъ.

Ст. 6. Іисусъ же рече имъ: внимайте и блюдитесь отъ кваса фарисейска и саддукейска. Маркъ (8, 15) сказалъ: и прещаше. имъ глаголю: зрите, блюдитесь отъ кваса фарисейска, и отъ кваса Иродова. Прещаше, т. е. заповѣдалъ; а удвоеніе: зрите, блюдитесь—указываетъ на усиленіе этой заповѣди. Закваскою фарисейскою, саддукейскою и Иродовою называетъ ученіе фари-

теевъ, саддукеевъ и иродіанъ. О фарисеяхъ и саддукеяхъ сказано въ третьей, главѣ, а объ иродіанахъ—въ двѣнадцатой. Закваскою называлъ это ученіе, какъ бы окисшее и изгнившее.

Ст. 7. Они же помышляху въ себѣ, глаголюще: яко хлѣбы не взяхомъ. Христосъ называлъ закваскою ученіе вышеупомянутыхъ людей, и заповѣдывалъ беречься его; но ученики, разумѣя подъ закваскою хлѣбъ іудеевъ и думая, что Христосъ заповѣдалъ беречься его, помышляли въ себѣ, т. е. смущались, такъ какъ ѣсть іудейскій хлѣбъ имъ сейчасъ было запрещено, какъ они думали, а другаго они не принесли,—и какъ бы такъ говорили въ раскаяніи: не взяли мы хлѣбовъ у гостепріимныхъ вѣрующихъ, чтобы питаться ими, если придется замедлить. Но что же Христосъ, зная ихъ помышленія? По сираведливости порицалъ ихъ по двумъ причинамъ: за то, что думали, будто Онъ заповѣдывалъ имъ разборчивость въ пищѣ, между тѣмъ какъ выше Онъ отвергъ такую же іудейскую разборчивость, когда училъ, что не входящее во уста оскверняетъ человека (15, 11),—и за то, что заботились о пищѣ, имѣя съ собою Подателя всякой пищи.

Ст. 8. Разумѣвъ же Іисусъ, рече имъ: что мыслите въ себѣ, маловѣри, яко хлѣбы не вьзаете; Сначала порицаетъ ихъ за заботу о пищѣ, говоря: зачѣмъ вы смущаетесь тѣмъ, что не взяли себѣ откуда либо хлѣбовъ? Маловѣрами опять ихъ называетъ, потому что они не вѣрили, что Онъ можетъ ихъ напитать, а сами о себѣ заботились.

Ст. 9 и 10. Не у ли разумѣете, ниже помните пять хлѣбы вьзатимъ тысящамъ, и колпко кошъ вьзаете; Ни ли седмъ хлѣбы четыремъ тысящамъ, и колпко кошницъ вьзаете. Маркъ (8, 17, 18) говоритъ, что Христосъ сильнѣе порицалъ ихъ,—прибавляя: еще ли окаменено сердце ваше имате; Очи имуще не видите; и уши имуще не слышите; Не видите, говорятъ, какъ и сколько Я питаю въ пустынѣ? и не слышите, о чемъ

Я учу? Но почему Онъ не порицалъ ихъ лучше тогда, когда они сказали: откуда намъ въ пустыни хлѣби толицы (Матѣ. 15, 33)? Не прилично было срамить ихъ въ присутствіи многихъ; вмѣстѣ съ тѣмъ Онъ ожидалъ, чтобы, по совершеніи втораго чуда, порицаніе было сильнѣе и дѣйствительнѣе.

Ст. 11. Како не разумѣете, яко не о хлѣбѣхъ рѣхъ вамъ внимати, (но) отъ кваса фарисейска и саддукейска. Вотъ порицаетъ у нихъ и разборчивость въ пищѣ.

Ст. 12. Тогда разумѣша, яко не рече храни- тся отъ кваса хлѣбнаго, но отъ ученія фарисейска и саддукейска. Ты видѣлъ предпосланное порицаніе, посмотри и на плодъ его: оно пробудило дремавшій умъ ихъ, и они уразумѣли. Не всегда учителю должно быть кроткимъ, но иногда — и строгимъ; иногда нужно давать нѣкоторую свободу ученикамъ, чтобы приобрести ихъ любовь, а иногда — порицать, чтобы сдерживать ихъ, — и такимъ разнообразіемъ устроить спасеніе ихъ.

Ст. 13. Пришедъ же Іисусъ во страны Кесаріи Филипповы, вопрошае ученики своя, глаголя: кого мя глаголють человецы быти, Сына человеческаго; Кесарію эту выстроилъ Филиппъ въ честь Кесаря, но была и другая Кесарія — Стратонова. Спросилъ учениковъ, отведши ихъ далеко отъ іудеевъ, чтобы они безъ всякаго страха свободно отвѣчали на вопросъ. И не о кипжникахъ и фарисеяхъ спрашивалъ, такъ какъ они открыто поносили Его, но — о народной толпѣ, которая не имѣла зависти и лукавства. И Лука (9, 18) говоритъ: и бысть егда моляшееся единъ, съ нимъ бѣху ученицы: и вопроси ихъ, глаголя: кого мя глаголють народи быти? А Маркъ (8, 27) сказалъ, что спросилъ ихъ на пути. Можетъ быть на пути въ страны Кесаріи Христосъ вмѣстѣ молился и совершалъ путь. Сына человеческого, т. е. кажущагося для нихъ человекомъ.

Спросилъ не потому, что не зналъ, но съ премудрою цѣлію, чтобы Петръ сказалъ то, что ему было открыто, и чтобы отвергнуть ошибочныя мнѣнія о Себѣ всѣхъ другихъ людей. Онъ зналъ, что Богъ Отецъ открылъ о Немъ Петру. Замѣть, что спросилъ объ этомъ не въ началѣ проповѣди, но послѣ того какъ совершилъ много и великихъ знаменій, послѣ того какъ училъ о многомъ и великомъ, послѣ того какъ представилъ достаточныя доказательства своего божества и единства съ Отцемъ.

Ст. 14 и 16. Они же рѣша: ови убо Іоанна крестителя: инѣи же Ілію: друзіи же Іеремію, или единаго отъ пророкъ. Глагола имъ Іисусъ: вы же кого мя глаголете быти; вы, говорить, которые постоянно живете со Мною и хорошо знаете Мое могущество въ дѣлѣ и въ словѣ. Сказавши имъ: вы же кого мя глаголете быти? показалъ, что народъ говорить невѣрно.

Ст. 16. Отвѣщавъ же Симонъ Петръ рече: ты еси Христосъ, Сынъ Бога живаго. Опять Петръ, всегда пламенный, высказываетъ и предупреждаетъ. Сказалъ: живаго, потому что написано о Немъ: Господь живый въ васъ (Ис. Нав. 3, 10); живу азъ, глаголетъ Адонаі Господь и много такого же, — конечно для различія отъ мертвыхъ идоловъ.

Ст. 17. И отвѣщавъ Іисусъ рече ему: блаженъ еси Симоне, варъ Іона, яко плоть и кровь не яви тебѣ, но Отецъ мой, иже на небесѣхъ. Но и прежде, велѣдъ за укрощеніемъ бури, ученики исповѣдали Его Сыномъ Божиимъ, говоря: воистинну Божій Сынъ еси (Мате. 14, 33), и однако не были названы блаженными. И нѣкоторые другіе вѣровали, что Онъ — есть Богъ, но никого изъ нихъ не называлъ блаженнымъ. Что же нужно сказать на это? то, что всѣ, исповѣдавшіе Его Сыномъ Божиимъ и вѣровавшіе, что Онъ есть Богъ, полагали, что Онъ таковъ не по естеству и не въ собственномъ смыслѣ, а по усыновленію и по превосходству добро-

дѣтели; подобно тому какъ всѣ святые называются Сынами Божиими. Одинъ только Петръ истинно понималъ, что Христосъ есть по естеству и въ собственномъ смыслѣ Сынъ Божій. Поэтому-то Христосъ, желая показать ученикамъ, что Петръ одинъ знаетъ надлежащимъ образомъ и безъ всякаго заблужденія исповѣдалъ его, назвалъ его блаженнымъ, какъ получившаго божественное откровеніе о Немъ. Плоть, говорятъ, и кровь, т. е. человѣкъ, не руководили тобою при этомъ священномъ исповѣданіи относительно Мени, но Отецъ Мой,—какъ достойнымъ такого исповѣданія. Еврейское слово *варъ*—означаетъ сынъ. Утвердивши это мнѣніе Петра и показавши, что онъ былъ наученъ Богомъ, смотря, какихъ благъ удостоиваетъ его.

Ст. 18. И азъ же тебѣ глаголю, яко ты еси Петръ, и на семъ камени созижду церковь мою. Ты—Петръ, потому что будешь камнемъ въры послѣ отреченія, или потому что и теперь ты крѣпокъ въ мысли; и на этой-то крѣпости Я создамъ Церковь Мою, или положу теби въ основаніе вѣрующихъ, такъ какъ Церковь составляютъ вѣрующіе. Сказавъ это, направляя его мысль къ пастырству (*πρὸς ποιμαίνην*).

Ст. 18. И врата ада не одолѣютъ ей,—не будутъ господствовать надъ Церковію. Вратами ада называетъ хулы отъ язычниковъ и еретиковъ, какъ приводяція къ вѣчному мученію, или же наказаніе за нихъ, какъ приводящее къ тѣлесной смерти. Затѣмъ высказываетъ и другую почесть.

Ст. 19. И дамъ ти ключи царства небеснаго. Такъ какъ Петръ исповѣдалъ Христа истиннымъ Силомъ Божиимъ, то Онъ показываетъ ему силу своего божества, говоря: создамъ на тебѣ Церковь Мою и дамъ тебѣ ключи царства небеснаго, т. е. право вводить въ него, такъ какъ вводить можетъ владѣющій ключами. Даръ этотъ принадлежалъ и другимъ апостоламъ, но данъ былъ ему прежде всего, потому что онъ первый исповѣдалъ Христа истиннымъ Сыномъ Божиимъ.

Поэтому и послѣ вознесеніи Спасителя на небо, онъ прежде всѣхъ училъ долгое время и многихъ привелъ къ вѣрѣ.

Ст. 19... И еже аще свяжеша на земли, будетъ сязано на небесѣхъ: и еже аще разрѣшиши на земли, будетъ разрѣшено на небесѣхъ. И это дѣло—владѣющаго ключами. Вязать значитъ—непрощать, а разрѣшать—прощать. Итакъ обѣщаетъ ему: всякій грѣхъ, котораго ты не отпустишь на землѣ, не будетъ отпущенъ и на небѣ Богомъ,—и всякій, который ты отпустишь здѣсь, будетъ отпущенъ и тамъ. Но Маркъ (8, 29) и Лука (9, 20) ради краткости приводятъ отвѣтъ Петра по сокращенію, и потому и объ ублаженіи его, и о другой чести они умолчали, зная притомъ-же, что онъ—нечестолюбивъ. Матѳей же ради точности написалъ все это, воздавая вмѣстѣ съ тѣмъ честь верховному изъ апостоловъ.

Ст. 20. Тогда запрети Іисусъ ученикомъ своимъ, да никомуже рекутъ, яко сей есть Іисусъ Христосъ. Маркъ (8, 30) сказалъ: и запрети имъ, да никомуже глаголютъ о немъ, а Лука (9, 21): Онъ же запрещъ имъ, повелѣ никомуже глаголати сего. Запрети вмѣсто—повелѣлъ, запрещъ повелѣ, т. е. строго приказалъ никому не говорить, что Онъ есть Христосъ, т. е. Сынъ Божій по естеству, какъ исповѣдалъ Петръ.

Необходимо было, чтобы это было открыто Самимъ Отцемъ, подтверждено Самимъ Сыномъ прежде Своей смерти и стало извѣстнымъ однимъ только ученикамъ, какъ болѣе совершеннымъ, тѣмъ народъ, и какъ общимъ учителямъ вселенной. Христосъ не желалъ, чтобы народъ зналъ это прежде воскресенія Его изъ мертвыхъ, чтобы зная теперь, что Онъ по естеству—Сынъ Божій, по естеству—Богъ, а потомъ—видя Его безчестно носямаго, сильно страдающаго и безчеловѣчно убитаго, онъ (народъ) не соблазнялся, не возвратился къ прежнему невѣрію и не сдѣлался непослушнымъ. Если соблазняло даже учениковъ, болѣе

совершенныхъ, чѣмъ народъ, не только исполненіе этого, но сама рѣчь объ этомъ, то какимъ образомъ не могли бы соблазниться несовершенные, видя это и не зная тайны страданія, которая и самимъ ученикамъ была не легко доступна? И они только тогда, когда по вознесеніи Спасителя пришелъ на нихъ Духъ Святой, исполнившись божественной благодати и отложивши человѣческіе помыслы, поняли всѣ тайны и сдѣлались тверже адаманта. До того же времени ихъ постоянно соблазняло все человеческое во Христѣ. Поэтому-то, какъ сказано, Онъ тогда не желалъ, чтобы было извѣстно народу, что Онъ—истинный Сынъ Божій, по естеству Богъ,—но разными способами преподаетъ это ученикамъ. Когда же, по удаленіи всѣхъ соблазновъ, имѣли ясно свидѣтельствовать о томъ, что Онъ по естеству Богъ,—померкшее солнце, раздравшаяся церковная завѣса, потрясенная земля, разсѣвшіяся скалы, и воскресніа тѣла многихъ умершихъ святыхъ и Самъ Онъ чудесно воскресшій изъ мертвыхъ (и въ то время уже ясно возсіяла сила Его божества и доказательство было несомнѣнно; но еще и Духъ Святой имѣлъ сообщить разумніе не только ученикамъ, но и всѣмъ вѣрующимъ), тогда только Онъ желалъ открыть всѣмъ тайну Своего божества и страданія, чтобы проповѣдь о Немъ распространялась безпрепятственно.

Ст. 21. Оттолѣ начать Іисусъ сказовати (дожубети) ученикомъ своимъ, яко подобаетъ ему ити во Іерусалимъ, и много пострадати отъ старецъ и архіерей и книжникъ, и убіену быти: и въ третій день востати. Съ того времени, когда ученики твердо знали, что Онъ есть Сынъ Божій по естеству, Онъ начинаетъ показывать, или предсказывать имъ, что Онъ имѣетъ претерпѣть, чтобы, напередъ зная это, они не соблазнялись во время страданія и не предполагали, что Онъ страдать по слабости природы. И какъ это можно было предполагать относительно того, который напередъ знаетъ, предсказываетъ и даже снѣнить пострадать.

Ст. 22. И поемъ его Петръ, начатъ прерѣцати ему..., поемъ, т. е. взявши отдѣльно. Услышавъ, что Христосъ имѣеть умереть, онъ не могъ этого перенести, потому что считалъ это недостойнымъ Его божества. Поэтому, получивши нѣ-которую смѣлость вслѣдствіе того, что былъ названъ блаженнымъ, прекословилъ, т. е. упрекалъ Его наединѣ.

Нужно знать, что слово *ἐπιτιμαῖν* (прерѣцати, прекословить) у евангелистовъ иногда значить—заставлять молчать, какъ сказано о нечистомъ духѣ, который говорилъ, что знаетъ Христа, что Онъ—Святый Божій: и запрети ему (Марк. 1, 25), т. е. заставилъ молчать; иногда—значить обуздывать или повелѣвать, какъ напр.: запрети вѣтромъ и морю (Матт. 8, 26); иногда—подтверждать, какъ напр.: и запрети имъ, да никому же глаголютъ о немъ (Марк. 8, 30); иногда—упрекать, какъ напр. въ этомъ мѣстѣ, о которомъ теперь идетъ рѣчь; иногда порицать, какъ напр.: запрети Петрови (Марк. 8, 33), о чемъ сейчасъ будетъ сказано; а иногда—не допускать, какъ это мы найдемъ въ 19 гл. 13 ст.

Ст. 22... Глаголя: милосердѣ ты, Господи: не имать быти тебѣ сіе. Говорить это, безъ сомнѣнія, заботясь о Немъ, какъ истинный другъ. Милосердѣ ты—сказалъ по обычаю; потому что былъ обычай упрекать такъ того, кто говорилъ что либо неожиданное; т. е. пусть Богъ будетъ милосердѣ къ тебѣ. Не имать быти тебѣ сіе, т. е. да не случится съ тобою того, что говоришь.

Ст. 23. Онъ же обращя рече Петрови: иди за мною сатано... Маркъ (8, 33) сказалъ, что Христосъ, обратившись и взглянувъ на учениковъ своихъ, запретилъ Петру, т. е. порицалъ его. Онъ желалъ, чтобы и они слышали это порицаніе и вразумились, потому что чувствовали то же, что и Петръ. Сатаню называлъ его, какъ подражающаго сатанѣ въ томъ, что онъ не желалъ, чтобы Христосъ былъ умерщвленъ. И сатана не желалъ, чтобы Христосъ былъ умерщвленъ для того,

чтобы оказались ложными всѣ пророчества объ Его смерти, и чтобы тѣлесная смерть Христа не была смертію ого собственной власти; хотя самъ-же онъ возбудилъ іудеевъ къ убіенію Спасителя и оказался побѣжденнымъ собственною злобою.

Можно сказать и иначе: такъ какъ сатана значитъ—противникъ, а Петръ, отклоняя Христа отъ смерти, не слѣдовалъ, а противился Его волѣ, то Спаситель говоритъ ему: иди за мною, сатана т. е. слѣдуй за Мною, противникъ...

Ст. 23... Соблазнъ ми еси... Противодѣйствуя Моей волѣ, ты служишь для Меня пренятствіемъ. Далѣе высказываетъ и причину, почему онъ противодѣйствовалъ.

Ст. 23... Яко не мыслиши, яже суть Божія, по человѣческая. Ты такъ полагаешь, потому что размышляешь не о божественномъ, а о человѣческомъ. Если бы ты думалъ о божественномъ, то считалъ бы для Меня достойнымъ умереть за міръ, а такъ какъ ты думаешь о человѣческомъ, то считаешь для Меня недостойнымъ даже умереть.

Ты же обрати вниманіе на то, что недавно весьма ублажаемый теперь сильно порицается,—чтобы сдерживать и свою смѣлость и знать, что Спаситель былъ нелицепріятенъ. Когда тотъ сказалъ вѣрно, ублажилъ его, а когда—невѣрно, порицалъ. Вѣрно онъ сказалъ то, относительно чего получалъ откровеніе отъ Бога, а невѣрно—то, что сказалъ отъ себя самаго.

Ст. 24. Тогда Іисусъ рече ученикомъ своимъ: аще кто хочетъ по мнѣ ити, да отвержется себе, и возметъ крестъ свой, и по мнѣ грядеть. Маркъ (8, 34) и Лука (9, 23) говорятъ, что Христосъ сказалъ это къ народу и вообще ко всѣмъ. Сказалъ это, утверждая, что не только не неприлично для Него умереть, но что и никто другой не можетъ быть Его ученикомъ, если не умретъ за благо. Аще кто хочетъ, говорить, по мнѣ ити, или—слѣдовать за Мною, какъ ученикъ и подражатель Мой, да отвержется себе, т. е. своей волѣ, преданной страстямъ и привязанной къ

этой жизни, или—своего тѣла, не щадя его во время бѣдствій и испытаній, но даже подвергая его опасностямъ,—и возметъ крестъ свой, т. е. пусть помнитъ о своей смерти (крестомъ обозначилъ смерть, потому что крестъ тогда былъ орудіемъ смертной казни), пусть всегда ожидаетъ смерти, пусть постоянно будетъ готовъ къ ней, и ежедневно умираетъ своею волею. Это изреченіе объяснено и иначе въ десятой главѣ. И смотри, какъ сказалъ: аще кто хочетъ, мужъ или жена, или начальникъ, или подчиненный,—я аще хочетъ, потому что никого не принуждаетъ противъ воли; а чтобы ты не подумалъ, что достаточно только страдать (такъ какъ и разбойники, и грабители, и волшебники, и другіе злые люди много страдаютъ), присоединилъ: и по мнѣ грядетъ, научая, что нужно не только претерпѣть это, но последовать за Нимъ, т. е. идти по слѣдамъ его жизни.

Ст. 25. Иже бо аще хочетъ душу свою спасти, погубитъ ю: и иже аще погубитъ душу свою мене ради, обрящетъ ю. Сказалъ это и въ десятой главѣ; тамъ найди и объясненіе. Маркъ же (8, 35) сказалъ: мене ради и евангелія, т. е. ради Меня и Моего ученія.

Ст. 26. Какъ бо польза чловѣку, аще міръ весь пріобрѣщетъ, душу же свою отщетитъ... Конечно, невозможно пріобрѣсть весь міръ; но если бы это было возможно, не было бы никакой пользы отъ этого. Въ мірѣ все смертно, а душа божественна; наслажденію всѣмъ этимъ—временное, а наказаніе души—вѣчное. Далѣе еще усиливаетъ страхъ; этимъ обыкновенно Онъ исправляетъ слушателей.

Ст. 26... Или что дастъ чловѣкъ измѣну за душу свою? Если весь міръ не можетъ сравняться по своей цѣнѣ съ разумною душою, то какой же выкупъ можно дать, чтобы исторгнуть ее отъ вѣчнаго наказанія? Конечно, никакого. Поэтому должно, оставивъ все, заботиться только объ ней одной, вредъ которой причиняетъ смерть и за потерю которой нельзя

дать выкупа. А чтобы показать нерадивымъ, что нерадѣніе ихъ не останется безъ наказанія, и усерднымъ, что усердіе ихъ не будетъ лишено награды, чтобы тѣхъ еще болѣе утѣшить, а этихъ ободрить, говорить:

Ст. 27. Пріити бо имать Сынъ человѣческій во славу Отца своего со Ангелы своими: и тогда воздастъ комуждо по дѣланіемъ его. Показалъ, что имѣть одну и ту же славу съ Отцемъ: во славу, говорить, Отца своего. Если же имѣть одну и ту же славу, то конечно—одно и тоже и существо, и власть, и божество. Имѣющіе одну и ту же славу имѣютъ и все остальное одно и то же.

Ст. 28. Аминь глаголю вамъ, (яко) суть нѣщии отъ здѣ стоящихъ, иже не имутъ вкусити смерти, дондеже видятъ Сына человѣческаго грядуща во царствіи своемъ. Сказавши о Себѣ, что придетъ во славу, дори-носимый и сопровождаемый Ангелами, и зная, что ученики не довѣряютъ этимъ словамъ, подтверждаетъ ихъ, присоединивши, что немного спустя нѣкоторые увидятъ Его славу, — которою Онъ здѣсь называлъ царство. Указывалъ Онъ этимъ на сіяніе Своего преображенія, которое имѣлъ вскорѣ показать Петру, Іакову и Іоанну. Объ нихъ и сказалъ: нѣщии отъ здѣ стоящихъ. Царствомъ же Своимъ, или славою Своею—называлъ то сіяніе, съ которымъ впоследствии имѣетъ придти, когда воздастъ каждому по дѣламъ его.

Мысли св. Тихона Задонскаго о пастырствѣ.

Когда сторожъ дома возвѣщаетъ домашнимъ о находящихся на домъ злѣ, а жители о томъ небрегутъ и не тщатся домъ защищать и хранить, и тако домъ расхищается и разоряется; тогда сами бѣдствию своему виновны бываютъ, а сторожъ безъ вины остается; тако, когда пастырь всякимъ образомъ тщится

Къ № 27-му.

обратить людей къ покаянію, увѣщаваешь и молишь ихъ къ тому, но они о томъ вебрегутъ, и не обращаются и не каются, тогда сами своей погибели виновны бываютъ, а отъ пастыря тое уже не изыщется. И, сіе-то есть, что Богъ пророку Іезекію глаголетъ: аще ты проповѣси нечестивому путь его, еже обратитися отъ него, и не обратится съ пути своего; той въ нечестіи своемъ умретъ, а ты душу твою избавилъ еси. Сколько Самъ Христосъ Господь увѣщавалъ и обращалъ къ покаянію ожесточенный Іерусалимъ; но наконецъ сказалъ съ жалвніемъ и болѣзнію сердца Своего: Іерусалиме, Іерусалиме, избивши пророки и каменіемъ побивалъ посланныхъ къ тебѣ! коль краты восхотѣхъ собрати чада твоя, якоже собираетъ кобошъ итенцы своя подъ крылѣ, и не восхотѣте! Се оставляется вамъ домъ вашъ пустъ. Сіе страшное слово приличествуетъ и христіанамъ нераскаяннымъ, которые часто и всегда слышатъ Божіе слово и проповѣдь покаянія, но не обращаются, и въ своемъ нечестіи пребываютъ, и не только не каются за грѣхи, но и грѣхи ко грѣхамъ, и беззаконія къ беззаконіямъ прилагаютъ, и тако въ своемъ нечестіи успѣваютъ, и идутъ во глубину золь; и какъ слѣпый къ ямѣ, въ которую имѣютъ впасть, приближается, тако они, помрачившися прелестію грѣха и суетою міра сего, къ вѣчной погибели стремятся, и имѣютъ въ тую впасть, аще истиннымъ сердцемъ не обратятся къ Богу, и сокрушеніемъ сердца и теплыми слезами не омываютъ нечестіа своего. Христіанине! страшно Христово слово сіе: се оставляется вамъ домъ вашъ пустъ. Берегись убо, да и не тебѣ оное приличествуетъ. Однакожъ пастырь никогда не долженъ переставать, но всегда гремятъ словомъ, а сердцемъ сожалѣть и соболѣзновать погибающимъ грѣшникамъ, и ни о комъ не отчаяваться, пока въ мірѣ живетъ.

Редакторъ Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архимандритъ *Ириней*.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 12 іюня 1885 г. Цензоръ прот. М. Богдановъ.

Тип. Г. Т. Когчакъ-Новицкаго, Михайлов. ул., собств. домъ.

Годъ

XXVI.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХ ПASTYPEЙ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
пять руб., съ пересылкою шесть
рублей серебромъ.

№ 28.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Кіевской
духовной семинаріи.

1885 года, Іюля 7-го.

Содержаніе: Домашнія занятія священника.—Къ вопросу о народномъ здра-
віи.—Амброзіастъ.—Инструкція объ обязанностяхъ псаломщиковъ.—
Полезныя напоминанія священнику при священнослуженіи.

Домашнія занятія священника¹⁾.

Подъ домашними занятіями священника, къ рѣчи о кото-
рыхъ мы приступаемъ, мы разумѣемъ такія занятія, которыя не
входятъ въ кругъ служебныхъ его обязанностей, а составляютъ
частный свободный трудъ его, предпринимаемый имъ помимо
исполненія своего прямого пастырскаго долга.

Посильный трудъ есть призваніе каждого человѣка въ жизни.
Въ этомъ трудѣ, къ какому призывается человѣкъ, первое и
главное мѣсто должны занимать такія дѣла, которыя налагаются
на человѣка его званіемъ и его служебнымъ положеніемъ въ
обществѣ. Но выполненіе служебнаго долга обыкновенно не погло-
щаетъ всего времени и всѣхъ силъ священника. У него въ рас-
поряженіи есть время и силы для другихъ занятій, помимо за-

¹⁾ См. № 23-й.

натый официальных или служебныхъ. Кромѣ того, какъ чловѣкъ образованный, какъ членъ общества, какъ семьянинъ, обязанный пеицись о своихъ близкихъ, онъ не можетъ отказаться отъ частныхъ интересовъ, вызывающихъ его на такую или иную дѣятельность, служащую дополненіемъ его дѣятельности служебной.

Священникъ не долженъ довольствоваться однимъ исполненіемъ церковныхъ требъ, на него возлагаемыхъ, и не долженъ уклоняться отъ труда частнаго. Всегда и вездѣ онъ долженъ показывать изъ себя чловѣка занятаго, любящаго трудъ. Непріятное впечатлѣніе производить на всякаго, въ особенности на людей, въ потѣ лица приобретающихъ для себя хлѣбъ насущный, если священникъ, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ службъ, кромѣ требъ, на которыя случайно могутъ позвать его, не знаетъ, куда дѣвать время, ничѣмъ не интересуется, ничего не читаетъ и ни къ чему не прилагаетъ рукъ своихъ, если онъ поздно встаетъ и послѣ завтрака или утренняго чаю ждетъ скорѣе обѣда, если онъ праздно ходитъ цѣлый день, ищетъ, съ кѣмъ бы провести время, готовъ пускаться въ распросы и пустыя бесѣды со всякимъ встрѣчнымъ и радъ случаю поѣхать куда нибудь, чтобы поболтать лишній часъ, другой. Но если священникъ, помимо своей службы, имѣетъ серьезные интересы, возбуждающіе его къ дѣятельности, если ему дорогъ каждый свободный часъ и на каждый такой часъ есть у него готовая работа, если, однимъ словомъ, онъ представляетъ изъ себя чловѣка дѣловаго и трудящагося, — то трудъ его, посвященный доброму дѣлу, вызываетъ и умножаетъ уваженіе къ нему у всѣхъ, приходящихъ съ нимъ въ соприкосновеніе.

Какой же частный трудъ наиболѣе приличенъ и полезенъ для священника? Чему должны быть посвящены его домашнія занятія? И какія занятія не совмѣстимы съ его служеніемъ?

Служеніе священника, въ ряду другихъ общественныхъ служеній, есть служеніе наиболѣе духовное, требующее умственной или духовной работы. Оно ближе всего подходитъ къ слу-

женію учителя и воспитателя дѣтей; такъ какъ церковь возлагаетъ на него обязанность преподавать народу ученіе вѣры и благочестія и воспитывать его для царства Божія, соотвѣтственно такому характеру служенія священническаго, соотвѣтственно его званію, имѣющему право на наименованіе духовнаго по преимуществу, наиболѣе приличный трудъ, какому онъ можетъ посвящать свободное время,—есть трудъ духовный или умственный; трудъ книжный, требующій работы мысли и способствующій обогащенію и укрѣпленію ума.

Первый предметъ, которымъ можетъ заниматься священникъ въ часы, свободные отъ служебныхъ занятій,—богословская или религіозная наука и богословская или духовная литература. На занятіе этимъ предметомъ священникъ долженъ бы смотрѣть не какъ на частный трудъ, предоставленный его свободѣ, а какъ на прямой долгъ свой. Религіозный учитель народа, онъ долженъ обогащать и наполнять свою душу тѣмъ знаніемъ, отъ полноты котораго призванъ сообщать потребную часть людямъ, ввѣреннымъ его нравственному попеченію. Поставленный на стражъ вѣры, обязанный сѣять сѣмена добраго ученія въ сердцахъ людей, составляющихъ приходъ его, онъ долженъ обновлять и умножать запасъ тѣхъ знаній, при помощи которыхъ могъ бы бороться съ нападеніями невѣрія, неправовѣрія и раскола, разрѣшать разные сомнѣнія и недоумѣнія, давать добрыя совѣты нуждающимся въ религіозномъ назиданіи, вносить свѣтъ вѣры въ умы, его ищущіе, при помощи которыхъ, однимъ словомъ, могъ бы безъ затрудненія давать отвѣтъ всякому, вопрошающему словесе о нашемъ упованіи. Правда, въ священника поставляется человекъ, уже испытанный въ вѣрѣ, прошедшій курсъ по крайней мѣрѣ средняго духовнаго заведенія—семинаріи, и изучившій въ немъ богословскую науку въ возможной широтѣ. Но наука вообще, и въ частности наука богословская—нескончаемый матеріалъ. Только что кончившій курсъ школьникъ, какъ бы онъ ни былъ усерденъ въ продолженіе своего школьнаго образованія,

не можетъ допустить мысли, что онъ овладѣлъ уже всѣмъ матеріаломъ науки, и уже не надъ чѣмъ болѣе работать ему въ ней. Цѣлой жизни не достанетъ, при самомъ усердномъ спеціальномъ занятіи наукою, для того, чтобы вполне овладѣть ею и всѣмъ ея содержаніемъ. Пусть же человѣкъ, прослушавшій полный курсъ богословія, на мѣстѣ священника не останавливается на томъ, что дала ему школа, и не довольствуется тѣмъ, что онъ вынесъ изъ мѣста своего юношескаго воспитанія. Онъ долженъ идти далѣе по пути, указанному и проложенному для него школою, долженъ дополнять запасъ знаній, вынесенныхъ изъ нея, и утверждать въ своемъ умѣ то, что внѣшнимъ и страдательнымъ образомъ воспринималъ отъ своихъ наставниковъ; онъ долженъ освѣжать въ себѣ источникъ свѣдѣній, почерпнутыхъ въ школѣ. Если онъ не будетъ продолжать умственной работы надъ тою наукою, которая ближе всего къ его служенію, загложутъ и покроются забвеніемъ и тѣ знанія, какія вынесъ онъ изъ школы, огрубѣетъ его умъ, и онъ потеряетъ большую половину силъ для успѣшнаго продолженія своего духовно-нравственнаго, учительскаго служенія. Равнодушіе къ наукѣ и книжнымъ занятіямъ, отвращеніе отъ умственнаго труда, уклоненіе отъ занятій литературою и наукою богословскаго характера—униженіе званія священника и противорѣчіе соединяемому съ нимъ понятію религіознаго учителя.

Чѣмъ же заниматься въ наукѣ священнику? Нельзя требовать отъ него, чтобы онъ, подобно ученому или профессору, спеціально изучалъ ту или другую отрасль богословской науки, хотя конечно нисколько не унизило бы его, если бы онъ спеціально занялся тою или другою частію духовной науки и показалъ въ этомъ спеціальномъ изученіи замѣтные успѣхи. Для такого изученія науки у священника, говоря вообще, недостаетъ времени и средствъ. Даъ это въ его положеніи составляетъ своего рода умственную роскошь, если онъ специализируетъ свои занятія и хочетъ быть ученымъ или историкомъ, или канонистомъ,

или догматистомъ и т. п. Для него нужнѣе и въ его положеніи естественнѣе восполненіе общаго богословскаго образованія. Чѣмъ же заниматься ему, въ видахъ восполненія общаго богословскаго образованія? Каждому священнику въ этомъ случаѣ должно подсказывать его собственное сознаніе, на что ему нужно обратить вниманіе, и многое здѣсь зависить отъ обстоятельствъ, среди которыхъ онъ поставленъ. Было бы напраснымъ и излишнимъ дѣломъ, если бы кто либо рѣшился составить каталогъ книгъ, которыя долженъ читать священникъ по поступленіи на мѣсто. Здѣсь не можетъ быть ничего обязательнаго, и дѣло должно быть предоставлено личному усмотрѣнію священника, который по соображенію нужды и возможности самъ найдетъ, что для него наиболѣе пригодно и доступно. Пусть только онъ не бросаетъ книги и не заглушаетъ въ себѣ интереса къ той наукѣ, которую изучалъ въ школѣ, готовясь къ духовному званію, и любовь къ которой старалась возбудить въ немъ школа. Тогда само собою откроется, на что ему слѣдуетъ обратить вниманіе при своихъ умственныхъ занятіяхъ. Онъ будетъ обращаться къ книгѣ, чтобы оживлять въ памяти школьное пріобрѣтеніе и восполнять то, чего не успѣла или не могла дать школа. Онъ не будетъ опускать случая знакомиться съ капитальными произведеніями по богословской наукѣ, о которыхъ онъ слышалъ, но которыхъ не читалъ во время школьнаго образованія. Наука и литература постоянно движется впередъ; постоянно обогащается новыми и новыми произведеніями. Весьма желательно, чтобы образованный священникъ слѣдилъ за движеніемъ духовной науки и литературы, и знакомился, если не со всеми, то по крайней мѣрѣ съ лучшими твореніями, относящимися къ той или другой отрасли религіозной науки, или уясняющими ту или другую сторону дѣятельности служителя церкви. То являются сильныя проповѣди какого либо замѣчательнаго церковнаго оратора, то выходятъ новыя изложенія системъ по главнымъ богословскимъ наукамъ, то печатаются спеціальныя изслѣдованія, проливающие

новый свѣтъ на важнѣйшіе пункты богословской или церковно-исторической науки. Нельзя священнику быть совершенно равнодушнымъ къ подобнымъ новымъ явленіямъ въ области богословской науки и литературы. Какъ скоро поднимается говоръ о нихъ, его любознательность должна побуждать его поближе познакомиться съ тѣмъ, говоръ о чемъ, какъ замѣчательномъ научномъ или литературномъ явленіи, доходитъ до него. Наконецъ каждое время выдвигаетъ и дѣлаетъ предметомъ особеннаго вниманія свои вопросы, имѣющіе ближайшее отношеніе къ служенію пастырскому. Напримѣръ возникаетъ и усиливается штундизмъ или другая подобная секта; распространяются матеріалистическія ученія въ подрывъ религіозной вѣрѣ и доброму церковному направленію; замѣчается въ разныхъ кругахъ увлеченіе спиритизмомъ и т. под. Или по мѣстнымъ обстоятельствамъ оживаютъ споры съ старымъ расколомъ, дѣлаются запросы служителямъ православной церкви отъ людей, увлекающихся чѣмъ либо въ римскомъ католициствѣ или протестантиствѣ. Наука школьная могла ничего не говорить объ этихъ вопросахъ, вновь выставляемыхъ жизни. Но пастырь церкви не долженъ быть нѣмымъ въ виду этихъ живыхъ вопросовъ. Онъ долженъ стараться пріобрѣсти ясное представленіе о тѣхъ вещахъ, какія возбуждаютъ толки въ людяхъ, его окружающихъ. И вотъ для него указаніе, чѣмъ ему заняться, чѣмъ дополнить свое образованіе. Онъ долженъ знать, въ чемъ состоитъ неправота тѣхъ или другихъ увлеченій, замѣчаемыхъ у современниковъ, и долженъ имѣть въ мысли готовый запасъ оружія для отраженія неправыхъ мнѣній. Литература, разбирающая ученія, занимающія и увлекающія современные умы, должна быть ему болѣе или менѣе извѣстна.

Но священнику можно заниматься не одною богословскою наукою. Если онъ имѣетъ склонность и владѣетъ достаточными научными средствами, онъ можетъ посвящать свободное время и на изученіе какой либо изъ свѣтскихъ или гуманитарныхъ наукъ и умножать свои знанія по отраслямъ наукъ небогословскихъ.

Въ этомъ никто не найдетъ ничего страннаго, а тѣмъ менѣе предосудительнаго. Всякая истина, которой доискивается какая бы то ни было свѣтская наука, — представляетъ изъ себя предметъ, достойный вниманія серьезнаго человѣка, призваннаго отправлять самыя священные миссіи въ обществѣ. И всякій серьезный научный трудъ, хотя бы онъ относился къ специальности, не имѣющей непосредственной связи съ богословіемъ или пастырскимъ служеніемъ, можетъ свидѣтельствовать только объ умственной зрѣлости священника и о стремленіи его къ духовному самоусовершенствованію. Нельзя предписать священнику изучать одну богословскую науку и читать однѣ религіозныя книги: однообразіе занятій отнюдь не законъ для него; напротивъ оно можетъ быть отяготительно для него. Своего рода развлеченіе, доставляющее не мало оживленія, — занятія какою либо отраслію знаній, не стоящихъ въ прямой связи съ главнымъ предметомъ его служенія. Можетъ онъ изучать и философію, и филологію, и исторію, и астрономію и даже естественную науку. Видные успѣхи его въ какой либо изъ этихъ наукъ могутъ способствовать возвышенію его личнаго авторитета и снисканію уваженія къ служителямъ религіи вообще со стороны людей свѣтскихъ, какъ это показываетъ примѣръ Сидонскаго, Павскаго, Григоровича и другихъ. Даже естественною наукою, сказали мы, можно заниматься священнику. Эта наука въ современной постановкѣ, по принятому нынѣ взгляду, менѣе всего пригодна священнику и менѣе всего гармонируетъ съ его настроеніемъ. Но въ такомъ взглядѣ много фальши. На самомъ дѣлѣ есть много внутренняго сродства между наукою о Богѣ и наукою о природѣ. Книга природы есть другая библія или другое откровеніе о Богѣ: чудеса, разсыпанныя въ ней творческою рукою, открываютъ человѣческому глазу, по указанію апостола Павла, невидимое Божіе, приносущую силу, неисощимую благость и неизъяснимую премудрость Творца вселенной (Рим. 1, 20). А если нынѣ книга природы неумѣющихъ читать ея скорѣе отводить отъ Бога, чѣмъ приводить къ Нему, если современная естествен-

ная наука сблизилась съ невѣріемъ, и послѣднее изъ нея рож-
дается возраженія противъ божественнаго откровеннаго ученія,
то здѣсь, по нашему представленію, побужденіе не къ тому, чтобы
бѣжали отъ нея служители религіи, а напротивъ къ тому, чтобы
они обратили на нее особенное вниманіе и посвящали ей свои
заботы. Чтобы успѣшно бороться съ невѣріемъ, священнику весьма
важно знать ту науку, изъ которой невѣріе любитъ брать свои
возраженія противъ истинъ религіи. И когда невѣрующіе есте-
ственники будутъ встрѣчать въ вѣрующихъ служителяхъ церкви
людей, знакомыхъ съ ихъ отраслю знаній, умѣющихъ бороться
съ ними ихъ же оружіемъ, они будутъ терять подъ собою твер-
дую почву. Можно надѣяться, что наука о природѣ приняла бы
другое направленіе, если бы чаще къ ней и ея воздѣлыванію
обращались люди твердой религіозной мысли.

Съ занятіемъ книгою, — самымъ естественнымъ занятіемъ въ
положеніи священника, — тѣсно связанъ трудъ авторскій. Священ-
нику можно не только страдательно усвоить то, что пишется въ
книгахъ, и изучать чужія произведенія, но и дѣлать самому
участвовать въ литературномъ трудѣ. При томъ развитіи и обра-
зованіи, какимъ владѣетъ большинство нашихъ священниковъ,
этотъ трудъ долженъ быть вполне доступенъ для нихъ. Духов-
ная школа издавна приученіе къ сочиненіямъ и образованіе навыка
стройно, логично и чисто излагать свои мысли считала одною
изъ главныхъ своихъ обязанностей по отношенію къ своимъ воспи-
танникамъ. Мы не хотимъ представлять этотъ трудъ духовной
школы напраснымъ, недостигающимъ своей цѣли, и имѣемъ осно-
ваніе полагать, что каждый, окончившій въ ней курсъ, доста-
точно владѣетъ перомъ, чтобы излагать и передавать другимъ
свои мысли, наблюденія и познанія. Потому священникъ автор-
скій трудъ не можетъ считать чужимъ для себя.

Священникъ впрочемъ не призванъ быть писателемъ, и мы
не можемъ приглашать его сдѣлать авторскій трудъ формальнымъ

своимъ занятіемъ. Мы говоримъ объ этомъ трудѣ, какъ трудѣ, предоставленномъ свободѣ человѣка, на который онъ можетъ употреблять свое свободное время, находя этотъ трудъ вполне приличнымъ для священника и соотвѣтствующимъ его положенію и научному развитію. Не можемъ однако не замѣтить, что есть родъ авторской дѣятельности, упражненіе въ которомъ не только желательно, но даже требуется отъ священника,—это проповѣдничество. Духовная школа для того главнымъ образомъ пріучаетъ всѣхъ своихъ воспитанниковъ къ свободному изложенію своихъ мыслей или авторству, чтобы сдѣлать ихъ искусными и сильными въ дѣлѣ проповѣдническомъ. Проповѣдничество вмѣняется въ обязанность пастырю церкви и наставленіемъ апостола (2 Тим. IV, 2), и соборными правилами, и постановленіями нашей Церкви. По 19 правилу VI вселенскаго собора предстоятель церкви или пресвитеръ долженъ поучать народъ словесамъ благочестія по вся дни, наипаче же въ дни воскресные. А нашъ Уставъ духовныхъ Консисторій (ст. 9) требуетъ, чтобы священники, получившіе надлежащее образованіе въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ (какихъ мы видимъ, за немногими исключеніями, на нашихъ приходахъ), произносили свои собственные поученія, составляя ихъ примѣнительно къ понятію и потребностямъ мѣстныхъ слушателей. Выполняя это требованіе, они (какъ выражено въ инструкціи благочиннымъ) дѣлаютъ честь своему сану и пользу христіанамъ. Считая дѣло проповѣди, согласно съ Книгою о должностяхъ пресвитеровъ приходскихъ, первѣйшею для себя обязанностію, священникъ не только можетъ, но и долженъ свои свободные часы употреблять на то, чтобы усовершенствовать себя въ этомъ, существенно важномъ для него, занятіи. Въ эти часы онъ можетъ обдумывать то, о чемъ ему нужнѣе и полезнѣе говорить съ народомъ, можетъ изучать и уяснять для себя тѣ пункты, о которыхъ считаетъ нужнымъ чаще бесѣдовать въ церкви, можетъ упражнять себя въ томъ, чтобы говорить съ своими слушателями вполне понятнымъ и вразумительнымъ для

нихъ языкомъ, и въ тожѣ время достойнымъ священной кафедры, наконецъ можетъ заблаговременно заготовлять рядъ поученій, съ какими онъ имѣетъ выступить предъ народомъ, по долгу своего званія, излагая ихъ вполнѣ или только начерчивая главный планъ ихъ. Если священникъ серьезно займется этимъ дѣломъ, Господь не замедлитъ благословить успѣхомъ его труды, и онъ поставитъ себя въ рядъ тѣхъ пресвитеровъ, которые, по Апостолу, должны сподобляться сугубой чести за свое умѣлое слово и ученіе (1 Тим. V, 17).

Священникъ можетъ заниматься авторскимъ трудомъ, относящимся къ области проповѣдничества, не имѣя въ виду обнародованія своихъ произведеній въ печати. Его можетъ побуждать къ этому одна заботливость о своемъ самоусовершеніи и о лучшемъ выполненіи лежащаго на немъ учительскаго долга. Но ничего нѣтъ выходящаго изъ порядка вещей, если священникъ пишетъ что либо не для себя только и не для одного блага своихъ прихожанъ, а имѣя въ виду болѣе широкій кругъ читателей, именно для печати. Нынѣ такъ много печатныхъ органовъ и повременныхъ изданій, что дѣльному слову, въ особенности слову убѣжденія, проникнутому добрымъ духомъ, всегда можно найти себѣ мѣсто. Въ Германіи пасторы довольно часто заявляютъ себя своими произведеніями въ печати, и это служитъ выразительнымъ свидѣтельствомъ того, что они не бѣгаютъ умственного труда и стоятъ, въ ряду другихъ сословій, на достаточно высокой степени развитія. Въ послѣднія десятилѣтія и у насъ все чаще и чаще стали являться въ печати труды православныхъ священниковъ, и нѣкоторые изъ пастырей не только академическаго, но и семинарскаго образованія приобрѣли своимъ литературнымъ трудомъ довольно видную извѣстность въ кругѣ, интересующемся духовною литературою. Эта извѣстность служитъ сколько къ чести ихъ личной, столько и къ чести того сословія, которое, въ лицѣ ихъ, выставяетъ трудящихся и мыслящихъ представителей. Мы можемъ пожелать не сокращенія, а расши-

ренія и увеличенія той авторской производительности, съ какою наше пастырство является въ нашей печати.

Дѣлиться съ читающею публикою чрезъ печатное слово можно священнику разсужденіями о предметахъ разнообразнаго свойства. Ближе всего ему предлагать вниманію своихъ собратій и людей, сочувствующихъ интересамъ духовнымъ, опыты проповѣднаго слова, свои пастырскія наблюденія и разсужденія о вопросахъ, имѣющихъ непосредственное отношеніе къ кругу обязанностей священника. Можно и естественно ожидать отъ него статей для назидательнаго чтенія, способныхъ возбудить и поддержать чувство вѣры и духъ благочестія, а также учебныхъ пособій по предметамъ начальнаго религіознаго образованія. Но ничто не препятствуетъ ему, если есть у него склонность, усердіе и достаточный запасъ знаній, расширять программу своихъ авторскихъ занятій и являться въ печати съ учеными трудами, разъясняющими тѣ или другіе предметы изъ области богословской, церковно-исторической или даже общей гуманной наукъ. Чѣмъ шире его дѣятельность, чѣмъ достойнѣе въ учено-литературномъ отношеніи его авторскіе труды, тѣмъ съ большимъ уваженіемъ будутъ относиться къ нему и къ его слову.

Для поддержанія интереса къ умственнымъ научнымъ занятіямъ и для веденія такихъ занятій необходимы книги, безъ которыхъ въ научной сферѣ, какъ безъ рукъ, ничего не подѣлаешь. А книги для большинства нашихъ сельскихъ пастырей не легко доступны, по крайней мѣрѣ въ такомъ обиліи, какое требуется для того, чтобы слѣдить за наукою и литературою и не урывками заниматься этимъ дѣломъ. Вблизи нѣтъ мало-мальски порядочныхъ библіотекъ, изъ которыхъ священникъ могъ бы брать нужныя и полезныя для него сочиненія. А самому ему при тѣхъ недостаткахъ, какими онъ располагаетъ, и на какіе долженъ содержать себя и свое семейство, часто затруднительно удѣлять какую-либо сумму на покупку и пріобрѣтеніе книгъ. И вотъ въ этомъ недостаткѣ, или въ этой малодоступности книгъ для нашего сель-

скаго священника заключается причина того отчужденія отъ умственнаго труда и того равнодушія къ научнымъ интересамъ, какое нерѣдко замѣчается среди нашего священства, и какого не должно бы быть у людей, болѣе десяти лѣтъ обучавшихся въ школѣ и въ ней привыкшихъ къ книгѣ. Мы не можемъ не признать серьезнаго значенія за этимъ обстоятельствомъ, и въ виду его отнюдь не расположены раздѣлять суроваго осужденія, какому подвергаются часто наши пастыри за заглушеніе въ себѣ научныхъ интересовъ со стороны лицъ, смотрящихъ на дѣло свысока и не желающихъ принимать во вниманіе тѣхъ условій, въ какія поставлены наши пастыри. Но мы не можемъ считать неустрашимымъ это затрудненіе для священника къ продолженію умственныхъ занятій, и думаемъ, что при стремленіи къ самообразованію священники найдутъ средства къ выходу изъ этого затрудненія. Самонужнѣйшія книги они могли бы приобрѣтать для себя на свой счетъ: такихъ книгъ не можетъ быть много, и на приобрѣтеніе ихъ не невозможно удѣлять малую часть и при небогатыхъ доходахъ, какими располагаютъ наши священники. Не будетъ ни отъ кого запрета, если что либо употребить на покупку книгъ изъ церковныхъ суммъ: въ церкви, этомъ первымъ и для всѣхъ открытымъ училищѣ, не только можетъ, но и должна бы быть учительная бібліотека. Не однѣ богослужебныя книги непременно должны находиться въ церкви: въ ней не должно быть недостатка и въ книгахъ, назначенныхъ для назиданія народа. Къ этому обязываетъ Уставъ церковный, по указаніямъ котораго¹⁾ должны читаться въ церквахъ при богослуженіи извѣстныя учительныя творенія отцовъ церкви, напримѣръ въ періодъ времени отъ Пасхи до Пятидесятницы толкованія Златоуста на Евангеліе отъ Іоанна, отъ недѣли Пятидесятницы до сентября толкованія тогоже отца на Евангеліе отъ Маттея, отъ недѣли по Воздвиженіи до сырной недѣли толкованія на Евангеліе отъ Луки

¹⁾ Церк. Уставъ, гл. 10, л. 22 на обор. ил. 23.

Оеофилакта, Метафраста, Логоветовъ, толкованія Златоуста на посланія св. апостола Павла и Маргаритъ, а въ четырехдесятиицѣ Шестодневникъ Златоуста, отдѣлы изъ твореній св. Ефрема Сирина, Лавсанка и Лѣтвицы. Значить, эти указанная творенія отеческія и другія подобныя предполагаются Уставомъ находящимися въ церкви, на ряду съ книгами церковно-богослужебными. Къ этому располагаетъ и наша правительствующая власть церковная, когда она нарочито разсылаетъ по всѣмъ церквамъ книги, ею составленныя или признаваемыя полезными для назиданія народа, какъ это сдѣлано въ послѣдней половинѣ прошлаго столѣтія. Тогда нарочито составлено было митрополитами Платономъ и Гавріиломъ „Собраніе разныхъ поученій на всѣ воскресные и праздничные дни, на три части раздѣленное“ и этими поученіями за полезное и нужное рассуждено снабдить всѣ церкви. Въмѣстѣ съ этою книгою издана и назначена для чтенія по церквамъ и для домашняго чтенія въ семействахъ „Книга краткихъ поученій о главнѣйшихъ спасительныхъ догматахъ Вѣры и заповѣдяхъ Божіихъ и о должностяхъ, изъ разныхъ св. отецъ и учителей собранная“, а въ дополненіе къ ней изъ твореній святителя Тихона Задонскаго издано Синодомъ „Наставленіе о собственныхъ всякаго христіанина должностяхъ“. Такими распоряженіями церковной власти полагается основаніе церковнымъ библіотекамъ: поддержаніе ихъ и пополненіе книгами, являющимися съ теченіемъ времени и важными съ религіозно-назидательной точки зрѣнія, исполнѣ согласно съ видами, проводимыми нашею властію въ жизнь церковную, и по мѣрѣ возможности поощряется ею.

Этими библіотеками, частною личною и церковною, пожалуй, еще не много можетъ быть дано для удовлетворенія ученой любознательности священника и для поддержанія и оживленія тѣхъ умственныхъ интересовъ, какіе питать ему слѣдуетъ. Въ этомъ отношеніи цѣлямъ самообразованія съ большею пользою могутъ служить окружныя библіотеки, и устройство ихъ, при недостаткѣ

частныхъ средствъ священника, можно рекомендовать въ видахъ той существенной пользы, какую онѣ могутъ приносить священникамъ, не желающимъ оставлять умственныхъ занятій и заботящимся объ обогащеніи себя нужными свѣдѣніями. Что трудно и не по силамъ для одного, то можетъ сдѣлать товарищество: нѣсколько лицъ извѣстнаго округа, внося ежегодно небольшую плату на книжное дѣло, съ теченіемъ времени могутъ образовать порядочную библіотеку. Начало такому учрежденію положено такъ называемыми благотворительными библіотеками, имѣя существующими для духовенства, входящаго въ составъ извѣстнаго благотворительнаго округа, и поддерживаемыми на счетъ небольшихъ взносовъ отъ членовъ этого округа. Этихъ благотворительныхъ или окружныхъ библіотекъ у насъ очень мало, и какія есть, тѣ идутъ вяло и едва держатся. Между тѣмъ это дѣло очень важное и полезное, и заслуживаетъ не только сочувствія, но и всяческаго поощренія со стороны людей, могущихъ имѣть вліяніе на бытъ духовенства. При нихъ могутъ быть обезпечены болѣе или менѣе тѣ умственные средства, въ какихъ не можетъ не нуждаться священникъ, живущій въ сельской глуши, если хочетъ держать себя на извѣстной высотѣ образованія и слѣдить за движеніемъ современной мысли и жизни. И существованіе ихъ съ другой стороны можетъ будить и оживлять любовь къ книгѣ, а выѣстъ съ тѣмъ поддерживать живой умственный интересъ къ разнымъ вопросамъ науки и жизни въ тѣхъ людяхъ, которые безъ нихъ легко могутъ поддаться вліянію обстановки, не располагающей къ книжному труду, и всецѣло погрузиться въ хозяйственныя и мелкія приходскія хлопоты. Для устройства такихъ библіотекъ не нужно большихъ пожертвованій. Здѣсь нужна всего добрая инициатива, неослабное постоянство и умѣлый расчетливый распорядитель. Если деньги, собираемые на эту библіотеку, не будутъ тратиться на летучіе листки, интересъ которыхъ ограничивается предѣлами одного нынѣшняго дня, и которые завтра бросаются, какъ ненужные, если далѣе библіотека

не будетъ наполняться произведеніями такъ называемой легкой литературы, которая читается для одной забавы и празднаго времяпрепровожденія, и если все вниманіе распорядителей библіотеки будетъ обращено на то, чтобы пріобрѣтать серьезныя и прежде всего капитальныя сочиненія по предметамъ, имѣющимъ ближайшее отношеніе къ религіозно-умственнымъ потребностямъ духовенства, то безъ сомнѣнія въ недолгій срокъ библіотека обзавелась бы значительнымъ количествомъ наиболѣе важныхъ произведеній духовной литературы. А когда въ библіотекѣ будутъ на лицо главныя капитальныя произведенія духовной литературы, то легко пополнять ее новыми сочиненіями и, если позволяютъ средства, полезно разнообразить ея содержаніе, и кромѣ произведеній духовной литературы выписывать въ нее и сочиненія, относящіеся къ свѣтской гуманной наукѣ, отдавая предпочтеніе между ними тѣмъ, которыя снискали себѣ почетную извѣстность въ читающемъ мірѣ и отличаются добрымъ направленіемъ. Если представимъ, что подобная библіотека существуетъ и пополняется десятки лѣтъ, съ умѣлымъ выборомъ и расчетливостію, то безъ ошибки можемъ полагать, что въ ней найдется все, въ чемъ окажется существенная надобность священнику, не оставляющему заботы о своемъ самообразованіи. Изъ подобныхъ окружныхъ библіотекъ могли бы циркулировать или переходить отъ одного члена къ другому выписываемыя въ нихъ періодическія изданія, а равнымъ образомъ и новыя капитальныя сочиненія, являющіяся въ литературѣ и заставляющія говорить о себѣ. А за другими книгами, прежде пріобрѣтенными въ библіотеку, по мѣрѣ надобности каждый членъ могъ бы обращаться во всякое время. Такимъ образомъ облегчилась бы возможность удовлетворенія умственнымъ запросамъ, какіе мы предполагаемъ въ образованномъ священникѣ.

Въ Германіи существуютъ подобныя окружныя библіотеки, и онѣ поддерживаютъ живой научный интересъ въ тамошнемъ духовенствѣ. Въ Виртембергѣ опредѣлено закономъ, чтобы каждый пасторъ вносилъ извѣстную небольшую сумму въ книжный фондъ,

существующій для поддержанія окружной библіотеки, и на этотъ фондъ въ окружную библіотеку выписывается все замѣчательное, являющееся въ современной литературѣ и могущее интересовать священника. Періодическія изданія и книги, по порядку всема аккуратно соблюдаемому, обращаются между членами, входящими въ составъ округа, и каждый изъ нихъ во всякое время имѣетъ подъ руками полезныя и серьезныя книги, пользуется которыми онъ освѣщаетъ свой кругозоръ, слѣдитъ за тѣмъ, что дѣлается въ наукѣ и жизни, и умножаетъ свои свѣдѣнія.

Книжныя и умственныя занятія, какъ ни приличны они въ положеніи священника и какъ ни полезны для него въ видахъ его собственнаго самоусовершенія, не должны быть центромъ его дѣятельности и поглащать собою его главное вниманіе. Первый предметъ его вниманія—это обязанности его службы, и къ усордному выполненію этихъ обязанностей, къ возможно лучшему совершенію того, чего требуетъ отъ него долгъ его званія, должны быть направлены все его заботы. Книжныя и умственныя занятія, какія можно рекомендовать ему и къ какимъ онъ можетъ имѣть склонность,—для него занятія частныя, и къ нимъ онъ можетъ обращаться только въ часы, остающіеся у него свободными послѣ исполненія служебныхъ обязанностей. Прекрасно видѣть въ священникѣ человѣка многознающаго, ученаго, писателя. Но если священникъ до того увлекается занятіями ученаго или писателя, что изъ-за нихъ готовъ пренебрегать обязанностями своего служенія, если для него непріятно всякое отвлеченіе отъ нихъ къ исполненію какой либо требы, и онъ снѣшно и пожалуй кое-какъ отправляетъ требы, какія долженъ совершать по долгу приходскаго пастыря, то этимъ онъ ставитъ себя въ фальшивое положеніе и не можетъ не вызывать противъ себя нарекаій и осужденія. Священникъ долженъ помнить, что онъ прежде всего священникъ, а не присяжный ученый, специально обязанный изучать ту или другую науку и выдающій въ этомъ главное свое призваніе. Пусть книга или перо будутъ друзьями священника,

пусть по возможности часто они являются въ рукахъ священника въ свободное время; но какъ скоро зовутъ его обязанности службы, онъ охотно и безъ замедленія долженъ оставлять ихъ: служебная дѣятельность должна имѣть у него предпочтеніе предъ всѣми другими частными занятіями. Но одна книжная, по и всякія другія частныя занятія, къ какимъ можетъ обращаться священникъ по разнымъ побужденіямъ, должны отступать на второй планъ предъ тѣмъ, чего требуетъ отъ него долгъ его званія.

Впрочемъ, кажется, у насъ только въ рѣдкихъ случаяхъ можетъ имѣть приложеніе предостереженіе священниковъ отъ увлеченія книжными умственными занятіями до пренебреженія обязанностями своего званія. Не уместится ли у насъ напротивъ возбужденіе любви къ книгѣ въ средѣ духовенства и принятіе какихъ либо мѣръ, чтобы не дать заглухнуть научнымъ интересамъ въ нашемъ пастырствѣ? Въ Германіи, гдѣ весь пасторатъ состоитъ изъ людей съ высшимъ университетскимъ образованіемъ, считаютъ неизлишними подобныя мѣропріятія, направленныя къ поддержанію въ пасторахъ живаго интереса къ научнымъ занятіямъ и къ возбужденію среди нихъ умственно-религіозной дѣятельности. Въ иныхъ протестантскихъ странахъ (Виртембергъ на примѣръ) члены духовенства обязаны представлять генераль-суперинтенденту особыя богословскія разсужденія, — молодые викаріи каждагодно, а настоятели церквей, болѣе занятые служебными обязанностями, каждыя два или три года, по одному разсужденію. Темы для такихъ разсужденій предлагаетъ генераль-суперинтендентъ, по сношенію съ деканами, ему подвѣдомственнымъ; но не запрошается пасторамъ и самимъ выбирать предметъ для разсужденія и разъяснять тотъ или другой вопросъ ихъ интересующій. Упомянемъ объ этомъ не для того, чтобы рекомендовать или вызвать у насъ что либо подобное. Та широкая практическая дѣятельность, къ которой призывается наше священство, мало совмѣстима съ подобными отвлеченно-школярными занятіями, и обязательное составленіе богословскихъ разсужденій нашими священни-

ками, —разсужденій, напоминающихъ собою школьныя задачи или упражненія, —было бы для нихъ тяжелымъ игомъ и могло бы часто причинять ущербъ тому церковному дѣлу, для каковаго они поставлены среди прихода. Мы выставяемъ чужой обычай на видъ, чтобы показать, какъ въ другихъ вѣроисповѣдныхъ обществахъ считаютъ необходимымъ сохраненіе живаго научнаго интереса къ научнымъ занятіямъ среди духовенства, но желаемъ, чтобы у насъ этотъ интересъ поддерживался не вѣшными принудительными мѣрами, а свободнымъ сознаніемъ нашего настырства, которому церковь въ школѣ дастъ достаточно полное образованіе.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Къ вопросу о народномъ здоровіи.

Въ первой статьѣ „Къ вопросу о народномъ здоровіи“ нами обстоятельно сказано о настоятельной необходимости реорганизовать земскую медицину, дабы она не оставалась фиктивной, не смотря даже на неносимыя иногда затраты на нее денежныхъ средствъ. Теперь сдѣлаемъ нѣсколько практическихъ указаній для первыхъ опытовъ примѣненія на практикѣ гомеопатическаго метода.

Говоря въ первой статьѣ о баснословной сравнительно дешевизнѣ лекарствъ, мы нѣсколько не преувеличили. Лекарства собственно ничего не стоятъ, такъ какъ какого нибудь грава хины можетъ хватить на весь уѣздъ; стоитъ лишь доставка лекарствъ, посуда, въ которой они сохраняются; спиртъ или молочный сахаръ, въ которомъ они содержатся; содержаніе аптекъ и т. под. Но и при всемъ томъ излѣченіе какой нибудь, иногда довольно сложной, болѣзни обходится во-столько, во-сколько можетъ обойтись нѣсколько капель спирта, т. е. менѣе копѣйки. О дешевизнѣ гомеопатическихъ лекарствъ приходится говорить

потому особенно, что въ публикѣ, даже образованной, и на этотъ счетъ ходять невѣрные толки. Намъ приходилось слышать въ обществѣ отъ очень почтеннаго лица, что за границей имъ заплачено было за одно изъ средствъ что-то ужъ очень дорого. Конечно, тутъ вышло недоразумѣніе: приобретено было, по всей вѣроятности, электро-гомеопатическое средство графа Маттен. А средства графа Маттен дѣйствительно дороги, тѣмъ болѣе, что ихъ далеко не всегда возможно и приобрести, такъ какъ изготовляются они на весь міръ исключительно графомъ Маттен, что ведетъ конечно и къ поддѣлкамъ.

Обыкновенно пузырекъ лекарствъ какого бы то ни было (они всѣ въ одной цѣнѣ) стоитъ 30 коп., двойной нѣсколько дороже. Въ пузырекѣ капель полторааста. Нѣкоторые находятъ для себя и это дорогимъ, а потому поступаютъ такимъ образомъ: выписываютъ низшія дѣленія лекарствъ; Арсеникъ напр., Креозотъ, Атропинъ не употребляются ниже 6-го дѣленія. Получивъ низшія дѣленія, берутъ одну каплю лекарства, вливаютъ въ совершенно чистый, никогда не бывшій въ употребленіи пузырекъ съ новой пробкой и разбавляютъ эту каплю девятисто девятью каплями очищеннаго, аптечнаго спирта, причемъ минуты двѣ—три сильно взбалтываютъ его, и лекарство слѣдующаго сотаго дѣленія готово. Если же берутъ десять капель и дополняютъ ихъ девятисто каплями спирта, то это будетъ слѣдующее десятичное дѣленіе и т. д. Приготовленное дома такимъ образомъ лекарство обойдется вѣроятно коп. 3—4 не больше. А такъ какъ обыкновенно высшія дѣленія, по наблюденіямъ многихъ опытныхъ врачей, считаются болѣе дѣйствительными, а иногда даже и полнѣйшими необходимыми, то, разжижая постепенно лекарство, стоимость его низводится до стоимости очищеннаго спирта.

Является вопросъ: откуда приобретать лекарства и руководства? Всего лучше обращаться въ С.-Петербургское Общество послѣдователей гомеопатіи. Обществомъ изданъ прекрасный лечеб-

никъ д-ра Руддока¹⁾, переводъ съ девятаго англійскаго изданія, подъ редакціей д-ра Соловьева. Въ Англіи это сочиненіе разошлось въ 63,000 экзмп.; а вообще всѣ изданія Руддока по гомеопатіи, не считая послѣднихъ, разошлись въ числѣ 342,000 экзмп. Обществомъ предпринято изданіе цѣлаго ряда брошюръ по заразнымъ болѣзнямъ. Все это говоритъ въ пользу Общества и конечно влечетъ къ нему. Мы получили уже нѣсколько писемъ и заявленій указать на лучшія руководства. Изъ числа наиболѣе намъ извѣстныхъ руководствъ укажемъ на лечебникъ д-ра Соловьева, съ портр. Ганемана; цѣна съ перес. 2 р. Къ лечебнику аптека въ 60 средствъ; цѣна въ 15 р. (Лекарства и аптеки можно выписывать и отдѣльно; первыя по 30 к. за пузырекъ, а аптечки, начиная съ 3 р. Аптечки составлены такъ, что въ самыхъ маленькихъ изъ нихъ помѣщены лекарства, чаще употребляемыя въ разныхъ болѣзняхъ, или они составлены спеціально для леченія какой нибудь заразной болѣзни, напр. дифтерита, холеры и проч. Нѣкоторые лекарства употребляются чрезвычайно часто и потому полезно при лекарствахъ выписывать и спиртъ²⁾; цѣна за 1 ф. 1 р. 25 к.). Руководство д-ра Миллера; цѣна 1 р. 75 к. Руководство д-ра Дитмана, 2 т. цѣна 3 р. Руководство д-ра фонъ-Гергардта, изд. въ Москвѣ; цѣна 4 р. Руководство къ пользованію женскихъ болѣзней д-ра Руддока; цѣна 1 р. 75 к. Его же: дѣтскія болѣзни, ихъ гомеопатическое и общее леченіе; цѣна 1 р. 25 к. По ветеринарному отдѣлу намъ извѣстно соч. д-ра Гюнтенъ, изд. въ Москвѣ; цѣна за 2 ч. 2 р. 50 к. и соч. д-ра Швабе, о томъ же; цѣна 2 р. 50 к. Дерикеръ. Гомеопатическая фармакологія; цѣна 10 р. Изъ брошюръ по отдѣльнымъ болѣзнямъ изданы Обществомъ. Дифтерозъ; цѣна 40 к.,

¹⁾ Къ нему аптека въ 50 средствъ 13 р.; вѣсов. за 5 ф.

²⁾ Сотня гомеопат. пузырьковъ бракованныхъ, т. е. неровныхъ и проч. 2 р.; небракованные 3 р. 80 к.

съ аптекой и пересылкой 3 р. Тифъ (сыпной, брюшной и возвратный); цѣна 35 к., съ аптекой въ 30 средствъ и съ термометромъ 10 р., вѣс. за 5 ф. Холера; цѣна 15 к., съ аптекой изъ 16 средствъ 6 р., вѣс. 4 ф. Оспа; цѣна 30 к. съ аптекой изъ 14 средствъ 5 р., вѣс. 4 ф. Венерическая болѣзнь; цѣна 40 к., съ аптекой изъ 24 средствъ 8 р., вѣс. 5 ф. Скарлатина; цѣна 20 к., съ аптекой изъ 10 средствъ 3 р., вѣс. 4 ф. Корь; цѣна 20 к., съ аптекой изъ 12 средствъ 4 р., вѣс. 4 ф. Коклюшъ; цѣна 20 к., съ аптекой изъ 15 средствъ 5 р., вѣс. 4 ф. Отдѣльно термометръ; цѣна 2 р. безъ пересылки. Замѣтимъ, между прочимъ, что клиническій термометръ весьма необходимъ, такъ какъ онъ отчетливо указываетъ на ходъ болѣзни и на моменты особенно опаснаго ея состоянія.

Въ настоящее время Общество предпринимаетъ изданіе Фармакодинамики д-ра Юза, какъ необходимое дополненіе къ соч. д-ра Руддока; это капитальный и исполнѣ систематическій трудъ въ 1000 стр. Отличаясь научностію и практичностью, книга эта, говоритъ Правленіе Общества, безъ сомнѣнія принесетъ существенную пользу не только всѣмъ интересующимся гомеопатіею, но и врачамъ, желающимъ получить точныя и основательныя свѣдѣнія о дѣйствіи лекарствъ. Цѣна за экзмп. по подпискѣ 5 р. Вѣроятно подписка пойдетъ успѣшно, судя по тому, что, какъ намъ извѣстно, въ одномъ линіи изъ учебныхъ заведеній въ Кіевѣ подписалось 6 лицъ на соч. д-ра Юза. Не смотря на то, что почти въ каждомъ лечебникѣ указаны правила относительно употребительнѣйшихъ пріемовъ при дачѣ гомеопатическихъ лекарствъ, къ намъ иногда обращаются за такого рода указаніями. Это доказываетъ, конечно, что не всѣ съ одинаковымъ вниманіемъ прочитываютъ предисловія въ руководствахъ, останавливаясь главнымъ образомъ на данной болѣзни и предполагая способъ леченія болѣзней ужъ черезъ-чуръ легкимъ. Впрочемъ, правила эти окончательно еще не установлены практикою, хотя они и весьма важны. Одинъ изъ извѣстнѣйшихъ гомеопатовъ,

д-ръ Ярѣ, согласно съ мнѣніемъ Ганемана, придерживается болѣе высокихъ дѣленій, между 15-мъ и 30-мъ. Вотъ что онъ говоритъ въ этомъ случаѣ: „Лучшій совѣтъ въ томъ, чтобы держаться постоянно правила, что не первичное дѣйствіе лекарства ищѣяетъ, но противодѣйствіе жизненной силы, возбужденное этимъ дѣйствіемъ; истина, къ которой мы прибавимъ еще слѣдующія краткія правила:

- 1) Во всѣхъ сомнительныхъ случаяхъ лучше дать пріемъ слишкомъ слабый, нежели слишкомъ сильный, и не повторять его, нежели повторять слишкомъ часто.
- 2) Всякій разъ, когда нѣтъ достаточнаго указанія для повторенія или для принятія другаго лекарства, ничего нѣтъ рациональнѣе, разумнѣе, какъ ожидать, чтобы эти указанія обнаружались.
- 3) Въ хроническихъ болѣзняхъ хорошій наблюдатель достигнетъ нѣрѣдко черезъ три мѣсяца, съ помощію лекарствъ, данныхъ каждое въ пріемѣ 2—3 крупинокъ того, чего другой не достигнетъ продолженіе 3-хъ лѣтъ шестидесятью лекарствами въ пріемахъ, повторяемыхъ черезъ часъ.
- 4) Ничего не можетъ быть ошибочнѣе со стороны врача, какъ истерическое и слишкомъ частая перемѣна лекарствъ.
- 5) До тѣхъ поръ, пока послѣ пріема лекарства, болѣзнь не утихнетъ, ничего не рискуютъ выходя.
- 6) Благодѣтельное противодѣйствіе жизненной силы лекарству никогда уже не возстановится, когда оно было не кстати нарушено.
- 7) Пока природа благодѣтельно противудѣйствуетъ, врачу рѣшительно нечего дѣлать; потому что все, что онъ могъ бы сдѣлать въ такое время, было бы ко вреду больного.
- 8) Истинное облегченіе, успѣшное, хотя и медленное, лучше неопредѣленной надежды на скорѣйшее облегченіе ненадежными средствами.
- 9) Ошибочно данные слишкомъ слабые пріемы всегда легко исправить; но неправильно данные слишкомъ сильные пріемы иногда вовсе не исправляются.
- 10) Иногда лучше предоставить болѣзнь ея собственному теченію, нежели лечить ее слишкомъ сильными пріемами и слишкомъ часто повторяемыми.
- 11) Чѣмъ меньше увѣренности въ правильномъ

выборъ лекарства, тѣмъ осторожнѣе должно дѣйствовать какъ относительно даваемого приема, такъ и относительно повторенія его“.

Отъ 3-хъ до 5-ти крупинокъ, разведенныхъ въ ложкѣ воды, лучше переваренной, или двѣ капли лекарства, считается всего болѣе употребительнымъ приемомъ. Причемъ въ болѣзняхъ острыхъ, каковы разнаго рода воспаленія, дифтеритъ, холера и проч., лекарства даются иногда даже черезъ каждыя $\frac{1}{4}$ часа, пока не обнаружится поворотъ къ лучшему. Въ болѣзняхъ хроническихъ, часто бываетъ достаточно одного приема не только въ сутки, но даже и въ недѣлю. При обыкновенномъ теченіи болѣзни лекарства даются черезъ два или три часа, лучше натощакъ, за часъ передъ принятіемъ пищи и спустя два часа послѣ еды. Дѣтямъ даютъ вдвое меньше, а груднымъ еще меньше; для чего можно каплю распустить въ полустаканъ и давать по чайной ложкѣ. Ни въ какомъ случаѣ не будить больного, чтобы дать ему лекарство.

И нѣсколько разъ имѣлъ случай убѣдиться, говоритъ д-ръ Дитманъ въ статьѣ своей о леченіи дифтерита, что при употребленіи слишкомъ матеріальныхъ приемовъ гомеопатическое ожесточеніе бываетъ довольно значительно, и поэтому употребляю 30-е дѣленіе, которое дѣйствуетъ великолѣпно. Сотни свѣжихъ случаевъ, которые мнѣ приходилось наблюдать, кончались полнымъ исцѣленіемъ на четвертые или пятые сутки. Распространеніе дифтеретического выпота почти моментально останавливается, пораженные мѣста быстро очищаются и остающіяся въ нихъ, послѣ отдѣленія выпота, язвы заживаютъ въ 24 часа.

Дѣло въ томъ, говоритъ Гергардтъ, что пока количественный элементъ связываетъ качественный, послѣдній можетъ производить свое дѣйствіе только своимъ избыткомъ, а въ разрѣженномъ видѣ онъ дѣйствуетъ всею суммой своей силы. Что врачъ-магнетизеръ производитъ нѣсколькими чертами, то врачъ-гомеопатъ совершаетъ наименьшимъ приемомъ лекарства, по-

яснять этотъ вопросъ проф. Эшонмайеръ. Достаточно легкаго допущенія, чтобы перенести на другаго человека заразительный тифъ съ цѣлымъ рядомъ протекающихъ отъ него недуговъ. Совершенно также достаточно и одного атома лекарства, чтобы привести въ колебаніе безконечно измѣняемый нервный духъ. И въ 30-мъ дѣленіи мышка, которое по замѣчанію Альтшуля производить замѣчательно благотворительное дѣйствіе на организмъ, мы все еще найдемъ вещественную основу невидимаго вещества, присутствіе котораго намъ не покажетъ ни микроскопъ, ни химическіе реактивы; но чѣмъ вещество тоньше, тѣмъ сильнѣе и глубже проникаетъ оно въ болѣзненный и потому необыкновенно чуткій организмъ.

Мы останавливаемся на этомъ вопросѣ такъ долго потому, что для большинства новичковъ въ дѣлѣ гомеопатическаго леченія низшія дѣленія и нетерпѣливая дача ихъ составляютъ главную причину сравнительно меньшаго успѣха.

Въ виду чрезвычайно тонкихъ свойствъ гомеопатическихъ лекарствъ, здѣсь мѣсто указать на практическій приемъ при выдачѣ ихъ на сторону. Для каждаго лекарства слѣдуетъ имѣть особый пузырекъ, трехъ или четырехъ унцовый. На пузырекъ и привязанной къ нему пробкѣ долженъ быть обозначенъ №, соответствующій № того лекарства, которое имъ помѣчено; слѣдовательно, если аконитъ помѣченъ № 1-мъ, то и пузырекъ, въ которомъ предполагается давать аконитъ, также долженъ быть помѣченъ № 1-мъ, чтобы при перемываніи какънибудь не обмѣнялись пробки пузырьковъ, или чтобы въ пузырькахъ, въ которыхъ давался аконитъ, не дать другаго лекарства, дѣйствительность котораго можетъ быть нарушена остатками прежде бывшаго въ немъ лекарства. Лекарства слѣдуетъ давать приготовленными, т. е. распушенными лучше въ переваренной водѣ, причемъ величина приѣмовъ можетъ быть намѣчена на пузырькахъ масляной краской. При дачѣ лекарствъ въ кружинкахъ можно и обойтись безъ пузырьковъ. Давать же гомеопатическіе пузырьки со спиртомъ неудобно,

такъ какъ нерѣдко, при самомъ настоятельномъ объясненіи употреблять лекарства каплями, намъ приходилось видѣть, какъ больные поглощали весь пузырекъ. Народъ къ гомеопатическому леченію относится весьма довѣрчиво; одни думаютъ, что это вода освященная, или надъ которой совершена особая молитва на зарѣ. Кстати было бы сказать здѣсь нѣсколько словъ и о необходимыхъ гигиеническихъ условіяхъ для болѣе успѣшнаго леченія; тѣмъ болѣе, что въ обществѣ и по этому чрезвычайно важному вопросу свѣдѣнія крайне ограничены. Но недостатокъ мѣста заставляеть насъ отложить исполненіе нашего желанія до перваго возможнаго случая.

Амврозіастъ.

Такъ называется Комментарій на посланія ап. Павла, несправедливо приписываемый св. Амвросію Медіоланскому. Комментарій этотъ, какъ по содержанію, такъ и по формѣ отличается отъ подлинныхъ экзегетическихъ сочиненій этого славнаго отца и учителя Церкви. Бл. Августинъ въ своемъ сочиненіи противъ Педагіанъ считаетъ авторомъ его какого-то Иларія, подъ которымъ большинство разумѣетъ діакона Церкви римской. Но кто бы ни былъ авторъ такъ называемаго Амврозіаста, во всякомъ случаѣ происхожденіе его относится къ цвѣтущимъ временамъ христіанства—ко временамъ вселенскихъ соборовъ. Въ объясненіи 14 и 15 стиховъ 3 главы 1 посланія къ Тимоѳею папа Дамазь представляется современникомъ автору этого сочиненія. „Хотя весь міръ, говорится тамъ, принадлежатъ Богу, однако Церковь, которою теперь управляетъ Дамазь, есть домъ Его“. Если признать эти слова несомнѣнно принадлежащими самому автору Амврозіаста, а не усвоятъ ихъ какому нибудь интерпо-

латору, то она, очевидно, ясно опредѣляютъ время происхожденія этого сочиненія. Такъ какъ папа Дамазъ жилъ отъ 367 до 384 г., то значить въ этотъ промежутокъ времени оно и явилось или по крайней мѣрѣ та часть его, гдѣ объ этомъ говорится. Другія даты, находящіяся въ Амвросіастѣ, хотя такъ точно не опредѣляютъ время появленія его, но тѣмъ не менѣе указываютъ на его древность, относящуюся къ той же эпохѣ. Такъ въ Амвросіастѣ опровергаются ереси донатистовъ, новаціанъ, аріанъ, но нѣтъ никакого упоминанія о несторіанахъ и другихъ позднѣйшихъ ерестикахъ. Далѣе изъ церковныхъ писателей приводятся мѣста только Тертуліана, Кириіана и Викторина, современника папы Дамаса. Наконецъ текстъ посланій апостола Павла цитируется не по Вульгатѣ, а по какому-то другому переводу.

Амвросіастъ, по свидѣтельству новѣйшаго патролога Альцога, не смотря на свою краткость, богатъ содержаніемъ и прекрасенъ своими догматическими объясненіями. Изъ него для перевода мы избираемъ прежде всего толкованіе на посланіе апостола Павла къ евреямъ, руководясь при этомъ не порядкомъ распредѣленія издателей его и не преимуществами этого толкованія предъ другими (напротивъ оно стоитъ сравнительно ниже ихъ), но потребностями времени или точнѣе отсутствіемъ толкованій у насъ на это посланіе.

II. III.

Толкованіе на посланіе апостола Павла къ Евреямъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Почему или съ какою цѣлію ап. Павелъ написалъ посланіе своему народу—евреямъ, видно изъ его собственныхъ словъ. Онъ боялся, чтобы они подъ тяжестію искушеній не отпали отъ вѣры. Ибо никакой народъ такъ упорно не возставалъ противъ евангелія Христа, какъ іудеи, которые были непримиримыми врагами Павла, потому что онъ объявлялъ себя апостоломъ язычникомъ,

которыхъ они презирали, какъ невѣждъ и безбожныхъ, и потому что казалось, что онъ отвергалъ законъ Моисеевъ, который они считали неприкосновеннымъ и о которомъ думали, что онъ силою евангелія распространится по всему міру. Между іудеями были и такіе, которые приняли ученіе Христа, которые думали, что исполненіе закона нужно соединять съ евангелиемъ. Они во Іерусалимѣ были притѣсняемы тѣми изъ своихъ соотечественниковъ, которые возставали противъ евангелія, ибо въ рукахъ этихъ послѣднихъ находилась общественная власть; на нихъ они налагали оковы, ихъ подвергали бичеваніямъ и лишали имущества. Поэтому ап. Павелъ утѣшаетъ ихъ частію примѣромъ до-ветхозавѣтныхъ праведниковъ, большая часть которыхъ не пытали подобныя же или тягчайшія бѣдствія, чтобы добродѣтель ихъ была очевидна и доказана, и въ особенности примѣромъ Іисуса Христа, частію надеждою на вѣчную награду. Потомъ показываетъ, что при свѣтѣ евангелія Христова тѣмъ закона Моисеева уже прошла; приводя при этомъ многое изъ ветхаго завета и прилагая оное ко Христу. Учитъ, что спасенія нужно ожидать не отъ соблюденія закона, даннаго на время и несовершеннаго, но отъ вѣры, которою особенно угодили Богу. тѣ древніе праведные мужи, воспоминаніе о которыхъ считалось у іудеевъ священнымъ. Наконецъ передаетъ нѣкоторыя правила касательно терпѣнія и нравственности христіанъ. Почему же апостолъ не удержалъ здѣсь особенностей своего писанія, почему умолчалъ о своемъ имени или апостольскомъ авторитетѣ, очевидно: тѣмъ, которые увѣровали отъ обрѣзанія, онъ, какъ апостолъ языковъ, а не евреевъ, не хотѣлъ показать своей услуги, зная ихъ гордость. Есть такіе, которые говорятъ, что ап. Павелъ написалъ это посланіе на еврейскомъ языкѣ.

ГЛАВА 1-я.

Много разъ и многими способами Богъ, нѣкогда говорившій отцамъ во пророкахъ. Вся цѣль

св. ап. Павла при написаніи этого посланія состояла въ томъ, чтобы призвать евреевъ, т. е. свой народъ къ вѣрѣ во Христа и къ свѣту благодати, которая дарована чрезъ Сына, чтобы отдѣлить отъ тѣмъ законной то, что сообщено было посланникамъ. Поэтому онъ сначала сказалъ, что пророки говорили отцамъ: много разъ и многими способами Богъ говорилъ отцамъ во пророкахъ, указывая на то, что сказано въ другомъ мѣстѣ, именно: ибо Я умножилъ видѣнія и уподобился въ рукахъ пророковъ (Ос. 12, 10). Поэтому превосходство новаго завета указывается не въ томъ только, что отцамъ были посланы пророки, а намъ Сынъ; но въ томъ, что никто изъ пророковъ или патриарховъ не видѣлъ Бога, развѣ только въ подобіи, о Сынѣ же едиnorodномъ извѣстно, что Онъ воплотился и былъ видимъ во плоти, чрезъ которую едиnorodный Сынъ дѣлается человѣкомъ, воспринятымъ словомъ Бога. Поэтому тотчасъ присоедишилъ: въ послѣдніе дни эти говорилъ намъ въ Сынѣ. Выраженіе въ Сынѣ равняется выраженію чрезъ Сына, такъ какъ апостолъ во многихъ мѣстахъ своихъ посланій пользуется этими предлогами безразлично. Доселѣ о имени Христа умалчалъ, такъ какъ зналъ, что очень многіе изъ нихъ отрицали, что Христосъ есть Сынъ Божій. Не назвалъ еще по имени іудеевъ; ибо извѣстно было, что почти всѣ тѣ, которымъ говорили пророки, отличались нечестіемъ и безбожіемъ. Онъ не хотѣлъ еще говорить о нихъ, а разсуждаетъ вообще о тѣхъ дарахъ, которые даны были имъ по Божіей щедрости. Котораго поставилъ наслѣдникомъ всего. Что это значитъ? Здѣсь говорить о воплотившемся Сынѣ, о Которомъ выше сказалъ такъ же, какъ о Немъ читается во второмъ псалмѣ: проси у Меня, и дамъ Тебѣ народы въ наслѣдіе твое. Уже часть Господа не Іаковъ только и жребій Его не Израиль только, но совершенно всѣ народы. То есть сдѣлалъ этого Сына Господомъ всего. Имя „наслѣдникъ“ употребляетъ для того, чтобы чрезъ это показать, что Онъ есть соб-

ственный Сынъ и что Его не коснется никакая потеря господства. Называетъ же наследникомъ всего, то есть, цѣлаго міра. Потомъ обращаетъ рѣчь къ болѣе отдаленному, когда говорить: чрезъ Котораго и вѣки сотворилъ, чтобы показать, что въ новѣйшіе дни пришелъ въ міръ Тотъ, чрезъ Котораго Богъ и вѣки создалъ, чтобы объявить величіе Того, Который есть Основатель и Виновникъ. новаго завѣта. Послѣ этого, пользуясь нѣкоторыми ступенями, дошелъ до того, что гораздо болѣе всего того, о чемъ онъ сказалъ выше, и провозгласилъ, говоря: Сей сіяніе славы и образъ ипостаси Его. Хотя всегда мы нуждаемся въ благоговѣйномъ разумѣніи, но въ особенности тогда, когда или говоримъ или слушаемъ о Богѣ, потому что у насъ не достаетъ ни языка достойно говорить о Немъ, ни разума для пониманія Его. А въ такомъ случаѣ мы тѣмъ болѣе должны прославлять Бога, какъ Существо, превосходящее нашу рѣчь и нашъ умъ. По справедливости сказалъ, что Онъ есть сіяніе славы, такъ какъ ему извѣстно было, что Онъ Самъ о Себѣ сказалъ: Я свѣтъ міра. Этимъ Онъ показываетъ, что Онъ есть свѣтъ отъ свѣта, какъ Богъ отъ Бога, что Онъ освѣщаетъ наши души и низводитъ намъ Отца. Чрезъ сіяніе Онъ показалъ единство существа съ Богомъ Отцемъ и показалъ единую субстанцію, чтобы открыть два міра въ славѣ и сіяніи. Почему также присоединяетъ: Онъ есть образъ ипостаси Его, такъ какъ одинъ есть образъ у того, форму Котораго Онъ носятъ, другой же по отношенію не ко всему, а только лицу. Ибо и здѣсь образъ показываетъ совершенное равенство съ тѣмъ, образъ котораго показывается.

Здѣсь онъ образомъ (figura) назвалъ то, что въ другомъ мѣстѣ называетъ формою, когда говоритъ: во образѣ Бога своего. Именно образъ или форма указываетъ на единое равенство существа. Далѣе: носящій все словомъ силы Своея. Носящій, то есть, управляющій всѣмъ чрезъ то слово силы Своей, чрезъ Которое все сотворилъ. Ибо неменьшее зна-

читать управлять міромъ, чѣмъ творить. Ибо хотя при твореніи сущности предметовъ произведены изъ ничего, однако при управленіи то, что сдѣлано изъ ничего, сохраняется, дабы оно не обратилось въ ничто. Итакъ въ то время какъ все это управляется и противоположное одно другому соединяется, показывается великая и достойная удивленія сила Божія. Представивъ такъ ясно божеское величіе въ Сынѣ, онъ нисходитъ къ униженію воплощенія, когда говоритъ: совершивъ Собою очищеніе грѣховъ нашихъ, показывая попеченіе о нашемъ родѣ въ томъ, что говоритъ: держа все словомъ силы Своей..., и въ томъ, что присоединилъ: совершивъ очищеніе грѣховъ..., то есть очищаетъ грѣхи. Мы видимъ, что апостолъ этимъ особенно хвалится и объявляетъ, что оно даровано намъ чрезъ Сына. Такъ какъ онъ намекнулъ на крестъ и страданія Сына, чрезъ что даровано намъ очищеніе грѣховъ, то тотчасъ говоритъ о воскресеніи и восшествіи Его, чтобы поднять насъ на небо и чтобы мы созерцали неизреченную славу Его, ибо говоритъ: возсѣлъ одесную (престола) величія на высотѣ, одесную изобразилъ Бога не въ тѣлесномъ видѣ, а представилъ величію чести. Когда сказалъ на высотѣ, то показалъ, что Тотъ выше всего и все превосходитъ, Который достигъ до самаго престола отчаго блеска. Ибо какъ Отецъ на высотѣ, такъ и Сынъ на высотѣ. Сидѣнію ничего другаго не обозначаетъ, какъ раненство чести. Если бы онъ хотѣлъ показать меньшую степень чести, то никогда не сказалъ бы, что Онъ сидитъ одесную, но скорѣе сказалъ бы: ошуюю. Еще вознамѣрился показать превосходство этого Сына, говоря: будучи столько превосходяще ангеловъ, сколько славнѣйшее предъ ними наслѣдовалъ имя. Ангелы слуги и рабы, а Онъ сынъ и наслѣдникъ. Насколько, сказалъ, сдѣлался лучше ангеловъ, то есть, достоинствомъ и славнѣе, насколько лучше наслѣдовалъ имя. Далѣе: кому изъ ангеловъ когда либо сказалъ: Сынъ Мой! Я сегодня родилъ Тебя. И опять: Я Ему

буду въ Отца, а Онъ будетъ Мнѣ въ Сына. Безъ всякаго сомнѣнія, это говорятъ о воплощеніи Сына. Поэтому глаголь положилъ въ будущемъ времени: Я Ему буду въ Отца, и Онъ Мнѣ будетъ въ Сына. Тѣмъ, что сказалъ: Ты Сынъ Мой, Я нынѣ родилъ Тебя, явно показываетъ, что Тотъ, о Которомъ сказалъ: Я буду Ему Отцемъ, родился изъ самаго существа Отца. Потому употребилъ здѣсь настоящее время, что для Бога нѣтъ ничего прошедшаго или будущаго, но всегда все есть настоящее. Итакъ очевидно въ этомъ мѣстѣ показываетъ двѣ природы во Христѣ. Это же мы относимъ къ примѣрамъ нашего спасенія. Ибо если Самъ Богъ и Господь, Сынъ Божій, не возгнушался принять образъ раба, то тѣмъ болѣе должно, чтобы мы дѣлали все то, что повелѣно намъ, и переносили всякія униженія. Вспомнимъ слова Господа: когда сдѣлаете все, говорите, что мы рабы безполезные. И опять, когда вводитъ первороднаго во вселенную, говоритъ: и да поклонятся Ему всѣ ангелы Божіи. Павелъ входомъ Христа называетъ принятіе плоти, о чемъ Самъ Господь въ евангеліи говоритъ: Я вышелъ отъ Отца и пришелъ въ міръ. Въ этомъ мѣстѣ Христосъ свое воплощеніе называетъ выходомъ, которое ап. Павелъ называетъ входомъ. Спрашивается, почему одно и то же Христосъ и Павелъ захотѣли назвать различными словами. Ясно то, что означаютъ эти слова, и то, почему оныя употребляются. Христосъ по справедливости воплощеніе Свое называетъ выходомъ или исходомъ; ибо мы были внѣ Бога, такъ какъ тѣ, которые находятся въ царскихъ чертогахъ, были связаны въ оковахъ, а тѣ, на которыхъ Царь гнѣвается за ихъ преступленія, исключены были изъ царскаго чертога. Кто захотѣлъ бы испросить имъ прощеніе, тотъ не ввелъ бы ихъ прямо въ царскій чертогъ, но сначала самъ вышелъ бы вонъ и сталъ бы учить ихъ до тѣхъ поръ, пока не исправилъ бы ихъ и не сдѣлалъ бы ихъ достойными, чтобы заслужить лицезрѣнія Царя. Такъ дѣлаетъ и

Христосъ. Вышедши къ намъ, то есть, принявъ плоть, Онъ бѣдствовалъ съ нами и преподавалъ намъ правила. Очищая насъ такимъ образомъ отъ грѣховъ и обращая къ Богу, Онъ есть, такъ сказать, наилучшій ходатай нашъ, вводящій насъ въ царскій чертогъ. Поэтому Онъ пришествіе Своего воплощенія называетъ исходомъ. Павелъ же называетъ это входомъ примѣнительно къ получающимъ послѣдство и право господства въ какомъ либо владѣніи. Ибо словами: когда вводитъ первороднаго во вселенную, означаетъ, когда вручаетъ Ему вселенную. Тогда Онъ овладѣлъ всѣмъ міромъ, когда былъ признанъ всѣми, какъ Сынъ. И да поклонятся Ему всѣ ангелы Божіи. Устремляетъ нашу мысль къ чему то возвышенному, чтобы мы знали, что Тому, Кто облеченъ въ плоть и страдалъ за насъ, поклонились ангелы. Чтобы отдѣлять величіе Сына отъ служенія ангеловъ, онъ тотчасъ присоединилъ: Онъ дѣлаетъ ангелами Своими духовъ и служителями Своими пламя огненное. Этими словами означаетъ не однихъ только ангеловъ, но всѣ силы, исполняющія божественное служеніе; ибо должно знать, что ангелъ есть названіе должности, а не натуры. Поэтому тѣ, которые всегда духи, не всегда могутъ быть названы ангелами. Ты спрашиваешь названія этой природы? Оно есть духъ. Ты спрашиваешь названіе должности ея? Оно есть ангелъ. Поэтому, что существуетъ, она есть духъ, а потому, что дѣлаетъ, она есть ангелъ, такъ какъ ангеломъ называется по-гречески, а по-латыни *puŋcius*, вѣстникомъ. Какъ человѣкъ есть имя природы, а воинъ—имя должности; такъ тѣхъ, которые сотворены были духами, Богъ дѣлаетъ ангелами, посылая ихъ возвѣщать то, что Онъ повелитъ. И служителями Своими пламени огня. Мы читали, что огонь явился въ кушнѣ; читали также, что огонь былъ посланъ на апостоловъ и исполнилъ ихъ тѣмъ, что было предназначено имъ. Можно сказать, что ангелами они бываютъ тогда, когда посылаются возвѣстить радость, а служителями, то есть, огнемъ пополающимъ—

тогда, когда посылаются для наказанія. Есть такія должности и въ настоящей Церкви. Ибо святыя проповѣдники, когда возвѣщаютъ духовное и сообщаютъ о благахъ царства Божія, называются ангелами. Когда же проповѣдуютъ о гееннѣ огненной, бывають служителями, чтобы устрашить грѣшниковъ, грозя тѣмъ огнемъ, который никогда не сгораетъ. Къ Сыну же говорить: престолъ Твой, Боже, во вѣкъ вѣка, жезлъ правоты—жезлъ царства Твоего (Пс. 44, 7) Здѣсь говорить о Томъ, Который имѣлъ воплотиться, о Которомъ также Самъ Господь говоритъ въ евангеліи: Отецъ не судитъ никого, но весь судъ отдалъ Сыну, чтобы всѣ чтили Сына. И немного послѣ: Ему далъ власть творить судъ, такъ какъ Онъ есть Сынъ человѣческій. Здѣсь престолъ Божій относится до будущаго суда. На немъ будетъ видѣнъ Образъ человѣка, Судія живыхъ и мертвыхъ; на этомъ судѣ Христосъ всему дастъ истинную оцѣнку, все изслѣдуетъ и относительно всего произнесетъ Свой приговоръ. Въ вѣкъ вѣка говорить, потому что Самъ Христосъ сказалъ: тогда пойдутъ эти (грѣшники) въ огонь вѣчный, а праведники въ жизнь вѣчную. Жезлъ правоты—жезлъ царства Твоего. Жезломъ означаетъ кодексъ божественной справедливости, который по истинѣ называется правломъ, такъ какъ онъ не подвергнется никакому искривленію и поврежденію. Жезлъ этотъ управляетъ благочестивыми, наказываетъ грѣшныхъ. Именно этотъ жезлъ есть крѣпость необходимая, истиннѣйшее и неизмѣнное ученіе справедливости.

Инструкція объ обязанностяхъ псаломщиковъ¹⁾.

А. Правила по отношенію къ церкви.

§ 1. Кромѣ клиросаго чтенія и пѣнія, явка въ церковь на богослуженія ранѣе священника, по первому звону, а въ случаѣ надобности, принятіе отъ настоятеля ключей и возвращеніе оныхъ, отпираніе и запираніе церкви и наблюденіе за благовременностію звона; выносъ свѣчи, поставленіе аналогія, принесеніе потребныхъ для богослуженія вещей—просфоръ, вина, теплоты, разведеніе кадила, служеніе священнику въ алтарѣ—облаченіе его, подаваніе ему воды для умовенія рукъ; приготовленіе и подаваніе кадила какъ священнику, такъ и діакону при всѣхъ богослуженіяхъ, возжиганіе и тушеніе свѣчъ въ алтарѣ, наблюденіе за чистотою алтаря, завѣдываніе ризницею и приготовленіе облаченій подаваніе вещей, необходимыхъ при совершеніи таинствъ и исправленій требъ, кромѣ тѣхъ, къ которымъ прикосновеніе запрещено церковными правилами для псаломщиковъ; наблюденіе за цѣлостію церковнаго имущества во время производства внутри храма работъ, топки печей или уборки церкви; въ случаѣ болѣзни, или отсутствія наемнаго сторожа, на коего возложено исполненіе низшихъ церковныхъ службъ, не отказываться отъ исполненія сихъ службъ, помня, что никакое служеніе церкви не можетъ считаться унижительною.

§ 2. Во время богослуженія пѣть и читать не спѣшно, внятно и въ случаѣ указанія по этому поводу настоятеля исполнять безъ возраженій и разсужденій, стоять и держать себя чинно, не облакачиваться, не разговаривать, не смѣяться, не выходить безъ нужды, не приходитъ въ церковь въ хмѣльномъ видѣ;—въ примѣръ прихожанамъ, аккуратно съ благоговѣніемъ исполнять указанія церковныхъ постановленій касательно земныхъ

¹⁾ Утверждена преосвященнымъ Литовскимъ къ исполненію въ Виленской епархіи.

и поясныхъ поклоновъ, наклоненія головы при возглашеніяхъ священника, наложенія на себя крестнаго знаменія и приличнаго обращенія къ святымъ иконамъ при входѣ въ алтарь;—находиться при церкви, когда въ оной производятся ремонтныя работы, просушка ризницы, мытье половъ, очистка подсвѣчниковъ и лампадъ; вытираніе же иконъ и позолоты можетъ производиться, при неумѣнн кѣмъ другимъ, во избѣжаніе поврежденій—и собственноручно; наблюдать, чтобы кто изъ прихожанъ по невѣдѣнію и услужливости не переносилъ съ мѣста на мѣсто и не бралъ въ руки священныхъ предметовъ и не прикасался къ престолу; не удаляться изъ церкви послѣ богослуженія прежде священника, а при выходѣ тщательно осмотрѣть, все ли и аккуратно потушены свѣчи, залиты ли въ жаровнѣ уголья, закрыты ли окна и боковыя двери, въ особенности послѣ вечернихъ богослуженій; въ отсутствіе настоятеля не отлучаться изъ прихода, наблюдать за безопасностію храма и имѣть надзоръ за ночнымъ карауломъ.

В. *По отношенію къ настоятелю.*

§ 3. Относиться къ своему настоятелю почтительно и съ уваженіемъ. При встрѣчѣ въ присутствіи народа брать благословеніе со снятіемъ шляпы. являться къ нему по первому требованію, исполнять все законныя служебныя распоряженія и требованія безпрекословно, отлучаться изъ прихода хотя бы на одинъ день съ вѣдома настоятеля, а болѣе какъ на три дня съ дозволенія благочиннаго и не иначе какъ по представленіи отъ настоятеля удостовѣренія, что на время отпуска есть кому исполнять псаломщицкую должность; находиться неотлучно при совершеніи приходскихъ требосправленій, для сего удаляясь изъ дому оставлять свѣдѣнія, когда и гдѣ его можно найти; сопутствовать настоятелю при посѣщеніи деревень для виѣ церковныхъ собесѣдованій его съ прихожанами и оказывать ему въ семъ случаѣ помощь, согласно его уба анію; имѣти денежную или другую какую претензію къ настоятелю, не быть нахальнымъ, дерзкимъ, а

обращаться къ благочинному о законномъ удовлетвореніи; на дѣлаемыя замѣтанія настоятеля и оказанія грубости, не отвѣчать тѣмъ же, а заносить благочинному жалобу не позже мѣсячнаго срока, не возбуждать изъ мести или личной вражды приходавъ противъ настоятеля, избѣгать всякихъ интригъ и агитацій для униженія и оскорбленія его; отношенія же и подчиненность по службѣ къ священнику помощнику должны быть таковы, какъ и къ настоятелю; приходя въ домъ благочиннаго или настоятеля по дѣламъ службы держать себя чинно, какъ велятъ правила вѣжливости и подчиненности.

В. По отношенію къ писмоводству.

§ 4. Веденіе писмоводства по церкви и приходу, вписываніе по совершеніи требы въ подлинную и копіевую метрическія книги актовъ крещеній, погребеній и бракосочетаній, повѣрка по деревнямъ осенью семействъ прихожанъ, согласно исповѣднымъ спискамъ для внесенія въ нихъ родившихся и исключенія умершихъ, приготовленіе клировыхъ вѣдомостей, метрическихъ выписей по воинской повинности и списковъ прихожанамъ, обученнымъ и незнающимъ молитвъ; и вообще что окажется необходимымъ по порученію настоятеля, какъ то: завѣдываніе библіотекою, продажа книгъ, иконъ, крестиковъ и веденіе денежной объ этомъ отчетности и каталога; распредѣленіе же изложенныхъ обязанностей между состоящими при церкви псаломщиками и діаконъ, гдѣ они есть, предоставляется тому же настоятелю церкви. Если церковный староста неграмотный, псаломщикъ не долженъ отказываться вести записи прихода и расхода церковныхъ денегъ и разныхъ свѣдѣній по церковному хозяйству. Въ случаѣ неспособности къ писмоводству псаломщика или отказа его нести исправно сію обязанность, предоставляется священнику нанимать для сего на его счетъ постороннее лице; не выдавать, безъ вѣдома и разрѣшенія настоятеля, постороннимъ лицамъ для чтенія церковно-богослужебныхъ книгъ и нотъ, а также метрическихъ и исповѣдныхъ росписей, для частныхъ справокъ о лѣтахъ.

и Г. По отношенію къ себѣ и прихожанамъ.

§ 5. Въ одеждѣ соблюдать чистоту, опрятность и приличіе, не вести жизни праздною, заниматься хозяйствомъ или какимъ ремесломъ, главное — саморазвитіемъ по средствамъ, чтеніемъ книгъ, чтобы нравственно и умственно не грубѣть и не забыть приобрѣтенныхъ познаній; при объясненіяхъ словесныхъ и письменныхъ предъ начальствомъ, по жалобамъ на неаккуратность по службѣ и поведенію, — не писать и избѣгать кляузъ, ябедъ и клеветы на своего настоятеля; обходиться съ прихожанами вѣжливо безъ гордости, не заводить съ ними тяжбъ, ссоръ, интригъ и ненужнаго кумовства, не писать имъ жалобъ, доносовъ на священника, разныхъ кляузныхъ прошеній, не вмѣшиваться въ волостные суды и расправы, не ходить съ ними въ нитейныя заведенія, не бывать въ ихъ домахъ въ качествѣ гостя при попойкахъ и забавахъ по случаю свадьбы, крестинъ, похоронъ и поминовеній въ теченіе осени, зимы и весны, хотя одинъ день въ недѣлю посѣщать деревни прихода для обученія крестьянскихъ мальчиковъ и дѣвочекъ молитвамъ и пѣнію, отдавая отчетъ настоятелю въ своихъ занятіяхъ; въ промежуткѣ времени послѣ утрени до начала обѣдни въ праздничные и воскресные дни дѣлать спѣвки съ прихожанами на клиросѣ, руководить ихъ пѣніемъ, а чтецамъ указывать порядокъ богослуженія; во время говѣнія дѣлать повѣрку съ разрѣшенія настоятеля, всѣ ли прихожане, особенно дѣти умѣютъ правильно класть на себя крестное знаменіе, приступать къ св. чашѣ и отходить отъ нея послѣ причащенія; въ отсутствіи настоятеля, безъ его вѣдома, не требовать отъ прихожанъ послѣ требъ вознагражденій и подарковъ, въ особенности прибѣгать къ вымогательству; безъ настоятеля не ѣздить по приходу съ молитвой за сборомъ хлѣба и прочихъ продуктовъ, а равно безъ вѣдома его же не принимать отъ прихожанъ къ записи предбрачныхъ оглашеній.

Полезныя напoминанія священнику при священно-служеніи.

Совершая службу, священникъ долженъ стоять прямо, на погахъ не переминаться и ихъ не отставлять, голову на сторону не склонять и ею не раскачивать. Объ этомъ преимущественно нужно вспоминать при открытіи царскихъ вратъ. Очень не хорошо смотрѣть на священника, особенно въ камилавкѣ, когда голова у него повихнута на сторону. Ходить нужно не сибша и плавно (не раскачиваться), оборотъ для преподаанія мира нужно всегда дѣлать на право, благословлять нужно, особенно при открытыхъ царскихъ вратахъ, плавно и большимъ крестомъ, начиная его выше своего лба и кончая непрѣнно противъ своего праваго плеча. Рѣдко можно встрѣтить священника, который хорошо благословляетъ: почти у всѣхъ насъ крестъ выходитъ трехконечный, такъ какъ мы отъ лѣваго своего плеча руку опускаемъ къ низу и дѣлаемъ уже поворотъ. Скончавши крестъ нужно поклониться предстоящимъ людямъ, а кланяться при благословеніи не хорошо; открывать царскія двери должно плавно, держа себя к голову прямо дотолѣ, пока половины дверей не выровнятся, и не кланяться при этомъ.

Редакторъ Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архимандритъ *Ириней*.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 19 іюня 1885 г. Цензоръ прот. М. Богдановъ.
Тип. Р. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайлов. ул., собств. домъ.

Годъ

РУКОВОДСТВО

XXVI.

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
пять руб., съ пересылкою шесть
рублей серебромъ.

№ 29.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Киевской
духовной семинаріи.

1885 года, Іюля 14-го.

Содержаніе: Чѣмъ наполняются дни приходскаго священника. — Христіанство при свѣтѣ разума. — Изъясненіе посланія ап. Павла къ Евреямъ. — Отеческое поученіе священника о малыхъ и старыхъ своего прихода.

Чѣмъ наполняются дни приходскаго священника.

Въ послѣдніе годы такъ называемая „либеральная пресса“ стала дѣлать нападки на нашу братію - духовенство, обвинять насъ, особенно сельскихъ священниковъ, въ недѣятельности, въ апатичномъ отношеніи къ нуждамъ и духовнымъ интересамъ народа, въ лѣности, въ узкомъ эгоизмѣ и т. под. При такомъ отношеніи такъ называемой либеральной прессы къ духовенству и въ интеллигентномъ классѣ общества, увлекающагося либерализмомъ, мало-по-малу установился взглядъ на сельскихъ священниковъ, какъ на людей способныхъ обирать одни гроши съ прихожанъ, ничего не дѣлающихъ на пользу народную и т. д. Но болѣе близкое знакомство съ жизнію, съ дѣятельностію сельскихъ священниковъ дастъ ли право такъ говорить и думать о нихъ? И въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ наполняются дни сельскихъ священ-

никовъ? Такъ ли они недѣтельны и безучастны къ нуждамъ и потребностямъ насомыхъ, какъ многіе изъ свѣтскихъ думаютъ и говорятъ?

Большую часть года каждый священникъ „служить“. И надобно при семъ замѣтить, что „служба“ священника не то, что служба чиновника. Чиновникъ сходилъ въ канцелярію, появлялся въ опредѣленные часы, и дѣлу конецъ; священникъ же долженъ не только отиравить „службу“ въ опредѣленные часы, но еще и „приготовиться“ къ ней, а по окончаніи ея выполнить положенное благодареніе. Такимъ образомъ у священника „на служеніе“ уходитъ значительная часть дня и ночи. Кромѣ „служенія“ священникъ долженъ и проповѣдывать и проповѣдуеть, а для этого онъ обязанъ многое читать и изъ чтенія, между прочимъ, почерпать уроки для своихъ проповѣдей. На священникѣ же лежитъ веденіе болѣе 15-ти текущихъ документовъ, не считая случайныхъ. Правда это письмоводство возлагается и на псаломщиковъ, но многіе знаютъ, какъ не всегда удобно довѣрять веденіе документовъ псаломщикамъ. Почти у каждаго священника есть и свое хозяйство, покинуть которое—значило бы лишиться доброй части содержанія. Въ большихъ приходахъ рѣдкій день обходится безъ того, чтобы не пригласили священника для требоисправленій частію въ церкви, а большею частію въ деревни. Помимо требоисправленій, священникъ нѣсколько разъ въ году посѣщаетъ дома прихожанъ съ крестомъ и св. водою для служенія молебновъ и пр. Какъ при требоисправленіяхъ, такъ и въ другихъ случаяхъ, когда священникъ бываетъ въ домахъ прихожанъ, послѣдніе обыкновенно обращаются къ нему за совѣтами и наставленіями, заявляютъ о своихъ нуждахъ, выражаютъ жалобы на семейныя свои обстоятельства и пр. т. п. Ко всему этому рѣдкій священникъ относится безучастно. Онъ по мѣрѣ своихъ силъ старается послужить народу своими наставленіями, совѣтами и замѣчаніями; въ своихъ частныхъ домашнихъ бесѣдахъ съ прихожанами проводитъ въ ихъ сознаніе понятія истины и добра, согрѣ-

пасть сердце и стараго и малаго словомъ утѣшенія и т. д. Не слѣдуетъ забывать также и того, что часто многіе изъ прихожанъ сами приходятъ къ своему священнику на домъ „посоветоваться“ или „поговорить по душѣ“, и нерѣдко бываетъ, что доброе слово священника дѣлается закономъ для нихъ. „Вонъ батъка ска-заль“ — ссылаются они, когда нужно доказать правдивость какого либо довода.

Такъ, не замѣтно, въ глуши и не громко совершаютъ священники свое великое призваніе; ихъ дѣятельность не громка, она не бьетъ на эффектъ, съ цѣлю произвести шумъ, но не устанна и не безплодна. Если хотите, у пастырей есть и „громкая“ дѣятельность. Пастыри были и состоятъ до сей поры разсадни-ками здраваго и осмысленнаго образованія въ народѣ, не смотря на то, что сами же quasi — народныя дѣятели не хотѣли и не хотятъ помогать пастырямъ въ этомъ важномъ дѣлѣ. При томъ же во многихъ мѣстахъ заведены священниками публичныя собесѣдованія съ прихожанами, — на какихъ собесѣдованіяхъ преслѣдуется одна и таже цѣль пастырской дѣятельности — развитіе и укрѣпленіе нравственности и религіи въ народѣ. А что можетъ быть труднѣе достиженія столь важной и благотворной цѣли для блага церкви, государства и народа?

Значить, трудъ священника — великій трудъ, его дѣятель-ность — великая дѣятельность, хотя для многихъ писателей и радѣ-телей народнаго блага не зримая, не понимаемая и недостаточно вѣрно оцѣняемая.

Свящ. Н. Кр—з.

Ниж—ской г. село Оленино.

Христіанство при свѣтѣ разума.

III.

БИБЛІЯ.

Никакое другое званіе не можетъ сравняться по важности своего значенія съ тѣмъ, которое указываетъ намъ истинную природу и назначеніе нашего бытія, говоритъ о свойствахъ Божіихъ и отношеніи человѣка къ Богу и ближнему, показываетъ, какъ грѣхомъ нарушено единеніе человѣка съ Богомъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ сообщаетъ и тѣ чудныя средства, при помощи которыхъ это единеніе съ Богомъ снова можетъ быть восстановлено, и при этомъ научаетъ человѣка, какъ онъ—разумное твореніе долженъ почитать Создателя своего—Бога и какъ долженъ молиться Ему. О всемъ этомъ сообщаетъ намъ самыя удовлетворительныя и подробнѣйшія свѣдѣнія Библия, откровенное Слово Божіе, а потому возможно лучшее ознакомленіе съ этою Книгою Книгъ и жизнь и дѣйствованіе сообразно съ ея наставленіями должно быть не только въ высшей степени занимательно для человѣка, но и составляетъ необходимую обязанность его. Между тѣмъ, незнаніе, нерадѣніе, неразуміе человѣка и все подобное тому побуждало многихъ и во всѣ времена отвергать авторитетъ Священнаго Писанія и даже ставить все божественное откровеніе на ряду съ мифами языческой древности, а другихъ, которые не отвергали божественнаго происхожденія Библии и даже старались защитить его, удерживало отъ старательнаго изученія этой книги, проницать въ духъ ея, и этотъ духъ ея провести въ свою жизнь.

Для безплоднаго изученія Священнаго Писанія необходимо напередъ твердо убѣдиться въ томъ, что оно имѣетъ божественное происхожденіе, а доколѣ мы будемъ сомнѣваться въ этомъ, доколѣ и всѣ заповѣди и постановленія заключающіяся въ немъ едва ли въ состояніи будутъ оказывать на жизнь нашу

рѣшительное и удовлетворительное вліяніе. Поэтому постараемся съ Божіею помощью послѣдовательно представить и разобрать нѣкоторыя такія основанія, которыя были бы пригодны къ устраненію могущаго возникнуть въ комъ либо сомнѣніе въ подлинности Библіи, какъ откровеннаго слова Божія и укрѣпить въ вѣрѣ такового сомнящагося.

1. Достоверность божественнаго Откровенія.

Изъ сказаннаго въ предъидущемъ отдѣлѣ видно, что Богъ открылся человѣку въ извѣстной степени въ разумѣ, въ дѣлахъ творенія и въ совѣсти. Ни въ одномъ человѣкѣ однако разумъ и совѣсть не развиты настолько, чтобы изъ этихъ только источниковъ ему можно было почерпнуть ясное познаніе Бога и Его воли, равно какъ и познаніе собственнаго своего бытія. Объясненіемъ сему можетъ служить и то, почему никто изъ язычниковъ, которые имѣли полную возможность пользоваться этими источниками, не нашелъ полной божественной истины, и только нѣкоторые приближались къ ней, и что и у этихъ немногихъ эта увѣренность въ истинѣ слишкомъ была слаба, чтобы оказывать преобразующее и благотворящее вліяніе какъ на ихъ собственную жизнь, такъ и на жизнь ихъ современниковъ. Подтвержденіе этому можно видѣть въ словахъ Цицерона, который говоритъ: „различіе во мнѣніяхъ мудрецовъ даетъ возможность скептикамъ сомнѣваться и недоумѣвать и служить для нихъ основаніемъ къ порицанію даже тогда, когда другіе согласны были бы относительно того, что кто либо нашелъ истину. Мы не говоримъ, чтобы ничего не существовало истиннаго, говоримъ только, что ложное смѣшано со всѣмъ истиннымъ и что при такомъ смѣшеніи (истины и лжи) нѣтъ удовлетворительной возможности опредѣлить, что истинно. Мы не отрицаемъ того, что истина существуетъ; мы отрицаемъ только возможность познать ее какъ такую; да и откуда можемъ мы знать утвердительно, что хорошо, и что зло? Впрочемъ и не мы виновны въ этомъ, виновна сама

природа, которая такъ глубоко сокрыла отъ насъ истинну“ (*De Nat. Deorum*). Онъ же говоритъ: или ты думаешь, что всѣ эти ученія и положенія (мудрецовъ) оказывали хоть какое вліяніе на самихъ тѣхъ, кои высказывали ихъ, измѣчали и открывали, развѣ только на весьма немногихъ изъ нихъ? Гдѣ найти мудреца, который бы такъ жилъ, мыслилъ и дѣйствовалъ, какъ того требуетъ разумъ? Кто когда либо ставилъ свою философію правиломъ и путеводною вѣтвью своей жизни, а не для того только, чтобы выставить на показъ свой умъ? Кто обращался къ своимъ собственнымъ наставленіямъ и жилъ по собственнымъ своимъ предписаніямъ? Напротивъ многіе изъ нихъ были рабами тщеславія, корыстолюбія и чувственныхъ удовольствій (*Tusc. Qu.*). Если же и мудрѣйшіе изъ язычниковъ находились во тьмѣ недоумѣнія и сомнѣнія, то чего же можно было ожидать отъ народной массы, которая никогда не стремилась къ серьезному изслѣдованію истины, чего, быть можетъ, и никогда не будетъ и пожалуй за недостаткомъ времени и образованія и быть не можетъ. Поэтому самому необходимости особеннаго недвусмысленно записаннаго откровенія должна быть также очевидна, какъ въ социальномъ и политическомъ отношеніяхъ необходимость яснаго свода законовъ, въ которомъ были бы указаны и обязанности гражданъ, и послѣдствія нарушенія сихъ обязанностей. Никому конечно не придетъ и на мысль, усумниться въ необходимости послѣдняго или оспаривать ее, хотя здѣсь скорѣе можно было бы сказать, что человѣкъ одаренный разумомъ и совѣстью, долженъ бы знать, что хорошо и что худо, полезно или вредно и пр.; какое же можно имѣть основаніе сомнѣваться въ достовѣрности основывающагося на подобныхъ же правилахъ Откровенія, которое ясно научаетъ человѣка его обязанностямъ по отношенію къ Творцу, Промыслителю и Спасителю, обязанностямъ его къ ближнему и самому себѣ, равно указываетъ и послѣдствія нарушенія сихъ обязанностей. Какъ никакая земная власть не считаетъ отвѣтственными, или можетъ не считать таковыми своихъ подданныхъ за про-

ступки, которые она не прямо запрещаетъ своими законами, такъ, по суду человѣческому, и власть божественная не могла бы привлекать къ отвѣтственности человѣка за тѣ дѣйствія его, въ истинномъ и нравственномъ характерѣ которыхъ онъ при всемъ желаніи своемъ и при употребленіи ему указанныхъ источниковъ познанія разума и совѣсти не могъ бы удостовѣриться ясно. А если такъ, то принимать божественное Откровеніе, какъ оно записано въ Библии, безспорно гораздо разумнѣе, чѣмъ ограничиваться тою мыслию, будто Богъ вовсе не открывалъ воли Своей людямъ или открылъ ее только въ разумѣ и въ совѣсти. Извѣстный англійскій философъ и основатель эмпирической психологіи Локкъ говоритъ: „можно бы ожидать, что всѣ рабочіе, ремесленники должны бы быть скорѣе хорошими математиками, чѣмъ хорошими знатоками этики. Простыя заповѣди однако составляютъ единственно вѣрное средство сдѣлать ихъ покорными и дѣтельными. Большинство не можетъ понимать, а можетъ только вѣровать; а потому я спросилъ бы, развѣ пришедшій съ неба, облеченный божественною властію и силою творить чудеса и ими доказывать свое божественное посланничество не больше будетъ имѣть возможности просвѣтить народныя массы и псмочь имъ на пути исполненія ими ихъ обязанностей, предлагая имъ простыя и прямыя правила нравственности, чѣмъ если бы онъ сталъ диспутировать съ ними съ общей точки зрѣнія и основныхъ положеній человѣческаго разума“.

2. Чудеса и пророчества.

1. О чудесахъ и пророчествахъ вообще.

Въ своемъ мѣстѣ нами было замѣчено, что многіе предъявляютъ, будто Библия вѣрить нельзя потому, что въ ней содержится многого такое, что совершенно противорѣчитъ здравому разуму и законамъ природы. Въ общемъ мы это уже рассмотрѣли и нашли, что 1) нашъ разумъ и наше знаніе не всегда служатъ

удовлетворительною мѣрою при опредѣленіи возможности и дѣйствительности вещей и что въ области матеріальныхъ явленій существуетъ нѣчто, чего мы постигнуть не въ состояніи; 2) что законы природы, которые имѣютъ свое происхожденіе отъ Бога суть не болѣе какъ правила, по которымъ Онъ управляетъ вселенной, и которыя поэтому самому ради какой либо великой нравственной цѣли могутъ быть не непременно всегда одни и тѣ же, а могутъ быть и отменяемы и замѣняемы другими правилами болѣе соотвѣтствующими особеннымъ цѣлямъ. Если такъ, то уже не остается мѣста вопросу, возможны ли чудеса при существованіи извѣстныхъ намъ законовъ природы, а умѣстнѣе скорѣе другой вопросъ: силенъ ли Богъ Самъ ли то непосредственно или чрезъ посредство избранныхъ людей и небесныхъ посланниковъ допускать совершеніе того, что стоитъ въ противорѣчій съ извѣстными намъ законами природы, т. е. противорѣчить тѣмъ общимъ правиламъ, по которымъ Онъ управляетъ міромъ физическимъ? Ясно, какой долженъ послѣдовать отвѣтъ. Тотъ, Кто создалъ вселенную и все живущее на ней (Пс. 23, 1), даровавшій жизнь человѣку, развѣ можетъ не быть въ состояніи воззвать снова къ жизни того, кто уже разлучился съ земною жизнью? Тотъ, Кто создалъ и воду и виноградную лозу развѣ можетъ не быть въ состояніи претворить воду въ вино? Тотъ, Который вложилъ силу въ незначительное сѣмячко разрости въ большое дерево и приносить новыя сѣмена къ произращенію тысячи тысячъ другихъ такихъ деревьевъ, развѣ можетъ быть не въ состояніи умножить немногіе хлѣбы и нѣсколько рыбъ, чтобы насытить ими 5000 народа и чтобы еще осталось двѣнадцать корзинъ остатковъ? Очевидно, эти библейскія чудеса совершенно возможны, остается только спросить, можетъ ли быть какое либо достаточное побужденіе къ такому уклоненію отъ общаго правила неизмѣнимости законовъ природы? Но какъ въ предъидущей главѣ уже указана была необходимость, а вмѣстѣ и возможность божественнаго Откровенія, то вопросъ весь теперь въ томъ: какъ

можно узнать, что тѣ, которые выдавали себя за посланниковъ Божіихъ, дѣйствительно были таковыми, а не выдавали себя только за таковыхъ? Нѣкоторые полагаютъ, что ученіе Откровенія по характеру своему должно бы было быть таковымъ, чтобы отнюдь нельзя было сомнѣваться относительно божественности происхожденія его. Мы рѣшительно отрицаемъ, что одного такого характера этого ученія было бы достаточно къ устраненію теперь возникающихъ недоумѣній касательно его происхожденія, и отрицаемъ по двумъ слѣдующимъ причинамъ: 1) потому, что державшееся этого мнѣнія, на дѣлѣ сомнѣваются даже въ божественности ученія Иисуса Христа, хотя послѣднее во всякомъ случаѣ носитъ на себѣ признаки божественнаго происхожденія; 2) потому, что и люди по природѣ своей отнюдь не склонны во всемъ сомнѣваться и все отрицать могли бы пожалуй принять это ученіе за произведеніе человѣческаго остроумія. Слѣдовало такимъ образомъ быть тому, что божественныя откровенія, сообщенныя намъ Сыномъ Божіимъ Господомъ Иисусомъ Христомъ, чтобы пріобрѣсти себѣ авторитетъ достовѣрныхъ откровеній божественныхъ, должны были сопровождаться извѣстными особыми свидѣтельствами изъ божественнаго происхожденія—каковыми служатъ чудеса и пророчества. Намъ нѣтъ нужды задаваться вопросомъ, могли ли бы найтись и еще какія либо такія свидѣтельства; намъ долженъ занимать другой вопросъ: пророчества и чудеса библейскія по характеру своему таковы ли, чтобы отнюдь не оставалось уже мѣста сомнѣніямъ въ божественномъ посланничествѣ и ученіи человѣка? или, давая болѣе опредѣленную постановку вопросу: была ли возможность убѣдиться въ божественномъ посланничествѣ Господа Иисуса Христа послѣ того, какъ болѣе чѣмъ за тысячелѣтіе отъ времени до времени ясно предсказываемо было и явленіе Его въ міръ, начертанъ былъ вѣрнѣйшій образъ Его Самого и дѣйствій Его, какъ придетъ и какъ поступитъ съ Нимъ міръ, предъуказанъ былъ самый родъ смерти Его и пр., не смотря уже на тѣ дѣла Его, что „слѣпыя прозрѣваютъ, хро-

мые ходить, прокаженные очищаются, глухіе слышать, мертвые воскресают“ (Лук. 7, 22), немощныи хлѣбами и рыбками насенщать цѣлыя толпы народныя, повелѣваетъ вѣтру и т. д. „Можно было бы, отвѣтить сомнящійся, но почему можно знать, что эти пророчества и чудеса дѣйствительно происходили“? Этотъ послѣдній вопросъ очень сходенъ съ такимъ: въ древности знали, что извѣстному военачальнику нужно было съ своимъ войскомъ перейти Альпы и онъ нашелъ возможнымъ сдѣлать это, и переходъ чрезъ Альпы съ войскомъ состоялся, но почему мы можемъ знать, что переходъ этотъ дѣйствительно состоялся? Въ отвѣтъ на такой вопросъ можно отослать вопрошающаго къ исторіи. А въ отвѣтъ на первый вопросъ можно указать ему на священную исторію, какъ она излагается въ Библии. Но какъ безспорно то, что мы имѣемъ полное право изслѣдовать достовѣрность великаго историческаго труда (сочиненій), наводить справки относительно характера писателя, способности его къ писанію и дѣйствительной любви его къ тому, чтобы писать одну только истину, равно изслѣдовать при какихъ обстоятельствахъ авторъ писалъ свой трудъ и достовѣрность того, о чемъ онъ пишетъ; такъ съ одинаковымъ правомъ можемъ мы изслѣдовать и Библію; а потому пользуясь симъ правомъ мы и постараемся въ дальнѣйшемъ сдѣлать употребленіе изъ него.

2. Чудеса.

Событія, утверждающія въ насъ вѣру въ то, что чудеса, которыя въ Библии приписываются Господу Іисусу Христу и Его святымъ Апостоламъ, дѣйствительно совершились и дѣло Господа Іисуса Христа и Его Апостоловъ было дѣломъ Божиимъ.

І. Распространеніе христіанства въ первые вѣка шло съ неимовѣрною быстротою; новое ученіе въ самое короткое время такъ глубоко вкоренилось и въ самомъ основаніи преобразовало всю жизнь и нравы большей части европейскихъ, многихъ азіатскихъ и даже африканскихъ народовъ, что такое чудесное дѣй-

ствіе не иначе можно объяснить, какъ совершенное чудесною причиною. Тацитъ, жившій ок. 62 года по Р. Хр., говоря о христіанствѣ, замѣчаетъ: „не смотря на то, что распространенію этого гибельнаго суевѣрія въ продолженіи нѣкотораго времени, полагали препятствія, оно прорвалось съ новою силою и распространилось не въ Іудеѣ только, а достигло даже самаго города Рима. Сначала брали подъ стражу только открыто принадлежавшихъ къ этой сектѣ, а послѣ открыто было ихъ неимоверное множество, и наказывали ихъ ужаснымъ образомъ“. Плиній, правитель Понта и Визоніи, лѣтъ чрезъ 80 по вознесеніи Христа Спасителя говоритъ въ извѣстномъ письмѣ своемъ къ Трояну: „Заразительная язва этого суевѣрія охватила не большіе только, а и меньшіе города и всю страну“. Онъ же, говоря о идольскихъ капищахъ, замѣчаетъ, что послѣдніе „почти покинуты“. Святый Іустинъ-философъ и мученикъ (ок. 140 г.) пишетъ: „нѣтъ народности ни греческой, ни варварской, ни другаго какого имени, которая бы не возсылала молитвъ и не приносила жертвы благодаренія Отцу и Творцу вселенной во имя Іисуса Распятаго“. Оригенъ (ок. 222 г.) пишетъ: „По всеблагому прозрѣнію Бога вѣра Христова такъ разрослась и процвѣла, что теперь Евангеліе проповѣдуется свободно и безопасно“. Если бы приведенныя замѣчанія и были немного преувеличены, то приблизительно вѣрность ихъ можетъ быть доказана тѣмъ обстоятельствомъ, что, какъ всѣмъ извѣстно, уже ок. 300 г. по Р. Хр. христіанство въ римскомъ государствѣ было признано религіею государственною, а язычество уничтожено законами. Если припомнимъ теперь, что всѣ Апостолы, кромѣ одного Павла, были люди простые и незначительнаго образованія (1 Кор. 1, 17—29); что тѣ блага, какія ожидали люди, ставшіе членами этого новаго царства, были чисто духовнаго свойства, блага на землѣ не совершенно достигаемыя, между тѣмъ какъ непосредственною временною наградою для нихъ были одніи насмѣшки, ругательства и преслѣдованія: то невольно побуждаешься къ тому убѣжденію,

что въ судьбѣ этого новаго царства обнаружилось прямое и непосредственное дѣйствіе Божіе и Его особенное благоволеніе къ этому новому ученію, и что это ученіе необходимо должно было сопровождаться чудесами.

Изъясненіе посланія ап. Павла къ Евреямъ¹⁾.

Ты возлюбилъ правду и возненавидѣлъ беззаконіе. Жезлъ прямой состоитъ въ томъ, чтобы любить справедливость и ненавидѣть нечестіе. Ибо, какъ должно, никто не любитъ справедливость, кромѣ того, кто гнушается злѣйшими дѣланіями, потому что истинѣ принадлежитъ любовь, лжи - ненависть. Но какая награда дарована за эту любовь къ справедливости и ненависть къ несправедливости, объ этомъ говоритъ ниже: поэтому помазалъ Тебя, Боже, Богъ Твой. Помазанный Христосъ означаетъ и царя и священника, потому что эти должности получались чрезъ священное помазаніе. И самое имя Христово займетовано отъ святаго помазанія. Христосъ называется помазаннымъ въ отношеніи къ человѣческой природѣ, а не божественной, ибо божество Его не нуждается ни въ какомъ дарѣ, ни въ какой почести. Повтореніе же снова Богъ указываетъ на великую любовь. Елеемъ радости болѣе соучастниковъ Твоихъ. Показываетъ, что святое помазаніе обнаружилось обильно. Елей радости есть отсутствіе пятна грѣховнаго. Совѣсть всегда радуется, если не угрызается грѣховнымъ воспоминаніемъ. Болѣе соучастниковъ Твоихъ. Говоритъ о сынахъ человѣческихъ, которыхъ и Самъ въ Евангеліи называетъ братьями. Сказано же болѣе соучастниковъ Твоихъ, такъ какъ признается, что это освященіе Онъ получилъ въ большей степени, чѣмъ весь родъ человѣческій, то есть,

¹⁾ См. № 28-й.

царя и священники въ ветхомъ завѣтѣ, апостолы и мученики въ новомъ завѣтѣ. Помазанный чрезвычайно, Онъ долженъ былъ помазывать прочихъ. Въ Немъ источникъ освященія и Онъ распространяется по всѣмъ избраннымъ. Но все это относится до плоти, съ которою соединилось совершеннѣйшее и славнѣйшее Слово ради спасенія людей. Въ другомъ псалмѣ говорится, что эта мазь сошла на браду, браду Аарона даже до края одежды его. И немного послѣ: поелику Господь даровалъ освященіе и жизнь до вѣка. Послѣ показанія превосходства человѣческаго естества въ Сынѣ Апостолъ опять обращается къ показанію вѣчности божественной природы Его, приводя свидѣтельства другаго псалма; ибо говорить: въ началѣ Ты, Господи, основалъ землю, и небеса—дѣло рукъ Твоихъ. Словами: въ началѣ Ты, Господи, основалъ землю, показываетъ то, чего не можетъ отрицать здравый умъ, именно то, что Творецъ, по свидѣтельству Своихъ тварей, существовалъ раньше всякаго начала, то есть, отъ вѣчности. И дѣла рукъ Твоихъ суть небеса. Здѣсь подъ рукою мы должны понимать силу повелѣнія Божія. Ибо въ другомъ мѣстѣ говорится: поелику Самъ сказалъ и сдѣлалось, Самъ повелѣлъ и сотворилось. Они погибли, а Ты пребываешь. Погибаютъ отъ того, что существуютъ, измѣнились въ лучшую тварь. Ты же пребываешь, то есть, Ты послѣ измѣненія небесъ останешься въ славѣ Своего величія. И всѣ обветшаютъ, какъ риза. Они ветшаютъ или старѣются, потому что портятся смертію, какъ тѣло человѣческое, которое однако по воскресеніи измѣнится въ лучшее состояніе. И какъ одежду свернуть ихъ, и измѣниться. Этими словами пророкъ можетъ быть, хочетъ обозначить измѣненіе небесъ, которыя подобно всему остальному совершенно измѣнятся, какъ въ другомъ мѣстѣ говорится: и будетъ новое небо и новалъ земля. Чтобы показать, что дѣла Господа будутъ пребывать уже вѣчно, говорить: Ты свернешь ихъ, и они измѣнятся, и уже никогда не возвратятся къ настоя-

щей порчѣ. Но Ты тотъ же, и лѣта Твоя не кончатся. Означаетъ измѣненіе той же природы, а Самъ Онъ тотъ, который есть, какъ сказалъ рабу своему Моисею: Я есмь Тотъ который есмь. Такъ этими тремя стихами удивительно кратко показано измѣненіе тварей и вѣчность Господа. Послѣ величія божественной вѣчности въ Сынѣ святой Павелъ опять началъ говорить о прославленіи той же человѣческой природы Его, именно: кому когда изъ ангеловъ сказалъ Богъ: сѣди одесную Меня. Сыну побѣдителю и триумфатору надъ всѣмъ міромъ чрезъ святое воплощеніе дается почетное сосѣдствіе съ Отцемъ послѣ славнаго воскресенія, чтобы чрезъ это объявить славу принятой Имъ человѣческой природы, какой (славы) не должно относить никому изъ ангеловъ. Доколѣ положу враговъ Твоихъ въ подножіе ногъ Твоихъ. Ногами Господа означается вѣчная непоколебимость, опершись на которую какъ бы на подопыи существуетъ силою Своего всемогущества. Извѣстно, что этими ногами должны быть покорены всѣ тѣ, которые ежедневно обращаются ко Господу, оставивши стези пороковъ, и которые наклоняются Его словами такъ, какъ скамейка или подножіе наклоняется ногами. Безъ сомнѣнія говорится о тѣхъ врагахъ, которые по обращеніи своемъ поставляются одесную. Ибо частица доколѣ не означаетъ здѣсь конца какого либо времени, а указываетъ на вѣчное могущество. Не всѣ ли они суть служебные духи, посылаемые на служеніе для тѣхъ, которые имѣютъ наследовать спасеніе? Что ты удивляешься, что ангелы служатъ Сыну, когда извѣстно, что они дѣлались слугами нашего спасенія? Желая помочь душамъ тѣхъ, къ которымъ обращается рѣчь, говорить, что служеніе ангеловъ на дѣло спасенія людей зависило отъ Господа. Сынъ, какъ Господь, спасаетъ, а они, какъ рабы, служатъ спасенію предопредѣленныхъ. Это многократно подтверждаютъ книги Ветхаго и Новаго Завета: ангелы возвѣщаютъ о рожденіи Спасителя пастухамъ, ангелъ былъ посланъ къ Дѣвѣ Маріи, ангелы по воскре-

сеніи Господа являясь женамъ и пр. Итакъ поймите теперь, какая честь оказана намъ,—намъ, для которыхъ Богъ своихъ ангеловъ дѣлаетъ слугами и друзьями. Сказавши о служеніи ангеловъ, чрезъ которыхъ данъ былъ и самый законъ, тотчасъ говорить о превосходствѣ благодати, которая принесена намъ Сыномъ Божіимъ.

Г Л А В А 2 - я.

Посему мы должны быть особенно внимательны къ слышанному, чтобы не отпасть. Онъ сказалъ особенно, т. е. болѣе, чѣмъ къ тому, что мы обыкновенно слышали въ законѣ. Итакъ онъ убѣждаетъ ихъ тщательнѣе внимать тому, что они слышали отъ Сына Божія, чѣмъ тому, что возвыщено чрезъ ангеловъ. Себя по своему обыкновенію присоединяетъ къ нимъ (евреямъ), такъ какъ говоритъ: мы слышали, чтобы намъ не отпасть. Ибо, продолжаетъ онъ, если чрезъ ангеловъ возвыщенное слово было твердо и всякое преступленіе и непослушаніе получало праведное воздаяніе. Что значить было твердо? Это значить, безъ сомнѣнія, истинно, непреложно. Апостоль какъ бы говоритъ: непреложно въ свое время, желая дать понять, что и законъ, данный чрезъ ангеловъ, въ свое время долженъ былъ строго соблюдаться. Ибо хотя во многихъ мѣстахъ свидѣлствуется, что законъ данъ чрезъ ангеловъ, однако не свидѣлствуется, что хранящій его получалъ праведное воздаяніе награды. Почему Апостоль сказалъ воздаяніе? Потому что хотя воздаяніе касается блага, а не зла, но Апостоль безразлично употребляетъ это слово: и въ смыслѣ награды, и въ смыслѣ наказанія, какъ въ другомъ мѣстѣ сказалъ: ввергнувши въ плѣненіе всякое чувство ради послушанія Христу. И здѣсь онъ употребляетъ воздаяніе награды вмѣсто наказанія. То какъ мы избѣжимъ, вознерадѣвъ о толикомъ спасеніи? Этими словами Апостоль показываетъ, что въ ветхомъ заветѣ не было

такого спасенія, какое заключается въ благодати Божіей, дарованной намъ Сыномъ Божиимъ. Ибо Богъ ниспослалъ намъ не богатства земли, какъ тѣмъ, но благодать небесную. Онъ даровалъ намъ освобожденіе не отъ земныхъ враговъ, а отъ духовъ злобы; Онъ даровалъ намъ не временно счастливую жизнь, но вѣчно блаженную. Все это Апостолъ выражаетъ кратко: вознерадѣвъ о толикомъ спасеніи. Затѣмъ онъ указываетъ на превосходство того, что возвѣщено Сыномъ. Которое (спасеніе), бывъ сначала проповѣдано Господомъ. Не людьми и даже не ангелами возвѣщено намъ то, о чемъ мы говоримъ, но Самъ едиnorodный Сынъ Божій принесъ его намъ. Въ насъ утвердилось слышавшими отъ Него. Что значитъ утвердилось? Принято съ вѣрою и совершенно, потому что спасеніе дарованное намъ Сыномъ, вѣчно. При засвидѣтельствovanіи отъ Бога знаменіями и чудесами, и различными силами, и раздаяніемъ Духа Святаго. Указывается на изобиліе благодатныхъ даровъ, котораго не было у древнихъ, и которое было даровано послѣ прославленія Іисуса Христа. Объ этомъ свидѣлствуетъ и евангелистъ: еще не было на нихъ Духа Святаго, потому что Іисусъ еще не былъ прославленъ. Къ этому Апостолъ прибавляетъ: по Его волѣ. Апостолъ все приписываетъ божественной волѣ и промыслу и, чтобы никто не надѣялся на свои силы, онъ какъ бы говоритъ: Самъ знаетъ, что кому нужно и полезно; поэтому каждому даруетъ благодать по своей волѣ, сообразно своему предвѣщенію. Далѣе говоритъ: ибо не ангеламъ Богъ покорилъ будущую вселенную, о которой говоримъ. Не ангеламъ покорилъ спасеніе наше, о которомъ возвѣстили пророки и которое устроилось въ позднѣйшее время на землѣ, но Сыну Своему, Которому Богъ Отецъ говорилъ такъ: Сынъ Мой Ты, Я нынѣ родилъ Тебя, проси у Меня и Я дамъ Тебѣ въ наслѣдство народы. И это Апостолъ подкрѣпляетъ пророческими прихвѣрами: никто нѣгдѣ за-

свидѣтельствовалъ, говоря. Почему Апостолъ не указываетъ здѣсь имени пророка? И въ другихъ мѣстахъ у Апостола встрѣчается тоже самое. И полагаю: онъ дѣлаетъ это не съ цѣлію скрыть имя пророка, а съ тѣмъ, чтобы показать, что они (евреи) настолько обладаютъ знаніемъ Писаній, что излишне упоминать имя пророка. Онъ этимъ указываетъ, что онъ приводитъ всемъ извѣстныя и ясныя свидѣтельства. Что значитъ, человѣкъ, что Ты помнишь его? или сынъ человѣческій, что Ты посѣщаешь его? Что есть человѣкъ? Съ скорбію должно сказать: человѣкъ слабъ и слишкомъ склоненъ къ паденію, постоянно стремится къ аду, такъ какъ онъ и зачинается, и рождается во грѣхѣ. Его помнить Господь, когда отпускаетъ ему его грѣхи и сообщаетъ ему дары Своего милосердія. Или Сынъ человѣческій, что Ты посѣщаешь его? Этимъ словамъ должно внимать съ благоговѣніемъ, потому что въ нихъ говорится о Богѣ-Спасителѣ: Онъ рожденъ не такъ, какъ рождаются люди, т. е. отъ мужа и жены, но отъ Духа Святаго и Приснодѣвы Маріи; Онъ вышелъ изъ нея, какъ славный женихъ изъ чертога своего. Обрати вниманіе на то, что сказано выше: помнишь (его), а затѣмъ присоединяетъ: посѣщаешь. Помнилъ, когда съ неба являлъ состраданіе патриархамъ. Посѣтилъ, когда Слово сдѣлалось плотью и обитало въ насъ. Ибо какъ врачъ посѣщаетъ больныхъ, такъ и Господь посѣтилъ насъ, и съ посѣщеніемъ Его все исцѣлилось. Не многимъ Ты унижилъ его предъ ангелами, славою и честію вѣнчалъ его. Здѣсь говорится объ униженіи и славѣ Спасителя. Онъ униженъ не вслѣдствіе необходимости, но по Своей собственной волѣ, какъ говоритъ Апостолъ: Самъ Себя унижилъ, принявши образъ раба. Не многимъ чѣмъ предъ ангелами. Онъ принялъ крестъ для спасенія всехъ и вслѣдствіе этого (креста) Творецъ ангеловъ сталъ какъ бы ниже ихъ. Но Апостолъ прекрасно замѣтилъ: не многимъ предъ ангелами, ибо хотя Онъ и воспринялъ плоть человѣческую, но грѣха не имѣлъ.

Славою увѣнчалъ въ воскресеніи и вознесеніи, а честію—въ признаніи отчаго могущества. И поставилъ Его надъ дѣлами рукъ Твоихъ. Все покорилъ подъ ноги Его. Выше говорилось о Его славѣ и чести, теперь показывается Его могущество, да познають полноту вѣличія Господа Христа. Слова: все покорилъ подъ ноги Его показываютъ, что Храсту покорна всякая тварь: какъ все сотворено Господомъ, такъ ничто не изъято изъ Его власти. Когда же покорилъ Ему все, то не оставилъ ничего не покореннымъ Ему. Все: земное и небесное. О комъ сказалъ Апостоль, что Онъ выше ангеловъ, какъ плоть, о Темъ теперь говоритъ, что, по вознесеніи Его, все покорено подъ ноги Его. Такое различіе должно и уничтожить сомнѣніе въ людяхъ нетвердыхъ въ вѣрѣ и показать славу Его воплощенія. Подъ ноги Его, говоритъ Апостоль, чтобы показать, что вся тварь должна чтить Его и поклоняться Ему. Нынѣ же еще не видимъ, чтобы все было Ему покорено. Это говоритъ о невѣрующихъ въ Него, такъ какъ слово Евангелія еще не распространилось по всей землѣ. Выше сказалъ: ничего не оставилъ непокореннымъ Ему, а здѣсь замѣчаетъ, что нынѣ мы еще не видимъ, чтобы все Ему было покорено. Выше говорилъ объ общемъ подчиненіи—свободномъ и принужденномъ, а здѣсь только о свободномъ подчиненіи вѣрующихъ въ Него. Тотъ же Христосъ, Который немногимъ униженъ предъ ангелами, за страданія и смерть увѣнчанъ славою и честію, дабы Ему по благодати Божіей вкусить смерть за всѣхъ. Здѣсь показываетъ, что крестъ Христовъ, тѣмъ Онъ униженъ предъ ангелами, послужилъ Ему славою и честію, какъ говоритъ Самъ Господь: да прославится Сынъ человѣческій. Если Онъ страданія за рабовъ называетъ славою, то ты, человѣкъ, тѣмъ болѣе не долженъ сомнѣваться въ томъ, что твои страданія за Господа ведутъ тебя къ вѣчной славѣ. Далѣе Апостоль прибавляетъ: дабы благодать Божія за всѣхъ вку-

сила смерть. Того, Который за спасеніе всѣхъ вкусилъ смерть, называетъ благодатию, ибо Сынъ Божій не долженъ былъ вкушать смерти за всѣхъ, но сдѣлалъ это по благодати. Самъ вкусилъ смерть за всѣхъ. Но что если не всѣ вѣрують? Однако Онъ исполнилъ Свое дѣло. Онъ, говоритъ Апостолъ, вкусилъ смерть, потому что краткое время былъ въ объятіяхъ смерти, чтобы, расторгнувши оковы ея, воскреснуть. Ибо надлежало, чтобы Тотъ, для Котораго все и отъ Котораго все, приводящаго многихъ сыновъ въ славу, вождя спасенія ихъ совершилъ чрезъ страданіе, то есть, совершить спасеніе всѣхъ. Отъ Котораго все, то есть, Его смертію все возстановлено на небѣ и на землѣ, Которымъ также все сотворено. Смотри какія имена предъ нами: и Самъ Сынъ, и мы дѣти; Онъ собственный, по естеству, Сынъ, а мы усыновленные дѣти. Но онъ спасаетъ, а мы спасаемся. Смотри, какъ Апостолъ сближаетъ насъ и различаетъ. Приводящаго многихъ сыновъ въ славу, говоритъ Апостолъ. Тамъ онъ сближаетъ съ нами виновника нашего спасенія, а здѣсь различаетъ. Ибо и освящающій и освящаемые, всѣ отъ Единого. Вотъ опять какъ сближаетъ, возвышая и ободряя, и называя ихъ братьями Христа, почему и говоритъ, что всѣ отъ Единого. Освящающій—Христосъ, освящаемые—мы. Обрати вниманіе на то, какая разница. Христосъ освящаетъ, а мы освящаемся. Всѣ отъ Единого, ибо одинъ Богъ, отъ Котораго все. Но Онъ однимъ образомъ, а мы другимъ: Онъ какъ собственный Сынъ, а мы какъ усыновленные дѣти. Однако мы имѣемъ одного съ Нимъ Отца-Бога. Онъ, какъ собственный Сынъ, освящаетъ, а мы, какъ усыновленные дѣти, освящаемся. Поэтому Онъ не стыдится называть ихъ братьями, говоря: возвѣщующія Твое братіямъ Моимъ. Когда говорится, что Онъ не стыдится называть ихъ братіями, то вовсе не высказывается этимъ, что Онъ нашъ братъ по естеству, но по милосердію Своему и великой снисходительности Онъ назвалъ насъ братьями Своими. Дабы не

подумали, что это есть нечто новое и не было предвозвѣщено гораздо раньше, подтверждаетъ пророческимъ свидѣтельствомъ: возвѣщу имя Твое братьямъ Моимъ. Говорить, что послѣ страданія и воскресенія Христа слава божества Его должна проповѣдываться по всей землѣ. Ибо говорить, возвѣщу, то есть, заставляю благовѣствовать, какъ и въ Евангеліи говоритъ Иисусъ Христосъ женамъ: идите и скажите братіямъ Моимъ. Братьями называются и любящіе, и любимые. Присоединяетъ: и посреди церкви воспою Тебя. Посреди святыхъ слава Господня будетъ повѣщаться Тѣмъ, Кто говоритъ: славлю Тебя, Отче, Господи неба и земли, что Ты утаилъ сіе отъ мудрыхъ и разумныхъ и открылъ младенцамъ. Ибо истинная похвала проповѣдуется вѣрующими и исполняющими волю Божію не только устами, но и сердцемъ. И еще: я буду уповать на Него. Здѣсь рѣчь о искупленномъ человѣкѣ, все дерзновеніе котораго находится безъ сомнѣнія въ Богѣ Отцѣ, какъ и въ Евангеліи Самъ Спаситель говоритъ, когда молится объ ученикахъ: Отче, хочу, чтобы тамъ, гдѣ Я, и они были со Мною. Онъ утѣшаетъ ихъ, говоря: дерзайте, я побѣдилъ міръ. И еще: вотъ Я и дѣти, которыхъ далъ Мнѣ Богъ. Это свидѣтельство пророка приводитъ Апостоль, относя его ко Христу и апостоламъ, которыхъ за ихъ незлобіе называетъ дѣтьми, о которыхъ Самъ Господь сказалъ: оставьте ихъ приходить ко Мнѣ, ибо таковымъ принадлежитъ царство небесное. По велику же дѣти причастны плоти и крови, то и Онъ также воспринялъ оныя. Здѣсь Апостоль утверждаетъ истинное братство и дѣйствительное человечество Христа; ибо какъ дѣти состоятъ изъ тѣла и крови, такъ и Онъ воспринялъ плоть и кровь, чтобы вкусить смерть за спасеніе дѣтей. Присовокупляя дѣйствіе и причину этого демонстраательства, онъ говоритъ: дабы смертію лишить силы имѣющаго державу смерти, т. е. діавола. Здѣсь Апостоль

указываетъ на нѣчто удивительное, ибо чѣмъ была сильна власть діавола, тѣмъ самимъ онъ побѣждается. Крѣпкое оружіе діавола противъ міра—смерть; но чрезъ нее Христосъ побѣждаетъ его. Здѣсь Апостолъ внушаетъ мысль о величій доблести Побѣдителя, указывая на то, какимъ великимъ благомъ сдѣлалась смерть. Дабы избавить тѣхъ, которые отъ страха смерти чрезъ всю жизнь были подвержены рабству. Зачѣмъ дрожите, зачѣмъ боятесь ея, когда она уже осуждена. Она уже не страшна, а желательна, какъ конецъ трудовъ и начало вѣчнаго покоя. Почему, говорить, отъ страха смерти чрезъ всю жизнь были подвержены рабству? Они дѣйствительно были всѣ рабы смерти, такъ какъ боялись смерти. Они еще не были свободны отъ страха смерти, законами котораго управлялись. Теперь будутъ смѣяться надъ ней святые, которые послѣ мученій и побѣды надъ нею имѣютъ перейти въ царство небесное. Поэтому и самъ апостолъ Павелъ говоритъ: желаю разрѣшиться и со Христомъ быть. Ибо не ангеловъ воспріимлетъ Онъ, но воспріимлетъ сѣмя Авраамова. Посему Онъ долженъ былъ во всемъ уподобиться братіямъ. Апостолъ чувствуетъ патриарха и его потомковъ, къ которымъ писано посланіе. Итакъ онъ воспоминаетъ о благодѣніяхъ Бога, о плотскомъ родствѣ со Христомъ, объ обѣтованіи, данномъ Аврааму: тебѣ и сѣмени твоему дамъ землю эту. Ибо отъ одного всѣ, то есть, Авраама, Христосъ по плоти и тѣ, къ которымъ говорилъ это. Мысль, что Христосъ долженъ былъ также воспринять тѣло и кровь, такъ какъ и дѣти причастны тѣла и крови, Апостолъ дополняетъ указаніемъ на то, откуда воспринялъ Онъ тѣло и кровь. Ибо не ангеловъ воспріимлетъ Онъ, то есть, не ангельскую натуру, но воспріимлетъ сѣмя Авраамова. Ибо не ангеламъ дана честь, чтобы природу ихъ воспринялъ Сынъ Божій; но эту честь и достоинство Сынъ Божій даровалъ человѣческой природѣ, чтобы Богъ и человѣкъ были едино лицо. Потому сказалъ: воспринялъ, что пасъ, отступающихъ

отъ Него и далеко бѣгущихъ, догнавъ какъ бы схватилъ и въ брѣнномъ тѣлѣ нашемъ уготовалъ Себѣ природу. Чудное соединеніе: Вѣчный и Безсмертный соединяется съ временнымъ и смертнымъ. Какъ это было, Апостолъ тотчасъ объявляетъ: поему Онъ долженъ былъ во всемъ уподобиться братіямъ. Что значить во всемъ? Это значить: Онъ рожденъ, воспитанъ, возросъ, даже страдалъ и умеръ, чтобы во всемъ уподобиться братьямъ, кромѣ грѣха. Ибо выше сказалъ: Онъ есть сіяніе славы и образъ ипостаси Его, чрезъ Котораго и вѣки сотворилъ. Онъ, такой великій, славный и дивный, столько заботился о нашемъ спасеніи, что сдѣлался намъ братомъ по всему. Поэтому Онъ въ нѣкоторомъ смыслѣ оставилъ ангеловъ, чтобы воспринять насъ, заблудшуюся овцу, найденную Его страданіями, и, возложавши на рамена, принести въ царство небесное. Этотъ столь великій первосвященникъ нашъ восхотѣлъ принести Себя предъ Отцемъ за насъ. Поэтому Апостолъ далѣе говорить: чтобы быть милостивымъ и вѣрнымъ первосвященникомъ предъ Богомъ, для умиловленія за грѣхи народа. Итакъ не было для него другой причины уподобиться во всемъ братіямъ, кромѣ того, чтобы быть вѣрнымъ первосвященникомъ за насъ, чтобы умиловить Бога за наши грѣхи. Не было другой причины такого чуднаго домо-строительства, кромѣ этой одной. Ибо Онъ видѣлъ родъ чловѣческій падающимъ, опутаннымъ сѣтями грѣха, подверженнымъ мучительной смерти, и умилился надъ нимъ какъ вѣрный первосвященникъ. Вѣрный - истинный и могущественный. Безъ сомнѣнія долгъ первосвященника быть вѣрнымъ, чтобы быть въ состояніи освободить отъ грѣха тѣхъ, для кого Онъ первосвященникъ. Поэтому и Апостолъ, продолжая говорить о могуществѣ Христа, прибавляетъ: Ибо какъ Самъ Онъ претерпѣлъ, бывъ искушенъ; то можетъ и искушаемымъ помочь. Ибо какъ Самъ, то есть, какъ чловѣкъ страдавшій можетъ освободить связанныхъ и помочь искушаемымъ, чтобы не были свя-

заны, ибо искушенія наши Онъ позналъ не только какъ Богъ, но и опытно, какъ человѣкъ. Конечно, Богъ по Своей природѣ безстрастенъ, но по воспріятой Имъ нашей природѣ Сынъ Божій, подобно намъ, былъ склоненъ къ искушеніямъ. Воспріятымъ тѣломъ Онъ испыталъ многія страсти человѣческія. Онъ позналъ муки страдающихъ. Самъ былъ искушенъ, но не былъ побѣжденъ.

Отеческое попеченіе священника о малыхъ и старыхъ своего прихода¹⁾.

Въ лѣтнюю пору, когда у крестьянъ наступаютъ сѣнокосъ и жатва, на эти работы, какъ извѣстно, уходятъ все, кто лишь мало-мальски можетъ работать. По большей части дома остаются очень старые да очень малые. Последніе находятся подъ при-смотромъ первыхъ, если конечно остъ въ домѣ и тѣ, и другіе. Но случается и такъ, что дома остаются одни малепькія дѣти, и вотъ мальчикъ или дѣвочка лѣтъ 10-ти нянчаеъ груднаго ребенка и смотритъ еще за остальными своими маленькими братьями и сестрами. Но какал жо это нянька, когда се самое-то чуть не нужно нянчить? Какимъ образомъ она можетъ исполнить обязанности хозяйки дома? Да и возможно ли, чтобы такой ребенокъ просидѣлъ цѣлый день дома и не убѣжалъ поиграть съ своими сверстниками и сверстницами на улицѣ и подальше, на лугу за околицей. При этомъ естественны разныя шалости, а пожалуй возможны и большія бѣды. Кто напр. не знаетъ, что лѣтомъ въ рабочую пору происходятъ и нерѣдко пожары именно отъ неосторожнаго обращенія съ огнемъ дѣтей, не говоря уже

¹⁾ Изъ Рѣчи ректора Московской духовной семинаріи протоіерей Н. В. Благоразумова, сказанной воспитанникамъ, окончившимъ курсъ семинарскаго образованія въ 1884—85 учебномъ году.

объ ушибахъ и увѣчьяхъ ихъ самихъ. Немного лучше бываетъ и тогда, когда въ домѣ остаются нянчить и смотрѣть за дѣтьми „дѣдушка“ или „бабушка“, которые едва двигаются и близки уже къ могилѣ. Сколько они могутъ усмотрѣть, если принять во вниманіе, что такіе престарѣлые люди либо плохо видятъ, либо плохо слышатъ, а можетъ быть и то, и другое вмѣстѣ. Въ виду всего этого священникъ долженъ позаботиться объ учрежденіи въ селѣ и по деревнямъ своего прихода дневнаго пріюта для малолѣтнихъ дѣтей, какъ и для самыхъ грудныхъ, — такъ называемыхъ пріютовъ — „яслей“, когда матери не могутъ брать ихъ съ собою въ поле (такіе пріюты учреждаются и въ городахъ — отчасти и у насъ, особенно же за границей — для дѣтей тѣхъ родителей, которые уходятъ обыкновенно на разнаго рода поденныя работы). Такого рода надзоръ за дѣтьми могли бы выдерживать, поочередно одна за другою сами матери ихъ: могущее произойти отъ того отвлеченіе ихъ отъ полевыхъ работъ не повело бы къ большому ущербу въ хозяйственномъ отношеніи. Или же для этого надзора за дѣтьми могли бы быть, приглашаемы добрыя и болѣе опытныя въ дѣлѣ воспитанія старушки, не выходящія на полевныя работы, съ одной стороны — въ видѣ подвига благочестія, человеколюбія, съ другой и съ нѣкоторымъ вознагражденіемъ за трудъ отъ всего общества, либо уже отъ самихъ заинтересованныхъ семей. Здѣсь малолѣтки собраны вмѣстѣ, представляется полная возможность наблюдать за ними постоянно, болѣе или менѣе занимать ихъ, удерживать отъ грубыхъ шалостей и вредныхъ для здоровья игръ. Такимъ образомъ и дѣтямъ хорошо, и родители ихъ на работѣ могутъ быть болѣе спокойны относительно безопасности и своего дома, и своихъ малютокъ.

Точно также безродная и дряхлая старость требуетъ отъ всѣхъ христіански-братскаго участія и призрѣнія. Было бы нечеловѣколюбиво оставить безъ всякой помощи старцевъ, по изображенію ап. Павла, „трезвенныхъ, честныхъ, цѣломудренныхъ, здравствующихъ вѣрою, любовію, терпѣніемъ“, и старницъ „некле-

ветливыхъ, не вину многу поработченныхъ, добротчительныхъ“ (Тит. II, 2—3). Эти люди уже исполнили свое земное призваніе и стоятъ на порогѣ вѣчности: какъ же не подумать о томъ, чтобы они имѣли достаточно досуга для приготовленія къ переходу въ другой міръ, будучи обезпечены въ необходимыхъ потребностяхъ жизни? Въ противномъ случаѣ, оставленные въ убожествѣ, безъ всякаго призрѣнія, престарѣлые люди легко вѣдь могутъ совратиться съ пути добродѣтели и послужить большимъ соблазномъ для молодыхъ. Въ виду всего этого священникъ долженъ позаботиться объ устройствѣ при своей приходской церкви общей богадѣльни, которая составитъ истинное украшеніе ея, несравненно лучшее высокой ограды, большого колокола и т. п. Здѣсь могли бы найти себѣ пріютъ съ одной стороны люди престарѣлые, а съ другой—безродные опять дѣти, сохраняя которыхъ въ юномъ возрастѣ, дѣлаемъ изъ нихъ полезныхъ членовъ общества и добрыхъ „сыновъ и дочерей церкви“ впоследствии времени. Вообще смотря на совокупность прихожанъ своего храма какъ на тѣснѣйше сплоченную религіозную общину, священникъ долженъ всячески располагать ихъ къ организаціи приходско-общественной дѣятельности, къ развитію благотворительности въ предѣлахъ своего мѣстнаго прихода, или даже въ соединеніи съ ближайшими сосѣдними приходами, взаимно-общими ихъ силами и средствами. Органомъ такой дѣятельности всего лучше можетъ служить „церковно-приходское попечительство“, на обязанности котораго, по Высочайше утвержденному „Положенію“, лежитъ, между прочимъ, изысканіе средствъ для учрежденія въ приходѣ школы, больницы, богадѣльни, пріюта и другихъ благотворительныхъ заведеній. Только при такихъ условіяхъ искренняго въ духѣ христіанскаго милосердія сближенія имущаго съ неимущимъ и живаго, дѣятельнаго участія перваго къ судьбѣ послѣдняго могутъ быть всесторонне и обстоятельно изучены происхожденіе, причины и самые виды бѣдности и нищеты въ средѣ населенія, и указаны средства и способы къ облегченію положенія

несчастныхъ и вмѣстѣ къ устраненію нищенства дѣйствительнаго и промысловаго, которое, къ прискорбію, гнѣздится и въ нашихъ селахъ и которое разбодниенною благотворительностью отдѣльныхъ лицъ лишь болѣе возбуждается и поддерживается.

Такъ, скажемъ словами св. Григорія Великаго, вообще „пастырямъ необходимо заботиться и о невинныхъ средствахъ къ процвѣтанію внѣшняго благосостоянія членовъ своихъ паствъ, если для нихъ возжелѣнно, чтобы и внутреннее ихъ благочестіе тѣмъ болѣе процвѣтало. Пусть же они, ревнуя о послѣднемъ, не пренебрегаютъ и первымъ, иначе пасомые ихъ какъ бы выправѣ будутъ отворачиваться отъ каеодры проповѣдника, когда онъ отворачивается отъ ихъ насущныхъ потребностей жизни“ („Правило пастырское“ ч. II, гл. 7, въ рус. пер. стр. 70). А вотъ и живой (литературный) образецъ благодушнаго и симпатичнаго именно сельскаго нашего священника: „о. Филиппъ, пишетъ авторъ повѣсти „господа депутаты“, Краснопольскій (въ „Вѣстникѣ Европы“ за 78 г.), былъ изъ такихъ людей, которые находятъ много дѣла и въ узкой, повидимому, сферѣ. Какъ сельскій пастырь, онъ своего рода идеаль. Когда нѣтъ по церкви службы, онъ съ утра отправляется въ приходъ. Придетъ въ деревню, и ко всякому съ вопросами: что и какъ? Мужики расскажутъ ему про свое горе и радость, а онъ ихъ утѣшитъ, посопѣтуетъ, потолкуетъ, разберетъ жалобу, наведетъ справку и пр. Особенно любилъ о. Ф. дѣтей деревенскихъ: онъ съ ними, бывало, то шутить, то учить чему доброму, напр. креститься, снимать шапку передъ старшими, причесывать голову, крѣпко привязывать оборки на лаптяхъ, чтобы не метались. Гдѣ идетъ постройка, о. Ф. укажетъ, въ какомъ углу сложить печку, какъ перегородить избу. Провѣдаетъ больныхъ: однихъ расположить приобщиться святыхъ таинъ, другимъ дастъ лекарства, — всѣхъ утѣшитъ. Къ вечеру онъ является домой, и глубокіе карманы его всегда были набиты калачами, яблоками, кренделями, а подъ мышкою пирогъ: онъ не въ силахъ былъ отказываться отъ такого выраженія любви къ нему прихожанъ. Въ зимнее время, кромѣ обычныхъ школьныхъ занятій, онъ училъ дѣтей, со скрипкою въ рукахъ, церковному пѣнію и вообще былъ очень доволенъ своимъ положеніемъ“...

Редакторъ Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архимандритъ *Ириней*.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 24 іюня 1885 г. Цензоръ прот. М. Богдановъ.

Тип. Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайлов. ул., собств. домъ.

Годъ

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

XXVI.

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
пять руб., съ пересылкою шесть
рублей серебромъ.

№ 30.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Кіевской
духовной семинаріи.

1885 года, Іюля 21-го.

Содержаніе: Частныя занятія священника.—Братскій совѣтъ новорукон-
ложенному въ сельскій приходъ священнику относительно совершенія
бракосочетаній.—Мысли св. Тихона Задонскаго о пастырствѣ.—
Можно ли діаконамъ проповѣдывать въ церкви?

Частныя занятія священника¹⁾.

Кромѣ книжныхъ занятій, вызываемыхъ потребностію умствен-
наго самоусовершенствованія священника, священникъ можетъ по-
святить себя и свое свободное время, остающееся у него отъ
исполненія прямыхъ служебныхъ обязанностей, дѣлу педагогиче-
скому,—дѣлу воспитанія и образованія дѣтей, у себя ли въ домѣ
или лучше въ школѣ.

Это педагогическое дѣло вполне сообразно съ званіемъ
священника, обязаннаго учить вѣрѣ и благочестію всѣхъ, находя-
щихся въ его приходѣ, и можетъ быть дополненіемъ его пастыр-
ской учительской дѣятельности. Занятія въ школѣ священникъ
можетъ брать на себя въ видахъ болѣе успѣшнаго достиженія

¹⁾ См. № 28-я.

той цѣли, которая указана ему Церковію, презвавшею его въ пастырскому служенію. Если онъ хочетъ въ своемъ приходѣ создать поколѣніе, преданное церкви и живущее по духу Христову (а онъ долженъ стараться объ этомъ въ силу своего пастырскаго званія), онъ долженъ обратить особенное вниманіе на дѣтей своего прихода въ этомъ нѣжномъ возрастѣ, воспріимчивомъ ко всѣмъ добрымъ впечатлѣніямъ, онъ долженъ сѣять въ душахъ сѣмена вѣры и доброй нравственности для того, чтобы они, возрастая потомъ, припесли плодъ свой и сдѣлали изъ дѣтей добрыхъ христіанъ и полезныхъ членовъ общества: „Младый возрастъ (говоритъ Книга о должностяхъ пресвитеровъ приходскихъ) яко скудельный сосудъ чимъ напоенъ будетъ, добрымъ или злымъ, таковую вою и впредѣ издавать будетъ“. Потому (соотвѣтуетъ эта книга) „пресвитеръ прилично своему званію сдѣлаетъ, если во всякое воскресенье по полудни собираться велить въ церковь или школу маловозрастнымиъ отрокамъ, и тамо ихъ будетъ обучать“. Свѣщенникъ упуститъ благоприятное время, когда не приложитъ никакого попеченія къ воспитанію и обученію дѣтей своего прихода: съ взрослыми вести дѣло труднѣе, чѣмъ съ дѣтьми, податливыми на всякое вліяніе, и направленіе ихъ на путь спасенія (а это лежитъ на обязанности священника) будетъ соединено съ не малыми препятствіями, когда съ юности они были брошены на произволъ случая или возрастали подъ вліяніями, мало благоприятными для утвержденія въ нихъ духа вѣры и благочестія.

Независимо отъ этихъ цѣлей, входящихъ въ виды пастырскаго служенія, есть и другія побужденія, могущія склонять свѣщенника къ педагогически-образовательному дѣлу. Въ наше время народъ есть большая потребность образованія, хотя она и не ощущается живо всею его массою. Народъ нашъ называетъ себя техническимъ народомъ, и характеризуя такъ себя, онъ тѣмъ самымъ заявляетъ, что онъ лишенъ свѣта образованія, необходимаго для возвышенія человѣческаго достоинства и для лучшаго устроенія

нашей жизни. Среди этого темнаго люда священникъ является наиболѣе просвѣщеннымъ лицомъ, и изъ любви къ народу, изъ желанія ему блага, ему естественно распространять вокругъ себя тѣ начала знанія, какими онъ можетъ освѣтить темную массу народонаселенія, естественно сдѣйствовать тому, чтобы народъ нашъ знакомился съ грамотностію и вмѣстѣ съ грамотностію усвоялъ себѣ облагораживающее и просвѣщающее вліяніе знанія. Наше правительство заботится о просвѣщеніи народа, и въ послѣднія десятилѣтія явилось не мало народныхъ сельскихъ школъ, открываемыхъ и поддерживаемыхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія. Но если бы этихъ школъ было вдвое, втрое болѣе теперешняго числа, онѣ не могли бы удовлетворить всей потребности просвѣщенія нашего многомилліоннаго народа, и при нихъ еще много остается дѣтей, которыя не имѣютъ возможности ознакомиться съ грамотою. Новый усердный учитель народа никогда не будетъ лишнимъ, какъ бы много ни устроило Министерство своихъ школъ. Къ этому нужно прибавить еще то, что нашъ народъ издавна привыкъ относиться съ особымъ довѣріемъ къ учителю, прикосновенному къ церкви, по самому служенію своему могущему дать ему излюбленную имъ грамоту церковную и научить тому, что для его благочестваго чувства всего дороже, — вѣрѣ и закону Божію. Учителя свѣтскіе возбуждали у него прежде недовѣріе къ себѣ, и нельзя сказать, чтобы это недовѣріе исчезло совершенно и теперь: не смотря на заботы правительства приговорить учителей мірянъ для народныхъ школъ, эти учителя не снискали себѣ вниманія народа, и священникъ-учитель всегда будетъ для него почтеніемъ, авторитетомъ, чѣмъ учитель свѣтскій, готовый иногда идти въ разрѣзъ съ святыми преданіями, хранимыми въ народѣ, и посягать на неприкосновенность обычаевъ, освященныхъ церковію. Не нужно пренебрегать этимъ довѣріемъ, съ какимъ народъ относится къ своимъ пастырямъ, желая имъ первѣе всего поручать образованіе или обученіе своихъ дѣтей. Нужно пользоваться имъ, чтобы не выпустить

изъ рукъ одного изъ важнѣйшихъ средствъ къ проведенію въ народѣ релігіознаго вліянія церкви и утвержденію въ немъ добрыхъ началъ вѣры и нравственности, какое представляетъ изъ себя школа. При небреженіи священниковъ объ этомъ дѣлѣ, образованіемъ дѣтей могутъ овладѣть силы, чужды церкви, и онѣ могутъ вести школьное дѣло въ направленіи, вовсе не желательномъ для служителей церкви, какъ и бывали примѣры вредной пропаганды въ школахъ со стороны людей, отшатнувшихся отъ церкви и утеравшихъ вѣру.

Наше правительство сознаетъ великое значеніе духовенства для образованія народа, и желаетъ, чтобы это образованіе основывалось на церковныхъ началахъ и велось въ духѣ церкви, чему служить главнымъ образомъ могутъ пастыри церкви. Положеніемъ о церковно-приходскихъ школахъ оно зоветъ нашихъ священниковъ къ усиленной просвѣтительной дѣятельности во благо народа, и недавно наше духовенство съ высоты престола слышало этотъ святой призывъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ выраженіе надежды Монарха, что духовенство окажется достойнымъ своего высокаго призванія. Мы не хотимъ допускать грустнаго предположенія, чтобы этотъ призывъ не возбудилъ возможно горячаго усердія къ осуществленію благихъ намѣреній Монарха касательно просвѣщенія народа, среди нашего духовенства, такъ преданнаго церкви и Богомъ установленной предрержащей власти.

Священникъ не можетъ вести школьныхъ занятій съ учениками такъ регулярно, какъ это можетъ дѣлать учитель, кромѣ учительской должности не знающій никакихъ другихъ служебныхъ обязанностей. У священника много прямого пастырскаго дѣла, много требъ, отрывающихъ его отъ исполненія учительскаго долга, и инныя изъ нихъ такъ важны и настоятельны, что изъ-за нихъ онъ долженъ оставлять даже служеніе литургіи, уже начатой, если напрямѣръ его позовутъ изпутствовать, т. е. исповѣдать и причастить тяжело больного или окрестить слабаго, умирающаго младенца. Въ этомъ обстоятельствѣ, по мнѣнію иныхъ,

заключается немаловажное препятствіе, мѣшающее священнику брать на себя педагогическія занятія въ школѣ, требующія строгаго порядка. Само собою понятно, что исполненіе пастырскихъ обязанностей должно быть первымъ дѣломъ священника, и онъ не долженъ оставлять ихъ ни для какого другаго дѣла. Но не смотря на сложность пастырскихъ обязанностей, исполненіе ихъ не поглощаетъ всего времени священника. А неотложныя требы, обязывающія его прекращать какое бы то ни было, имъ исправляемое служеніе, вовсе не такъ часты, чтобы на нихъ указывать, какъ на серьезное препятствіе къ занятіямъ священника съ дѣтьми въ школѣ или дома. Полагаемъ, что усердіе священника, если только оно есть у него, найдетъ достаточно свободныхъ часовъ для добраго и полезнаго педагогическаго дѣла. Бѣды не будетъ, если изрѣдка, по встрѣтившимся обстоятельствамъ, священнику придется оставлять или измѣнять урочные часы, назначенные для школьныхъ занятій. Церковь указываетъ ему, чѣмъ онъ можетъ пользоваться приходящихъ въ храмъ на богослуженіе людей, если настоятельная пужда заставляеть его на время остановить служеніе литургіи. Тѣмъ возможно занять ему чѣмъ либо полезнымъ дѣтей, у него учащихся, если онъ не можетъ быть съ ними въ часъ, назначенный для его учительской бесѣды съ ними.

Мы впрочемъ говоримъ о педагогическихъ занятіяхъ священника въ школѣ или дома, не какъ о чемъ либо обязательномъ и необходимомъ для него, а какъ о дѣлѣ, въ высшей степени приличномъ для него. Пусть онъ, соображаясь съ обстоятельствами и съ мѣрою времени, находящагося у него въ распоряженіи, беретъ на себя изъ педагогическаго дѣла то, что для него наиболѣе сподручно и менѣе затруднительно. Можетъ быть, для него неудобно брать на себя обученіе грамотѣ, — чтенію, письму, ариметикѣ и другимъ подобнымъ предметамъ мірскаго свойства, входящимъ въ курсъ народной школы. Но законъ Божій, религіозное обученіе — это его предметъ, и онъ не долженъ бы

допускать, чтобы преподаваніе этого предмета переходило отъ него къ другимъ учителямъ. Пусть на этомъ предметѣ онъ сосредоточитъ свое вниманіе, пусть имъ однимъ ограничится: тогда не потребуется отъ него столько времени сколько его нужно для учителя, занимающагося съ дѣтьми по всѣмъ другимъ предметамъ, и окажется для него вполне возможнымъ совмѣстить съ исполненіемъ пастырскаго долга и исполненіе долга религіознаго учителя въ школѣ. Это религіозное обученіе онъ можетъ брать на себя въ школѣ народной, въ школѣ частной или домашней и въ школѣ церковно-приходской. Устроеніе послѣдней лежитъ ближе всего къ его заботамъ. Нельзя требовать, чтобы священникъ непременно самъ занимался въ этой школѣ. Онъ можетъ пѣтъ, онъ долженъ искать сподручныхъ помощниковъ себѣ для занятій въ этой школѣ. Такими сподручными помощниками ему въ этомъ дѣлѣ могутъ быть подчиненные члены клира, — діаконы (гдѣ они есть) и псаломщики, члены семьи священника или кого либо изъ его причта, — могутъ быть и приглашенные отъиуду, въ особенности изъ лицъ, готовящихся къ священническому служенію. Но самъ онъ отнюдь не долженъ стоять въ сторонѣ отъ этой, близкой ему, школы. Ему должно принадлежать самое бдительное наблюденіе за ходомъ, направленіемъ и успѣхами обученія въ этой школѣ; ему должно принадлежать главное руководство всѣмъ педагогическимъ дѣломъ, какое ведется въ этой школѣ, и для приданія ей большаго авторитета въ глазахъ прихожанъ, для болѣе благотворнаго вліянія на учащихся ему слѣдовало бы самому являться въ нее въ качествѣ учителя и сообщать дѣтямъ то, что имъ необходимѣе знать съ точки зрѣнія религіозно-воспитательной, и что способно воспитать въ нихъ духъ вѣры и благочестія.

При словѣ о педагогическихъ занятіяхъ священника съ дѣтьми, въ школѣ или дома, нельзя опускать изъ вида и соображеній экономическаго свойства. При многочисленности нуждъ, какимъ долженъ удовлетворять священникъ, какъ домохозяинъ и

отецъ семейства, и при незначительности его доходовъ, онъ нѣрѣдко оказывается вынужденнымъ искать побочныхъ занятій для приумноженія средствъ содержанія, доставляемыхъ ему его должностію. Изъ этихъ побочныхъ занятій обученіе дѣтей, съ видами на нѣкоторое вознагражденіе за этотъ трудъ, представляется наиболѣе соотвѣтствующимъ его служенію и образованію. Такъ смотрѣла всегда на это дѣло и церковь. Въ древнія времена случалось иногда, что пастыри церкви, для приумноженія своихъ доходовъ, обращались къ стороннимъ свѣтскимъ занятіямъ, прикипали на себя мірскія и житейскія попеченія у мірскихъ начальниковъ и вельможъ. Церковь неодобрительно относилась къ этому, и возбраняя совмѣщеніе пастырскаго служенія съ мірскими попеченіями, указывала священникамъ, ищущимъ себѣ какого либо прибыльнаго труда, на обученіе дѣтей, какъ на дѣло, наиболѣе приличное пастырю. Лучше да идетъ священникъ, занимающій мірскую должность у глаголюмыхъ вельможъ, учить отроковъ и домочадцевъ, читая имъ божественное Писаніе: ибо для сего и священство получилъ (говоритъ 10-е правило VII вселенскаго собора).

Можетъ обращаться священникъ и къ другимъ честнымъ и полезнымъ занятіямъ, въ видахъ обезпеченія себя и своего семейства и приумноженія скромныхъ средствъ своего содержанія, и онъ не сдѣлаетъ ничего предосудительнаго, если тѣмъ или другимъ родомъ труда, имъ на себя предпринимаемаго, будетъ стараться устроить благосостояніе своего дома. Это дозволено ему канонами церковными. Тотъ же вселенскій соборъ, который рекомендуетъ священнику избирать для себя изъ разныхъ житейскихъ занятій обученіе дѣтей, какъ трудъ, наиболѣе ему приличный, разрѣшаетъ ему и многіе другіе труды, могущіе приносить ему какой либо доходъ. Запрещая замѣченное имъ отступленіе отъ церковнаго обычая, состоявшее въ томъ, что клирикъ, въ видахъ полученія большихъ доходовъ, опредѣлялся къ двумъ церквамъ вмѣстѣ, что, по словамъ отцовъ собора, свойственно торговлѣ и

низкому своекорыстію, соборъ, вмѣсто этого совмѣщенія служоній въ двухъ церквахъ, рекомендовалъ служителямъ церкви, для обезпеченія себя, обращаться къ какимъ либо честнымъ занятіямъ. Для потребностей сего жизни (постановили отцы въ 15 правилѣ VII вселенскаго собора) есть различныя занятія: и сими, аще кто пожелаетъ, да пріобрѣтасть потребное для тѣла.

Соотвѣтственно приведеннымъ нами указаніямъ соборныхъ канонѣвъ, священникъ, не уклоняясь отъ труда умственнаго, можетъ предаваться и труду физическому, можетъ брать на себя и занятія матеріальнаго свойства, какими люди списываютъ себѣ средства жизни, хотя нужно замѣтить, что церковь свое разрѣшенію священнику занятій подобнаго рода обставила нѣкоторыми ограниченіями.

Примѣръ физическаго или тѣлеснаго труда представляютъ для пастырей церкви святые апостолы, которые, пронося благовѣстіе Христово и служа церкви, не уклонялись отъ житейскихъ занятій, къ какимъ пріучались и пріобыкли съ дѣтства. Апостолъ Павелъ, по его собственному признанію (1 Кор. XV, 10), потрудившійся болѣе другихъ апостоловъ въ проповѣданіи Евангелія и благоустроеніи церкви, при своемъ апостольскомъ служеніи находилъ время и считалъ не неприличнымъ для себя заниматься ручнымъ ремесленнымъ трудомъ, и этимъ трудомъ добывалъ средства для удовлетворенія своихъ собственныхъ нуждъ и нуждъ близкихъ ему лицъ. Онъ былъ ремесломъ скинотворецъ, и этого ремесла не оставлялъ во все продолженіе своего служенія Церкви Христовой (Дѣян. XVIII, 3). Не разъ въ своихъ рѣчахъ и въ своихъ посланіяхъ онъ ссылался предъ вѣрующими на то, что онъ снискиваетъ пропитаніе трудомъ рукъ своихъ, и ссылаясь на это, заявлялъ желаніе, чтобы и другіе подражали ему въ этомъ отношеніи. Сребра или злата или ризъ ни единого возжелахъ (говоритъ онъ пресвитерамъ ефесскимъ). Сами вѣсте, яко требовашию моему и сущимъ со

мною послужите руцѣ мои сіи (Дѣян. XX, 34). Вы помните, братія (писалъ онъ солунянамъ), трудъ нашъ и изнуреніе: ночью и днемъ работая, чтобы не отяготить кого изъ васъ, мы проповѣдывали у васъ благовѣстіе Божіе (1 Сол. II, 9). Вы сами знаете, какъ должны вы подражать намъ (читаемъ мы въ другомъ посланіи тѣмъ же солунянамъ); ибо мы... ни у кого не ѣли хлѣба даромъ, но занимались трудомъ и работою ночь и день, чтобы не обременить кого изъ васъ; не потому, чтобы мы не имѣли власти, но чтобы себя самихъ дать вамъ въ образецъ для подражанія намъ (2 Сол. III, 7—9. Ср. 1 Кор. IV, 12).

Какого же рода хозяйственныя занятія приличны священнику? Къ какому труду вѣшняго матеріальнаго характера ему можно обращаться, въ видахъ пріобрѣтенія или нѣкотораго пріумноженія средствъ жизни?

Апостолъ Павелъ занимался ремесломъ и ремесломъ снискивалъ себѣ необходимое обезпеченіе. Имѣя въ виду такой высокій примѣръ, священникъ можетъ не стыдиться ремесленного труда, если есть у него къ тому расположеніе и практическое умѣнье, и никто не осудитъ его, если онъ въ свободные часы занимается какимъ либо благороднымъ мастерствомъ, и занимается съ тѣмъ, чтобы произведеніями своего труда содѣйствовать благоустроенію своего хозяйства. Между занятіями, требующими физическаго труда, есть много видовъ, и многія изъ нихъ не составляютъ простаго ручнаго мастерства, и изъ области ремесла переходятъ въ область искусства, напримѣръ живописное или иконное искусство. Занятія этимъ или подобнымъ искусствомъ, нисколько не оскорбляя достоинства священническаго званія, составляютъ своего рода пріятное и полезное развлеченіе для него, и разнообразя его жизнь, вносятъ въ нее больше полноты и содержанія, и предохраняютъ отъ скуки и пустоты, независимо отъ

тѣхъ возможныхъ матеріальныхъ выгодъ, какія чрезъ нихъ можно пріобрѣтать.

Но практическій ручной трудъ по изготовленію какихъ либо предметовъ искусства или ремесла, хотя онъ не предосудителенъ для человѣка въ званіи священника, не можетъ быть для него трудомъ обыкновеннымъ. Онъ требуетъ предварительной подготовки, нѣкотораго нарочитаго обученія, и только не многіе изъ людей, готовящихся къ священному званію, вслѣдствіе извѣстныхъ природныхъ предрасположеній, могутъ овладѣвать тѣмъ практическимъ искусствомъ, и въ немъ упражняться, по поступленіи на мѣсто, улучая для него свободное отъ служебныхъ занятій время.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Братскій совѣтъ новорукположенному въ сельскій приходъ священнику относительно совершенія бракосочетаній.

Нѣтъ народа на земномъ шарѣ, у котораго бракосочетаніе молодой четы не совершалось бы при возможно болѣе торжественной и радостной обстановкѣ. Прослѣдите бытовую исторію разныхъ народовъ, и вы увидите, что у каждой націи были и есть свои свадебные обычаи и обряды. И у нашего народа бракосочетаніе обставлено многими обрядами и обычаями, между прочимъ, музыкою и танцами. Музыку и танцы при свадьбахъ даже сельскіе прихожане считаютъ необходимою принадлежностію. Между тѣмъ есть у насъ священники, которые желали бы непременно уничтожить при крестьянскихъ свадьбахъ музыку и танцы. Чѣмъ же провинилась предъ ними свадебная музыка? Развѣ тѣмъ, что плоха? Но для простонароднаго слуха она довольно хороша. Не тѣмъ ли, что сопровождается танцами? Но танцы сами по себѣ, а неприличія и безобразія сами по себѣ. Замѣчательно, что у нашихъ южнорусскихъ крестьянъ нѣтъ обычая танцевать попарно

мущинѣ съ женщиною: мущины составляютъ свой кружокъ, а женщины и дѣвушки свой отдѣльный. Такіе тѣнцы едва ли могутъ заслуживать осужденія, во всякомъ случаѣ они на нашъ взглядъ кажутся болѣе приличными, чѣмъ танцы у нашихъ образованныхъ кружковъ, гдѣ танцующій кавалеръ, тѣсно прижавъ къ себѣ дѣвицу, или даму, кружится съ нею въ вихрѣ бѣшеннаго вальса, да иногда и наментываетъ ей кое-что мофистофилевское. Не рѣшаясь признать музыку и танцы при бракахъ за что-то неприличное, мы не можемъ не указать на практическое значеніе ихъ при бракосочетаніяхъ. Намъ кажется, что практическій умъ нашего народа завелъ при свадьбахъ музыку и танцы какъ для развлеченія гостей и предупреденія безобразнаго пьянства, которое необходимо являлось бы подѣ давленіемъ скуки,—такъ и для облегченія хлопотъ бѣдныхъ хозяевъ, которые при отсутствіи музыки и танцовъ вынуждены были бы восполнить недостатокъ свадебныхъ удовольствій усерднѣйшимъ ухаживаніемъ за гостями и лишнею затратою на обиліе столовъ. Не слѣдуетъ забывать и того, что народъ обставилъ торжество свадьбы такими, или иными типичными обычаями, дабы запечатлѣть въ душѣ молодой четы эти единственно счастливыя въ ея жизни дни брака. Спросите любого мужичка: былъ ли ты, братъ, когда либо счастливъ? Онъ вамъ отвѣтитъ: „былъ батюшка, когда меня женили. Тогда меня всѣ поздравляли, меня съ музыкою встрѣчали и провожали, мое имя въ пѣсняхъ прославляли, меня даже княземъ величали. Но такъ было только въ воскресенье, понедѣльникъ и вторникъ, а какъ пришла среда, какъ прицѣпилась бѣда, такъ вотъ и до сего дня держится“. Поэтому, вы, собратья, осмѣивая народные свадебные обычай, запрещаая музыку и танцы при бракахъ, являетесь несправедливыми къ бѣднымъ молодымъ людямъ, не давая имъ по примѣру отцовъ и дѣдовъ спокойно насладиться хотя этою иллюзіею кратковременнаго искусственнаго счастья.

По обычаю нашего народа возлагается на головной уборъ невѣсты, съ согласія жениха, красный ленточный вѣничикъ

во свидѣтельство чистоты ея дѣства. Возложеніе вѣнца на головной уборъ невесты во свидѣтельство ея честности было дѣломъ общепотребительнымъ у Іудеевъ и Еллиновъ. Не только по народному обычаю, но и по установленію Церкви возлагается вѣнецъ на невесту въ ознаменованіе ея цѣломудрія. Съ такимъ же значеніемъ возлагается вѣнецъ и на голову жениха. На повобрачныхъ возлагаются вѣнцы, говорится въ Требникѣ, въ ознаменованіе ихъ цѣломудрія. Вѣнцы возлагаются на жениха и невесту въ знакъ того, что они до брака жили честно и побѣждали свои страсти, а чрезъ бракъ становятся родоначальниками (по древнему названію) новаго поколѣнія людей,—поясняютъ нѣкоторыя руководства. Но не всѣ женихи и невесты до брака живутъ честно, не всякое супружество чадородно. Посему возложеніе вѣнцовъ на головы жениха и невесты, по нашему мнѣнію, имѣетъ болѣе широкое значеніе. Мы полагаемъ, что нашими церковно-брачными вѣнцами 1) вѣнчается, т. е. свидѣлствуется и утверждается предъ всюю церковью, полнота и зрѣлость физическихъ силъ души и тѣла, разцвѣтшихъ въ женихѣ и невестѣ до способности дать плоды по вѣчному закону Творца,—поэтому наши брачные вѣнцы украшены орнаментами цвѣтовъ; 2) вѣнчается личный, самообладательный характеръ, обуздывающій порывы низшей душевно-тѣлесной жизни и подчиняющій ихъ требованіямъ высшей духовной цѣли и идеи,—поэтому наши брачные вѣнцы имѣютъ подобіе вѣнца царскаго; 3) вѣнчается благая и непринужденная рѣшимость стать твердо и безповоротно на спасительный путь евангельскихъ заповѣдей по слѣдамъ Христа и Церкви,—поэтому наши брачные вѣнцы освѣщены ликами Спасителя, Богоматери и святыхъ и возглавлены образомъ св. креста. Наши брачные вѣнцы такимъ образомъ служатъ нагляднымъ символомъ той благодатной во Христѣ мудрости змѣиной и цѣлости голубиной¹⁾, къ осуществленію которой мужъ и жена, сочетанные воедино,

¹⁾ Отсюда слово цѣломудріе.

должны направлять все свои жизненные усилия, для получения въ вѣчности того вѣнца правды, который дастъ Господь, праведный Судія, не только мнѣ, говоритъ дѣвственный Апостоль, но и всеѣмъ, возлюбившимъ явленіе Его (2 Тим. 4, 8). Указываемое нами значеніе брачныхъ вѣнцевъ исполнѣ согласно со смысломъ церковной молитвы читаемой при бракосочетаніи: „благослови, Владыко, бракъ сей и подаждь рабамъ Твоимъ цѣломудріе, о чадѣхъ благодать, неувыдаемый вѣнецъ славы“. Здѣсь словомъ цѣломудріе обнимается весь кругъ христіанскихъ желаній и надеждъ.

Говоря о значеніи брачныхъ вѣнцовъ, указывая и на вѣнцую ихъ форму, мы имѣли въ виду тотъ типъ брачныхъ вѣнцовъ, какой сложился у насъ на св. Руси, такъ какъ форма этихъ вѣнцовъ, вовсе не указанная въ принятомъ нами отъ греческой церкви Требникѣ, далеко не сходна у насъ съ формою греческою. Вотъ замѣчательное письмо нашего знаменитаго архіепископа Феофана Прокоповича о брачныхъ вѣнцахъ для предполагаемаго бракосочетанія Императора Петра II, писанное къ одному изъ придворныхъ въ началѣ генваря 1730 года. „Понеже между прочими церемоніями къ подходящей императорскаго брака отправѣ надлежащими, первенствуетъ брачный вѣнецъ, отъ котораго и бракосочетаніе вѣнчаніемъ въ греческой церкви нарицается, а требуется извѣстіе, каковой бы къ дѣлу сему пристойный вѣнецъ былъ; того ради мое о томъ мнѣніе превосходительству вашему благопочтенію предлагаю. Во порыхъ же вѣдать надлежитъ, что въ требникахъ или ритуалахъ, какъ словенскихъ, такъ и греческихъ нигдѣ неопредѣлено, каковымъ образомъ брачные вѣнцы дѣлать. Но въ церквахъ великороссійскихъ многое ихъ различіе: иные древнимъ дѣвическимъ повязкамъ подобны, иные—съ рогами или лучами, каковыя на старыхъ деньгахъ солнцѣи, аполлоновъ и славныхъ витязей видимъ; иные съ лиліями, французскимъ лиліямъ сообразными; къ инымъ и дужки противъ обычая (т. е. согласно обычаю) королей

европейскихъ придаются. А въ Малой Россіи неоднократно случалось видѣть плоскіе на вершокъ широкіе обручки, - шарами украшенные или позолоченные на подобіе царскихъ древнихъ дѣдимъ. А въ греческой церкви и нѣтъ никакихъ вѣнцовъ къ брачной церемоніи въ церковномъ сокровищѣ хранимыхъ, но изъ домовъ жениха и невѣсты къ дѣлу вѣнчанія приносятся, соулѣтаемые изъ вѣтвей масличныхъ, или лавровыхъ, лимонныхъ, померанцевыхъ; еще же и какъ кто хочетъ и можетъ разными лентами и цвѣтами оныя украшаютъ. А по вѣнчаніи отдаются изъ церкви въ домъ новобрачныхъ лицъ. Свидѣтельствуешь о томъ здѣ обрѣтающійся преосвященный митрополитъ Оивандскій и прочіи греческіи духовные. А Яковъ Гоаръ въ евхологіи греколатинскомъ о употребленіи у грековъ вѣнцевъ масличныхъ, яко обычномъ, свидѣтельствуешь, сказуя и намѣреніе ихъ на знакъ чадородія, масличному саду унодобляемаго въ псалмѣ 127-мъ (сынове твои, яко новосажденіа масличная), который псаломъ во время вѣнчанія поется. Знатно же и у древнихъ латинскихъ христіанъ масличные вѣнцы на брачныхъ накладывано, понеже Сидоній Аполлинарій оныя въ стихахъ своихъ воспоминаетъ въ эпиграммѣ на бракъ Полемія. Не подобаетъ же умолчать и обычая народа грузинскаго, который употребляетъ на бракахъ вѣнцовъ особливимъ способомъ; имѣютъ по домахъ (нидѣже и въ церквахъ) готовые обручки съ прутиковъ, шолкомъ оплетенныхъ, и на нихъ висятъ шелковыя четыре клети. А во время брачнаго вѣнчанія оплетаютъ обручки оныя зеленымъ древа нѣкоего листвіемъ, наче же винограднымъ, по свидѣтельству его высочества царя грузинскаго. И отъ сего явно, что хотя въ церкви восточной издревле и вездѣ на бракосочетаніи вѣнцевъ употреблено и доселѣ употребляютъ, однакоже нигдѣ и никогда неопредѣленъ собственнй вѣкій вѣнецъ оныхъ образъ, но положено то, яко вещь среднюю, на произвольномъ обычаѣ. Сія же вѣдая, не можемъ имѣть никакого въ томъ сумнительства: и можно къ вѣнчанію ихъ величествъ приготовить

вѣнцы масличные или лавровые, или и отъ разныхъ листьевъ и цвѣтовъ съ прилученіемъ и драгихъ камней, искусно сочиненные; только надлежитъ на челѣ оныхъ вѣнцовъ быть малымъ образомъ — Христова лица на жениховомъ, а Богородична на невѣстномъ; ибо сіе въ церквахъ россійскихъ вездѣ хранится. Если же въ семъ не отступать отъ русскаго обычая, то по моему мнѣнію надлежитъ подѣлать короны императорскіе (съ лицами Христовымъ и Богородичнымъ); понеже въ церквахъ нашихъ обрѣтаются вѣнцы, королевскимъ подобные. Но и сіе мое мнѣніе предаю премудрому разсужденію, и себе самого вручаю благодѣтельной милости“ (Труды Кіев. дух. Акад. 1865 г. Іюнь, стр. 611).

Изъ этого авторитетнаго письма читатель выведетъ заключеніе 1) что во всѣхъ восточныхъ церквахъ вѣнцы при бракосочетаніи были употребляемы какъ наслѣдіе порвухъ вѣковъ христіанства; 2) что вѣнцы эти, какова бы ни была ихъ форма, вездѣ были одинаковы для жениха и невѣсты; 3) что выработка извѣстнаго типа вѣнцовъ шла путемъ исторіи сообразно съ устанавливающимися у того или другаго народа воззрѣніями на религіозное значеніе супружеской жизни; 4) что народъ, имѣвшій о супружеской жизни высокое убѣжденіе, выработалъ и типъ брачныхъ вѣнцовъ самый возвышенный; 5) что слѣдовательно православно-русскій народъ, имѣвшій уже въ концѣ 17 столѣтія брачные вѣнцы „обычно“ подобные королевскимъ или царскимъ съ образами Спасителя для жениха и Богоматери для невѣсты, весьма высоко смотрѣлъ на супружескую и семейную жизнь, почему и брачное торжество обставлено у него и дома и въ церкви особенно свѣтлою и радостною обрядностью. А потому 6) слѣдуетъ думать, что параллельно съ этими развивавшаяся склонность русскихъ людей къ монашеству и въ древности не имѣла, какъ и теперь не имѣетъ, ничего общаго съ тѣми, ошибочно приписываемыми русскому монашеству воззрѣніями, будто бы супружеская жизнь на взглядъ монаха есть жизнь низкая, не способная привести человека къ душевному спасенію въ Господѣ.

Какое самое существенное дѣйствіе при совершеніи таинства брака? Троекратное благословеніе священникомъ новобрачныхъ съ произношеніемъ молитвы: „Господи Боже нашъ! славою и честію увѣчай я“. Здѣсь разумѣются не тѣ слава и честь естественнаго человѣка, царя природы, о которыхъ говоритъ псалмопѣвецъ: не много Ты умалилъ его предъ Ангелами; славою и честію увѣчалъ его; поставилъ его владыкою надъ дѣлами рукъ Твоихъ; все покорилъ подъ ноги его (Псал. 8, 6—7); потому что церковь не молилась бы о дарованіи новобрачнымъ той чести и славы, которая, какъ людямъ вообще, дана уже имъ по праву рожденія. Слова этой брачной молитвы взяты изъ ученія Апостола о Богочеловѣкѣ, вѣрою въ Котораго помраченная грѣхомъ слава и честь человѣчества, благодатно, чрезъ подвижъ жизни, возстановляется до высоты уже не меньшей славы и чести ангельской: нынѣ еще не видимъ, чтобы все было ему (человѣку) покорено; но видимъ, что за претерпѣніе смерти увѣчанъ славою и честію Іисусъ, Который немного былъ умаленъ предъ Ангелами (въ состояніи истощанія), дабы Ему, по благодати Божіей, вкусить смерть за всѣхъ (Евр. 2, 9). Здѣсь Апостолъ ведетъ рѣчь не о настоящей преходящей вселенной, видимое значеніе въ которой человѣка воспѣвалъ псалмопѣвецъ, а о будущей вселенной, подъ которою современные Апостолу іудейскіе учителя разумѣли время царствованія Мессіи. Они толковали, что въ домессіянское время вселенная управляется Ангелами, а съ пришествіемъ Мессіи будущая вселенная будетъ управляема Самимъ Мессіею, побѣдоноснымъ и лучезарнымъ Сыномъ Божіимъ. Опровергая ихъ мечтательное представленіе о Мессіи, Апостолъ учитъ 1) что Мессія есть не только Сынъ Божій, или совершенный Богъ, но вмѣстѣ есть и совершенный человѣкъ во всемъ кромѣ грѣха подобный людямъ, причастный нашей плоти и крови, приводящій многихъ сыновъ

въ славу чрезъ страданія. 2) Если псалмѣвецъ сказалъ, что Богъ покорилъ все подъ ноги человѣку, то здѣсь слово все могло имѣть только пророчесвенное и прообразовательное значеніе, потому что когда говорилъ: все, то, значить, не оставилъ ничего не покореннымъ ему; нынѣ же, замѣчаетъ Апостолъ, еще не видимъ, чтобы все было покорено естественному чловѣку. Есть еще темная, неуловимая область зла и грѣха, есть и видимо—разрушительные ужасные плоды ея—болѣзни и смерть. Лучшіе изъ людей ветхого завета не только не могли покорить эту область, но сами отъ страха смерти чрезъ всю жизнь были подвержены рабству. 3) Мессія—Христосъ управляетъ теперь вселенною не какъ царь только, а преимущественно какъ мѣстивый и вѣрный первосвященникъ предъ Богомъ. Отцомъ, принявшимъ Себя въ жертву для умилоствленія за грѣхи народа, дабы смертію лишить силы имѣющаго державу смерти, то есть, діавола,—что поэтому подчиненіе Ему, вождю нашего спасенія, должно быть не какое либо невольное, насильственное, какъ представляли себѣ Іудеи, а свободное, дерзновенное единеніе съ Нимъ вѣрою и упованіемъ и родственное причастіе Ему, потому что мы семейство Его, дѣти, братья, или, какъ заключительно выражается Апостолъ, мы домъ Его. Слѣдовательно только Богочеловѣку Христу покорено подъ ноги все, а потому благодатно возрождаемый и спасаемый Имъ чловѣкъ долженъ въ соединенія съ Нимъ побѣдоносно пройти эту стезю зла и грѣха, болѣзней и смерти, чтобы съ Нимъ, своимъ Спасителемъ, и увѣнчаться славою и честію. Итакъ взятая отсюда слова тайно-брачной молитвы: „Господи Боже нашъ! славою и честію вѣнчай я“, имѣютъ такой смыслъ: „Отецъ небесный! Какъ эти видимые вѣнцы положилъ еси на главахъ сочетаемыхъ, такъ облагодатствуй сихъ рабовъ Твоихъ быти причастниками Христа Твоего въ душевной славі вѣнца терноваго Церкви вопиствующей и въ

духовной чести вѣнца побѣднаго Церкви торжествующей“. Случалось однако же видѣть, что священникъ, совершая чинъ бракосочетанія съ должнымъ вниманіемъ, эту именно существенную въ тайнодѣйствіи молитву произносить почему то вполголоса и самое благословеніе рукою творить едва замѣтно, какъ будто это дѣйствіе вовсе не важно. Напротивъ, собрать, въ эту-то минуту возвысьте и голосъ и десницу и совершите это важнѣйшее дѣйствіе бракосочетанія громко, торжественно и... съ искреннею, благожелательною вѣрою въ сердцахъ.

Послѣ вѣнчальнаго благословенія у насъ есть обычай, соединивъ правыя руки супруговъ, связывать ихъ платкомъ и оставлять связанными до конца брачнаго священнослуженія. Здѣсь собственно два дѣйствія: соединеніе рукъ, какъ выраженіе дружескаго сочетанія, современное явленію на землѣ первыхъ человѣческихъ обществъ, и связыванье рукъ платкомъ, какъ наше уже русское, едва ли впрочемъ на св. Руси повсемѣстное, да, говоря откровенно, и не совсѣмъ благовидное обыкновеніе. Извѣстно, что на оба эти дѣйствія въ нашемъ требникѣ нѣтъ и намёка, почему иногда сами священники говорятъ, что этотъ обычай есть одинъ изъ цвѣтковъ той же невинной брачной поэзіи, въ памятникѣ которой оставили свои черты наши отцы и дѣды. Но мы прежде всего отвергаемъ то мнѣніе, будто вязанье рукъ платкомъ заведено священниками для того только, чтобы получить въ свой доходъ брачный платокъ. Обычай невесты дарить платками гостей при обрученіи, или „заручинахъ“, есть исконный русскій обычай; естественно, что невеста и ея родители сочли бы постыднымъ неприличіемъ не поднести такой же подарокъ въ церкви своему духовному отцу, совершающему самое священнодѣйствіе обрученія и вѣнчанія: поэтому священникамъ не представлялось никакой надобности заводить лишній обрядъ, чтобы какой нибудь малощѣнный платочекъ сдѣлать доходною статью. Нельзя осуждать православно-русскаго священника и за то, что онъ принимая подарокъ невесты по исконному русскому

народному обычаю, сдѣлать изъ этого подарка видимый атрибутъ церковно-брачной символики. У нашихъ отцовъ издавна явился обычай вязать платкомъ руки новобрачныхъ. Этотъ обычай явился на основаніи прямого указа Трєбника Петра Могилы, замѣтовавшаго этотъ обрядъ изъ польскаго ритуала. Тамъ было сказано: „іерей, возьмъ шуйцею свою десницу женихову, десницею же десницу невестину, и обоимъ спрягъ вкупѣ, подьметъ эпитрахиль конецъ, и аки обвязуя крестообразно, обвязываетъ и тѣмъ, и снѣ придержива, повелѣваетъ имъ обѣтъ другъ другу творити“ и проч. „Словеса“ этого обѣта, произнесенныя новобрачными другъ ко другу „безъ преткновеніи, уразумительнѣ“, признавались за существенный моментъ брачнаго тайнодѣйствія, или, какъ говорилось въ Трєбникѣ, „бракъ законный составляющими“, почему священнику по изреченіи такихъ обѣтовъ оставалось только произнести утвердительное слово: е же Богъ сочета чловѣкъ да не разлучаетъ. Эта однако же западно брачная формула не только не благосклонно встрѣчена, но и основательно была осуждена великороссійскими богословами, почему въ Трєбникѣ патріарха Іоакима, которымъ мы теперь пользуемся, не нашла для себя мѣста. Въ нашемъ же юго-западномъ краѣ по историческимъ счетамъ съ Унією вязанье рукъ эпитрахилью долго еще практиковалось—при обхожденіи супруговъ вокругъ аналогія. Узенькая польская эпитрахиль была совершенно пригодна для такого „крестовиднаго обвязанья“ рукъ, да не многимъ шире въ Могиланское время была и наша православная южно-русская эпитрахиль; когда же вошла у насъ въ обычай двойнѣ широкая эпитрахиль великороссійская, тогда обвязывать ею руки стало не возможно, а между тѣмъ священники опасались ослабить въ глазахъ простаго народа значеніе бракосовершеніи—безъ видимой связи. Вотъ тутъ то вмѣсто эпитрахили и употребленъ въ дѣло даримый невестою платокъ, связывающій руки супруговъ въ крѣпкій узелъ, какъ наглядное, говоряще шие священника, выраженіе той духовной связи, о которой говорить Апостолъ:

жена связанная съ мужемъ закономъ, доколѣ живъ мужъ ея (1 Кор. 7, 15, 39). Однако же не всѣмъ супругамъ нравится такой обычай, и въ нашей сельской практикѣ были уже случаи, что женихъ и невѣста предъ бракомъ просили священника не вязать ихъ руки при вѣчаніи, а въ извиненіе своей просьбы ссылались—на что бы вы думали?—на аналогичность церковнаго вязанья съ иными прочими вязаньями рукъ внѣ церкви... Разсудительный священникъ, ни чуть не опасаясь говора народнаго изъ-за отмѣны такого давняго брачнаго обычая, позволить этимъ супругамъ при обхожденіи вокругъ брачнаго аналогія свободно держать другъ друга за правую руку—вообразъ своей внутренней благодатной связи—безъ всякой насильственной вязи извѣѣ. Представляю вамъ, собрать, этотъ, вовсе не единственный, примѣръ на ваше благоусмотрѣніе.

(Продолженіе будетъ).

Священникъ А. Н—скій.

Мысли св. Тихона Задонскаго о пастырствѣ.

Бываетъ, что сторожъ дому воздремавши заснетъ, или отлучится куда отъ своего мѣста, гдѣ поставленъ; а въ тоѣ время найдутъ злые люди на домъ, или пожаръ начнется, и тако некому будетъ возвѣстить домашнимъ о нашедшемъ злѣ: тогда господня дома разгнѣвается на того сторожа, и истязуетъ его и жестокой предастъ казни; понеже нерадѣніемъ его зло на домъ нашло. Тако сдѣлается и съ пастыремъ дремлющимъ и не хранящимъ душъ христіанскихъ, и не возвѣщающимъ имъ наступающаго зла. Церковь Божія есть домъ Божій. Господня дому того есть Христосъ Господь; домашніе Его суть христіане; епископъ и пресвитеръ есть сторожъ дому того. Аще убо дремлетъ или спитъ и не брезжетъ о домѣ томъ, а супостать діаволь.

который никогда не спитъ, но на погибель человѣческую бодрствуетъ, и ищетъ кого поглотить, находить на домъ тотъ, и, видя дремлющаго сторожа, души домашнихъ плѣняетъ: тогда Дому-Владыка Христосъ праведно разгнѣвается на пастыря, сторожа дому Своего, и будетъ судить его, яко нерадиваго и невѣрнаго, и протешетъ его полна, и часть его съ невѣрными положить: ту будетъ плачь и скрежетъ зубомъ. Дремлетъ пастырь, сторожа дому Господня, когда молчитъ и не проповѣдуетъ слово Божіе, не приводитъ людей къ покаянію, не обличаетъ ихъ за грѣхи, не научаетъ святаго христіанскаго житія, не предохраняетъ отъ козней діавольскихъ, не показываетъ пути къ вѣчному животу, не устрашаетъ грядущимъ гнѣвомъ Божиимъ за грѣхи; словомъ, дремлетъ, когда не тѣится порученныхъ себѣ людей спасти въ вѣчную жизнь; сія бо есть сила званія и должности его. Спитъ и глубоко спитъ пастырь, сторожа дому Господня, когда самъ о своемъ спасеніи небрежетъ, но беззаконуетъ. Тогда не только не стережетъ дома Господня, но и разоряетъ, и соблазнами своими души христіанскія за собою влечетъ въ погибель. Таковому пастырю приличествуетъ слово Христово: иже нѣсть со Мною, на Мя есть; и иже не собираетъ со Мною, расточаетъ. Нѣтъ большей радости діаволу, врагу душъ христіанскихъ, какъ когда пастырь, сторожа дому Господня, въ такомъ состояніи находится, тогда онъ, что хочетъ, съ христіанами дѣлаетъ. Горе людямъ, у которыхъ таковъ пастырь! Но большее горе пастырю тому, который себе только пасетъ, а не людей порученныхъ себѣ! Аще свѣтъ тма, то тма колыи паче. Аще свѣтильникъ угаснетъ: чимъ домашніи просвѣтятся? Аще пастырь похитится отъ волка: отъ кого сохранятся овцы? Аще пастырь, соль земли, обуюетъ: какое уже буйство въ людяхъ будетъ! Аще вождь съ пути совертится и заблудитъ: въ какомъ заблужденіи уже будутъ путники! О возлюбленный пастырь! поставленъ ты сторожемъ стережи домъ не вещественный, но не-вещественный, не стѣны каменные и деревянные и прочее веще-

ство, но души христіавскія. Стереги убо ихъ, и самъ стерегись. Они любимое-стяжаніе Христа Сына Божія, Душелюбца. Стяжалъ ихъ Себѣ Онъ не серебромъ и златомъ, но честною Своею кровію. И тебѣ ихъ поручилъ стерещи и пасты: паси овцы Мои. И ты, вступая въ должность и званіе сіе, возьми ихъ въ храненіе себѣ. Храни же ихъ, береги и паси. Взыщеть Онъ стяжанія Своего отъ рукъ твоихъ. Страшно едину душу христіанскую погубить; далеко страшнѣе многія погубить души. Разсуждай сіе, возлюбленне, и спасай, и спасайся самъ. Пастырь и Начальникъ, Іисусъ Христосъ Господь да пожегъ тебѣ, да умудритъ тебя съ людьми твоими. Слыши апостольское слово, сказанное тебѣ и прочимъ пастырямъ: внимайте себѣ и всему стаду, въ немже васъ Духъ Святый постави епископы, пастыи церквей Господа и Бога, юже стяжа кровію Своею.

Можно ли діаконамъ проповѣдывать въ церкви? ¹⁾

Кромѣ епископовъ и пресвитеровъ, въ III—V вѣкахъ Христовой церкви, другіе члены церкви не включались въ число лицъ учащихъ, и учительская кафедра въ церкви не была имъ предоставляема. Низшую іерархическую степень составляли діаконы, и званіе діакона не давало права возведенному на эту степень восходить на кафедру учителя. Апостольскія Постановленія даже прямо запрещаютъ это. При перечисленіи обязанностей и правъ пресвитеровъ и діаконовъ въ нихъ говорится: „Повелѣваемъ пресвитѣру и діакону..., чтобы пресвитеръ только училъ, возносилъ, крестилъ, благословлялъ народъ, а діаконъ чтобы прислуживалъ епископу и пресвитерамъ, т. е., исправлялъ должность діаконскую, но

¹⁾ Изъ статьи В. О. Пѣвничаго въ Труд. Киев. Дух. Акад. »Порядка и обычая при сказываніи проповѣдей въ древней церкви«.

отнюдь чтобы не совершалъ прочаго" ¹⁾. И мы не видимъ въ исторіи, чтобы діаконъ бралъ на себя отпращиваніе учительской обязанности, или получали полномочіе на это. Св. Іоаннь Златоустъ болѣе пяти лѣтъ былъ діакономъ антиохійской церкви, и извѣстно было всѣмъ въ Антиохіи его высокое образованіе и его ораторскій талантъ; такъ какъ онъ съ блестящими успѣхами кончилъ курсъ въ школѣ Ливанія, и по окончаніи курса съ большимъ одобреніемъ выступалъ на ораторское поприще, до поступленія въ клиръ епископа. Но на церковную кафедру онъ ни разу не былъ допущенъ, пока не получилъ пресвитерскаго рукоположенія. Діаконамъ дозволялось только читать бесѣды епископовъ или прежнихъ отцовъ, когда епископы и пресвитеры по какой либо причинѣ не могли сами проповѣдывать. На это есть особое распоряженіе одного мѣстнаго собора (Вазенскаго), хотя послѣдовавшее въ позднѣйшемъ вѣкѣ (529), но дающее основаніе заключать и о практикѣ прежнихъ вѣковъ. „Если пресвитеръ по какой либо болѣзни (постановили отцы этого собора) не можетъ самъ проповѣдывать, пусть діаконами читаются бесѣды святыхъ отцовъ. Ибо если діаконъ достоинъ читать то, что Христосъ говорилъ въ Евангеліи: то почему считать ихъ недостойными публично произносить или читать вслухъ изложенія святыхъ отцовъ? Мы видимъ въ VI вѣкѣ, что Григорій Великій, епископъ римскій, обладавшій слабымъ голосомъ и подверженный частымъ болѣзненнымъ припадкамъ, когда не могъ самъ проповѣдывать, поручалъ діаконамъ произносить напередъ продиктованныя свои поученія, и это случалось довольно часто: изъ 40 поученій на Евангелія, оставленныхъ имъ, цѣлыхъ 20 поученій произнесено было не самимъ епископомъ. Это, полагаемъ, не нововведеніе святаго отца. Очень можетъ быть, что такъ было и раньше его, и во многихъ мѣстахъ, хотя объ этомъ нѣтъ особенныхъ указаній въ историческихъ документахъ.

¹⁾ Апост. Постан. Кн. III, 20.

Бывали впрочемъ и исключенія, когда діаконъ выступалъ самостоятельными учителями съ своими собственными проповѣдями. Такое исключеніе представляетъ изъ себя св. Ефремъ Сиринъ. Онъ не хотѣлъ принимать никакого высшаго церковнаго достоинства, ни пресвитерскаго, ни епископскаго, но всю жизнь оставался діаконъ. Между тѣмъ онъ былъ проповѣдникомъ, и очень часто говорилъ проповѣди въ эдесской церкви. Но св. Ефремъ Сиринъ былъ человекъ особенный: онъ пользовался высокимъ авторитетомъ не только въ своей эдесской церкви, но и на всемъ Востокѣ: его чтли всѣ современные епископы восточные, и многіе изъ нихъ, въ особенности св. Василій Великій, желали возвести его на высшую степень церковнаго предстоятельства. Рѣшившись не принимать на себя епископскаго служенія, св. Ефремъ не отказывался выступать въ церкви предъ собраніемъ съ словомъ назиданія, и епископъ церкви, къ которой принадлежалъ св. Ефремъ, возбуждалъ его къ этому слову, зная и видя то благотворное вліяніе, какое производили на всѣхъ мудрыя наставленія отца, бывшаго у всѣхъ въ особомъ почетѣ, не смотря на то, что по сану онъ былъ только простымъ діаконъ. Кромѣ примѣра св. Ефрема Сирина, и въ другихъ мѣстахъ могла быть такіе діаконъ, которымъ давалось порученіе въяснять народу въ церкви слово Божіе. Но это во всякомъ случаѣ составляло весьма рѣдкія исключенія изъ обыкновеннаго порядка вещей.

Редакторъ Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архимандритъ *Ириней*.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 2 іюля 1835 г. Цензоръ прот. М. Богдановъ.

Тип. Г. Т. Кочкарь-Новицкаго, Михайлов. ул., собств. домъ.

Годъ

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

XXVI.

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
пять руб., съ пересылкою шесть
рублей серебромъ.

№ 31.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Кіевской
духовной семинаріи.

1885 года, Іюля 28-го.

Содержаніе: Одно изъ притязательныхъ современныхъ требованій отъ нашихъ проповѣдниковъ. — Частныя занятія священника. — Братскій совѣтъ новорукоположенному въ сельскій приходъ священнику относительно совершенія бракосочетаній. — Изъясненіе посланія ап. Павла къ Евреямъ.

Одно изъ притязательныхъ современныхъ требованій отъ нашихъ проповѣдниковъ.

Среди разнообразныхъ требованій, нападокъ и порицаній, какимъ подвергается наше духовенство со стороны свѣтскаго общества и печати, едва ли не первое мѣсто нужно отвести упреку — въ излишнемъ консерватизмѣ нашего духовенства. Оно стоитъ, говорятъ, за отжившія или отживающія формы жизни, мало интересуется текущими вопросами и вообще, вмѣсто того, чтобы идти по пути прогресса во главѣ всѣхъ другихъ сословій общества, на самомъ дѣлѣ отстаётъ отъ нихъ. Духовенство, по своему назначенію, должно быть руководителемъ общества во всѣхъ областяхъ его жизни; оно обязано со всею возможною для него чуткостью слѣдить за нарождающимися вопросами и потребно-

стями времени, удовлетворять новымъ запросамъ жизни и давать надлежащее направленіе общественному развитію. И такъ какъ проповѣдничество или церковное учительство составляетъ главную обязанность пастырей, и только усердное исполненіе этой именно обязанности можетъ сдѣлать священника духовнымъ пастыремъ своихъ прихожанъ, то и руководительная роль духовенства должна прежде всего обнаруживаться въ его проповѣднической дѣятельности¹⁾. Тѣмъ съ большимъ правомъ, говорятъ, общество можетъ предъявлять такое требованіе къ духовенству, что наше время особенно нуждается въ такомъ руководствѣ, благодаря тому сумбуру идей, произведенному быстрыми успѣхами знанія во всѣхъ его отрасляхъ, который, по общему признанію, господствуетъ въ умахъ современнаго общества. Между тѣмъ наше православное русское духовенство далеко, говорятъ, не можетъ похвалиться исполненіемъ этой—важнѣйшей его обязанности. Дѣятельность свою оно направляетъ совсѣмъ въ другую сторону и оставляетъ безъ вниманія ту именно область, въ которой могло бы быть особенно полезнымъ для образованнаго общества, примиряя существующую между сословіями рознь и освѣщая противорѣчивыя человѣческія знанія тою единою свѣтою вѣрою, которая просвѣщаетъ умы и сердца божественнымъ свѣтомъ и носителемъ которой оно должно быть, по крайней мѣрѣ, по идеѣ. По своему направленію и дѣятельности духовенство стоитъ слишкомъ далеко отъ того круга идей, въ которомъ преимущественно сосредоточены интересы образованнаго общества, чтобы служить для него руководителемъ и указывать въ его умственной жизни надлежащій путь вѣрою просвѣщеннаго прогресса. Его образованіе слиш-

¹⁾ Есть, впрочемъ, и такое мнѣніе, что церковная проповѣдь должна не руководить людей извѣстнаго времени, а идти за временемъ, и не только пріиспосабливаться къ нему во внѣшнихъ приемахъ, но и соглашаться съ нимъ въ самомъ рѣшеніи современныхъ вопросовъ. См. »Нѣсколько проповѣдей прот. А. К. « Москв. 1883.

комъ ограничено и спеціально, кругозоръ узокъ и одностороненъ. Чуждаясь свѣтскихъ знаній, оно поставило себя, говорятъ, въ такое отношеніе къ просвѣщенію другихъ сословій, что, по своему умственному развитію, стоитъ едва ли не ниже даже средняго уровня современнаго общества. Понятно, что отъ такого духовенства образованному человѣку ожидать нечего; оно не можетъ удовлетворять его потребностей, и наше духовенство, говорятъ, дѣйствительно не удовлетворяетъ требованіямъ современнаго общества. Образованные люди относятся къ нему съ презрѣніемъ, чуждаются его и Церкви, въ которой они не могутъ отыскать для себя духовной пищи, соотвѣтствующей ихъ умственному развитію. Вотъ гдѣ, говорятъ, скрывается причина и объясненіе холодности и равнодушія образованныхъ людей къ религіи и отчужденія ихъ отъ Церкви: виною тутъ—наше необразованное духовенство и его отношеніе къ просвѣщенію. „Иначе, говорятъ, и не можетъ быть. Образованный человѣкъ удаляется отъ Церкви, потому что слышитъ въ ней слишкомъ рѣзкіе и презрительные отзывы о просвѣщеніи времени. Духовный пастырь, разсуждаютъ эти люди, долженъ быть руководителемъ своей паствы въ области религіозной жизни. Но это возможно только въ томъ случаѣ, если онъ будетъ пользоваться довѣріемъ среди пасомыхъ въ томъ, что онъ и дѣйствительно способенъ крѣпкою и надежною рукою вести ихъ къ внутренней чистотѣ чрезъ запутанный лабиринтъ господствующихъ въ обществѣ различныхъ противорѣчивыхъ идей. Какъ же пасомые могутъ питать къ нему такое довѣріе, если они чувствуютъ, что онъ самъ не можетъ найти для себя почвы среди измѣнчивыхъ воззрѣній времени, недоувѣрявъ или враждебенъ къ нему? Развѣ они не теряютъ отъ того, что въ его проповѣдяхъ не находятъ для себя уясненія тѣхъ сильныхъ умственныхъ движеній, которыя, подобно могучему потоку волнъ, проникаютъ въ современное общество и въ мутномъ хаосѣ увлекаютъ съ собою все хорошее и дурное?—ни уясненія той важной, горячей, потрясающей борьбы, направленной къ прихиренію

Научнаго знанія съ религіозной вѣрой, сторожиться которой въ наши дни не можетъ и не смѣетъ ни одинъ серьезный человѣкъ?— и не только не находятъ для себя утѣшенія, но не видятъ въ его проповѣдяхъ даже простой готовности принять живое участіе въ этой борьбѣ? Между тѣмъ нынѣшняя паства совсѣмъ не похожа на древнюю; прежнее спокойствіе, единодушіе и тихая жизнь въ ней больше не существуютъ. Колоссальныя измѣненія, произведенныя послѣдними десятилѣтіями, постоянное духовное общеніе, столкновеніе народонаселенія всѣхъ націй и знаній, широкое развитіе литературы и вызванный этимъ обмѣнъ много-различныхъ убѣжденій и знаній, — все это не оставило паству въ покоѣ, но частями разрушило ея прежнее внутреннее единство и пересоздало ея внутренній міръ. Она не живетъ болѣе въ наивной простотѣ и вѣрѣ, не удовлетворяется духовной пищей, предлагаемой ея пастыремъ, подобно стаду, обреченному слѣпо довѣряться своему пастуху. Священникъ имѣетъ дѣло теперь съ людьми мыслящими, между которыми хотя и могутъ быть и серьезные и поверхностные, но все-таки критически настроенные; всѣ они подвергаются безчисленнымъ вліяніямъ, а между тѣмъ самъ священникъ не имѣетъ никакой силы надъ этими вліяніями. Предположимъ, напр., что господствующія воззрѣнія на происхожденіе вселенной, управленіе міромъ, древнѣйшую исторію человечества и т. п. имъ сдѣлались извѣстны; они приняли ихъ, увлекаемая ихъ основательностью, но вмѣстѣ съ тѣмъ эти воззрѣнія стали въ противорѣчіе съ ихъ библейскими вѣрованіями. Отъ новыхъ знаній эти люди не отказываются, не оставляютъ и ихъ вѣры, и въ то же время сами не въ состояніи примирить ихъ. Въ обществѣ являются такимъ образомъ новыя потребности. Если священникъ откажется признать право и необходимость за этими потребностями, если онъ не обратитъ вниманія на сомнѣнія ученыхъ, направленные противъ буквы Писанія, или вздумаетъ бичевать ихъ просто какъ результатъ надменности и невѣрія, вмѣсто того, чтобы признать за ними нормальную потребность

врожденного человѣку стремленія въ истинѣ и помочь ищущимъ свѣта выйти въ ихъ борьбѣ на правый путь, паства отворотится отъ него; его перестанутъ слушать и считать своимъ руководителемъ, хотя бы, по привычкѣ, толпа слушателей продолжала являться къ нему по-прежнему каждый воскресный день. На его мѣсто для мыслящей и дѣйствительно жаждущей части общества выступить кружокъ духовно живыхъ мірянъ, захвативши въ свои руки гуманныя и научныя стремленія страны,—выступить журналъ, ежедневная пресса, романъ, научно-популярный трактатъ и, оставляя религіозную потребность безъ удовлетворенія, только ослабить ее. Мірянинъ, привыкая обходиться безъ религіознаго руководства, котораго онъ напрасно ищетъ у своего пастыря, начнетъ чуждаться Церкви по мѣрѣ того, какъ будетъ находить своихъ призванныхъ руководителей чуждыми къ потребностямъ общества“¹⁾).

Итакъ, пастыръ, по этому взгляду, облекшись во всеоружіе современнаго знанія, обязанъ стать во всѣхъ отношеніяхъ впереди своей паствы. Онъ долженъ руководить всѣми движеніями умственной жизни современнаго ему общества, усвоить господствующія въ немъ идеи, слѣдить за ихъ борьбою и предостерегать пасомыхъ отъ увлеченія тѣми изъ нихъ, которыя онъ признаетъ вредными, отъ которыхъ, по его мнѣнію, могли бы пострадать ихъ библейскія вѣрованія и которыя пагубно могли бы отозваться на религіозно-нравственной жизни его пасомыхъ. Задача сколько высока, столько же и трудная, а въ нѣкоторыхъ частяхъ и совсѣмъ невозможная для выполнения!

Долгъ проповѣдничества составляетъ прямую и непромѣнную обязанность всѣхъ духовныхъ пастырей, вмѣняемую имъ и словомъ Божиимъ и каноническими постановленіями Церкви. И мы должны сознаться, что наше православное русское духовенство никогда не забывало этой—важнѣйшей своей обязанности и всегда

¹⁾ Zeitschrift für praktische Theologie 1885 г., стр. 179.

по силѣ возможности старалось учить народъ своимъ пастырскимъ словомъ. Постоянныя и неуспынные заботы нашего высшаго духовнаго начальства, выразившіяся въ принимаемыхъ имъ мѣрахъ для усиленія проповѣдничества на Руси, и широкое сравнительно развитіе проповѣднической литературы, особенно за послѣднее время, служатъ лучшимъ тому доказательствомъ. Впрочемъ, и въ приведенномъ нами взглядѣ не утверждается того, чтобы наше русское духовенство считало себя свободнымъ отъ обязанности проповѣдывать именно слово Божіе. Взглядъ этотъ направленъ, очевидно, не столько противъ недостатка у нашихъ пастырей духа учительности¹⁾, сколько противъ направленія и характера ихъ проповѣдей. Защитникамъ его не нравятся тѣ пастыри съ живымъ простымъ словомъ, проповѣдующіе благовременнѣе и безвременнѣе, проповѣди которыхъ отличаются, будто бы, излишнею церковностью, и потому не могутъ удовлетворять требованіямъ современнаго общества.

Намъ остается такимъ образомъ рѣшить вопросъ: разумно ли въ самомъ дѣлѣ однимъ характеромъ проповѣдничества объяснять столь крупное и повсюдное явленіе въ нашемъ обществѣ, каково отчужденіе отъ Церкви? И не скрываются ли здѣсь болѣе глубокія причины и, можетъ быть, такія, въ которыхъ наши пастыри не повинны или, по крайней мѣрѣ, при взглядѣ на которыя, съ нихъ можно бы было снять хоть часть вины въ столь важномъ преступленіи? Начнемъ съ того, что укажемъ односторонность и несправедливость самаго требованія, предъявляемаго нашимъ пастырямъ въ изложенномъ взглядѣ, и прежде всего замѣтимъ, что такое требованіе, отличаясь крайнею односторонностью, показываетъ, что защитники его забываютъ о дѣйствительномъ положеніи русскаго проповѣдника и прямыхъ задачахъ церковной проповѣди.

¹⁾ Упрекъ собственно въ недостатокъ русскаго проповѣдничества подробно разсмотрѣнъ въ ст. Кизарисова > Приб. къ Тв. св. ст. < 1884 г. 6 ч. в. д.

Русь представляет слишком широкое поле для дѣятельности нашихъ пастырей, чтобы къ нимъ можно было предъявлять такія одностороннія требованія, какія мы находимъ въ изложенномъ взглядѣ. Наше отечество велико и населеніе его слишкомъ разнообразно и по своему составу, и по образу жизни, и по знанію, и духовенство, по крайней мѣрѣ, по идеѣ, должно соприкасаться въ одинаковой степени со всѣми этими группами и на всѣ имѣть вліяніе. И если оно дѣйствительно должно быть руководителемъ общества, то кто же, какъ не простой народъ, нуждается больше всего въ его руководствѣ? И на кого, какъ не на тотъ же народъ, должно быть обращено прежде всего вниманіе нашихъ проповѣдниковъ? Среди простаго народа, какъ и среди образованнаго общества, всегда были и будутъ движенія въ релігіозно-умственной жизни. Онъ также подвергается всевозможнымъ вліяніямъ, пагубнымъ для чистоты его жизни и вѣрованій, и что всего важнѣе, такъ это то, что, оставаясь въ подобныхъ случаяхъ безъ руководителя, онъ дѣйствительно удобляется стаду, которое слѣпо довѣряется всякому приходящему къ нему и выдающему себя за пастыря¹⁾. Сюда то, по нашему мнѣнію, прежде всего и должно быть обращено вниманіе нашихъ пастырей, такъ какъ простой народъ, при той же опасности заблудиться, меньше, чѣмъ кто другой, имѣетъ возможности самостоятельно выйти на правый путь. Говоря такъ, мы не отрицаемъ, конечно, и того, что и другіе классы общества должны привлекать къ себѣ вниманіе пастырей. Мы хотимъ только сказать, что, требуя „современныхъ ученыхъ“ проповѣдей, не нужно забывать, что наши пастыри не могутъ отдать всѣ свои силы на служеніе только образованному классу. И ап. Павелъ повелѣваетъ Титу набирать въ пресвитеры мужей „учительныхъ, сильныхъ и утѣшати въ здоровомъ ученіи, и противящіяся обличати“ (1, 9);

¹⁾ Подтвержденіемъ этого могутъ служить наши русскіе сектанты, начиная съ первыхъ вѣковъ у насъ христіанства и кончая вѣдомой.

и учительство среди образованнаго класса такъ же обязательно для пастырей, какъ и въ простомъ народѣ. Образованный чело-вѣкъ, при всей своей просвѣщенности, можетъ встрѣтиться въ жизни съ такими затрудненіями, которыя могутъ поставить въ недоумѣніе его христіанскую мысль или возмутить и соблазнить его набожно просвѣщенное чувство; и ему естественно желать и надѣяться, что церковная проповѣдь разрѣшитъ его недоумѣніе и успокоитъ сердце. И наши духовныя школы, подготавливая буду-щихъ пастырей, никогда не забывали того, что имъ, при про-хожденіи своего служенія, придется имѣть дѣло и съ образован-ными людьми. Пастыря также всегда прилагали усилія быть полезными и этому классу общества, и если своею дѣятельностью, все-таки, не удовлетворяли его, то причина этому не ихъ не-образованность, какъ обыкновенно думаютъ, а, какъ увидимъ, нѣчто совершенно иное.

Наше духовенство, по своему образованію, нисколько не ниже другихъ сословій, а относительно говоря, оно выше ихъ, въ чемъ легко убѣдиться всякому: стоитъ только хотъ бѣгло про-смотрѣть и сравнить количественное отношеніе образованныхъ людей по сословіямъ въ любой губерніи. Нельзя сказать, чтобы оно было и бездѣлительнымъ. Значительная богословская литера-тура и немалое количество духовныхъ журналовъ служатъ луч-шимъ тому доказательствомъ. Но въ чемъ же причина неудоволь-ствія? А въ томъ, очевидно, что проповѣди нашихъ православ-ныхъ пастырей, даже назначенныя для образованныхъ людей, отлѣчаются все тѣмъ же духомъ — „излишнею церковностью“ — какъ называютъ теперь у насъ православный характеръ пропо-вѣдей. Послѣднія не блистаютъ тою свѣтскостью и лоскомъ, какіе привыкли многіе слышать изъ устъ свѣтскихъ ораторовъ; а совре-менная проповѣдь должна бы была, по ихъ мнѣнію, сообразо-ваться со вкусами общества. Выступая въ общество въ качествѣ руководителя и примирителя, проповѣдникъ долженъ, говорятъ, пользоваться тѣмъ же оружіемъ, которымъ ведется борьба господ-

ствующихъ идей и направленій въ самомъ обществѣ. Онъ долженъ вращаться въ области тѣхъ же идей, построить и свои проповѣди на тѣхъ же данныхъ современной науки, иначе она не будетъ имѣть въ его устахъ никакой убѣдительности и силы для его слушателей. При этомъ, очевидно, забывается, что исполнить такое требованіе для пастыря и не возможно и даже не желательно. Не возможно прежде всего какъ по шаткости того, что обыкновенно называется у насъ данными современной науки (ибо то, что признается такимъ въ настоящее время, чрезъ какой нибудь десятокъ лѣтъ, можетъ перейти въ область отсталыхъ и непризнанныхъ мнѣній), такъ и потому, что нѣтъ возможности разобраться въ хаосѣ существующихъ въ обществѣ разнообразныхъ теченій. Для этого понадобилась бы такая масса свѣдѣній по всемъ отраслямъ знанія, которая едва ли можетъ быть приобрѣтена силами одного человѣка. Истинны вѣры сами по себѣ на столько велики и важны, что составляютъ цѣлую науку и требуютъ глубокаго, всесторонняго и многолѣтняго изученія, чтобы понимать ихъ согласно ученію православной Церкви. Требовать при этомъ, чтобы пастыри, кромѣ основательнаго, научнаго изученія истинъ вѣры, столь же основательно знакомились со всеми спеціальными знаніями, на которыхъ обыкновенно основываются современные теченія въ обществѣ, — значитъ требовать положительно невозможнаго не только для нашихъ православныхъ русскихъ пастырей, но и для хваленныхъ протестантскихъ проповѣдниковъ, которыхъ обыкновенно поставляютъ на видъ нашему духовенству, если хотятъ укорить его въ отсталости и бездѣятельности¹⁾. Спорить съ учеными специалистами, изъ которыхъ

¹⁾ Вообще указаніе нашихъ пастырей на протестантскихъ проповѣдниковъ должно быть признано несправедливымъ и неумѣстнымъ, такъ какъ направленіе, характеръ и даже степенъ развитія протестантской проповѣди объясняются догматическими особенностями протестантства сравнительно съ православіемъ и католичествомъ. Въ последнемъ проповѣдь, хотя имѣетъ еще менѣе мѣста, чѣмъ въ православіи, гдѣ она свободна отъ обѣзъ край-

почти каждый имѣть свою особую, имъ же самимъ созданную религію¹⁾),—значить по-напрасну тратить силы и время, не говоря уже о той опасности, какая можетъ грозить самому пастырю, если онъ отважится вступить въ малознакомую ему область ученыхъ изслѣдованій, разобраться въ которой подѣ-часъ не въ состояніи и сами специалисты. Достаточно примѣра протестантскихъ проповѣдниковъ, въ увлеченіи господствующими теоріями, проводившихъ даже съ церковной каюдры атеистическія воззрѣнія времени и достигшихъ того, что рационализмъ сталъ общео вѣрою всей протестантской церкви, чтобы видѣть всю опасность и вредъ подобной постановки дѣла проповѣданія слова Божія²⁾. Тѣмъ труднѣе и неудобнѣе вступать въ борьбу господствующихъ воззрѣній и теченій времени съ цѣлью руководить ими православному русскому пастырю, и безъ того обремененному заботами и обязанностями, нерѣдко не имѣющими никакого отношенія къ его пастырскому служенію: въ собственномъ смыслѣ, отказаться отъ которыхъ, между тѣмъ, онъ не въ силахъ, ибо отъ нихъ зависятъ всѣ средства къ его существованію. Понятно, что, при такомъ обремененіи нашихъ пастырей посторонними занятіями, у

постей, но не нужно забывать того, что у католиковъ проповѣдь—единственная часть богослуженія, повяывая для присутствующихъ, и стало быть единственное средство назиданія,—чего нельзя сказать въ отношеніи къ православію.

¹⁾ Примѣръ такого религіознаго міровоззрѣнія—результата трудовъ цѣлой жизни ученаго—можно видѣть въ печатающейся автобіографіи Пирогова. Р. Ст. 84 г. и д. Странно особенно то, что эти ученые, при всѣхъ искаженіи или христіанской религіи, считают возможнымъ причислять себя къ числу христіанъ и при томъ—православныхъ. Какъ мало, стало быть, они успѣваютъ, при своихъ ученыхъ занятіяхъ, ознакомиться съ истиннымъ христіанствомъ.

²⁾ Извѣстно, что и въ протестантиствѣ, гдѣ почти все богослуженіе обращено въ проповѣдь и послѣдняя получала чрезъ это широкое развитіе, бѣглецы изъ церкви есть; должно полагать, что они и будутъ во все время, пока существуетъ Церковь Христова.

нихъ совершенно не достанетъ времени на столько заниматься наукою и участвовать въ современныхъ движеніяхъ мысли, чтобы удержатъ за собою роль руководителей¹⁾. Не можеть замѣнить этихъ неблагопріятныхъ условій для пастыря и апологетическая литература, на которую иногда указываютъ, какъ на важное пособіе пастыря въ дѣлѣ борьбы ихъ съ современными теченіями. Если она признается достаточною для самихъ пастырей, то почему же не обращаются къ ней сами желатели ученыхъ проповѣдей? Къ чему предъявлять непосильныя требованія къ другимъ, когда образованные люди владѣютъ всеми средствами удовлетворить ихъ самостоятельно, лично? Не значить ли это—„чужими руками жаръ загребать“? Правда, пастыри для того и поставлены, чтобы заботиться о чистотѣ и цѣлости нашей вѣры и о нашемъ спасеніи, но, вѣдь, не нужно забывать и того, что и здѣсь все дѣло зависить скорѣе отъ сознательнаго и свободного усвоенія истинъ Христовой вѣры, а не отъ чужаго вліянія и чужой помощи, хотя нельзя сказать, чтобы и послѣдняя не имѣла значенія...

Задача церковной проповѣди есть прежде всего насажденіе въ умахъ и сердцахъ слушателей слова Божія, и если простое, живое и въ духѣ православной Церкви представленіе истинъ Христовыхъ оказывается недостаточнымъ для того, чтобы побудить образованныхъ людей къ болѣе глубокому самостоятельному ихъ изученію, то вина въ этомъ не проповѣдника, а скорѣе—той духовной нивы „мыслищихъ людей“, на которой проповѣднику приходится сѣять сѣмя Христова ученія. Нельзя же винять невинныхъ въ томъ, если мы собственнымъ нерадіемъ усиливаемъ и заглушаемъ въ себѣ данную намъ отъ Бога религіозную потреб-

¹⁾ Вѣдь не отказываютъ же людямъ другихъ профессій въ признанія необходимости извѣстныхъ удобствъ для успѣшнаго отправленія ими своихъ обязанностей. Почему же ученый съ своими научными изысканіями, учитель и чиновникъ съ своими службами заслуживаютъ большаго вниманія, чѣмъ церковный учитель?

ность! Съ другой стороны и проповѣдники не могутъ находить въ этомъ оправданіе своего нерадѣнія. Христосъ, по величайшей Своей благодати и правдѣ, „безъ различія сѣялъ и на пути, и на каменистой почвѣ, и среди терній“ и свою извѣстную притчу сказалъ, „увѣщевая учениковъ не отчаяваться, если они найдутъ больше погибающихъ, нежели спасающихся“... Пастырь обязанъ неунынно проповѣдывать слово Божіе, не смущаясь тѣмъ, что у нѣкоторыхъ слушателей сѣмена погибаютъ и только у немногихъ приносятъ свой плодъ; пусть будетъ такъ, но „ты, говоритъ устами пророка Господь, (черезъ это), душу свою избавилъ еси“ (Іез. 33, 8—9).

Но допустимъ, что, при усердіи нашихъ пастырей къ дѣлу своего служенія, у нихъ оказались и средства и время для того¹⁾, чтобы они могли съ достаточною подготовкою и увѣренностью выступить въ своихъ проповѣдяхъ на борьбу съ господствующими воззрѣніями времени и удержать за собою руководительную роль, которая теперь принадлежитъ наиболѣе энергичнымъ мірянамъ и свѣтской литературѣ; допустимъ все это, но гдѣ же мѣсто и время для такого проповѣданія слова Божія? Очевидно, что какъ мѣстомъ для такого учительства не можетъ быть храмъ Божій, такъ и временемъ—время храмоваго богослуженія. Такіе проповѣди не могутъ быть произносимы съ церковной кафедры уже по одному тому, что этого не дозволитъ самый составъ слушателей, для большинства которыхъ онѣ будутъ совершенно недоступны и, стало быть, бесполезны. Не удобно для нихъ и время храмоваго богослуженія, такъ какъ продолжительное напряженіе вниманія можетъ быть слишкомъ утомительнымъ какъ для учащихъ, такъ и для слушающихъ. Кромѣ того, совершеніе церковныхъ

¹⁾ Въ дѣйствительности та всесторонность въ познаніяхъ и занятіяхъ, которой требуютъ отъ русскаго пастыря, ни при какихъ съ его стороны усиліяхъ, не можетъ быть достигнута безъ ущерба тѣмъ обязанностямъ, за неисполненіе которыхъ такъ часто упрекаютъ наше духовенство.

службѣ для священника есть трудъ, требующій особеннаго напряженія не только духовныхъ силъ, но и физическихъ и въ послѣднемъ отношеніи особенно для слабаго грудью можетъ быть на столько утомительнымъ, что требуетъ послѣ себя довольно продолжительнаго отдыха. Указанія проповѣди, если отъ нихъ дѣйствительно желаютъ пользы, могутъ быть только внѣ-церковными бесѣдами, привильно организованными, постоянными и непрерывными, или лучше сказать, богословскими лекціями, примѣры которыхъ, какъ извѣстно, предпринимались и у насъ. Но тутъ мы встрѣчаемся опять съ тѣми же затрудненіями нашихъ священниковъ въ дѣлѣ пастырскаго учительства, о которыхъ мы упоминали раньше¹⁾. Должны же, наконецъ, требующіе учевыхъ, современныхъ проповѣдей принять въ соображеніе всѣ обстоятельства, имѣющія отношеніе къ проповѣдническому служенію нашихъ пастырей, и главнымъ образомъ не мѣшало бы имъ принять во вниманіе то обстоятельство, что, при всѣхъ лежащихъ въ настоящее время на пастыряхъ обязанностяхъ, не можетъ быть физической возможности для непрерывной проповѣди; а отъ такой только проповѣди и можно ожидать какихъ нибудь плодовъ.

Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, серьезно рассчитывать на то, чтобы урывками, случайно произносимая проповѣдь, хотя бы то и принаровленная ко вкусу современнаго общества, могла принести существенную пользу образованнымъ людямъ. Собирая слушателей изъ ихъ среды она, пожалуй, на первыхъ порахъ и будетъ: для праздноя особенно толпы, — почему же и не послушать оратора; но справедливо ли будетъ — ради сомнительныхъ слушателей и такой же пользы оставлять безъ наученія дѣйствительно жаждущихъ и ищущихъ утѣшенія въ словѣ Божіемъ: разумѣемъ

¹⁾ Въ настоящее время особенно много говорятъ и пишутъ о затруднительныхъ и неблагопріятныхъ условіяхъ пастырскаго служенія на Руси, хотя отъ этого и не видно измѣненія существующаго положенія къ лучшему. См. напр. ст. Кипарисова »Объ условіяхъ существованія современнаго русскаго проповѣдничества« прил. къ Тв. св. От. 84 г.

простой народъ? Не грозитъ ли для пастыря опасность: гоняясь за мнимо-образованными слушателями, въ надеждѣ привлечь ихъ въ церковь, оттолкнуть отъ себя тѣхъ, которые въ вѣрѣ находятъ единственное утѣшеніе, и заставить ихъ искать религіознаго удовлетворенія гдѣ нибудь внѣ православнаго храма и помимо законно-поставленнаго для нихъ пастыря? Вѣдь, простой человѣкъ пменно по причинѣ своей непроевѣщенности жаждетъ отъ церковной проповѣди религіознаго просвѣщенія и нуждается въ томъ, чтобы проповѣдь освѣтила для него явленія окружающей жизни и научила его понимать эти явленія такъ, какъ надлежитъ христіанину.

Да и кто у насъ не посѣщаетъ церкви и особенно вооружается противъ современныхъ проповѣдей? Помимо небольшого кружка ученыхъ, это въ большинствѣ случаевъ та полуобразованная интеллигенція, которая только прикрывается знаменемъ науки, на самомъ же дѣлѣ совершенно чуждая ей. Но этотъ сортъ людей, составляющихъ главный контингентъ усердныхъ ругателей всего относящагося къ церкви, не посѣщаетъ св. храмовъ, не слушаетъ проповѣдей и не удовлетворяется ими совсѣмъ не по недостатку для нихъ духовной нищи въ проповѣдяхъ и не потому, чтобы эти люди имѣли свое собственное цѣльное міровоззрѣніе, могущее до нѣкоторой степени замѣнять имъ религію, подобно нѣкоторымъ ученымъ, а скорѣе потому, что они не ощущаютъ даже надобности въ чемъ нибудь подобномъ. Равнодушіе, холодность къ религіи, воспитываемая постепенно, въ продолженіи многихъ лѣтъ, до такой степени вкореняются въ умахъ и сердцахъ этихъ людей, что они теряютъ всякій интересъ къ истинамъ религіи. Последняя дѣлается для нихъ чрезъ это столько же чуждою и малозанимательною, сколько и вообще мало интересуютъ человека вещи, ему вовсе неизвѣстныя и непонятныя. Въ сердцѣ такихъ людей совсѣмъ изсякаетъ теплое чувство набожности, а вмѣстѣ съ тѣмъ улутучивается и чувство привязанности къ отеческой вѣрѣ и церкви.

Зародышъ апатіи и равнодушія къ вѣрѣ полагается, если не въ семьѣ еще, то въ заведеніяхъ, гдѣ воспитывается наше юношество, и особенно высшихъ. Ученіе вѣры въ нихъ такъ поставлено въ ряду другихъ образовательныхъ предметовъ, что вліяніе церковнаго ученія на молодое поколѣніе оказывается крайне слабымъ и не можетъ противодѣйствовать разрушительному вліянію учений противу-христіанскихъ и противу-государственныхъ, которыя заражаютъ молодое поколѣніе иногда помимо намѣреній и плановъ самой школы. Нерѣдко и сами наставники, слѣдуя въ преподаваніи разнымъ направленіямъ, дѣютъ въ своихъ лекціяхъ самыя противорѣчивыя выводы, оставляя примѣреніе ихъ собственнымъ молодымъ и неокрѣпшимъ еще силамъ своихъ слушателей, и чрезъ это производятъ страшный суббуръ понятій въ ихъ умахъ. Служитель церкви одинъ не въ силахъ, конечно, противодѣйствовать сильному и разрушительному потоку, тѣмъ болѣе, что и семья часто безсильна бываетъ бороться съ нимъ. Молодое поколѣніе еще въ школѣ привыкаетъ смотрѣть на ученіе о Богѣ, какъ на предметъ формально обязательный, только терпимый, для котораго и времени удѣляется крайне мало. Студенты высшихъ учебныхъ заведеній, какъ извѣстно, почти совсѣмъ не посѣщаютъ лекцій по закону Божію, и законоучители, не имѣя средствъ заставить студентовъ слушать свои лекціи, вынуждены давать имъ на экзаменахъ удовлетворительныя баллы только по тому, что отъ нихъ этого требуетъ начальство заведенія. Понятно, что, при такой постановкѣ дѣла обученія, трудно развиться духовному интересу къ истинамъ религіи. Не получивши основательныхъ познаній въ религіи въ учебномъ заведеніи, не получивши даже навыку, расположенія къ чтенію книгъ, имѣющихъ своимъ предметомъ истины религіи, и въ то же время подвергаясь постоянно антицерковнымъ вліяніямъ, молодые люди дѣлаются или холодными къ религіи, или даже прямо враждебными ей. Такими они вступаютъ въ жизнь и такое направленіе вносятся въ семейство и общество. Во многихъ ли домахъ образо-

ванныхъ людей можно найти у насъ духовный журналъ или книгу религіозно - нравственнаго содержанія? Оправдываются тѣмъ, что для свѣтскихъ людей достаточно и общихъ познаній въ религіи, такъ какъ въ противномъ случаѣ имъ не доставало бы времени на изученіе ихъ спеціальности, если бы они захотѣли употребить на законъ Божій болѣе времени, чѣмъ сколько употребляется ими теперь¹⁾. Но мы думаемъ, что основательное ознакомленіе съ истинами религіи прежде всего обязательно и необходимо для всякаго христіанина, и что люди съ такимъ знаніемъ со временемъ принялись бы съ большимъ рвеніемъ и за религіозно-нравственное воспитаніе народа; тогда и духовенство было бы поставлено въ лучшія отношенія къ обществу, а пастыри, съ улучшеніемъ неблагопріятнаго общественнаго ихъ положенія, получили бы возможность безпрепятственно исполнять свои пастырскія обязанности и избавились бы отъ незаслуженныхъ нареканій. Тогда не было бы и того слишкомъ ранняго отчужденія отъ церкви, которое теперь мѣшаетъ этимъ людямъ видѣть, что православное богослуженіе и само по себѣ можетъ служить богатымъ источникомъ назиданія, глубина и важность котораго могутъ быть, правда, понятны только для открытаго сердца и непредубѣжденнаго ума²⁾. У насъ же для значительной части общества церковныя богослуженія совсѣмъ перестали быть тѣмъ, чѣмъ они должны служить по идеѣ, и храмы утратили значеніе главныхъ рели-

¹⁾ Въ приложеніи къ пастырямъ это условіе, какъ мы видѣли, забывается: отъ нихъ требуютъ, кроиѣ основательныхъ богословскихъ познаній, и спеціальныхъ знаній въ свѣтскихъ наукахъ. Такиа противорѣчія у враговъ церкви и ея служителей, впрочемъ, очень не рѣдки.

²⁾ Наше дневное богослуженіе въ своихъ церковныхъ пѣсняхъ и чтеніяхъ представляетъ столько истинъ догматическихъ, нравственныхъ, столько призывовъ къ покаянію, и служить такимъ богатымъ источникомъ назиданія, что вѣкоторые, даже выдающіеся люди, какъ напр. Казанскій, Муравьевъ и Достоевскій, приходили въ своихъ разсужденіяхъ чуть не къ отрицанію самой нужды въ проповѣди. Объ этомъ см. указан. ст. Капарисова.

гііозно-воспитательныхъ и духовно-назидательныхъ училищъ, каковыми были они для нашихъ предковъ и теперь еще остаются для простаго народа.

Въ средѣ образованныхъ людей въ настоящее время мы видимъ совершенно иное. Постоянное упражненіе ума въ области, имѣющей развѣ только самое далекое отношеніе къ религіи, а иногда вліяніе на него положительно противу-религіозныхъ теченій, имѣють своимъ результатомъ то, что истины Христовы, въ какомъ бы видѣ онѣ не предлагались, перестаютъ интересовать людей съ такимъ направленіемъ. Въ душѣ послѣднихъ и сердцахъ, подъ вліяніемъ различныхъ модныхъ ученій, какъ бы вывѣтривается послѣдняя капля религіознаго чувства, и слово Божіе не находитъ больше для себя мѣста въ нихъ. Имъ достаточно бываетъ прочесть одно заглавіе книги религіозно-нравственнаго содержанія, чтобы напередъ рѣшить, что въ ней не можетъ быть для нихъ ничего занимательнаго. И потому-то съ ними очень часто и бываетъ такъ, что сочиненіе, только претендующее на научность и, по внѣшней отдѣлкѣ, подходящее подъ ихъ вкусъ, хотя бы въ существѣ дѣла оно наполнено было бездоказательными мыслями и положеніями, предпочитается ими самому серьезному изслѣдованію, если только послѣднее касается мало-знакомой имъ области религіознаго знанія¹⁾. Естественно, что и въ отношенія къ проповѣди такіе люди всегда будутъ предпочитать ей рѣчи свѣтскаго оратора, пока церковная проповѣдь, оставаясь вѣрною себѣ, будетъ заниматься раскрытіемъ предъ слушателями истинъ Христовыхъ и въ основу своихъ разсужденій будетъ полагать слово Божіе. Безъ серьезнаго навыка къ какому бы то ни было труду имъ по неволѣ приходится бѣгать

¹⁾ Не бываетъ исключенія въ этомъ отношеніи даже и для Библіи или — вѣриѣе сказать — для Евангелія, такъ какъ остальные книги Св. Писанія вовсе не читаются. Большинство свѣтскихъ людей не находятъ ихъ даже занимательными для себя.

за великимъ краснобаемъ, который умѣетъ говорить. Но это только и можетъ свидѣтельствовать о поверхностномъ отношеніи къ дѣлу и объ отсутствіи у этихъ людей настоящаго интереса даже и къ теоретическому знанію свѣтскихъ наукъ. Это скорѣе забава празднаго ума, чѣмъ удовлетвореніе его законной пытливости. Занятіе легкое и, можетъ быть, пріятное, такъ какъ имѣетъ дѣло съ привычными уже и заранѣе на вѣру принятыми положеніями и мыслями, но едва ли оно достойно тѣхъ, кто считаетъ себя образованнымъ и въ силу этого не доволенъ современною простою проповѣдью. Легкое и привычное занятіе привлекаетъ этихъ людей къ себѣ, потому что не требуетъ отъ нихъ тѣхъ усилій и труда, которые необходимы и необходимы для нихъ при знакомствѣ съ истинами вѣры, хотя бы для того, чтобы побороть свое нерасположеніе къ послѣднимъ. Но такіе искатели ученыхъ проповѣдей съ ихъ мнимымъ интересомъ къ научному знанію всегда будутъ близко напоминать намъ ученыхъ ороепагистовъ и предъ нами — ап. Павла. Пока эти праздные лжефилософы и любители ораторской пустоты и споровъ слышали изъ устъ проповѣдника знакомыя и привычныя для нихъ слова и мысли, они слушали его съ большимъ удовольствіемъ и вниманіемъ, но едва Павелъ коснулся незнакомаго имъ и, казалось бы, особенно интереснаго ученія о невѣдомомъ Богѣ и воскресеніи мертвыхъ, какъ они закричали: „объ этомъ послушаемъ тебя въ другое время“. Не случилось бы того же самого и съ нашими учеными, современными проповѣдями; ибо, повторяемъ, если онѣ нужны только для образованныхъ людей, то послѣдніе и безъ того обладаютъ всеми средствами знать истину, — было бы только съ ихъ стороны желаніе! Но его то у насъ къ сожалѣнію и не достаетъ! Чѣмъ же здѣсь виноваты проповѣдники? Очевидно, ничѣмъ, или, по крайней мѣрѣ, вина лежитъ не исключительно въ нихъ, какъ и вообще, по мысли св. Іоанна Златоустаго, въ дѣлѣ учительства „не все зависитъ отъ учителей, но если не болѣе, то, по крайней мѣрѣ, въ половицу — и отъ учениковъ“. Не исключительная

вина, стало быть, и нашимъ проповѣдниковъ, если ихъ проповѣди не только не располагають образованныхъ людей къ возможно частому посѣщенію храмовъ, но еще и парализуютъ, будто бы, всякое такое желаніе въ нихъ. Истинно набожный человѣкъ не пересталъ бы только изъ-за проповѣди посѣщать храмъ, потому что онъ знаетъ, что тамъ опъ и безъ проповѣди можетъ напитать свою душу благочестивыми мыслями и чувствованіями, внимательно слушая чтеніе слова Божія, молитвъ и церковныхъ пѣснопѣій. Въдь, если у этихъ людей дѣйствительно есть религіозная потребность, то она должна непременно обнаружиться у нихъ такъ или иначе; если бы они дѣйствительно жаждали духовной пищи, религіознаго назиданія, то они стали бы искать его не только въ церковной проповѣди, но и вообще въ церковномъ богослуженіи, тѣмъ болѣе, что проповѣдь въ богослуженіи православной Церкви составляетъ только одно изъ средствъ назиданія и при томъ — не главное. Если же этого нѣтъ, то къ чему и жаловаться на церковную проповѣдь, будто она не удовлетворяетъ ихъ религіознымъ потребностямъ? Одно только невѣріе и религіозный индифферентизмъ этихъ людей способны утверждать, что виною ихъ удаленія отъ церкви служатъ наши пастыри, не желающіе, будто бы, вступить въ круговоротъ общественныхъ интересовъ.

Не доказываетъ ли скорѣе подобное отношеніе къ церкви и ея служителямъ, что главная пружина во всемъ этомъ — скрытое невѣріе, не желающее сознаться предъ самимъ собою и въ то же время ищущее для себя хоть какого нибудь оправданія? Малодушіе, недостатокъ воли, говорятъ, — вѣрный признакъ такого невѣрія. И, дѣйствительно, эти люди, не желая употребить съ своей стороны даже малѣйшаго усилія, въ то же время ревностно разыскивають оправданій и съ радостью хватаются даже за подложные аргументы враждебной вѣрѣ науки и въ нихъ стараются отыскать средство не только для собственнаго успокоенія и оправданія, но и для обвиненія другихъ. Научныя основанія имѣють

значеніе въ этомъ случаѣ для нихъ, разумѣется, на столько, на сколько могутъ служить благовиднымъ предлогомъ ихъ религіозной спячки. И это особенно вѣрно по отношенію къ полуобразованной интеллигенціи, только прикрывающейея знаменемъ науки. Что же касается людей несомнѣнно ученыхъ, хотя и враждебныхъ религіи, то ихъ невниманіе къ противоположнымъ аргументамъ весьма легко объясняется ихъ воспитаніемъ вдали отъ церкви и ея благотворныхъ вліяній, вслѣдствіе чего они привыкаютъ давать цѣну и при томъ—преувеличенную, только явленіямъ той области, въ которой они воспитываются и идеями которой живутъ. Только этимъ мы объясняемъ и то несправедливое и неравномѣрное отношеніе этихъ людей къ истинамъ религіи, которое и въ приведенномъ нами взглядѣ на церковную проповѣдь выставляется, какъ побужденіе для проповѣдника принять участіе въ круговоротѣ научныхъ споровъ и борьбы, столь увлекательныхъ для образованнаго общества. При своихъ изслѣдованіяхъ (археологическихъ, геологическихъ, историческихъ и т. п.), эти люди, обыкновенно, оказываютъ полное довѣріе къ подлинности и исторической достовѣрности открываемыхъ ими новыхъ памятниковъ, между тѣмъ какъ относительно достовѣрности библейскихъ свидѣтельствъ они постоянно сомнѣваются и не довѣряютъ „буквѣ Писанія“, хотя показанія въ пользу тѣхъ и другихъ свидѣтельствъ бывають не только равносильны, но на сторонѣ библейскихъ оказывается неизмѣримое превосходство. Чѣмъ же объяснить эту неравномѣрность довѣрія въ отношеніи къ богодухновеннымъ писателямъ библейскимъ, а съ другой стороны—въ отношеніи къ писателямъ и памятникамъ свѣтской науки, какъ не годами воспитаннымъ нерасположеніемъ ко всему церковному? И возможенъ ли въ такихъ случаяхъ успѣхъ проповѣдника, если бы онъ отважился доказывать этимъ людямъ ихъ несправедливость? И почему это тѣ же образованные люди, не удовлетворяющіеся современною церковною проповѣдью, безъ разбору и очертя голову увлекаются этими именно учеными, а не

тѣхъ, которые, оставаясь вѣрными воспитавшей ихъ христіанской Церкви, и въ своихъ ученыхъ изслѣдованіяхъ представляютъ несомнѣнные доказательства истинности и полной достовѣрности ихъ религіозныхъ убѣжденій? Неужели авторитетъ такихъ ученыхъ всегда ниже тѣхъ, которые даютъ мнимо-научные аргументы, враждебные христіанской вѣрѣ? Но въ такомъ случаѣ, чѣмъ же объяснить и то явленіе, что одинъ и тотъ же проповѣдникъ, если онъ въ увлеченіи, хоть случайно, скажетъ что нибудь въ пользу повѣйшихъ теченій, тотчасъ пріобрѣтаетъ довѣріе и становится авторитетнымъ у тѣхъ самыхъ-образованныхъ людей, которые раньше относились къ нему съ недоувѣріемъ и чуть не съ презрѣніемъ? Не ясно ли отсюда, что важнѣйшее условіе успѣшности пастырскаго учительства, его дѣйствіе на слушателей, заключается не въ пастырѣ, а въ сердцахъ, жаждущемъ спасенія, въ личной волѣ тѣхъ, которые ищутъ назиданія въ словахъ проповѣдника. А если такъ, то пусть же эти люди хоть предъ самими собой признаются въ дѣйствительной причинѣ ихъ отчужденія отъ святыхъ храмовъ, и тогда они на вѣрное не станутъ произносить несправедливой жалобы, будто характеръ проповѣдничества нашихъ пастырей гонитъ ихъ изъ храмовъ, куда будто бы влечетъ ихъ религіозное чувство, и будто бы сами пастыри виноваты въ томъ, что храмы ихъ бываютъ пусты. Несправедливѣ этой жалобы ничего быть не можетъ, и наши пастыри не должны смущаться подобными нареканіями, но скромно нести свои обязанности, въ надеждѣ, что благомыслящіе люди не станутъ упрекать проповѣдника въ томъ, что онъ не дѣлаетъ всего, а только то, что въ его силахъ и что позволяютъ ему обстоятельства. Дарованія каждаго изъ насъ ограничены, и хорошо—если бы каждый изъ насъ могъ сказать о себѣ: *quod potui, feci; faciant meliora potentes...*, такъ какъ больше этого отъ насъ и не потребуется.

Л. К—скій.

Частныя занятія священника¹⁾.

Самое естественное и обычное для священника въ его положеніи занятіе, къ которому можетъ обращаться онъ безъ особенныхъ долгихъ приготовленій, — это занятіе сельскимъ хозяйствомъ. Къ этому занятію располагаетъ священника тотъ порядокъ вещей, по которому у насъ въ селахъ дается священнику или причту каждой церкви извѣстное количество десятинъ земли, и дается съ тѣмъ, чтобы онъ извлекалъ изъ нея доходъ въ подспорье къ другимъ средствамъ своего содержанія, и, обрабатывая ее, прибрѣталъ необходимое для пропитанія себя и своего семейства. Это экономическое условіе жизни нашего священства утверждено издавна, и нѣтъ нужды стремиться къ измѣненію его; оно принято не у насъ только въ Россіи, но и въ другихъ странахъ. Кромѣ экономической выгоды, можно ожидать и другихъ добрыхъ дѣйствій отъ этого занятія. Оно обращаетъ священника къ природѣ, и это обращеніе можетъ освѣжительно дѣйствовать на его духъ: природа на воспріимчиваго человѣка производитъ нравственное укрупняющее вліяніе. Не даромъ люди, истомленные условіями искусственной городской жизни, бѣгутъ нерѣдко изъ мѣстъ своего обитанія, обставленныхъ всѣми удобствами, въ сельскую глушь, чтобы здѣсь, на лонѣ матери-природы, почерпнуть для себя освѣженіе и найти струю новой жизненной силы, могущей сообщить бодрость и энергію надломленнымъ душевнымъ силамъ. Далѣе, чрезъ занятіе сельскимъ хозяйствомъ священникъ входитъ въ близкія отношенія къ своимъ прихожанамъ: вмѣстѣ съ ними собирая плоды, какіе даетъ человѣку земля, предоставленная въ его распоряженіе, онъ непосредственно участвуетъ въ ихъ интересахъ и живетъ, такъ сказать, одною жизнію съ ними. А это не остается безъ значенія для внутренняго нравственнаго сближенія его съ своими прихожанами, необходимаго для усыловія и утвержденія его пастырскаго вліянія на нихъ.

¹⁾ См. № 30-й.

При мысли о сельскомъ хозяйствѣ и его приличіи для священника многихъ смущаетъ черная работа, какая съ нимъ соединяется. Эта черная работа, говорятъ, совершенно не приличествуетъ сану священника и можетъ унижать его, когда онъ принимается за нее. Можно ли, напротивъ, священнику удобрять и уваживать землю и собственноручно нести другіе труды, какихъ требуетъ обработка поля? Не унижить ли онъ своего достоинства и не оскорбить ли святыни тайны, которую призывается совершать, если будетъ приступать къ ней съ грязными, заскорузлыми руками, прямо отъ сохи или рабочей телеги? Будутъ ли питать къ нему подобающее уваженіе его прихожане и сторонніе люди, когда будутъ видѣть его въ полѣ за работою наемника или простолюдина? Видя неудобства, сопряженныя для священника съ трудомъ воздѣлыванія земли, многіе высказываютъ желаніе, чтобы священникъ избавленъ былъ отъ необходимости вести сельскохозяйственныя занятія, и чтобы вмѣсто земли, которая дается причту въ видѣ обезпеченія его содержанія, полагалось опредѣленное денежное вознагражденіе, соотвѣтственное доходу съ той земли. Но черная работа, которой боятся и стыдятся ревнующіе о достоинствѣ священнаго сана, не есть необходимость для священника и при нынѣшнемъ положеніи вещей, когда причту каждой сельской церкви отведено извѣстное количество земли. Если священникъ опасается уронить свое достоинство земледѣльческимъ трудомъ, онъ можетъ воздѣлывать землю и извлекать изъ нея нѣкоторый доходъ наемными руками, въ которыхъ у насъ нѣтъ недостатка. Всѣ, болѣе или менѣе крупныя, землевладѣльцы не сами пахутъ и обрабатываютъ землю, не сами собираютъ ея произрастенія, а при посредствѣ рабочихъ за опредѣленную поденную, мѣсячную или годичную плату. Можно заниматься сельскимъ хозяйствомъ, обрабатывать землю и собирать то, что она приноситъ, уклоняясь отъ труда, чернящаго руки, и предоставляя себѣ болѣе чистую и благородную часть въ земледѣльской работѣ. Можно извлекать доходъ изъ земли, и въ то же время не дѣспутить ничего,

что могло бы, на чей либо щепетильный взглядъ, умалить и унизить благородство священническаго званія. Пусть же священникъ, при занятіяхъ сельскимъ хозяйствомъ, обращается къ помощи насмныхъ сиодручныхъ силъ для выполненія низкой черной работы: тогда въ этихъ занятіяхъ не будетъ ничего, могущаго служить къ униженію его авторитета. Это гораздо лучше, чѣмъ отказаться отъ земли и требовать за нее соотвѣтственнаго вознагражденія. Это вознагражденіе соединено съ большими затрудненіями, и если оно будетъ разложено на прихожанъ, оно можетъ вызывать нареканія и едва ли будетъ исправно доставляться. И едва ли это вознагражденіе, разъ постановленное, будетъ удовлетворять священника. Цѣнность земли и ея произведеній постоянно и постепенно возвышается: а доходъ съ нея, разъ положенный священнику, не можетъ постоянно измѣняться и весьма скоро окажется значительно ниже того, что онъ самъ извлекалъ бы изъ нея, если бы имѣлъ ее въ своемъ владѣніи. Пока же добьется причтъ его возвышенія, пройдетъ немало времени и, пожалуй, встрѣтится при этомъ много непріятностей, да если и увѣнчаются успѣхомъ хлопоты о возвышеніи вознагражденія за землю, величина его опять едва ли будетъ отвѣчать потребностямъ времени. Нѣтъ, совершенно не практична мысль о замѣнѣ земли, предоставляемой въ распоряженіе священника или причта, опредѣленнымъ денежнымъ вознагражденіемъ.

Не видя необходимости священнику самому собственноручно обрабатывать землю, мы впрочемъ не считаемъ унижительнымъ для кого бы то ни было непосредственный физическій трудъ, какого требуетъ занятіе сельскимъ хозяйствомъ. Всѣмъ потомкамъ Адама сказано послѣ грѣхопаденія прародительскаго: въ потѣ лица твоего съѣси хлѣбъ твой (Быт. III, 19); этотъ приговоръ Божій касается всѣхъ, и мы не въ правѣ считать унижительнымъ для себя исполненіе этого приговора Божія. Въ древнихъ республикахъ иныя лица, оказавшія великія услуги отечеству, отъ дѣлъ гражданскаго управленія удалялись въ тишину сельскаго

удиненія, и въ этомъ уединеніи не стыдились прилагать руки свои къ такимъ работамъ, какія несли послѣдніе изъ гражданъ, и это отнюдь не служило къ ихъ униженію, а напротивъ еще болѣе возвышало ихъ имя въ глазахъ другихъ. И въ христіанской церкви, въ древнія и въ среднія времена, служеніе священника не считалось не совмѣстимымъ съ физическою работою, какой требуетъ воздѣлываніе земли. Евстаѣій, митрополитъ солунскій, жившій въ XII вѣкѣ, въ одномъ словѣ представляетъ идеалъ челоѣка въ лицѣ Филоея опсикійскаго. Этотъ Филоей былъ добрый семьянинъ и усердный земледѣлецъ, и по своему желанію удостоенъ былъ званія священника. Когда онъ сдѣлался священникомъ, онъ не могъ много времени отдавать прежнимъ своимъ обычнымъ занятіямъ по хозяйству и по всему тому, что необходимо для живущихъ въ мірѣ, но не отказался отъ земледѣлія. „Любилъ же онъ (говоритъ Евстаѣій) не только наемными руками распахивать землю для разнаго рода посѣвовъ, но и собственными руками трудиться около нея, считая это дѣломъ благороднымъ и приличнымъ для себя. И земледѣліе привлекало его не только потому, что это занятіе честное, но и потому, что оно изсушаетъ лишнюю влагу въ тѣлѣ, укрѣпляетъ челоѣка и приучаетъ его къ терпѣнію и постоянству въ занятіяхъ, а потому и въ добродѣтели. Такимъ образомъ, уроками отъ земли поучая душу, онъ и домашнимъ своимъ приобрѣталъ достаточное для нихъ, и нуждающимся давалъ хлѣбъ отъ праведныхъ трудовъ своихъ“¹⁾. Съ этимъ примѣромъ св. Филоея опсикійскаго и съ похвальнымъ указаніемъ на него Евстаѣія солунскаго не согласуется совѣтъ нашего отечественнаго писателя, издавнаго довольно замѣчательнаго руководительнаго писателя по Пастырскому Богословію, протоіерея Е. Попова, по которому „нигдѣ и никогда священникъ не долженъ заниматься работами по сельскому хозяйству до подобія крестьянина, такъ

¹⁾ Евстаѣій, митроп. солунскій, XII в., Игумена Арсенія, стр. 51.

что трудно было бы узнать его среди этихъ занятій и терялось бы уваженіе къ его сану“¹⁾). Составляя эти два разногласныя показанія, мы предоставляемъ самому читателю рѣшить, гдѣ больше правды,—въ похвальномъ ли словѣ Евстаѳія Филосеею опснкійскому, или въ письмахъ по православно-пастырскому Богословію.

Между сельско-хозяйственными занятіями священнику въ особенности сподручны такіе виды ихъ, которые въ сельско-хозяйственномъ быту выходятъ за предѣлы необходимаго, не требуютъ такого сложнаго физическаго труда, какого требуетъ обработка поля, а требуютъ скорѣе любви и охоты къ дѣлу и небольшого знанія, легко приобретаемаго опытомъ. Таковы напримѣръ садоводство и пчеловодство. Для успѣшнаго веденія этихъ отраслей хозяйства не нужно долгаго изнурительнаго труда, не требуется и черной работы, могущей казаться унизительною для священника. Священнику не стыдно и онъ не унизитъ своего сана, если, время отъ времени, самъ своими руками будетъ трудиться надъ насажденіемъ, культивированіемъ и усовершенствованіемъ своего сада, или если устроитъ у себя пчельникъ и будетъ смотрѣть за нимъ, какъ добрый хозяинъ. Труды его, требуемые этими отраслями хозяйственной дѣятельности, будутъ не изнуреніемъ для него, а отдохновеніемъ среди другихъ заботъ и хлопотъ, и они будутъ доставлять ему то движеніе, какое, по словамъ Евстаѳія, необходимо для взыменія излишней влаги въ тѣлѣ и укрѣпленія здоровья. Относится къ удовольствію, а не къ удовлетворенію существенной потребности человѣка, то, что доставляетъ садъ или пчелы. Тѣмъ пріятнѣе должны быть эти занятія, что въ результатъ оны имѣютъ приобрѣтеніе вещей, служащихъ къ невиннымъ наслажденіямъ человека. Но независимо отъ пріятностей, здѣсь можетъ быть и суще-

¹⁾ Письма по православно-пастырскому Богословію въ 4-хъ частяхъ. Изд. 2-е. Ч. IV, стр. 85—86.

ственная польза. Хорошо поведенное садоводство или пчеловодство можетъ давать плоды не для одного собственнаго потребленія священника, но и для продажи, и этимъ можно не мало умножать средства, необходимыя для удовлетворенія разнообразныхъ семейственныхъ потребностей. При недостаточномъ развитіи подобныхъ побочныхъ отраслей хозяйства, онѣ могутъ быть весьма прибыльны, и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ священники не пренебрегаютъ ими, онѣ составляютъ не послѣднюю выгодную статью въ ихъ хозяйствѣ.

Какъ ни естественно, при настоящемъ порядкѣ вещей, нашему сельскому священнику заниматься сельскимъ хозяйствомъ, — оно не составляетъ для него необходимости, и хорошее веденіе своего сельскаго хозяйства не можетъ служить къ возвышенію его пастырскаго авторитета. Можно быть отличнымъ священникомъ, всецѣло преданнымъ благу своей паствы, и въ то же время мало заниматься хозяйствомъ или вовсе не заниматься имъ. Сельское хозяйство для священника всегда побочное занятіе, служащее подспорьемъ ему въ приобрѣтеніи средствъ содержанія. Если онъ найдетъ возможнымъ обойтись, въ устроеніи своего внѣшняго быта, безъ излишнихъ сельско-хозяйственныхъ заботъ, отъ этого не пострадаетъ то пастырское служеніе, къ какому призываетъ его церковь. У насъ, въ не такъ давніе годы, хотѣли сдѣлать изъ священниковъ спеціалистовъ-агрономовъ и включили было въ число обязательныхъ предметовъ преподаванія въ семинаріи сельское хозяйство, которое и значилось въ семинарской программѣ не одинъ десятокъ лѣтъ. Надѣялись, что будущіе священники, познакомившись въ школѣ съ усовершенствованными способами веденія сельскаго хозяйства, по поступленіи на мѣсто, и сами станутъ получать больше дохода съ своего участка земли, а вмѣстѣ съ тѣмъ послужатъ поучительнымъ примѣромъ рациональнаго веденія сельскаго хозяйства и для крестьянъ. Но это была ошибочная мѣра, которая не привела ни къ какимъ добрымъ практическимъ результатамъ, и потому скоро была остав-

лепа. Священники не сдѣлались учеными агрономами, да и не могли сдѣлаться такими ни въ школѣ, ни въ жизни,—въ школѣ потому, что ихъ отвлекали отъ занятія агрономіей другіе предметы, изученіе которыхъ болѣе необходимо для приготовленія къ достойному прохожденію пастырскаго служенія,—въ жизни потому, что ихъ вниманіе не могло быть сосредоточено на сельско-хозяйственныхъ заботахъ, какъ этого можно ожидать и требовать отъ людей, считающихъ сельское хозяйство главнымъ своимъ призваніемъ, и имъ они предавались послѣ другихъ дѣлъ, входящихъ въ кругъ прямыхъ ихъ обязанностей. Потому, и при изученіи сельскаго хозяйства въ семинаріяхъ, священники не были двигателями улучшеній въ сельскомъ хозяйствѣ. Да это и не ихъ дѣло. Намъ кажется не практичною, если не прямо опасною, самая мысль расположить священника къ усиленному занятію сельскимъ хозяйствомъ и побудить его идти впереди другихъ въ этомъ дѣлѣ. Священникъ можетъ заниматься сельскимъ хозяйствомъ, не унывая своего сана. Но дѣлать его экономомъ, специалистомъ по агрономіи—преувеличеніе, могущее вести къ вреднымъ для пастырскаго служенія послѣдствіямъ. При излишней преданности этому дѣлу онъ можетъ дойти до религіознаго загрузѣнія. Мы представляемъ, что священникъ первѣе всего долженъ быть носителемъ высшихъ идей и служителемъ духа. А при увлеченіи агрономическими интересами въ той мѣрѣ, въ какой оно возможно и дозволительно для помѣщиковъ, полагающихъ, такъ сказать, всю душу въ сельское хозяйство, или для арендаторовъ чужихъ имѣній съ цѣлью извлеченія изъ нихъ наибольшаго дохода,—его религіозно-идеальное настроеніе можетъ быть подавлено матеріально-промышленнымъ духомъ, какому тогда онъ невольно поддается.

Разрѣшая священнику различныя прибыльныя занятія, Церковь, какъ мы замѣтили, обставила свое разрѣшеніе нѣкоторыми ограниченіями, и указала нѣсколько занятій, которыя не приличны священнику и не совмѣстимы съ его высокими, святымъ служеніемъ.

Это во-первыхъ дѣла, безправственные по своему характеру и унижительныя для служителя Божія, долженствующаго распространять среди другихъ начала благочестія. Въ правилахъ соборныхъ между запрещенными для священника занятіями упоминаются такія, какихъ, полагаемъ, не допустить совѣсть священника, и о какихъ не можетъ быть и мысли у современныхъ пастырей,— это занятія тѣхъ, которые на пагубу душъ собираютъ и содержатъ блудницъ (86 прав. VI всел. собора). Древность, нужно думать, подавала поводъ постановить правило, подвергающее отлученію и изверженію клириковъ, занимающихся этимъ постыднымъ и презрительнымъ дѣломъ. Но нынѣ, полагаемъ, нѣтъ нужды предостерегать священниковъ отъ подобныхъ занятій. Никто, далѣе, изъ нынѣшнихъ священниковъ не откроетъ корчемницы или питейнаго заведенія, что положительно запрещено имъ канонами (9 правило 6 всел. собора), и не станетъ пріобрѣтать пропитанія, служа въ корчемницѣ другимъ, и унижая чрезъ то свой санъ. Но этого мало для поддержанія чести и достоинства священника. Эта честь священническая не должна бы позволять ему и отдавать другимъ свои дома подъ питейныя заведенія или передавать въ аренду устроенныя въ его имѣніи винокурни и корчемницы, хотя это послѣднее не запрещено законами (Св. Зак. т. IX ст. 381). Въ третьихъ, „въ высшей степени не благовидно занятіе ростовщика, и оно прямо запрещено священнику канонами (аност. пр. 44, 11 прав. I всел. соб., 4 пр. Лаодик. соб., 10 пр. Трульскаго, 5 и 21 прав. Кареат.). Но для священника мало, если онъ только не является официальнымъ ростовщикомъ, дающимъ подъ залогъ деньги изъ корыстныхъ видовъ. Ему не пристало вообще свои деньги давать другимъ въ долгъ съ тѣмъ, чтобы получать съ нихъ болѣе процентъ, въ видахъ скорѣйшаго приращенія капитала. Священникъ долженъ помнить, что постановили по этому предмету отцы I вселенскаго собора: Понеже (читаемъ мы въ 17 правилъ этого собора) многіе причисленные къ клиру, любо-

стяжанію и лихоимству послѣдуя, за были божественное писаніе, глаголющее: сребра своего не даде въ лихву (Псал. XIV, 5),—и давая въ долгъ, требуютъ сотыхъ: судилъ святой и великій соборъ, чтобы, аще кто послѣ сего опредѣленія обрящется взимающій ростъ съ даннаго въ заемъ, или иной оборотъ дающій сему дѣлу, или половиннаго роста требующій, или нѣчто иное вымышляющій ради постыдной корысти, таковой былъ извергаемъ изъ клира и чуждъ духовнаго сословія. Священникъ можетъ и долженъ давать отъ своихъ избытковъ нуждающимся. Но въ этомъ случаѣ имъ должно руководить желаніе помочь ближнему, а не личная корысть, не стремленіе въ обогащенію насчетъ чловѣка, дѣлающаго долги. Давая другимъ деньги, священникъ долженъ имѣть въ виду примѣръ милосердаго самарянина, который помогалъ несчастному, изъ чувства состраданія, вовсе не рассчитывая на какое либо вознагражденіе, и отнюдь не слѣдовать тому евангельскому рабу, который, поймавъ одного отъ клеветъ своихъ, должнаго ему стомъ пѣнязъ, смъ его давяше, и ведъ всади его въ темницу, дондѣже воздасть должное (Матѣ. XVIII, 28—30). Достаточно священнику довольствоваться тѣмъ приростомъ капитала, какой даютъ государственныя кредитныя учрежденія. При нынѣшнихъ условіяхъ экономической жизни, помѣщеніе въ нихъ капиталовъ не запрещено ни причтамъ, ни церквамъ. Помѣщая въ нихъ свои излишки, священникъ освобождаетъ себя отъ личныхъ сношеній съ должниками и отъ необходимости взысканія съ нихъ долговъ, часто сопряженной съ большими непріятностями, и поставляющей священника въ неловкое положеніе. Несовѣстны далѣе съ священнымъ служеніемъ такіа дѣла и занятія, которыя раздволяютъ вниманіе служителя церкви, отвлекаютъ его отъ исполненія прямыхъ пастырскихъ обязанностей и ставятъ его въ разрядъ лицъ, занимающихъ извѣстное мѣсто въ силу той профессіи, какую несутъ

они. Въ силу этого запрещены священнику мірскія попеченія (6 апост. пр. и 10 пр. VII всел. собора), связанныя съ отправленіемъ какой либо гражданской должности. Не подобаетъ епископу и пресвитеру (говорить 81 апостольское правило) вдаваться въ народныя управленія, но неопустительно быти при дѣлахъ церковныхъ. Или убо убѣжденъ будетъ сего не творити, или да будетъ изверженъ. Епископъ, или пресвиторъ, или діаконъ (читаемъ далѣ въ 83 апостольскомъ правилѣ), въ воинскомъ дѣлѣ упражняющійся и хотящій удержати обое, то есть, римское начальство и священническую должность, да будетъ изверженъ изъ священнаго чина. Ибо Кесарево Кесаревн, а Божіе Богови (Ср. 7 прав. IV всел. соб.). Еще болѣе, чѣмъ занятіе какихъ либо гражданскихъ должностей, запрещается священнику принятіе какого либо служенія у вельможи или частнаго лица, принятіе на себя обязанности быть управителемъ домоу, имѣніемъ и т. под. у кого либо, владѣющаго значительными средствами. Кромѣ того, что подобныя дѣла отвлекаютъ священника отъ его долга, они унижаютъ его санъ, заставляя его быть въ нѣкоторомъ услуженіи у другаго. IV вселенскій соборъ очень строго отнесся къ тѣмъ, которые дозволяли себѣ подобное нарушеніе порядка церковнаго. Въ основаніи запрещенія таковыхъ занятій лежитъ во-первыхъ то соображеніе, которое выражено въ евангеліи словами Господа: никтоже можетъ двѣма господинама работати: либо единого возлюбитъ, а другаго возненавидитъ: или единого держится, о другомъ же не радити начинаетъ: не можетъ Богу работати и мамонѣ (Мате. VI, 27), на что и указано въ 81 правилѣ апостольскомъ, а во-вторыхъ желаніе ограничить духъ корыстолюбія, который увлекаетъ духовныхъ лицъ къ подобнымъ, чуждымъ имъ, занятіямъ. Такъ въ 3 правилѣ IV вселенскаго собора мы читаемъ: дошло до святаго собора, что нѣко-

торые изъ принадлежащихъ къ клиру, ради гнуснаго прибытка, берутъ на откупъ чужія имѣнія, и устрояютъ мірскія дѣла, о Божіемъ служеніи не брегутъ, а по домамъ мірскихъ людей скитаются, и порученія по имѣніямъ пріемлютъ изъ сребролюбія. Посему опредѣлилъ святой и великій соборъ, чтобы впредь никто, ни епископъ, ни клирикъ, ни монашествующій не бралъ на откупъ имѣній и въ распоряженіе мірскими дѣлами не вступался: развѣ токмо по законамъ призванъ будетъ къ неизбѣжному попечительству надъ малолѣтними, или епископъ града поручитъ кому имѣть попеченіе о церковныхъ дѣлахъ, или о сиротахъ и вдовахъ безпомощныхъ, и о лицахъ, которымъ особенно нужно оказать церковную помощь, ради страха Божія (Ср. 19 пр. Кар. соб., 10 пр. VII всел. соб., 11 пр. Конст. двукратн. соб.).

Наравнѣ съ гражданскими дѣлами, возлагаемыми въ обществѣ на извѣстный чиновный классъ людей, наравнѣ съ управленіемъ чужими имѣніями, церковь считаетъ несовмѣстимою съ званіемъ священника и торговлю, какъ постоянное занятіе. Для этого занятія въ государствѣ существуетъ особый классъ людей, считающій торговлю своимъ главнымъ призваніемъ, несущій особыя гильдейскія повинности и снабженный особыми, вытекающими отсюда, правами. Торговля, какъ постоянное и спеціальное дѣло купца требуетъ себя человѣка изъ дня въ день, и если бы преданъ ей членъ клира, онъ по необходимости сталъ бы не радѣть о дѣлѣ Божіемъ. Никто же воинъ бывая (говоритъ апостоль Павелъ) обязуется куплями житейскими, да воеводѣ угоденъ будетъ (2 Тим. II, 4). А священникъ есть именно воинъ Христовъ или стражъ церкви: купли житейскія помѣшали бы ему быть усерднымъ служителемъ церкви, угоднымъ высшему небесному Воеводѣ. И когда отцы церкви

старались урегулировать занятія священниковъ, они припоминали приведенное выраженіе Апостола, и всѣмъ лицамъ духовнаго сана повелѣвали взирать на написанное: Никто, воинствуя Богу, не обязуется куплями житейскими (19 прав. Кар. соб.). Но если торговля не прилична священнику, какъ ремесло или какъ постоянное занятіе, это не значитъ, что онъ не можетъ вовсе за опредѣленную цѣну сбывать другимъ свои достатки. Нѣтъ, онъ всегда можетъ, не нарушая достоинства своего званія, продавать другимъ произведенія своего поля или сада или произведенія своего труда, физическаго ли то или умственнаго. Такая повременная и случайная продажа не подлежитъ осужденію и также доступна для него, какъ для другаго, не вписаннаго въ сословіе купеческое. Ему не пристали и для него запрещены только такія вещи, берясь за которыя онъ вторгается въ дѣла людей, вписанныхъ въ купеческія гильдіи. Къ этому его могъ бы увлекать духъ корысти, котораго не должно быть у пастыря церкви.

Въ основаніе своего поведенія священникъ долженъ поставить правило Апостола: не сребролюбцы правомъ: довольни сущии (Евр. XIII, 5). Священнику не слѣдуетъ забывать, что апостоль Павелъ, опредѣляя качества, какими долженъ отличаться пастырь церкви, между прочимъ постановляетъ на видъ то, что епископу или пресвитеру подобаетъ быть немеломняцу, не сребролюбцу (1 Тим. III, 3) и нескверностоятельному (Тит. 1, 7).

В. Пшоникій.

Братскій совѣтъ новорукположенному въ сельскій приходъ священнику относительно совершенія браносочетаній¹⁾.

При бракосочетаніи, между прочимъ, читается изъ евангелія стихъ: что есть мнѣ и тебѣ, жено; не упріи де часъ мой. Этотъ отвѣтъ Спасителя Своей пречистой Матери кажется какъ будто рѣзкимъ отказомъ, почему на торжествѣ брачномъ и намъ приходилось и вамъ, собратья, придется слышать отъ внимательныхъ къ слову Божію сыновъ брака вопросъ: „какъ понимать это слово Господа“? Кажущаяся „жесткость“ отвѣта Спасителя зависить частію отъ буквальнаго перевода сиро-халдейской фразы: „ма ливедакъ“, частію отъ измѣнившихся у насъ сравнительно съ древнимъ востокомъ общественныхъ условій“. Выраженіе: „что есть мнѣ и тебѣ“, вовсе не то же, что наше русское: что намъ за дѣло до того? Это не вопросъ, а положительная фраза, перѣдко представляющаяся въ Библии обыкновеннымъ предисловіемъ отвѣтной дружеской рѣчи. Она заключаетъ въ себѣ такой смыслъ: что тебѣ, то и мнѣ, что желательно тебѣ, то готовъ или готовъ бы сдѣлать и я. Когда Давидъ говорилъ своимъ полководцамъ: что мнѣ и вамъ, сыны Саруны, то это значило: и я подобно вамъ желалъ бы наказать ругателя Семея, но, если Господь повелѣлъ ему злословить Давида, то оставьте его (2 Цар. 26, 10). Когда фараонъ Нехао говорилъ царю Іосіа: что мнѣ и тебѣ, царь іудейскій, то это предложеніе дружества значило: и я на твоемъ мѣстѣ поступилъ бы такъ же, какъ ты, царь іудейскій, но не протявъ тебя теперь иду я, не задерживай меня (2 Парал. 35, 21). Если же принять во вниманіе, что слово: мнѣ ставится прежде слова: тебѣ, то смыслъ этой фразы вообще и нашего евангельскаго стиха въ особенности даетъ слѣдующее, предупредительное значеніе: „что у Меня въ мысли, то Ты выражаешь

¹⁾ См. № 30-й.

словомъ“. Понятно послѣ этого, почему Матерь Его сказала служителямъ: что скажетъ Онъ вамъ, то сдѣлайте. А слово: жено, женщина, „употреблялось какъ самое почтительное при обращеніи къ особамъ женскаго пола царственныхъ домовъ и какъ самое нѣжное при обращеніи къ любимымъ женщинамъ“. При такомъ обращеніи слово это значило: женщина изъ женщинъ, превосходнѣйшая изъ нихъ! Едва ли можно признать точно опредѣленнымъ толкованіе, будто слово: жено вмѣсто матеръ сказано въ томъ смыслѣ, что „съ тѣхъ поръ какъ Іисусъ Христосъ выступилъ на общественное служеніе, Онъ долженъ былъ, изъ повинновенія волѣ Отца небеснаго; отдѣляться отъ матери“. Жено! Се сынъ твой, такъ же тихо изречетъ Господь въ предсмертномъ завѣщаніи пронзаемой въ душѣ оружіемъ крестнымъ Своей страждущей матери и безъ сомнѣнія и въ эту послѣднюю минуту слово: жено будетъ выражать ту же глубину почтительности, любви и нѣжности совершеннѣйшаго изъ сыновъ человѣческихъ, какую выражало за столомъ кананитскимъ. Брачное торжество у евреевъ продолжалось семь дней, или по меньшей мѣрѣ три дня у людей бѣднѣйшихъ. По обычаю восточнаго гостепріимства всякій, могущій придти и названымъ, не долженъ былъ уходить безъ угощенія. Не удивительно поэтому, что у небогатыхъ кананитовъ запасъ вина скоро истощился. „Кто знаетъ, какъ уважается на востокѣ гостепріимство, какою священною обязанностию, доходящею до расточительности, считается угостить не только званнаго, но даже не ожидавшаго гостя, тотъ пойметъ, какое ужасное несчастіе, какой неожиданный ударъ для новобрачныхъ представлялъ этотъ оказавшійся внезапно недостатокъ вина“. Прямѣтивъ безвыходное затрудненіе хозяевъ, сострадательное сердце Маріи обратилось къ единственному средству помочь бѣднякамъ—къ челоуѣколюбію своего Сына. Въ этомъ поступкѣ Богоматери сказался прежде всего основной законъ христіанскаго челоуѣколюбія: когда мы не можемъ помочь ближнему собственными средствами, тогда должны просить для него

помощи у Бога. Порывъ сострадательнаго сердца Матери встрѣтился съ безграничною готовностію на благотвореніе людямъ Сына, готовностію, при которой совершенно не мыслимо толковать слова жено въ смыслѣ удаленія Сына отъ Матери. Постараемся при свѣтѣ евангелія глубже проникнуть въ смыслъ просьбы Матери и готовности Сына исполнить ея просьбу, и для насъ представится возможность иного толкованія. 1) Матерь проситъ Сына совершить первое общественное чудо; и Господь въпослѣдствіи Самъ засвидѣльствовалъ, что знаменія и чудеса составляютъ необходимость Его спасительнаго служенія роду человѣческому: вы не увѣруете, если не увидите знаменій и чудесъ (Іоан. 4, 48). Благотворная цѣль перваго изъ этихъ знаменій и чудесъ достигнута здѣсь же, на торжествѣ брачномъ: и вѣровавшая въ Него ученицы Его. 2) Матерь проситъ Сына совершить сверхъестественное дѣло, чтобы подать помощь бѣднымъ ближнимъ, которымъ въ эту минуту и можно было помочь только дѣйствіемъ сверхъестественнымъ. Таковъ именно характеръ и имѣютъ всѣ чудеса Господа Іисуса Христа—человѣколюбца. Это чудеса только для насъ, а для Него дѣла и при томъ дѣла не грознаго царя, не Бога громовъ, огней и бурь Синая и Хорева, а тихій, прохладительный вѣтерокъ милости и любви Отца, освѣжающій и оживляющій несчастнаго человѣка въ такомъ уже безнадежномъ состояніи, при которомъ помощь естественными человѣческими средствами рѣшительно не возможна. 3) Матерь выражаетъ свою мольбу Сыну тихо, вѣроятно шопотомъ, да и по совершеніи чуда ничуть о немъ не разглазольствуетъ; о мгновенномъ превращеніи воды въ лучшее вино прежде всѣхъ узнаютъ пораженные изумленіемъ служители и долго не знаетъ даже распоряжавшійся виномъ другъ жениха. Такъ именно и смотрѣлъ на свои дѣла кроткій и смиренный сердцемъ Господь Іисусъ, запрещающій и людямъ и демонамъ прославлять утаенныя для гордаго смысла премудрыхъ и разумныхъ чудеса Его и открывающій небесные зна-

чение ихъ только для младенческой вѣры нищихъ духомъ. Слѣдовательно Марія здѣсь является не какъ обыкновенная женощина, дочь бѣднаго Назарета и веселя гостя Канн, а какъ Матерь Мессіи, какъ Его первѣйшая ученица и ближайшая послѣдовательница, является какъ ублажаемая племенами представительница всѣхъ вѣрою живущихъ и спасаемыхъ душъ новозавѣтной Церкви. Слѣдовательно и Господь Іисусъ въ эту начальную минуту Своихъ общественныхъ дѣлъ милосердія и любви отвѣчаетъ ей и какъ почтительный Сынъ, и какъ ублажающій ее Учитель и Спаситель, и какъ Женихъ, какъ Супругъ представляемыхъ ею первородныхъ Церкви вселенской (Исаіи 54, 5). Послѣ этого намъ представится яснѣе вся глубина этого краткаго глагола: что Миѣ, то и Тебѣ, благословенная между женами. Но послѣ этого слова мы должны предположить въ рѣчи Господа краткій перерывъ, а можетъ быть и глубокій вздохъ. Такъ какъ Богоматерь явилась здѣсь на брачномъ торжествѣ представительницею христіанской Церкви съ тихою задумчивою мольбою о сверхъестественномъ винѣ, то Божественному взору Господа Іисуса представился тотъ великій часъ, въ который Онъ, какъ Спаситель міра, дастъ міру новое вино—Свою спасительную кровь. На это-то время дарованія міру вина жизни вѣчной и указано словомъ: не у пріи́де часъ Мой. Слѣдовательно отвѣтъ Спасителя дастъ такое пониманіе: „не только просимое, временно веселящее вино, готовъ Я дать имъ, но Я дамъ имъ и новое вино жизни вѣчной—кровь Мою; только для этого послѣдняго, истинно спасительнаго дара еще не настало время“. Поняла ли Богоматерь все значеніе слово: часъ (которымъ у евреевъ вообще означалось все ужасное и мучительное), или не поняла,—это тайна ея сердца. Быть можетъ только послѣ Пятидесятницы при совершеніи Евхаристіи въ домѣ Іоанна представилось ей все величіе этого запавшаго въ материнское сердце глагола Бога-Сына, и она передала тогда это Его слово всей Сіонской церкви въ его подлин-

ной краткости и таинственности, для поученія грядущимъ родамъ, въ какой ясности для Господа Иисуса и въ какой строго органической связи для насъ стояли начало и конецъ Его спасительнаго дѣла на землѣ.

Новобрачнымъ дается для питья благословенная чаша съ виномъ: что значить этотъ обрядъ? Нѣкоторые священники, поднося эту чашу, произносятъ слѣдующія слова: „причащается рабъ Божій, или раба Божія, имярекъ, вина, претвореннаго Господомъ изъ воды въ Канѣ Галилейской, во имя Отца, и Сына и Св. Духа, аминь“. Прибавка произвольная и неудачная! Предложеніе вина жениху и невѣстѣ есть обрядъ принятый нами еще отъ ветхозавѣтной церкви, совершаемый и теперь при еврейскомъ бракосочетаніи. Это „общая чаша“ жизни, свѣтлый или мрачный образъ которой зависитъ не столько отъ собственной взаимной помощи другъ другу супруговъ, сколько отъ общенія ихъ съ Богомъ „сотворившимъ вся крѣпостію“, т. е. подающимъ Своимъ тварямъ такую или иную чашу жизни по Своей промыслительной и спасительной истинѣ. Поэтому молчаніе священника, подающаго супругамъ благословенную чашу при безмолвіи всей церкви, гораздо краснорѣчивѣе какого бы то ни было произвольнаго глаголанія. Это молчаніе значитъ: „отъ васъ, мужъ и жена, отъ вашей свободной воли зависитъ пить изъ чаши своей супружеской жизни или вино благотворящее веселящее сердце человѣка (Псал. 103, 15), или вино гнѣва и ярости Божіей, отъ котораго шатаются и безумствуютъ наказываемые Богомъ (Перем. 25, 15—30). То или другое свойство нашей жизненной чаши условливается вашимъ единеніемъ или разъединеніемъ другъ со другомъ и наконецъ съ своимъ Главомъ, Господомъ Иисусомъ Христомъ, Который при Своемъ спасительномъ сочетаніи съ Церковью побѣдоносно испилъ до дна чашу земной горечи и потому Единъ можетъ подавать Своимъ вѣрнымъ причастникамъ веселящую сердце сладость при самыхъ скорбныхъ обстоятельствахъ жизни“.

Самую же чашу, собратъ, давайте нить попеременно—мужу, женѣ, мужу, женѣ и т. д. дабы при третьемъ приѣмѣ жена испила ее до дна. Она многоболѣзненная мать живущихъ, въ ея сердцѣ чувствительнѣе будутъ преломляться и отражаться невзгоды супружества и семейства, ей—яемощному сосуду—предстоятъ чаша и часъ: да укрѣпнѣтъ ее Господь!

Послѣ приѣма чаши супругами „абіе приѣмъ я священникъ, куму держащу создаи вѣяцы, обращаетъ яко образомъ круга и поетъ“... Этотъ образъ круга наши священники совершаютъ не одинаково. Одинъ, взявъ за концы связавшаго руки супруговъ платка, ведетъ ихъ вокругъ аналогія, какъ дѣтей на помочахъ; другой же, накрывъ еще руки супруговъ, по уніатскому обычаю, эпитрахилью и положивъ свою руку на эпитрахиль, уже не ведетъ, а какъ бы влечетъ супруговъ за собою, и ставъ за аналогіемъ на линіи царскихъ вратъ, усиленно наклоняетъ супруговъ къ землѣ, отъ чего происходитъ не поклонъ, а какое-то страшное присѣданіе со связанными руками, хотя поклонъ тутъ не совсѣмъ благоприличенъ, такъ какъ за спиною у нихъ стоитъ подобіе престола—аналогій съ крестомъ и евангеліемъ. И величественный обрядъ иногда превращается у насъ въ какое-то шествіе, держащее въ неловкомъ положеніи и священника и супруговъ и возбуждающее въ иныхъ зрителяхъ смѣхъ, а кое въ комъ и чувство противоположное. Вы, собратъ, не дѣлайте такъ. Слово требника: „приѣмъ я священникъ“ не значить, что вы непременно должны брать супруговъ за руки и вести. Точно такой же образъ круга совершается при рукоположеніи во діакона и пресвитера: однако же при сочетаніи васъ престолу и Агнцу не вели васъ за руки, а свободно или вы вокругъ престола за протодіакономъ и протопресвитеромъ, при пѣніи тѣхъ же гимновъ, какія поются при совершеніи брака. Возьмите въ десницу св. крестъ поднимите его по выше, скажите супругамъ слово Господа: слѣдуйте за мною и такъ съ поднятымъ крестомъ идите предъ нами медленно и торже-

ственно. Супруги не жалуются, съумѣютъ идти за вами сами. И высокопоучительный обрядъ прообразовательнаго для супруговъ теченія ихъ земной, свободно-подвижнической, жизни въ общеніи съ Господомъ Еммануиломъ по слѣдамъ Богородицы, апостоловъ и мучениковъ представится тогда и для супруговъ и для всѣхъ стоящихъ въ церкви во всей своей выразительности. Въ преднесеніи креста слѣдовали они за вами вокругъ купѣли своего возрожденія; въ преднесеніи креста послѣдуютъ они за вами и къ мѣсту своего вѣчнаго покоя. Будьте увѣрены, что торжественное преднесеніе вами креста „въ образѣ круга, творимаго супругами“, благотворно напомнитъ и многимъ сыновомъ брака тотъ часъ, который не упріиде, но пріидетъ нѣкогда, быть можетъ, яко тѣхъ въ пощя...

При окончаніи бракосочетанія нѣкоторые священники обыкновенно заставляютъ новобрачныхъ „въ знакъ супружеской любви дать другъ другу подъ кровомъ церкви первый поцѣлуй“. Можно бы спросить ихъ: что имъ за дѣло до этого поцѣлуя? И въ сущности что такое этотъ церковный поцѣлуй супруговъ — жертва Богу, или назиданіе ближнимъ? Если же онъ ни то, ни другое, то къ чему тутъ внимательство священника? Ссылаются на слова Требника: „также входятъ и поздравляютъ ихъ, и цѣловавше другъ друга, и бываетъ отъ священника совершенный отпущъ“. Но это, не совсѣмъ опредѣленное, замѣчаніе Требника вовсе не дѣлаетъ священника распорядителемъ супружескихъ поцѣлуевъ. Въ древности бракосочетаніе совершалось не на средняхъ церкви, какъ теперь совершается, а предъ царскими вратами за рѣшеткою, куда кромѣ новобрачныхъ и „кума“, или по нынѣшнему „дружка“, никто не входилъ. Поэтому выраженіе Требника: „также входятъ“ относится къ родителямъ, или заступающимъ мѣсто родителей, которые не только не стояли за рѣшеткою, но, какъ и при совершеніи крещенія своихъ дѣтей, совершенно удалялись изъ церкви до окончанія бракосочетанія, чтобы предоставить дѣтямъ полную свободу въ произнесеніи предъ алтаремъ своихъ обѣтовъ. Вступ-

леніе же за рѣшетку родителей послѣ бракосочетанія и поздравленіе ими своихъ дѣтей было выразительнымъ продолженіемъ вѣчнаго благословенія Божія первымъ супругамъ: плодитесь и размножайтесь и наполняйте землю и обладайте ею. Естественно при этомъ движимые любовью родители обнимали и цѣловали своихъ дѣтей, а въ порывахъ радости заставляли и своихъ молодыхъ супруговъ цѣловаться между собою. И это никому не могло показаться страннымъ, такъ какъ поцѣлуй въ древней Церкви практиковались, какъ извѣстно, даже при литургіи по-возгласъ: „возлюбимъ другъ друга“. Если же Церковь, матерски относясь къ естественнымъ порывамъ чистыхъ чувствъ родителей и дѣтей, записала въ Требникѣ этотъ обычай словами: „и цѣловавшіе другъ друга“, то намъ слѣдуетъ помнить, что въ большинствѣ восточные хрістіане вступали въ бракъ, сравнительно съ нами, въ очень молодыхъ лѣтахъ,—что между молодыми и дѣвщами отнюдь не допускалось той вольной общительности, какая у насъ теперь въ разныхъ видахъ практикуется,—что нерѣдко женихъ видѣлъ свою невесту подъ вѣнцомъ чуть ли не въ первый разъ и что поэтому поцѣлуй послѣ брака былъ дѣйствительно поцѣлуемъ первымъ, какъ нѣчто непостыдное, чистое, священное, какъ восторженно Адамовское: это кость отъ костей моихъ и плоть отъ плоти моеѣ... а не тѣмъ, чисто сценическимъ движеніемъ, какое теперь у нашихъ нѣкоторыхъ новобрачныхъ, быть можетъ, сто разъ до брака цѣловавшихся, совершенно опрофанировано въ своемъ первичномъ чистомъ значеніи и только способно вызывать обычные при этомъ поцѣлуѣ и вовсе не согласныя съ святостію храма усмѣшки и насмѣшки зрителей. Но все-таки замѣчаніе Требника представляетъ священника въ отношеніи къ цѣлующимся въ положеніи совершенно безучастномъ. Хотятъ-де родители расцѣловать своихъ дѣтей, пусть цѣлуютъ; угодно имъ и дѣтей своихъ заставить цѣловаться, пусть заставляютъ; желательно и самимъ супругамъ обнять другъ друга, пусть обнимаются. А священникъ продолжаетъ свое выс-

шее, благодатное дѣло, — онъ творить отпустить, т. е. благословеніе родительское завершаетъ и утверждаетъ изреченіемъ Божественнаго благословенія отъ Христа Спасителя по молитвамъ Его небесной Церкви. Лучше, собрать, вмѣсто побужденія къ поцѣлуямъ скажите юнымъ супругамъ хоть коротенькое но прочувствованное поученіе, для котораго величественная обрядность таинства брачнаго даетъ такъ много прекраснаго матеріала. Да потрудитесь этимъ поученіемъ запечатлѣть въ душахъ мужа и жены, что путь ихъ супружеской жизни есть путь вѣры и любви, труда, болѣзней и терпѣнія, т. е. скорбный по плоти путь подвижническаго и спасительнаго креста за себя, за свою супружескую половину и за своихъ, быть можетъ, многочисленныхъ и несчастныхъ дѣтей, для чего именно и необходима, изліянная теперь на нихъ въ таинствѣ брака, Божественно вспомооществующая благодать Св. Духа.

Свящ. А. Н—скій.

Изъясненіе посланія ап. Павла къ Евреямъ¹⁾.

Г Л А В А 3-я.

Итакъ, братія святые, участники въ небесномъ званіи, уразумѣйте Посланика и Первосвященника исповѣданія нашего, Іисуса Христа, Который вѣренъ Поставившему Его, какъ и Моисей во всемъ домѣ Его (Числ. 12, 7). Еще и здѣсь говорятъ о тайнѣ воплощенія Христа. Ибо въ Евангеліи Самъ Спаситель говорятъ о Себѣ, что Онъ посланъ только къ погибшимъ овцамъ дома Израилева. Поэтому по-гречески Онъ называется апостоломъ, а по-латыни посланникомъ (missus). Познайте, каковъ есть Первосвященникъ Іисусъ, и вы не будете нуждаться въ другомъ утѣ-

¹⁾ См. № 29-й.

шени, въ другой отрядъ. Ибо Апостоль называетъ Его Первосвященникомъ исповѣданія нашего, то есть, вѣры нашей, Которому вѣренъ этотъ новый народъ, какъ Моисею дакъ былъ первый народъ для успокоенія; но Этому вѣрено гораздо большее и гораздо высшее. Апостоль желаетъ расположить души израильтянъ къ превосходству обѣтованій Бога, чтобы они тщательно старались принять, что милостиво общалъ имъ принести Богъ. Онъ называетъ ихъ любезными братьями, призванными къ небесному, соучастниками Христу въ наслѣдїи Божіемъ, — Христу, Который вѣренъ Богу Отцу, сотворившему Его. Говоритъ о челоѣчествѣ Его, родившагося отъ сѣмени Давида по плоти, но не о божествѣ Его, которое не сотворено, а рождено отъ единосущнаго съ Нимъ Отца, какъ говоритъ Моисей, вѣренъ въ домъ Его. Намѣреваясь предпочесть Его Моисею по сравненіи въ законѣ жречества, привелъ эти слова, утверждая, что Онъ вѣренъ въ домъ Его. Вѣренъ, то есть, отдалъ всего Себя на защиту того, что принадлежитъ Ему, не способенъ совратиться. Домъ этотъ — мы, такъ какъ Апостоль далѣе говоритъ: какъ и Моисей былъ вѣренъ во всемъ домѣ своемъ, то есть, въ первомъ народѣ. Показываетъ, какъ мы должны составлять домъ Его. Ибо говоритъ: этотъ домъ мы, если сохраняемъ дерзновеніе и упованіе, которымъ хвалимся, до конца: претерпѣвшій до конца спасется. Домомъ называетъ призванныхъ въ Церковь. Мы — домъ Его, то есть, твореніе Божіе, созданное во Христѣ Иисусѣ. Доселѣ Апостоль сравнивалъ Христа по плоти съ Моисеемъ, а теперь обращается къ болѣе высокому повѣтствованію: ибо Онъ достоинъ тѣмъ большей славы предъ Моисеемъ, чѣмъ большую честь имѣетъ въ сравненіи съ домомъ Тотъ, Кто устроилъ его. Сказалъ, чѣмъ большую честь имѣетъ художникъ сравнительно не съ произведеніями своими, а съ домомъ, который построилъ. Видишь, Онъ сказалъ не о храмѣ, но о народѣ, который Моисей вывелъ изъ Египта, и о тѣхъ, кого Хри-

стось освободилъ отъ рабства діаволова, и себя причислилъ къ дому. Ибо всякій домъ устроится къмъ либо, и устроившій все есть Богъ. Здѣсь Апостоль различаетъ Творца отъ твари, называя Творцемъ того и другого дома Бога, но иначе того дома, которымъ управлялъ Моисей, и иначе того, воздемъ и правителемъ котораго Апостоль называетъ Христа. Поэтому далѣе говоритъ: и Моисей вѣренъ во всемъ домъ Его, какъ служитель, для засвидѣтельствванія того, что надлежало возвѣститъ. А Христось, какъ Сынъ, въ домъ Его. Домъ же Его мы, если только дерзновеніе и упованіе, которымъ хвалимся, твердо сохранимъ до конца. Іисусъ участвуетъ въ дѣлахъ Отца, какъ Сынъ, а Моисей, какъ служитель Божій. Здѣсь опять Апостоль убѣждаетъ ихъ (евреевъ) стоять бодро и не падать; ибо мы будемъ домомъ Бога, если только дерзновеніе и упованіе наше, которымъ хвалимся, сохранимъ до конца. Апостоль прекрасно сказалъ: если только упованіе... такъ какъ въ этой жизни для святыхъ всѣ блага заключаются въ надеждѣ, доколѣ они не достигнутъ созерцанія вѣчнаго блаженства. Надеждою мы спасаемся. Ибо обѣщанныхъ благъ мы не можемъ имѣть въ этой скорбной жизни; всѣ блага наши въ этой жизни должны заключаться въ надеждѣ и ожиданіи будущихъ благъ до конца жизни. Посему, какъ говоритъ Духъ Святый, ни въ, когда услышите гласъ Его, не ожесточите сердцецъ вашихъ, какъ во время ропота въ день искушенія въ пустынь, гдѣ искушали Меня отцы ваши, не испытывали Меня и видѣли дѣла Мои 40 лѣтъ. Посему я вознегодовалъ на оный родъ и сказалъ: непрестанно заблуждаютъ сердцемъ, не познали они путей Моихъ. Посему Я поклялся во гнѣвъ Моемъ, что они не войдутъ въ покой Мой. Апостоль сказалъ о надеждѣ на горнее, такъ какъ намъ должно надѣяться на будущее. Надежда же на то, что подлежитъ зрѣ-

нію, не есть надежда. Исторія, которую воспоминаетъ здѣсь Пророкъ, хорошо извѣстна. Когда евреи вышли изъ земли Египетской и шли длиннымъ путемъ, и получили много доказательствъ всемогущества Божія въ Египтѣ, при Черномъ морѣ и въ пустынѣ, то они рѣшили послать соглядатаевъ осмотрѣть землю Обѣтованную. Соглядатаи, возвратившись, объявили, что земля очень плодородна, но населена храбрыми и непобѣдимыми людьми. Израильтяне, безчувственные и неблагодарные, вмѣсто того, чтобы вспомнить великія благодѣянія Божіи къ нимъ,—вспомнить, какъ Господь защитилъ ихъ отъ непріятеля, настигнувшаго ихъ при Черномъ морѣ и грозившаго задавить ихъ своею громадою,—вспомнить, какъ Господь посылалъ обильные источники воды среди пустыни и манну, какъ творилъ многія другія чудеса,—не повѣрили Господу, не вспомнили ничего, но объятае страхомъ, кричали: вернемся въ Египетъ! И Господь разгнѣвался на людей, не помнящихъ Его благодѣяній и чудесъ и опредѣлялъ имъ въ наказаніе то, что не получатъ покоя покладѣніе это въ землѣ, обѣтованной отцамъ ихъ. И они всѣ погибли въ пустынѣ, спаслись только два мужа. Итакъ о трехъ родахъ покоя Апостоль упоминаетъ въ этомъ посланіи: о покоѣ субботы, когда Богъ почилъ отъ всѣхъ дѣлъ своихъ, о покоѣ въ Палестинѣ, когда евреи успокоились отъ нуждъ и трудовъ египетскихъ, и объ истинномъ покоѣ, то есть, царствѣ небесномъ, гдѣ действительно уже успокоятся отъ всѣхъ трудовъ и болѣзней всѣ, которые наследуютъ его. О немъ Пророкъ говоритъ, взывая къ истиннымъ израильтянамъ: нынѣ, когда услышите гласъ Его не ожесточите сердецъ вашихъ, чтобы не претерпѣть намъ того же, что было съ отцами вашими, лишившимися обѣщаннаго покоя. Ибо вѣкогда отцы ваши слышали слова Его чрезъ Моисея и ожесточились. Итакъ тогда, когда вы ожесточили сердца свои, Онъ говорилъ чрезъ пророка. Теперь же говоритъ Самъ, отягчая ваши сердца. Тотъ, Который прежде Себя посылалъ пророковъ, пожелалъ Самъ придти. Тотъ, Который прежде говорилъ устами

пророковъ, теперь говорить собственными устами. Итакъ не запирайте сердце вашихъ для словъ Того, Который прежде говорилъ чрезъ пророка, а теперь Самъ говорить. Вспомните, какъ отцы ваши ожесточились и какъ не вошли въ обѣщанный имъ покой, но погибли въ ропотѣ на Бога. Отцами вашими были тѣ, которые погибли, не подражайте имъ. Если вы не будете имъ подражать, то они не будутъ отцами вашими, хотя отъ нихъ вы рождены. Богъ въ камень можетъ воздвигнуть чадъ Авраама. Сорокъ лѣтъ оскорблялъ Меня этотъ народъ. Много разъ Господь наказывалъ его и все таки онъ постоянно заблуждался сердцемъ. Сорокъ дней Господь постился въ пустынѣ, чтобы восторжествовать надъ тѣмъ, кто сорокъ лѣтъ возмущалъ евреевъ противъ Бога. Стяжавши славу страданіями и воскресеніемъ, Онъ сорокъ дней пребылъ съ учениками Своими, прежде чѣмъ вознесся на небо. Въ первые сорокъ дней Онъ показалъ испытаніе этого странствованія, а въ послѣдніе сорокъ—то утѣшеніе, которымъ будутъ наслаждаться святые въ отечествѣ небесномъ. Ибо Его тѣло, то есть, Церковь необходимо терпѣть въ этомъ вѣкѣ испытанія; во у нея есть Утѣшитель, Который говоритъ: вотъ Я съ вами до скончанія вѣка (Мѣ. 28). Я поклялся, что они за невѣріе не войдутъ въ покой Мой. Много значать слова Бога, но на сколько больше клятва Его? Онъ восхотѣлъ, чтобы клятва была утвержденіемъ. Кѣмъ Богу клясться, какъ не Самимъ Собою, ибо нѣтъ большаго, во имя котораго Онъ сталъ бы клясться? Самимъ Собою Онъ утверждаетъ заповѣди Свой, Самимъ Собою Онъ утверждаетъ власть Свою. Какъ вѣрно то, что Онъ общается, такъ вѣрно и то, чѣмъ Онъ угрожаетъ. Онъ поклялся, что они не войдутъ въ покой Его, и однако нужно, чтобы нѣкоторые вошли. Такъ какъ тѣ отвержены, то войдемъ мы. Если тѣ отсѣчены отъ дерева за гордость и невѣріе, то мы войдемъ за смиреніе и вѣру. Далѣе Апостолъ убѣждаетъ народъ заботиться о вступленіи въ покой, ибо говоритъ: смотрите, братія, чтобы не было въ комъ изъ васъ сердца лукаваго

и невѣрнаго, чтобы вамъ не отступитъ отъ Бога живаго. Отъ жестокости сердца происходитъ невѣріе. Какъ грубое тѣло не поддается рукамъ врача, такъ и огрубѣвшія души не слѣдуютъ слову Божію. Если отцы ваши, говоритъ Апостолъ, за то, что не надѣялись такъ, какъ должно было надѣяться, пострадали и погибли въ пустынѣ по причинѣ жестокости сердца, то тѣмъ болѣе должно опасаться, чтобы этого не случилось съ нами. Эта рѣчь направлена къ современнымъ Апостолу христіанамъ и будущимъ; поэтому онъ говоритъ: нынѣ, ибо нынѣ можно сказать всегда, пока міръ будетъ стоять. Но наставляйте, продолжаетъ Апостолъ, другъ друга каждый день, пока можно говорить нынѣ, чтобы кто изъ васъ не ожесточился, обольстившись грѣхомъ. То есть, укрѣпляйте, возбуждайте другъ друга, чтобы не случилось съ вами подобнаго, чтобы не ожесточился кто изъ васъ, обольстившись грѣхомъ невѣрности. Размысли, почему невѣрность производитъ грѣхъ. Какъ невѣрность порождаетъ худую жизнь, такъ и душа, коль скоро ввергнется въ бездну зла, считаетъ его ничтожнымъ или презираетъ. А презирая, она не хочетъ вѣрить, что освободится отъ страха вѣчной смерти. Потомъ Апостолъ говоритъ: ибо мы сдѣлались причастниками Христу, то есть, мы стали съ Нимъ едино. Онъ есть глава, а мы члены, сонаслѣдники и соучастники Ему по духовному чловѣку, созданному съ Нимъ. Если только начатую жизнь сохранимъ до конца. Что значитъ—начатую жизнь? Это означаетъ вѣру, которою мы живемъ и благодаря которой сдѣлались сыновьями Божіими. Поэтому тщательно нужно остерегаться, чтобы мы не увлеклись какимъ либо ложнымъ ученіемъ. Далѣе говоритъ Апостолъ: доколь говорится: нынѣ, когда услышите гласъ Его, не ожесточите сердецъ вашихъ, какъ во время ропота; ибо нѣкоторые изъ слышавшихъ возроптали. Здѣсь Апостолъ входитъ въ изъясненіе пророческаго свидѣтельства, приведеннаго имъ выше, ибо онъ сказалъ:

нынѣ, когда услышите гласъ Его, не ожесточите сердце вашихъ, какъ во время ропота. Не о тѣхъ ли ожесточенныхъ невѣрныхъ онъ упоминаетъ здѣсь, трупы которыхъ погибли въ пустынѣ? Каковы тѣ, о которыхъ говоритъ? Тѣ слышали, говоритъ Апостолъ, какъ и мы слышали. Но принесло ли имъ какую либо пользу слышанное слово? Итакъ не думайте, что слушаніе проповѣдей достаточно для того, чтобы войти въ царствіе Божіе, такъ какъ и тѣ слышали чрезъ Моисея, но слышанное ими слово не принесло имъ никакой пользы, ибо они не повѣрили. Апостолъ различаетъ вѣрующихъ въ слово проповѣди отъ невѣрующихъ въ него! Ибо говоритъ: но не всѣ. Халевъ и Іисусъ, не сочувствовавшіе не вѣрившимъ, избѣжали наказанія ниспосланнаго на остальныхъ. Они не только избѣжали смерти въ пустынѣ, но имъ даровано было войти въ землю обѣтованную и тамъ глвно владѣть ея во всѣхъ предѣлахъ. Будемъ бояться такой гибели и праведнаго суда Божія, который воздастся каждому по дѣламъ его: вѣчный покой вѣрующимъ и вѣчное мученіе невѣрующимъ, чтобы мы не возвратились къ невѣрію, отъ котораго отреклись въ присутствіи многихъ свидѣтелей, и не отступили отъ обѣта, который мы дали Господу Христу при крещеніи. Пусть каждый трудается за себя самого, чтобы не оказаться недостойнымъ царствія Божія. И намъ, какъ и тѣмъ, возвѣщено, какъ войти въ царствіе. Но намъ—чрезъ Сына, а имъ—чрезъ слугу. Потомъ тотчасъ Апостолъ присоединяетъ слова убѣжденія.

Редакторъ Ректоръ Киевской Духовной Семинаріи Архимандритъ *Ириней*.

Дозволено цензурой. Киевъ, 9 іюля 1885 г. Цензоръ прот. М. Богдановъ.

Тип. Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайлов. ул., собств. домъ.

Годъ

РУКОВОДСТВО

для

XXVI.

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
пять руб., съ пересылкою шесть
рублей серебромъ.

№ 32.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Кіевской
духовной семинаріи.

1885 года, Августа 4-го.

Содержаніе: Письма къ сомнѣвающемуся въ вѣрѣ.—Давно рѣшенный, но вновь возбужденный вопросъ.—Изъясненіе посланія ап. Павла къ Евреямъ.—О деревенскихъ кладбищахъ.—Съ какой печати начинать обученіе грамотѣ, съ церковной или гражданской?

Письма къ сомнѣвающемуся въ вѣрѣ.

ПИСЬМО 8-е.

(За христіанскую мораль и противъ философской).

Метода, которой вы держитесь, мой почтенный другъ, въ нашей перепискѣ съ вами, приводитъ меня къ полному убѣжденію въ томъ (хотя это я и прежде отчасти сознавалъ), что неопредѣленность и шаткость въ области нравственной, въ морали есть обычный удѣлъ тѣхъ, которымъ не достааетъ основъ религіозныхъ. Какіе, въ самомъ дѣлѣ, странные мыслители бываютъ! Съ энтузіазмомъ прислушиваются къ возвышенному ученію Христа о нравственности, хвалятъ и до небесъ превозносятъ это ученіе,—согласно признаютъ, что нѣтъ ничего высшаго и даже подобнаго ему между произведеніями новѣйшихъ философовъ, что здѣсь

положительно ничего нельзя ни прибавить, ни убавить; утверждал все это вполне искренно и без малѣйшаго сомнѣнія, они съ философскимъ убѣжденіемъ принимаютъ мораль христіанства и въ то же время отвергаютъ его догматы; когда дѣло идетъ о самыхъ важныхъ предметахъ, они вдругъ выступаютъ съ такимъ ученіемъ, которое явно противорѣчитъ христіанскому правоученію. Такая мысль посѣтила меня вмѣстѣ съ вашимъ послѣднимъ письмомъ, въ которомъ вы, утверждая, что религія своимъ запрещеніемъ любви къ себѣ самому беретъ на себя задачу бороться съ внутреннимъ существомъ нашей природы, — повидимому, отступаете назадъ и измѣняете направленіе своихъ мыслей, но въ сущности держитесь того же самаго.

Вы согласились со мной, что религія не уничтожаетъ любви къ себѣ, а только направляетъ ее; вы безъ труда убѣдились также и въ томъ, что возраженія вашего предыдущаго письма основывались на ложномъ предположеніи: однако чтобы не уступить поля безъ борьбы, вы пытаетесь доказать, что способъ, какимъ наша религія направляетъ любовь къ себѣ, весьма суровъ и противорѣчитъ естественнымъ инстинктамъ. Здѣсь находить себѣ прекрасное примѣненіе то, на что я уже нѣсколько раньше кратко указалъ, именно, — что безрелигіозные люди нерѣдко впадаютъ въ противорѣчіе съ самими собою, съ одной стороны, восхваляя ученіе Іисуса Христа, а съ другой — нападая на него безъ страха и колебанія. Вы принадлежите къ числу тѣхъ, которые гордятся своимъ убѣжденіемъ въ чистотѣ и возвышенности евангельской морали, и однако не задумываются обвинять ее за ея предписанія касательно страстей. Знаете ли вы, что объявить мораль худою, бесполезною и непримѣнимою тамъ, гдѣ дѣло идетъ о страстяхъ, — значитъ не меньше, какъ отвергнуть ее совершенно. Развѣ вы не замѣтили, что большая часть предписаній морали касается урегулированія и подавленія страстей. Значитъ, если евангельская мораль не примѣнима въ этомъ отношеніи, то къ чему она и пригодна?

Вы говорите, что евангельскія заповѣди суровы, ибо противорѣчаютъ неодолимымъ инстинктамъ нашей природы; а въ разсужденіи евангельскихъ совѣтовъ вы идете такъ далеко, что считаете труднымъ дѣломъ убѣдить въ согласіи ихъ съ требованіями разума и мудрости. Въ подтвержденіе своего мнѣнія вы указываете на то, что тайна господства надъ страстями заключается въ умѣнны давать имъ, такъ сказать, отдушину (позволять нѣкоторое удовлетвореніе ихъ) и чрезъ то избѣгать ихъ взрывовъ, что игнорированіе этой основной истины составляетъ существенный недостатокъ, которымъ страдаетъ евангельская мораль. Вы считаете, что поведеніе, которымъ ниспровергается правильная жизнь семейная,—то поведеніе, когда, имѣя будто бы въ виду быстрое размноженіе рода человѣческаго, предаются необузданному разврату и плодъ своей невольности предоставляютъ общественной благотворительности, такое поведеніе должно быть признано грѣховнымъ, беззаконнымъ; но вы не хотите согласиться съ тѣмъ, что строгость морали должна простираться и на самыя помыслы нечистые и преступныя,—должна объявлять виновнымъ предъ Богомъ и того, кто позволяетъ возникать въ сердцѣ своемъ лишь только чувству сладострастія, хотя бы при этомъ онъ воздерживался отъ всего того, что противно природѣ или можетъ причинить вредъ семейству или обществу.

Но оставимъ тѣ разсужденія, на какія во многихъ отношеніяхъ, вызываетъ меня ваше возраженіе; станемъ лишь на точку зрѣнія человѣческаго благоразумія, за которымъ вы сама признаете столь много смысла. Я утверждаю, что евангельская мораль такъ мудра и предусмотрительна въ ея мнимой суровости, что она была бы далеко суровѣй, если бы вполнѣ удовлетворяла вашимъ требованіямъ. Слова мои, съ перваго разу, покажутся, быть можетъ, очень странными; но я надѣюсь подкрѣпить ихъ такими основаніями, что вы вынуждены будете согласиться съ моимъ мнѣніемъ.

Такъ какъ вы, кажется, съ особливою любовію занимаетесь изученіемъ человѣческаго сердца, то я позволю себѣ спросить

васъ: если, напр., запрещено совершеніе какого нибудь дѣйствія, то въ какомъ случаѣ труднѣе достигнуть послушанія (соблюденія заповѣди),—тогда ли когда запрещено и самое желаніе этого дѣйствія,—или тогда, когда этому желанію предоставленъ полный просторъ? Я убѣжденъ, что человѣку гораздо легче избѣгнуть совершенія того, чего онъ не пожелалъ, чѣмъ удержаться отъ совершенія поступка, желаніе котораго въ немъ есть и, быть можетъ, очень сильно. Справедливо говорятъ, что отъ мысли до дѣла столь же далеко, какъ отъ головы до руки,—и ежедневный опытъ показываетъ, что тотъ, въ комъ зародилось желаніе владѣть извѣстною вещію,—только съ величайшимъ трудомъ воздерживается отъ употребленія средствъ, ведущихъ къ ея приобрѣтенію. Преимущественно въ тѣхъ дѣлахъ, о которыхъ мы здѣсь говоримъ, разумъ до того затемняется, страсти до того берутъ сильный перевѣсъ, что имѣвшій несчастье подпасть ихъ власти принижается до животнаго состоянія, жалкимъ образомъ забывая о чести, о благахъ, могущихъ составить счастье,—о здоровьи, даже о самой жизни. И вы предполагаете, что въ такихъ случаяхъ благоразуміе требуетъ давать мѣсто желанію, но запрещать и задерживать переходъ его въ поступокъ? Вы положительно утверждаете, что запрещеніе, простирающееся и на желаніе, сурово,—а не замѣчаете того, что только въ вашей системѣ истинная суровость, осуждающая человѣка на мученіе Таптала, когда даютъ возможность холодной и прозрачной, какъ кристаллъ, водѣ касаться его губъ, но не позволяютъ ему отвѣдать ея. Вдумайтесь глубже въ эти замѣчанія,—и вы убѣдитесь, что истинная суровость есть принадлежность вашей, а отнюдь не евангельской морали; ваша мораль подъ видомъ снисходительной кротости осуждаетъ сердце человѣка на мученіе, между тѣмъ какъ евангельская мораль путемъ мудрой и соразмѣрной суровости готовить душамъ добродѣтельнымъ спокойствіе и миръ. Человѣкъ, который знаетъ, что ему не позволено наслаждаться даже помысленіемъ злымъ,—мгновенно, лишь только возникло оно, старается

изгнать его изъ сознанія своего и такимъ образомъ не даетъ страсти воспламениться и ослѣпить его. Напротивъ, тотъ, кто полагаетъ, что грѣхъ состоитъ только въ совершеніи поступка, — безъ сомнѣнія, станетъ ласкать стремленія природы, обольщая себя надеждою, что наслажденіе помыслиемъ и желаніемъ не приведетъ его къ совершенію грѣховнаго акта; однако, съ того момента, какъ разумъ и воля подымали ихъ господству, уже не возможно, по крайней мѣрѣ чрезвычайно трудно обуздать дикую страсть, которая, воспламенившись вслѣдствіе перваго, оказаннаго ей, послабленія не успокоится до тѣхъ поръ, пока не будетъ совершенно удовлетворена.

Существенное различіе, въ указанномъ отношеніи, между ученіемъ христіанской религіи и мнѣніемъ враждебныхъ ей философовъ состоитъ въ слѣдующемъ: религія проводитъ то основное положеніе, что страсти должны быть подавляемы въ ихъ зародышѣ, — что тѣмъ труднѣе управлять ими, обуздывать ихъ, чѣмъ больше росту онѣ приобрѣли; философы, наоборотъ, что необходимо позволить страстямъ и превратнымъ стремленіямъ развиваться до извѣстнаго пункта, — и тогда уже онѣ должны быть задержаны. И удивительное дѣло! такъ разсуждаютъ философы — люди, не располагающіе никакимъ другимъ средствомъ, которое они могли бы предложить сердцу, кромѣ сухихъ доводовъ разума, безсиліе которыхъ обнаруживается всякій разъ, какъ имъ приходится вступить въ борьбу съ какою нибудь болѣе или менѣе сильною страстію; со всѣмъ иначе поступаетъ религія, въ изобиліи имѣющая могущественныя средства къ тому, чтобы дѣйствовать на разсудокъ и волю, чтобы господствовать надъ цѣлымъ человекомъ. Да, религія, основанная Самимъ Богомъ, дѣйствуетъ въ согласіи съ благоразуміемъ, считалъ полезнѣйшимъ заботиться о предупрежденіи, задержаніи зла, чѣмъ усиливаться исцѣлять его, когда оно уже достигло высокой степени развитія; между тѣмъ, слабое смертное отражается разнести плотину, задерживающую воду, и полагаетъ, что можно позволить водамъ бѣше-

вать,—и когда онѣ дойдутъ до указанныхъ предѣловъ, довольно сказать имъ: „до сихъ поръ и ни шагу далѣе,—здѣсь должна разбиться гордая сила вашихъ воли“!

Не знаю, убѣдятъ ли васъ тѣ доводы, которые привелъ я въ защиту евангельской морали противъ нападенія философскихъ системъ; но вы не можете отрицать того, что мои замѣчанія достойны полнаго вниманія,—ибо они основаны на данныхъ природы человѣка и ежедневнаго опыта. То, что мы сказали о самыхъ бурныхъ и потому самыхъ опасныхъ страстяхъ, которымъ подвержено бѣдное челоѣчество, нужно сказать и о прочихъ,—хотя въ отношеніи первыхъ особенно справедливо замѣтить, что въ нихъ, какъ въ бѣгствѣ, нѣтъ спасенія. Въ высшей степени мудро то мнѣніе, что „слишкомъ много зависить отъ того, потеряно или нѣтъ господства надъ самимъ собою,—ибо не легко положить оковы настрасти, какъ скоро разъ имъ позволена свободная игра.

Съ отдѣльнымъ челоѣкомъ бываетъ то же самое, что съ цѣлымъ челоѣчествомъ, когда высшая власть, обязанная управлять, начинаетъ уступать требованіямъ управляемыхъ. Съ каждымъ днемъ тогда эти требованія увеличиваются и авторитетъ постепенно падаетъ, пока, наконецъ, не наступаетъ полная анархія, или сильная реакція, чтобы вновь пріобрѣсть потерянное и возстановить тѣ права, отъ которыхъ никогда не слѣдовало отказываться. Законы, на которыхъ утверждается порядокъ, аналогичны, если относятся и къ вещамъ совершенно различнымъ; можно сказать, что вездѣ дѣйствуетъ одинъ и тотъ же законъ, съ тѣми только видоизмѣненіями, которыя обусловливаются особеннымъ свойствомъ управляемаго предмета.

Сказанное мною о сладострастіи, говорилъ я, примѣнимо и къ другимъ страстямъ,—и я хочу показать это на чувствительнѣйшей стрункѣ вашей,—вашей любви къ челоѣчеству; ибо господа философы, какъ извѣстно, терпѣть не могутъ, если ихъ пламенная любовь къ челоѣчеству подвергается сколько нибудь

сомнѣнію. Вы постоянно упоминаете о заповѣди всеобщаго братства, которая, по ученію Іисуса Христа, должна соединять всѣхъ людей, какъ членовъ одной семьи. Изъ этой заповѣди уже само собою слѣдуетъ запрещеніе вредить своему ближнему,—и, по нашимъ правиламъ, мы не только не должны причинять никакого вреда нашему ближнему, но не должны и желать вредить ему,—мы грѣшимъ уже, если только въ сердцѣ своемъ имѣемъ зlostныя помысленія въ отношеніи къ ближнему. Если примѣнить теперь къ данному случаю вашу теорію, то окажется, что христіанская мораль должна быть отвергнута въ этомъ пунктѣ, какъ слишкомъ узкая; если слѣдовать совѣтамъ „краткаго благоразумія“, то необходимо ограничиться тѣмъ,—что совершить поступокъ, могущій повредить ближнему, не позволительно,—но отнюдь не запрещается имѣть желаніе подобнаго поступка, лишь бы мы дѣйствительно ограничивались однимъ желаніемъ. Ваша прекрасная заповѣдь, въ сущности, можетъ быть представлена въ слѣдующемъ видѣ: „Люди! не причиняйте другъ другу никакого вреда—ни дѣломъ, ни словомъ, ибо въ противномъ случаѣ вы станете поступать противъ правилъ разумной морали и оскорбите Бога, Который создалъ васъ не для того, чтобы враждовать другъ противъ друга,—но чтобы вы жили въ мирномъ согласіи другъ съ другомъ. Въ этомъ—вся обязанность ваша; что же касается внутренней чистоты вашей души, то это другое дѣло: вы можете желать своимъ ближнимъ столько зла, сколько вамъ угодно, и будьте увѣрены, что въ этомъ нѣтъ преступленія, ибо невозможно, чтобы Богъ кромѣ дѣлъ, запрещалъ намъ и самые помыслы и желанія“. Не кажется ли вамъ такъ выраженная заповѣдь любви и братства какою-то особенною и странною вещью?—И однако ясно, что вы и сами такъ должны выразиться,—ибо я не что другое сдѣлалъ, какъ только собралъ въ одно отдѣльныя части вашей системы, чтобы представить послѣднюю въ болѣе ясномъ свѣтѣ.

Основной недостатокъ въ этомъ философскомъ воззрѣніи состоитъ въ томъ, что имъ допускается противорѣчіе между виѣшнимъ и внутреннимъ,—нравственныя обязанности относятся только къ виѣшнему поведенію и сводятся къ извѣстному роду гражданской морали, которая, въ сущности, есть не что иное, какъ человѣческое правовѣдѣніе, преслѣдующее не другія какія цѣли, какъ только то, чтобы не было нарушено общественное спокойствіе. Къ такому результату приводятъ ваши взгляды,—и въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Какъ скоро Богъ изгнанъ изъ міра и не признается никакой опредѣленной религіи, т. е., не признается божественнаго вліянія на поступки людей, то эти послѣдніе цѣнятся только съ ихъ виѣшней стороны и въ глазахъ философовъ имѣютъ на столько значенія, на сколько способны произвести во виѣ что либо доброе, или воспрепятствовать чему либо злему. Удаляя изъ міра Бога или, что то же, исключая религію,—вы въ то же время уничтожаете совѣсть, уничтожаете внутренняго человѣка и сводите всю мораль къ системѣ рассчитанныхъ полезностей.

Эти выводы покажутся непріятными для васъ, и вы безъ сомнѣнія станете отказываться отъ нихъ. Однако, чтобы избѣжать бесполезныхъ споровъ, я васъ прошу еще разъ внимательно прослѣдить нѣтъ моихъ объясненій, приведшихъ меня къ этимъ выводамъ,—и я увѣренъ, что, сдѣлавъ это искренно и безпристрастно, вы не будете утверждать, что въ моихъ словахъ есть что либо ложнаго, или преувеличеннаго.

Между тѣмъ, чтобы сдѣлать для васъ еще чувствительнѣе сознаніе заблужденій и непоследовательностей того ученія, котораго вы придерживаетесь съ такою твердостью, я сдѣлаю приложение этого ученія къ заповѣди всеобщаго братства, на сколько эта заповѣдь можетъ быть разсматриваема не съ своей запрещающей стороны (отрицательной), но заповѣдующей (положительной). Какъ скоро признаютъ достовѣрнымъ, что зло заключается во виѣшнихъ поступкахъ, то должны согласиться и съ тѣмъ, что и

добро, нравственность относится лишь къ вѣшности, — такъ что, значить, сдѣлать ближнему добро есть поступокъ, достойный похвалы, а пожелать ему добра — нѣтъ. Но знаете ли, куда ведетъ насъ это положеніе? Знаете ли, что этимъ положеніемъ достигается не менѣе, какъ совершенное уничтоженіе однимъ ударомъ столь восхваляемаго всеобщаго братства философской филантропій? Что же за любовь, которая ограничивается только вѣшнымъ актомъ? Истинна ли та любовь, которой нѣтъ въ сердцѣ? Развѣ вы не знаете, что и въ самой рѣчи человѣческой, дѣлается различіе между благодареніемъ и благожеланіемъ — между дѣланіемъ и желаніемъ добра? И неужели это несправедливо? Развѣ не обѣ добродѣтели (дѣланіе и желаніе добра) достойны въ высшей степени похвалы? Развѣ тотъ, кто, по недостатку средствъ, не благожелателенъ, — недостойнъ похвалы, если онъ благожелателенъ, т. е., если онъ по крайней мѣрѣ имѣетъ желаніе сдѣлать добро, хотя для него и не возможно перевести это желаніе въ дѣло. И развѣ тотъ, кто дѣлаетъ добро, не желаетъ его прежде, чѣмъ сдѣлаетъ его? Не знаю, смотрите ли вы на дѣло съ этой точки зрѣнія, — но о себѣ я могу вамъ сказать, что я считаю желаніе и дѣло столь внутренно связанными другъ съ другомъ, что они кажутся мнѣ предметами одного и того же рода, — что на послѣднее я смотрю только какъ на осуществленіе перваго. Въ разсужденіи дѣланія добра мой рѣшительный взглядъ таковъ: если я мыслю человѣка, который дѣлаетъ добро, но который въ то же время не имѣетъ въ сердцѣ своемъ полнаго любви стремленія, побуждающаго его къ извѣстному поступку, т. е., если я вижу благодареніе раздѣленнымъ отъ благожеланія; то я — или не признаю въ такомъ поступкѣ никакого добродѣтельнаго акта, или считаю его недостаточнымъ, лишеннымъ его превосходнѣйшаго украшенія, которое одно дѣлаетъ его привлекательнымъ и достойнымъ любви.

Вы видите, почтенный другъ, что христіанская религія не безъ глубокаго основанія обращаетъ вниманіе на внутреннѣйшіе

акты и простираетъ свои требованія и запрещенія на самое сокровенное, что совершается въ глубинѣ нашихъ душъ,—что, поэтому, обвинять ее въ суровости, значить, уничтожать не только религіозную мораль, но и ту, которая создается слѣтомъ чистаго разума. Такъ близко и тѣсно связаны между собою вещи, повидимому, далеко различныя одна отъ другой,—такую внутреннюю связью связаны отдѣльныя истины, что, если кто рѣшается отвергнуть одну, оказывается вынужденнымъ отвергнуть и много другихъ, которыя, быть можетъ, онъ принимаетъ со всюю откровенностію и глубокою преданностію. Своими замѣчаніями я хотѣлъ привести васъ къ слѣдующему выводу,—который я и прежде неоднократно вынесилъ вамъ: какъ много зависить отъ того, чтобы при рѣшеніи вопросовъ религіозныхъ остерегаться разсматривать ихъ изолированно одинъ отъ другаго; въ противномъ случаѣ, мы подвергаемся опасности исказить истину, а искаженіе истины есть заблужденіе. Невѣрующіе и сомнѣвающіеся почти всегда повторяютъ эту ошибку; они выражаютъ какой нибудь догматъ, заповѣдь, обрядъ,—отдѣляютъ его отъ всѣхъ остальныхъ,—анализируютъ, не обращая вниманія на тѣ отношенія, въ какихъ стоятъ отдѣльный догматъ, заповѣдь, обрядъ къ другимъ догматамъ, заповѣдямъ, обрядамъ; они разсматриваютъ предметъ съ одной стороны и потому имъ не трудно представить обрядъ смѣшнымъ, догматъ нелѣпнымъ, заповѣдь суровою. Нѣтъ такихъ истинъ, которыя не оказались бы не состоятельными, если такъ ихъ будемъ разсматривать. Въ области нравственной, особенно когда дѣло идетъ о въ высшей степени пріятныхъ и обольстительныхъ чувствахъ, весьма не трудно обмануть неосторожныхъ, предлагая имъ подъ видомъ невинныхъ отдохновеній смертоносный ядъ. Такъ напр., въ отношеніи трудностей, на которыя вы указываете въ вашихъ письмахъ,—что болѣе согласно съ инстинктами природы, съ пріятными влеченіями сердца, какъ не ученіе, предлагаемое вами! „Почему, говорите вы, недостаточно запрещать только поступки, могущіе имѣть дурныя слѣдствія для

общества, семейства и индивидуума? Къ чему проникать еще въ душу и мучить сердце, заставляя его отказаться отъ тѣхъ удовольствій, которыя, не переходя въ преступныя дѣйствія, и въ глазахъ Самого Бога суть только невинныя наслажденія природы. Если зло не осуществляется на дѣлѣ, то кому вредитъ одно только желаніе его? Возможно ли, чтобы Создатель оскорблялся безвредными желаніями своего созданія?“ Слова эти, для людей неопытныхъ и страстныхъ, безъ сомнѣнія, покажутся пріятными, увлекающими; но для нравственности они слишкомъ опасны и гибельны; въ дѣйствительности они возлагаютъ на человѣка тяжкое, неудобопосильное бремя. Въ противоположность этимъ вашимъ разсужденіямъ, въ вашемъ же духѣ, мы можемъ сказать такъ: „неужели вы на столько хотите быть суровыми, чтобы, уже позволивъ жаждущимъ устамъ приблизиться къ холодному, драгоценному напитку, не дать имъ отвѣдать онаго? Неужели вы на столько будете суровы, чтобы, не налагая на страсти внутри человѣка никакой узды, запретить однако ихъ удовлетвореніе во внѣ? Неужели вы захотите быть столь жестоки, чтобы, позволивъ бурямъ проноситься по сердцу, держа послѣднее въ постоянномъ напряженіи и непрестанной борьбѣ, не доставить ему и облегченія, не уменьшить его страданій, не утишить нѣ помъ мучительныхъ бурь посредствомъ обнаруженія ихъ во внѣ—въ дѣйствительныхъ поступкахъ? Или закройте совершенно доступъ злу,—или дайте цѣлительныя противъ него средства; но не тягивайте подобнымъ образомъ внутренняго человѣка въ борьбу съ внѣшнимъ,—сердце съ поступками. Если вы хотите быть друзьями людей, то позаботьтесь о томъ, чтобы ваша ложная снисходительность не была такъ жестока“.—„Можетъ ли Богъ оскорбляться внутренними состояніями своего созданія“, съ удивленіемъ спрашиваете вы?—И я не менѣе удивляюсь подобному вопросу, слыша его отъ человѣка, который еще не дошелъ до положительнаго отрицанія Божества. Если существуютъ отношенія между Богомъ Творцомъ и человѣкомъ—Его твореніемъ,—если Онъ смотритъ

на Свое созданіе, какъ на предметъ, достойный Его попеченій,— то не ясно ли, не очевидно ли, что разумъ и воля, т. е., самое драгоценное въ человѣкѣ, что дѣлаетъ его способнымъ познавать и любить Творца, что возвышаетъ его надъ животными и дѣлаетъ его царемъ природы,—не очевидно ли, что эти внутреннія духовныя способности должны быть преимущественнымъ предметомъ попеченій всевышняго Творца, какъ безконечнаго Духа? не ясно ли, что Онъ внѣшнія дѣла на столько цѣнитъ, на сколько они вытекаютъ изъ святилища внутренняго сознанія, которыми мы, по волѣ Его, должны любить Его, познавать и молитвенно призывать? Богу, какъ высочайшему Духу, безъ сомнѣнія, и въ человѣкѣ прежде и больше всего угодна и пріятна чистота и святость его души; а слѣдовательно, все нечистое и страстное, наполняющее и волнующее душу человѣка будетъ предметомъ Его глѣва.

И что такое человѣкъ, если не обращать вниманія на его внутренне существо? Что такое мораль внѣ отношеній ея къ разуму и волѣ? Можетъ ли что быть неосновательнѣе, даже неразумнѣе того ученія, которое подъ видомъ обильнаго чувства человѣчности и какъ бы защищая достоинство и независимость человѣка, такъ безжалостно уничтожаетъ въ немъ то, что есть въ немъ наиболѣе независимаго и благороднаго, если отвергаетъ значеніе разума и воли въ его нравственной жизни?

Будьте увѣрены, почтенный другъ, что не можетъ быть ни истины, ни достоинства въ томъ, что противорѣчитъ религіи. То, что на первый взглядъ кажется благороднымъ и достойнымъ, при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается низкимъ и безчестнымъ; тѣ филантропическія чувства, на основаніи которыхъ дѣлается упрекъ христіанской религіи за суровость ея морали, на самомъ дѣлѣ, ведутъ лишь къ укрѣпленію власти тѣла надъ духомъ, къ совершенному снятію оковъ на землѣ съ сладострастныхъ похотей и вообще беззаконныхъ страстей человѣческихъ.

Б.

Давно рѣшенный, но вновь возбуждаемый вопросъ.

Въ книгѣ „Сводъ указаній и замѣтокъ по вопросамъ пастырской практики“ (С.-Петербургъ 1875 г.), отдѣлъ II-й, въ статьѣ 2-й о томъ, „какъ и гдѣ читать молитвы женъ родильницъ“ (стр. 39) читаемъ:

„По вниманію къ тѣлесной нечистотѣ, бывающей у женщины послѣ рожденія ея дитяти, нѣкоторые священники простираютъ свой ригоризмъ до того, что не даютъ таковымъ даже цѣловать св. крестъ. Это незаконно во всѣхъ отношеніяхъ; ибо въ такомъ случаѣ пришлось бы снимать св. кресты съ благочестивыхъ родильницъ, носящихъ сіе св. знаменіе на шеѣ, и пр., а по правиламъ логики, вмѣстѣ съ симъ выносить даже и св. иконы изъ той комнаты, гдѣ находится роженница“ и т. д. и т. д. (Практ. кружков. для священ. печатавш. въ прилож. къ Черн. Епарх. Вѣд., 1873 г. стр. 5, 6, 40).

„Нѣкоторые священники, говорятъ авторъ выписанной статьи, простираютъ свой ригоризмъ до того, что не даютъ родильницамъ даже цѣловать св. крестъ“. Слово даже означаетъ здѣсь, очевидно, нѣчто меньшее, тогда какъ родильницамъ дозвоительно-де и большее. Изъ недозволенія родильницъ цѣловать св. крестъ авторъ выводитъ заключеніе, что „въ такомъ случаѣ пришлось бы снимать крестъ съ родильницы, выносить и всѣ иконы изъ комнаты родильницы“ и т. д. и т. д. Изъ дозволенія же родильницъ цѣловать св. крестъ слѣдуетъ уже дозволеніе родильницъ и большаго, напр. преждевременнаго хожденія ей въ храмъ... Въ самомъ дѣлѣ родильницамъ дозволительно же пріобщаться св. Евхаристіи въ случаѣ опасности ихъ жизни. Но подобныя исключенія изъ общаго правила, какъ извѣстно, доказываютъ только истинную неприкосновенность правила.

Какая же крайняя необходимость родильницъ цѣловать св. крестъ, такъ что „не цѣловать его—не законно во всѣхъ отноше-

пійахъ“, какъ рѣшено авторомъ. Ужели въ самомъ дѣлѣ отъ нецѣлованія св. креста можетъ произойти какое нибудь лишеніе для родильницы, или ослабленіе религіи, или неудовольствіе со стороны прихожанъ?

Но 1) по окончаніи молитвы, читаемой въ первый день, по внигда родити женѣ отроча, не указанъ въ Требникѣ даже и отпустить. Для чего же заходить далѣе указаннаго предѣла, да еще съ св. крестомъ?

2) Никакая родильница не рѣшится цѣловать св. крестъ, котораго впрочемъ священники и не берутъ съ собою для чтенія молитвы, да и родильницы въ это время находятся большею частію не въ переднемъ углу предъ иконами, гдѣ читаетъ священникъ молитву, а вдали отъ священника, и даже въ другой комнатѣ.

3) Крестъ на шеѣ родильницы и крестъ церковный въ рукахъ священнодѣйствующаго ужели совершенно безразличны между собою, также безразличны и иконы домашнія между иконами церковными или и самою церковію? Но и къ домашнимъ иконамъ добрые люди не дозволяютъ себѣ прикасаться во всякое время и во всякомъ одѣянніи. Ужели и это ригоризмъ¹⁾?

Священникъ *Іоаннъ Любимовъ*.

Керенскаго уѣзда, Пенз. губ.,
село Большая Лука.

¹⁾ Обстоятельное рѣшеніе сего вопроса, согласное съ мыслями о. Любимова, напечатано въ Руководствѣ для сельскихъ пастырей за 1884 г. т. I, стр. 233—239. Ред.

Изъясненіе посланія ап. Павла къ Евреямъ¹⁾.

ГЛАВА 4-я.

А входимъ въ покой мы увѣровавшіе, такъ какъ Онъ сказалъ: Я поклялся во гнѣвъ Мой, что они не войдутъ въ покой Мой. Насъ убѣждаетъ войти въ покой, чтобы не было сказано о насъ *si introibunt*, то есть, не войдутъ въ покой Мой. Апостолъ спѣшитъ указать иной покой, къ которому мы призваны, то есть, царствіе небесное. Онъ говоритъ, что мы не войдемъ въ тотъ покой, который находится въ Палестинѣ, но тѣ по причинѣ жестокости своей не войдутъ ни въ Палестину, ни въ покой небесный — царствіе небесное. Итакъ о первомъ покоѣ продолжаетъ говорить: хотя дѣла Его были совершены еще въ началѣ міра; ибо нѣгдѣ сказано о седьмомъ днѣ такъ: и почилъ Богъ въ день седьмый отъ всѣхъ дѣлъ Своихъ (Быт. 2, 2). Тотчасъ Апостолъ говоритъ и о второмъ покоѣ, обѣщанномъ народу Божию: и еще здѣсь: если войдутъ въ покой Мой. Союзъ *si* можно понимать въ качествѣ утвержденія, отрицанія, сомнѣнія. Выше, гдѣ говоритъ, что по причинѣ жестокости ихъ Богъ поклялся, что они не войдутъ въ обѣщанный покой, этотъ союзъ поставленъ въ качествѣ отрицанія. Прибавилъ: *si introibunt*, то есть, не войдутъ. Здѣсь же можно понимать его за союзъ утвердительный. Апостолъ какъ бы такъ сказалъ: если войдутъ, то будутъ жить счастливо. Поэтому присоединилъ: поелику остается нѣкоторымъ войти въ него. Именно въ тотъ покой который былъ въ Палестинѣ, вошли немногіе, то есть, только два, Иисусъ и Халевъ, изъ всѣхъ тѣхъ, которые вышли изъ Египта. А тѣ, которымъ прежде возвѣщено, не вошли въ

¹⁾ См. № 31-й.

него за нецокорность. Здѣсь Апостоль указываетъ на тѣхъ, кому не дано было войти въ землю обѣтованную, и чьи трупы остались въ пустыахъ. Затѣмъ слѣдуютъ разсужденія, хотя недостаточно ясныя, о томъ покоѣ, который обѣщанъ вѣрующимъ во Христа. То еще опредѣляетъ нѣкоторый день, нынѣ, говоря чрезъ Давида, послѣ столь долгаго времени, какъ выше сказано: нынѣ, когда услышите гласъ Его, не ожесточите сердцецъ вашихъ. Ибо еслибы Іисусъ (Навинъ) доставилъ имъ покой, то не было бы имъ сказано о другомъ днѣ. Указываетъ Апостоль третій покой, о которомъ Давидъ сказалъ: нынѣ, обозначая этимъ не тотъ покой, въ который ввелъ евреевъ Іисусъ Навинъ, но другой, лучшій, въ который вводитъ вѣрующихъ не прообразующій, а дѣйствительный Христосъ. Посмотримъ, вѣрно ли это. Послѣ столь долгаго времени, какъ выше сказано, опять говоритъ Давидъ: нынѣ, когда услышите гласъ Его, не ожесточите сердцецъ вашихъ. Ибо еслибы Іисусъ доставилъ народу покой, которымъ управлялъ, то Давидъ не говорилъ бы потомъ о другомъ покоѣ. Слѣдовательно вѣрно, что нѣкоторымъ остается еще унаслѣдовать покой, прообразованный покоемъ иалестинскимъ, къ которому приведетъ народъ свой истинный Іисусъ. Посему для народа Божія еще остается субботство. Ибо кто вошелъ въ покой Его тотъ и самъ успокоился отъ дѣлъ своихъ, какъ и Богъ отъ Своихъ. Подъ покоемъ Бога нужно разумѣть окончаніе дѣлъ, когда Богъ, окончивши въ шестой день твореніе, въ седьмой почилъ отъ произведенія новыхъ тварей. Во имя этого вѣчнаго покоя божественнаго, Апостоль призываетъ насъ къ вѣчному покою, который называетъ субботствомъ, принаравливался къ языку евреевъ. Апостоль не употребилъ въ этомъ мѣстѣ слово „покой“, но „субботство“—слово радостное и желательное,—называя субботствомъ царствіе Божіе, онъ въ субботу какъ

бы предписываетъ особенно воздерживаться отъ всего дурнаго, сохранять все, что касается покорности Богу, что дѣлали жрецы, что помогаетъ душѣ, и ничего другаго. Не такой субботы онъ желаетъ въ царствіи Божіемъ, чтобы опять возвращаться къ тяжелымъ дѣламъ, какъ дѣлали это въ субботу плотскую. Но кто войдетъ въ ту субботу, тотъ навсегда почіетъ отъ дѣлъ своихъ, какъ Богъ почилъ отъ своихъ. Итакъ, желая всѣмъ дать истинное понятіе о воскресеніи и вѣчномъ покоѣ, Апостолъ часто употребляетъ слово „нынѣ“, чтобы никогда не теряли надежды войти въ царствіе Божіе. Онъ какъ бы такъ говоритъ: если кто согрѣшалъ до нынѣ, то пусть надѣется на исправленіе свое. Посему пусть никто не отчаивается, доколѣ живетъ. Итакъ постараемся войти въ покой тотъ, чтобы кто нибудь по тому же примѣру не впалъ въ непокорность. Великое и спасительное дѣло—вѣра, и безъ нея нельзя никому спастись, какъ и сказано: безъ вѣры не возможно угодить Богу; но одной вѣры не достаточно: необходимо творить дѣла сообразно съ вѣрою и поступать достойно Господа. Поэтому и самъ апостолъ Павелъ увѣщеваетъ пріѣзжихъ достойное служеніе, говоря: постараемся войти въ покой оной. Постараемся, такъ какъ недостаточно одной вѣры, но нужна и жизнь, достойная вѣры, и нужно много потрудиться, чтобы вѣра не оказалась бесплодною. Если тѣ, возронтавшіе на Господа, не удостоились войти въ землю обѣтованную, то какимъ образомъ, мы удостоимся войти въ царствіе Божіе, если будемъ жить такъ же, какъ живутъ язычники? Каждый, желающій войти въ царствіе небесное, долженъ украсить вѣру добрыми дѣлами. Грѣшникъ не войдетъ въ царство небесное и будетъ одержимъ постояннымъ страхомъ наказанія. Посему Апостолъ добавляетъ: чтобы кто нибудь по тому же примѣру не впалъ въ непокорность. Апостолъ какъ бы такъ говоритъ: мы достаточно научены примѣромъ нашихъ предковъ, чтобы не впасть въ подобное имъ, чтобы не претерпѣть намъ того же, что они претерпѣли, то

есть, чтобы не впасть потому же примѣру въ непокорность. Затѣмъ, чтобы поселить еще болѣе страхъ въ сердцахъ грѣшниковъ, прибавляетъ: ибо слово Божіе живо и дѣйственно и острѣе всякаго меча обоюду остраго. Здѣсь Апостоль указываетъ, что мы имѣемъ того же самаго Судью, Который осудилъ непокорность тѣхъ, ибо говоритъ: живо Слово Божіе и дѣйственно. Слово Божіе, то есть, Сынъ Божій, Который говоритъ о Себѣ: кто соблюдетъ слово Мое, тотъ не увидитъ смерти во вѣкъ (Іоан. 8). Какъ если бы тѣ сохранили слово Божіе, то не умерли бы и вошли бы въ землю обѣтованную; такъ и мы, если сохранимъ слово Его, будемъ жить и войдемъ въ покой небесный. Ибо Слово Божіе живо и дѣйственно и острѣе всякаго меча обоюду остраго. Мечъ можетъ отдѣлать члены отъ тѣла, пронзить внутренности и плоть, но гораздо пронзительнѣе или острѣе его слово Божіе. Оно проникаетъ до раздѣленія души и духа, составовъ и мозговъ, и судитъ помысленія и намѣренія сердечныя. Душою мы живемъ, духомъ (умомъ) мыслимъ, наша тѣлесная жизнь сходна съ жизнью животныхъ, а по духовной мы подобны ангеламъ. Такъ дѣйственъ судъ Божій, что различаетъ грѣхи плотскіе отъ духовныхъ, кто что мыслить умомъ и какое желаніе хранить во глубинѣ сердца; такъ остро созерцаніе Бога, что все что мы дѣлаемъ и мыслимъ, Онъ знаетъ лучше насъ самихъ. Мы имѣемъ постоянного свидѣтеля нашихъ дѣйствій и помысловъ въ Богѣ, Который и будетъ нашимъ Судьею. Будемъ бояться могущества Того, присутствія Котораго не можемъ избѣжать. Ибо Апостоль сказалъ: слово Божіе, то есть, всевѣднѣе Божіе, судитъ чувствованія и помысленія сердечныя. Этимъ Апостоль показываетъ, что все наше вѣншнее и внутреннее судится тѣмъ, Кто все наше знаетъ и весь проняцаетъ всего человѣка. Неудивительно, что Онъ знаетъ свое твореніе, и духовное и тѣлесное, такъ какъ все, что сотворено, сотворено Имъ. Посему Апостоль прибавляетъ

и нѣтъ твари, сокровенной отъ Него, но все открыто и обнажено предъ очами Его. Этими словами Апостолъ сильно устрашаетъ непотребныхъ рабовъ, не исполняющихъ дѣлъ вѣры съ чистою совѣстію, ибо Самъ видитъ и испытуетъ все то, что находится въ сердцахъ, и воздастъ каждому по заслугамъ его. И зачѣмъ будемъ говорить о людяхъ? И ангелы, и архангелы, и херувимы, и серафимы, и великая другая тварь— все открыто очамъ Божиимъ, все обнажено и извѣстно. Что можетъ скрыться отъ Бога? Все обнажено и открыто предъ глазами Его. Ему дадимъ отчетъ, то есть, сами дадимъ отчетъ въ нашихъ дѣлахъ. Итакъ, имѣя Первосвященника великаго, прошедшаго небеса, Іисуса Сына Божіа. Не много выше, разсуждая о божествѣ Его, Апостолъ говорилъ все обнажено и открыто предъ очами Его, а теперь, говоря о человечествѣ Христа, разсуждаетъ о первосвященствѣ Его, принесшаго Себя Самого ради нашего спасенія,— указываетъ, какъ Онъ первый изъ всѣхъ вошелъ въ покой небесный, словами: итакъ мы имѣемъ Первосвященника прошедшаго небеса. Мойсей, вождь народа, которому обѣщанъ былъ переходящій покой, не вошелъ въ этотъ покой, который очень часто Онъ обѣщаль ему. А этотъ нашъ великій Первосвященникъ, Ходатай высшаго обѣтованія, наставляющій вѣрующихъ въ Него, первый вошелъ въ покой, обѣщанный Имъ народу, вѣроупоному Ему, показавъ Себя великимъ Первосвященникомъ, такъ какъ имѣетъ вѣчное священство, вѣчно живый Ходатай за насъ. Этого первосвященника называетъ прямо Сыномъ Божиимъ. О Мойсѣѣ Апостолъ никогда такъ не говоритъ, но называетъ его всегда служителемъ. Имя Іисусъ сообщено было отъ Бога ангеломъ Пресвятой Дѣвѣ, и что этотъ Іисусъ есть Сынъ Божій. Будемъ твердо держаться исповѣданія нашего; ибо мы имѣемъ не такого первосвященника, который не можетъ сострадать намъ въ немощахъ нашихъ. О какомъ исповѣданіи говорить здѣсь Апостолъ? О томъ, что

Христосъ есть Сынъ Божій, Богъ, что Онъ погребенъ былъ послѣ страдальческой смерти, что Онъ, какъ Богъ, въ третій день воскресъ, вознесся на небо, сидитъ одесную Бога Отца, придетъ судить живыхъ и мертвыхъ, что чрезъ Него мы имѣемъ всѣ блага—искупленіе, воскресенію и вѣчное спасеніе Богу Отцу. А что это истинно, видно изъ того, что Первосвященникъ входитъ во внутренность завѣсы, во святилище, будучи окропленъ собственною кровію, а не чужою, какъ ветхозавѣтные священники, которые окроплялись кровію рыжей телицы. Мы имѣемъ не такого первосвященника, который не можетъ сострадать намъ въ немощахъ нашихъ. Онъ хорошо знаетъ все, что свойственно намъ. Онъ испыталъ всѣ условія человѣческой жизни,—все, кромѣ грѣха, не сдѣлавъ ничего такого, что приноситъ смерть, какъ засвидѣтельствовалъ Самъ въ Евангеліи, говоря: приходитъ князь міра сего и во Мнѣ не имѣетъ ничего. Всякій первосвященникъ знаетъ грѣхъ, которые находятся въ бѣдствіи, и знаетъ ихъ бѣдствіе. Ибо невозможно знать мученій страдальца тому, кто опытно не пережилъ ихъ и не принялъ на себя. А нашъ первосвященникъ подъялъ всѣ бѣдствія, постигшія человечество послѣ паденія прародителей, и тогда уже вознесся въ горнія къ трону Отца. Но Который, подобно намъ, искушенъ во всемъ, кромѣ грѣха. Хотя былъ искушаемъ различнымъ образомъ, однако не былъ побѣжденъ. Во всемъ испытанъ и вездѣ остался славнымъ побѣдителемъ. Онъ, какъ имѣющій подобно намъ плоть, былъ искушаемъ, но чуждъ былъ грѣха. Вотъ искушеніе, которому подвергся Христосъ: Онъ претерпѣлъ преслѣдованія отъ многихъ, пріимъ заплеванія, былъ осужденъ, обнаженъ, привязанъ къ позорному столбу, отверженъ собственнымъ народомъ, и наконецъ распятъ. Подобно намъ по плоти, говоритъ Апостолъ, кромѣ грѣха. Ибо природа, воспринятая Имъ, подобна нашей, но она не имѣла грѣха, перешедшаго къ намъ отъ родителей. Первородный грѣхъ въ природѣ перваго

человѣка былъ таковъ, что отъ нея могло произойти и наказаніе, и исцѣленіе (remedium). Наказаніе и грѣхъ во всемъ мірѣ человѣческомъ, кромѣ Христа, въ которомъ исцѣленіе и спасеніе. Ибо грѣшная природа не была осуждена на то, чтобы отъ нея не могло произойти избавленіе. Всемогущество Божіе устроило такъ, что оказалась и полнота правосудія, и обиліе благодати. Посему да приступаемъ съ дерзновеніемъ къ престолу благодати, чтобы получить милость и приобрести благодать для благовременной помощи. Посему да приступаемъ съ дерзновеніемъ, то есть, приступаемъ съ вѣрою къ престолу благодати Его, да имѣемъ дерзновеніе, хотя мы и грѣшники, получать Его милость, если припесемъ плоды, достойныя милосердія, и сохранимъ твердо дерзновеніе и упованіе наше до конца. Теперь истинный Первосвященникъ нашъ Іисусъ Христосъ, Сынъ Божій, сидитъ на тронѣ благодати, готовый отпустить согрѣшенія наши. Для благовременной помощи. Теперь по истинѣ благовременна помощь и милосердіе Его, какъ въ другомъ мѣстѣ славный учитель нашъ (ап. Павелъ) сказалъ: се нынѣ время благопріятно, се нынѣ день спасенія (1 Кор. 6). И гораздо прежде пророкъ, указывая на время помощи, говоритъ: Я услышалъ тебя во благо время и помогъ тебѣ въ день спасенія. Если согрѣшившіе послѣ крещенія могутъ списать милосердіе, то это дѣло благодати Сидящаго на тронѣ благодати. А что Онъ преданъ за насъ, это знакъ великаго униженія, которое Онъ припалъ отъ нашей природы, а не отъ своей сущности, которая у Него тождественна съ сущностію Бога Отца, Которому мы приносимъ во благо время исповѣданіе наше съ вѣрою въ Его благодать, когда Онъ возсѣдастъ на тронѣ благодати и доставляетъ намъ все, что служимъ къ нашему спасенію. Теперь есть время, даровъ, никто пусть не отчаивается относительно себя самаго. Будемъ бояться трона Его правосудія, когда Онъ придетъ судить все по справедливости: тогда будетъ

время отчаянія для не желавшихъ обратиться къ трону благодати, когда затворится покой, и тогда же пребудутъ съ женихомъ тѣ, которые принесутъ свѣтильники, свѣтящіе добрыми дѣлами. Апостоль желаетъ показать, что этотъ завѣтъ гораздо лучше древняго, ибо въ немъ нѣтъ ничего прообразовательнаго, какъ наприм. жертвенныхъ животныхъ, и все выше и совершеннѣе.

Г Л А В А 5 - я.

Ибо всякій первосвященникъ, изъ человѣковъ избираемый, для человѣковъ поставляется. Прежде всего Апостоль опредѣляетъ, что такое первосвященникъ, и показываетъ, что относится до первосвященника, въ чемъ состоитъ его служеніе и какіе знаки отличія у первосвященника. Первосвященникъ поставляется для того, чтобы онъ приносилъ дары и жертвы, чтобы могъ сострадать тѣмъ, которые не знаютъ и заблуждаются, потому что и самъ онъ обнаженъ былъ немощію. Долгъ первосвященника есть стоять между Богомъ и народомъ, молиться Богу за грѣхи народа. Это совершилъ Христосъ, принесши Себя Самого за грѣхи наши, всегда живыи для того, чтобы ходатайствовать за насъ; разъ припавшій людьми, Онъ всегда ходатайствуетъ за людей. Здѣсь Апостоль полагаетъ съ одной стороны нѣчто общее у Христа съ первосвященниками, а съ другой нѣчто особенное, высшее. Онъ говоритъ: ибо всякій первосвященникъ, изъ человѣковъ избираемый, для человѣковъ поставляется на служеніе Богу. Общее то, что поставляется для человѣковъ на служеніе Богу, чтобы приносить дары и жертвы за грѣхи; а остальное уже различно. Могущій снисходить невѣжествующимъ и заблуждающимъ. Здѣсь уже превосходство. Посему Апостоль прибавляетъ: и посему онъ долженъ какъ за народъ, такъ и за себя приносить жертвы о грѣхахъ. Это относится болѣе къ первосвященни-

камъ подзаконнымъ, чѣмъ ко Христу, развѣ только кто нибудь станетъ утверждать, что Церковь Христа есть одно тѣло, такъ что, когда Онъ приноситъ жертвы за Церковь, то приноситъ также за Свои члены, но это толкованіе можетъ казаться натянутымъ (*violeta*). Затѣмъ Апостолъ разсуждаетъ, кто и какъ долженъ приступать къ первосвященству. И никто самъ собою не пріемлетъ сей чести, но призываемый Богомъ, какъ и Ааронъ. Этими словами Апостолъ поражаетъ первосвященниковъ, жадныхъ до почестей и стремящихся къ первосвященству не ради спасенія народа, но изъ-за почестей. Итакъ Ааронъ былъ призванъ Богомъ знаменіемъ жезла развѣтнаго, и этимъ было показано, что Самъ Богъ избралъ его въ первосвященника. Не хотѣвшіе признать его первосвященническаго достоинства были попалены огнемъ. Такъ и Христосъ не Самъ Себѣ присвоилъ славу быть первосвященникомъ, но Тотъ, Кто сказалъ Ему: Ты Сынъ Мой, Я нынѣ родилъ Тебя. Это то же самое, что Спаситель говоритъ въ Евангеліи: если Я славлю Себя Самого, то слава Моя ничто: Меня прославляетъ Отецъ Мой. Нужно замѣтить, что славить (*glorificare*) чествовать (*honorare*) и прославлять (*clarificare*) хотя и три слова, но выражаютъ одно и то же, что погречески означаетъ словомъ *δοξάζειν* славить, но пользуются ими различно и различно поставлены въ латинскомъ переводѣ. Что въ Евангеліи выражено словомъ славлю, то Апостолъ называетъ прославленіемъ. Слѣдовательно Спаситель прославленъ Отцомъ, когда надъ крещаемымъ раздался голосъ Отца: Ты Сынъ Мой возлюбленный, въ Тебѣ Мое благоволеніе. Это прославленіе было предсказано гораздо раньше пророкомъ по внушенію Духа Святаго словами: Господь сказалъ мнѣ: Сынъ Мой Ты, Я сегодня родилъ Тебя (Псал. 2). Господомъ называется Отецъ. Чтобы видно было, что Христосъ и едиnorodный Сынъ Божій есть одно и то же лицо, къ словамъ: это Сынъ Мой, въ Которомъ

все Мое благоволеніе; присоединилъ: сего дня Я родилъ Тебя. Это уже не имѣетъ ничего общаго со всѣми прочими, которые называются сыновьями и жрецами, о которыхъ сказано: азъ рѣхъ: вы боги и всѣ сыновья Вышняго; но это принадлежать только единородному Сыну. Какъ и въ другомъ мѣстѣ говоритъ: Ты священникъ во вѣкъ по чину Мелхиседекову. Мелхиседекъ былъ священникомъ не по закону ветхозавѣтному, но по достоинству нѣкотораго особеннаго священства: онъ принесъ Богу хлѣбъ и вино, а не кровь неразумныхъ животныхъ. По чину этого священства Христосъ сдѣлался священникомъ, — невременнымъ, но вѣчнымъ. Къ Нему сказано: Ты іерей во вѣкъ по чину Мелхиседека. Ибо всѣ священники были по закону, а Онъ одинъ только по чину Мелхиседека. Онъ сдѣлался священникомъ по причинѣ той плоти, которую принялъ, или по причинѣ той жертвы, которую взявши отъ насъ, принесъ за насъ, то есть, плоть и кровь. Объ этой жертвѣ Самъ Онъ говорить въ Евангеліи: если не будете ѣсть плоти Сына человѣческаго и пить крови Его, то не будете имѣть въ Себѣ жизни. Но въ этой плоти и крови духъ человѣческій не долженъ видѣть ничего кроваваго, ничего тлѣннаго, но долженъ видѣть животворную и спасительную субстанцію въ хлѣбѣ и винѣ. Кто это вкушаетъ достойно, тотъ приобретаетъ чрезъ это отпущеніе грѣховъ, обладаніе царствомъ небеснымъ. А кто недостойно, тотъ, какъ говоритъ Апостолъ, судъ себѣ яетъ. Чинъ этого священства установилъ праведнѣйшій царь Мелхиседекъ чрезъ таинственное схождение, когда принесъ Господу хлѣбъ и вино. Ибо извѣстно, что животныя жертвы, которыя принадлежали культу Аарона, а не Мелхиседека, прекратились, но жертвы изъ хлѣба и вина при отмѣненіи тѣхъ жертвъ существуютъ по всюду на всемъ земномъ шарѣ. Священникомъ же называется въ особенности Христосъ, Который однажды принесъ Себя Самого въ жертву за насъ, какъ однажды въ Священномъ Писаніи говорится о Мелхиседекѣ и его священ-

ства. Когда говорится во вѣкъ, то означается Самъ Господь Христосъ, Который пребываетъ во славѣ вѣчной: Онъ во дни плоти Своей съ сильнымъ воплемъ и со слезами принесъ молитвы и моленія могущему спасти Его отъ смерти, и услышанъ былъ за Свое благоговѣніе. Что же въ священствѣ совершилъ нашъ Первосвященникъ, это яснѣе выражаетъ Апостолъ, говоря: Онъ во дни плоти Своей. Дни плоти Господа нашего—это тѣ дни, въ которые Онъ принялъ плоть, въ которые былъ искушаемъ, претерпѣвалъ страданія, въ которые молитвы и моленія приносилъ Тому, Который могъ спасти Его отъ смерти. Все же, что ни сдѣлалъ Христосъ во плоти, суть молитвы и моленія за грѣхи рода человѣческаго. Изліяніе крови Его священно, вопль силенъ, при которомъ и услышанъ былъ Богомъ Отцемъ за благоговѣніе Свое, за терпѣливое перенесеніе Своего страданія. Безъ грѣха. Онъ претерпѣлъ страданія не за Своя грѣхи, а за наши, чтобы спасти насъ: наши грѣхи Онъ принялъ на Себя. Это Онъ совершилъ съ великимъ благоговѣніемъ и совершеннѣйшею любовію. Онъ возлюбилъ насъ прежде и предалъ за насъ Себя Самого въ жертву пріятную Богу. Онъ услышанъ былъ Богомъ потому, что принесъ жертву пріятную Богу, то есть, Себя Самого. Слова Апостола: Онъ съ сильнымъ воплемъ и со слезами принесъ молитвы и моленія Тому, Который могъ спасти Его отъ смерти, параллельны словамъ Самого Іисуса Христа, передаваемымъ евангелистомъ: Отче Мой! если возможно, да минуетъ Меня чаша сія; впрочемъ не какъ Я хочу, но какъ Ты (Мѡ. 26). Ибо Онъ пришелъ творить не Свою волю, но волю Того, Который послалъ Его: волю Отца Своего Онъ предпочиталъ Своей волѣ. Апостолъ Павелъ говоритъ здѣсь, что Онъ приносилъ молитвы и моленія не по боязни смерти, но ради спасенія нашего. Посему и въ другомъ мѣстѣ говоритъ также, что кровь Христа вопіетъ за насъ болѣе, чѣмъ кровь Авеля. Кровь Авеля вопіяла съ

земли для обвиненія въ братоубійствѣ, а кровь Христа вопіетъ съ земли къ Отцу для умиловленія за насъ.

Хотя Онъ и Сынъ, однако страданіями навъкъ послушанію, и совершившись сдѣлался для всѣхъ послушныхъ Ему виновникомъ спасенія вѣчнаго, былъ нареченъ отъ Бога Первосвященникомъ по чину Мелхиседека. О сходствѣ первосвященства Мелхиседека, полагаю, довольно выше сказано. Теперь же посмотримъ, что хочетъ Апостоль показати словами: хотя Онъ былъ и Сынъ, однако страданіями навъкъ послушанію. Объ этомъ послушаніи, которое Онъ принялъ добровольно, въ другомъ мѣстѣ говоритъ такъ: былъ послушенъ даже до смерти, и смерти крестной. Посему и Богъ превознесъ Его (Фил. 2, 8). Совершившись. Показываетъ, какое пріобрѣтеніе есть Его страданіе, которое всѣмъ вѣрующимъ доставляетъ вѣчную жизнь. Итакъ если послушаніе Сына есть причина человѣческаго спасенія, то какъ необходимо намъ оказывать Богу полное послушаніе, чтобы сдѣлаться достойными того спасенія, которое Онъ даровалъ намъ чрезъ собственнаго Сына?— О семъ надлежало бы намъ говорить много, но трудно истолковать, потому что вы сдѣлались неспособны слушать. Указываетъ причину, почему трудно говорить о воплощенномъ Сынѣ Божіемъ. Причина эта заключается въ самихъ слушателяхъ: они не способны понимать глубокія тайны Божіи. Ибо тѣ, которые, судя по времени, должны были бы быть наставниками, сами сдѣлались такими, для которыхъ нужно молоко, а не твердая пища. Итакъ трудность рѣчи была въ неспособности слушателей, а не въ мудрости апостольской, для которой доступны тайны, сокрытыя отъ начала вѣковъ, какъ весьма ясно показалъ въ посланіи къ Ефессяамъ. Потомъ присоединилъ: ибо, судя по времени, вамъ надлежало быть учителями, но васъ снова нужно учить первымъ началамъ Слова Божія, и для васъ нужно

молоко, а не твердая пища. Говорить къ тѣмъ, которые закономъ и пророками должны были быть наставлены относительно пришествія Христа и той благодати, которая, дарованная чрезъ Него вѣрующимъ, и которые могли быть учителями другихъ по предмету тайнъ Божіихъ, сообщенныхъ имъ, если бы умѣвали. Теперь же они сдѣлались подобны дѣтямъ, которымъ для чтенія сообщаются начатки писемъ. Тѣ которымъ надлежало быть твердыми въ вѣрѣ и достаточно свѣдущими, чтобы понимать твердую пищу мудрости, которая принадлежитъ совершеннымъ, сдѣлались теперь такими, которымъ нужно молоко. Молокомъ называетъ простую рѣчь, въ которой, по его свидѣтельству, нуждались тѣ, кто не могли подняться на высоту великихъ тайнъ Божіихъ. Напримѣръ: кто не можетъ понять, что говорить евангелистъ: Слово сдѣлалось плотию, тотъ какимъ образомъ можетъ понять слова евангелиста же: въ началѣ было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Богъ? Всякій, питаемый молокомъ, не свѣдущъ во славѣ правды, потому что онъ младенецъ. Твердая же пища свойственна совершеннымъ, у которыхъ чувства навѣкомъ приучены къ различенію добра и зла. Ибо небо различаетъ вкусъ пищи, а душа узнаетъ рѣчи различныхъ доктринъ, о которыхъ ниже въ этомъ посланіи говорить: не увлекайтесь чужими ученіями. Ибо какъ дитя не умѣетъ различать одну пищу отъ другой, и часто, хватая вредную пищу, подвергается опасности, если не удерживается своею матерію; такъ и всякій не просвѣщенный легко обольщается, такъ какъ не умѣетъ различать ученій, и подвергается опасности на пути заблужденія. Какая разница между молокомъ и твердою пищею, такая же между не просвѣщеннымъ или простымъ и мудрымъ. Какъ молоко приличествуетъ дѣтямъ, а твердая пища—взрослымъ, такъ не просвѣщеннымъ свойственно пониманіе простой рѣчи, а мудрымъ—тайственной, такъ какъ у нихъ развитъ умъ. Какимъ образомъ

они могли развить умъ? Конечно путемъ опыта и частаго чтенія Священнаго Писанія. Поэтому Псалмопѣвецъ называетъ блаженнымъ того мужа, который поучается въ законъ Божіемъ день и ночь (Псал. 1).

О деревенскихъ кладбищахъ¹⁾.

Современное состояніе большинства нашихъ деревенскихъ кладбищъ ужасающее въ полномъ значеніи этого слова. Къ нимъ, по всей справедливости, можно примѣнить извѣстныя слова, что они суть полны костей мертвыхъ и всякія нечистоты. На всемъ протяженіи любого деревенскаго кладбища вы, за немногими исключеніями, не найдете положительно ни одной пяди свободнаго мѣста для копанія новыхъ могилъ; все завалено гробами покойниковъ, а въ болѣе давнихъ кладбищахъ эти гробы стоятъ, такъ сказать, въ нѣсколько этажей, одинъ на другомъ, при чемъ въ нижнемъ находятся болѣе древніе и уже совершенно истлѣвшіе гробы покойниковъ, а въ верхнихъ слояхъ видны гробы болѣе недавняго времени. Всякій священникъ, всякій гробокопатель могутъ подтвердить справедливость нашихъ словъ. Последніе, т. е. гробокопатели, не находя свободнаго мѣста для новыхъ могилъ, совершенно спокойно раскапываютъ старыя могилы, обпаруживаютъ гробы и здѣсь - то уготовляютъ мѣста для новыхъ покойниковъ, причемъ вмѣстѣ съ землею неизбѣжно выбрасываютъ они и кости покойниковъ; а этихъ костей въ нѣдрахъ кладбищъ цѣлыя массы²⁾. Весьма часто при копаніи могилы находятъ

¹⁾ Предлагаемая замѣтка, которую мы перепечатаваемъ изъ «Литовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей», имѣетъ значеніе и приложеніе не для одной Литовской епархіи. Дѣло о лучшемъ устройствѣ и содержаніи кладбища чуть не по всемъ приходамъ русской Церкви стоитъ на очереди.

Ред.

²⁾ Нерѣдко они валяются даже на поверхности земли, люди и скотъ попираютъ ихъ, ибо кладбища наши въ большинствѣ не огорожены.

разомъ по нѣскольку череповъ—явный знакъ того, что въ этомъ мѣстѣ погребено уже нѣсколько человѣкъ... Чувство ваше возмущается, вы протестуете, кричите на могильщиковъ за такое неуваженіе къ памяти покойниковъ, объясняете имъ противуправственное значеніе ихъ поступка и всегда слышите отъ нихъ въ подобныхъ случаяхъ одинъ неизмѣнный отвѣтъ: „а гдѣжь копать—совсѣмъ мѣстъ нѣтъ, вездѣ могилы, да могилы“. Объясненіе, скажемъ мы, совершенно резонное, потому что достаточно бросить одинъ взглядъ на кладбище, непереносимое крестами и насыпями, чтобъ самому придти къ такому же выводу. И возмущенное сначала ваше чувство при видѣ такого безобразія мало по малу успокоивается и со временемъ вы примиряетесь съ подобными явленіями, и даже не протестуете... Священники лишь требуютъ, дабы вырытые при копаніи могилъ смертныя останки снова были зарыты въ землю—и только. Итакъ творится у насъ изъ года въ годъ; а къ старымъ покойникамъ, по неизбѣжнымъ законамъ природы, постоянно прибываютъ все новыя и новыя, которые всѣ погребаются на однихъ и тѣхъ же кладбищахъ... Повторяемъ, наши деревенскія кладбища въ настоящемъ ихъ состояніи—верхъ безобразія, вопіющее зло, ибо большинство ихъ до крайности переполнено покойниками, почва ихъ до послѣдней песчинки пропитана разложившимися трупами, атмосфера здѣсь верѣдко, особенно въ лѣтніе жары, чувствительна своимъ особымъ запахомъ и, кто знаетъ, не такому ли запущенному состоянію кладбищъ мы обязаны появленіемъ въ средѣ крестьянскаго населенія разныхъ эпидемическихъ болѣзней, въ родѣ оспы, тифа, дифтерита и т. п., верѣдко собирающихъ съ него такую обильную дань! По крайней мѣрѣ современная наука положительнымъ образомъ доказала вредное вліяніе кладбищъ на народное здорье, особенно же расположенныхъ вблизи населенныхъ мѣстъ, и установила тотъ фактъ, что зараза разносимая кладбищами передается не только черезъ атмосферу, но также движеніемъ подпочвенныхъ водъ.

Для полноты настоящего очерка деревенскихъ кладбищъ слѣдуетъ еще присовокупить и то, что многія кладбища находятся почти о бокъ деревень и селъ, а мы лично видѣли одно кладбище расположенное даже въ центрѣ села, въ какихъ нибудь 40 или 50 шагахъ отъ священническаго дома, съ двухъ другихъ сторонъ замыкаемое крестьянскими жилыми и холодными постройками!... Жители села, очевидно, пьютъ зараженную воду и дышатъ такимъ же воздухомъ!...

Такое состояніе сельскихъ кладбищъ объясняется, съ одной стороны давностію ихъ существованія, а, съ другой, ничтожными ихъ размѣрами. Въ самомъ дѣлѣ только немногія изъ кладбищъ, сколько намъ извѣстно, заключаютъ въ себѣ одну или двѣ десятины, а большинство ихъ—только половину и даже $\frac{1}{4}$ этого пространства. И этотъ тѣсный и миниатюрный клочекъ земли часто предназначенъ служить для погребенія жителей многихъ деревень, входящихъ въ составъ даннаго прихода. Здѣсь покоятся цѣлые вымершіе роды настоящаго поколѣнія крестьянъ.

Богъ вѣсть, до какихъ поръ будетъ продолжаться такой порядокъ вещей, это нагроможденіе мертвецовъ надъ мертвецами. Пространство кладбищъ не увеличивается ни на одинъ вершокъ, а мертвецы, повторяемъ, прибываютъ постоянно и перѣдко огромными массами. Въ одну изъ холерныхъ эпидемій, бывшихъ въ сосѣднемъ приходѣ въ самый краткій промежутокъ времени (не болѣе 3 недѣль) было погребено на кладбищѣ—страшно даже сказать—280 человѣкъ!... Все кладбище, и безъ того тѣсное сразу усѣялось еще большимъ количествомъ свѣжихъ могилъ. Въ слѣдующемъ за тѣмъ году въ томъ же приходѣ снова появилась другая (тифозная) эпидемія, еще годъ спустя—оспенная, жертвою которыхъ сдѣлалось около 200 человѣкъ—итого въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ было погребено почти 500 человѣкъ! Провѣрить наши слова легко можно по метрическимъ книгамъ сего злополучнаго прихода, коего настоятель не на шутку полагалъ, что уже наступило время поголовнаго вымиранія его. Въ

другомъ соеѣднемъ съ нами приходѣ, въ истекшемъ 1884 году насчитывалось безъ малаго сто покойниковъ, а свободныхъ мѣстъ для погребенія таковыхъ тамъ давнымъ давно уже не имѣется. Слѣдовательно, всѣ они погребены тоже на старыхъ мѣстахъ или могилахъ. И такъ "творится во многихъ приходахъ нашей епархіи. Конечно, трудно даже приблизительно опредѣлить цифру покойниковъ, погребенныхъ на тѣхъ мнѣиатурныхъ клочкахъ земли, именѣмыхъ у насъ кладбищами, но цифра эта должна быть страшно велика, если принять во вниманіе то обстоятельство, что самые древніе старики не запомятъ времени учрежденія сихъ кладбищъ, безсмысленно и по нынѣ служащихъ мѣстомъ погребенія покойниковъ, какъ и во времена ихъ дѣтства, про другіе же кладбища крестьяне заявляютъ, что тамъ погребены ихъ отцы, дѣды, прадѣды, прапрадѣды и всѣ ихъ „предки“, про третьи же кладбища крестьяне вѣроятно, по преданію, утверждаютъ, что они еще были „за Польши“, значитъ весьма давно. Но въ большинствѣ случаевъ на распросы о времени первоначальнаго учрежденія того или другого кладбища крестьяне отвѣчаютъ, что одинъ только Богъ знаетъ, съ какихъ поръ они существуютъ.

Отсюда сама собою является необходимость повсемѣстнаго открытія новыхъ кладбищъ и, по возможности, въ болѣе широкихъ размѣрахъ, на узаконенномъ разстояніи отъ жилыхъ людскихъ помѣщеній. Къ сожалѣнію, открытіе кладбища связано у насъ съ такими трудностями, что рѣдкій изъ нашихъ священниковъ рѣшится даже возбудить вопросъ объ учрежденіи новаго или разширеніи стараго кладбища, напередъ зная, что ему придется выдержать великую борьбу съ людьми и разнаго рода другими пренятствіями, исписать кучу бумаги, испытать столько же непріятностей и огорченій и все это болѣею частію напрасно безъ всякой пользы для дѣла. Къ тому же дѣла объ отводѣ новыхъ мѣстъ для кладбищъ обыкновенно тянутся у насъ цѣлые годы, иногда по десяти даже лѣтъ... Говоримъ это по личному

опыту. Въ этомъ именно обстоятельствѣ и кроется причина молчанія и бездѣтельности священниковъ при видѣ того зла, которое мы выше изобразили. И тутъ, какъ и во многомъ другомъ, напрасно винять нашихъ священниковъ. Какъ постоянные очевидцы зла, господствующаго на кладбищахъ, они болѣе чѣмъ кто либо сознають это зло, страдаютъ отъ этого нравственнымъ образомъ и ждали бы скорѣйшаго уничтоженія оного, но, къ сожалѣнію, каждый изъ нихъ сознаеть въ то же время полное свое безсиліе помочь дѣлу, а страхъ борьбы съ разнородными препятствіями окончательно парализуетъ ихъ охоту и рѣшимость взяться за дѣло.

Какія же это препятствія, спросить читатель? Прежде всего священнику приходится въ данномъ случаѣ считаться съ предразсудками крестьянъ, что то же да не будетъ поставлено въ вину священникамъ (у интеллигентныхъ людей высшихъ классовъ общества то же не мало всякихъ предразсудковъ и суевѣрій...). По убѣжденію крестьянъ учрежденіе новаго кладбища, взамѣнъ стараго, непременно повлечетъ за собою страшную смертность въ томъ приходѣ, гдѣ предполагается открытіе новаго кладбища. Явится вдругъ какая нибудь „прокуда“ — болѣзнь, въ родѣ „титуса“ (такъ иные крестьяне зовутъ тифъ) или холера и т. под. и станетъ она душить сотнями бѣдныхъ мужичковъ, да населять покойниками новое мѣсто посмертнаго покоя... Конечно, это глупѣйшій предразсудокъ, но игнорировать его священникъ не долженъ. Затѣвая дѣло объ учрежденіи новаго кладбища, онъ тѣмъ самымъ какъ будто злоумышляетъ противъ своихъ прихожанъ, желая призвать на ихъ главу страшную гостью — смерть, явленіе которой, конечно, никому не желательно. Станетъ, послѣ того, понятнымъ то чувство недовѣрія и нерасположенія, съ которымъ почти все крестьяне относятся къ проектамъ учрежденія новыхъ кладбищъ. Священникъ — инициаторъ такого дѣла становится для нихъ своего рода врагомъ, недоброжелателемъ... Выводъ этотъ, кажется, не будетъ неправдо-

подобнымъ... Затѣмъ, сами крестьяне совершенно апатично смотрятъ на нынѣшнее переполненіе кладбищъ покойниками, не признаютъ вреднаго антигигіеническаго вліянія кладбищъ, даже расположенныхъ вблизи ихъ деревень, слѣдовательно, опять таки не могутъ сознавать необходимости учрежденія учрежденія новыхъ кладбищъ. Они еще болѣе убѣждаются въ первомъ предразсудкѣ и видятъ въ этомъ дѣлѣ личную затѣю священника. Послѣдній представляетъ имъ всевозможные аргументы новаго кладбища, но—увы—все доводы крестьяне всегда умѣютъ обратить въ свою пользу... Ежели, говорятъ они, ты „могилицы“ (такъ зовутъ они кладбища) были сто лѣтъ тому назадъ, то они еще могутъ побыть?.. Или: „лежать тамъ наши батъки и дѣды, нехай (пускай) и насъ тамъ похováютъ! будетъ всеѣмъ мѣсто!“... Съ точки зрѣнія крестьянина такіе доводы имѣютъ полную силу, даже ссылка на законъ безсильна разубѣдить ихъ, а потому оспаривать ихъ было бы лишнею тратою силъ и времени.

Но, положимъ, священнику удалось побѣдить это первое препятствіе—склонить прихожанъ къ соглашенію съ своимъ мнѣніемъ. Тогда является другое и не менѣе серьезное затрудненіе. Для открытія новаго кладбища нужна земля и тутъ возникаетъ вопросъ: откуда взять ее? Вопросъ важный. Свободныхъ земель теперь нигдѣ нѣтъ, пустопорожнихъ пространствъ весьма мало и площадь таковыхъ, благодаря вліянію культуры, съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе уменьшается, каждый клочекъ земли строго разграниченъ и право земельной собственности строго охраняется и силою закона и глазомъ владѣльцевъ, затѣмъ вездѣ чувствуется недостатокъ земель, особенно же въ густо населенныхъ мѣстностяхъ. Всего этого нельзя не брать во вниманіе въ данномъ случаѣ. Въ трудности пріискаванія земли подъ кладбища и заключается немаловажная помѣха къ успѣшному рѣшенію дѣла подобнаго рода. И такъ, собравшись на сходку, наши мужички обыкновенно долго, долго ломаютъ свои головы надъ рѣшеніемъ вопроса—откуда взять земли?.. Наконецъ кто-то изъ толпы гово-

рить: „а чтожь, люди, возьмемъ попову землю... коли новое кладбище ему потребно, такъ пускай и свою землю дастъ“! И при этомъ совѣтчикъ указываетъ сходу крестьянъ даже мѣсто и количество поповой земли, насколько не стѣсняясь условіями ея положенія и значенія въ сферѣ причтового хозяйства. Легко можно представить себѣ смущеніе священника при видѣ такого посягательства на церковно-земельную собственность. Конечно, этотъ проектъ отчужденія священнической земли подъ кладбище, подсказанъ какимъ нибудь недоброжелателемъ священника или пьяницею-крикуномъ, всегда играющими великую роль на всѣхъ крестьянскихъ сходахъ. Тѣмъ не менѣе предложеніе послѣдняго подхвачено всѣхъ сходомъ и священникъ волею-неволею вынужденъ становится въ положеніе защитника церковно-земельной собственности. Долго тянутся споры, да переговоры въ подобныхъ случаяхъ, нерѣдко собираются повторительные сходы, священники предлагаютъ крестьянамъ разные другіе комбинаціи, въ родѣ покупки свободной земли у такого-то помѣщика, или обмѣна, но крестьяне еще съ болѣею настойчивостію заявляютъ свои притязанія на „попову землю“. На этой попыткѣ и останавливаются наши священники: дѣла объ открытіи новыхъ кладбищъ они сдаютъ въ архивъ и продаютъ ихъ полному забвенію, съ тѣмъ, дабы ужъ никогда болѣе не возвращаться къ нимъ.

Такова обычная исторія учрежденія у насъ новыхъ кладбищъ.

Но иные священники, не достигнувъ соглашенія крестьянъ на учрежденіе кладбищъ, переносятъ дѣла о кладбищахъ на офиціальную почву. Они возбуждаютъ о семъ порениску въ подлежащихъ инстанціяхъ, вѣдающихъ дѣлами этого рода. Но и этотъ путь не приводитъ къ желанной цѣли. Обыкновенно порениска тянется цѣлыя годы, пріѣзжаетъ нѣсколько комиссій, составляется множество актовъ, болѣею частію въ смыслѣ урѣзки (да еще даровой) церковной земли подъ кладбище; священники съ своей стороны заявляютъ протесты, опять пріѣзжаютъ комиссіи

въ лицѣ представителей полицейскаго, медицинскаго и крестьянскихъ учрежденій, и еще многочисленнѣе первыхъ, священнику, отстаивающему церковныя интересы, снова приходится выслушивать разныя колкости и замѣчанія, его доводы, возраженія и замѣчанія, всѣ его аргументы противъ рѣшенія членовъ комиссій обыкновенно не принимаются ни въ малѣйшій резонъ, и если священникъ вздумаетъ отстаивать неприкосновенность церковной земли ссылкой на церковныя законы, то члены комиссій не безъ проноія, замѣчаютъ такому священнику, что они не признаютъ никакихъ духовныхъ законовъ... И, что всего страннѣе,—предсѣдателями сихъ комиссій нерѣдко назначаются лица польскаго происхожденія, по вѣрѣ католики, оцѣнщиками церковной земли назначаются тоже помѣщики-католики, кои призываются рѣшать въ данномъ случаѣ дѣла и интересы русскаго православнаго духовенства!... Горько приходится священнику въ подобныхъ комиссіяхъ. Сознаніе полного одиночества и подавляющей численной силы противниковъ, отсутствіе всякой иногда поддержки со стороны благочинныхъ и депутатовъ, полное игнорированіе личности священника, упреки и колкости посылаемыя по адресу послѣдняго и т. п.,—все это тяжелымъ бременемъ ложится на его душу. Приходится нерѣдко отстаивать уже не дѣло, а свою личность и званіе. Только въ рѣдкихъ исключительныхъ случаяхъ, при обиліи пустопорожнихъ земель и рѣдкости населенія, открытіе новыхъ кладбищъ совершается сравнительно легко и быстро.

Вотъ, читатель съ какими трудностями сопряжены у насъ попытки объ устройствѣ новыхъ кладбищъ. Все это мы говоримъ по собственному опыту и опыту другихъ лицъ. А урокъ, данный нѣсколькимъ лицамъ, служатъ предостереженіемъ и для прочихъ. Этимъ обстоятельствомъ и объясняется молчаніе большинства священниковъ о настоящихъ злоупотребленіяхъ, творимыхъ сплошь да рядомъ на деревенскихъ кладбищахъ.

Нельзя долѣе мириться съ такимъ зломъ и, кончая замѣтку объ интересующемъ насъ предметѣ о кладбищахъ, не можемъ не высказать своего желанія, дабы, во 1-хъ, было сдѣлано общее распоряженіе о немедленномъ упраздненіи всѣхъ старыхъ кладбищъ, по указаніямъ священниковъ, какъ лицъ болѣе знакомыхъ съ положеніемъ таковыхъ кладбищъ; быстрое осуществленіе этой мѣры особенно необходимо въ настоящее время, въ виду всѣми ожидаемаго появленія холеры; во 2-хъ, предварительно должно быть объявлено, кому слѣдуетъ, что отчужденіе церковной земли не будетъ допущено ни подъ какимъ видомъ, — такъ какъ земля служить дополненіемъ къ содержанію причтовъ, развѣ добровольнаго согласія причта на таковую уступку; въ 3-хъ, назначить крайніе сроки для открытія новыхъ кладбищъ; и, въ 4-хъ, вмѣнять въ обязанность причтамъ всѣхъ церквей Литовской епархіи ежегодно обо всѣхъ существующихъ по приходамъ кладбищамъ, а также времени ихъ основанія и степени пригодности сообщать краткія свѣдѣнія въ клировыхъ вѣдомостяхъ; думаемъ, что это необходимо для свѣдѣнія и соображенія Епархіальнаго Начальства.

Сельскій священникъ.

Съ какой печати должно начинать обученіе грамотѣ, съ церковной или гражданской?

Мы говоримъ: „печати“, не говоримъ „азбуки“; потому что азбука одна и та же, и если въ церковной есть нѣсколько буквъ, отсутствующихъ въ гражданской, и одна (э) въ гражданской, которой нѣтъ въ церковной, азбука тѣмъ не менѣе остается та же. Итакъ съ какой печати должно начинать?

Болѣе двадцати лѣтъ господствуетъ суевѣріе, что изученіе гражданской печати должно предшествовать изученію церковной. Къ этому правилу примѣнялось составленіе азбукъ и книгъ для

первоначальнаго чтенія. Сувѣріе основалось на смѣшеніи двухъ разныхъ вещей: начертанія буквъ и способа ихъ обученія. Звуковой методъ признавъ легчайшимъ, и почему-то напчили его возможнымъ примѣнять только къ гражданской печати. А церковная развѣ къ тому же неспособна? Если въ старыхъ азбукахъ буквы назывались азъ, буки, вѣди, то и гражданскія имѣютъ право на это наименованіе; и если обучать чтенію по граждански легче посредствомъ звуковаго метода, онъ совершенно примѣнимъ къ церковной печати, потому именно опять—что азбука одна. Именно: звуку соотвѣтствуетъ въ той и другой свой знакъ, и чистый звукъ не выражается условнымъ сочетаніемъ знаковъ, какъ въ западныхъ языкахъ, гдѣ sh или sch произносится совсѣмъ несообразно съ кореннымъ звукомъ, который соотвѣтствуетъ знакамъ s, h или s. Но не будемъ смѣшивать методъ обученія съ самою азбукою: гдѣ будетъ основаніе предпочесть гражданскую печать? Проще ли самое начертаніе?—Ничуть. Говорятъ, отъ гражданской легко перейти къ церковной, нежели наоборотъ; это не только предразсудокъ, но мнѣніе прямо ложное. Достаточно сказать, что начавшему учиться по церковной печати не предстанетъ надобности учиться, чтобы разбирать гражданскую. Гражданская дается уже сама собою, объ этомъ можно справиться у любого, учившагося по церковной печати. Между тѣмъ выучившійся по гражданской нуждается еще въ новомъ обученіи, чтобы осилить церковную. Нужно опять не смѣшивать разныхъ вещей, несущественнаго съ существеннымъ. Трудны, говорятъ, титла и ударенія. А титла развѣ существенное въ азбукѣ? Ударенія же напротивъ помогаютъ правильному произношенію, которое сверхъ того облегчается тѣмъ, что напечатанное по церковному такъ и произносится, какъ пишется, чего нѣтъ въ гражданской печати. Мои болѣзни, моего, чтобы правильно прочесть это въ гражданской печати придется, совершенно вопреки требованію звуковаго метода, произнести маи болѣзни, моево. Соотвѣтствіе звуковъ съ начертаніями прекра-

Къ № 32-му.

щается съ перваго же слова, которое составить учащійся. Хотя бы это слово *оса*, обыкновенно одно изъ первыхъ; ученикъ долженъ пройти двойной процессъ: сперва прочесть *оса*, а потомъ переделывать себя и читать *аса*. Вспоминается при этомъ забавное негодованіе покойнаго Палацкаго противъ русскаго языка и русской азбуки. Что же это за азбука! восклицалъ онъ; пишется *орелъ*, *оселъ*, а выговаривается *ариолъ*, *асіолъ*. Маститый чешскій исторіографъ не хотѣлъ выразумѣть, что она не русская, а всеславянская, что подъ ея начертанія укладываются славянскіе языки, оставляя собѣ свободу при сохраненіи правописанія держаться каждому своего говора.

Редакторъ Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архимандритъ *Приней*.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 17 іюля 1885 г. Цензоръ прот. М. Богдановъ.
Тип. Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайлов. ул., собств. домъ.

Годъ

XXVI.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
пять руб., съ пересылкою шесть
рублей серебромъ.

№ 33.

Подписка принимается въ редак-
цію сего журнала, при Кіевской
духовной семинаріи.

1885 года, Августа 11-го.

Содержаніе: Шесть непреложныхъ обязанностей пастыря, указанныхъ ап. Павломъ и побужденія къ исполненію ихъ. — О мѣрахъ къ охраненію благочинія и тишины при церковномъ богослуженіи. — По вопросу о письменной исповѣди. — Какъ убѣдиться каждому лично относительно себя, способенъ ли и къ импровизаціи? — Полезныя для пастыря-священнослужителя замѣтки.

Шесть непреложныхъ обязанностей пастыря, указанныхъ ап. Павломъ и побужденія къ исполненію ихъ.

(2 Тим. 2, 1—13).

Чадо мое, возмогай во благодати, яже о Христѣ Іисусѣ. Св. ап. Павелъ убѣждая Тимофея възгрѣпать въ себѣ благодать своего призванія, даръ Божій, живущій въ немъ, и указавши, въ чемъ состоитъ этотъ даръ, возлагаетъ на Тимофея обязанность возмогать въ благодати, т. е. укрѣпляться, усовершенствоваться въ познаніи, любви и ревности къ служенію Іисусу Христу. Будучи даже возлюбленнымъ ученикомъ, духовнымъ сыномъ Павла, Тимофей не свободенъ отъ этой

обязанности. Источникъ благодати въ Иисусѣ Христѣ. Онъ владѣть христіанскою благодатью, какъ глава Церкви, и распространяетъ ее на всѣхъ членовъ своего таинственного тѣла. Онъ владѣть также благодатью священства, какъ вѣчный священникъ, не имѣющій ни предшественника, ни преемника, и распространяетъ ее, по Своей благодати и мудрости, на всѣхъ, кто удостоился части Его священства. Благодать въ Иисусѣ Христѣ не для того только, чтобы украшать, возвышать Его святую человѣческую природу и сдѣлать ее способною къ ипостасному соединенію съ Словомъ Божиимъ, и не есть слѣдствіе этого соединенія;—она дана Ему въ преизбыточествѣ, какъ всеобщее начало, освящающее каждый членъ и подкрѣпляющее каждое дѣйствіе Его таинственного тѣла. Итакъ, въ Иисусѣ Христѣ нужно искать благодати, освящающей насъ лично, и чрезъ насъ—души тѣхъ, кто порученъ намъ. Въ Немъ одномъ можно найти благодать для того и другого дѣйствія. Всѣ мы получили отъ полноты ея въ Немъ, и ни изъ какого другого источника не можемъ получить.

И яже слышалъ еси отъ мене многими свидѣтели, сія предаждь вѣрнымъ человѣкомъ, иже довольни будутъ и иныхъ научити. Это вторая обязанность, возлагаемая св. Павломъ на всѣхъ пастырей, въ лицѣ Тимофея,—передавать другимъ данное имъ самимъ, передавать такъ, какъ сами получили. Здѣсь Апостолъ даетъ намъ вѣрное понятіе о томъ способѣ, какимъ распространялось апостольское ученіе въ первые времена и послѣ въ Церкви христіанской. Наша вѣра не есть ученіе частное и тайное, не есть достояніе только немногихъ—посвященныхъ, какъ это можно сказать относительно нѣкоторыхъ философскихъ школъ и святылицъ Индіи и Египта; въ нашей религіи не отличаютъ внѣшняго ученія отъ внутренняго. Она передается публично, она передана апостолами людямъ, при множествѣ свидѣтелей, избраннымъ людямъ, которые въ свою очередь должны передавать ее дру-

гнѣ такимъ же способомъ, какимъ сами приняли ее. Епископъ и священники учать только тому, что сами слышали. Такимъ образомъ, вѣра есть достояніе общее; все члены Церкви—начальники и народъ владѣютъ имъ и отвѣтственны за его цѣлость. Но трудно допустить, чтобы при извѣстныхъ условіяхъ жизни христіанскихъ обществъ, распространенныхъ по всей землѣ,—но проникло въ христіанское ученіе чуждое, и если оно проникло, то едва ли скоро вполне раскроется. Чтобы распознать истину отъ лжи, весьма полезны ученые люди, но безусловно необходимы, ибо часто случалось въ Церкви, что вслѣдствіе особаго характера нашего христіанскаго ученія, простые вѣрующіе узнавали и раскрывали заблужденія своихъ учителей. Пастыри, которымъ преимущественно довѣрено сокровище вѣры, должны отличаться двумя качествами:—должны быть вѣрующими и способными; вѣрующими—для того, чтобы сохранить порученное имъ во всей неповрежденности; способными—передать его другимъ безъ измѣненія, такимъ, какимъ сами получили его. Эти качества безусловно необходимы для всякаго пастыря.

Ты убо злонастражди, яко добръ воинъ Іисусъ Христовъ. Это третья обязанность пастыря—терпѣть страданія и труды, какъ слѣдуетъ доброму воину Іисуса Христа. Злонастрадать, какъ добрый воинъ Христовъ—значить точно и строго соблюдать ученіе, не страшиться страданій, не отступать предъ опасностію, всегда быть готовымъ къ борьбѣ и, если нужно, къ смерти. Всякій христіанинъ, по своему призванію, долженъ быть воиномъ Іисуса Христа. Но священникъ и епископъ должны служить лучшимъ примѣромъ въ этомъ отношеніи, обязаны защищать не только себя самихъ, но и Церковь отъ всехъ вражескихъ нападеній.

Никто же бо воинъ бывая обязуется куплями житейскими, да воеводѣ угоденъ будетъ. Главная обязанность пастыря, какъ воина,—бороться съ міромъ и уничтожать его заблужденія, предразсудки, бороться съ его прелестями

и удовольствіями, презрѣніемъ и гоненіемъ: „да побѣжденъ будетъ міръ съ его заблужденіями любовью и страхомъ“ (бл. Августинъ). Отсюда четвертая обязанность настыря—отдаваться вполнѣ своему служенію, интересамъ и дѣламъ Божиимъ и не знать никакихъ другихъ. Изъ этого правила св. Павла соборы и отцы Церкви вывели то заключеніе, что служители Иисуса Христа не должны вмѣшиваться въ мірскія дѣла и занятія. Но это не свидѣтельствуетъ о несовмѣстности служенія Христу съ мірскими обязанностями. Еще въ первые вѣка Церковь владѣла помѣстьями, имуществомъ движимымъ, домами, землями, управленіе которыми не всегда было безопасно довѣрять свѣтскимъ лицамъ. Приведенное апостольское правило содержитъ въ себѣ двоякое требованіе: во первыхъ, оно не дозволяетъ настырю заниматься исключительно мірскими дѣлами, каковы торговля, судейство и военная служба; во вторыхъ, оно запрещаетъ имъ увлекаться даже позволительными для нихъ мірскими дѣлами, чтобы изъ-за нихъ не потерять свободы духа и независимости, необходимыхъ для служенія Богу. Этимъ только воздержаніемъ отъ мірскихъ дѣлъ настырь - воинъ можетъ угодить своему Воеводѣ.

Аще же и постраждетъ кто, не вѣнчается, аще не законно мученъ будетъ. Апостоль продолжаетъ развивать идею борьбы и страданій. Пятая обязанность настыря—бороться по законамъ борьбы, такъ какъ борецъ только тогда получаетъ награду за борьбу, когда выполнилъ установленныя условія борьбы. Законы, правила священнической борьбы не произвольны: они строго опредѣлены церковными постановленіями; чѣмъ выше они, тѣмъ строже должны быть исполняемы. За исполненіемъ ихъ наблюдаютъ епископы, которые и называются хранителями священныхъ правилъ. Вести борьбу не по этимъ законамъ—значить злоупотреблять ими, компрометировать успѣхъ борьбы, отказаться отъ награды, заслуженной вѣрнымъ настыремъ, потому что Богъ не награждаетъ тѣхъ, которые воли

борьбу безразсудно, по своему произволу, а не по повелѣнію и не по правиламъ Его Духа.

Трудящемуся дѣлателью прежде подобаетъ отъ плода вкусити. Жизнь воина и борца—есть борьба. Жизнь земледѣльца—трудъ постоянный и тяжелый. Онъ буквально ѣстъ свой хлѣбъ въ потѣ лица и пользуется плодами обработки имъ земли только послѣ жатвы. Такова же жизнь и духовнаго земледѣльца, работающаго на поляхъ Церкви. Отсюда шестая обязанность пастыря—служить Богу и Церкви въ потѣ лица своего и ждать награды только по окончаніи труда—въ день суда. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы и ранѣе, въ теченіе настоящей жизни, онъ не имѣлъ права пользоваться плодами труда своего и не могъ сказать вѣрующимъ: „аще мы духовная сѣяхомъ вамъ, велико ли, аще мы ваиа тѣлесная пожнемъ“ (1 Кор. 9, 11). Понимать слова Апостола иначе, значить принимать ихъ въ буквальный значеніи и упускать изъ виду внутренній смыслъ ихъ: Апостолъ выражаетъ ими ту мысль, что только тотъ имѣетъ право на награду, кто заслужилъ ее тяжелымъ и постояннымъ трудомъ. Блаженъ священникъ, пастырь душъ, который въ послѣдній день можетъ етать предъ Богомъ и сказать, подобно Царю-пророку: „въ дѣлахъ человѣческихъ, по слову устъ Твоихъ, я охранялъ себя отъ путей притѣснителя“ (Пс. 16, 4).

Разумѣй, яже глаголю: да дасть убо тебѣ Господь разумъ о всемъ. Какъ ни просты, какъ ни удобопонятны совѣты, Апостолъ не хочетъ, чтобы они остались непонятны его ученику. Пониманіе духовныхъ вещей пріобрѣтается только подъ условіемъ серьезнаго вниманія; мужественное исполненіе духовныхъ обязанностей возможно только тогда, когда о нихъ думаютъ и понимаютъ ихъ. Чтобы понять ихъ, недостаточно человѣческаго усилія, естественныхъ способностей; для сего необходимо высшее озареніе; когда его просятъ, оно дается и, какъ для всего необходимое, простирается на все. Божественный

свѣтъ, освѣщая душу, согрѣваетъ и укрѣпляетъ ее. Посему необходимо молиться: „Вразуми меня (Господи), и буду соблюдать законъ Твой, и хранить его въѣмъ сердцемъ“ (Пс. 118, 34).

Поминай Господа Іисуса Христа, воставшаго отъ мертвыхъ, отъ сѣмени Давидова, по благовѣствованію моему. Св. Павелъ постоянно соединяетъ истины догматическія съ нравственными наставленіями и тѣмъ учитъ насъ основываться или по крайней мѣрѣ поддерживать свое ученіе догматомъ. Самымъ твердымъ основаніемъ христіанскаго ученія, самою сильною помощію трудящемуся и страждущему пастырю служить воскресенію Іисуса Христа. Это величайшее чудо, высшая печать ученія и обѣтованій Спасителя—есть вѣрный и живой залогъ нашихъ надеждъ относительно души и тѣла. Апостолъ напоминаетъ часто о происхожденіи Іисуса Христа отъ сѣмени Давидова для того, чтобы опровергнуть въ самомъ основаніи заблужденія еретиковъ докетовъ, или для того, чтобы въ лицѣ своего Господа показать исполненіе пророчествъ и одну изъ самыхъ замѣчательныхъ особенностей Спасителя, обѣтованнаго Израилю. Нѣкоторые толковники думаютъ, что, говоря о своемъ Евангеліи, св. Павелъ указываетъ на Евангеліе св. Луки. Правда ни у одного евангелиста, кромѣ Луки, не говорится такъ подробно и опредѣленно о происхожденіи Спасителя отъ сѣмени Давидова и обстоятельствахъ воскресенія Іисуса Христа, тѣмъ не менѣе большая часть толкователей думаютъ, что въ приведенномъ стихѣ говорится вообще о евангельской проповѣди.

Въ немъ же злостражду даже до узъ, яко злодѣй, но слово Божіе не вяжется. Терпѣть тяжкія страданія за Іисуса Христа и быть осужденными, подобно злодѣямъ,—только участь апостоловъ, и въ томъ слава ихъ. Міръ всегда старался чѣмъ нибудь оправдать гоненія, возбуждаемыя имъ противъ Церкви. Іудейство оправдывалось тѣмъ, что апостолы, будто, разорители закона, враги Моисея и храма. Съ точки зрѣнія политиковъ имперіи апостолы были противниками установившагося

культа и величія Рима; вводя исключительную религію, они поколебали основы тогдашняго общества. Чего еще не доставало для славы Церкви, терпѣвшей страданія, когда эти страданія сопровождались безчестіемъ и когда христіанъ и ихъ пастырей гнали, какъ злодѣевъ! Но каковы бы ни были гоненія, есть свобода, которую человѣкъ не въ силахъ уничтожить: это свобода божественнаго слова. Она слышится въ темницахъ, она раздается сквозь запертыя двери, рѣшетчатыя окна, и часто она раздается тѣмъ громче, чѣмъ сильнѣе стараются заглушить ее. Съ чѣмъ можетъ сравниться состояніе Павла, закованнаго въ цѣпи въ Рымъ—въ томъ городѣ, который въ одно и то же время былъ и господиномъ и рабомъ, и утѣшающаго себя мыслию, что слово Божіе не выжется! Любящіе божественную истину болѣе всего поймутъ и оцѣнятъ это утѣшеніе, имѣющее силу для всѣхъ.

Сего ради вся терплю избранныхъ ради, да и ти спасеніе улучатъ, еже о Христѣ Іисусѣ, со славою вѣчною. Итакъ, особенность и слава слова Іисуса Христа въ томъ, что оно не выжется. Таково оно всегда и вездѣ въ темницѣ и въ узахъ. Гоненіе, не могущее заглушить божественнаго слова, несколько не можетъ остановить его спасительнаго дѣйствія на души; гоненіе даже усиливаетъ это дѣйствіе. Апостолы, находя во время страданія поддержку и славу въ той мысли, что они страдаютъ за Іисуса Христа, радовались и укрѣплялись тою мыслию, что ихъ страданія принесутъ пользу избраннымъ. Эти двѣ мысли находятся во внутренней связи между собою: служеніе Іисусу Христу не отдѣлимо отъ служенія душамъ, искупленнымъ Имъ. Все существуетъ для избранныхъ: міръ, жизнь, все настоящее и будущее. Апостолы не принадлежатъ самимъ себѣ: Петръ, Павелъ принадлежатъ избраннымъ. Въ Церкви все дѣлается для нихъ. Такимъ образомъ,—все дѣлать, всемъ жертвовать, все терпѣть для избранныхъ, чтобы спасти ихъ вмѣстѣ съ собою,—вотъ въ чемъ высшая слава, единственно достойная служителя Евангелія! Тутъ же Апостолъ даетъ высо-

кое понятіе о наградѣ, обѣщанной намъ. Это—спасеніе—свобода человѣка и совершеннѣйшее блаженство, о Христѣ Іисусѣ. т. е., въ Іисусѣ Христѣ—въ Его лицѣ и заслугахъ источникъ этой свободы и блаженства; въ Немъ же образецъ ихъ и мѣра. Наконецъ—слава—неизмѣнная, безконечная, вѣчная.

Вѣрно слово: аще бо съ Нимъ умрохомъ, то съ Нимъ и оживемъ. Не уклоняясь отъ своей цѣли, Апостоль возвращается къ прежней мысли, указанной имъ, когда онъ говоритъ о воскресеніи Іисуса Христа, и изображая обѣщанную намъ награду, указываетъ другія особенности этой награды. Несомнѣнно, говоритъ онъ: если мы умерли со Христомъ, то и оживемъ съ Нимъ. Смерть со Христомъ есть необходимое условіе жизни, а жизнь съ Іисусомъ Христомъ есть вышая награда за смерть. Въ этомъ вся, такъ сказать, сущность христіанскаго ученія. Сынъ Божій, сдѣлавшійся человѣкомъ и не переставшій быть Богомъ, имѣлъ естественное право на славную жизнь, и не смотря на это, ради искупленія человѣка отъ его грѣха, Онъ благоволилъ принять мученическую смерть и самую смертію пріобрѣсти жизнь. Послѣ Него и по Его примѣру, человѣкъ, осужденный на смерть за свой грѣхъ, можетъ и долженъ въ концѣ искупить этотъ грѣхъ смертію, соединенною со смертію Спасителя, и такимъ образомъ—черезъ Него и съ Нимъ пріобрѣсти славную и непопорочную жизнь. Хотя эта тайна смерти и жизни волиѣ обнаруживается въ ученикѣ Іисуса Христа только послѣ дѣйствительной смерти, но начало ея обнаруживается и въ настоящей жизни. Вся тайна Евангелія, все нравственное ученіе его выражается въ слѣдующихъ словахъ апостола: „Умрете бо, и живете вашъ сокровенъ съ Христомъ въ Бозѣ. Егда же Христосъ явится, живете вашъ, тогда и вы съ Нимъ явитесь во славѣ“ (Колос. 3, 3—4).

Аще терпимъ. съ Нимъ и воцаримся, аще же отвержемся, и Той отвержется насъ. Другое условіе награды—страданіе и соотвѣтствующее ему послѣдствіе—царство-

ваніе; страданіе со Христомъ и царствованіе съ Нимъ. Всѣ въ этомъ мірѣ страдаютъ, и ни одинъ изъ сыновъ Адама не свободенъ отъ этого тяжелаго ига. Но страдать за Іисуса Христа или съ Іисусомъ Христомъ не одно и то же, что страдать вслѣдствіе настоящихъ условій человѣческой жизни. Кто страдаетъ и переноситъ, даже терпѣливо, свои страданія или безъ размысленія, или потому, что они неизбѣжны, или съ гордымъ убѣжденіемъ, что страданія—не зло, тотъ страдаетъ—какъ сынъ Адама, какъ рабъ, осужденный на смерть, какъ безумный, не чувствующій страданій—страдаетъ безъ утѣшенія и надежды. Но кто принимаетъ свои страданія изъ рукъ Божіихъ, соединяетъ ихъ съ страданіями Іисуса Христа, освящаетъ и возвышаетъ ихъ этимъ соединеніемъ,—тотъ приготовляетъ себѣ свободу силою креста Спасителя и, такимъ образомъ, обезпечиваетъ себѣ участіе въ Его царствѣ. Что же значитъ царствовать со Христомъ? Значитъ ли это сидѣть съ Іисусомъ Христомъ на одномъ престолѣ, носить на головѣ тотъ же вѣнецъ Іисуса Христа? Кто можетъ сказать и понять это! Мы нигдѣ не находимъ въ словѣ Божіемъ свидѣтельства, чтобы даже ангелы царствовали съ Іисусомъ Христомъ и участвовали лично въ Его торжествѣ. Такая награда сохранена только прославленному человечеству и вѣчно будетъ отличать разныя степени блаженства. Мы будемъ царствовать съ Іисусомъ Христомъ, сидѣть на Его престолѣ такъ же истинно, какъ истинно Онъ Самъ сидитъ на престолѣ Отца своего, ибо Онъ самъ говоритъ: „Побѣждающему дамъ сѣсти со Мною на престолѣ Моёмъ, яко же и Азъ побѣдихъ, и сѣдохъ со Отцемъ Моимъ, на престолѣ Его“ (Апок. 3, 21). Кто ради этого царства не почувствуетъ въ себѣ мужества достойно переносить всѣ испытанія настоящей жизни, переносить спокойно, если не съ любовью, страданія, посылаемыя намъ Богомъ? Что же касается тѣхъ которые отрекаются отъ Іисуса Христа, тѣхъ и Онъ справедливо отвергнетъ. Отрицаясь отъ Іисуса Христа, они отвергли Его заслуги, Его благодать, свѣтъ, спасеніе, которое Онъ принесъ имъ, и навсегда останутся чуждыми Ему. Человѣкъ —

столь великое существо, что судьба его зависитъ отъ него самого, а Богъ столь высокъ, что не можетъ нарушить правосудія и свободы человѣка. Кто же отрекается отъ Иисуса Христа? Тотъ, кто устами исповѣдуетъ Его, а дѣйствіями отвергаетъ, стыдится за Евангеліе, отрицаетъ ученіе Церкви, не цѣнитъ должнымъ образомъ святыхъ законовъ священства и проч.

Аще не вѣруемъ, Онъ вѣренъ и пребываетъ: отречься бо Себе не можетъ. Человѣкъ можетъ не вѣровать, а Богъ не можетъ остаться невѣрнымъ своему слову, обѣтованіямъ, угрозамъ: ни въ какомъ смыслѣ Онъ не можетъ отречься отъ Себя. Для Бога возможно все, кромѣ лжи и отреченья отъ Самого Себя; Его опредѣленія, дѣйствія, ученіе не могутъ быть противны истинѣ, унижать Его безконечную святость и абсолютную независимость, — основаніе Его существа. Свобода намѣреній и дѣйствій относительно тварей не уничтожаетъ и не уменьшаетъ нисколько существеннаго достоинства Его существа. Кто со вниманіемъ вдумается въ эти высокія истины, тотъ, быть можетъ, почувствуетъ глубокія основанія тайны пощущенія праведнаго зла, наказанія отверженныхъ и предопредѣленія избранныхъ.

О мѣрахъ къ охраненію благочинія и тишины при церковномъ богослуженіи¹⁾.

*Молимъ вы, братіе, вразумляйте без-
чинныя (1 Солун. V, 14). Вся благообразно
и по чину да бывають (1 Кор. XIV, 40).*

Въ православныхъ русскихъ храмахъ очень нерѣдко бывають случаи нарушенія тишины и благочинія во время богослуженія, особенно въ городахъ. Разговоры между пѣкорыми изъ стоящихъ

¹⁾ Согласнось съ почтенною редакціей Кавказскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей (№ 11 июль 1885 г.) касательно предлагае-

въ храмѣ составляютъ обыкновенное явленіе въ городскихъ церквяхъ и допускаются не только дѣтьми, но и взрослыми, и преимущественно ведутся такими лицами, которыя посѣщаютъ Богослуженія не по усердію и расположенію духа, а по оффиціальному положенію. Православный простолюдинъ, пришедши въ церковь, обыкновенно помолится и затѣмъ молча поклонится предстоящимъ, тогда какъ лица изъ образованныхъ сословій, вошедши въ храмъ, прежде всего считаютъ за обязанность поздравствоваться съ знакомыми и притомъ не молчаливымъ поклономъ, а сопровождаютъ свои привѣтствія болѣе или менѣе слышными разговорами, и уже послѣ такихъ разговоровъ помахаютъ рукою около пуговицы сюртука, вмѣсто крестнаго знаменія, а потомъ опять принимаются за разговоры. Случаи нарушенія тишины и благочинія въ церквяхъ бывають даже въ такіе священные моменты, когда требуется особенное вниманіе и благоговѣніе. Многократно, въ церквяхъ различныхъ мѣстностей, случалось намъ видѣть, что приступающіе къ святымъ тайнамъ безцеремонно расталкиваютъ другихъ, чтобы поскорѣе причаститься или подойти къ священнику для исповѣданія своихъ грѣховъ, при чемъ получившіе толчки браются или даже отвѣчаютъ толчками. Священникъ, видя, что на него напирають и опасаясь, какъ бы не произошло бѣды уговариваетъ толпу не тѣсниться и не толкаться, но увѣщанія дѣй-

мой мѣры къ охраненію благочинія и тишины при церковномъ богослуженіи, находимъ нужнымъ присовокупить, что въ сельскихъ церквахъ къ охраненію благочинія весьма можетъ служить поддержаніе или возстановленіе издавна введеннаго обычая, въ силу коего въ церкви, въ западной-задней части храма всегда стояли однѣ женщины (отсюда и названіе бабинецъ), незамужнія и дѣвочки впереди; на южной и сѣверной сторонѣ одни мужчины—старіки у стѣнъ, молодые впереди, а мальчики посрединѣ церкви, подлѣ соевъ. Такой порядокъ во многихъ изъ юго-западныхъ церквей строго соблюдался лѣтъ 20 назадъ и, сколько помнимъ, въ церквахъ всегда былъ порядокъ и тишина. Возстановленіе такого порядка стоянія въ храмѣ облегчало бы трудъ смотрѣнія за благочиніемъ и проектируемымъ г. Г. М. наблюдателемъ.

ствуютъ плохо, и вотъ причетникъ или кто либо изъ прихожанъ, по приказанію священника, силою оттѣсняетъ рвущихся впередъ, при чемъ бываетъ неизбежная давка и крики. Рѣдко бываетъ, чтобы всѣ чинно и тихо подходили къ кресту или къ евангелію, а раздаяніе вай сопровождается иногда даже увѣчьями. Антидоръ, обыкновенно берутъ на расхватъ, отстраняя при этомъ протянутыя руки другихъ. Но особенно возмутительно поведеніе присутствующихъ въ церквахъ при совершеніи таинства брака: вмѣсто участія въ приносимыхъ совершителямъ таинства молитвахъ, большинство присутствующихъ безцеремонно разсматриваютъ фізіономію жениха и невѣсты, высказываютъ болѣе или менѣе громко свои сужденія о достоинствахъ и недостаткахъ ихъ и вообще ведутъ себя совершенно несообразно съ святостію мѣста и богослуженія.

Такъ какъ случаи нарушенія тишины и порядка во время богослуженій въ храмахъ бываютъ не въ одной какой мѣстности, а по всѣмъ мѣстамъ православной Россіи, и такъ какъ враги православной Церкви пользуются этими случаями для униженія самой вѣры и Церкви православной: то по нашему мнѣнію, на предовращеніе и искорененіе этого важнаго недостатка должно бы быть обращено серьезное вниманіе.

Православное духовенство съ своей стороны всегда заботилось о соблюденіи благочинія и тишины въ церквахъ, внушая прихожанамъ мысли о святости храмовъ Божіихъ, необходимости благовѣйнаго и внимательнаго отношенія къ богослуженію, въ своихъ бесѣдахъ и поученіяхъ. Доказательствомъ этой заботливости служитъ множество печатныхъ поученій и наставленій о церковномъ благочиніи. Вразумленія духовенства, конечно, производили и производятъ благотворное дѣйствіе, но далеко не на всѣхъ, а потому оказывается необходимымъ, кромѣ нравственнаго воздѣйствія духовенства, принять и другія мѣры. Гражданское правительство православной Россіи, по тѣсной связи въ ней государственныхъ и церковныхъ интересовъ, всегда старалось объ

охраненіи церковнаго благочинія отъ нарушеній его, и въ дѣйствующихъ нынѣ законахъ (Свод. Зак. т. XIV, Уст. о пред., и пресвѣч., прест.), содержатся подробныя правила о предупрежденіи и пресвѣченіи нарушенія благочинія въ православныхъ церквахъ. Тѣмъ не менѣе случаи нарушенія тишины и благочинія въ церквахъ бываютъ, какъ мы выше сказали, очень нерѣдко. Отъ чего же происходитъ то, что требованія закона остаются болѣею частію мертвою буквою? Намъ кажется, что это происходитъ съ одной стороны отъ недостаточнаго числа лицъ, которымъ ввѣряется наблюденіе за тишиною и порядкомъ въ церквахъ, а съ другой—отъ того, что наблюденіе за тишиною и порядкомъ въ церквахъ, составляетъ только одну изъ многочисленныхъ функций этихъ лицъ. По дѣйствующимъ законамъ, миръ и тишину въ церкви обязана охранять мѣстная полиція и частію духовенство; но полиція въ то же время несетъ много и другихъ обязанностей и чины ея не имѣютъ возможности неопустительно присутствовать при богослуженіяхъ во всѣхъ церквахъ. Вслѣдствіе этой невозможности, обыкновенно, полиційскіе чины городовъ ограничиваются присутствіемъ только при архіерейскихъ служеніяхъ, при крестныхъ ходахъ и другихъ многолюдныхъ церковныхъ процессіяхъ, а въ большей части церквей вовсе не бываютъ. Такимъ образомъ наблюденіе за тишиною и порядкомъ при богослуженіяхъ въ большей части церквей лежитъ на одномъ духовенствѣ. Но, занятое службою, требующею всецѣлаго сосредоточенія мыслей и чувствъ и возвышенія отъ земнаго къ небесному, оно не имѣетъ возможности слѣдить за тишиною и порядкомъ и вынуждается къ такимъ или другимъ распоряженіямъ по этому предмету только въ случаяхъ воиющихъ нарушеній тишины и порядка, слышимыхъ на всю церковь; безпорядки же не очень значительные остаются безъ всякаго наблюденія, а потому и повторяются безбоязненно и безнаказанно. Недостаточность наблюденія мѣстной полиціи за тишиною и порядкомъ въ церквахъ, кромѣ ея малочисленности и невозможности присутствовать во всѣхъ храмахъ и при всѣхъ

богослуженіяхъ, зависить и отъ того, что въ составъ ея нерѣдко находятся лица неправославнаго вѣроисповѣданія и что чины ея нисколько не зависить отъ предстоятелей церквей, а даже составляютъ по отношенію къ нимъ нѣчто высшее. Вслѣдствіе этого полицейскіе чины нерѣдко, вмѣсто водворенія порядка, сами производятъ безпорядки, напр., не пускаютъ въ храмъ такъ называемую „чернь“, хотя она то болѣе просвѣщеннаго люда имѣетъ усердіе къ богослуженію, оттѣсняютъ въ задніе ряды и углы лицъ изъ низшихъ классовъ, очищая мѣста для лицъ благороднаго сословія и т. п. и вовсе не считаютъ нарушеніемъ тишины и порядка разговоры, улыбки и смѣхъ лицъ привилегированныхъ сословій. Для того, чтобы требованія церковныхъ и гражданскихъ законовъ относительно соблюденія тишины и благочинія въ церквяхъ соблюдались съ надлежащею строгостью, по нашему мнѣнію, необходимо, чтобы наблюденіе за исполненіемъ этихъ требованій было ввѣрено такимъ лицамъ, которые имѣли бы возможность неопустительно присутствовать при богослуженіяхъ по крайней мѣрѣ по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ и взгляды которыхъ на церковное благочиніе вполне согласовались бы съ правилами Церкви православной. Такимъ лицами могутъ быть, по мнѣнію нашему, тѣ изъ прихожанъ каждой церкви, которые отличаются отъ другихъ честнымъ поведеніемъ и усердіемъ къ церкви Божьей и которые извѣстны всегда и приходу и духовенству. Изъ числа такихъ лицъ должны бы быть избираемы наблюдатели за тишиною и порядкомъ въ церкви на годичный или трехгодичный срокъ. Избраніе это должно бы производиться при участіи мѣстнаго духовенства и утверждаться мѣстнымъ благочиннымъ. Число такихъ наблюдателей должно быть соразмѣрно съ числомъ прихожанъ и размѣрами храмовъ. Въ руководство имъ должна быть составлена и утверждена въ законодательномъ порядкѣ особая инструкция. Ближайшее наблюденіе и руководство за исполненіемъ избранными ихъ обязанностей должно лежать на мѣстныхъ священникахъ, а высшее на благочинныхъ и епар-

хіяльномъ начальствѣ. Таковыми наблюдателямъ необходимо присвоить особый знакъ и предоставить право дѣлать напоминанія нарушителямъ тишины и порядка безъ различія званій и состояній, а также принимать и другія законныя мѣры къ водворенію порядка, безъ различія служебнаго положенія производящихъ безпорядокъ. Такимъ образомъ для соблюденія тишины и порядка въ храмѣ была бы излишняя гражданская полиція, которую замѣняли бы особы въ каждомъ приходѣ церковные блюстители. Учрежденію таковыхъ блюстителей, подчиненныхъ духовной власти, несомнѣнно способствовало бы охраненію тишины и благочинія въ церквахъ гораздо успѣшнѣе, чѣмъ это дѣлается теперь. Когда всякій приходящій въ церковь будетъ знать, что въ случаѣ даже негромкаго разговора его во время Богослуженія къ нему подойдетъ церковный блюститель и напомнитъ о порядкѣ, то, конечно, и не подумаетъ разговаривать; а лица, занимающія видныя мѣста въ администраціи, еще болѣе будутъ удерживаться отъ нарушенія тишины и порядка, чѣмъ другіе, изъ опасенія получить замѣчаніе въ присутствіи другихъ и тѣмъ уронить свое достоинство. Предлагаемая нами мѣра не есть что нибудь новое и небывалое; она практикуется въ храмахъ неправославныхъ вѣроисповѣданій, существующихъ въ нашемъ же отечествѣ, и сопровождается вполне успѣшными результатами. Ни малѣйшаго униженія для православія не можетъ быть, если эта полезная мѣра будетъ введена въ православныхъ храмахъ. Притомъ она вполне согласна съ практикою древней православной Церкви, въ которой были особы лица, наблюдавшія за тишиною и порядкомъ при богослуженіи изъ числа прихожанъ и считавшіяся въ составѣ церковнаго клира. Таковы напримѣръ „придверники“, о коихъ упоминается въ 4-мъ правилѣ 6-го Вселенскаго собора.

Г. М.

По вопросу о письменной исповѣди.

„Въ практикѣ духовниковъ часто встрѣчается такое явленіе: приходятъ на исповѣдь къ духовнику и подаютъ ему письменно изложенный на бумагѣ перечень грѣховъ. Согласно ли съ духомъ ученія православной Церкви исповѣданіе грѣховъ предъ священникомъ посредствомъ письменнаго ихъ изложенія на бумагѣ, подаваемой послѣднему?“ — спрашиваетъ въ „Церковно-Общественномъ Вѣстникѣ“ (№ 43 сего года) священникъ Рязанской епархіи о. Стахій Полянскій, и тамъ же даетъ отвѣтъ, который, на нашъ взглядъ, только и можетъ быть правильнымъ съ православно-догматической точки зрѣнія. Вотъ этотъ отвѣтъ:

Исповѣдь грѣховъ чрезъ письменную передачу духовнику, на мой взглядъ, противорѣчитъ духу ученія православной Церкви, если кающійся, изложенный на бумагѣ сухой перечень своихъ грѣховъ, вручаетъ священнику, а самъ въ это же время отходить отъ него, разсчитывая, что этотъ клочекъ бумаги вполне можетъ замѣнить его на исповѣди. Въ этомъ случаѣ исповѣдающійся не выполняетъ главнаго условія, требуемаго отъ истинно кающагося. Онъ не обнаруживаетъ христіанскаго смиренія, которое бываетъ главнымъ качествомъ подлежащей устной исповѣди, когда кающійся открываетъ предъ духовникомъ все тайники своего сердца, въ которомъ гнѣздятся, какъ гады, его пороки, объявить о которыхъ во очію другому лицу, не проникнувшись чувствомъ христіанскаго смиренія, тяжело. Значеніе исповѣди съ психической точки зрѣнія состоитъ въ томъ, что кающійся, взглянувши въ глубь себя, отрѣшившись самолюбія и сознавши всю черноту своей души, пытается самосознательное отвращеніе къ своей грѣховной жизни, какъ несоотвѣтственной съ нравственнымъ достоинствомъ человѣка, наполняется въ душѣ своей напоромъ чувства скорби, которая лежитъ камнемъ на сердцахъ, и которую онъ и ищетъ облегчить чрезъ повѣданіе ея духовнику, какъ сочувствующему ему въ этой скорби лицу. Исповѣдь

предъ священникомъ и освобождаетъ его отъ этого напора чувства и успокоиваетъ его душу. Съ этой стороны исповѣдь чрезъ письменную передачу духовнику грѣховъ, при удаленіи самого исповѣдающагося, не имѣетъ надлежащаго смысла и должна быть устранена изъ практики духовниковъ, какъ не могущая свидѣтельствовать о чувствѣ раскаянія исповѣдающагося. Другое, на мой взглядъ, дѣло, когда кающійся является на исповѣдь къ духовнику съ письменнымъ изложеніемъ на бумагѣ своихъ грѣховъ, самъ читаетъ эту бумагу, держа въ рукахъ, и объясняетъ духовнику по мѣрѣ его возраженій. Въ этомъ случаѣ исповѣдь чрезъ письменное изложеніе на бумагѣ не только не теряетъ своего православно-христіанскаго смысла, но имѣетъ еще то преимущество предъ устной по вопросамъ священника, что она бываетъ болѣе сознательною, какъ предварительно прочувствованная, и бываетъ полнѣе, чѣмъ исповѣдь вообще устная. Никто не долженъ оспаривать того факта, что во время устнаго исповѣданія грѣховъ предъ священникомъ кающійся какъ-то теряетъ себя отъ смущенія и потому далеко не объясняетъ духовнику всѣхъ своихъ грѣховъ, которые намѣренъ былъ передать ему. Совѣсть такого кающагося часто и послѣ разрѣшительной молитвы остается не покойна, такъ какъ не открытый по забвенію грѣхъ его предносится его сознанію и даетъ себя чувствовать. Письменная исповѣдь можетъ быть приготовляема въ продолженіе всей седмицы говѣнія и даже цѣлаго года, обдуманно, съ указаніемъ на время, мѣсто и обстоятельства нравственнаго паденія, можетъ поэтому представлять собою полный отчетъ о нравственныхъ паденіяхъ за цѣлый годъ и, какъ такая, она болѣе устраняетъ возможность забвенія грѣховъ. А устные объясненія при исповѣди кающагося на возраженія духовника могутъ свидѣтельствовать о сердечности его раскаянія. Въ моей практикѣ былъ фактъ письменнаго исповѣданія грѣховъ, обнимавшаго собою содержаніе всей грѣховной жизни кающагося и сопровождавшагося токами его горячихъ слезъ. Послѣ такой исповѣди

каявшійся сказалъ мнѣ: „теперь я чувствую, будто я снялъ съ себя тяжести до ста пудъ, и душа моя стала покойна“, причемъ на лицѣ его просіяла свѣтлая улыбка. Такого рода письменная исповѣдь можетъ быть практикуема въ православной Церкви, какъ не противорѣчащая духу ея ученія.

Какъ убѣдиться каждому лично относительно себя, способенъ ли я къ импровизаціи?¹⁾

Во-первыхъ, надо имѣть предшествовавшіе опыты устной рѣчи, свободной, ясной, приличной, по цѣлымъ часамъ о самыхъ разнообразныхъ предметахъ въ частныхъ бесѣдахъ, на урокахъ по закону Божію и т. под. Во-вторыхъ, надобно замѣчать за собою, есть ли у меня быстрота соображенія и находчивость, которыя обыкновенно обнаруживаются при возраженіяхъ и внезапныхъ вопросахъ, и человѣка, не обладающаго живымъ умомъ, могутъ ставить, какъ говорится, въ тупикъ. Это не потому нужно, чтобы при устной проповѣди слушатели дѣлали намъ возраженія, а потому, что при импровизаціи самъ ораторъ неожиданно можетъ войти въ такую связь и соотношеніе мыслей, гдѣ для него потребуется особаго рода ловкость, чтобы выйти изъ затруднительнаго положенія. Это качество необходимо и при выборѣ выраженій, когда для развиваемой мысли не встрѣчается сразу приличнаго слова, или подвертываются выраженія слишкомъ обыкновенныя, вульгарныя, не соответствующія достоинству церковной кафедры. Въ третьихъ,—и это едва ли не самое важное,—импровизаторъ не долженъ въ сужденіи о достоинствѣ своихъ рѣчей полагаться на собственное о себѣ мнѣніе, а слѣдить за мнѣніемъ другихъ. Для этого полезно имѣть между слушателями, особенно

¹⁾ Изъ статьи »Живое слово« Преподобнаго Амвросія епископа Харьковскаго. Вѣра и Разумъ, Іюнь кн. 2, стр. 785—786.

въ первое время, преданныхъ людей, которые бы безъ жалости указывали вамъ ваши промахи и недостатки, и потомъ внимательно слѣдить за выраженіемъ лицъ слушателей и за ихъ сужденіями о произносимыхъ вами поученіяхъ, которыя всегда можно узнать разными косвенными путями. Самоувѣренность и упрямство импровизатора, не обращающаго вниманія на замѣчанія и разумные совѣты другихъ,—это вѣрный способъ усвоить дурную манеру рѣчи, или никогда не освободиться отъ своихъ недостатковъ. Кто хочетъ преуспѣянія въ какомъ бы то ни было серьезномъ дѣлѣ, тотъ не долженъ шадить своего самолюбія; а въ дѣлахъ трудныхъ, къ которымъ относится и импровизація, долго надобно учиться.

Полезныя для пастыря-священнослужителя замѣтки.

Нѣкоторые священники, сказавши на концѣ литургіи: „Благословеніе Господне на васъ“, уходятъ къ Престолу и здѣсь продолжаютъ: „Слава Тебѣ, Христе“. Лучше, если послѣ „Благословеніе Господне“ священникъ остается въ царскихъ вратахъ и здѣсь говоритъ „Слава Тебѣ Христе“, полагая глубокой поясной поклонъ къ Престолу. Крестъ онъ успѣетъ взять, когда будутъ пѣть 3-жды „Господи помилуй“ и „Благослови“. На отпустъ вечерни, когда она служитъ одна, и утрени или всенощной, мы немногихъ видали, чтобы они отверзали царскія врата ранѣе „благослови“. Но въ великопостную вечерню многіе открываютъ ихъ съ „премудрость“. На этомъ основаніи въ вечернѣ и особенно утрени или всенощной, слѣдуетъ открывать ихъ всегда съ „премудрость“. Если служитъ діаконъ, то священникъ говоритъ „Слава Тебѣ, Христе“, стоя на своемъ мѣстѣ предъ Престоломъ; если же служитъ одинъ священникъ, то открывъ царскія двери, останавливается въ нихъ и кончаетъ.

У нѣкоторыхъ священниковъ отпустъ совершается какъ что-то не стоящее вниманія. Священникъ читаетъ безъ остановки, напримеръ, въ утрени: „Сый благословенъ, Пресвятая Богородице, Слава Тебѣ, Христе“ оборачивается и говоритъ „Воскресый изъ мертвыхъ“. Прятчъ на клиросѣ бѣгомъ спѣшить догнать священника и поровнятися съ нимъ; но такъ какъ у перваго выраженія краткія, то онъ сбиваетъ съ ногъ вторыхъ и уходитъ отъ нихъ. Плохо, что они служатъ разное въ два голоса, еще хуже, что прятчъ читаетъ (гдѣ уже тамъ пѣтъ) такъ: „Утверди Боже

Благочестивѣйшаго Александра Александровича христіанъ во вѣкъ вѣки“. „Честнѣйшую херувимъ и славнѣвшую серафимъ, Слова родшую Тя величаемъ. Слава Отцу и Сыну, Господи помилуй, благослови“, а непростительнѣе всѣхъ священнику, что онъ не только не останавливаетъ безпорядка въ отправленіи службы, но даже его вводитъ и укореняетъ. Какъ всякое дѣло, такъ и служба, красится концомъ; поэтому нужно его производить не со вниманіемъ только, но и съ стараніемъ. Если вы, сказавши, наприм., „Пресвятая Богородице, спаси насъ“ выжидаете, пока причтъ скажетъ „Честнѣйшую“, а потомъ говорите „Слава Тебѣ, Христе“... разстановисто, то даете понять причту, что и онъ не долженъ спѣшить, а съ отчетливостію—выговаривать всякое слово.

Много значенія и выразительности даетъ отпущу умѣніе священника держать себя. Если онъ, обратившись къ народу, руки слагаетъ на животъ, голову и глаза опускаетъ внизъ или вскидываетъ ихъ подъ сводъ храма, какъ бы избѣгая взгляда на народъ, крестится небрежно и не во время и кланяется не хотя по одному направленію, то ничего его отпущу не выражаетъ, а самъ онъ—не возбуждаетъ и не вызываетъ въ молящихся. Если же на оборотъ, стоитъ твердо, голову держитъ прямо, смотритъ нѣсколько выше уровня глазъ, руки у него или опущены по бокамъ, или одна лѣвая положена на грудь, говоритъ отчетливо¹⁾, крестится во время, при словахъ „помилуетъ и спасетъ“ внушаетъ выраженіемъ голоса надежду и увѣренность, а при словѣ „насъ“ стараясь взоромъ по возможности обнять всѣхъ, дѣлаетъ полный поясной поклонъ прямо къ стоящимъ противъ него; то такой священникъ не даетъ желать отъ себя ничего лучшаго. Иные изъ священниковъ, особенно монахи, умѣютъ сдѣлать поклонъ двойной по сторонамъ клиросовъ, но это уже верхъ совершенства.

¹⁾ Иные, не обдумавши отпущу заблаговременно, ошибаются, поправляются и иногда совершенно теряются, чѣмъ ставятъ въ непріятное положеніе себя и молящихся; поэтому къ отпущу всегда и даже всякому должно готовиться заранее.

Годъ

РУКОВОДСТВО

для

XXVI.

СЕЛЬСКИХ ПASTЫРЕЙ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
пять руб., съ пересылкою шесть
рублей серебромъ.

№ 34.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Кіевской
духовной семинаріи.

1885 года, Августа 18-го.

Содержаніе: О преподаваніи первоначальныхъ полезныхъ знаній въ церковно-приходскихъ школахъ.— Въ области вопросовъ изъ церковной практики.— Нѣсколько словъ къ статьѣ »Торжествующее діаконство«.— Инструкція для правильнаго веденія и провѣрки метрическихъ книгъ.

О преподаваніи первоначальныхъ полезныхъ знаній въ церковно-приходскихъ школахъ.

Нашъ простой народъ смотритъ на образованіе исключительно съ практической точки зрѣнія. Если онъ иногда выражалъ несочувствіе къ министерскимъ народнымъ школамъ, то это именно потому, что онѣ давали своимъ ученикамъ знанія, не находившія приложенія къ дѣлу. Ученики этихъ школъ нерѣдко оказывались не умѣющими ни читать церковно-славянской грамоты, ни пѣть на клиросѣ, и обнаруживали гораздо менѣе склонности къ посѣщенію церковнаго богослуженія, къ соблюденію церковныхъ обычаевъ и т. под., нежели лица не обучавшіяся въ школахъ. Кромѣ того, они не умѣли ни составить

какой либо несложной дѣловой бумаги, нужной въ сельскомъ быту, ни приложить свои познанія къ улучшенію хозяйства или къ какому либо ремеслу, ни воспользоваться естественными богатствами минеральнаго или растительнаго царства, которые остаются неразработанными вслѣдствіе незнанія объ ихъ значеніи и неумѣнья взяться за дѣло. Человѣкъ, получившій лишь теоретическое образованіе, остается по обычному представленію нашего народа такимъ же „темнымъ“ какъ и тотъ, кто не обладаетъ никакимъ образованіемъ. Народъ нашъ смотритъ на теоретическое образованіе какъ на непригодную для него роскошь, не могущую бросить лучъ свѣта въ окружающую его темноту. Удовлетвореніе потребности нашего народа въ практическомъ первоначальномъ образованіи имѣютъ, безъ сомнѣнія, въ виду новыя „Правила о церковно-приходскихъ школахъ“, утвержденныя 13-го іюня истекшаго 1884 года. Они ставятъ цѣлью для этихъ школъ утвержденіе въ народѣ православнаго ученія вѣры и нравственности христіанской и сообщеніе первоначальныхъ полезныхъ званій (§ 1). Къ послѣдней категоріи относятся: чтеніе церковной и гражданской печати, письмо и начальныя ариѳметическія свѣдѣнія (§ 5). Все это, безъ всякаго сомнѣнія, существенно необходимо для нашего народа. Но этого, по нашему мнѣнію, еще мало. Достаточно обратить вниманіе на то, какими примитивными способами ведется въ нашихъ селахъ и деревняхъ хозяйство и кустарная промышленность, чтобы убѣдиться въ настоятельной необходимости ознакомленія нашего народа съ новѣйшими раціональными способами для развитія и усовершенствованія земледѣлія, скотоводства, промысловъ и ремеслъ. Наше отечество не можетъ пожаловаться на скудость естественныхъ богатствъ. Трудно найти въ немъ такой уголокъ, гдѣ нельзя было бы отыскать средствъ для вполне обеспеченнаго существованія. Если же часто приходится слышать жалобы на обѣднѣніе многихъ изъ нашихъ селъ и деревень, то это происходитъ болышею частію вслѣдствіе неумѣнья нашего народа взяться надлежащимъ обра-

зомъ за дѣло и воспользоваться тѣми естественными богатствами, которыя они имѣютъ у себя подъ руками. Многіе изъ нашихъ простолюдиновъ, обладая прекрасными земельными участками, могущими доставлять немало хлѣба для сбыта, не обрабатываютъ ихъ надлежащимъ образомъ и потому иногда не имѣютъ достаточнаго количества хлѣба даже для собственнаго прокормленія, другіе, имѣя всѣ удобства для организаціи скотоводства въ широкихъ размѣрахъ, не умѣютъ извлекать пользы изъ этихъ удобствъ, третьи по изстари употребляющемуся способу производить предметы кустарной промышленности, не имѣя понятія о способахъ усовершенствованія этихъ промысловъ, и потому за безцѣнокъ сбываютъ продукты своего труда, четвертые обладая массою минеральныхъ богатствъ, не пользуются ими и, имѣя громадныя залежи каменнаго угля или торфа, тратятъ послѣднія средства на покупку дровъ для топлива, иные дѣлаютъ значительныя затраты на поѣздку въ далеко отстоящіе города для покупки разнаго рода ремесленныхъ издѣлій, имѣя у себя подъ руками всѣ средства для видѣлки этихъ произведеній, и т. под. Здѣсь именно школа, по нашему мнѣнію, и должна подать народу руку помощи, сообщить ему полезныя знанія. Само собою разумѣется, что невозможно требовать, чтобы каждая церковно-приходская школа ежегодно обучала своихъ учениковъ и земледѣлію, и садоводству, и скотоводству, и ремесламъ и т. под. Въ каждой школѣ достаточно сообщать лишь тѣ практическія знанія, которыя въ особенности могутъ быть пригодными для учениковъ ея сообразно съ мѣстными условіями. Основаніе для предъявленія подобнаго рода требованій къ церковно-приходскимъ школамъ даютъ и самыя „Правила“, въ которыхъ говорится, что „по мѣрѣ надобности и средствъ дозволяется открывать, съ разрѣшенія епархіальнаго архіерея“, между прочимъ „особыя ремесленныя отдѣленія и руководѣльные классы“ (§ 7). Предлагаемыя нами практическія свѣдѣнія и могутъ преподаваться именно въ этихъ „особыхъ отдѣленіяхъ“, но не при нѣко-

торыхъ только школахъ, а по возможности при каждой. Главное затрудненіе для осуществленія этихъ предположеній представляетъ, конечно, пріисканіе средствъ и надлежаще подготовленныхъ учителей. Но это затрудненіе не такъ велико на самомъ дѣлѣ, какимъ оно кажется на первый взглядъ. Преподавателями практическихъ свѣдѣній могутъ быть лучше всего, конечно, практики, на опытѣ изучившіе то, что они должны сообщать своимъ ученикамъ. А такихъ практиковъ можно найти немало, тѣмъ болѣе, что и нѣтъ нужды постоянно обучать учениковъ одному и тому же: достаточно года на два—три пригласить въ школу практика-учителя для ознакомленія учениковъ,—и не малолѣтнихъ только, но и взрослыхъ,—съ однимъ предметомъ изъ области практическихъ знаній, послѣ того, если представится возможность, пригласить практика по другой специальности, могущей имѣть примѣненіе въ данной мѣстности, и т. д., пока не встрѣтится необходимость въ повтореніи того, что уже преподавалось прежде. Здѣсь важно только разъ ознакомить учениковъ практически съ надлежащимъ способомъ веденія того- или другаго дѣла, воспитать лишь одно поколѣніе. Прежніе ученики впоследствии сами, если не въ школѣ, то на практикѣ, могутъ быть учителями для своихъ дѣтей и односельчанъ. Нѣкоторые изъ практическихъ свѣдѣній могутъ сообщаться ученикамъ и обыкновенными учителями церковно-приходскихъ школъ, если не практически, то теоретически изучившими тотъ или другой практическій предметъ. За подобнаго рода учителями дѣло, по всей вѣроятности, не стало бы, если бы начальство приняло на себя трудъ поощрять ихъ и оказывать имъ пособіе. Что же касается средствъ, то и они едва ли могутъ составить значительное затрудненіе. Одна часть ихъ можетъ быть заимствуема изъ общихъ средствъ, ассигнуемыхъ на церковно-приходскія школы, а другая можетъ составляться изъ добровольныхъ пожертвованій мѣстныхъ сельскихъ обществъ. Нашъ простой народъ, уже вслѣдствіе практическаго склада своего ума, не откажется, безъ сомнѣнія, оказать пособіе школѣ, если онъ уви-

дѣть, что оно послужитъ къ его же практическимъ интересамъ, въ особенности же, если къ этимъ пожертвованіямъ и въ пользу практическихъ школьныхъ занятій будетъ располагать прихожанъ мѣстный священникъ - законоучитель и руководитель школы.

Но и другіе предметы въ церковно-приходской школѣ должны, примѣнительно къ практическому характеру народа, преподаваться по возможности практически. Такъ, обученіе писью должно имѣть главною цѣлью умѣно понятю и безъ особенно грубыхъ ошибокъ излагать слова и мысли на бумагѣ. При этомъ слѣдуетъ ознакомлять учениковъ съ обычными формами писемъ и тѣхъ простыхъ дѣловыхъ бумагъ, съ которыми наиболѣе приходится имѣть дѣло нашимъ простолюдиномъ. Для упражненія въ чтеніи слѣдуетъ избирать такія статьи и книги, ознакомленіе съ которыми можетъ быть полезно въ религіозно-нравственномъ или въ практическомъ отношеніи. Не ограничивался этимъ учитель долженъ также указывать ученикамъ, какія книги полезно читать и чтеніе какихъ книгъ бесполезно или вредно. Арифметическія правила должны изучаться не столько при помощи бумаги или грифельной доски, сколько путемъ умственного вычисленія и на-счетахъ.

Только при такомъ устройствѣ церковно-приходская школа можетъ вполне соответствовать своему назначенію и обнимать какъ внутреннюю, такъ и вѣшнюю сторону жизни нашего народа, давая ему не только религіозно-нравственное воспитаніе, но и практическія знанія, необходимыя для облегченія и усовершенствованія труда и для пріобрѣтенія средствъ къ жизни, а вмѣстѣ съ тѣмъ и привлечь къ себѣ полное сочувствіе со стороны нашего народа.

Н. Д.

Въ области вопросовъ изъ церковной практики.

Отвѣты Редакціи.

1) „Какую совершать литургію въ день воспоминанія освобожденія покойнымъ Государемъ Императоромъ Александромъ Николаевичемъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, 19-го февраля, если этотъ день случится въ одинъ изъ будничныхъ дней Четырдесятницы (кромя субботы)?“

Предложившій этотъ вопросъ священникъ недоумѣваетъ, служить ли въ этотъ день „литургію Іоанна Златоустаго или Григорія Двоеслова, т. е., преждеосвященную“?—Но въ рѣшеніи даннаго вопроса не можетъ быть никакого недоумѣнія въ силу того положительнаго, безусловнаго правила нашей православной Церкви, что въ будничные дни святой Четырдесятницы, кромя субботы, вообще полной литургіи не полагается. Если дѣлается въ этомъ отношеніи исключеніе, то для одного праздника Благовѣщенія, и для Высочайшихъ праздниковъ Рожденія Государя Императора и Возшествія Его на императорскій престолъ и Рожденія Его Высочества, Государя Цесаревича Наслѣдника престола. Извѣстно, что въ нашей духовной литературѣ не рѣшенъ еще окончательно вопросъ о томъ, можно ли служить полную литургію въ показанные выше дни Четырдесятницы даже по случаю погребенія покойниковъ хотя на основаніи практики нѣкоторыхъ изъ Кіевскихъ архимонастырей и другихъ архимонастырей нашей Церкви, служеніе таковой литургіи допускается. Вслѣдствіе всего этого, само собою слѣдуетъ, что служить въ 19-й день февраля полную литургію нѣтъ никакого основанія. А чтобы этотъ день почтять болѣе торжественною службою, священники должны совершать въ оный Литургію преждеосвященныхъ даровъ, по такъ называемымъ храмовымъ главамъ, излагаемымъ въ уставѣ о празднованіи храмовыхъ дней въ Великую Четырдесятницу, т. е., съ предвареніемъ особаго

всенощнаго бдѣнія съ поліелеемъ и затѣмъ на самой литургіи съ приложеніемъ дневнаго апостола и евангелія и т. д. Такого рода служеніе, удовлетворяя существенной потребности и важности самаго дня, въ то же время будетъ стоять и на совершенно канонической почвѣ, такъ какъ преждеосвященную литургію служить полагается по уставу не только по средамъ и пятницамъ Великой Четыредесятницы, но и въ другіе дни, когда для этого будетъ предстоить надобность. — (Ср. Практич. Руководство для священнослужителей прот. А. Хойнацкаго, Москва 1883 г. ч. I, стр. 112, вопросъ о причащеніи и литургіи 168; также Записки по церковному законоп. 1857 г. стр. 172).

2) „Нужно ли читать молитвы „ко всегда родити женѣ отроча“ — женщинѣ совершенно сносившей (девятимѣсячнаго) ребенка, но по какой либо причинѣ родившей его мертвымъ, напр. вслѣдствіе неправильныхъ родовъ, или по неосторожности акушерки, и т. п.“

Вопросъ этотъ, безъ сомнѣнія, поставленъ предложившимъ его въ связи съ другою молитвою, являющеюся въ нашемъ православномъ требникѣ подъ наименованіемъ: „молитва женѣ, егда извержетъ отроча“. — Чтобы рѣшить его, надо выкинуть въ содержаніе и смыслъ этой послѣдней молитвы. Въ ней прямо говорится „о изверженіи зачатого женщиною“, слѣдовательно, такого младенца, который находился въ утробѣ въ первоначальномъ, зачаточномъ, недоношенномъ состояніи... Само собою разумѣется, что такая молитва никакъ не можетъ идти къ женщинѣ, рождавшей подъ условіемъ правильныхъ родовъ, рождавшей, а не извергнувшей, и тѣмъ болѣе ни мало не отвѣтственной за жизнь ребенка, если таковой родился мертвымъ по причинѣ неправильныхъ родовъ, или вслѣдствіе неосторожности лицъ, прислуживающихъ ей при родахъ, и т. д. Сюда же слѣдуетъ отнести и столь часто практикующіяся, къ несчастію, въ послѣднее время, извлеченія младенцевъ изъ утробы матерей по частямъ, или прободеніе головы, и т. п. — Во всѣхъ означен-

ныхъ случаяхъ необходимо читать женщинѣ молитвы „по вегда родити отроча“,—и только для правильной постановки дѣла священникъ долженъ пропускать въ этихъ молитвахъ тѣ мѣста, гдѣ говорится о младенцѣ въ виду того простаго обстоятельства, что такого младенца не существуетъ.

3) „Можно ли женщинамъ въ день Пасхи ѣсть освященные хлѣбы, творогъ и яйца и пр. если имъ не прочитана еще сороковая молитва?“

А почему же и не можно?—Съ какою цѣлю освящаются у насъ сыръ, масло, яйца и пр. въ день святой Пасхи?—Отвѣтъ ясенъ;—для того, чтобы съ благословеніемъ Божиимъ перейти отъ великопостной суровой (по уставу) пищи къ пище скоромной. Такъ читаемъ я въ Уставѣ церковномъ, „яко сицевый мясъ и набѣлу приносъ (въ день св. Пасхи) иѣсть пасха, ниже Агнецъ, якоже нѣщии глаголють и пріемлютъ, и ему со всякимъ говѣніемъ, якоже нѣкоей святыни, причащаются,—но простое приношеніе; не аки бо сію въ жертву Богу приносится имать, но токмо да начинающимъ по постѣ мясо и сыръ ясти, отъ іерея предложенными молитвами въ снѣдь благословенно будетъ. Пасха бо Самъ Христосъ есть и Агнецъ взямаи грѣхи міра, на олтарѣ, въ безкровной жертвѣ, въ пречистыхъ тайнахъ честнаго тѣла и животворящія крове Своєю, отъ іерея Богу и Отцу приносимый, и тому достойно причащающіися истинную ядятъ пасху“. (Тріодъ цвѣтн. во св. и великую недѣлю Пасхи). Если же женщина родившая наравнѣ съ другими православными должна поститься въ теченіи св. Четырдесятницы, то такимъ же образомъ наравнѣ съ другими она должна и разговляться, т. е., начинать ѣсть скоромную пищу „отъ іерея благословенными яствами“, когда бы она ни родила, и хотя бы даже не только сорокъ, но даже одинъ два или три дня прошло только отъ рожденія ея до св. Пасхи, „яко сицевый мясъ и набѣлу приносъ иѣсть Пасха, ниже Агнецъ“, и т. д.

4) Кстати здѣсь то же самое мы должны сказать и о употребленіи женщинами родившими и вообще находящимися въ состояніи тѣлесной нечистоты св. Богоявленной воды и плодовъ, освященныхъ въ день Преображенія Господня.

Есть такіе ригористы даже между іереями, которые не допускаютъ ни того, ни другаго... Но на какомъ основаніи? — На это по предмету Богоявленной воды, мы скажемъ словами типика церковнаго: „Извѣстно же буди всѣмъ о святѣй водѣ, яко нѣцыи суть отлучающе себе отъ св. воды вкушенія ради; не добръ сіи творятъ. Ибо благодати ради Божіа дама бысть сія на освященіе міру и всей твари. Тѣмъ же во великихъ мѣстѣхъ и скаредныхъ, и всюду кропится, аже подъ ногами нашими суть. И гдѣ сихъ разумъ, еже не пияти сея“. (Мѣсячн. Минел, служба 6-го января по освящ. воды). Если же св. вода Богоявленная не оскверняется даже отъ того, что кропится ею въ скаредныхъ, нечистыхъ мѣстахъ, то можетъ ли она оскверниться будучи принимаема женщиною; хотя и родившею, но принимающею ее съ благоговѣніемъ и любовію ради благословенія и воспріятія благодати Божіей. Извѣстно также, что св. Агнѣма, или Богоявленная вода въ нашей церкви въ иныхъ случаяхъ подается вѣрующимъ именно не удостоиваемымъ св. причащенія, какъ одно изъ дѣйствительнѣйшихъ средствъ благодатнаго освященія... Тѣмъ паче могутъ и должны причащаться ея женщины, по причинѣ родовъ, не имѣющія права пріобщаться св. тайнамъ, но въ то же время, какъ и всякій христіанинъ требующія благодати и утѣшенія духовнаго. — Что до плодовъ, освящаемыхъ въ день Преображенія Господня, то кромѣ всего, сказаннаго выше о пасхальныхъ хлѣбахъ и Богоявленной водѣ, мы должны присоединить сюда еще слѣдующее. Никто, само собою разумѣется, и не подумаетъ запрещать родившей женщинѣ употреблять въ пищу тѣ или другіе плоды (равно какъ сыръ, яйца и мясо послѣ рожденія. Что же лучше, — чтобы она начала ѣсть ихъ самовольно безъ молитвы и благословенія, — или же наравитъ съ про-

чими православными открыли таковое яденіе послѣ освященія плодовъ священникомъ во исполненіе устава церковнаго? Полагаемъ, что никто не рѣшится отвѣчать на этотъ вопросъ отрицательно.

5) Спрашиваетъ еще одинъ изъ подписчиковъ нашего журнала: „есть ли гдѣ указаніе на то, что мужъ не долженъ имѣть общенія съ женою до истеченія шести недѣль по принятіи св. таинъ“?—и при этомъ поставляетъ на видъ слѣдующее обстоятельство. „Этотъ вопросъ, говоритъ онъ, предложенъ мною вслѣдствіе существующаго у большинства (?) крестьянъ слѣдующаго обычая: молодые женатые люди, если по какой нибудь причинѣ не успѣютъ поговѣть на первой или на второй недѣлѣ Великаго поста, то уже не рѣшаются говѣть въ остальное время поста, боясь послѣ говѣнья, по своей слабости, согрѣшнить до истеченія шести недѣль по принятіи св. таинъ,—вслѣдствіе чего иные добровольно лишаютъ себя причастія въ теченіи двухъ—трехъ лѣтъ и болѣе“ и т. д.

Къ сожалѣнію, священникъ, предложившій этотъ вопросъ, не указываетъ, въ какой именно мѣстности существуетъ означенный обычай. Но несомнѣнно, что это исключительный обычай, существующій гдѣ нибудь въ захолустьяхъ, такъ какъ 1-хъ, въ православной Церкви безусловно нѣтъ даже малѣйшаго правила, запрещающаго мужу и женѣ вступить въ супружескія отношенія не только въ теченіи шести недѣль послѣ причащенія св. таинъ, но даже по истеченіи двухъ—трехъ дней послѣ этого. Если и имѣется нѣчто въ родѣ сего, такъ это постановленія для священника, чтобы онъ въ ту ночь, что предъ служеніемъ литургіи, и во весь тотъ день отнюдь не дерзалъ „прикоснуться женѣ своей; ни же да будетъ спяй съ нею на единомъ одрѣ“... какъ читаемъ въ правилникахъ. (Правильникъ Кіевскій, примѣчаніе послѣ молитвъ на сонъ грядущій). Безъ сомнѣнія, подобное правило обязательно и для мірянъ, готовящихся къ причащенію... Затѣмъ все остальное—прочее св. Церковь наша предоставляетъ

нравственному чувству и совѣсти своихъ духовныхъ чадъ, въ несомнѣнной увѣренности, что сознаніе важности и высочайшей святости причащенія св. таинъ должно указать каждому и надлежащіе предѣлы въ области воздержанія отъ брачнаго ложа, какъ и отъ всякаго грѣха вообще. Предписывать же какія либо правила въ этомъ отношеніи было бы даже не совмѣстимо съ понятіемъ о брачной жизни, освящаемой таинствомъ брака, и такимъ образомъ получающей высшее, совершеннѣйшее значеніе въ области нравственной дѣятельности человѣчества—во образъ союза Христа съ Церковію. Въ этомъ случаѣ, зачѣмъ же и самое таинство брака, зачѣмъ и благословеніе, сообщаемое имъ для вступающихъ въ супружество? 2) Напротивъ мы знаемъ, что въ большинствѣ случаевъ въ нашей Церкви молодые, готовящіеся вступить въ супружество не только сами добровольно, но даже въ силу положительнаго правила церковнаго обязаны непременно говѣть предъ самымъ бракомъ, (Кормчая, гл. I.) и таковое говѣніе совершаютъ наканунѣ самаго брака, чтобы съ чистою совѣстію, послѣ св. исповѣди, и въ ближайшемъ общеніи съ Спасителемъ, по причащеніи св. таинъ, начать семейную жизнь. (Срав. Практич. руководство для священнослужителей прот. А. Хойнацкаго, ч II, о бракѣ, отд. IX, § 59).—Потому священники, гдѣ существуетъ означенный выше обычай, должны всѣми благоразумными мѣрами уничтожить его, давая понять своимъ прихожанамъ, что удаленіе отъ говѣнія и причащенія св. таинъ есть тяжкій грѣхъ, совершенно идущій въ разрѣзъ съ религіозно-нравственными потребностями христіанина, и въ тоже время неразумно умаляющій значеніе таинства брака вопреки заповѣди Божіей и постановленіямъ св. Церкви.—Нечего и говорить, конечно, что во всѣхъ подобныхъ обстоятельствахъ священники обязаны объяснить своимъ прихожанамъ, что въ брачной жизни осуждаются не супружескія отношенія; иначе, повторяемъ, зачѣмъ же и самое таинство брака?—а злоупотребленіе этими отношеніями, когда страсть беретъ верхъ надъ супружескою любовію и подвергаетъ супруговъ

въ сношеніи похоти... Тогда, само собою разумѣется, для лицъ, находящихся въ подобныхъ отношеніяхъ становится грѣшнымъ и причащеніе св. таинъ. Гдѣ же жизнь семейная течетъ правильно, по установленію Господа, тамъ достаточно и кратковременнаго воздержанія, мѣриломъ котораго, пожалуй можно бы принять древнюю заповѣдь, обязывавшую напр. іудеевъ не прикасаться къ женамъ въ теченіи трехъ дней предъ Синайскимъ законодательствомъ, или же вытекающее изъ самыхъ условій говѣнія не выше трехдневное воздержаніе для сумнящихся, и т. д. И это все скорѣе надобно предлагать какъ совѣтъ, а не какъ заповѣдь; ибо, повторяемъ, никакой заповѣди на счетъ этого въ нашей Церкви не полагается. (Сравни. Практ. Руководство прот. А. Хойнацкаго, о причащеніи и литургіи, отд. VII, ст. I, § 138).

6) „Долженъ ли священникъ напоминать кающемуся тотъ грѣхъ, въ которомъ послѣдній не хочетъ чистосердечно раскаяться, хотя и помнить о немъ?“

И разсуждать нечего, что долженъ, если кающійся самъ сознался священнику въ этомъ грѣхѣ. Но вотъ вопросъ: „какъ поступить священнику въ томъ случаѣ, если онъ знаетъ положительно о томъ или другомъ грѣхѣ чловѣка, приступающаго къ исповѣди, въ каковомъ грѣхѣ однако самъ приступающій къ исповѣди не сознается?“ Извѣстно, что таковыхъ случаевъ бываетъ очень и очень много, едва ли не больше, чѣмъ такихъ, о которыхъ говоритъ священникъ, предложившій указанный выше вопросъ. Къ тому же сознаніе грѣха, какъ справедливо говоритъ народное присловье, есть половина исправленія. А тутъ чловѣкъ не хочетъ даже заикнуться однимъ словомъ о грѣхѣ, нерѣдко извѣстномъ всѣмъ, а не только одному священнику... Само собою разумѣется, что во всѣхъ подобныхъ обстоятельствахъ благоразумный священникъ не только можетъ, но и долженъ напоминать исповѣдывающемуся о его грѣхѣ въ формѣ вопроса: „не грѣшны ли вы тамъ-то, и тѣмъ-то?“ И если исповѣдывающійся сознается, что „грѣшенъ“, то соотвѣтственно этому и ра-

спорятся имъ на основаніи существующихъ правилъ церковныхъ. — Если же онъ, какъ это бываетъ къ несчастію особенно въ наше время, отвѣтитъ отрицательно, то въ такомъ случаѣ священнику остается одно, — предать такого человѣка волѣ Божіей и предоставить его собственной совѣсти, потому что на исповѣди священникъ долженъ только распоряжаться тѣмъ матеріаломъ, какой даютъ ему свои признанія кающіеся. Не сознается же кающійся въ томъ или другомъ грѣхѣ, — значить, онъ самъ на себя беретъ и отвѣтственность за это. Пусть онъ беретъ на себя и всю тяжесть грѣха, о которомъ умалчиваетъ. Если что можно порекомендовать еще священникамъ въ данныхъ обстоятельствахъ, то это теплую, усердную молитву о такихъ людяхъ, чтобы Господь Самъ умилилъ ихъ сердца и подвигъ къ искреннему раскаянію. Затѣмъ явныхъ грѣховодниковъ священникъ имѣетъ право преслѣдовать явнымъ судомъ, доводя о нихъ до свѣдѣнія епархіальной власти. Но эта статья уже не относится къ исповѣди, и потому въ настоящемъ случаѣ распространяться объ ней нѣтъ надобности.

7) „Какъ записывать въ „метрическую книгу о родившихся“ отца ребенка, если отецъ этотъ находится въ военной службѣ, а въ какомъ полку, или въ какой губерніи или уѣздѣ не извѣстно?“

Священникъ, предложившій этотъ вопросъ, разсуждаетъ, что не достаточно такой записи: „состоящій на дѣйствительной военной службѣ такой-то“... Но почему же не достаточно? — Въ заголовкѣ метрической формы о родившихся прямо пишется; „Званіе, имя, отчество и фамилія родителей“.. Конечно, лучше, если съ наименованіемъ званія состоящаго въ военной службѣ человѣка наименовать и его полкъ и пр. — Но если напр. молодого человѣка взяли въ службу мѣсяцъ, другой назадъ, а жена его родила въ то время, когда онъ или не опредѣленъ еще въ полкъ, или же, если и опредѣленъ, то въ какое время, куда не извѣстно, то въ такомъ случаѣ священникъ,

ничтоже сумняся, можетъ написать и „состоящій въ военной службѣ“,—такъ какъ этимъ вполнѣ обозначится званіе отца ребенка. А затѣмъ „имя, отчество и фамилія“ отца восполнитъ все остальное, и запись будетъ правильною во всѣхъ отношеніяхъ.

Нѣсколько словъ къ статьѣ „Торжествующее діаконство“.

Прочитавши статью „Торжествующее діаконство“, помѣщенную въ № 25 Руководства для сельскихъ пастырей, нерольно является желаніе прибавить къ ней нѣсколько словъ. То правда, что настало время возвышенія діаконства; но не менѣе вѣрно и то, что возвышеніе діаконства основано на униженіи священниковъ. Діаконы надѣлены большею частію дохода въ ущербъ доходамъ священническимъ. Извѣстно, что штатные діаконы до реформы, Высочайше утвержденной 1873 года, получали вдвое меньше противъ священника и вдвое больше противъ псаломщиковъ, а въ настоящее время они получаютъ меньше священника только на $\frac{1}{3}$. Объясню на цифрахъ: тогда штатные діаконы, напр., изъ рубля получали 25 коп., 25 коп. псаломщика, а 50 к. священникъ; нынѣ діаконы изъ того же рубля получаютъ 33 $\frac{1}{3}$ коп., псаломщикъ 16 $\frac{2}{3}$ коп., священникъ 50 коп. За что же увеличенъ доходъ діакону, когда кругъ его служебныхъ обязанностей остался тотъ же? Еще понятно увеличеніе діаконской доли тамъ, гдѣ состоятъ два, три и болѣе священниковъ. Хотя діаконскій трудъ и въ этихъ приходахъ не увеличился, но и того труда довольно, чтобы дать вышій окладъ. Въ многочисленныхъ приходахъ діакону дѣйствительно дѣла много: онъ обязанъ служить въ одинъ день двѣ, три обѣдни, участвовать при выносѣ и погребеніи всѣхъ покойниковъ, при совершеніи браковъ, которыхъ бываетъ немало въ такихъ приходахъ, участвовать и при другихъ приходскихъ молитвословіяхъ. Тамъ онъ трудится, можно

сказать, больше каждого священника въ отдѣльности, потому что послѣдніе въ большинствѣ чередуются при богослуженіяхъ, а діаконъ одинъ; а гдѣ большой трудъ, тамъ соразмѣрное вознагражденіе. Но не понятно, почему діаконы одноклирнаго причта уравнены въ полученіи доходовъ съ діаконами многоклирныхъ причтовъ. Сомнительно, чтобы діаконская доля увеличена была за одно діаконство. Вѣдь понятно, что все дается за трудъ. Говорятъ: діаконы обязуются проходить законоучительскую и учительскую должность въ мѣстномъ училищѣ. Но за этотъ благородный трудъ они будутъ получать приличное денежное вознагражденіе, которое взятое вмѣстѣ съ приходскими доходами можетъ превышать по мѣстамъ цифру священническаго дохода. При взглядѣ на учительскій трудъ нужно имѣть въ виду то обстоятельство, что этотъ трудъ діаконовъ есть трудъ предполагаемый, трудъ будущаго времени, о которомъ судить и оцѣнивать который возможно будетъ тогда, когда увидимъ его на самомъ дѣлѣ. А такъ какъ въ настоящее время церковно-приходскихъ школъ въ дѣйствительности немного, а діаконами въ большинствѣ случаевъ состоятъ еще не доучившіеся, то одна ли можно ожидать въ недалекомъ будущемъ благотворнаго вліянія на народное образованіе отъ возведенія въ штатъ псаломщиковъ—діаконовъ. Вырывая (?) изъ рукъ священниковъ народное образованіе, хотятъ съ доброю цѣлью отдать его въ свободныя діаконскія руки съ богословскимъ образованіемъ. Но и съ этой стороны дѣло трудно осуществимое, потому что діаконы при двухъклирныхъ и трехъклирныхъ приходахъ обременены служебными обязанностями не менѣе священниковъ. Діаконъ, какъ сказано выше, обязанъ служить обѣдни, быть при выносѣ и погребеніи умершихъ, при совершеніи браковъ и другихъ молитвословій, а все это на столько обременительно, что отнимаетъ у діаконовъ время, нужное для посѣщенія школы. Если, въ силу учительской обязанности, освободятъ діаконовъ отъ участія въ исполненіи вышеуказанныхъ священнодѣйствій, то это съ одной стороны будетъ несправедливо въ отно-

шеніи къ священникамъ и псаломщикамъ, а съ другой стороны не безопасно. Отсутствіе при службахъ діаконовъ возможно произведетъ недовольство въ народѣ, который любитъ слушать діаконскую службу. Есть приходы, въ которыхъ открытіе церковно-приходскихъ школъ по мѣстнымъ условіямъ не удобно. Говоря это, разумѣю погосты, въ которыхъ живетъ одно духовенство, вдали отъ приходскихъ деревень, а такихъ погостовъ много, по крайнѣй мѣрѣ въ нашей губерніи. Чѣмъ же оправдаютъ, высшій окладъ штатные діаконы въ такихъ мѣстахъ?

Въ заключеніе считаю не лишнимъ обратить вниманіе читателей на тѣ грубыя манеры и борзця выходки, кои уже успѣли заявить новыя діаконы. Такъ одинъ діаконъ въ первую же службу, послѣ утвержденія его въ штатъ, заявилъ священнику, что онъ отказывается подавать ему кадило при богослуженіи. Это было такъ: послѣ перваго появленія св. даровъ къ народу за литургіею священникъ по обычаю обращается съ предложеніемъ къ діакону, чтобы тотъ подалъ кадило, но послѣдній отвѣчалъ: „вонъ оно виситъ“, указывая пальцемъ на то мѣсто, гдѣ стояла жаровня и при ней висѣло кадило. Священникъ смутился и не зналъ, что дѣлать: продолжать ли служеніе безъ каденія, или самому идти за кадиломъ, оставивъ престолъ и при немъ борзостоящаго діакона? Въ другой разъ тотъ же діаконъ заявляетъ священнику, что онъ отказывается отъ клироснаго чтенія и пѣнія даже въ крайнемъ случаѣ, когда псаломщика нѣтъ на лицо. Вотъ каково новое діаконство! Ободренное и возвышенное милостію Правительства, оно не хочетъ дѣлать того, къ чему обязано церковными постановленіями и служебною практикою. Скажутъ: донесите о всѣхъ безпорядкахъ начальству, которое строго взыщетъ съ ослушниковъ и нарушителей церковнаго благочинія. Это такъ! Но кому охота судиться? Всякій священникъ скорѣе согласится перенести, чѣмъ идти въ судъ. Одно желательно, чтобы, въ избѣжаніе подобныхъ діаконскихъ неурядицъ и своеволія, была составлена подробная инструкция съ обозначеніемъ мельчай-

шихъ обязанностей каждаго члена причта. А такая инструкція, смѣю сказать, можетъ быть составлена не иначе, какъ по востребованію отзывовъ отъ священниковъ, которые хорошо знакомы со всѣми служебными уклоненіями и неурядицами причтовыми.

Священникъ *Е.*

Инструкція для правильного веденія и провѣрки метрическихъ книгъ (данная пермскимъ епархіальнымъ начальствомъ мѣстному духовенству).

При разсмотрѣніи метрическихъ книгъ должно обращать вниманіе на слѣдующее:

1) На каждой ли страницѣ метрическихъ книгъ въ верхней графѣ показанъ годъ, и на каждой ли страницѣ въ графахъ времени рожденія и крещенія, брака и смерти показанъ мѣсяцъ.

2) Если крещены младенцы, родившіеся въ декабрѣ предъидущаго года, то въ графѣ о времени рожденія показано ли надъ числомъ рожденія декабръ мѣсяцъ.

3) Правильно ли ведется нумерація крещенныхъ, брачавшихся и умершихъ и нѣтъ ли въ М.Ж. подчистокъ, поправокъ.

4) Въ графахъ о времени рожденія и крещенія, о днѣ брака, о времени смерти и отпѣтія, противу каждаго ли событія и умершаго показаны числа, не проведены ли противу нѣкоторыхъ событій въ этихъ графахъ только черты; нѣтъ ли въ цифрахъ времени рожденія, крещенія, брака и смерти подчистокъ и поправокъ.

5) Не даются ли крещеннымъ имена, которыхъ нѣтъ въ синодальныхъ полныхъ святцахъ, или не даются ли младенцамъ низшихъ классовъ народа или незаконорожденнымъ младенцамъ имена трудно произносимыя, необычныя, и кто изъ священниковъ нарекаетъ такими именами крещенныхъ; имена крещенныхъ младенцевъ такъ ли показываются, какъ они именуется въ святцахъ, не именуютъ ли „Елизавета“ вм. „Елисавета“, „Иванъ“

им. „Іоаннѣ“, „Егорѣ“ им. „Георгій“, „Антонида“, „в.“ „ж.“
им. „законная жена его“ и др.

6) Въ показаніи и званіи родителей и воспріемниковъ другихъ губерній означается ли уѣздъ, городъ или волость, къ которымъ они принадлежатъ.

Если крещенъ младенецъ дѣвки или вдовы, то показано ли, что онъ незаконнорожденный. Случается, что рождаютъ вдовы, оставшіяся беременными послѣ смерти мужа. Въ какихъ случаяхъ священно-церковно-служители въ метрической записи не означаютъ отца, показываютъ одну мать, а о младенцѣ пишутъ что онъ законный или объ этомъ умалчиваютъ. Въ какихъ именно статьяхъ метрическихъ книгъ есть такія записи, и какимъ именно священникомъ эти младенцы крещены.

8) Если крещенъ младенецъ солдатки, а не сказано, что она вдова, то записанъ ли при этомъ младенецъ законнымъ и показанъ ли въ записи мужъ ея, состоящій на службѣ.

9) Если въ 1 ч. метрики записано присоединеніе раскольниковъ къ церкви, то правильно ли, по формѣ ли оно записано: показаны ли годы присоединеннаго, чей сынъ или чья дочь присоединенные и показано ли, кто были свидѣтелями присоединенія.

10) Если крещенъ яновѣрецъ (еврей, магометанинъ, язычникъ), то есть ли въ метрической записи рукоприкладство мѣстнаго гражданскаго начальства, которое обязано быть при крещеніи и сдѣлать удостовѣреніе въ метрикѣ своею подписью.

11) Не показывается ли при крещеніи младенцевъ, въ противность указу Св. Синода, болѣе одной пары воспріемниковъ, т. е., двѣ или три пары воспріемниковъ.

12) Согласно ли формѣ, приложенной къ ст. том. IX Зак. о сост. ведутся метрическія записи, и въ записяхъ родителей и воспріемниковъ нѣтъ ли пропусковъ или званія, или имени, или отчества, или фамилій родителей или воспріемниковъ.

13) Во 2 ч. метрикъ показывается ли званіе, имена, отчество и фамилія, брачующихся, а также у каждаго ли изъ бра-

жившихся въ подлежащей графѣ показанъ ихъ возрастъ (годы): показываются ли званіе, имена, отчество и фамиліи поручителей; нѣтъ ли въ записяхъ какъ брачавшихся, такъ и поручителей пропусковъ званій, или именъ, или отчествъ, или фамилій.

14) При каждомъ ли бракѣ показано не менѣе двухъ поручителей по жениху и двухъ поручителей по невестѣ.

15) Въ 3 ч. метрики: если отпѣты въ январѣ умершіе въ декабрѣ предыдущаго года, то въ графѣ дня смерти показанъ ли мѣсяцъ декабрь.

16) Умершіе отъ прилипчивыхъ болѣзней: оспы, кори, скарлатина, дифтерита, тифа не хоронятся ли чрезъ двои, трой сутки, а напротивъ умершіе отъ обыкновенныхъ болѣзней, въ особенности отъ родовъ на другой день послѣ смерти.

17) У каждаго ли умершаго показаны званіе, имя, отчество и фамилія родителей, если хоронятся дѣти, то званіе, имя, отчество и фамилія родителей; нѣтъ ли пропусковъ.

18) Противу каждаго ли умершаго показанъ возрастъ и родъ болѣзни, отъ которой кто умеръ; нѣтъ ли пропусковъ.

19) Противу каждаго ли умершаго возрастнаго 7 лѣтъ и выше показано, какой священникъ напутствовалъ, и своею ли рукою священники дѣлають эту подпись или эта записъ дѣлается писцемъ.

20) Противу умершихъ скоропостижно или насильственною смертію показано ли въ подлежащей графѣ, что погребеніе совершено по отношенію такого-то полицейскаго мѣста или лица судебного вѣдомства, и указаны ли мѣсяцъ, число и № бумаги.

21) Въ послѣдней графѣ показывается ли, кто гдѣ похороненъ, на приходскомъ ли кладбищѣ или на деревяскомъ кладбищѣ, или въ церковной оградѣ.

22) Крѣпкими ли чернилами писаны метрики. Четко ли буквы гласныя и согласныя пишутся. Въ текстѣ записей крещенія браковъ и погребенія нѣтъ ли подчистокъ поправокъ, вставокъ между строкъ. и оговорены ли эти подчистки, поправки,

вставки или послѣ записи событія или подѣ итогомъ въ концѣ мѣсяца, или не оговорены; четко ли и ясно ли писаны самыя буквы гласныя и согласныя въ показаніи именъ, отечествъ и, особенно, фамилій; отъ нечеткости изображенія буквъ не представляется ли возможность прочесть имя или фамилію и такъ и иначе: „Симонъ“ „Семень“, „Ждановъ“ „Ждаловъ“, „Юрковский“ „Юрловскій“, и проч.

23) Каждая ли статья метрической книги въ 1, 2 и 3 частяхъ подписана всеми совершившими крещеніе, бракъ и погребеніе священно-церковно-служителями или не всеми; если не всеми, то кѣмъ именно статьи метрическихъ записей не подписаны, подѣ сколькими событіями нѣтъ подписей, съ котораго и по которое время и въ концѣ метрики сдѣлано ли объясненіе о причинѣ не подписи тѣмъ или другимъ членомъ причта.

24) Подѣ каждымъ ли мѣсяцемъ во всехъ трехъ частяхъ метрики подведены итоги событій, бывшихъ въ томъ или другомъ мѣсяцѣ, въ итогахъ прописью ли и потомъ цифрами показано количество событій и подѣ итогами всеми ли священно-церковно-служителями сдѣлана подпись.

25) Приложена ли къ метрикѣ табель или экстрактъ, по данной ли формѣ, и подписана ли эта табель священно-церковно-служителями.

26) Въ концѣ метрикъ сдѣлана ли подпись, что списокъ съ метрики за общимъ подписаніемъ причта оставленъ при церкви для храненія въ церковномъ архивѣ.

27) Есть ли въ метрикахъ во всехъ трехъ частяхъ подписи благочинныхъ за каждую половину года объ освѣдѣтствованіи ими метрикъ; если въ подписи благочиннаго показано число, въ которое онъ свидѣтельствовалъ книги, то послѣ свидѣтельства благочиннаго не записано ли событій рожденія, брака и погребенія, которые были ранѣе свидѣтельствованы благочиннымъ.

Редакторъ Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архимандретъ *Ириней*.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 25 іюля 1885 г. Цензоръ прот. М. Богдановъ.
Тип. Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайлов. ул., собств. домъ.

Годъ

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

XXVI.

СВЯТЫХ ПИСТЫРЕЙ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
пять руб., съ пересылкою шесть
рублей серебромъ.

№ 35.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Кіевской
духовной семинаріи.

1885 года, Августа 25-го.

Содержаніе: Житейскія отношенія священника.— Въ области вопросовъ изъ церковной практики.— Въ какомъ видѣ изображать свв. Меодія и Кирілла,—обои ли въ санѣ епископскомъ, или только перваго изъ нихъ? — Внутренняя Рѣчь благочиннаго къ священникамъ.

Житейскія отношенія священника¹⁾.

Какъ держать себя священнику въ сношеніяхъ съ другими людьми, приходящими въ соприкосновеніе съ нимъ или по служебнымъ дѣламъ, или по какимъ либо частнымъ отношеніямъ?

Умѣнье жить съ людьми есть своего рода наука, которая не всѣмъ одинаково дается. Священникъ, самымъ званіемъ своимъ поставленный въ близкія отношенія къ разнымъ лицамъ, долженъ постараться болѣе или менѣе овладѣть этою наукою, чтобы создать себѣ достойное положеніе среди другихъ и избѣжать многихъ неурядицъ, происходящихъ часто отъ мелочей, легко устранимыхъ въ общежитіи быту, при доброй волѣ и умѣломъ тактѣ священника.

¹⁾ См. № 31-й.

Первыя лица, съ которыми болѣе и чаще всего имѣть сношенія священникъ,—это его прихожане. Живя среди нихъ, онъ постоянно видитъ ихъ предъ собою: они обращаются къ нему по вызову своихъ религіозныхъ потребностей, а нерѣдко и по своимъ частнымъ дѣламъ, и самъ онъ является къ нимъ не только тогда, когда нужно принести имъ слово религіознаго утѣшенія и совершить для нихъ ту или другую церковную потребу, но и тогда, когда его вызываютъ къ тому не духовныя, пастырскія побужденія, но общежитейскія хозяйственныя нужды. Устроить добрыя отношенія между собою и своими прихожанами—дѣло житейской мудрости пастыря, о которомъ онъ долженъ позаботиться въ видахъ своего собственнаго блага, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ видахъ болѣе успѣшнаго достиженія цѣли, указанной ему его служеніемъ или Церковію, призвавшею его къ этому служенію.

Отношенія пастыря къ своимъ прихожанамъ должны опредѣляться духомъ любви, какую онъ долженъ имѣть къ своимъ духовнымъ дѣтямъ, и отзываться сердечностію. Къ священнику въ его приходѣ всѣ обращаются съ словомъ: отецъ или батюшка. Это не пустое слово. Оно указываетъ тотъ тонъ, какой священникъ долженъ выдерживать въ своихъ ежедневныхъ сношеніяхъ съ прихожанами, какъ членами одной духовной семьи. Священнику слѣдуетъ своимъ поведеніемъ въ отношеніи къ прихожанамъ оправдывать это многозначительное названіе, утвержденное за нимъ не только обычаемъ, но и Церковію. Священникъ не отвѣчаетъ этому названію, если стоитъ въ холодныхъ, чисто официальныхъ отношеніяхъ къ своимъ прихожанамъ, и не хочетъ ничего ни знать, ни дѣлать, что выходитъ за предѣлы этой холодной официальности. Мало онъ оказываетъ вниманія и любви своимъ прихожанамъ, если хочетъ быть только исправнымъ по должности и не заставляетъ долго ждать себя, если его зовутъ совершить какую либо потребу, въ церкви или въ домѣ. Требуется и ожидается отъ него, какъ отъ духовнаго отца, сердечное участіе въ положеніи и дѣлахъ его духовныхъ

дѣтей, непосредственная, такъ сказать, семейственная близость къ нимъ. Въ силу этой близости священникъ не встрѣтитъ своего прихожанина суровымъ взглядомъ, когда тотъ обратится къ нему по какому либо поводу, и не покусится для него на теплое слово. Въ силу этой близости онъ не будетъ сторониться отъ того, чѣмъ живутъ его прихожане и что волнуетъ и занимаетъ ихъ, а съ сердечною готовностью войдетъ въ ихъ положеніе и въ ихъ интересы, раздѣлитъ ихъ радость и ихъ горе, и не откажется дать добрый совѣтъ въ такихъ или иныхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ ихъ жизни. Намъ представляется желаннымъ такое отношеніе священника къ своимъ прихожанамъ, чтобы они, привязанные къ нему любовью, и увѣренные въ его вниманіи къ себѣ, видѣли въ немъ своего ближайшаго руководителя, и къ нему, а не къ кому либо другому обращались, съ своими недоумѣніями и затрудненіями, съ своими заботами и предположеніями, съ своими печальми и радостями, и чтобы онъ былъ ихъ и совѣтникомъ, и почителемъ, и судіею, и рѣшителемъ всѣхъ споровъ.

Близость священника къ своимъ прихожанамъ не должна простираться до полного сліянія и уравниенія съ ними въ привычкахъ и во внутреннемъ складѣ жизни и до приниженія предъ ними пастырскаго авторитета. Будучи близокъ и доступенъ для всѣхъ изъ своихъ прихожанъ, священникъ не долженъ опускаться изъ вида то достоинство, какимъ облеченъ онъ Церковію, и во всѣхъ сношеніяхъ съ ними долженъ вести себя такъ, чтобы не уронить своего сана. Нужно, чтобы не только любили его прихожане, но вмѣстѣ съ тѣмъ чтли въ немъ служителя Божія и своего духовнаго отца. Нужно, чтобы онъ являлся предъ ними не другомъ и товарищемъ только, но и отцомъ, имѣющимъ надъ ними высшую власть, данную имъ чрезъ Церковь отъ Бога, и отцомъ первѣе, чѣмъ товарищемъ и другомъ. Чтобы поддержать на надлежащей высотѣ свой пастырскій авторитетъ предъ прихожанами, священнику не нужно облекать себя предъ ними напуск-

ною литургическою важностію, не нужно усвоить себѣ начальственныя замашки и высокій тонъ въ обращеніи съ простыми людьми. Эти внѣшнія средства, бьющіе на глаза, сами по себѣ не достаточны для цѣли въ настоящемъ случаѣ и не могутъ создать уваженія къ священнику въ сердцахъ, ищущихъ духа, содержанія въ человѣкѣ, приходящемъ съ ними въ соприкосовеніе, и не могущихъ долго довольствоваться одною формою; они скорѣе удалитъ отъ священника его прихожанъ, которые при начальственныхъ пріемахъ обращенія съ ними пастыря, закроютъ предъ нимъ свою душу, ослабятъ и умалятъ тѣ обычныя связи, какія должны существовать между пастыремъ и его духовными дѣтьми. Можно держать себя просто съ простыми поселянами, не набрасывая на себя никакой важности, и лучше держать просто; только нужно при этомъ избѣгать всего, могущаго компроментировать священника. Это главное, о чемъ нужно заботиться священнику въ видахъ поддержанія пастырскаго авторитета и снисканія уваженія къ себѣ со стороны прихожанъ. Въ этихъ видахъ священникъ въ своемъ обращеніи съ прихожанами не испустится до пустаго балагурства и плоскихъ шутокъ съ ними, не позволитъ въ своемъ приествіи циническихъ бесѣдъ и грубыхъ перебранокъ тѣхъ или другихъ изъ прихожанъ, не станетъ участвовать въ ихъ попойкахъ и деревенскихъ увеселеніяхъ. Нашъ простой народъ привыкъ дѣлить хлѣбъ-соль съ своими пастырями, и въ дни празднествъ какихъ либо, церковныхъ или семейственныхъ, когда онъ видитъ въ своихъ домахъ священника, онъ считаетъ долгомъ угостить его. Можно не отказываться отъ предложенія раздѣлить трапезу съ прихожаниномъ, если это предложеніе дѣлается отъ добраго сердца и искренняго расположенія къ своему духовному отцу; суровымъ отказомъ пожалуй можно оскорбить любовь и усердіе добраго духовнаго сына. Но раздѣляя предложенную трапезу, священнику нужно показывать изъ себя примѣръ трезвенности и воздержанія. Если же напротивъ замѣтятъ въ немъ слабость и нетрезвенность, если онъ,

принимал угощеніе прихожанина, допустить какое либо изъищество, предосудительное и въ человѣкѣ, низко поставленномъ, онъ уронитъ тѣмъ свой санъ и свой авторитетъ, и подорветъ уваженіе къ себѣ у тѣхъ людей, которые должны чтить его, какъ своего духовнаго отца.

Чтобы не нарушить добрыхъ отношеній къ своимъ прихожанамъ, священнику нужно имѣть немало снисходительности и великодушія и не быть слишкомъ настойчивымъ въ своихъ требованіяхъ. Могутъ безокоить его тѣ или другіе изъ прихожанъ мелочными, пожалуй неумѣстными, просьбами, могутъ приставать къ нему съ назойливыми заявленіями, могутъ обращаться къ нему съ такими требованіями, какимъ онъ не можетъ удовлетворить. Терпѣливо нужно выслушивать подобныя заявленія и не раздражаться гнѣвными словами, даже и тогда, когда видите неумѣстность обращенной къ вамъ просьбы. Можно спокойно и съ самообладаніемъ разъяснить заявляющимъ предъ вами неумѣстныя просьбы и желанія, почему вы не можете принять ихъ и дѣйствовать согласно съ ними. Можетъ быть допущена со стороны простыхъ прихожанъ невѣжливость и грубоватый тонъ въ обращеніи съ священникомъ; ниже достоинства священническаго обихажа этимъ: чаще всего проявленія грубоватости и невѣжливости со стороны простыхъ селянъ зависятъ не отъ ихъ злой воли и намѣреннаго желанія оказать непріятность своему священнику, а отъ ихъ необразованности, отъ ихъ неумѣнья поставить себя въ должныя отношенія къ людямъ, выше ихъ стоящимъ и вести предъ ними приличную рѣчь. Въ случаяхъ замѣченной невѣжественной формы обращенія того или другаго прихожанина можно, не сердясь, съ спокойствіемъ и ласкою дать ему дружеское или отеческое наставленіе.

Весьма возможны случаи столкновенія и пререканій священника съ своими прихожанами по поводу какихъ либо вопросовъ, возникающихъ при житейскихъ сношеніяхъ между людьми, живущими въ сосѣдствѣ и пользующимися взаимными услугами, напри-

мѣръ при расчетахъ за какую либо наемную работу, совершенную для священника чѣмъ либо изъ его приходанъ, при покупкѣ или продажѣ какой либо вещи, при возникновеніи вопроса о правѣ на владѣніе тѣмъ или другимъ участкомъ земли и т. п. Не хорошо и не благовидно, если священникъ своею притязательностію или духомъ корысти возбуждаетъ и вызываетъ споръ изъ - за подобныхъ матеріальныхъ интересовъ. А если они возникаютъ помимо его воли, онъ долженъ испытать всѣ способы мирнаго, любовнаго рѣшенія спора, и вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ помнить, что его сану и положенію соотвѣтствуютъ болѣе уступчивость, чѣмъ неумолимая требовательность и настойчивость. Если замѣшая въ дѣлѣ его личный матеріальный интересъ, имъ можетъ пожертвовать священникъ, чтобы не нарушать и не испортить добрыхъ отношеній къ своимъ духовнымъ дѣтямъ. Уступчивостію въ своемъ интересѣ, за который можетъ стоять формальное право, онъ покажетъ добрый примѣръ христіанскаго поведения другимъ; ели онъ можетъ болѣе возвысить свой авторитетъ, когда увидитъ тѣ христіанскія побужденія, во имя которыхъ онъ готовъ отступаться отъ своего формальнаго права, и едва ли прогадаетъ онъ и съ точки зрѣнія матеріальныхъ интересовъ, если разъ, другой поступитъ своими выгодами въ пользу своихъ приходанъ при столкновеніяхъ съ ними. Кромѣ чувства мира, покупаемаго такою уступчивостію, онъ найдетъ при этомъ оправданіе себѣ со стороны лучшей части своего прихода, которая не можетъ не замѣчать христіанскаго духа, руководящаго ея пастыремъ, и совѣсть народа не позволитъ ему злоупотреблять доброю своего духовнаго отца, и доставитъ ему вознагражденіе за тѣ потери, какія онъ терпѣлъ прежде вслѣдствіе своей уступчивости приходанамъ и желанія жить мирно съ ними. Между тѣмъ священникъ, жалующійся суду на своего приходанина по поводу несогласія изъ - за какого либо житейскаго интереса, представляетъ изъ себя явленіе, мало говорящее въ свою пользу, хотя бы при этомъ онъ былъ правъ, и совершенно на его сторонѣ былъ

законъ и внѣшнее право. Ему свойственно бы судъ совѣсти и духъ прощенія, чѣмъ исканіе внѣшней правды предъ судомъ гражданскимъ. И тотъ священникъ, который дѣлаетъ частныя жалобы и позывы въ судъ тѣмъ или другимъ изъ своихъ прихожанъ, чрезъ это не приобретаетъ ни любви, ни уваженія своихъ прихожанъ, а только показываетъ себя человѣкомъ, чуждымъ пастырскаго духа. Руководственнымъ предостереженіемъ къ этомъ случаѣ можетъ быть для священника извѣстное наставленіе ап. Павла, обращенное ко всемъ вѣрующимъ, въ которомъ Апостоль укоряетъ ихъ за то, что они, имѣя дѣло съ другимъ, обращаются къ житейскимъ судамъ. И то уже весьма унижительно для васъ (говорить Апостоль), что вы имѣете тяжбы между собою. Для чего бы вамъ лучше не оставаться обиженными? Для чего бы вамъ лучше не терять лишенія? Но вы сами обижаете и отнимаете, и притомъ у братьевъ (1 Кор. VI, 1--8). Если Апостоль находилъ умѣстнымъ и необходимымъ съ такими словами обращаться къ простымъ вѣрующимъ, то тѣмъ болѣе оно должно находить приложеніе къ поведенію священника, служителя и учителя мира и любви по преимуществу. Всѣ прихожане его дѣти по духу, и отеческая любовь къ нимъ не должна допускать его до жесткихъ препирательствъ съ ними по житейскимъ дѣламъ и судебныхъ жалобъ на нихъ.

Впрочемъ уступчивость священника и стремленіе къ полюбовному рѣшенію дѣла въ столкновеніяхъ съ своими прихожанами должны имѣть свои границы. Тамъ, гдѣ дѣло касается одного личнаго интереса священника, онъ можетъ дѣйствовать, руководясь тѣмъ духомъ, какой внушалъ всѣмъ Господь нашъ въ Своей нагорной бесѣдѣ, говоря: хотящему судитися съ тобою, и ризу твою взяти, отпусти ему и срачицу (Мате. V, 40). Но когда онъ замѣчаетъ посягательство не на свой личный интересъ, а на интересы церкви, когда напимѣръ хотять завладѣть деньгами или имуществомъ, принадлежащимъ той

церкви, въ которой онъ приставленъ, какъ ея настоятель, или когда хотять урѣзать у причта его церкви землю, данную ему въ обезпеченіе его существованія, онъ обязанъ выступить на защиту церкви и причта, обязанъ отстаивать право на владѣніе тѣмъ или другимъ имуществомъ, незаконно отнимаемое чьими либо корыстолюбивыми стремленіями. Нельзя позволить незаконно расхищать собственность церкви или причта. Въ этомъ случаѣ во имя интереса церкви священникъ вынуждается принять все законныя мѣры къ тому, чтобы удержать при церкви то, что дано ей и что принадлежало ей прежде, и исканіе предъ судомъ или вчиненіе гражданскихъ жалобъ не будетъ тогда служить къ униженію его сана. Скорѣе онъ будетъ виновенъ въ нерадѣніи о церковномъ благѣ, если по своей добротѣ и уступчивости позволитъ оттягать отъ церкви то, что ей безспорно принадлежало. Также точно слѣдуетъ поступать, когда будетъ нанесена какая либо непріятность священнику, напримѣръ будетъ возведена на него грубая хула или оказано ему дерзкое оскорбленіе. Долгъ христіанской любви побуждаетъ его терпѣливо перенести нанесенное ему оскорбленіе, если дѣло касается его личности. Но когда при этомъ нанесено оскорбленіе не его личности, а его сану, или когда вмѣстѣ съ нимъ поругана святость церкви и подверглась публичному осмѣянію вѣра, которую онъ долженъ защищать и охранять предъ всеми, то, при всей готовности простить личное оскорбленіе, священникъ можетъ и долженъ просить законъ и власть, его охраняющую, защищать отъ поруганія то, что должно быть предметомъ общаго почитанія и благоговѣнія.

Въ отношеніяхъ священника къ своимъ прихожанамъ важное значеніе имѣютъ тѣ доходы, какіе онъ получаетъ отъ нихъ за свое служеніе и требосправленіе для нихъ, и на какіе онъ имѣетъ право рассчитывать, поступая на мѣсто. Между средствами обезпеченія священно-церковно-служителей на первомъ мѣстѣ, по нашимъ церковно-гражданскимъ постановленіямъ, стоятъ добровольныя даванія прихожанъ за исполненіе для нихъ церковныхъ

и приходскихъ требъ. Эти добровольныя даванія прихожанъ очень часто служатъ камнемъ претыканія, о который разбиваются добрыя отношенія пастыря къ своимъ духовнымъ дѣтямъ, и который подаютъ поводъ ко многимъ пререканіямъ и непріятностямъ обѣимъ заинтересованнымъ сторонамъ, т. е., и священнику и его прихожанамъ. Многіе священники не довольны такимъ способомъ обезпеченія своего содержанія,—не довольны во первыхъ потому, что находятъ его неблаговиднымъ и унизительнымъ для себя, во вторыхъ потому, что находятъ, что этотъ источникъ подверженъ разнымъ случайностямъ и поставляетъ ихъ въ прямую зависимость отъ прихожанъ, а въ третьихъ потому, что не доставляя имъ обезпеченія въ той мѣрѣ, въ какой бы они желали, вынуждаетъ ихъ быть требовательными тамъ, гдѣ все должно быть предоставлено одной доброй волѣ. А прихожане часто тиготятся этою обязанностию давать плату своему священнику за его служеніе, и когда нужда заставляетъ ихъ обращаться къ священнику при святомъ религіозномъ дѣлѣ, если они бѣдны, ихъ немало беспокоитъ мысль о вознагражденіи, какое по обычаю слѣдуетъ священнику за его дѣло. Если при этомъ священникъ, прямо или чрезъ другихъ, напомнитъ прихожанину, что онъ не вполне доволенъ даннымъ ему вознагражденіемъ,—пойдутъ пересуды и жалобы,—и нарушенъ добрый миръ между священникомъ и его духовными дѣтьми. Въ нашемъ народѣ, при всемъ его религіозномъ строѣ, ходитъ очень много поговорокъ, обидныхъ для чести священника, и онъ обязанъ своимъ происхожденіемъ тому обстоятельству, что священникъ, если хочетъ имѣть средства къ жизни, волею или неволею долженъ принимать подаянія отъ своихъ прихожанъ.

Для устраненія лишннихъ поводовъ къ взаимнымъ неудовольствіямъ между священникомъ и прихожанами и для поставленія себя предъ ними въ болѣе независимое положеніе, многими священниками настоятельно заявлялось желаніе, чтобы они освобождены были отъ необходимости принимать добротныя подая-

нія, часто тяжелыя для той и другой стороны, т. е. для дающихъ и принимающихъ, и чтобы эти добротныя подаванія замѣнены были опредѣленнымъ денежнымъ жалованьемъ отъ казны. Мысль объ этой замѣнѣ добротныхъ подаваній жалованьемъ отъ казны была и у правительства, начиная съ императора Петра I; въ особенности много думали надъ ея осуществленіемъ при Александрѣ I, и съ тѣхъ поръ, какъ манна небесной, духовенство ожидало себѣ жалованья, которое бы улучшило его положеніе и въ которомъ оно видѣло наиболѣе благородный способъ обезпеченія своего содержанія. При Николаѣ I эта мысль частію приведена была въ исполненіе, когда введенъ въ дѣйствіе (1847 г.) проектъ новыхъ штатовъ сельскихъ причтовъ, и когда во многихъ епархіяхъ стали выдавать изъ государственнаго казначейства причтамъ городскихъ и сельскихъ церквей опредѣленное жалованье. Нынѣ идетъ казенное жалованье церковныхъ причтамъ едва ли не въ большинствѣ епархій, и нѣтъ его во внутреннихъ епархіяхъ великороссійскихъ и сибирскихъ. Но и тамъ, гдѣ есть жалованье, духовенству, не устранена необходимость принимать добротныя подаванія. Жалованье выдается не въ такомъ размѣрѣ, чтобы могло вполне обезпечивать содержаніе причтовъ (за исключеніемъ нѣкоторыхъ привилегированныхъ епархій); оно служитъ только подспорьемъ къ другимъ средствамъ содержанія, какими можетъ пользоваться наше духовенство. Наши священники увидѣли бы себя въ большомъ затрудненіи, если бы принуждены были довольствоваться однимъ жалованьемъ. А большимъ содержаніемъ, могущимъ покрыть всѣ нужды духовенства, не можетъ снабдить наша причты государственное казначейство при тѣхъ источникахъ доходовъ, какими оно располагаетъ. Въ-стѣ съ тѣмъ иные, и ревнующіе о благѣ церкви и сочувствующіе положенію духовенства, находятъ ту невыгодную сторону въ порядкѣ обезпеченія духовенства казеннымъ жалованьемъ, что при немъ священникъ превращается въ гражданскаго чиновника, что при немъ ослабляются внутреннія связи священника съ сво-

ими прихожанами, и онъ становится гораздо дальше отъ нихъ, чѣмъ при прежнемъ порядкѣ обезпеченія его содержанія со стороны самихъ прихожанъ, а удаленіе священника отъ своихъ прихожанъ по какому бы то ни было обстоятельству вещь нежелательная.

(Продолженіе будетъ).

Въ области вопросовъ изъ церковной практики.

Отвѣты Редакціи.

1) „Можно ли одному священнику безъ чтецовъ и пѣвцовъ служить утрению, вечерню, обѣдню“? и пр.

Что до вечерни, утрени и прочихъ повседневныхъ службъ, за исключеніемъ обѣдни, то можно, — само собою разумѣется, въ тѣхъ случаяхъ, когда священникъ дома или въ церкви находится одинъ, безъ предстоящихъ и желающихъ участвовать въ молитвѣ. Извѣстно, между прочимъ, что о многихъ святыхъ угодникахъ житія ихъ сообщаютъ, что, находясь въ пустынѣ или въ затворѣ, они пѣли сама по себѣ вечерню, повечеріе, утрону, часы и т. п. и это даже поставлялось имъ въ особую заслугу предъ Богомъ. Въ нравственномъ смыслѣ то же можно сказать и о вычитываніи поименованныхъ службъ священниками безъ причетниковъ; ибо при этомъ священникъ самъ лично долженъ вычитывать все, положенное по уставу, и каизмы, и стихирѣ, и каноны и т. п., — не такъ, какъ это бываетъ, когда священникъ служить съ причетникомъ, который читаетъ одно, а священникъ другое. Одного только священника не можетъ и не долженъ дѣлать при этомъ, т. е. не произносить ектеній; ибо въ нихъ прямо говорится: Господу помолимся, изи: еще молимся, т. е., священникъ или діаконъ этимъ приглашаютъ предстоящихъ принимать участіе въ общей молитвѣ, для чего они, т. е. предстоящіе,

или вмѣсто ихъ хоръ и должны отвѣчать: Господи помилуй. Когда же священникъ вычитываетъ ту или другую службу одинъ, подомашнему, хотя бы то было даже и въ церкви, то ему не кого приглашать къ участию въ молитвѣ съ собою, некому и отвѣчать ему на Его приглашеніе, а потому и ектеніи, какъ составляющіе существенную часть богослуженія общественнаго, должны быть въ такомъ случаѣ оставляемы. Если же въ церкви вмѣстѣ съ священникомъ находятся люди, желающіе выслушать ту или другую службу въ качествѣ богослуженія общеннаго, то само собою разумѣется, таковую онъ долженъ служить вмѣстѣ съ псаломщикомъ, какъ слѣдуетъ, по уставу церковному; ибо безъ этого самая служба эта будетъ носить характеръ молитвы частной, а не общественной, и потому для присутствующихъ не могутъ имѣть того значенія, какое она должна имѣть, по установившемуся чину и обычаю церковному. Тѣмъ болѣе, конечно, не иначе, какъ только съ псаломщикомъ, священникъ можетъ и долженъ служить литургію, потому что она 1) сама по себѣ есть одно изъ величайшихъ общественныхъ богослуженій нашей Церкви, какъ показываетъ и самое наименованіе ея *λεειτουργία*, общественное дѣло, общественная служба; и 2) на литургію нельзя пропустить ни одного слова, а тамъ, какъ извѣстно, полагаются не только ектеніи, но и много другихъ возгласовъ, которые не иначе могутъ быть произносимы, какъ съ отвѣтомъ пѣвца, въ родѣ напр. возгласа: возлюбимъ другъ друга, да единомысліемъ исповѣмы;—отвѣтъ: Отца и Сына и Св. Духа..., или: станемъ добрѣ, станемъ со страхомъ, вонемъ, святоо возношеніе въ мирѣ приносить,—отвѣтъ: милость мира, жертву хваленія, и пр. Не говоримъ уже о томъ, что по издревле установившемуся чину нашей православной Церкви, литургія должна всегда сопровождаться пѣніемъ... Кто же станетъ пѣть безъ пѣвца? Интересно между прочимъ, что даже уніаты, допустившіе у себя, по примѣру римско-католической церкви, такъ называемую шептанную или чтеную

литургію, не иначе однако совершаютъ ее, какъ съ клирикомъ, который обязанъ отвѣчать на всѣ ектеніи и возгласы священника, какъ и наши пѣвцы, только вмѣсто пѣнія шепотомъ.

2) „Долженъ ли священникъ поправлять ошибки клирошанъ тотъ часъ же, когда они допустятъ ихъ въ церкви, или же дѣлать о нихъ замѣчанія послѣ службы“?

Здѣсь нужно всегда принимать во вниманіе самый характеръ ошибокъ и ихъ отношеніе къ уставу или благочинію церковному. Если ошибки чтецовъ или пѣвцовъ въ церкви имѣютъ напр. грамматическій характеръ или касаются какихъ либо незначительныхъ замѣнъ одного напр. дневнаго тропаря или кондака другимъ, относящимся къ тому же дню и т. п., то о таковыхъ ошибкахъ всего удобнѣе напоминать по окончаніи службы, чтобы безъ нужды не соблазнить молящихся. Но если ошибки касаются существенныхъ частей богослуженія, напр. если бы псаломщикъ сталъ читать не тотъ апостолъ, который полагается въ извѣстный день или праздникъ, или сталъ пѣть не тотъ гласъ, который слѣдуетъ по порядку Октоиха, или на литургіи одно сталъ пѣть вмѣсто другого, то такіа и подобныя ошибки, само собою надо исправлять тутъ же, чтобы допущеніемъ одной ошибки не подать повода къ другимъ, какъ это напр. можетъ случиться, когда стануть пѣть одинъ гласъ Октоиха вмѣсто другого, и т. д. Только при этомъ каждый священникъ долженъ дѣлать сіе съ надлежащимъ благоразуміемъ, миромъ и любовію, дабы не подать повода къ какимъ либо недоразумѣніямъ какъ со стороны псаломщика, такъ и со стороны молящихся. Всего же лучше во всѣхъ подобныхъ обстоятельствахъ поступать тѣмъ священникамъ, которые, зная о склонности своихъ чтецовъ или пѣвцовъ къ ошибкамъ, сами прежде вмѣстѣ съ ними просмотрятъ весь порядокъ предстоящей службы, укажутъ, гдѣ, что и какъ сдѣлать, дабы, по Апостолу, все было благообразно и по чину. И это необходимо тѣмъ болѣе, что и священники сами по себѣ не всегда могутъ знать все, особенно молодые, отъ чего иногда бываетъ

такъ, что ипой исправляетъ ошибки, которыхъ вовсе нѣтъ на дѣлѣ, и тѣмъ конфузить крайне себя и другихъ.

3) „Можно ли священнику, служащему безъ діакона, произносить ектеніи не въ алтарѣ, а на амвонѣ“?

Очевидно, этотъ вопросъ предложенъ священникомъ изъ великороссійской епархіи, гдѣ службы, особенно воскресныя и праздничныя, совершаются нѣкоторыми священниками въ епитрахили и фелони, не снимая ихъ во все продолженіе службы, отъ чего служащимъ дѣйствительно какъ-то неудобно выходить на амвонъ, или сказать иначе, на солею предъ царскими вратами, и они всѣ ектеніи произносятъ въ алтарѣ, предъ святымъ престоломъ. Въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ, какъ напр. въ предѣлахъ бывшей Кіевской митрополіи, священникъ надѣваетъ фелонь на вечерни и утрени или же на всепонощномъ бдѣніи только въ опредѣленные времена, — а именно, въ началѣ всепонощнаго бдѣнія, на входѣ, на литіи, во время поліелея, и на „слава въ вышнихъ Богу“, въ остальное же время служить въ епитрахили, тамъ и произнесеніе ектеній совершается на солеѣ, за исключеніемъ, конечно, тѣхъ ектеній, которыя обязательно должны быть произносимы священникомъ (когда онъ служитъ безъ діакона) въ фелони, напр. великой ектеніи литійной, которая произносится посреди церкви, и ектеній по славословію, которыя произносятся въ алтарѣ. И сіе имѣетъ основаніе въ самомъ уставѣ. Такъ въ Кіевскомъ „последованіи утрени, вечерни и полунощницы“, напечатанномъ за „благословеніемъ Святѣйшаго Правительствующаго Всероссійскаго Синода (1869 г.)“, во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ священникъ служитъ самъ безъ діакона, въ епитрахили, прямо говорится: „Іерей же, изшедъ изъ алтаря предъ Царскіи врата, глаголетъ ектенію: Помилуй насъ Боже“;... „Іерей же предъ святыми дверьми глаголетъ ектенію: Исполнимъ вечернюю, и т. д. То же самое читаемъ и во многихъ мѣстахъ великаго Типикона или Устава. Такъ же точно, по примѣру святой Кіево-Печерской Лавры, въ большинствѣ нашихъ церквей принято произносить ектенію и „великую“

на вечерни и утрени, и всѣ малыя ектеніи, полагаемыя на сихъ службахъ, по уставу, и т. д. И въ сущности нельзя не отдать преимущества этому обычаю предъ обычаемъ произносить ектеніи въ алтарѣ, во 1) потому что онъ прямо соотвѣтствуетъ практикѣ и уставу церковному вообще, и во 2) потому что ектеніи по самому характеру своему суть именно такія моленія, которыя должны быть произносимы для народа, и потому, какъ можно, ближе къ народу, среди народа, чтобы онъ могъ явственнѣе слышать произносимое и отвѣчать на него самъ ли, или въ лицѣ клира, по древнему чиноположенію церковному. Тѣмъ болѣе, разумѣется само собою, священникъ обязанъ произносить предъ царскими вратами тѣ ектеніи, о которыхъ въ уставѣ прямо говорится, что онѣ должны быть произносимы такимъ образомъ. А для этого каждый священникъ долженъ аккуратнѣйшимъ образомъ изучить этотъ уставъ, чтобы, по невѣжеству, не сдѣлаться ослушникомъ его, другимъ на соблазнъ и себѣ въ судъ и осужденіе.

4) „Кто болѣе погрѣшаетъ, тотъ ли, кто сокращаетъ Служебникъ, или Псалтирь, или кто сокращаетъ Октоихъ, Минею“? и проч.

Въ сущности согрѣшаетъ всякій, кто такъ или иначе нарушаетъ уставъ церковный, какъ постановленіе освященное авторитетомъ Церкви и вѣковыми обычаями,—хотя мы недоумѣваемъ, какъ это въ частности можно сокращать Служебникъ? Тѣ же, которые дерзаютъ допустить это такъ или иначе, говоря по старинному, грѣшатъ смертельно, потому что въ Служебникѣ все такъ существенно и необходимо, что и одно прошеніе ектеніи пропустить нельзя безъ ущерба полнотѣ и характеру совершающейся службы. Не говоримъ уже о томъ, что священники, сокращающіе такъ или иначе Служебникъ въ чинѣ литургіи, должны подлежать не только нравственной отвѣтственности, но и суду церковной власти. Отъ того-то между прочимъ въ „Извѣстіи Учительномъ“, печатаемомъ при нашихъ Служебникахъ, прямо гово-

рится: „Книга Служебникъ всею есть потребна къ служенію (литургіи, равно какъ и прочихъ службъ); на память же молитвъ да не глаголетъ (іерей или діаконъ); ибо аще іерей будетъ служати памятью, безъ книги, смертно согрѣшитъ, за немощіи спомы, забвеніе же и запустыи тогда случаются, и не имать познати, что даетъ или глаголетъ, и во усумнѣніе людей введетъ и явленный порокъ, забывая сотворитъ“. Что до другихъ церковно-богослужебныхъ книгъ, то о пропускахъ изъ нихъ можно сказать только словами Апостола: проклятъ всякъ творяй дѣло Божіе съ небреженіемъ, если небреженіе это допускается безъ крайней надобности, или по лѣности и разсѣянности служащаго, и т. п. Иное дѣло въ тѣхъ случаяхъ, когда священнику, особенно приходскому предстоитъ неотложная надобность поспѣшить съ тою или другою службою церковною ради причащенія больныхъ, или крещенія умирающаго младенца, и т. п. Тогда священникъ можетъ допустить сокращеніе, по своему усмотрѣнію, напр. повелѣвши служить вечерню или утреню одному только святому безъ Октоиха, если то день будничный, или же служить только по одному Октоиху въ день воскресный, читать изъ Псалтири вмѣсто двухъ канонъ—одну, или же и двѣ, но по одному псалму изъ каждой славны, и т. п. Вообще во всѣхъ подобныхъ случаяхъ священникъ долженъ благоразумно разсудить самъ, что оставить и что исполнить, принимая во вниманіе и значеніе даннаго дня, и совершаемаго въ оный праздника или празднуемаго святаго, и т. п. Можно только предложить здѣсь одинъ совѣтъ. Поскольку Октоихъ повторяется въ теченіи года по нѣсколько разъ, а Миней, проходится только по одному разу, то Миней всегда надо отдавать предпочтеніе, дабы почтить дневнаго святаго или прилучившееся въ этотъ день празднество, такъ какъ не почтивши ихъ въ данный день, придется ожидать этого потомъ цѣлый годъ, а къ Октоиху всегда можно вернуться, тѣмъ болѣе что самыя повседневныя службы его, различаясь между собою по гласамъ, ничѣмъ почти не отличаются

между собою по своему содержанію, такъ что напр. пропустивши службу Октоиха во вторникъ перваго гласа, легко потомъ вознаграждать ее службою въ тотъ же день втораго гласа, и т. д. То же самое, что о Минен, нужно сказать также и о Тріоди, и т. д.

5) Далѣе, одинъ изъ священниковъ сообщаетъ къ нашу редакцію слѣдующее. „Одни священники, говоритъ онъ, начинаютъ всенощное бдѣніе, когда таковое положено по Уставу, такимъ образомъ. Діаконъ отверзаетъ царскія врата и отходитъ на горнее мѣсто, становясь лицомъ къ западу. Священнику подають кадило, діакону—зажженную свѣчу. Діаконъ, оставаясь со свѣчей въ рукѣ, на горнемъ мѣстѣ, лицомъ къ западу, возглашаетъ: „Востаните! Господи, благослови“! Священникъ, стоя предъ престоломъ съ кадиломъ въ рукахъ, возглашаетъ, дѣлая кадиломъ крестъ: „Слава Святѣй, Единосущѣй“... Пѣвцы: „Аминь“. Священникъ съ діакономъ, оставаясь на тѣхъ же мѣстахъ, поютъ, при чемъ священникъ кадитъ предъ престоломъ: „Прійдите, поклонимся Царевнѣ, нашему Богу. Прійдите, поклонимся и припадемъ Христу, Царевнѣ, нашему Богу. Прійдите, поклонимся и припадемъ Самому Христу, Царевнѣ и Богу нашему“! Пѣвцы окончиваютъ: „прійдите, поклонимся и припадемъ Ему“! Затѣмъ— „Благослови, душе моя, Господа“ и прочее обычно. Когда пѣвцы окончиваютъ „прійдите, поклонимся и припадемъ Ему“, въ это самое время священникъ начинаетъ кадитъ вокругъ престола, оканчивая сначала западную сторону его, затѣмъ—южную, восточную и сѣверную. Послѣ сего кадитъ жертвенникъ, горнее мѣсто и иконы по сторонамъ его, потомъ оборачивается лицомъ на западъ и кадитъ икону надъ царскими вратами. Въ это время діаконъ царскими вратами выходитъ со свѣчею на амвонъ и оборачивается лицомъ къ востоку. Священникъ идетъ за нимъ съ горняго мѣста останавливается между престоломъ и царскими вратами лицомъ къ западу и кадитъ, по отвѣщенію къ себѣ, сначала правую половину отверстыхъ царскихъ вратъ, затѣмъ лѣвую. Этимъ и

Къ № 35-му.

оканчивается каженіе въ алтарѣ. Послѣ сего священникъ выходитъ на амвонъ и кадитъ мѣстные иконы и весь храмъ по обычаю. Другіе священники начинаютъ бдѣніе совсѣмъ иначе, и именно такимъ образомъ. По отверстіи діаконъ царскихъ вратъ, священникъ въ безмолвіи начинаетъ кадитъ вокругъ престола, а діаконъ держитъ въ рукахъ зажженную свѣчу. Престолъ оживается сначала съ западной стороны, затѣмъ—съ южной, потомъ—съ восточной и наконецъ—съ сѣверной. Послѣ сего оживается жертвенникъ, горнее мѣсто съ иконами по сторонамъ и икона надъ царскими вратами. И этимъ оканчивается каженіе въ алтарѣ. Священникъ вторично становится предъ престоломъ съ кадиломъ въ рукахъ, а діаконъ въ это время выходитъ изъ алтаря царскими вратами и становится на амвонѣ позади священника, загораживая его собою. Діаконъ на амвонѣ, позади священника, возглашаетъ: „востаните! Господи, благослови“! Священникъ предъ престоломъ, дѣлая кадиломъ крестъ, возглашаетъ: „слава Святѣй“... Пѣвцы: „Аминь“. Священникъ съ діаконъ поютъ 3-жды: „прїидите, поклонимся“. Пѣвцы оканчиваютъ: „прїидите поклонимся и припадемъ Ему“, затѣмъ „благослови, душе моя, Господа“ и т. д. по обычаю. Когда пѣвцы оканчиваютъ: „прїидите, поклонимся“..., священникъ, не покадивъ вовсе на царскія врата, выходитъ изъ алтаря на амвонъ и кадитъ мѣстные иконы и весь храмъ по обычаю. Изъ сказаннаго, говоритъ тотъ же священникъ, видно, что разница между тѣмъ и другимъ началомъ всенощнаго бдѣнія заключается частію въ каженіи (во второмъ описанномъ случаѣ не кадитъ свѣщ. царскія врата вовсе), а главнымъ образомъ—во времени начала возгласа, произносимаго діаконъ: „востаните! Господи, благослови!“ и другаго возгласа: „слава Святѣй“..., произносимаго священникомъ. Затѣмъ, въ заключеніе, тотъ же священникъ спрашиваетъ. Которое начало бдѣнія правильнѣе: первое, или второе? Первое по моему мнѣнію, говоритъ онъ, практичнѣе, такъ какъ прямо начинается возгласомъ:

„востаните! Господи, благослови“! Во второмъ случаѣ до возгласа проходитъ времени отъ 2 до 3 и болѣе минутъ, въ продолженіе которыхъ (2—3 минутъ и болѣе) молящіеся слышатъ лишь бряканье кадила и покашливанье псаломщиковъ и др. пѣвцовъ. Непріятнѣе всего видѣть, что въ одной и той же церкви одинъ священникъ служитъ такъ, а другой— иначе. А это бываетъ“, и т. д.

Еще болѣе непріятно, скажемъ мы съ своей стороны, что священники, да же находящіеся при одной церкви, не могутъ согласиться между собою, чтобы служить однообразно, а каждый дѣйствуетъ самостоятельно, по своему, къ соблазну прихожанъ. Господи Боже нашъ! Когда же миръ, любовь и согласіе утвердятся на грѣшной землѣ хотя между служителями церкви твоей? А мы ратуемъ, что мірскіе люди и сѣкіе и такіе, возлагая на нихъ бремена тяжка и неудобносіма, сами же ниже перстомъ стараемся коснуться ихъ. Такъ и въ настоящемъ случаѣ, по вопросу объ образѣ кажденія при началѣ всенощнаго бдѣнія, слѣдуетъ сказать, что одного общаго, обязательнаго правила на это въ самой нашей Церкви не имѣется. Въ Типиконѣ церковномъ объ этомъ читаемъ: „іерей, сего же есть чреда (вышедши въ церковь), творитъ (прежде всего поклонъ предстоятелю, и отшедъ творитъ поклоны три предъ святыми дверми, и на оба лѣва; братіямъ же всѣмъ сѣдящимъ, и вшедъ во святыи алтарь, возлагаетъ на ся епитрахиліи,—и принѣвъ кадиланицу, и ставъ предъ святою трапезою, влагаетъ оміамъ, и глаголетъ молитву кадила тайно. И тако кадитъ святую трапезу крестовидно окрестъ, и весь жертвенникъ, и отворивъ святыя двери исходитъ. Кадилосжигатель же, пріемъ свѣщникъ, стоящій среди церкви, возгласитъ великимъ гласомъ: Возстаните, держа въ руцѣ свѣщникъ со свѣщею возженною. Всѣмъ же вставшимъ, и изшедъ священникъ святыми дверми, и творитъ крестъ кадиломъ предъ святыми дверми, возводя правъ и прекл и идетъ и кадитъ порядку святыя иконы, яже на десѣйи странѣ,

таже на лѣвѣй, по семъ предстоятеля и оба лики по чину ихъ, параклесиарху же предходящу ему со свѣщникомъ... Исходитъ же и въ притворъ и кадитъ почину и тамо сущую братію, и паки возвращаеся въ церковь, и ставъ посреди обою лику, знаменуеъ кадиломъ крестъ, зря къ востокомъ, и возглаголетъ велегласно: Господи благослови... И абіе кадитъ образъ Спаса Христа и Богородицы и предстоятеля на мѣстѣ его, и вшедъ во святѣй алтарь и ставъ предъ святою трапезою, знаменуеъ кадиломъ крестъ трижды, и потомъ возглаголетъ сице: Слава святѣй, единосущнѣй... И начинаетъ предстоятель или еkkлeсiархъ: аминь; прїидите поклонимся Христу, Цареви, нашему Богу, низкимъ и тихимъ гласомъ. Таже второе, мало повыше: прїидите, поклонимся и припадемъ Христу, Цареви, нашему Богу. Паки третее вышнимъ гласомъ сице: прїидите, поклонимся и припадемъ Самому Христу, Цареви и Богу нашему. Таже особнѣ: прїидите, поклонимся и припадемъ Ему. И абіе начинаетъ вышнимъ гласомъ предстоятель или еkkлeсiархъ на гласъ 8-й: Благослови душе моя Господа не скоро со сладко ибѣнемъ, споющей и прочей братіи... Примѣчаніе: въ соборныхъ же и приходскихъ храмахъ дѣйствуетъ священникъ сія въ фелонѣ, діаконъ же въ стихарѣ. Егда же начнутъ ибѣти: Вся премудростію сотворилъ еси, и Слава Ти, Господи, сотворившему насъ, тогда іерей приходитъ предъ царскія двери во епитрахилѣ, и откровенною главою стоя, глаголетъ молитвы свѣтильничныя. Укончавшуся же ипсалму, глаголетъ ектенію великую, и т. д. Такъ полагается начинать всенощное бдѣніе по Типикону (глава II-я, чинъ великіи вечерни, сіестъ бдѣніа всенощнаго). А вотъ и еще послѣдованіе того же начала по уставу служениковъ Кіевскихъ: „Предъ начатіемъ всенощнаго бдѣніа священникъ въ фелонѣ сперва одинъ кадитъ святую трапезу, жертвенникъ и весь алтарь, а потомъ въ предшествіи діакона со свѣщею исходитъ изъ алтаря и вмѣстѣ съ нимъ кадитъ свѣ-

тыя врата и иконы мѣстныя, праздника и храма. Таже ставъ предъ святыми вратами, возглашаетъ діаконъ: Востаните, Господи благослови. Іерей же глаголетъ: Слава свѣтѣй и единосущнѣй и т. д. Ликъ: аминь; прїидите поклонимся, трижды, таже высочайшимъ гласомъ: прїидите поклонимся и припадемъ ему, и поютъ: Благослови, душе моя Господа опредѣленныя стихи. Іерей же, окладивъ съ діакономъ всю церковь, по обычаю, и покладивъ престолъ, исходитъ въ епитрахиль предъ царскія врата и чтетъ, по обычаю, свѣтильничныя молитвы. Діаконъ глаголетъ великую ектецію“, и т. д. (Послѣдованіе утрени, вечерни и полунощницы. Глава VI-я, послѣдованіе всепоющаго бдѣнія). Мено, что сама Церковь наша не требуетъ безусловнаго единообразія въ порядкѣ какъ самаго начала всепоющаго бдѣнія, такъ и кажденія при немъ, и т. д. И потому въ сущестѣ каждый священникъ будетъ поступать всего лучше, держась въ этомъ отношеніи господствующихъ коренныхъ обычаевъ мѣстныхъ, тѣмъ болѣе что и народъ, привыкши издрекле къ этимъ обычаямъ, смотритъ на всякіе новые порядки, какъ на новшество и легко соблазнется ими. Надобно только, повторимъ пакы и пакы, чтобы одинъ священникъ шелъ по слѣдамъ другаго, и ни одинъ изъ нихъ не вводилъ своихъ порядковъ вопреки установившимся порядкамъ данной мѣстности, и т. д. Что же касается того, какъ всего лучше и благоприличнѣе начинать всепоющее бдѣніе вообще, то, слѣдуя господствующимъ въ Кіевѣ, С.-Петербургѣ и вообще въ большей части нашего отечества порядкамъ, это можно совершать слѣдующимъ образомъ. По облаченіи священника въ епитрахиль и фелонь, а діакона въ стихарь, священнику подають кадило, а діакону свѣчу. Поблагословивши кадило съ молитвой: Кадило тебѣ приносимъ (тайно), священникъ съ діакономъ молча оказываютъ сначала св. престолъ, потомъ горнее мѣсто, жертвенникъ и прочія иконы въ алтарѣ. Затѣмъ діаконъ исходитъ предъ царскія врата и возгласивши:

Востаните, Господи благослови, снова возвращается въ алтарь, и здѣсь, ставши позади престола, лицомъ къ священнику, или рядомъ со священникомъ, гдѣ какъ принято, поетъ вмѣстѣ съ священникомъ: прїидите поклонимся. По прочтѣніи послѣдняго: прїидите поклонимся и припадемъ Ему, Когда пѣвцы начнутъ пѣть: Благослови душе моя Господа, діаконъ исходитъ снова предъ царскія врата, а священникъ, обратившись къ нимъ, кадитъ оныя, при чемъ къ той части вратъ, которыя оказываются, одновременно со священникомъ кланяется и діаконъ. Затѣмъ остальное казденіе, по обычаю. По возвращеніи въ алтарь діаконъ затворяетъ царскія врата, идетъ и произноситъ великую ектенію на обычномъ мѣстѣ, а священникъ, снявши фелонь, читаетъ въ это время свѣтильничныя молитвы, и т. д.

**Въ какомъ видѣ изображать свв. Меѳодія и Кирилла,—
обоихъ ли въ санѣ епископскомъ, или только перваго
изъ нихъ?**

(Отвѣтъ священнику І. Пожарскому).

Въ изображеніи свв. братьевъ, Меѳодія и Кирилла, употреблявшагося у насъ до настоящаго времени, оба первоучители наши представлялись по преимуществу въ санѣ епископовъ, именно, каждый изъ нихъ съ омофоромъ и нерѣдко—митрой на головѣ. Такой обычай изображенія св. братьевъ сталъ входить въ практику восточной Церкви во времена болѣе или менѣе отъ нихъ отдаленныя, и къ намъ не особенно близкія. На обычай изображенія нашихъ первоучителей обоихъ въ санѣ епископскомъ прямо указываютъ нѣкоторые старинные иконописные подлинники ¹⁾.

¹⁾ Въ подлинникѣ, изданномъ Г. Д. Филимоновымъ, говорится слѣдующее: »Меѳодій подобіемъ старъ, власы сѣды, брада долга, акы Власіева, ризы святительскія и омофоръ, въ рукахъ евангеліе. Кириллъ подобіемъ

Такой же обычай изображенія нашихъ первоучителей, какъ видно, существовалъ и по другимъ православнымъ славянскимъ странамъ¹⁾. Съ 60-хъ годовъ, именно со времени празднованія тысячелѣтій славянской грамоты (1862 г.) и смерти св. Кирилла (1867 г.), изображенія св. нашихъ первоучителей, обоихъ въ санѣ святительскомъ, стали распространяться въ большомъ числѣ. И въ настоящемъ году подобныя изображенія св. братьевъ распространялись въ пародѣ, будучи разосланы по волостямъ, а также расходились при посредствѣ торговли, бывъ отпечатаны вновь частными предпринимателями (напр. г. Князевымъ, въ его альбомѣ). Все это зависѣло отъ того, что до самаго послѣдняго времени относительно нашихъ первоучителей господствовало почти общее убѣжденіе, будто они, одинъ за другимъ, были епископами Моравин. Вотъ какъ это представлялось въ Четы-Минейномъ сказаніи (подъ 11 мая) о преп. отцахъ, Меѳодіи и Константинѣ, которому (сказанію) почти безусловно слѣдовали до послѣдняго времени и уваженіе къ которому и теперь засвидѣтельствовано перепечаткой его, по распоряженію св. Синода, безъ всякихъ измѣненій, въ добавленіе къ службамъ, общей и особеннымъ Кириллу и Меѳодію, разосланнымъ нынѣ по всѣмъ православнымъ російскимъ церквамъ. Еще раньше своего путешествія къ Моравамъ св. братья были признаны достойными епископской степени. Послѣ успѣшнаго выполненія миссіи къ хозарамъ, ихъ предлагали въ Константинополѣ санъ святительскій; „они же весьма отрекоушася таковаго сана“. Но вотъ, Ростиславъ

старъ, сѣдъ вельми, брада аки Василіа Кессарійскаго, на концы подвонлася, риза кресчатая, сподняя санкирная, въ омофорѣ, въ рукахъ евангеліе».

¹⁾ Въ этомъ отношеніи замѣчательна открытая на Афонѣ, въ Догіарскомъ монастырѣ, архим. Леонидомъ, найѣстникомъ Троицко-Сергіевской Лавры, икона св. Николая Скоропомощника, сербскаго писма XIV—XV ст., на поляхъ которой изображены св. Меѳодій и Кирилъ. Стравинскій, 1885 г., май, стр. 180.

Моравскій, вмѣстѣ съ другими князьями, присылаетъ въ Константинополь посольство, прося послать имъ епископа и учителя таковаго, который бы научилъ ихъ вѣрѣ ихъ собственнымъ языкомъ, славянскимъ. Царь Михаилъ III, по совѣту съ патріархомъ и всѣмъ освященнымъ соборомъ, отправляетъ къ Моравамъ св. Константина, при чемъ „убѣдиша его, аще и не хотѣща пріяти санъ архіерейскій“. Въ этомъ санѣ и дѣйствовалъ св. Константинъ, какъ епископъ Моравіи, въ теченіи всего своего 40-мѣсячнаго (3 года и 4 мѣс.) пребыванія въ той странѣ, вмѣстѣ съ братомъ своимъ, св. Меодіемъ. Только передъ смертію своею въ Римѣ, св. Константинъ, принявъ монашество (съ именемъ Кирилла), передалъ свое епископство неразлучному спутнику, сотруднику и продолжателю его дѣла въ Моравіи, св. Меодію, который потомъ и былъ поставленъ въ Римѣ во епископа для Моравіи.

Но мнѣніе о епископствѣ св. Кирилла и въ прежнее время не было всеобщимъ ¹⁾. Въ настоящее же время оно сильно поколеблено новыми изслѣдованіями и открытіями. Въ 40-хъ годахъ открыты были самыя древнія житія св. Кирилла и Меодія (Паннонскія), происхожденіе которыхъ по времени весьма близко къ св. равноапостольнымъ просвѣтителемъ славянскимъ ²⁾. Они несомнѣнно служили первоисточникомъ для всѣхъ нашихъ четывиней, прологовъ, похвальныхъ словъ о св. братьяхъ и пр. Въ связи съ другими, болышею частію отрывочными извѣстіями о св.

¹⁾ Какъ показываетъ другой подлинникъ, принадлежащій Москов. Общ. исторіи и древн. Россійскимъ; онъ читается такъ: »Меодій подобіемъ старъ, власы сѣды, брада долга аки Власіева, ризы свѣтительскія, и омофоръ, евангеліе. Константинъ подобіемъ старъ, и сѣдъ весьма. Брада аки Василия Кесарійскаго, на концы подвонлася, ризы преподобническія, въ схимѣ, въ рукахъ книга разпутанъ, а въ ней написана русская азбука«. См. Москов. Вѣд. за 1885 г. 8 апр.

²⁾ Написаны кѣмъ либо изъ ихъ непосредственныхъ учениковъ (какъ полагаютъ нѣкоторые, св. Климентомъ), вскорѣ послѣ смерти св. Меодія.

первоучителяхъ, Паннонскія житія уяснили многія дотолѣ темныя стороны въ исторіи св. равноап. братьевъ. Въ частности, по настоящему вопросу,—былъ ли также и св. Кириллъ епископомъ,—они въ совокупности съ другими многочисленными данными послужили твердой опорой къ утверженію того, что св. Кириллъ вовсе не былъ въ епископскомъ санѣ. При всей полнотѣ своей, житія эти, не пропускающія ничего болѣе или менѣе существеннаго въ жизни св. братьевъ, совершенно однако не говорятъ о томъ, что св. Кириллъ принималъ когда нибудь санъ епископскій, передъ посольствомъ ли своимъ въ Моравію, или въ самомъ Римѣ. Правда, они подтверждаютъ, что Ростиславъ, вмѣстѣ съ другими князьями, дѣйствительно, желалъ имѣть въ своей странѣ епископа и учителя, который бы могъ сказать истую христіанскую вѣру моравамъ языкомъ славянскимъ. Но изъ переговоровъ царя съ св. Константиномъ видно, что оба они имѣли въ виду на этотъ разъ только удовлетвореніе главной потребности славянъ,—наставленіе ихъ въ вѣрѣ посредствомъ родной ихъ рѣчи; о посвященіи же св. Константина въ санъ епископскій при этомъ не упомянуто ни однимъ словомъ. Въ житіи св. Константина сказано только, что когда изобрѣтены были имъ славянскія письмена и даже начать было переводъ на нихъ евангелія, то „возвеселися царь, и Бога прославя и посла в сѣ дары многы“. Въ отвѣтномъ своемъ посланіи къ Ростиславу царь, указывая на изобрѣтеніе буквъ и на самого ихъ изобрѣтателя и рекомендуя тѣмъ и другаго, называетъ св. Константина только—„мужемъ честнымъ и благовѣрнымъ, книжнымъ и философомъ“; между тѣмъ весьма необходимо было царю въ этой грамотѣ упомянуть и о той высшей іерархической степени, въ которую онъ посвященъ былъ въ данномъ случаѣ нарочито, во исполненіе желанія моравскихъ князей. Затѣмъ, въ теченіе всей 40-мѣсячной дѣятельности св. братьевъ въ Моравіи до самаго путешествія ихъ въ Римъ, ничего не сказано о епископствѣ св. Константина. Напро-

тивъ, видно, что св. Константинъ въ Моравіи не могъ дѣлать то, на что имѣетъ право въ своей епархіи всякій самостоятельный епископъ. Переведя богослужебныя книги на славянскій языкъ и обучивъ учениковъ своихъ „утрени, годинамъ, обѣднѣ, и вечерни, и навечерниці, и тайнѣй службъ“, онъ однакоже не могъ рукоположить этихъ учениковъ въ священныя степени для совершенія славянскаго богослуженія: „и иде“, сказано въ житіи „въ Римъ святить ученикъ своихъ“¹⁾. И во время пребыванія св. Константина въ Римѣ о немъ говорится только какъ о философѣ, но не о епископѣ. Уваженіе, оказанное ему папою и всѣмъ народомъ въ Римѣ при встрѣчѣ и, затѣмъ, такъ осязательно доказанное почетнымъ погребеніемъ его и положеніемъ въ церкви св. Климента, достаточно объясняется святостію его жизни, обширною ученостію, громаднымъ значеніемъ для славянскаго міра, особенно же чудеснымъ открытіемъ чрезъ него и принесеніемъ въ Римъ мощей св. Климента, папы Римскаго. При повѣствованіи о смерти св. Кирилла, прощаніи его съ братомъ св. Меодіемъ и предсмертной молитвѣ о новопросвѣщенномъ стадѣ славянскомъ ничего не говорится о передачѣ св. Кирилломъ своего епископства св. Меодію.

Мнѣніе о епископствѣ св. Константина не подтверждается, а напротивъ, скорѣе опровергается также и другими историческими свидѣтельствами, современными св. равноап. братьямъ или къ нимъ по времени близкими. Такъ, Анастасій Библіотекаръ, лично знавшій св. Константина и бывшій съ нимъ въ весьма хорошихъ отношеніяхъ, не говоритъ о немъ иначе, какъ о философѣ, или же—о мужѣ великомъ и примѣрѣ апостольской жизни, о мужѣ великой святости. Папа Адріанъ, увѣдомляя князей моравскихъ и народъ о кончинѣ св. Кирилла, говоритъ о немъ только какъ объ учителѣ и про-

¹⁾ Которые и были тамъ посвящены двумя епископами (Формозомъ и Гонрѣдихомъ), по повелѣнію папы Адріана.

свѣтителѣ славянскаго языка и философѣ, трудившемся въ славянскихъ странахъ. Пана Іоаннъ VIII въ своихъ посланіяхъ также называетъ св. Константина философомъ, между тѣмъ какъ св. Меодія титулуется: *reverentissimus archiepiscopus pannoniensis ecclesiae*. Жизнеописатель св. Климента Болгарскаго, владѣвшій точными и подробными свѣденіями какъ о Климентѣ, такъ и о св. его наставникахъ и по времени жизни недалекій отъ св. братьевъ, называетъ св. Кирилла только философомъ, иногда наряду съ его братомъ, котораго именуетъ архіепископомъ, и проч.

Съ этими историческими свидѣтельствами находится съ древнѣйшихъ временъ въ полномъ согласіи взглядъ Церкви, дѣлающей различіе между св. Кирилломъ и Меодіемъ, по ихъ положенію и іерархической степени. Памятникомъ того, какъ смотрѣла Церковь издревле на св. первоучителей славянскихъ, служатъ похвальные имъ слова, древнѣйшія святцы и календари, а также службы. Начало похвальныхъ словъ св. братьямъ восходить ко времени никакъ не позже XI в. Въ тѣхъ эпитетахъ, которые здѣсь усвояются одному и другому первоучителямъ нашимъ, весьма замѣтно стараніе обозначить разницу въ санѣ того и другаго. Именно: между тѣмъ какъ св. Меодію довольно часто здѣсь, иногда даже на ряду съ св. Кирилломъ, называется епископомъ и архіепископомъ¹⁾, св. Кирилъ обозначается только общими именами: учитель, наставникъ, наизъ, философъ, святой челевѣкъ, Божій челевѣкъ и т. п. Разница въ санѣ того и другаго прямо обозначается также и въ древнѣйшихъ святцахъ и календаряхъ, гдѣ имена нашихъ первоучителей встрѣчаются уже съ XI в. Напр.,

¹⁾ »Учитель словеномъ, первый архіепископъ«; »блаженный отецъ нашъ и учитель Меодій, архіепископъ Моравскій«; или еще: »слово похвально святымъ и преславнымъ учителямъ словенску языку, ... блаженному Киряллу и архіепископу Паннонскому Меодію«.

въ Остромировомъ Евангеліи (XI в.), подъ 14 февр., находимъ: преподобнаго отца нашего Константина, нарицаемаго въ чернечество именемъ Курила; въ древнемъ Ватиканскомъ Евангеліи, подъ 5 апр., помѣщены оба просвѣтителі такъ: память оуспениѣ прѣподобнаго отца нашего Мееодіа архієпископа вышняя Моравы брата прѣподобнаго Курила философа. Подобныхъ отмѣтокъ можно указать множество въ древнѣйшихъ минеяхъ, тріодахъ, прологахъ и подобныхъ рукописяхъ XI, XII, XIII и отчасти XIV вв.

Наконецъ, такое же различіе по сану между св. братьями Церковь также весьма опредѣленно выражаетъ въ службахъ, составленныхъ этимъ святымъ. Начало службъ св. Кириллу и Мееодію восходитъ чуть ли не къ X в. Съ 40-хъ годовъ настоящаго столѣтія эти службы стали открываться и издаваться въ разныхъ спискахъ. Въ настоящемъ году, по благословенію св. Синода, сводный текстъ этихъ службъ былъ изданъ вмѣстѣ съ общей службой обоимъ святымъ и Четы-Минейнымъ ихъ житіемъ. Общая служба преподобнымъ отцомъ нашимъ, равноапостольнымъ Мееодію и Кириллу, учителемъ словенскимъ, не заключаетъ ¹⁾ въ себѣ частнѣйшихъ опредѣленій того и другаго первоучителя славянскаго, соотвѣтственно сану ихъ. Такія именно опредѣленія представляютъ отдѣльныя службы св. Константину и св. Мееодію. Служба св. Константину (на 14 февр.) подписывается такъ: „преподобнаго отца нашего Константина философа, во мнѣхъ претвореннаго именемъ Курилла, учителя словенскому языку“. Въ текстъ службы св. Кириллу усвояются слѣдующіе эпитеты: Кирилле блаженне, всеблаженне, преславне, мудре, премудре, учителю, о философе, преподобне отче. Если нѣкоторые изъ

¹⁾ Кажется, — отъ того, что самая эта служба — весьма недавняго происхожденія.

этихъ именъ обозначаютъ личныя качества св. Кирилла, то другія (преподобіе отче, блаженно, всеблаженно) указываютъ именно на его іерархическую степень (священство) и чинъ (иночество). Совсѣмъ иначе обозначается св. Меодій въ службѣ, ему составленной. Служба эта (на 6 апр.) надписывается такимъ образомъ: „преподобнаго отца нашего Меодія учителя словеномъ, архіепископа Моравскаго“. Въ обращеніи къ св. Меодію ему усвояются такія имена: святителю, отче Меодіе, пастырь великій словеномъ, архіерей по чину Аарону вѣрнымъ блаже и пр. Такіе эпитеты, прилагаемые только къ одному св. Меодію показываютъ, что только онъ одинъ имѣлъ санъ святителя, или епископа, и архіерей и великаго пастыря словеномъ, или архіепископа. Въ тропарѣ 9 пѣсни канона св. Меодія имена св. Кирилла и Меодія поставлены даже рядомъ, при томъ съ эпитетами ясно различающими ихъ по сану; онъ читается такъ: „иμούца, святая, прю о святѣй Троицѣ, Кирилле и преподобне, Меодіе святителю, стадо ваю святое, ходище по земли странное сохраниа, растита молитвами своими блаженная“.

Приведенныя выше данныя утверждаютъ въ мысли, что св. Кириллъ епископомъ совсѣмъ не былъ и что сама Церковь какъ въ древнія времена не приписывала св. Кириллу епископства, такъ и въ настоящее время склоняется къ тому же. Правда, вмѣстѣ съ отдѣльными службами св. братьямъ, въ которыхъ такъ ясно обозначается различіе ихъ между собою по сану, издано еще и Четы-Минейное сказаніе о св. первоучителяхъ, составленное св. Димитріемъ Ростовскимъ, безъ всякой поправки въ немъ; но это показываетъ только мудрую осторожность и глубокое уваженіе въ отношеніи къ мнѣніямъ, существовавшимъ у насъ довольно продолжительное время и освященнымъ авторитетомъ св. Димитрія.

Въ настоящее время наука представила и объясненіе того, какимъ образомъ могло сложиться въ старину у насъ на Руси, вопреки древнѣйшимъ письменнымъ памятникамъ, представленіе о

епископствѣ св. Кирилла. Источникомъ этого представленія были частію описки, частію догадки, недоразумѣнія и даже измышленія, которыя стали входить въ продолжныя житія съ XIV ст. и особенно умножились въ XV—XVI ст.¹⁾ Причисленный въ этихъ продолжныхъ житіяхъ къ разряду епископовъ, св. Кириллъ тѣмъ болѣе продолжалъ пользоваться этимъ званіемъ, чѣмъ менѣе справлялись съ древнѣйшими источниками, чѣмъ глубже затиралось въ памяти подробности его дѣйствительной жизни и чѣмъ ярче выступала въ сознаніи одна общая обоимъ братьямъ черта,—обращеніе славянъ въ христіанство, изобрѣтеніе нисѣма и переводъ на славянскій языкъ св. Писанія. Такъ съ епископствомъ, во второй половинѣ XVI в., перешелъ онъ и въ нынѣшнюю Четьи-Минею, бывшую важнѣйшимъ и непрекаемымъ источникомъ свѣдѣній до новѣйшаго времени.

Итакъ, хотя мнѣніе о епископствѣ св. Кирилла до послѣдняго времени было у насъ почти общепринятымъ, однако, лишнее историческихъ для себя основаній, не имѣющее поддержки и въ общемъ голосѣ Церкви, оно должно уступить мѣсто другому мнѣнію, имѣющему за собою всю несомнѣнную первобытную исторію, именно, что св. Кириллъ не былъ епископомъ, а лишь пресвитеромъ, принявшимъ передъ смертію своею въ Римѣ постриженіе въ монашество или схи́му²⁾. Теперь самъ собою рѣшается вопросъ и о томъ, въ какомъ видѣ слѣдуетъ изображать св. Меодія и Кирилла,—обомъ ли въ санѣ епископскомъ или только первого изъ нихъ. Св. Кирилла слѣдуетъ изображать въ видѣ пресви-

¹⁾ См. объ этомъ Журн. Мин. Нар. Просв., 1885, апр., въ ст. > Былъ ли св. Кириллъ Солунскій епископъ? < стр. 169—171.

²⁾ Мы не касаемся здѣсь, ссылокъ католиковъ и нѣкоторыхъ нашихъ ученыхъ, въ защиту епископства Кирилла, на италіанскую легенду, а также на новооткрытыя фрески въ церкви св. Климента въ Римѣ. Замѣтимъ только, что первое свидѣтельство уничтожается Панвонскими житіями и др. болѣе важными памятниками, а вторыя относятся ко времени, когда память о св. Кириллѣ и Меодіѣ въ Римѣ была затмѣена.

тера—инока, а св. Меѳодіа—въ видѣ епископа; точнѣе св. Кириллъ долженъ изображаться въ священнической ризѣ со схимой на головѣ, но безъ омофора, съ хартіей или книгой въ лѣвой рукѣ, содержащей (хартіей ..) начертанными славянскія письма, и благословляющей правой рукой, святой же Меѳодій—съ омофоромъ, возложеннымъ на верхъ священнической ризы, евангеліемъ въ лѣвой рукѣ и крестомъ въ правой ¹⁾ Впрочемъ, имѣя въ виду то, что 1) вопросъ объ іерархической степени св. Кирилла, наклоняясь къ рѣшенію не въ пользу его епископства, все таки еще состоятъ въ числѣ нерѣшенныхъ безусловно и окончательно и что 2) самъ св. Синодъ, издавъ древнія службы св. братьямъ, въ которыхъ (сл.) такъ ясно обозначено различіе между ими обоями по ихъ сану, тѣмъ не менѣе издалъ здѣсь же, въ одной съ ними книжкѣ, и Четьи-Минейное житіе ихъ, безъ всякихъ поправокъ въ немъ, мы полагаемъ, что не будетъ въ настоящее время особеннымъ грѣхомъ и то, если кто либо пожелаетъ изобразить св. братьевъ по прежнему,—обоихъ въ видѣ епископовъ.

И. Петрушевскій.

Внушительная Рѣчь благочиннаго къ священникамъ.

На съѣздѣ духовенства 3-го шацкого благочинническаго округа, мѣстный благочинный, о. Викторъ, послѣ рѣшенія другихъ вопросовъ, пользуясь случаемъ, поднялъ вопросъ и о церковно-приходскихъ школахъ. При этомъ онъ обратился къ своимъ собратіямъ съ горячею и сильною, хотя и краткою рѣчью, которую мы позволимъ себѣ привести здѣсь, благодаря ея опубликованію въ губернскомъ листкѣ.

¹⁾ Какъ на образецъ подобныхъ изображеній можемъ указать на иконы Млѣшана (изд. 1885, СПб.),—изображеніе св. братьевъ въ странномъ ихъ житіи, изд. СПб.—скимъ Славянск. Благотвор. Обществомъ, а также—при житіи св. Кирилла и Мефодія, изд. Народной Библіотеки, Москва, 1885 г.

„Отцы! Мы называемся свѣтъ міру. Таковы ли мы на самомъ дѣлѣ? Свѣтимъ ли мы нашимъ прихожанамъ, чтобы они не сблизь съ истиннаго пути житейскаго, а въ особенности — съ пути къ царствію небесному? Нынѣ время не то, чтобы быть намъ только требоисправителями, — нынѣ нельзя довольствоваться одною церковною проповѣдью, — она не освѣтитъ всѣхъ опасностей на сказанныхъ двухъ путяхъ. Требуется больше и усердіе учить намъ своихъ прихожанъ. Горе намъ, если врагъ застанетъ насъ спящими. Печальный примѣръ этого — возникновеніе штунды въ южно-русскихъ губерніяхъ. Благодаря Высочайше дарованнымъ нынѣ правамъ на открытіе церковно-приходскихъ школъ, мы имѣемъ удобный способъ просвѣщать своихъ прихожанъ, беречь ихъ отъ враговъ и себя отъ опасности. Въ школѣ — коренная сила духовенства, самый вѣрный способъ сродниться намъ съ прихожанами. Я говорю вамъ это по собственному опыту. Школа же даетъ намъ множество помощниковъ въ распространеніи религіозныхъ и нравственныхъ истинъ въ приходѣ; на нашу долю останется только трудъ руководить этими помощниками... Друзья! Шариковскій Андронъ ¹⁾ можетъ посрамить насъ на этомъ и на будущемъ свѣтѣ. Этотъ человѣкъ владѣлъ только искусствомъ читать и писать и сумѣлъ передать свое знаніе всѣмъ молодымъ людямъ деревни Шарика; а мы и познаваніями пренебрегаемъ, владѣемъ и искусствомъ передавать ихъ другимъ, — не достаетъ намъ только ревности Андрона. Какія матеріальныя средства были у Андрона? — У него, кромѣ землянки, ничего не было, — но эта бѣдность не помѣшала Авдрону просвѣщать своихъ односельцевъ свѣтомъ разумія. Мы не можемъ тоже хвалиться богатствомъ, хотя и богаче Андрона; значитъ, бѣдность не можетъ намъ препятствовать обученію прихожанъ. Андронъ безапелляціонно осудитъ насъ, если мы не возьмемъ за школы. Итакъ, не смотря ни на какія препятствія, поусердіе возьмемъ за школы, тогда явится намъ помощь Божія и начальства.

¹⁾ Андронъ — мѣстный крестьянинъ дер. Шарика, шацкого уѣзда, умершій въ октябрѣ мѣсяцѣ прошлаго года. Ученики Андрона похоронили своего учителя со славою: отнесли его на головахъ въ приходскій храмъ, отстоящій за 6 верстъ отъ дер. Шарика.

Редакторъ Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архимандритъ *Приней*.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 30 іюля 1885 г. Цензоръ прот. М. Богдановъ.
Тип. Г. Т. Горчака-Новицкаго, Михайлов. ул., собств. домъ.